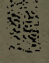
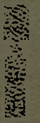
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

24





АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

* * *

ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА
ТОМА XVIII—XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · ЛЕНИНГРАД
1982

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ЗА 1876 ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · ЛЕНИНГРАД
1982

Д $\frac{4702010100-570}{042(02)-82}$ Подписное.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

Ежемесячное издание

1876

НОЯБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРОТКАЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

ОТ АВТОРА

Я прошу извинения у моих читателей, что на сей раз вместо «Дневника» в обычной его форме даю лишь повесть. Но я действительно занят был этой повестью бо́льшую часть месяца. Во всяком случае прошу снисхождения читателей.

Теперь о самом рассказе. Я озаглавил его «фантастическим», тогда как считаю его сам в высшей степени реальным. Но фантастическое тут есть действительно, и именно в самой форме рассказа, что и нахожу нужным пояснить предварительно.

Дело в том, что это не рассказ и не записки. Представьте себе мужа, у которого лежит на столе жена, самоубийца, несколько часов перед тем выбросившаяся из окошка. Он в смятении и еще не успел собрать своих мыслей. Он ходит по своим комнатам и старается осмыслить случившееся, «собрать свои мысли в точку». Притом это закоренелый ипохондрик, из тех, что говорят сами с собою. Вот он и говорит сам с собой, рассказывает дело, *уясняет* себе его. Несмотря на кажущуюся последовательность речи, он несколько раз противуречит себе, и в логике и в чувствах. Он и оправдывает себя, и обвиняет ее, и пускается в посторонние разъяснения: тут и грубость мысли и сердца, тут и глубокое чувство. Мало-помалу он действительно *уясняет* себе дело и собирает «мысли в точку». Ряд вызванных им воспоминаний неотразимо приводит его наконец к *правде*; правда неотразимо возвышает его ум и сердце. К концу даже тон рассказа изменяется сравнительно с беспорядочным началом его. Истина открывается несчастному довольно ясно и определительно, по крайней мере для него самого.

Вот тема. Конечно, процесс рассказа продолжается несколько часов, с урывками и перемежками и в форме сбивчивой: то он говорит сам себе, то обращается как бы к невидимому слушателю, к какому-то судье. Да так всегда и бывает в действительности. Если б мог подслушать его и всё записать за ним стенограф, то вышло бы несколько шершавее, необделаннее, чем представлено у меня, но, сколько мне кажется, психологический порядок, может быть, и остался бы тот же самый. Вот это предположение о записавшем всё стенографе (после которого я обделал бы записанное) и есть то, что я называю в этом рассказе фантастическим. Но отчасти подобное уже не раз допускалось в искусстве: Виктор Гюго, например, в своем шедевре «Последний день приговоренного к смертной казни» употребил почти такой же прием и хоть и не вывел стенографа, но допустил еще бóльшую неправдоподобность, предположив, что приговоренный к казни может (и имеет время) вести записки не только в последний день свой, но даже в последний час и буквально в последнюю минуту. Но не допусти он этой фантазии, не существовало бы и самого произведения — самого реальнейшего и самого правдивейшего произведения из всех им написанных.

I. КТО БЫЛ Я И КТО БЫЛА ОНА

...Вот пока она здесь — еще всё хорошо: подхожу и смотрю поминутно; а унесут завтра и — как же я останусь один? Она теперь в зале на столе, составили два ломберных, а гроб будет завтра, белый, белый гроденапль, а впрочем, не про то... Я всё хожу и хочу себе уяснить это. Вот уже шесть часов, как я хочу уяснить и всё не соберу в точку мыслей. Дело в том, что я всё хожу, хожу, хожу... Это вот как было. Я просто расскажу по порядку. (Порядок!) Господа, я далеко не литератор, и вы это видите, да и пусть, а расскажу, как сам понимаю. В том-то и весь ужас мой, что я всё понимаю!

Это если хотите знать, то есть если с самого начала брать, то она просто-запросто приходила ко мне тогда закладывать вещи, чтоб оплатить публикацию в «Голосе» о том, что вот, дескать, так и так, гувернантка, согласна и в отъезд, и уроки давать на дому, и проч., и проч. Это было в самом начале, и я, конечно, не различал ее от других: приходит как все, ну и прочее. А потом стал различать. Была она такая тоненькая, белокуренькая, средневысокого роста; со мной всегда мешковата, как будто конфузилась (я думаю, и со всеми чужими была такая же, а я, разумеется, ей был всё равно что тот, что другой, то есть если брать как не закладчика, а как человека). Только что получала деньги, тотчас же повертывалась и уходила. И всё молча. Другие так спорят, просят, торгуются, чтоб больше дали; эта нет, что дадут... Мне кажется, я всё путаюсь... Да; меня прежде всего поразили ее

вещи: серебряные позолоченные сережечки, дрянненький медальончик — вещи в двугривенный. Она и сама знала, что цена им гривенник, но я по лицу видел, что они для нее драгоценность, — и действительно, это всё, что оставалось у ней от папаши и мамаши, после узнал. Раз только я позволил себе усмехнуться на ее вещи. То есть, видите ли, я этого себе никогда не позволяю, у меня с публикой тон джентльменский: мало слов, вежливо и строго. «Строго, строго и строго». Но она вдруг позволила себе принести остатки (то есть буквально) старой заячьей куцавейки, — и я не удержался и вдруг сказал ей что-то, вроде как бы остроты. Батюшки, как вспыхнула! Глаза у ней голубые, большие, задумчивые, но — как загорелись! Но ни слова не выронила, взяла свои «остатки» и — вышла. Тут-то я и заметил ее в первый раз *особенно* и подумал что-то о ней в этом роде, то есть именно что-то в особенном роде. Да; помню и еще впечатление, то есть, если хотите, самое главное впечатление, синтез всего: именно что ужасно молода, так молода, что точно четырнадцать лет. А меж тем ей тогда уж было без трех месяцев шестнадцать. А впрочем, я не то хотел сказать, вовсе не в том был синтез. Назавтра опять пришла. Я узнал потом, что она у Добронравова и у Мозера с этой куцавейкой была, но те, кроме золота, ничего не принимают и говорить не стали. Я же у ней принял однажды камей (так, дрянненький) — и, осмыслив, потом удивился: я, кроме золота и серебра, тоже ничего не принимаю, а ей допустил камей. Это вторая мысль об ней тогда была, это я помню.

В этот раз, то есть от Мозера, она принесла сигарный янтарный мундштук — вещица так себе, любительская, но у нас опять-таки ничего не стоящая, потому что мы — только золото. Так как она приходила уже после вчерашнего *бунта*, то я встретил ее строго. Строгость у меня — это сухость. Однако же, выдавая ей два рубля, я не удержался и сказал как бы с некоторым раздражением: «Я ведь это только *для вас*, а такую вещь у вас Мозер не примет». Слово «для вас» я особенно подчеркнул, и именно в *некотором смысле*. Зол был. Она опять вспыхнула, выслушав это «для вас», но смолчала, не бросила денег, приняла, — то-то бедность! А как вспыхнула! Я понял, что уколол. А когда она уже вышла, вдруг спросил себя: так неужели же это торжество над ней стоит двух рублей? Хе-хе-хе! Помню, что задал именно этот вопрос два раза: «Стоит ли? стоит ли?» И, смеясь, разрешил его про себя в утвердительном смысле. Очень уж я тогда развеселился. Но это было не дурное чувство: я с умыслом, с намерением; я ее испытать хотел, потому что у меня вдруг забродили некоторые на ее счет мысли. Это была третья *особенная* моя мысль об ней.

... Ну вот с тех пор всё и началось. Разумеется, я тотчас же постарался разузнать все обстоятельства стороной и ждал ее прихода с особенным нетерпением. Я ведь предчувствовал, что она

скоро придет. Когда пришла, я вступил в любезный разговор с необычайною вежливостью. Я ведь недурно воспитан и имею манеры. Гм. Тут-то я догадался, что она добра и кротка. Добрые и кроткие недолго сопротивляются и хоть вовсе не очень открываются, но от разговора увернуться никак не умеют: отвечают скупо, но отвечают, и чем дальше, тем больше, только сами не уставайте, если вам надо. Разумеется, она тогда мне сама ничего не объяснила. Это потом уже про «Голос» и про всё я узнал. Она тогда из последних сил публиковалась, сначала, разумеется, заносчиво: «Дескать, гувернантка, согласна в отъезд, и условия присылать в пакетах», а потом: «Согласна на всё, и учить, и в компаньонки, и за хозяйством смотреть, и за больной ходить, и шить умею», и т. д., и т. д., всё известное! Разумеется, всё это прибавлялось к публикации в разные приемы, а под конец, когда к отчаянию подошло, так даже и «без жалованья, из хлеба». Нет, не нашла места! Я решился ее тогда в последний раз испытать: вдруг беру сегодняшний «Голос» и показываю ей объявление: «Молодая особа, круглая сирота, ищет места гувернантки к малолетним детям, преимущественно у пожилого вдовца. Может облегчить в хозяйстве».

— Вот, видите, эта сегодня утром публиковалась, а к вечеру наверно место нашла. Вот как надо публиковаться!

Опять вспыхнула, опять глаза загорелись, повернулась и тотчас ушла. Мне очень понравилось. Впрочем, я был тогда уже во всем уверен и не боялся: мундштуки-то никто принимать не станет. А у ней и мундштуки уже вышли. Так и есть, на третий день приходит, такая бледненькая, взволнованная, — я понял, что у ней что-то вышло дома, и действительно вышло. Сейчас объясню, что вышло, но теперь хочу лишь припомнить, как я вдруг ей тогда шику задал и вырос в ее глазах. Такое у меня вдруг явилось намерение. Дело в тòм, что она принесла этот образ (решилась принести)... Ах, слушайте! слушайте! Вот теперь уже началось, а то я всё путался... Дело в том, что я теперь всё это хочу припомнить, каждую эту мелочь, каждую черточку. Я всё хочу в точку мысли собрать и — не могу, а вот эти черточки, черточки...

Образ богородицы. Богородица с младенцем, домашний, семейный, старинный, риза серебряная золоченая — стоит — ну, рублей шесть стоит. Вижу, дорог ей образ, закладывает весь образ, ризы не снимая. Говорю ей: лучше бы ризу снять, а образ унесите; а то образ все-таки как-то того.

— А разве вам запрещено?

— Нет, не то что запрещено, а так, может быть, вам самим...

— Ну, снимите.

— Знаете что, я не буду снимать, а поставлю вон туда в киот, — сказал я, подумав, — с другими образами, под лампадкой (у меня всегда, как открыл кассу, лампадка горела), и просто-запросто возьмите десять рублей.

— Мне не надо десяти, дайте мне пять, я непременно выкуплю.

— А десять не хотите? Образ стоит, — прибавил я, заметив, что опять глазки сверкнули. Она смолчала. Я вынес ей пять рублей.

— Не презирайте никого, я сам был в этих тисках, да еще похуже-с, и если теперь вы видите меня за таким занятием... то ведь это после всего, что я вынес...

— Вы мстите обществу? Да? — перебила она меня вдруг с довольно едкой насмешкой, в которой было, впрочем, много невинного (то есть общего, потому что меня она решительно тогда от других не отличала, так что почти безобидно сказала). «Ага! — подумал я, — вот ты какая, характер объявляется, нового направления».

— Видите, — заметил я тотчас же полушутливо-полутаинственно. — «Я — я есмь часть той части целого, которая хочет делать зло, а творит добро...»

Она быстро и с большим любопытством, в котором, впрочем, было много детского, посмотрела на меня:

— Постойте... Что это за мысль? Откуда это? Я где-то слышала...

— Не ломайте головы, в этих выражениях Мефистофель рекомендуется Фаусту. «Фауста» читали?

— Не... невнимательно.

— То есть не читали вовсе. Надо прочесть. А впрочем, я вижу опять на ваших губах насмешливую складку. Пожалуйста, не предположите во мне так мало вкуса, что я, чтобы закрасить мою роль закладчика, захотел отрекомендоваться вам Мефистофелем. Закладчик закладчиком и останется. Знаем-с.

— Вы какой-то странный... Я вовсе не хотела вам сказать что-нибудь такое...

Ей хотелось сказать: я не ожидала, что вы человек образованный, но она не сказала, зато я знал, что она это подумала; ужасно я угодил ей.

— Видите, — заметил я, — на всяком поприще можно делать хорошее. Я конечно не про себя, я, кроме дурного, положим, ничего не делаю, но...

— Конечно можно делать и на всяком месте хорошее, — сказала она, быстрым и проникнутым взглядом смотря на меня. — Именно на всяком месте, — вдруг прибавила она. О, я помню, я все эти мгновения помню! И еще хочу прибавить, что когда эта молодежь, эта милая молодежь, захочет сказать что-нибудь такое умное и проникнутое, то вдруг слишком искренно и наивно покажет лицом, что «вот, дескать, я говорю тебе теперь умное и проникнутое», — и не то чтоб из тщеславия, как наш брат, а так и видишь, что она сама ужасно ценит всё это, и верует, и уважает, и думает, что и вы всё это точно так же, как она, уважаете. О искренность! Вот тем-то и побеждают. А в ней как было прелестно!

Помню, ничего не забыл! Когда она вышла, я разом порешил. В тот же день я пошел на последние поиски и узнал об ней всю остальную, уже текущую подноготную; прежнюю подноготную я знал уже всю от Лукерьи, которая тогда служила у них и которую я уже несколько дней тому подкупил. Эта подноготная была так ужасна, что я и не понимаю, как еще можно было смеяться, как она давеча, и любопытствовать о словах Мефистофеля, сама будучи под таким ужасом. Но — молодежь! Именно это подумал тогда об ней с гордостью и с радостью, потому что тут ведь и великодушие: дескать, хоть и на краю гибели, а великие слова Гете сияют. Молодость всегда хоть капельку и хоть в кривую сторону да великодушна. То есть я ведь про нее, про нее одну. И главное, я тогда смотрел уж на нее как на *мою* и не сомневался в моем могуществе. Знаете, пресладострастная это мысль, когда уж не сомневаешься-то.

Но что со мной? Если я так буду, то когда я соберу всё в точку? Скорей, скорей — дело совсем не в том, о боже!

II. БРАЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

«Подноготную», которую я узнал об ней, объясню в одном слове: отец и мать померли, давно уже, три года перед тем, а осталась она у беспорядочных теток. То есть их мало назвать беспорядочными. Одна тетка вдова, многосемейная, шесть человек детей, мал мала меньше, другая в девках, старая, скверная. Обе скверные. Отец ее был чиновник, но из писарей, и всего лишь личный дворянин — одним словом: всё мне на руку. Я являлся как бы из высшего мира: всё же отставной штабс-капитан блестящего полка, родовой дворянин, независим и проч., а что касса ссуд, то тетки на это только с уважением могли смотреть. У теток три года была в рабстве, но все-таки где-то экзамен выдержала, — успела выдержать, урвалась выдержать, из-под поденной безжалостной работы, — а это значило же что-нибудь в стремлении к высшему и благородному с ее стороны! Я ведь для чего хотел жениться? А впрочем, обо мне наплевать, это потом... И в этом ли дело! Детей теткиных учила, белье шила, а под конец не только белье, а, с ее грудью, и полы мыла. Попросту они даже ее били, попрекали куском. Кончили тем, что намеревались продать. Тьфу! опускаю грязь подробностей. Потом она мне всё подробно передала. Всё это наблюдал целый год соседний толстый лавочник, но не простой лавочник, а с двумя бакалейными. Он уж двух жен усахарил и искал третью, вот и наглядел ее: «Тихая, дескать, росла в бедности, а я для сирот женюсь». Действительно, у него были сироты. Присватался, стал сговариваться с тетками, к тому же — пятьдесят лет ему; она в ужасе. Вот тут-то и зачастила ко мне для публикаций в «Голосе». Наконец, стала просить теток, чтоб только самую капельку

времени дали подумать. Дали ей эту капельку, но только одну, другой не дали, заели: «Сами не знаем, что жрать и без лишнего рта». Я уж это всё знал, а в тот день после утрешнего и порешил. Тогда вечером приехал купец, привез из лавки фунт конфет в полтинник; она с ним сидит, а я вызвал из кухни Лукерью и велел сходить к ней шепнуть, что я у ворот и желаю ей что-то сказать в самом неотложном виде. Я собою остался доволен. И вообще я весь тот день был ужасно доволен.

Тут же у ворот ей, изумленной уже тем, что я ее вызвал, при Лукерье, я объяснил, что сочту за счастье и за честь... Во-вторых, чтоб не удивлялась моей манере и что у ворот: «Человек, дескать, прямой и изучил обстоятельства дела». И я не врал, что прямой. Ну, наплевать. Говорил же я не только прилично, то есть выказав человека с воспитанием, но и оригинально, а это главное. Что ж, разве в этом грешно признаваться? Я хочу себя судить и сужу. Я должен говорить pro и contra,[1] и говорю. Я и после вспоминал про то с наслаждением, хоть это и глупо: я прямо объявил тогда, без всякого смущения, что, во-первых, не особенно талантлив, не особенно умен, может быть, даже не особенно добр, довольно дешевый эгоист (я помню это выражение, я его, дорогой идя, тогда сочинил и остался доволен) и что — очень, очень может быть — заключаю в себе много неприятного и в других отношениях. Всё это сказано было с особенного рода гордостью, — известно, как это говорится. Конечно, я имел настолько вкуса, что, объявив благородно мои недостатки, не пустился объявлять о достоинствах: «Но, дескать, взамен того имею то-то, то-то и это-то». Я видел, что она пока еще ужасно боится, но я не смягчил ничего, мало того, видя, что боится, нарочно усилил: прямо сказал, что сыта будет, ну а нарядов, театров, балов — этого ничего не будет, разве впоследствии, когда цели достигну. Этот строгий тон решительно увлекал меня. Я прибавил, и тоже как можно вскользь, что если я и взял такое занятие, то есть держу эту кассу, то имею одну лишь цель, есть, дескать, такое одно обстоятельство... Но ведь я имел право так говорить: я действительно имел такую цель и такое обстоятельство. Постойте, господа, я всю жизнь ненавидел эту кассу ссуд первый, но ведь, в сущности, хоть и смешно говорить самому себе таинственными фразами, а я ведь «мстил же обществу», действительно, действительно, действительно! Так что острота ее утром насчет того, что я «мщу», была несправедлива. То есть, видите ли, скажи я ей прямо словами: «Да, я мщу обществу», и она бы расхохоталась, как давеча утром, и вышло бы в самом деле смешно. Ну а косвенным намеком, пустив таинственную фразу, оказалось, что можно подкупить воображение. К тому же я тогда уже ничего не боялся: я ведь знал, что толстый лавочник во всяком случае ей гаже меня и что я, стоя у ворот, являюсь освободителем. Понимал

[1] за и против (*лат.*).

же ведь я это. О, подлости человек особенно хорошо понимает! Но подлости ли? Как ведь тут судить человека? Разве не любил я ее даже тогда уже?

Постойте: разумеется, я ей о благодеянии тогда ни полслова: напротив, о, напротив: «Это *я*, дескать, остаюсь облагодетельствован, а не *вы*». Так что я это даже словами выразил, не удержался, и вышло, может быть, глупо, потому что заметил беглую складку в лице. Но в целом решительно выиграл. Постойте, если всю эту грязь припоминать, то припомню и последнее свинство: я стоял, а в голове шевелилось: ты высок, строен, воспитан и — и наконец, говоря без фанфаронства, ты недурен собой. Вот что играло в моем уме. Разумеется, она тут же у ворот сказала мне «*да*». Но... но я должен прибавить: она тут же у ворот долго думала, прежде чем сказала «*да*». Так задумалась, так задумалась, что я уже спросил было: «Ну что ж?» — и даже не удержался, с этаким шиком спросил: «Ну что же-с?» — с словоерсом.

— Подождите, я думаю.

И такое у ней было серьезное личико, такое — что уж тогда бы я мог прочесть! А я-то обижался: «Неужели, думаю, она между мной и купцом выбирает?» О, тогда я еще не понимал! Я ничего, ничего еще тогда не понимал! До сегодня не понимал! Помню, Лукерья выбежала за мною вслед, когда я уже уходил, остановила на дороге и сказала впопыхах: «Бог вам заплатит, сударь, что нашу барышню милую берете, только вы ей это не говорите, она гордая».

Ну, гордая! Я, дескать, сам люблю гордених. Гордые особенно хороши, когда... ну, когда уж не сомневаешься в своем над ними могуществе, а? О, низкий, неловкий человек! О, как я был доволен! Знаете, ведь у ней, когда она тогда у ворот стояла задумавшись, чтоб сказать мне «да», а я удивлялся, знаете ли, что у ней могла быть даже такая мысль: «Если уж несчастье и там и тут, так не лучше ли прямо самое худшее выбрать, то есть толстого лавочника, пусть поскорей убьет пьяный до смерти!» А? Как вы думаете, могла быть такая мысль?

Да и теперь не понимаю, и теперь ничего не понимаю! Я сейчас только что сказал, что она могла иметь эту мысль: что из двух несчастий выбрать худшее, то есть купца? А кто был для нее тогда хуже — я аль купец? Купец или закладчик, цитующий Гете? Это еще вопрос! Какой вопрос? И этого не понимаешь: ответ на столе лежит, а ты говоришь «вопрос»! Да и наплевать на меня! Не во мне совсем дело... А кстати, что для меня теперь — во мне или не во мне дело? Вот этого так уж совсем решить не могу. Лучше бы спать лечь. Голова болит...

III. БЛАГОРОДНЕЙШИЙ ИЗ ЛЮДЕЙ, НО САМ ЖЕ И НЕ ВЕРЮ

Не заснул. Да и где ж, стучит какой-то пульс в голове. Хочется всё это усвоить, всю эту грязь. О, грязь! О, из какой грязи я тогда ее вытащил! Ведь должна же она была это понимать,

оценить мой поступок! Нравились мне тоже разные мысли, например, что мне сорок один, а ей только что шестнадцать. Это меня пленяло, это ощущение неравенства, очень сладостно это, очень сладостно.

Я, например, хотел сделать свадьбу à l'anglaise,[1] то есть решительно вдвоем, при двух разве свидетелях, из коих одна Лукерья, и потом тотчас в вагон, например хоть в Москву (там у меня кстати же случилось дело), в гостиницу, недели на две. Она воспротивилась, она не позволила, и я принужден был ездить к теткам с почтением, как к родственницам, от которых беру ее. Я уступил, и теткам оказано было надлежащее. Я даже подарил этим тварям по сту рублей и еще обещал, ей, разумеется, про то не сказавши, чтобы не огорчить ее низостью обстановки. Тетки тотчас же стали шелковые. Был спор и о приданом: у ней ничего не было, почти буквально, но она ничего и не хотела. Мне, однако же, удалось доказать ей, что совсем ничего — нельзя, и приданое сделал я, потому что кто же бы ей что сделал? Ну, да наплевать обо мне. Разные мои идеи, однако же, я ей все-таки успел тогда передать, чтобы знала по крайней мере. Поспешил даже, может быть. Главное, она с самого начала, как ни крепилась, а бросилась ко мне с любовью, встречала, когда я приезжал по вечерам, с восторгом, рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) всё свое детство, младенчество, про родительский дом, про отца и мать. Но я всё это упоение тут же обдал сразу холодной водой. Вот в том-то и была моя идея. На восторги я отвечал молчанием, благосклонным, конечно... но всё же она быстро увидала, что мы разница и что я — загадка. А я, главное, и бил на загадку! Ведь для того, чтобы загадать загадку, я, может быть, и всю эту глупость сделал! Во-первых, строгость, — так под строгостью и в дом ее ввел. Одним словом, тогда, ходя и будучи доволен, я создал целую систему. О, без всякой натуги сама собой вылилась. Да и нельзя было иначе, я должен был создать эту систему по неотразимому обстоятельству, — что ж я, в самом деле, клевещу-то на себя! Система была истинная. Нет, послушайте, если уж судить человека, то судить, зная дело... Слушайте.

Как бы это начать, потому что это очень трудно. Когда начнешь оправдываться — вот и трудно. Видите ли: молодежь презирает, например, деньги, — я тотчас же налег на деньги; я напер на деньги. И так налег, что она всё больше и больше начала умолкать. Раскрывала большие глаза, слушала, смотрела и умолкала. Видите ли: молодежь великодушна, то есть хорошая молодежь, великодушна и порывиста, но мало терпимости, чуть что не так — и презрение. А я хотел широкости, я хотел привить широкость прямо к сердцу, привить к сердечному взгляду, не так ли? Возьму пошлый пример: как бы я, например, объяснил мою кассу

[1] по-английски (*франц.*).

ссуд такому характеру? Разумеется, я не прямо заговорил, иначе вышло бы, что я прошу прощения за кассу ссуд, а я, так сказать, действовал гордостью, говорил почти молча. А я мастер молча говорить, я всю жизнь мою проговорил молча и прожил сам с собою целые трагедии молча. О, ведь и я же был несчастлив! Я был выброшен всеми, выброшен и забыт, и никто-то, никто-то этого не знает! И вдруг эта шестнадцатилетняя нахватала обо мне потом подробностей от подлых людей и думала, что всё знает, а сокровенное между тем оставалось лишь в груди этого человека! Я всё молчал, и особенно, особенно с ней молчал, до самого вчерашнего дня, — почему молчал? А как гордый человек. Я хотел, чтоб она узнала сама, без меня, но уже не по рассказам подлецов, а чтобы *сама догадалась* об этом человеке и постигла его! Принимая ее в дом свой, я хотел полного уважения. Я хотел, чтоб она стояла предо мной в мольбе за мои страдания — и я стоил того. О, я всегда был горд, я всегда хотел или всего, или ничего! Вот именно потому, что я не половинщик в счастье, а всего захотел, — именно потому я и вынужден был так поступить тогда: «Дескать, сама догадайся и оцени!» Потому что, согласитесь, ведь если б я сам начал ей объяснять и подсказывать, вилять и уважения просить, — так ведь я всё равно что просил бы милостыни... А впрочем... а впрочем, что ж я об этом говорю!

Глупо, глупо, глупо и глупо! Я прямо и безжалостно (и я напираю на то, что безжалостно) объяснил ей тогда, в двух словах, что великодушие молодежи прелестно, но — гроша не стоит. Почему не стоит? Потому что дешево ей достается, получилось не живши, всё это, так сказать, «первые впечатления бытия», а вот посмотрим-ка вас на труде! Дешевое великодушие всегда легко, и даже отдать жизнь — и это дешево, потому что тут только кровь кипит и сил избыток, красоты страстно хочется! Нет, возьмите-ка подвиг великодушия, трудный, тихий, неслышный, без блеску, с клеветой, где много жертвы и ни капли славы, — где вы, сияющий человек, пред всеми выставлены подлецом, тогда как вы честнее всех людей на земле, — ну-тка, попробуйте-ка этот подвиг, нет-с, откажетесь! А я — я только всю жизнь и делал, что носил этот подвиг. Сначала спорила, ух как, а потом начала примолкать, совсем даже, только глаза ужасно открывала, слушая, большие, большие такие глаза, внимательные. И... и кроме того, я вдруг увидал улыбку, недоверчивую, молчаливую, нехорошую. Вот с этой-то улыбкой я и ввел ее в мой дом. Правда и то, что ей уж некуда было идти...

IV. ВСЁ ПЛАНЫ И ПЛАНЫ

Кто у нас тогда первый начал?

Никто. Само началось с первого шага. Я сказал, что я ввел ее в дом под строгостью, однако с первого же шага смягчил. Еще

невесте, ей было объяснено, что она займется приемом закладов и выдачей денег, и она ведь тогда ничего не сказала (это заметьте). Мало того, — принялась за дело даже с усердием. Ну, конечно, квартира, мебель — всё осталось по-прежнему. Квартира — две комнаты: одна — большая зала, где отгорожена и касса, а другая, тоже большая, — наша комната, общая, тут и спальня. Мебель у меня скудная; даже у теток была лучше. Киот мой с лампадкой — это в зале, где касса; у меня же в комнате мой шкаф, и в нем несколько книг, и укладка, ключи у меня; ну, там постель, столы, стулья. Еще невесте сказал, что на наше содержание, то есть на пищу, мне, ей и Лукерье, которую я переманил, определяется в день рубль и не больше: «Мне, дескать, нужно тридцать тысяч в три года, а иначе денег не наживешь». Она не препятствовала, но я сам возвысил содержание на тридцать копеек. Тоже и театр. Я сказал невесте, что не будет театра, и, однако ж, положил раз в месяц театру быть, и прилично, в креслах. Ходили вместе, были три раза, смотрели «Погоню за счастьем» и «Птицы певчие», кажется. (О, наплевать, наплевать!) Молча ходили и молча возвращались. Почему, почему мы с самого начала принялись молчать? Сначала ведь ссор не было, а тоже молчание. Она всё как-то, помню, тогда исподтишка на меня глядела; я, как заметил это, и усилил молчание. Правда, это я на молчание напер, а не она. С ее стороны раз или два были порывы, бросалась обнимать меня; но так как порывы были болезненные, истерические, а мне надо было твердого счастья, с уважением от нее, то я принял холодно. Да и прав был: каждый раз после порывов на другой день была ссора.

То есть ссор не было, опять-таки, но было молчание и — всё больше и больше дерзкий вид с ее стороны. «Бунт и независимость» — вот что было, только она не умела. Да, это кроткое лицо становилось всё дерзче и дерзче. Верите ли, я ей становился поган, я ведь изучил это. А в том, что она выходила порывами из себя, в этом не было сомнения. Ну как, например, выйдя из такой грязи и нищеты, после мытья-то полов, начать вдруг фыркать на нашу бедность! Видите-с: была не бедность, а была экономия, а в чем надо — так и роскошь, в белье например, в чистоте. Я всегда и прежде мечтал, что чистота в муже прельщает жену. Впрочем, она не на бедность, а на мое будто бы скаредство в экономии: «Цели, дескать, имеет, твердый характер показывает». От театра вдруг сама отказалась. И всё пуще и пуще насмешливая складка... а я усиливаю молчание, а я усиливаю молчание.

Не оправдываться же? Тут главное — эта касса ссуд. Позвольте-с: я знал, что женщина, да еще шестнадцати лет, не может не подчиниться мужчине вполне. В женщинах нет оригинальности, это — это аксиома, даже и теперь, даже и теперь для меня аксиома! Что ж такое, что там в зале лежит: истина есть истина, и тут сам Милль ничего не поделает! А женщина любящая, о,

женщина любящая — даже пороки, даже злодейства любимого существа обоготворит. Он сам не подыщет своим злодействам таких оправданий, какие она ему найдет. Это великодушно, но не оригинально. Женщин погубила одна лишь неоригинальность. И что ж, повторяю, что вы мне указываете там на столе? Да разве это оригинально, что там на столе? О-о!

Слушайте: в любви ее я был тогда уверен. Ведь бросалась же она ко мне и тогда на шею. Любила, значит, вернее — желала любить. Да, вот так это и было: желала любить, искала любить. А главное ведь в том, что тут и злодейств никаких таких не было, которым бы ей пришлось подыскивать оправдания. Вы говорите «закладчик», и все говорят. А что ж что закладчик? Значит, есть же причины, коли великодушнейший из людей стал закладчиком. Видите, господа, есть идеи. . . то есть, видите, если иную идею произнести, выговорить словами, то выйдет ужасно глупо. Выйдет стыдно самому. А почему? Нипочему. Потому, что мы все дрянь и правды не выносим, или уж я не знаю. Я сказал сейчас «великодушнейший из людей». Это смешно, а между тем ведь это так и было. Ведь это правда, то есть самая, самая правденская правда! Да, я *имел право* захотеть себя тогда обеспечить и открыть эту кассу: «Вы отвергли меня, вы, люди то есть, вы прогнали меня с презрительным молчанием. На мой страстный порыв к вам вы ответили мне обидой на всю мою жизнь. Теперь я, стало быть, вправе был оградиться от вас стеной, собрать эти тридцать тысяч рублей и окончить жизнь где-нибудь в Крыму, на Южном берегу, в горах и виноградниках, в своем имении, купленном на эти тридцать тысяч, а главное, вдали от всех вас, но без злобы на вас, с идеалом в душе, с любимой у сердца женщиной, с семьей, если бог пошлет, и — помогая окрестным поселянам». Разумеется, хорошо, что я это сам теперь про себя говорю, а то что могло быть глупее, если б я тогда ей это вслух расписал? Вот почему и гордое молчание, вот почему и сидели молча. Потому, что ж бы она поняла? Шестнадцать-то лет, первая-то молодость, — да что могла она понять из моих оправданий, из моих страданий? Тут прямолинейность, незнание жизни, юные дешевые убеждения, слепота куриная «прекрасных сердец», а главное тут — касса ссуд и — баста (а разве я был злодей в кассе ссуд, разве не видела она, как я поступал и брал ли я лишнее?)! О, как ужасна правда на земле! Эта прелесть, эта кроткая, это небо — она была тиран, нестерпимый тиран души моей и мучитель! Ведь я наклевещу на себя, если этого не скажу! Вы думаете, я ее не любил? Кто может сказать, что я ее не любил? Видите ли: тут ирония, тут вышла злая ирония судьбы и природы! Мы прокляты, жизнь людей проклята вообще! (Моя, в частности!) Я ведь понимаю же теперь, что я в чем-то тут ошибся! Тут что-то вышло не так. Всё было ясно, план мой был ясен как небо: «Суров, горд и в нравственных утешениях ни в чьих не нуждается, страдает молча». Так оно и было, не лгал, не лгал!

«Увидит потом сама, что тут было великодушие, но только она не сумела заметить, — и как догадается об этом когда-нибудь, то оценит вдесятеро и падет в прах, сложа в мольбе руки». Вот план. Но тут я что-то забыл или упустил из виду. Не сумел я что-то тут сделать. Но довольно, довольно. И у кого теперь прощения просить? Кончено так кончено. Смелей, человек, и будь горд! Не ты виноват!..

Что ж, я скажу правду, я не побоюсь стать пред правдой лицом к лицу: *она* виновата, *она* виновата!..

V. КРОТКАЯ БУНТУЕТ

Ссоры начались с того, что она вдруг вздумала выдавать деньги по-своему, ценить вещи выше стоимости и даже раза два удостоила со мной вступить на эту тему в спор. Я не согласился. Но тут подвернулась эта капитанша.

Пришла старуха капитанша с медальоном — покойного мужа подарок, ну, известно, сувенир. Я выдал тридцать рублей. Принялась жалобно ныть, просить, чтоб сохранили вещь, — разумеется, сохраним. Ну, одним словом, вдруг через пять дней приходит обменять на браслет, который не стоил и восьми рублей; я, разумеется, отказал. Должно быть, она тогда же угадала что-нибудь по глазам жены, но только она пришла без меня, и та обменяла ей медальон.

Узнав в тот же день, я заговорил кротко, но твердо и резонно. Она сидела на постели, смотрела в землю, щелкая правым носком по коврику (ее жест); дурная улыбка стояла на ее губах. Тогда я, вовсе не возвышая голоса, объявил спокойно, что деньги *мои*, что я имею право смотреть на жизнь *моими* глазами, и — что когда я приглашал ее к себе в дом, то ведь ничего не скрыл от нее.

Она вдруг вскочила, вдруг вся затряслась и — что бы вы думали — вдруг затопала на меня ногами; это был зверь, это был припадок, это был зверь в припадке. Я оцепенел от изумления: такой выходки я никогда не ожидал. Но не потерялся, я даже не сделал движения и опять прежним спокойным голосом прямо объявил, что с сих пор лишаю ее участия в моих занятиях. Она захохотала мне в лицо и вышла из квартиры.

Дело в том, что выходить из квартиры она не имела права. Без меня никуда, таков был уговор еще в невестах. К вечеру она воротилась; я ни слова.

Назавтра тоже с утра ушла, напослезавтра опять. Я запер кассу и направился к теткам. С ними я с самой свадьбы прервал — ни их к себе, ни сами к ним. Теперь оказалось, что она у них не была. Выслушали меня с любопытством и мне же насмеялись в глаза: «Так вам, говорят, и надо». Но я и ждал их смеха. Тут же младшую тетку, девицу, за сто рублей подкупил и двадцать пять дал вперед. Через два дня она приходит ко мне: «Тут, говорит, офицер, Ефимович, поручик, бывший ваш прежний товарищ в полку, замешан». Я был очень изумлен. Этот Ефимо-

вич более всего зла мне нанес в полку, а с месяц назад, раз и другой, будучи бесстыден, зашел в кассу под видом закладов и, помню, с женой тогда начал смеяться. Я тогда же подошел и сказал ему, чтоб он не осмеливался ко мне приходить, вспомня наши отношения; но и мысли об чем-нибудь таком у меня в голове не было, а так просто подумал, что нахал. Теперь же вдруг тетка сообщает, что с ним у ней уже назначено свидание и что всем делом орудует одна прежняя знакомая теток, Юлия Самсоновна, вдова, да еще полковница, — «к ней-то, дескать, ваша супруга и ходит теперь».

Эту картину я сокращу. Всего мне стоило это дело рублей до трехсот, но в двое суток устроено было так, что я буду стоять в соседней комнате, за притворенными дверями, и слышать первый rendez-vous[1] наедине моей жены с Ефимовичем. В ожидании же, накануне, произошла у меня с ней одна краткая, но слишком знаменательная для меня сцена.

Воротилась она перед вечером, села на постель, смотрит на меня насмешливо и ножкой бьет о коврик. Мне вдруг, смотря на нее, влетела тогда в голову идея, что весь этот последний месяц, или, лучше, две последние перед сим недели, она была совсем не в своем характере, можно даже сказать — в обратном характере: являлось существо буйное, нападающее, не могу сказать бесстыдное, но беспорядочное и само ищущее смятения. Напрашивающееся на смятение. Кротость, однако же, мешала. Когда этакая забуйствует, то хотя бы и перескочила меру, а всё видно, что она сама себя только ломит, сама себя подгоняет и что с целомудрием и стыдом своим ей самой первой справиться невозможно. Оттого-то этакие и выскакивают порой слишком уж не в мерку, так что не веришь собственному наблюдающему уму. Привычная же к разврату душа, напротив, всегда смягчит, сделает гаже, но в виде порядка и приличия, который над вами же имеет претензию превосходствовать.

— А правда, что вас из полка выгнали за то, что вы на дуэль выйти струсили? — вдруг спросила она, с дубу сорвав, и глаза ее засверкали.

— Правда; меня, по приговору офицеров, попросили из полка удалиться, хотя, впрочем, я сам уже перед тем подал в отставку.

— Выгнали как труса?

— Да, они присудили как труса. Но я отказался от дуэли не как трус, а потому, что не захотел подчиниться их тираническому приговору и вызывать на дуэль, когда не находил сам обиды. Знайте, — не удержался я тут, — что восстать действием против такой тирании и принять все последствия — значило выказать гораздо более мужества, чем в какой хотите дуэли.

Я не сдержался, я этой фразой как бы пустился в оправдание себя; а ей только этого и надо было, этого нового моего унижения. Она злобно рассмеялась.

[1] свидание (*франц.*).

— А правда, что вы три года потом по улицам в Петербурге как бродяга ходили, и по гривеннику просили, и под биллиардами ночевали?

— Я и на Сенной в доме Вяземского ночевывал. Да, правда; в моей жизни было потом, после полка, много позора и падения, но не нравственного падения, потому что я сам же первый ненавидел мои поступки даже тогда. Это было лишь падение воли моей и ума и было вызвано лишь отчаянием моего положения. Но это прошло. . .

— О, теперь вы лицо — финансист!

То есть это намек на кассу ссуд. Но я уже успел сдержать себя. Я видел, что она жаждет унизительных для меня объяснений и — не дал их. Кстати же позвонил закладчик, и я вышел к нему в залу. После, уже через час, когда она вдруг оделась, чтоб выйти, остановилась предо мной и сказала:

— Вы, однако ж, мне об этом ничего не сказали до свадьбы?

Я не ответил, и она ушла.

Итак, назавтра я стоял в этой комнате за дверями и слушал, как решалась судьба моя, а в кармане моем был револьвер. Она была приодета, сидела за столом, а Ефимович перед нею ломался. И что ж: вышло то (я к чести моей говорю это), вышло точь-в-точь то, что я предчувствовал и предполагал, хоть и не сознавая, что я предчувствую и предполагаю это. Не знаю, понятно ли выражаюсь.

Вот что вышло. Я слушал целый час и целый час присутствовал при поединке женщины благороднейшей и возвышенной с светской развратной, тупой тварью, с пресмыкающеюся душой. И откуда, думал я, пораженный, откуда эта наивная, эта кроткая, эта малословесная знает всё это? Остроумнейший автор великосветской комедии не мог бы создать этой сцены насмешек, наивнейшего хохота и святого презрения добродетели к пороку. И сколько было блеска в ее словах и маленьких словечках; какая острота в быстрых ответах, какая правда в ее осуждении! И в то же время столько девического почти простодушия. Она смеялась ему в глаза над его объяснениями в любви, над его жестами, над его предложениями. Приехав с грубым приступом к делу и не предполагая сопротивления, он вдруг так и осел. Сначала я бы мог подумать, что тут у ней просто кокетство — «кокетство хоть и развратного, но остроумного существа, чтоб дороже себя выставить». Но нет, правда засияла как солнце, и сомневаться было нельзя. Из ненависти только ко мне, напускной и порывистой, она, неопытная, могла решиться затеять это свидание, но как дошло до дела — то у ней тотчас открылись глаза. Просто металось существо, чтобы оскорбить меня чем бы то ни было, но, решившись на такую грязь, не вынесло беспорядка. И ее ли, безгрешную и чистую, имеющую идеал, мог прельстить Ефимович или кто хотите из этих великосветских тварей? Напротив, он возбудил лишь смех. Вся правда поднялась из ее души, и не-

годование вызвало из сердца сарказм. Повторяю, этот шут под конец совсем осовел и сидел нахмурившись, едва отвечая, так что я даже стал бояться, чтоб не рискнул оскорбить ее из низкого мщения. И опять повторяю: к чести моей, эту сцену я выслушал почти без изумления. Я как будто встретил одно знакомое. Я как будто шел затем, чтоб это встретить. Я шел, ничему не веря, никакому обвинению, хотя и взял револьвер в карман, — вот правда! И мог разве я вообразить ее другою? Из-за чего ж я любил, из-за чего ж я ценил ее, из-за чего ж женился на ней? О, конечно, я слишком убедился в том, сколь она меня тогда ненавидела, но убедился и в том, сколь она непорочна. Я прекратил сцену вдруг, отворив двери. Ефимович вскочил, я взял ее за руку и пригласил со мной выйти. Ефимович нашелся и вдруг звонко и раскатисто расхохотался:

— О, против священных супружеских прав я не возражаю, уводите, уводите! И знаете, — крикнул он мне вслед, — хоть с вами и нельзя драться порядочному человеку, но, из уважения к вашей даме, я к вашим услугам... Если вы, впрочем, сами рискнете...

— Слышите! — остановил я ее на секунду на пороге.

Затем всю дорогу до дома ни слова. Я вел ее за руку, и она не сопротивлялась. Напротив, она была ужасно поражена, но только до дома. Придя домой, она села на стул и уперлась в меня взглядом. Она была чрезвычайно бледна; губы хоть и сложились тотчас же в насмешку, но смотрела она уже с торжественным и суровым вызовом и, кажется, серьезно убеждена была в первые минуты, что я убью ее из револьвера. Но я молча вынул револьвер из кармана и положил на стол. Она смотрела на меня и на револьвер. (Заметьте: револьвер этот был ей уже знаком. Заведен он был у меня и заряжен с самого открытия кассы. Открывая кассу, я порешил не держать ни огромных собак, ни сильного лакея, как, например, держит Мозер. У меня посетителям отворяет кухарка. Но занимающимся нашим ремеслом невозможно лишить себя, на всякий случай, самозащиты, и я завел заряженный револьвер. Она в первые дни, как вошла ко мне в дом, очень интересовалась этим револьвером, расспрашивала, и я объяснил даже ей устройство и систему, кроме того, убедил раз выстрелить в цель. Заметьте всё это.) Не обращая внимания на ее испуганный взгляд, я, полураздетый, лег на постель. Я был очень обессилен; было уже около одиннадцати часов. Она продолжала сидеть на том же месте, не шевелясь, еще около часа, затем потушила свечу и легла, тоже одетая, у стены, на диване. В первый раз не легла со мной, — это тоже заметьте...

VI. СТРАШНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Теперь это страшное воспоминание...

Я проснулся утром, я думаю, в восьмом часу, и в комнате было уже почти совсем светло. Я проснулся разом с полным со-

знанием и вдруг открыл глаза. Она стояла у стола и держала в руках револьвер. Она не видела, что я проснулся и гляжу. И вдруг я вижу, что она стала надвигаться ко мне с револьвером в руках. Я быстро закрыл глаза и притворился крепко спящим.

Она дошла до постели и стала надо мной. Я слышал всё; хоть и настала мертвая тишина, но я слышал эту тишину. Тут произошло одно судорожное движение — и я вдруг, неудержимо, открыл глаза против воли. Она смотрела прямо на меня, мне в глаза, и револьвер уже был у моего виска. Глаза наши встретились. Но мы глядели друг на друга не более мгновения. Я с силой закрыл глаза опять и в то же мгновение решил изо всей силы моей души, что более уже не шевельнусь и не открою глаз, что бы ни ожидало меня.

В самом деле, бывает, что и глубоко спящий человек вдруг открывает глаза, даже приподымает на секунду голову и оглядывает комнату, затем, через мгновение, без сознания кладет опять голову на подушку и засыпает, ничего не помня. Когда я, встретившись с ее взглядом и ощутив револьвер у виска, вдруг закрыл опять глаза и не шевельнулся, как глубоко спящий, — она решительно могла предположить, что я в самом деле сплю и что ничего не видал, тем более что совсем невероятно, увидав то, что я увидел, закрыть в *такое* мгновение опять глаза.

Да, невероятно. Но она все-таки могла угадать и правду, — это-то и блеснуло в уме моем вдруг, всё в то же мгновение. О, какой вихрь мыслей, ощущений пронесся менее чем в мгновение в уме моем, и да здравствует электричество человеческой мысли! В таком случае (почувствовалось мне), если она угадала правду и знает, что я не сплю, то я уже раздавил ее моею готовностью принять смерть и у ней теперь может дрогнуть рука. Прежняя решимость может разбиться о новое чрезвычайное впечатление. Говорят, что стоящие на высоте как бы тянутся сами книзу, в бездну. Я думаю, много самоубийств и убийств совершилось потому только, что револьвер уже был взят в руки. Тут тоже бездна, тут покатость в сорок пять градусов, о которую нельзя не скользнуть, и вас что-то вызывает непобедимо спустить курок. Но сознание, что я всё видел, всё знаю и жду от нее смерти молча, — могло удержать ее на покатости.

Тишина продолжалась, и вдруг я ощутил у виска, у волос моих, холодное прикосновение железа. Вы спросите: твердо ли я надеялся, что спасусь? Отвечу вам, как перед богом: не имел никакой надежды, кроме разве одного шанса из ста. Для чего же принимал смерть? А я спрошу: на что мне была жизнь после револьвера, поднятого на меня обожаемым мною существом? Кроме того, я знал всей силой моего существа, что между нами в это самое мгновение идет борьба, страшный поединок на жизнь и смерть, поединок вот того самого вчерашнего труса, выгнанного за трусость товарищами. Я знал это, и она это знала, если только угадала правду, что я не сплю.

Может быть, этого и не было, может быть, я этого и не мыслил тогда, но это всё же должно было быть, хоть без мысли, потому что я только и делал, что об этом думал потом каждый час моей жизни.

Но вы зададите опять вопрос: зачем же ее не спас от злодейства? О, я тысячу раз задавал себе потом этот вопрос — каждый раз, когда, с холодом в спине, припоминал ту секунду. Но душа моя была тогда в мрачном отчаянии: я погибал, я сам погибал, так кого ж бы я мог спасти? И почем вы знаете, хотел ли бы еще я тогда кого спасти? Почем знать, что я тогда мог чувствовать?

Сознание, однако ж, кипело; секунды шли, тишина была мертвая; она всё стояла надо мной, — и вдруг я вздрогнул от надежды! Я быстро открыл глаза. Ее уже не было в комнате. Я встал с постели: я победил, — и она была навеки побеждена!

Я вышел к самовару. Самовар подавался у нас всегда в первой комнате, и чай разливала всегда она. Я сел к столу молча и принял от нее стакан чая. Минут через пять я на нее взглянул. Она была страшно бледна, еще бледнее вчерашнего, и смотрела на меня. И вдруг — и вдруг, видя, что я смотрю на нее, она бледно усмехнулась бледными губами, с робким вопросом в глазах. «Стало быть, всё еще сомневается и спрашивает себя: знает он иль не знает, видел он иль не видел?» Я равнодушно отвел глаза. После чая запер кассу, пошел на рынок и купил железную кровать и ширмы. Возвратясь домой, я велел поставить кровать в зале, а ширмами огородить ее. Это была кровать для нее, но я ей не сказал ни слова. И без слов поняла, через эту кровать, что я «всё видел и всё знаю» и что сомнений уже более нет. На ночь я оставил револьвер как всегда на столе. Ночью она молча легла в эту новую свою постель: брак был расторгнут, «побеждена, но не прощена». Ночью с нею сделался бред, а наутро горячка. Она пролежала шесть недель.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. СОН ГОРДОСТИ

Лукерья сейчас объявила, что жить у меня не станет и, как похоронят барыню, — сойдет. Молился на коленях пять минут, а хотел молиться час, но всё думаю, думаю, и всё больные мысли, и больная голова, — чего ж тут молиться — один грех! Странно тоже, что мне спать не хочется: в большом, в слишком большом горе, после первых сильнейших взрывов, всегда спать хочется. Приговоренные к смертной казни чрезвычайно, говорят, крепко спят в последнюю ночь. Да так и надо, это по природе, а то силы бы не вынесли. . . Я лег на диван, но не заснул. . .

. . . Шесть недель болезни мы ходили тогда за ней день и ночь — я, Лукерья и ученая сиделка из больницы, которую я на-

нял. Денег я не жалел, и мне даже хотелось на нее тратить. Доктора я позвал Шредера и платил ему по десяти рублей за визит. Когда она пришла в сознание, я стал меньше являться на глаза. А впрочем, что ж я описываю. Когда она встала совсем, то тихо и молча села в моей комнате за особым столом, который я тоже купил для нее в это время... Да, это правда, мы совершенно молчали; то есть мы начали даже потом говорить, но — всё обычное. Я, конечно, нарочно не распространялся, но я очень хорошо заметил, что и она как бы рада была не сказать лишнего слова. Мне показалось это совершенно естественным с ее стороны: «Она слишком потрясена и слишком побеждена, — думал я, — и, уж конечно, ей надо дать позабыть и привыкнуть». Таким образом мы и молчали, но я каждую минуту приготовлялся про себя к будущему. Я думал, что и она тоже, и для меня было страшно занимательно угадывать: об чем именно она теперь про себя думает?

Еще скажу: о, конечно, никто не ведает, сколько я вынес, стеная над ней в ее болезни. Но я стенал про себя и стоны давил в груди даже от Лукерьи. Я не мог представить, предположить даже не мог, чтоб она умерла, не узнав всего. Когда же она вышла из опасности и здоровье стало возвращаться, я, помню это, быстро и очень успокоился. Мало того, я решил *отложить наше будущее* как можно на долгое время, а оставить пока всё в настоящем виде. Да, тогда случилось со мной нечто странное и особенное, иначе не умею назвать: я восторжествовал, и одного сознания о том оказалось совершенно для меня довольно. Вот так и прошла вся зима. О, я был доволен, как никогда не бывал, и это всю зиму.

Видите: в моей жизни было одно страшное внешнее обстоятельство, которое до тех пор, то есть до самой катастрофы с женой, каждый день и каждый час давило меня, а именно — потеря репутации и тот выход из полка. В двух словах: была тираническая несправедливость против меня. Правда, меня не любили товарищи за тяжелый характер и, может быть, за смешной характер, хотя часто бывает ведь так, что возвышенное для вас, сокровенное и чтимое вами в то же время смешит почему-то толпу ваших товарищей. О, меня не любили никогда даже в школе. Меня всегда и везде не любили. Меня и Лукерья не может любить. Случай же в полку был хоть и следствием нелюбви ко мне, но без сомнения носил случайный характер. Я к тому это, что нет ничего обиднее и несноснее, как погибнуть от случая, который мог быть и не быть, от несчастного скопления обстоятельств, которые могли пройти мимо, как облака. Для интеллигентного существа унизительно. Случай был следующий.

В антракте, в театре, я вышел в буфет. Гусар А—в, вдруг войдя, громко при всех бывших тут офицерах и публике заговорил с двумя своими же гусарами об том, что в коридоре капитан нашего полка Безумцев сейчас только наделал скандалу «и, кажется, пьяный». Разговор не завязался, да и была ошибка, по-

тому что капитан Безумцев пьян не был и скандал был, собственно, не скандал. Гусары заговорили о другом, тем и кончилось, но назавтра анекдот проник в наш полк, и тотчас же у нас заговорили, что в буфете из нашего полка был только я один и когда гусар А—в дерзко отнесся о капитане Безумцеве, то я не подошел к А—ву и не остановил его замечанием. Но с какой же бы стати? Если он имел зуб на Безумцева, то дело это было их личное, и мне чего ж ввязываться? Между тем офицеры начали находить, что дело было не личное, а касалось и полка, а так как офицеров нашего полка тут был только я, то тем и доказал всем бывшим в буфете офицерам и публике, что в полку нашем могут быть офицеры, не столь щекотливые насчет чести своей и полка. Я не мог согласиться с таким определением. Мне дали знать, что я могу еще всё поправить, если даже и теперь, хотя и поздно, захочу формально объясниться с А—м. Я этого не захотел и так как был раздражен, то отказался с гордостью. Затем тотчас же подал в отставку, — вот вся история. Я вышел гордый, но разбитый духом. Я упал волей и умом. Тут как раз подошло, что сестрин муж в Москве промотал наше маленькое состояние и мою в нем часть, крошечную часть, но я остался без гроша на улице. Я бы мог взять частную службу, но я не взял: после блестящего мундира я не мог пойти куда-нибудь на железную дорогу. Итак — стыд так стыд, позор так позор, падение так падение, и чем хуже, тем лучше, — вот что я выбрал. Тут три года мрачных воспоминаний и даже дом Вяземского. Полтора года назад умерла в Москве богатая старуха, моя крестная мать, и неожиданно, в числе прочих, оставила и мне по завещанию три тысячи. Я подумал и тогда же решил судьбу свою. Я решился на кассу ссуд, не прося у людей прощения: деньги, затем угол и — новая жизнь вдали от прежних воспоминаний, — вот план. Тем не менее мрачное прошлое и навеки испорченная репутация моей чести томили меня каждый час, каждую минуту. Но тут я женился. Случайно или нет — не знаю. Но вводя ее в дом, я думал, что ввожу друга, мне же слишком был надобен друг. Но я видел ясно, что друга надо было приготовить, доделать и даже победить. И мог ли я что-нибудь объяснить так сразу этой шестнадцатилетней и предубежденной? Например, как мог бы я, без случайной помощи происшедшей страшной катастрофы с револьвером, уверить ее, что я не трус и что меня обвинили в полку как труса несправедливо? Но катастрофа подоспела кстати. Выдержав револьвер, я отмстил всему моему мрачному прошедшему. И хоть никто про то не узнал, но узнала *она*, а это было всё для меня, потому что она сама была всё для меня, вся надежда моего будущего в мечтах моих! Она была единственным человеком, которого я готовил себе, а другого и не надо было, — и вот она всё узнала; она узнала по крайней мере, что несправедливо поспешила присоединиться к врагам моим. Эта мысль восхищала меня. В глазах ее я уже не

мог быть подлецом, а разве лишь странным человеком, но и эта мысль теперь, после всего, что произошло, мне вовсе не так не нравилась: странность не порок, напротив, иногда завлекает женский характер. Одним словом, я нарочно отдалил развязку: того, что произошло, было слишком пока довольно для моего спокойствия и заключало слишком много картин и матерьяла для мечтаний моих. В том-то и скверность, что я мечтатель: с меня хватило матерьяла, а об ней я думал, что *подождет*.

Так прошла вся зима, в каком-то ожидании чего-то. Я любил глядеть на нее украдкой, когда она сидит, бывало, за своим столиком. Она занималась работой, бельем, а по вечерам иногда читала книги, которые брала из моего шкафа. Выбор книг в шкафе тоже должен был свидетельствовать в мою пользу. Не выходила она почти никуда. Перед сумерками, после обеда, я выводил ее каждый день гулять, и мы делали моцион, но не совершенно молча, как прежде. Я именно старался делать вид, что мы не молчим и говорим согласно, но, как я сказал уже, сами мы оба так делали, что не распространялись. Я делал нарочно, а ей, думал я, необходимо «дать время». Конечно странно, что мне ни разу, почти до конца зимы, не пришло в голову, что я вот исподтишка люблю смотреть на нее, а ни одного-то ее взгляда за всю зиму я не поймал на себе! Я думал, что в ней это робость. К тому же она имела вид такой робкой кротости, такого бессилия после болезни. Нет, лучше выжди и — «и она вдруг сама подойдет к тебе...»

Эта мысль восхищала меня неотразимо. Прибавлю одно: иногда я как будто нарочно разжигал себя самого и действительно доводил свой дух и ум до того, что как будто впадал на нее в обиду. И так продолжалось по нескольку времени. Но ненависть моя никогда не могла созреть и укрепиться в душе моей. Да и сам я чувствовал, что как будто это только игра. Да и тогда, хоть и разорвал я брак, купив кровать и ширмы, но никогда, никогда не мог я видеть в ней преступницу. И не потому, что судил о преступлении ее легкомысленно, а потому, что имел смысл совершенно простить ее, с самого первого дня, еще прежде даже, чем купил кровать. Одним словом, это странность с моей стороны, ибо я нравственно строг. Напротив, в моих глазах она была так побеждена, была так унижена, так раздавлена, что я мучительно жалел ее иногда, хотя мне при всем этом решительно нравилась иногда идея об ее унижении. Идея этого неравенства нашего нравилась...

Мне случилось в эту зиму нарочно сделать несколько добрых поступков. Я простил два долга, я дал одной бедной женщине без всякого заклада. И жене я не сказал про это, и вовсе не для того, чтобы она узнала, сделал; но женщина сама пришла благодарить, и чуть не на коленях. Таким образом огласилось; мне показалось, что про женщину она действительно узнала с удовольствием.

Но надвигалась весна, был уже апрель в половине, вынули двойные рамы, и солнце стало яркими пучками освещать наши молчаливые комнаты. Но пелена висела передо мною и слепила мой ум. Роковая, страшная пелена! Как это случилось, что всё это вдруг упало с глаз и я вдруг прозрел и всё понял! Случай ли это был, день ли пришел такой срочный, солнечный ли луч зажег в отупевшем уме моем мысль и догадку? Нет, не мысль и не догадка были тут, а тут вдруг заиграла одна жилка, замертвевшая было жилка, затряслась и ожила и озарила всю отупевшую мою душу и бесовскую гордость мою. Я тогда точно вскочил вдруг с места. Да и случилось оно вдруг и внезапно. Это случилось перед вечером, часов в пять, после обеда...

II. ПЕЛЕНА ВДРУГ УПАЛА

Два слова прежде того. Еще за месяц я заметил в ней странную задумчивость, не то что молчание, а уже задумчивость. Это тоже я заметил вдруг. Она тогда сидела за работой, наклонив голову к шитью, и не видала, что я гляжу на нее. И вдруг меня тут же поразило, что она такая стала тоненькая, худенькая, лицо бледненькое, губы побелели, — меня всё это, в целом, вместе с задумчивостью, чрезвычайно и разом фраппировало. Я уже и прежде слышал маленький сухой кашель, по ночам особенно. Я тотчас встал и отправился просить ко мне Шредера, ей ничего не сказавши.

Шредер прибыл на другой день. Она была очень удивлена и смотрела то на Шредера, то на меня.

— Да я здорова, — сказала она, неопределенно усмехнувшись.

Шредер ее не очень осматривал (эти медики бывают иногда свысока небрежны), а только сказал мне в другой комнате, что это осталось после болезни и что с весной недурно куда-нибудь съездить к морю или, если нельзя, то просто переселиться на дачу. Одним словом, ничего не сказал, кроме того, что есть слабость или там что-то. Когда Шредер вышел, она вдруг сказала мне опять, ужасно серьезно смотря на меня:

— Я совсем, совсем здорова.

Но сказавши, тут же вдруг покраснела, видимо, от стыда. Видимо, это был стыд. О, теперь я понимаю: ей было стыдно, что я еще *муж ее*, забочусь об ней, всё еще будто бы настоящий муж. Но тогда я не понял и краску приписал смирению. (Пелена!)

И вот, месяц после того, в пятом часу, в апреле, в яркий солнечный день я сидел у кассы и вел расчет. Вдруг слышу, что она, в нашей комнате, за своим столом, за работой, тихо-тихо... запела. Эта новость произвела на меня потрясающее впечатление, да и до сих пор я не понимаю его. До тех пор я почти никогда не слыхал ее поющую, разве в самые первые дни, когда ввел ее в дом и когда еще могли резвиться, стреляя в цель из

револьвера. Тогда еще голос ее был довольно сильный, звонкий, хотя неверный, но ужасно приятный и здоровый. Теперь же песенка была такая слабенькая — о, не то чтобы заунывная (это был какой-то романс), но как будто бы в голосе было что-то надтреснутое, сломанное, как будто голосок не мог справиться, как будто сама песенка была больная. Она пела вполголоса, и вдруг, поднявшись, голос оборвался, — такой бедненький голосок, так он оборвался жалко; она откашлялась и опять тихо-тихо, чуть-чуть, запела. . .

Моим волненьям засмеются, но никогда никто не поймет, почему я заволновался! Нет, мне еще не было ее жаль, а это было что-то совсем еще другое. Сначала, по крайней мере в первые минуты, явилось вдруг недоумение и страшное удивление, страшное и странное, болезненное и почти что мстительное: «Поет, и при мне! *Забыла она про меня, что ли?*»

Весь потрясенный, я оставался на месте, потом вдруг встал, взял шляпу и вышел, как бы не соображая. По крайней мере не знаю, зачем и куда. Лукерья стала подавать пальто.

— Она поет? — сказал я Лукерье невольно. Та не понимала и смотрела на меня, продолжая не понимать; впрочем, я был действительно непонятен.

— Это она в первый раз поет?

— Нет, без вас иногда поет, — ответила Лукерья.

Я помню всё. Я сошел лестницу, вышел на улицу и пошел было куда попало. Я прошел до угла и стал смотреть куда-то. Тут проходили, меня толкали, я не чувствовал. Я подозвал извозчика и нанял было его к Полицейскому мосту, не знаю зачем. Но потом вдруг бросил и дал ему двугривенный:

— Это за то, что тебя потревожил, — сказал я, бессмысленно смеясь ему, но в сердце вдруг начался какой-то восторг.

Я поворотил домой, учащая шаг. Надтреснутая, бедненькая, порвавшаяся нотка вдруг опять зазвенела в душе моей. Мне дух захватывало. Падала, падала с глаз пелена! Коль запела при мне, так про меня позабыла, — вот что было ясно и страшно. Это сердце чувствовало. Но восторг сиял в душе моей и пересиливал страх.

О ирония судьбы! Ведь ничего другого не было и быть не могло в моей душе всю зиму, кроме этого же восторга, но я сам-то где был всю зиму? был ли я-то при моей душе? Я взбежал по лестнице очень спеша, не знаю, робко ли я вошел. Помню только, что весь пол как бы волновался и я как бы плыл по реке. Я вошел в комнату, она сидела на прежнем месте, шила, наклонив голову, но уже не пела. Бегло и нелюбопытно глянула было на меня, но не взгляд это был, а так только жест, обычный и равнодушный, когда в комнату входит кто-нибудь.

Я прямо подошел и сел подле на стул, вплоть, как помешанный. Она быстро на меня посмотрела, как бы испугавшись: я взял ее за руку и не помню, что сказал ей, то есть хотел ска-

зать, потому что я даже и не мог говорить правильно. Голос мой срывался и не слушался. Да я и не знал, что сказать, а только задыхался.

— Поговорим... знаешь... скажи что-нибудь! — вдруг пролепетал я что-то глупое, — о, до ума ли было? Она опять вздрогнула и отшатнулась в сильном испуге, глядя на мое лицо, но вдруг — *строгое удивление* выразилось в глазах ее. Да, удивление, и *строгое*. Она смотрела на меня большими глазами. Эта строгость, это строгое удивление разом так и размозжили меня: «Так тебе еще любви? любви?» — как будто спросилось вдруг в этом удивлении, хоть она и молчала. Но я всё прочел, всё. Всё во мне сотряслось, и я так и рухнул к ногам ее. Да, я свалился ей в ноги. Она быстро вскочила, но я с чрезвычайною силою удержал ее за обе руки.

И я понимал вполне мое отчаяние, о, понимал! Но, верите ли, восторг кипел в моем сердце до того неудержимо, что я думал, что я умру. Я целовал ее ноги в упоении и в счастье. Да, в счастье, безмерном и бесконечном, и это при понимании-то всего безвыходного моего отчаяния! Я плакал, говорил что-то, но не мог говорить. Испуг и удивление сменились в ней вдруг какою-то озабоченною мыслью, чрезвычайным вопросом, и она странно смотрела на меня, дико даже, она хотела что-то поскорее понять и улыбнулась. Ей было страшно стыдно, что я целую ее ноги, и она отнимала их, но я тут же целовал то место на полу, где стояла ее нога. Она видела это и стала вдруг смеяться от стыда (знаете это, когда смеются от стыда). Наступала истерика, я это видел, руки ее вздрагивали, — я об этом не думал и всё бормотал ей, что я ее люблю, что я не встану, «дай мне целовать твое платье... так всю жизнь на тебя молиться...» Не знаю, не помню, — и вдруг она зарыдала и затряслась; наступил страшный припадок истерики. Я испугал ее.

Я перенес ее на постель. Когда прошел припадок, то, присев на постели, она с страшно убитым видом схватила мои руки и просила меня успокоиться: «Полноте, не мучьте себя, успокойтесь!» — и опять начинала плакать. Весь этот вечер я не отходил от нее. Я всё ей говорил, что повезу ее в Булонь купаться в море, теперь, сейчас, через две недели, что у ней такой надтреснутый голосок, я слышал давеча, что я закрою кассу, продам Добронравову, что начнется всё новое, а главное, в Булонь, в Булонь! Она слушала и всё боялась. Всё больше и больше боялась. Но главное для меня было не в том, а в том, что мне всё более и неудержимее хотелось опять лежать у ее ног, и опять целовать, целовать землю, на которой стоят ее ноги, и молиться ей и — «больше я ничего, ничего не спрошу у тебя, — повторял я поминутно, — не отвечай мне ничего, не замечай меня вовсе, и только дай из угла смотреть на тебя, обрати меня в свою вещь, в собачонку...» Она плакала.

— *А я думала, что вы меня оставите так,* — вдруг вырвалось

у ней невольно, так невольно, что, может быть, она совсем и не заметила, как сказала, а между тем — о, это было самое главное, самое роковое ее слово и самое понятное для меня в тот вечер, и как будто меня полоснуло от него ножом по сердцу! Всё оно объяснило мне, всё, но пока она была подле, перед моими глазами, я неудержимо надеялся и был страшно счастлив. О, я страшно утомил ее в тот вечер и понимал это, но беспрерывно думал, что всё сейчас же переделаю. Наконец к ночи она совсем обессилела, я уговорил ее заснуть, и она заснула тотчас, крепко. Я ждал бреда, бред был, но самый легкий. Я вставал ночью почти поминутно, тихонько в туфлях приходил смотреть на нее. Я ломал руки над ней, смотря на это больное существо на этой бедной коечке, железной кроватке, которую я ей купил тогда за три рубля. Я становился на колени, но не смел целовать ее ног у спящей (без ее-то воли!). Я становился молиться богу, но вскакивал опять. Лукерья присматривалась ко мне и всё выходила из кухни. Я вышел к ней и сказал, чтобы она ложилась и что завтра начнется «совсем другое».

И я в это слепо, безумно, ужасно верил. О, восторг, восторг заливал меня! Я ждал только завтрашнего дня. Главное, я не верил никакой беде, несмотря на симптомы. Смысл еще не возвратился весь, несмотря на упавшую пелену, и долго, долго не возвращался, — о, до сегодня, до самого сегодня!! Да и как, как он мог тогда возвратиться: ведь она тогда была еще жива, ведь она была тут же передо мной, а я перед ней. «Она завтра проснется, и я ей всё это скажу, и она всё увидит». Вот мое тогдашнее рассуждение, просто и ясно, потому и восторг! Главное, тут эта поездка в Булонь. Я почему-то всё думал, что Булонь — это всё, что в Булони что-то заключается окончательное. «В Булонь, в Булонь! . .» Я с безумием ждал утра.

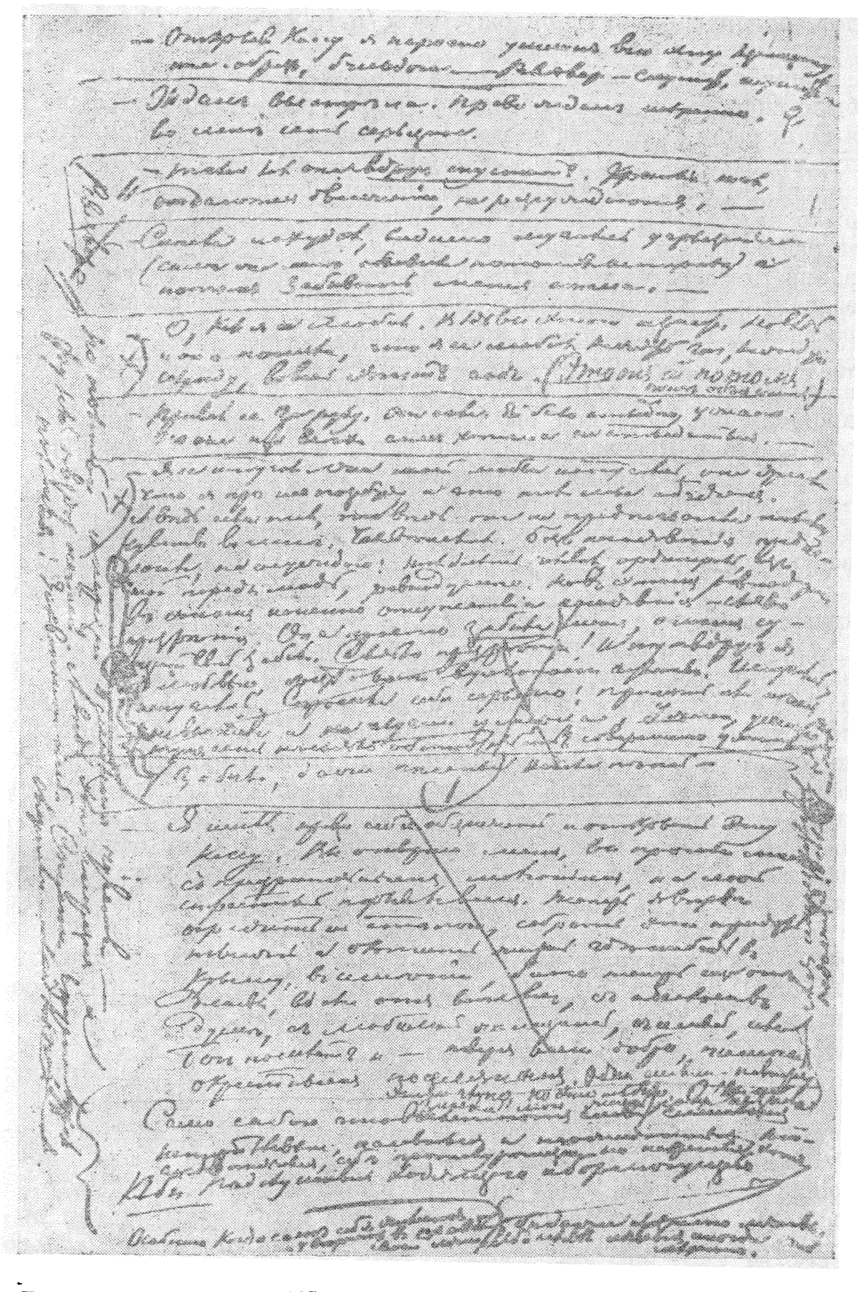
III. СЛИШКОМ ПОНИМАЮ

А ведь это было всего только несколько дней назад, пять дней, всего только пять дней, в прошлый вторник! Нет, нет, еще бы только немного времени, только бы капельку подождала и — и я бы развеял мрак! Да разве она не успокоилась? Она на другой же день слушала меня уже с улыбкою, несмотря на замешательство... Главное, всё это время, все пять дней, в ней было замешательство или стыд. Боялась тоже, очень боялась. Я не спорю, я не буду противуречить, подобно безумному: страх был, но ведь как же было ей не бояться? Ведь мы так давно стали друг другу чужды, так отучились один от другого, и вдруг всё это... Но я не смотрел на ее страх, сияло новое! . . Правда, несомненная правда, что я сделал ошибку. И даже было, может быть, много ошибок. Я, и как проснулись на другой день, еще с утра (это в среду было) тотчас вдруг сделал ошибку: я вдруг

сделал ее моим другом. Я поспешил, слишком, слишком, но исповедь была нужна, необходима — куда, более чем исповедь! Я не скрыл даже того, что и от себя всю жизнь скрывал. Я прямо высказал, что целую зиму только и делал, что уверен был в ее любви. Я ей разъяснил, что касса ссуд была лишь падением моей воли и ума, личная идея самобичевания и самовосхваления. Я ей объяснил, что я тогда в буфете действительно струсил, от моего характера, от мнительности: поразила обстановка, буфет поразил; поразило то: как это я вдруг выйду, и не выйдет ли глупо? Струсил не дуэли, а того, что выйдет глупо... А потом уж не хотел сознаться, и мучил всех, и ее за то мучил, и на ней затем и женился, чтобы ее за то мучить. Вообще я говорил большею частью как в горячке. Она сама брала меня за руки и просила перестать: «Вы преувеличиваете... вы себя мучаете», — и опять начинались слезы, опять чуть не припадки! Она всё просила, чтобы я ничего этого не говорил и не вспоминал.

Я не смотрел на просьбы или мало смотрел: весна, Булонь! Там солнце, там новое наше солнце, я только это и говорил! Я запер кассу, дела передал Добронравову. Я предложил ей вдруг раздать всё бедным, кроме основных трех тысяч, полученных от крестной матери, на которые и съездили бы в Булонь, а потом воротимся и начнем новую трудовую жизнь. Так и положили, потому что она ничего не сказала... она только улыбнулась. И, кажется, более из деликатности улыбнулась, чтобы меня не огорчить. Я видел ведь, что я ей в тягость, не думайте, что я был так глуп и такой эгоист, что этого не видел. Я всё видел, всё до последней черты, видел и знал лучше всех; всё мое отчаяние стояло на виду!

Я ей всё про меня и про нее рассказывал. И про Лукерью. Я говорил, что я плакал... О, я ведь и переменял разговор, я тоже старался отнюдь не напоминать про некоторые вещи. И даже ведь она оживилась, раз или два, ведь я помню, помню! Зачем вы говорите, что я смотрел и ничего не видел? И если бы только *это* не случилось, то всё бы воскресло. Ведь рассказывала же она мне еще третьего дня, когда разговор зашел о чтении и о том, что она в эту зиму прочитала, — ведь рассказывала же она и смеялась, когда припомнила эту сцену Жиль Блаза с архиепископом Гренадским. И каким детским смехом, милым, точно как прежде в невестах (миг! миг!); как я был рад! Меня это ужасно поразило, впрочем, про архиепископа: ведь нашла же она, стало быть, столько спокойствия духа и счастья, чтобы смеяться шедевру, когда сидела зимой. Стало быть, уже вполне начала успокоиваться, вполне начала уже верить, что я оставлю ее *так*. «Я думала, что вы меня оставите *так*», — вот ведь что она произнесла тогда во вторник! О, десятилетней девочки мысль! И ведь верила, верила, что и в самом деле всё останется *так*: она за своим столом, а я за своим, и так мы оба, до шестидесяти



«Дневник писателя» за 1876 г. Черновые наброски к рассказу «Кроткая» (глава первая ноябрьского выпуска).

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград

лет. И вдруг — я тут подхожу, муж, и мужу надо любви! О недоразумение, о слепота моя!

Ошибка тоже была, что я на нее смотрел с восторгом; надо было скрепиться, а то восторг пугал. Но ведь и скрепился же я, я не целовал уже более ее ног. Я ни разу не показал виду, что... ну, что я муж, — о, и в уме моем этого не было, я только молился! Но ведь нельзя же было совсем молчать, ведь нельзя же было не говорить вовсе! Я ей вдруг высказал, что наслаждаюсь ее разговором и что считаю ее несравненно, несравненно образованнее и развитее меня. Она очень покраснела и конфузясь сказала, что я преувеличиваю. Тут я, сдуру-то, не сдержавшись, рассказал, в каком я был восторге, когда, стоя тогда за дверью, слушал ее поединок, поединок невинности с той тварью, и как наслаждался ее умом, блеском остроумия и при таком детском простодушии. Она как бы вся вздрогнула, пролепетала было опять, что я преувеличиваю, но вдруг всё лицо ее омрачилось, она закрылась руками и зарыдала... Тут уж и я не выдержал: опять упал перед нею, опять стал целовать ее ноги, и опять кончилось припадком, так же как во вторник. Это было вчера вечером, а наутро...

Наутро?! Безумец, да ведь это утро было сегодня, еще давеча, только давеча!

Слушайте и вникните: ведь когда мы сошлись давеча у самовара (это после вчерашнего-то припадка), то она даже сама поразила меня своим спокойствием, вот ведь что было! А я-то всю ночь трепетал от страху за вчерашнее. Но вдруг она подходит ко мне, становится сама передо мной и, сложив руки (давеча, давеча!), начала говорить мне, что она преступница, что она это знает, что преступление ее мучило всю зиму, мучает и теперь... что она слишком ценит мое великодушие... «я буду вашей верной женой, я вас буду уважать...» Тут я вскочил и как безумный обнял ее! Я целовал ее, целовал ее лицо, в губы, как муж, в первый раз после долгой разлуки. И зачем только я давеча ушел, всего только на два часа... наши заграничные паспорты... О боже! Только бы пять минут, пять минут раньше воротиться!.. А тут эта толпа в наших воротах, эти взгляды на меня... о господи!

Лукерья говорит (о, я теперь Лукерью ни за что не отпущу, она всё знает, она всю зиму была, она мне всё рассказывать будет), она говорит, что, когда я вышел из дому, и всего-то минут за двадцать каких-нибудь до моего прихода, — она вдруг вошла к барыне в нашу комнату что-то спросить, не помню, и увидала, что образ ее (тот самый образ богородицы) у ней вынут, стоит перед нею на столе, а барыня как будто сейчас только перед ним молилась. «Что вы, барыня?» — «Ничего, Лукерья. ступай... Постой, Лукерья», — подошла к ней и поцеловала ее. «Счастливы вы, говорю, барыня?» — «Да, Лукерья» — «Давно, барыня, следовало бы барину к вам прийти прощения попросить...

Слава богу, что вы помирились» — «Хорошо, говорит, Лукерья, уйди, Лукерья», — и улыбнулась этак, да странно так. Так странно, что Лукерья вдруг через десять минут воротилась посмотреть на нее: «Стоит она у стены, у самого окна, руку приложила к стене, а к руке прижала голову, стоит этак и думает. И так глубоко задумавшись стоит, что и не слыхала, как я стою и смотрю на нее из той комнаты. Вижу я, как будто она улыбается, стоит, думает и улыбается. Посмотрела я на нее, повернулась тихонько, вышла, а сама про себя думаю, только вдруг слышу, отворили окошко. Я тотчас пошла сказать, что „свежо, барыня, не простудились бы вы", и вдруг вижу, она стала на окно и уж вся стоит, во весь рост, в отворенном окне, ко мне спиной, в руках образ держит. Сердце у меня тут же упало, кричу: „Барыня, барыня!" Она услышала, двинулась было повернуться ко мне, да не повернулась, а шагнула, образ прижала к груди и — и бросилась из окошка!»

Я только помню, что, когда я в ворота вошел, она была еще теплая. Главное, они все глядят на меня. Сначала кричали, а тут вдруг замолчали и все передо мной расступаются и... и она лежит с образом. Я помню, как во мраке, что я подошел молча и долго глядел, и все обступили и что-то говорят мне. Лукерья тут была, а я не видал. Говорит, что говорила со мной. Помню только того мещанина: он всё кричал мне, что «с горстку крови изо рта вышло, с горстку, с горстку!», и указывал мне на кровь тут же на камне. Я, кажется, тронул кровь пальцем, запачкал палец, гляжу на палец (это помню), а он мне всё: «С горстку, с горстку!»

— Да что такое «с горстку»? — завопил я, говорят, изо всей силы, поднял руки и бросился на него...

О, дико, дико! Недоразумение! Неправдоподобие! Невозможность!

IV. ВСЕГО ТОЛЬКО ПЯТЬ МИНУТ ОПОЗДАЛ

А разве нет? Разве это правдоподобно? Разве можно сказать, что это возможно? Для чего, зачем умерла эта женщина?

О, поверьте, понимаю; но для чего она умерла — все-таки вопрос. Испугалась любви моей, спросила себя серьезно: принять или не принять, и не вынесла вопроса, и лучше умерла. Знаю, знаю, нечего голову ломать: обещаний слишком много надавала, испугалась, что сдержать нельзя, — ясно. Тут есть несколько обстоятельств совершенно ужасных.

Потому что для чего она умерла? все-таки вопрос стоит. Вопрос стучит, у меня в мозгу стучит. Я бы и оставил ее только *так*, если б ей захотелось, чтоб осталось *так*. Она тому не поверила, вот что! Нет, нет, я вру, вовсе не это. Просто потому, что со мной надо было честно: любить так всецело любить, а не так, как любила бы купца. А так как она была слишком целомуд-

ренна, слишком чиста, чтоб согласиться на такую любовь, какой надо купцу, то и не захотела меня обманывать. Не захотела обманывать полулюбовью под видом любви или четвертьлюбовью. Честны уж очень, вот что-с! Широкость сердца-то хотел тогда привить, помните? Странная мысль.

Ужасно любопытно: уважала ли она меня? Я не знаю, презирала ли она меня или нет? Не думаю, чтоб презирала. Странно ужасно: почему мне ни разу не пришло в голову, во всю зиму, что она меня презирает? Я в высшей степени был уверен в противном до самой той минуты, когда она поглядела на меня тогда с *строгим удивлением*. С *строгим* именно. Тут-то я сразу и понял, что она презирает меня. Понял безвозвратно, навеки! Ах, пусть, пусть презирала бы, хоть всю жизнь, но — пусть бы она жила, жила! Давеча еще ходила, говорила. Совсем не понимаю, как она бросилась из окошка! И как бы мог я предположить даже за пять минут? Я позвал Лукерью. Я теперь Лукерью ни за что не отпущу, ни за что!

О, нам еще можно было сговориться. Мы только страшно отвыкли в зиму друг от друга, но разве нельзя было опять приучиться? Почему, почему мы бы не могли сойтиться и начать опять новую жизнь? Я великодушен, она тоже — вот и точка соединения! Еще бы несколько слов, два дня, не больше, и она бы всё поняла.

Главное, обидно то, что всё это случай — простой, варварский, косный случай. Вот обида! Пять минут, всего, всего только пять минут опоздал! Приди я за пять минут — и мгновение пронеслось бы мимо, как облако, и ей бы никогда потом не пришло в голову. И кончилось бы тем, что она бы всё поняла. А теперь опять пустые комнаты, опять я один. Вон маятник стучит, ему дела нет, ему ничего не жаль. Нет никого — вот беда!

Я хожу, я всё хожу. Знаю, знаю, не подсказывайте: вам смешно, что я жалуюсь на случай и на пять минут? Но ведь тут очевидность. Рассудите одно: она даже записки не оставила, что вот, дескать, «не вините никого в моей смерти», как все оставляют. Неужто она не могла рассудить, что могут потревожить даже Лукерью: «Одна, дескать, с ней была, так ты и толкнула ее». По крайней мере, затаскали бы без вины, если бы только на дворе четверо человек не видали из окошек из флигеля и со двора, как стояла с образом в руках и сама кинулась. Но ведь и это тоже случай, что люди стояли и видели. Нет, всё это — мгновение, одно лишь безотчетное мгновение. Внезапность и фантазия! Что ж такое, что перед образом молилась? Это не значит, что перед смертью. Всё мгновение продолжалось, может быть, всего только каких-нибудь десять минут, всё решение — именно когда у стены стояла, прислонившись головой к руке, и улыбалась. Влетела в голову мысль, закружилась и — и не могла устоять перед нею.

Тут явное недоразумение, как хотите. Со мной еще можно бы

жить. А что если малокровие? Просто от малокровия, от истощения жизненной энергии? Устала она в зиму, вот что...

Опоздал!!!

Какая она тоненькая в гробу, как заострился носик! Ресницы лежат стрелками. И ведь как упала — ничего не размозжила, не сломала! Только одна эта «горстка крови». Десертная ложка то есть. Внутреннее сотрясение. Странная мысль: если бы можно было не хоронить? Потому что если ее унесут, то... о нет, унести почти невозможно! О, я ведь знаю, что ее должны унести, я не безумный и не брежу вовсе, напротив, никогда еще так ум не сиял, — но как же так опять никого в доме, опять две комнаты, и опять я один с закладами. Бред, бред, вот где бред! Измучил я ее — вот что!

Что мне теперь ваши законы? К чему мне ваши обычаи, ваши нравы, ваша жизнь, ваше государство, ваша вера? Пусть судит меня ваш судья, пусть приведут меня в суд, в ваш гласный суд, и я скажу, что я не признаю ничего. Судья крикнет: «Молчите, офицер!» А я закричу ему: «Где у тебя теперь такая сила, чтобы я послушался? Зачем мрачная косность разбила то, что всего дороже? Зачем же мне теперь ваши законы? Я отделяюсь». О, мне всё равно!

Слепая, слепая! Мертвая, не слышит! Не знаешь ты, каким бы раем я оградил тебя. Рай был у меня в душе, я бы насадил его кругом тебя! Ну, ты бы меня не любила, — и пусть, ну что же? Всё и было бы *так*, всё бы и оставалось *так*. Рассказывала бы только мне как другу, — вот бы и радовались, и смеялись радостно, глядя друг другу в глаза. Так бы и жили. И если б и другого полюбила, — ну и пусть, пусть! Ты бы шла с ним и смеялась, а я бы смотрел с другой стороны улицы... О, пусть всё, только пусть бы она открыла хоть раз глаза! На одно мгновение, только на одно! взглянула бы на меня, вот как давеча, когда стояла передо мной и давала клятву, что будет верной женой! О, в одном бы взгляде всё поняла!

Косность! О, природа! Люди на земле одни — вот беда! «Есть ли в поле жив человек?» — кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. Говорят, солнце живит вселенную. Взойдет солнце и — посмотрите на него, разве оно не мертвец? Всё мертво, и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом них молчание — вот земля! «Люди, любите друг друга» — кто это сказал? чей это завет? Стучит маятник бесчувственно, противно. Два часа ночи. Ботиночки ее стоят у кроватки, точно ждут ее... Нет, серьезно, когда ее завтра унесут, что ж я буду?

ДЕКАБРЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I. ОПЯТЬ О ПРОСТОМ, НО МУДРЕНОМ ДЕЛЕ

Ровно два месяца назад, в октябрьском «Дневнике» моем, я сделал заметку об одной несчастной преступнице, Катерине Прокофьевой Корниловой, — той самой мачехе, которая в мае месяце, в злобе на мужа, выбросила из окна свою шестилетнюю падчерицу. Дело это особенно известно тем, что эта маленькая девочка, падчерица, выброшенная из окна четвертого этажа, не ушиблась, не повредила себе ничего и теперь жива и здорова. Не буду припоминать мою октябрьскую статью в подробности, — может быть, читатели ее не забыли. Напомню лишь о цели моей статьи: мне сразу показалось всё это дело слишком необыкновенным, и я тотчас же убедился, что на него нельзя смотреть *слишком просто*. Несчастная преступница была беременна, была раздражена попреками мужа, тосковала. Но не то, то есть не желание отмстить попрекавшему и огорчавшему ее мужу, было причиною преступления, а «аффект беременности». По моему мнению, она переживала в то время несколько дней или недель того особого, весьма неисследованного, но неоспоримо существующего состояния иных беременных женщин, когда в душе беременной женщины происходят странные переломы, странные подчинения и влияния, сумасшествия без сумасшествия, и которые могут иногда доходить до слишком сильных уродливостей. Я представил пример, известный мне еще с детства, одной дамы в Москве, которая каждый раз в известный период своей беременности впадала в странное желание и подчинялась странной прихоти — воровству. Между тем эта дама ездила в карете и совсем не нуждалась в тех вещах, которые похищала, но, уж конечно, воровала сознательно и вполне давая себе в этом отчет. Сознание сохранялось вполне, но лишь перед странным влечением своим она не могла устоять. Вот что я писал два месяца назад

и, признаюсь, писал с самою отдаленною и безнадежною целью: нельзя ли хоть как-нибудь и чем-нибудь помочь и облегчить участь несчастной, несмотря на страшный приговор, уже произнесенный над нею. В статье моей я не мог удержаться и не высказать, что если наши присяжные выносили столько раз совершенно оправдательные приговоры, преимущественно женщинам, несмотря на полное их сознание в совершении преступления и на очевидные доказательства этого преступления, вполне выясненного судом, — то, как казалось мне, можно бы было оправдать и Корнилову. (Как раз несколько дней спустя после приговора над несчастной беременной Корниловой, осужденной в каторжную работу и в Сибирь навеки, была совершенно оправдана одна престранная преступница-убийца, Кирилова.) Впрочем, выпишу, что я написал тогда:

«По крайней мере присяжные, если б оправдали подсудимую, могли бы на что-нибудь опереться: „Хоть и редко-де бывают такие болезненные аффекты, но ведь всё же бывают; ну что, если и в настоящем случае был аффект беременности?“ Вот соображение. По крайней мере в этом случае милосердие было бы всем понятно и не возбуждало бы шатания мысли. И что в том, что могла выйти ошибка: лучше уж ошибка в милосердии, чем в казни, тем более что тут и проверить-то никак невозможно. Преступница первая же считает себя виновною; она сознается сейчас же после преступления, созналась и через полгода на суде. Так и в Сибирь, может быть, пойдет, по совести и глубоко в душе считая себя виновною; так и умрет, может быть, каясь в последний час и считая себя душегубкой; и вдомек ей не придет, да и никому на свете, о каком-то болезненном аффекте, бывающем в беременном состоянии, а он-то, может быть, и был всему причиной, и не будь она беременна, ничего́ бы и не вышло... Нет, из двух ошибок уж лучше бы выбрать ошибку милосердия».

Написав всё это тогда, я, увлеченный моей идеей, размечтался и прибавил в статье моей, что вот эта бедная двадцатилетняя преступница, которая на днях должна родить в тюрьме, может быть, уже сошлась опять с своим мужем. Может быть, муж (теперь свободный и имеющий право вновь жениться) ходит к ней в тюрьму, в ожидании отсылки ее в каторгу, и оба вместе плачут и горюют. Может быть, и потерпевшая девочка ходит к «мамоньке», забывши всё и от всей души к ней ласкаясь. Нарисовал даже сцену их прощания на железной дороге. Все эти «мечты» мои вылились тогда у меня под перо не для эффекта и не для картин, а мне просто почувствовалась жизненная правда, состоящая тут в том, что оба они, и муж, и жена, хотя и считают — он ее, а она себя — несомненно преступницей, но на деле *не могли* не простить друг друга, не помириться опять, — и не по христианскому только чувству, а именно по невольному инстинктивному ощущению, что совершенное преступление, в их простых глазах столь явное и несомненное, — в сущности, *может быть, вовсе не преступление,* а что-то такое

странно случившееся, странно совершившееся, как бы не по своей воле, как бы божиим определением за грехи их обоих...

Закончив тогдашнюю статью и выдав №, я, под впечатлением того, что сам намечтал, решил постараться из всех сил повидать Корнилову, пока еще она в остроге. Сознаюсь, что мне очень любопытно было проверить: угадал ли я вправду что-нибудь в том, что написал о Корниловой и о чем потом размечтался? Как раз случилось одно весьма благоприятное обстоятельство, доставившее мне скорую возможность посетить Корнилову и с ней познакомиться. И вот я даже сам был удивлен: представьте себе, что из мечтаний моих по крайней мере три четверти оказались истиною: я угадал так, как будто сам был при том. Муж действительно приходил и приходит, действительно оба плачут, горюют друг над другом, прощаются и прощают. «Девочка пришла бы, — сказала мне сама Корнилова, — но она теперь в какой-то школе, в закрытом заведении». Я жалею, что не могу передать всего, что узнал из жизни этого разрушенного семейства, а тут есть черты весьма даже любопытные, ну, конечно, может быть, в своем роде. О, разумеется, я кое в чем и ошибся, но не в существенном: Корнилов, например, хоть и крестьянин, но ходит в немецком платье, гораздо моложе, чем я предполагал о нем, служит черпальщиком в экспедиции заготовления государственных бумаг и получает довольно значительное для крестьянина помесячное жалованье, стало быть, гораздо богаче, чем я предполагал в мечтах моих. Она же — швея, была швеей и даже и теперь, в остроге, занимается швейной работой по заказу и достает тоже деньги порядочные. Одним словом, дело идет не совсем «о холсте и валенках ей в дорогу и о чае с сахаром», а тон несколько повыше. Когда я пришел в первый раз, она уже несколько дней как родила, и не сына, а дочь, и проч. и проч. Несходства мелкие, но в главном, в сущности ошибки никакой.

Она была тогда, на время родов, в особом помещении и сидела одна; в углу, рядом на кровати, лежала новорожденная, которую накануне лишь окрестили. Ребенок, как я взошел, слабо вскрикнул с тем особым маленьким треском в голосе, какой бывает у всех новорожденных. Кстати, эта тюрьма почему-то даже и тюрьмой не называется, а «домом предварительного содержания преступников». В ней, впрочем, содержится очень много преступников, особенно по иным весьма любопытным отделам преступлений, и о которых, когда придет время, может быть, я и поговорю. Но прибавлю кстати, что я вынес весьма утешительное впечатление, по крайней мере в этом женском отделении тюрьмы, видя несомненную гуманность отношений надзирательниц к преступницам. Потом я был и в других камерах, например в той, где были соединены преступницы, имеющие грудных детей. Я сам видел заботы, внимательность, уход за ними этих почтенных ближайших их начальниц. И хоть не очень долго наблюдал, но есть же такие черты, такие слова, такие поступки

и движения, которые разом сказывают о многом. С Корниловой я пробыл в первый раз минут двадцать: это миловидная, очень молодая женщина, с взглядом интеллигентным, но очень даже простодушная. Сначала, минуты две, она была несколько удивлена моим приходом, но быстро поверила, что видит подле себя *своего,* ей сочувствующего, каким я и отрекомендовался ей при входе, и стала со мной совсем откровенна. Она не из очень разговорчивых и не из очень находчивых в разговоре, но то, что говорит, то говорит твердо и ясно, видимо правдиво и — всегда ласково, но без всякой услащенности, без всякой искательности. Она говорила со мной не то что как с ровным, а почти как с своим. Тогда еще, вероятно под влиянием очень недавних родов и воспоминания о произнесенном, тоже столь недавно, над нею приговоре (в самые последние дни беременности), она была несколько возбуждена и даже заплакала, вспомнив об одном показании, сделанном против нее в суде, о выговоренных будто бы ею каких-то словах сейчас в день преступления и которых она будто бы никогда не говорила. Она очень горевала о несправедливости этого показания, но поразило меня то, что говорила она вовсе не желчно и всего лишь воскликнула: «Значит, уж такая была судьба!» Когда я тут же заговорил об ее новорожденной дочке, она тотчас же стала улыбаться: «Вчера, дескать, окрестили». «Как же зовут?» — «А как меня, Катериной». Эта улыбка приговоренной в каторгу матери на своего ребенка, родившегося в остроге сейчас после приговора, которым осужден и он, еще не бывший тогда и на свете, вместе с матерью, — эта улыбка произвела во мне странное и тяжелое ощущение. Когда я стал ее расспрашивать осторожно о ее преступлении, то тон ее ответов тотчас же мне чрезвычайно понравился. Она отвечала на всё прямо и ясно, нисколько не уклончиво, так что я сейчас увидал, что никаких особенных предосторожностей тут не надо. Она вполне сознавалась, что она преступница во всем, в чем ее обвинили. Сразу поразило меня тоже, что про мужа своего (в злобе на которого и выбросила в окно девочку) она не только не сказала мне чего-нибудь злобного, хоть капельку обвинительного, но даже было совсем напротив. «Да как же всё это сделалось?» — и она прямо рассказала, как сделалось. «Пожелала злое, только совсем уж тут не моя как бы воля была, а чья-то чужая». Помню, она прибавила (на мой вопрос), что хоть и пошла сейчас в участок заявить о случившемся, но «идти в участок совсем не хотела, а как-то так сама пришла туда, не знаю зачем, и всё на себя показала».

Я еще накануне посещения узнал, что защитник ее, господин Л., подал приговор на кассацию; стало быть, всё же оставалась некоторая, хотя и слабая, надежда. Но у меня, кроме того, была еще в голове и некоторая другая надежда, о которой я, впрочем, теперь умолчу, но о которой тогда же, под конец моего посеще-

ния, ей сообщил. Она выслушала меня без большой веры в успех моих мечтаний, но расположению моему к ней поверила от всей души и тут же меня поблагодарила. На мой вопрос: не могу ли я ей в чем-нибудь сейчас быть полезным, она, тотчас же догадавшись, об чем я заговариваю, ответила мне, что ни в чем не нуждается, что деньги у ней есть и работа есть. Но в этих словах не прозвучало ни малейшей обидчивости, так что если б у ней не было денег, то она, может быть, вовсе не отказалась бы принять от меня небольшое вспоможение.

Раза два я потом опять заходил к ней. Между прочим, я нарочно заговорил однажды об совершенном оправдании убийцы Кириловой, происшедшем всего только несколько дней спустя после обвинительного приговора над ней, Корниловой, — но не заметил в ней ни малейшей зависти или ропота. Положительно, она наклонна думать о себе как о чрезвычайной преступнице. Присматриваясь к ней ближе, я невольно заметил, что в основе этого довольно любопытного женского характера лежит много ровности, порядка и, что особенно заинтересовало меня, — веселости. Тем не менее ее видимо мучают воспоминания: она с глубоким искренним горем сожалеет о том, что была строга к ребенку, «не взлюбила его», била его, слушая беспрерывные попреки мужа покойной женой и, как я догадался, видимо ревнуя его к этой покойной жене. Ее заметно смущает, между прочим, мысль, что муж ее теперь свободен и даже может жениться, и она с большим удовольствием передала мне однажды, тотчас же как я пришел к ней, что недавно приходил к ней муж и сам ей сказал, что «до того ли ему теперь, чтобы об женитьбе думать!», — значит, именно она сама, и первая, заговорила с ним об этом, подумал я. Повторю опять, она вполне понимает, что после приговора, над нею произнесенного, ее муж совсем уж ей не муж и что брак их расторгнут. Действительно у них происходят, стало быть, прелюбопытные свидания и разговоры, подумалось мне тут же.

В эти посещения мне случилось говорить об ней с несколькими надзирательницами острога и с г-жой А. П. Б. — помощницей смотрительницы острога. Я подивился той видимой симпатии, которую в них во всех возбудила к себе Корнилова. Г-жа А. П. Б. сообщила мне, между прочим, одно любопытное свое наблюдение, а именно: когда вступила к ним в острог Корнилова (вскоре после преступления), то это было совсем как бы другое существо, грубое, невежливое, злое, скорое на злые ответы. Но не прошло двух-трех недель, как она совсем и как-то вдруг изменилась: явилось существо доброе, простодушное, кроткое, «и вот так и до сих пор». Сообщение это показалось мне весьма подходящим к *делу*. Но беда была в том, что *дело*-то было уже решено и подписано и приговор произнесен. И вот на днях меня известили, что приговор суда, поданный на кассацию, кассирован (вследствие нарушения 693 ст. угол. суд.) и поступит вновь на

29

«Дневник писателя» за 1876 г. Страница чернового автографа главы первой декабрьского выпуска.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград

рассмотрение другого отделения суда с участием присяжных заседателей. Таким образом, теперь, в настоящую минуту, Корнилова опять подсудимая, не каторжная и опять законная жена своего мужа, а он ей законный муж! Стало быть, опять для нее засияла надежда. Дай бог, чтоб эту молодую душу, столь много уже перенесшую, не сломило окончательно новым обвинительным приговором. Тяжело переносить такие потрясения душе человеческой: похоже на то, как бы приговоренного к расстрелянию вдруг отвязать от столба, подать ему надежду, снять повязку с его глаз, показать ему вновь солнце и — через пять минут вдруг опять повести его привязывать к столбу. В самом деле, неужели так-таки не будет дано ни малейшего внимания обстоятельству беременности подсудимой во время совершения злодеяния? Важнейшая часть обвинения состоит, разумеется, в том, что всё же она совершила преступление *сознательно*; но опять-таки — что и какую роль играет в этом случае сознание? Сознание могло сохраниться вполне, но против сумасшедшего, извращенного болезненным аффектом желания своего устоять она не могла, несмотря на самое яркое сознание. Неужели это кажется столь невозможным? Не будь она беременна, она в момент своего злобного раздражения подумала бы, может быть, так: «Скверная девчонка, выбросить бы ее за окно, чтоб он не попрекал меня каждый час ее матерью», — подумала бы и не сделала бы; а в беременном состоянии — *не устояла* и сделала. Разве это не могло так именно случиться? И что в том, что она сама показывает на себя, что еще накануне хотела выбросить из окна ребенка, да муж помешал? Всё же это преступное намерение, так логически и твердо задуманное и так методически (с перестановкой горшков с цветами и проч.) на другое утро выполненное, ни в каком случае нельзя отнести к обыкновенному расчетливому злодейству: тут именно случилось нечто неестественное, ненормальное. Подумайте об одном: выбросив девочку и заглянув в окно посмотреть, как она упала (девочка в первую минуту была без чувств и ее из окна, конечно, можно было почесть за убитую), убийца закрывает окно, одевается и — идет в участок, где всё на себя показывает. Но для чего ей показывать на себя, если б она задумала злодеяние твердо и спокойно и с хладнокровным расчетом? Кто, где свидетели, что это она выбросила ребенка, а не сам ребенок выпал по неосторожности? Да она и воротившегося мужа могла бы тотчас же уверить в том, что ребенок сам выпал, а она ни в чем не виновата (так что мужу бы отмстила, а себя оправдала). Да если б она даже убедилась тогда же, выглянув в окно, что ребенок не расшибся, а, напротив, жив и может, стало быть, потом дать на нее показание, — то и тут она могла бы ничего не бояться: что могло бы значить в глазах судебного следствия показание шестилетней девочки о том, что ее приподняли сзади за ноги и выбросили в окно? Да всякий эксперт-доктор мог бы тут подтвердить, что ей именно могло показаться (то есть

если б даже она и сама упала) в минуту потери равновесия и падения, что кто-то как бы схватил ее сзади за ножки и толкнул вниз. Но если так, то для чего же преступница сама тотчас же отправилась на себя показывать? Ответят конечно: «Была в отчаянии, хотела покончить с собой так или этак». Действительно, другого объяснения и приискать нельзя, но уж одно это объяснение показывает, в каком душевном напряжении и расстройстве была эта *беременная*. Любопытны ее собственные слова: «Я в участок идти не хотела, а так как-то сама пришла». Значит, действовала как в бреду, «*не своей как бы волей*», несмотря на полное сознание.

С другой стороны, свидетельство г-жи А. П. Б. тоже страшно много поясняет: «Это было совсем другое существо, грубое, злое, и вдруг через две-три недели совсем изменившееся: явилось существо кроткое, тихое, ласковое». Почему же так? А вот именно кончился известный болезненный период беременности — период больной воли и «сумасшествия без сумасшествия», с ним прошел болезненный аффект и — явилось существо другое.

Вот что: еще раз вновь осудят ее в каторгу, вновь ее, столь уже пораженную и столь вынесшую, поразят и раздавят *вторым* приговором и, двадцатилетнюю, еще почти не начавшую жить, с грудным младенцем на руках ринут в каторгу и — что же выйдет? Много вынесет она из каторги? Не ожесточится ли душа, не развратится ли, не озлобится ли навеки? Кого когда исправила каторга? И главное — всё это при совершенно неразъясненном и неопровергнутом сомнении о болезненном аффекте тогдашнего беременного ее состояния. Опять повторю, как два месяца назад: «Лучше уж ошибиться в милосердии, чем в казни». Оправдайте несчастную, и авось не погибнет юная душа, у которой, может быть, столь много еще впереди жизни и столь много добрых для нее зачатков. В каторге же наверно всё погибнет, ибо развратится душа, а теперь, напротив, страшный урок, уже вынесенный ею, убережет ее, может быть, на всю жизнь от худого дела; а главное, может быть, сильно поможет развернуться и созреть тем семенам и зачаткам хорошего, которые видимо и несомненно заключены в этой юной душе. И если бы даже сердце ее было действительно черствое и злое, то милосердие смягчило бы его наверно. Но уверяю вас, что оно далеко не черствое и не злое и что об этом не я один свидетельствую. Неужели ж нельзя оправдать, *рискнуть* оправдать?

II. ЗАПОЗДАВШЕЕ НРАВОУЧЕНИЕ

Этот октябрьский № моего «Дневника» наделал мне и кроме того хлопот, в своем роде конечно. Там есть коротенькая статья «Приговор», оставившая во мне самом некоторого рода сомнение. Этот «Приговор» есть исповедь самоубийцы, последнее слово само-

убийцы, записанное им самим для оправдания и, может быть, для *назидания,* перед самым револьвером. Некоторые из тех друзей моих, мнением которых я дорожу наиболее, отнеслись к статейке этой даже с похвалой, но тоже подтвердили мои сомнения. Похвалили они то, что действительно как бы найдена формула этого рода самоубийц, ясно выражающая их сущность, но они усомнились: понятна ли будет цель статьи для всех и каждого из читателей? Не произведет ли, напротив, она на кого-нибудь совершенно обратного впечатления? Мало того: иные, вот те самые, которым уже начинали мерещиться еще до того револьвер или петля, — не соблазнятся ли даже ею, по прочтении ее, и не утвердятся ли еще более в своих несчастных намерениях? Одним словом, высказаны были сомнения точь-в-точь те же самые, которые во мне самом уже зародились. В результате вывод: что надо бы было прямо и просто в конце статьи разъяснить ясными словами, от автора, цель, с которою она написана, и даже прямо приписать нравоучение.

Я с этим согласился; да я и сам, когда еще писал статью, чувствовал, что нравоучение необходимо; но мне как-то совестно стало тогда приписать его. Мне показалось стыдно предположить, даже в самом простодушном из читателей, столько простоты, чтобы он сам не догадался о *подкладке* статьи и цели ее, о нравоучении ее. Для меня самого эта цель была столь ясна, что я невольно предполагал ее столь же ясною и для всякого. Оказалось, что я ошибся.

Справедливое замечание, сделанное одним писателем еще несколько лет тому назад, что признаваться в непонимании некоторого рода вещей считалось прежде за стыд, потому что прямо свидетельствовало о тупости признающегося, о невежестве его, о скудном развитии его ума и сердца, о слабости умственных способностей. Теперь же, напротив, весьма часто фраза «Я не понимаю этого» выговаривается почти с гордостью, по меньшей мере с важностью. Человек тотчас же как бы ставится этой фразой на пьедестал в глазах слушателей и, что еще комичнее, в своих собственных, нимало не стыдясь при этом дешевизны приобретенного пьедестала. Ныне слова «Я ничего не понимаю в Рафаэле» или «Я нарочно прочел всего Шекспира и, признаюсь, ровно ничего не нашел в нем особенного» — слова эти ныне могут быть даже приняты не только за признак глубокого ума, но даже за что-то доблестное, почти за нравственный подвиг. Да Шекспир ли один, Рафаэль ли один подвержены теперь такому суду и сомнению?

Это замечание о гордых невеждах, которое я передал здесь своими словами, довольно верно. Действительно, гордость невежд началась непомерная. Люди мало развитые и тупые нисколько не стыдятся этих несчастных своих качеств, а, напротив, как-то так сделалось, что это-то им и «духу придает». Замечал я тоже нередко, что в литературе и в частной жизни наступали великие

обособления и исчезала многосторонность знания: люди, до пены у рта оспаривавшие своих противников, по десятку лет не читали иногда ни строчки из написанного их противниками: «Я, дескать, не тех убеждений и не стану читать глупостей». Подлинно, на грош амуниции, а на рубль амбиции. Такая крайняя односторонность и замкнутость, обособленность и нетерпимость явились лишь в наше время, то есть в последние двадцать лет преимущественно. Явилась при этом у очень многих какая-то беззастенчивая смелость: люди познаний ничтожных смеялись, и даже в глаза, людям, в десять раз их более знающим и понимающим. Но хуже всего, что чем дальше, тем больше воцаряется «прямолинейность»: стало, например, заметно теряться чутье к применению, к иносказанию, к аллегории. Заметно перестали (вообще говоря) понимать шутку, юмор, а уж это, по замечанию одного германского мыслителя, — один из самых ярких признаков умственного и нравственного понижения эпохи. Напротив, народились мрачные тупицы, лбы нахмурились и заострились, — и всё прямо и прямо, всё в прямой линии и в одну точку. Думаете, что я лишь про молодых и про либералов говорю? Уверяю вас, что и про старичков и про консерваторов. Как бы в подражание молодым (теперь уже, впрочем, седым) еще двадцать лет тому появились странные прямолинейные консерваторы, раздраженные старички, и уж ровно ничего не понимавшие в текущих делах, в новых людях и в молодом поколении. Прямолинейность их, если хотите, даже иногда была жестче, жесточе и тупее прямолинейности «новых людей». О, весьма может быть, что всё это у них от избытка хороших желаний и от великодушного, но огорченного чувства новейшими безрассудствами; но всё же они иногда слепее даже новейших прямолинейников. А впрочем, мне кажется, я сам, осуждая прямолинейность, слишком уже заехал в сторону.

Только что появилась моя статья, и на письмах и лично посыпались мне запросы: что, дескать, значит ваш «Приговор»? Что вы хотите этим сказать и неужели вы самоубийство оправдываете? Иные же, показалось мне, были чему-то даже рады. И вот на днях присылает мне один автор, г-н Энпе, свою статейку, учтиво-ругательную, напечатанную им в Москве в еженедельном журнале «Развлечение». Я «Развлечения» не получаю и не думаю, чтоб мне прислал этот № издатель его, а потому приписываю эту присылку любезности самого автора статьи. Он мою статью осуждает и смеется над ней:

«Получил я октябрьский выпуск „Дневника писателя", прочитал и задумался: много хороших вещей в этом выпуске, но много и *странных*. Выскажем наше недоумение в самой сжатой форме. Зачем было, например, помещать в этом выпуске „рассуждение" одного самоубийцы от скуки? Положительно не понимаю, зачем? Это *рассуждение*, если можно так назвать бред полусумасшедшего человека, давно известно, разумеется несколько перефразированное, *всем тем, кому о том знать и ведать надлежит,* а потому появление его *в наше время,* в дневнике такого

писателя, как Ф. М. Достоевский, служит смешным и жалким анахронизмом. Теперь век *чугунных понятий*, век положительных мнений, век, держащий знамя: „Жить во что бы то ни стало!..“ Разумеется, как во всем и везде, есть исключения, есть самоубийства *с рассуждением* и *без рассуждения*, но на это пошлое геройство нынче никто не обращает никакого внимания: уж очень оно, это геройство-то, глупо! Было время, когда самоубийство, особенно *с рассуждением*, возводилось на степень величайшего „сознания“ — только неизвестно *чего*? — и героизма, тоже неизвестно в чем состоящего, но это *гнилое* время прошло и прошло безвозвратно, — и слава богу, жалеть нечего.

Каждый самоубийца, умирающий с рассуждением, подобным тому, которое напечатано в дневнике г-на Достоевского, не заслуживает никакого сожаления; это грубый эгоист, честолюбец и самый вредный член человеческого общества. Он даже не может сделать своего глупого дела без того, чтобы об нем не говорили; он даже и тут не выдерживает своей роли, своего напускного характера; он пишет *рассуждение*, хотя бы легко мог умереть без всякого рассуждения...

О, фальстафы жизни! Ходульные рыцари!..»

Прочитав это, я впал даже в уныние. Господи, да неужели много таких у меня читателей и неужели г-н Энпе, утверждающий, что мой самоубийца не заслуживает никакого сожаления, серьезно подумал, что я выставил его ему на «сожаление»? Конечно, единичное мнение г-на Энпе было бы не так важно. Но дело в том, что в настоящем случае г-н Энпе несомненно выражает собою целый тип, целую коллекцию таких же, как он, господ Энпе, тип, даже отчасти похожий на тот беззастенчивый тип, о котором я только что говорил выше, беззастенчивый и прямолинейный, — тип ну вот тех самых «чугунных понятий», о которых сам же г-н Энпе говорит в сделанной мною выписке из его статьи. Это подозрение о целой коллекции, ей-богу, даже страшно. Конечно, я, может быть, слишком принимаю к сердцу. Но, однако, прямо скажу: несмотря на такую мою восприимчивость, я и коллекции не стал бы отвечать, и вовсе не от пренебрежения к ней (почему же не поговорить с людьми?), а просто потому, что мало в № места. Итак, если отвечаю теперь и жертвую местом, то отвечаю, так сказать, на свои собственные сомнения и, так сказать, себе самому. Вижу, что к октябрьской статейке моей надо неотложно приставить нравоучение, разъяснить и даже разжевать цель ее. По крайней мере совесть моя будет спокойна, вот что.

III. ГОЛОСЛОВНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ

Статья моя «Приговор» касается основной и самой высшей идеи человеческого бытия — необходимости и неизбежности убеждения в бессмертии души человеческой. Подкладка этой исповеди погибающего «от логического самоубийства» человека — это необходимость тут же, сейчас же вывода: что без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, немыслимо и невыносимо. И вот мне показалось, что я ясно выразил формулу

логического самоубийцы, нашел ее. Веры в бессмертие для него не существует, он это объясняет в самом начале. Мало-помалу мыслью о своей бесцельности и ненавистью к безгласию окружающей косности он доходит до неминуемого убеждения в совершенной нелепости существования человеческого на земле. Для него становится ясно как солнце, что *согласиться* жить могут лишь те из людей, которые похожи на низших животных и ближе подходят под их тип по малому развитию своего сознания и по силе развития чисто плотских потребностей. Они соглашаются жить именно как животные, то есть чтобы «есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей». О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком — еще слишком долго будет привлекать человека к земле, но не в высших типах его. Между тем высшие типы ведь царят на земле и всегда царили, и кончалось всегда тем, что за ними шли, когда восполнялся срок, миллионы людей. Что такое высшее слово и высшая мысль? Это слово, эту мысль (без которых не может жить человечество) весьма часто произносят в первый раз люди бедные, незаметные, не имеющие никакого значения и даже весьма часто гонимые, умирающие в гонении и в неизвестности. Но мысль, но произнесенное ими слово не умирают и никогда не исчезают бесследно, никогда не могут исчезнуть, лишь бы только раз были произнесены, — и это даже поразительно в человечестве. В следующем же поколении или через два-три десятка лет мысль гения уже охватывает всё и всех, увлекает всё и всех, — и выходит, что торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому столь страшные и незыблемые, не деньги, не меч, не могущество, а незаметная вначале мысль, и часто какого-нибудь, по-видимому, ничтожнейшего из людей. Г-н Энне пишет, что появление такой исповеди у меня в «Дневнике» «служит» (кому, чему служит?) «смешным и жалким анахронизмом»... ибо ныне «век чугунных понятий, век положительных мнений, век, держащий знамя: „Жить во что бы то ни стало!..“» (Так, так! вот потому-то, вероятно, так и усилились в наше время самоубийства в классе интеллигентном.) Уверяю почтенного г-на Энне и подобных ему, что этот «чугун» обращается, когда приходит срок, в пух перед иной идеей, сколь бы ни казалась она ничтожною вначале господам «чугунных понятий». Для меня же лично, одно из самых ужасных опасений за наше будущее, и даже за ближайшее будущее, состоит именно в том, что, на мой взгляд, в весьма уже, в слишком уже большой части интеллигентного слоя русского по какому-то особому, странному... ну хоть предопределению всё более и более и с чрезвычайною прогрессивною быстротою укореняется совершенное неверие в свою душу и в ее бессмертие. И мало того, что это неверие укореняется убеждением (убеждений у нас еще очень мало в чем бы то ни было), но укореняется и повсеместным, странным каким-то индифферентизмом к этой высшей идее человеческого существо-

вания, индифферентизмом, иногда даже насмешливым, бог знает откуда и по каким законам у нас водворяющимся, и не к одной этой идее, а и ко всему, что жизненно, к правде жизни, ко всему, что дает и питает жизнь, дает ей здоровье, уничтожает разложение и зловоние. Этот индифферентизм есть в наше время даже почти русская особенность сравнительно хотя бы с другими европейскими нациями. Он давно уже проник и в русское интеллигентное семейство и уже почти что разрушил его. Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле *лишь одна* и именно — идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, *лишь из нее одной вытекают*. В этом могут со мной спорить (то есть об этом именно единстве источника всего высшего на земле), но я пока в спор не вступаю и идею мою выставляю лишь голословно. Разом не объяснишь, а исподволь будет лучше. Впереди еще будет время.

Мой самоубийца есть именно страстный выразитель своей идеи, то есть необходимости самоубийства, а не индифферентный и не чугунный человек. Он действительно страдает и мучается, и, уж кажется, я это выразил ясно. Для него слишком очевидно, что ему жить нельзя, и — он слишком знает, что прав и что опровергнуть его невозможно. Перед ним неотразимо стоят самые высшие, самые первые вопросы: «Для чего жить, когда уже он сознал, что по-животному жить отвратительно, ненормально и недостаточно для человека? И что может в таком случае удержать его на земле?» На вопросы эти разрешения он получить не может и знает это, ибо хотя и сознал, что есть, как он выражается, «гармония целого», но я-то, говорит он, «ее не понимаю, понять никогда не в силах, а что не буду в ней сам участвовать, то это уж необходимо и само собою выходит». Вот эта-то ясность и докончила его. В чем же беда, в чем он ошибся? Беда единственно лишь в потере веры в бессмертие.

Но он сам горячо ищет (то есть искал, пока жил, и искал с страданием) примирения; он хотел найти его в «любви к человечеству»: «Не я, так человечество может быть счастливо и когда-нибудь достигнет гармонии. Эта мысль могла бы удержать меня на земле», — проговаривается он. И, уж конечно, это великодушная мысль, великодушная и страдальческая. Но неотразимое убеждение в том, что жизнь человечества в сущности такой же миг, как и его собственная, и что назавтра же по достижении «гармонии» (если только верить, что мечта эта достижима) человечество обратится в тот же *нуль*, как и он, силою косных законов природы, да еще после стольких страданий, вынесенных в достижении этой мечты, — эта мысль возмущает его дух окончательно, именно из-за любви к человечеству возмущает, оскорбляет его за всё человечество и — по закону отражения идей — убивает в нем даже самую любовь к человечеству. Так точно видали не раз, как в семье, умирающей с голоду, отец или мать

под конец, когда страдания детей их становились невыносимыми, начинали ненавидеть этих столь любимых ими доселе детей именно за *невыносимость* страданий их. Мало того, я утверждаю, что сознание своего совершенного бессилия помочь или принести хоть какую-нибудь пользу или облегчение страдающему человечеству, в то же время при полном вашем убеждении в этом страдании человечества, может даже *обратить в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему*. Господа чугунных идей, конечно, не поверят тому, да и не поймут этого вовсе: для них любовь к человечеству и счастье его — всё это так дешево, всё так удобно устроено, так давно дано и написано, что и думать об этом не стоит. Но я намерен насмешить их окончательно: я объявляю (опять-таки *пока* бездоказательно), что любовь к человечеству даже совсем немыслима, непонятна и *совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой*. Те же, которые, отняв у человека веру в его бессмертие, хотят заменить эту веру, в смысле высшей цели жизни, «любовью к человечеству», те, говорю я, подымают руки на самих же себя; ибо вместо любви к человечеству насаждают в сердце потерявшего веру лишь зародыш ненависти к человечеству. Пусть пожмут плечами на такое утверждение мое мудрецы чугунных идей. Но мысль эта мудренее их мудрости, и я несомненно верую, что она станет когда-нибудь в человечестве аксиомой. Хотя опять-таки я и это выставляю пока лишь голословно.

Я даже утверждаю и осмеливаюсь высказать, что любовь к человечеству *вообще* есть, *как идея*, одна из самых непостижимых идей для человеческого ума. Именно как идея. Ее может оправдать лишь одно чувство. Но чувство-то возможно именно лишь при совместном убеждении в бессмертии души человеческой. (И опять голословно.)

В результате ясно, что самоубийство, при потере идеи о бессмертии, становится совершенною и неизбежною даже необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своем развитии над скотами. Напротив, бессмертие, обещая вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землей. Тут, казалось бы, даже противоречие: если жизни так много, то есть кроме земной и бессмертная, то для чего бы так дорожить земною-то жизнью? А выходит именно напротив, ибо только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле. Без убеждения же в своем бессмертии связи человека с землей порываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни (ощущаемая хотя бы лишь в виде самой бессознательной тоски) несомненно ведет за собою самоубийство. Отсюда обратно и нравоучение моей октябрьской статьи: «Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно и есть нормальное состояние человечества, а коли так, то и самое бессмертие души человеческой *существует несомненно*». Словом, идея о бессмертии — это сама

жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества. Вот цель статьи, и я полагал, что ее невольно уяснит себе всякий, прочитавший ее.

IV. КОЕ-ЧТО О МОЛОДЕЖИ

Кстати уж. Мне, пожалуй, укажут, что в наш век убивают себя люди и никогда не занимавшиеся никакими высшими вопросами; тем не менее убивают себя загадочно, безо всякой видимой причины. Мы действительно видим очень много (а обилие это опять-таки своего рода загадка) самоубийств, странных и загадочных, сделанных вовсе не по нужде, не по обиде, без всяких видимых к тому причин, вовсе не вследствие материальных недостатков, оскорбленной любви, ревности, болезни, ипохондрии или сумасшествия, а так, бог знает из-за чего совершившихся. Такие случаи в наш век составляют большой соблазн и так как совершенно невозможно в них отрицать эпидемию, то обращаются для многих в самый беспокойный вопрос. Все эти самоубийства я, конечно, объяснять не возьмусь, да и, разумеется, не могу,[1] но зато я несомненно убежден, что в большинстве, в целом, прямо или косвенно, эти самоубийцы покончили с собой из-за одной и той же духовной болезни — от отсутствия высшей идеи существования в душе их. В этом смысле наш индифферентизм, как современная русская болезнь, заел все души. Право, у нас теперь иной даже молится и в церковь ходит, а в бессмертие своей души не верит, то есть не то что не верит, а просто об этом совсем никогда не думает. И, однако, это вовсе иногда не чугунный, не скотского, не низшего типа человек. А меж тем лишь из этой одной веры, как уже и говорил я выше, выходит весь высший смысл и значение жизни, выходит желание и охота жить. О, повторяю, есть много охотников жить без всяких идей и без всякого высшего смысла жизни, жить просто животною жизнью, в смысле низшего типа; но есть, и даже слишком уж многие и, что всего любопытнее, с виду, может быть, и чрезвычайно грубые и порочные натуры, а между тем природа их, может быть им самим неведомо, давно уже тоскует по высшим целям и значению жизни. Эти уж не успокоятся на любви к еде, на любви к кулебякам, к красивым рысакам, к разврату, к чинам, к чиновной власти, к поклонению подчиненных, к швейцарам у дверей домов их. Этакий застрелится именно с виду *не из чего*, а между тем непременно от тоски, хотя и бессознательной, по высшему смыслу жизни, не найденному им нигде. А иной из таких вдобавок застрелится, предварительно выкинув какую-ни-

---

[1] Я получаю очень много писем с изложением фактов самоубийств и с вопросами: как и что я об этих самоубийствах думаю и чем их объясняю?

будь скандальную мерзость, скверность, чудовищность. О, глядя на многих из этаких, разумеется, трудно поверить, чтоб они покончили с собою из-за «тоски по высшим целям жизни»: «Да они ни об каких целях совсем и не думали, они ни об чем таком никогда и не говорили, а только делали „пакости“» — вот всеобщий голос! Но пусть не заботились и делали пакости: высшая тоска эта — знаете ли вы твердо, какими сложными путями в жизни общества передается иногда иной душе и заражает ее? Идеи летают в воздухе, но непременно по законам; идеи живут и распространяются по законам, слишком трудно для нас уловимым; идеи заразительны, и знаете ли вы, что в общем настроении жизни иная идея, иная забота или тоска, доступная лишь высокообразованному и развитому уму, может вдруг передаться почти малограмотному существу, грубому и ни об чем никогда не заботившемуся, и вдруг заразить его душу своим влиянием? Укажут мне, пожалуй, опять, что в наш век умерщвляют себя даже дети или такая юная молодежь, которая и не испытала еще жизни. А у меня именно есть таинственное убеждение, что молодежь-то наша и страдает, и тоскует у нас от отсутствия высших целей жизни. В семьях наших об высших целях жизни почти и не упоминается, и об идее о бессмертии не только уж вовсе не думают, но даже слишком нередко относятся к ней сатирически, и это при детях, с самого их детства, да еще, пожалуй, с нарочным назиданием.

«Да семейства у нас вовсе нет», — заметил мне недавно, возражая мне, один из наших талантливейших писателей. Что же, это ведь отчасти и правда: при нашем всеобщем индифферентизме к высшим целям жизни, конечно, может быть, уже и расшаталась наша семья в известных слоях нации. Ясно по крайней мере до наглядности то, что наше юное поколение обречено само отыскивать себе идеалы и высший смысл жизни. Но это-то отъединение их, это-то оставление на собственные силы и ужасно. Это вопрос слишком, слишком значительный в теперешний момент, в теперешний миг нашей жизни. Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни. От наших умных людей и вообще от руководителей своих она может заимствовать в наше время, повторяю это, скорее лишь взгляд сатирический, но уже ничего *положительного*, — то есть во что верить, что уважать, обожать, к чему стремиться, — а всё это так нужно, так необходимо молодежи, всего этого она жаждет и жаждала всегда, во все века и везде! А если бы и смогли и в силах еще были ей передать что-нибудь из правильных указаний в семье или в школе, то опять-таки и в семье и в школе (конечно, не без некоторых исключений) слишком уж стали к этому индифферентны за множеством иных, более практических и современно-интересных задач и целей. Молодежь шестого декабря на Казанской площади, без сомнения, лишь «настеганное стадо»

в руках каких-то хитрых мошенников, судя по крайней мере *по фактам*, указанным «Московскими ведомостями»; что выйдет и что окажется из этого дела — я далее ничего не знаю. Без сомнения, тут дурь, злостная и безнравственная, обезьянья подражательность с чужого голоса, но всё же их могли собрать, лишь уверив, что они собраны во имя чего-то высшего и прекрасного, во имя какого-то удивительного самопожертвования для величайших целей. Пусть даже это «искание своего идеала» слишком в немногих из них, но эти немногие царят над остальными и ведут их за собою, — это-то уже ясно. Что же, кто виноват теперь, что их идеал так уродлив? Уж конечно, и сами они, но ведь и не одни они. О, без сомнения, даже и теперешняя окружающая их действительность могла бы спасти их от их уродливой оторванности от всего насущного и реального, от их грубейшего непонимания самых простых вещей; но в том-то и дело, что наступили, значит, такие сроки, что оторванность от почвы и от народной правды в нашем юнейшем поколении должна уже удивить и ужаснуть даже самих «отцов» их, столь давно уже от всего русского оторвавшихся и доживающих свой век в блаженном спокойствии высших критиков земли русской. Ну вот и урок, — урок и семье и школе и блаженно-убежденнейшим критикам: сами же они теперь не узнают *своих последствий* и от них отрекаются, но... но ведь и их-то, «отцов»-то, разве можно опять-таки винить *окончательно*? Сами-то они не суть ли продукты и следствия каких-то особых роковых законов и предопределений, которые стоят над всем интеллигентным слоем русского общества уже чуть ли не два века сряду, почти вплоть до великих реформ нынешнего царствования? Нет, видно двухсотлетняя оторванность от почвы и от *всякого дела* не спускаются даром. Винить недостаточно, надо искать и лекарств. По-моему, еще есть лекарства: они в народе, в святынях его и в нашем соединении с ним. Но... но об этом еще после. Я и «Дневник» предпринимал отчасти для того, чтоб об этих лекарствах говорить, насколько сил достанет.

V. О САМОУБИЙСТВЕ И О ВЫСОКОМЕРИИ

Но надо кончить с г-ном Энпе. С ним случилось то, что бывает со многими из его «типа»: для них что ясно и что слишком скоро они могут понять, то и глупо. Ясность они гораздо наклоннее презирать, чем хвалить. Другое дело что-нибудь с завитком и с туманом: «А, мы этого не понимаем, значит, тут глубина».

Он говорит, что «рассуждение» моего самоубийцы есть лишь «бред полусумасшедшего человека» и «*давно известно*». Я очень наклонен думать, что «рассуждение» это стало ему «известным» лишь по прочтении моей статьи. Что же касается до «бреда полусумасшедшего», то этот бред (известно ли это г-ну Энпе и всей

их коллекции?) — этот бред, то есть вывод необходимости самоубийства, есть для многих, даже для слишком уже многих в Европе — как бы последнее слово науки. Я в кратких словах выразил это «последнее слово науки» ясно и популярно, но единственно чтоб его опровергнуть, — и не рассуждением, не логикой, ибо логикой оно неопровержимо (и я вызываю не только г-на Энпе, но и кого угодно опровергнуть логически этот «бред сумасшедшего»), — но верой, выводом необходимости веры в бессмертие души человеческой, выводом убеждения, что вера эта есть единственный источник живой жизни на земле — жизни, здоровья, здоровых идей и здоровых выводов и заключений...

А в заключение нечто совсем уж комическое. В том же октябрьском № я сообщил о самоубийстве дочери эмигранта: «Она намочила вату хлороформом, обвязала себе этим лицо и легла на кровать. Так и умерла. Пред смертью написала записку: „Предпринимаю длинное путешествие. Если самоубийство не удастся, то пусть соберутся все отпраздновать мое воскресенье из мертвых с бокалами клико. А если удастся, то я прошу только, чтоб схоронили меня, вполне убедясь, что я мертвая, потому что совсем неприятно проснуться в гробу под землею. Очень даже не шикарно выйдет“».

Г-н Энпе высокомерно рассердился на эту «пустенькую» самоубийцу и заключил, что поступок ее «никакого внимания не заслуживает». Рассердился и на меня за «мой наивный до крайности» вопрос о том, которая из двух самоубийц больше мучилась на земле? Но тут вышло нечто смешное. Он вдруг прибавил: «Смею думать, что человек, желающий *приветствовать* свое возвращение к жизни с бокалами шампанского в руках» (разумеется, в руках) «не много *мучился* в этой жизни — когда опять с таким торжеством вступает в нее, ничуть не изменяя ее условий — и даже не думая о них...»

Какая смешная мысль и какое смешное соображение! Тут, главное, соблазнило его шампанское: «Кто пьет шампанское, тот, стало быть, не может мучиться». Да ведь если б она так любила шампанское, то осталась бы жить, чтоб пить его, а ведь она написала про шампанское перед смертью, то есть перед серьезною смертью, слишком хорошо зная, что наверно умрет. Шансу очнуться опять она не могла очень верить, да и не представлял он ей ничего отрадного, потому что очнуться опять значило для нее, конечно, очнуться для нового самоубийства. Шампанское, стало быть, тут ни при чем, то есть вовсе не для того, чтоб пить его, — и неужели это разъяснять надо? Написала же она о шампанском из желания сделать, умирая, какой-нибудь выверт померзче и погрязнее. Потому-то и выбрала шампанское, что грязнее и мерзче этой картины пития его при своем «воскресении из мертвых» не нашла другой. Нужно же ей было написать это для того, чтоб оскорбить этой грязью всё, что она оставляла на земле, проклясть землю и земную жизнь свою,

плюнуть на нее и заявить этот плевок к сведению тех близких ей, которых она покидала. Из-за чего же такая злоба в этой семнадцатилетней девочке? (NB. Ей было семнадцать лет, а не двадцать, я ошибся в моей статье, и меня потом поправили знавшие это дело лучше.) И на кого злоба? Ее никто не обижал, она ни в чем не нуждалась, она умерла, по-видимому, тоже совсем без причины. Но именно эта-то записка, именно то, что она так *интересовалась* в такой час сделать такой грязный и злобный выверт (что очевидно), именно это и наводит на мысль, что жизнь ее была безмерно чище этого грязного выверта и что злоба, что безмерное озлобление этого выверта и свидетельствует, напротив, о страдальческом, мучительном настроении ее духа, о ее отчаянии в последнюю минуту жизни. Если б она умерла от какой-нибудь апатичной скуки, не зная зачем, то не сделала бы этого выверта. К такому состоянию духа надо относиться человеколюбивее. Страдание тут очевидное, и умерла она непременно от духовной тоски и много мучившись. Чем она успела так измучиться в 17 лет? Но в этом-то и страшный вопрос века. Я выразил предположение, что умерла она от тоски (слишком ранней тоски) и бесцельности жизни — лишь вследствие своего извращенного теорией воспитания в родительском доме, воспитания с ошибочным понятием о высшем смысле и целях жизни, с намеренным истреблением в душе ее всякой веры в ее бессмертие. Пусть это лишь мое предположение, но ведь не для того же, в самом деле, умерла она, чтоб оставить лишь после себя подлую записку — на удивление, как кажется и предполагает г-н Энпе? «Никто же плоть свою возненавиде». Истребление себя есть вещь серьезная, несмотря на какой бы там ни было шик, а эпидемическое истребление себя, возрастающее в интеллигентных классах, есть слишком серьезная вещь, сто́ящая неустанного наблюдения и изучения. Года полтора назад мне показывал один высокоталантливый и компетентный в нашем судебном ведомстве человек пачку собранных им писем и записок самоубийц, собственноручных, писанных ими перед самою смертию, то есть за пять минут до смерти. Помню две строчки одной пятнадцатилетней девочки, помню тоже каракули карандашом, писанные в ехавшей карете, в которой тут же и застрелился самоубийца, не доехав куда везли его. Я думаю, если б даже и г-н Энпе переглядел эту интереснейшую пачку, то и в его душе, может быть, совершился бы некоторый переворот и в спокойное сердце его проникло бы смятение. Но не знаю. Во всяком случае к этим фактам надо относиться человеколюбивее и отнюдь не так высокомерно. В фактах этих, может быть, мы и сами все виноваты, и никакой чугун не спасет нас потом от бедственных последствий нашего спокойствия и высокомерия, когда восполнятся сроки и придет время этих последствий.

Но довольно. Я не одному г-ну Энпе, а многим господам Энпе ответил.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I. АНЕКДОТ ИЗ ДЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Расскажу, чтоб не забыть.

Живут на краю Петербурга, и даже подальше, чем на краю, одна мать с двенадцатилетней дочкой. Семья небогатая, но мать имеет занятие и добывает средства трудом, а дочка посещает в Петербурге школу и каждый раз, когда уезжает в школу или возвращается из школы домой, ездит в общественной карете, отправляющейся от Гостиного двора до того места, где они живут, и обратно по нескольку раз в день, в известные сроки.

И вот однажды, недавно, месяца два назад, как раз когда у нас вдруг и так быстро установилась зима и начался первопут с целой неделей тихих, светлых дней, в два-три градуса морозу, однажды вечером мать, смотря на дочку, сказала ей:

— Саша, я вижу, ты никаких уроков не твердишь, вот столько уже вечеров замечаю. Знаешь ли ты уроки-то?

— Ах, мамочка, не беспокойся, я всё приготовила; на всю даже неделю вперед приготовила.

— Хорошо, коли так.

Назавтра отправилась Саша в школу, а в шестом часу кондуктор общественной кареты, в которой должна была воротиться Саша, соскочив мимоездом у их ворот, подал «мамочке» от нее записку следующего содержания:

«Милая мамочка, я всю неделю была очень дурной девочкой. Я получила три нуля и всё тебя обманывала. Воротиться мне к тебе стыдно, и я уж больше к тебе не вернусь. Прощай, милая мамочка, прости меня, твоя Саша».

Можно представить, что сталось с матерью. Разумеется, тотчас же хотела бросить занятия и лететь в город разыскивать Сашу хоть по каким-нибудь следам. Но где? Как? Случился тут один близкий знакомый, принявший горячее участие и вызвавшийся тотчас же отправиться в Петербург и там, справившись в школе, искать и искать по всем знакомым и хоть целую ночь. Главное, представившееся соображение, что Саша может воротиться тем временем сама, раскаявшись в прежнем решении, и если матери дома не застанет, то, пожалуй, опять уйдет, заставило мать остаться и довериться горячему участию доброго человека. В случае же, если Саша не отыщется к утру, положили чем свет заявить полиции. Оставшись дома, мать провела несколько тяжелых часов, и я их не описываю, так как можно и так понять.

«И вот, — рассказывает мать, — уже около десяти часов вдруг слышу знакомые маленькие скорые шаги во дворе по снегу и потом по лесенке. Отворяется дверь и — вот Саша.

— Мамочка, ах, мамочка, как я рада, что пришла к тебе, ах!

Сложила руки перед собой ладошками, потом закрыла себе

ими лицо и села на кровать. Такая усталая, измученная. Ну, тут, разумеется, первые восклицания, первые вопросы; мать осторожна, упрекать пока не смеет.

— Ах, мамочка, как только я вчера тебе солгала про уроки, так вчера же и решилась: в школу больше не ходить и к тебе не возвращаться; потому что как же я в школу ходить не буду, а тебя каждый день буду обманывать, что хожу?

— Да как же ты с собой-то быть хотела? Коль не в школе и не у меня, так где же?

— А я думала, что на улице. Как день, я бы всё по улицам ходила. Шубка на мне теплая, а прозябну — в Пассаж зайду, а вместо обеда каждый день по булке покупать, ну а пить — так как уж нибудь, теперь снег. Одной булки мне довольно. У меня 15 копеек, по три копейки на булку, вот и пять дней.

— А там?

— А там не знаю, дальше я не подумала.

— Ну а ночевать-то, ночевать-то где?

— А ночевать, я это обдумала. Как уж темно и как уж поздно, я думала всякий день ходить на железную дорогу, туда дальше, за воксал, где никого уж нет и где ужасно много вагонов стоит. Влезть в какой-нибудь этот вагон, который уж видно, что не пойдет, и ночевать до утра. Я и пошла. И далеко зашла, туда за воксал, и никого там нет, и вижу совсем в стороне вагоны стоят и совсем не такие, в которых все ездят. Вот, думаю, влезу в какой-нибудь этот вагон, и никто не увидит. Только я начала влезать, а вдруг сторож мне и закричал:

— Куда лезешь? В этих вагонах мертвых возят.

Услышала я это, соскочила, а он уж, вижу, ко мне подходит: „Вам чего, говорит, здесь надо?“ Я от него бежать, бежать, он что-то закричал, только я убежала. Иду я, так испугалась. Воротилась на улицы, хожу и вдруг вижу дом, большой дом, каменный, строится, еще только кирпичный, стекол, дверей нет и забиты досками, а кругом забор. Вот, думаю, если б пройти как-нибудь туда в дом, то там ведь никто не увидит, темно. Зашла я с переулка и сыскала такое место, что хоть и заколочено досками, а можно пролезть. Я и пролезла, прямо как в яму, там еще земля; я пошла ощупью по стене в угол, а в углу доски, кирпичи. Вот, думаю, тут и ночую на досках. Так и легла. Только вдруг слышу, точно кто тихо очень говорит. Я приподнялась, а в самом углу слышу говорят, тихо, и точно на меня оттуда глаза смотрят. Тут я уж очень испугалась, побежала как раз в ту самую дверь опять на улицу, а они меня, слышу, зовут. Успела выскочить. А я-то думала, что дом пустой.

Тут как вышла я опять, то очень вдруг устала. Так устала, так устала. Иду по улицам, народ ходит, который час, не знаю. Вышла я на Невский проспект, иду около Гостиного и совсем плачу. „Вот, думаю, прошел бы какой добрый человек, пожалел бы бедную девочку, которой ночевать негде. Я уж призналась бы

Глава вторая.

(1)

Анекдот из детской жизни.

Расскажу ~~один коротенький анекдот~~ чтоб не забыть.

Живет на краю Петербурга, и даже подальше, чем на краю, одна мать с двенадцатилетней дочкой. Сами не богатые, но мать имеет занятие и добывает средства трудом, а дочку помещает в петербургскую школу, и каждый раз, когда та возвращается из школы домой, — ездит в общественной карете, отправляющейся от Гостиного двора до того пункта, где они живут, и обратно по нескольку раз в день, в известные сроки.

И вот однажды, недавно, месяца два назад, в тот раз когда у нас вдруг и так быстро установилась зима и начались морозы, с утра невиданной стужей, было двадцать градусов морозу, — однажды вечером мать, смотря на дочку, сказала: Саша, а ведь у тебя никаких уроков не заметно, вот сколько уж вечеров замечаю. Знаешь ли ты уроки-то?

— Ах, мамаша, не беспокойтесь, я все приготовила, на весь завтрашний день вперед приготовила.

— Хорошо коли так.

«Дневник писателя» за 1876 г. Страница наборной рукописи второй главы декабрьского выпуска.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Ленинград

ему, а он бы мне сказал: пойдемте к нам ночевать“. Думаю я всё об этом, иду и — вдруг гляжу, стоит наш дилижанс и последний раз сюда отправляться хочет, а я-то думала, что он уже давно ушел. „Ах, думаю, поеду к маме!“ Села я, и так теперь, мамочка, рада, что к тебе воротилась! Никогда я тебя больше обманывать не буду и учиться буду хорошо, ах, мамочка! ах, мамочка!

Спрашиваю ее, — рассказывает мать дальше, — Саша, да неужель ты всё это сама выдумала — и в школу чтоб не ходить и на улице жить?

— Видишь, мамочка, тут я давно уже познакомилась с одной девочкой, такая же как и я, только она в другую школу ходит. Только, веришь ли, она никогда почти не ходит, а дома всем говорит каждый день, что ходит. А мне она сказала, что учиться ей скучно, а на улице очень весело. „Я, говорит, как выйду из дому, всё хожу, всё хожу, а в школу вот уж две недели не показывалась, в окна в магазины смотрю, в Пассаже хожу, булку съем — до самого вечера, как домой идти“. Я как узнала про это от нее, тогда же подумала: „Вот бы мне так же“, и стало мне скучно в школе. Только я и намерения не имела до самого вчерашнего дня, а вчера как солгала тебе, и решилась. . .»

Анекдот этот — правда. Теперь, уж разумеется, матерью приняты меры. Когда мне рассказали его, я подумал, что очень нелишнее напечатать его в «Дневнике». Мне позволили, конечно с полным incognito. Мне, разумеется, возразят сейчас же: «Единичный случай, и просто потому, что девочка очень глупа». Но я знаю наверно, что девочка очень не глупа. Знаю тоже, что в этих юных душах, уже вышедших из первого детства, но еще далеко не дозревших до какой-нибудь хоть самой первоначальной возмужалости, могут порою зарождаться удивительные фантастические представления, мечты и решения. Этот возраст (двенадцати- или тринадцатилетний) необычайно интересен, в девочке еще больше, чем в мальчике. Кстати о мальчиках: помните вы года четыре назад напечатанное в газетах известие о том, как из одной гимназии бежали три чрезвычайно юные гимназиста в Америку и что их поймали уже довольно далеко от их города, а вместе захватили и бывший с ними пистолет. Вообще и прежде, поколение или два назад, в головах этого очень юного народа тоже могли бродить мечты и фантазии, совершенно так же как у теперешних, но теперешний юный народ как-то решительнее и гораздо короче на сомнения и размышления. Прежние, надумав проект (ну хоть бежать в Венецию, начитавшись о Венеции в повестях Гофмана и Жорж Занда, — я знал одного такого), всё же проектов своих не исполняли и много что поверяли их под клятвою какому-нибудь товарищу, а теперешние надумают да и выполнят. Впрочем, прежних связывало и чувство их долга, ощущение обязанности, — к отцам, к матерям, к известным верованиям и принципам. Нынче же,

бесспорно, связи эти и ощущения стали несколько слабее. Меньше удержу и внешнего и внутреннего, в себе самом заключающегося. Оттого, может быть, одностороннее и голова работает, и, уж разумеется, всё это от чего-нибудь.

А главное, это вовсе не единичные случаи, происходящие от глупости. Повторяю, этот чрезвычайно интересный возраст вполне нуждается в особенном внимании столь занятых у нас педагогией педагогов и столь занятых теперь «делами» и не делами родителей. И как легко может всё это случиться, то есть всё самое ужасное, да еще с кем: с нашими родными детьми! Подумать только о том месте в этом рассказе матери, когда девочка «*вдруг устала*, идет и плачет и мечтает, что встретится добрый человек, сжалится, что бедной девочке негде ночевать, и пригласит ее с собою». Подумать, что ведь это желание ее, свидетельствующее о ее столь младенческой невинности и незрелости, так легко могло тут же сбыться и что у нас везде, и на улице и в богатейших домах, так и кишит вот именно этими «добрыми человечками»! Ну а потом, наутро? Или прорубь, или *стыд признаться*, а за стыдом признаться и грядущая способность, всё затаив про себя, *с воспоминанием ужиться*, а потом об нем задуматься, уже с другой точки зрения, и всё думать и думать, но уже с чрезвычайным разнообразием представлений, и всё это мало-помалу и само собой; ну а под конец, пожалуй, и желание повторить случай, а затем и всё остальное. И это с двенадцати-то лет! И всё шито-крыто. Ведь шито-крыто в полном смысле слова! А эта другая девочка, которая вместо школы в магазины заглядывает и в Пассаж заходит, и нашу девочку научила? Я прежде слыхивал в этом роде про мальчиков, которым учиться скучно, а *бродяжить* весело. (NB. Бродяжничество есть привычка, болезненная и отчасти наша национальная, одно из различий наших с Европой, — привычка, обращающаяся потом в болезненную страсть и весьма нередко зарождающаяся с самого детства. Об этой национальной страсти нашей я потом непременно поговорю.) Но вот, стало быть, возможны и *бродячие* девочки. И, положим, тут полная пока *невинность*; но будь невинна как самое первобытное существо в раю, а всё не избегнет «познания добра и зла», ну хоть с краюшку, хоть в воображении только, мечтательно. Улица ведь такая бойкая школа. А главное, повторяю еще и еще: тут этот интереснейший возраст, возраст, вполне еще сохранивший самую младенческую, трогательную невинность и незрелость с одной стороны, а с другой — уже приобревший скорую до жадности способность восприятия и быстрого ознакомления с такими идеями и представлениями, о которых, по убеждению чрезвычайно многих родителей и педагогов, этот возраст даже и представить себе будто бы ничего еще не может. Это-то вот раздвоение, эти-то две столь несходные половины юного существа в своем соединении представляют чрезвычайно много опасного и критического в жизни этих юных существ.

II. РАЗЪЯСНЕНИЕ ОБ УЧАСТИИ МОЕМ В ИЗДАНИИ БУДУЩЕГО ЖУРНАЛА «СВЕТ»

В «Дневнике писателя» (и опять в том же октябрьском №) было мною помещено объявление об издании в 1877 году нового журнала «Свет» профессором Н. П. Вагнером. И вот только что появилось это объявление, как стали меня расспрашивать о будущем журнале и о будущем моем в нем участии. Я отвечал всем, кому мог ответить, что в журнале «Свет» я, по приглашению Н. П. Вагнера, обещал поместить лишь рассказ и что в этом и будет состоять *всё* мое в нем участие. Но теперь вижу необходимость оговорить это даже печатно, ибо с вопросами не перестают; я получаю каждый день письма от моих читателей и ясно вижу из этих писем, что читатели мои почему-то вдруг убедились, что участие мое в журнале «Свет» будет несравненно обширнее, чем упомянуто о нем в объявлении профессора Вагнера, то есть что я почти *перехожу* в «Свет», начинаю новую деятельность, расширяю прежнюю, и что если я и не соучастник в издании или редактировании будущего журнала, то уже непременно участник в его идее, в замысле, в плане и проч. и проч.

На это и заявляю теперь, что в будущем 1877 году буду издавать лишь «Дневник писателя» и что «Дневнику» и будет принадлежать, по примеру прошлого года, *вся* моя авторская деятельность. Что же до нового издания «Свет», то ни в замысле, ни в плане, ни в соредактировании его не участвую. Даже самая идея будущего журнала мне еще совсем неизвестна, и я жду появления его первого №, чтоб в первый раз с нею познакомиться. Полагаю, что особую близость мою к журналу «Свет» вывели из того лишь, что в «Дневнике писателя» напечатано было о нем самое первое объявление, а потом как-то так почему-то случилось, что это объявление довольно долгое время не повторялось ни в одной газете. Во всяком случае обещать дать рассказ в другое издание еще не значит бросить свое и перейти в то издание, а искреннейшее мое желание успеха предприятию уважаемого Н. П. Вагнера основано всего лишь только на личной моей надежде и даже на убеждении встретить в его журнале нечто новое, оригинальное и полезное, — но далее и подробнее я ничего о журнале «Свет» не знаю. Издание это мне чужое и пока́ столько же мне известное, сколько и всякому, прочитавшему о нем газетное объявление.

III. НА КАКОЙ ТЕПЕРЬ ТОЧКЕ ДЕЛО

Год кончился, а этим двенадцатым выпуском заканчивается первый год издания «Дневника писателя». От читателей моих я встретил весьма лестное мне сочувствие, а между тем и сотой доли не сказал того, что намеревался высказать, а из высказан-

ного, вижу теперь, многое не сумел выразить ясно с первого разу и даже бывал понят превратно, в чем, конечно, виню наиболее себя. Но хоть и мало успел сказать, а всё же надеюсь, что читатели мои уже и из высказанного в этом году поймут характер и направление «Дневника» в будущем году. Главная цель «Дневника» пока состояла в том, чтобы по возможности разъяснять идею о нашей национальной духовной самостоятельности и указывать ее, по возможности, в текущих представляющихся фактах. В этом смысле, например, «Дневник»» довольно много говорил о нашем внезапном национальном и народном движении нынешнего года в так называемом «славянском деле». Выскажем вперед: «Дневник» не претендует представлять ежемесячно политические статьи; но он всегда будет стараться отыскать и указать, по возможности, нашу национальную и народную точку зрения и в текущих политических событиях. Например, из наших статей о «славянском движении» нынешнего года читатели, может быть, уже уяснили себе, что «Дневник» желал лишь выяснить сущность и значение этого движения собственно и, главное, относительно нас, русских; указать, что дело для нас состоит не в одном славизме и не в политической лишь постановке вопроса в современном смысле его. Славизм, то есть единение всех славян с народом русским и между собою, и политическая сторона вопроса, то есть вопросы о границах, окраинах, морях и проливах, о Константинополе и проч. и проч., — всё это вопросы хотя, без сомнения, самой первостепенной важности для России и будущих судеб ее, но не ими лишь исчерпывается сущность Восточного вопроса для нас, то есть в смысле разрешения его в народном духе нашем. В этом смысле эти первостепенной важности вопросы отступают уже на второй план. Ибо главная сущность всего дела, по народному пониманию, заключается несомненно и всецело лишь в судьбах восточного христианства, то есть православия. Народ наш не знает ни сербов, ни болгар; он помогает, и грошами своими и добровольцами, не славянам и не для славизма, а прослышал лишь о том, что страдают православные христиане, братья наши, за веру Христову от турок, от «безбожных агарян»; вот почему, и единственно поэтому, обнаружилось всё движение народное этого года. В судьбах настоящих и в судьбах будущих православного христианства — в том заключена вся идея народа русского, в том его служение Христу и жажда подвига за Христа. Жажда эта истинная, великая и непереставаемая в народе нашем с древнейших времен, непрестанная, может быть, никогда, — и это чрезвычайно важный факт в характеристике народа нашего и государства нашего. Московские старообрядцы снарядили и пожертвовали от себя целый (и превосходный) санитарный отряд и послали его в Сербию; и, однако, они отлично знали, что сербы не старообрядцы, а такие же как и мы, с которыми они в деле веры не сообщаются. Тут высказалась именно идея о дальнейших, окончательных судьбах

православного христианства, хотя бы и в отдаленных временах и сроках, и надежда будущего единения всех восточных христиан воедино; и, помогая христианам против турок, притеснителей христианства, они, стало быть, сочли сербов такими же настоящими христианами, как и сами, несмотря на временные различия, и даже хотя бы только в будущем. В этом смысле пожертвование это имеет даже историческое значение, наводит на отрадные мысли и подтверждает отчасти наше указание о том, что в судьбах христианства и заключается вся цель народа русского, хотя бы даже и разъединенного временно иными фиктивными различиями в вероисповедании. В народе бесспорно сложилось и укрепилось даже такое понятие, что вся Россия для того только и живет, чтобы служить Христу и оберегать от неверных *всё* вселенское православие. Если не прямо выскажет вам эту мысль всякий из народа, то я утверждаю, что выскажут ее вполне сознательно уже весьма многие из народа, а эти очень многие имеют бесспорно влияние и на весь остальной народ. Так что прямо можно сказать, что эта мысль уже во всем народе нашем почти *сознательная*, а не то что таится лишь в чувстве народном. Итак, в этом лишь едином смысле Восточный вопрос и доступен народу русскому. Вот главный факт.

Но если так, то взгляд на Восточный вопрос должен принять несравненно более определенный вид и для всех нас. Россия сильна народом своим и духом его, а не то что лишь образованием, например, своим, богатствами, просвещением и проч., как в некоторых государствах Европы, ставших, за дряхлостью и потерею живой национальной идеи, совсем искусственными и как бы даже ненатуральными. Думаю, что так еще долго будет. Но если народ понимает славянский и вообще Восточный вопрос лишь в значении судеб православия, то отсюда ясно, что дело это уже не случайное, не временное и не внешнее лишь политическое, а касается самой сущности русского народа, стало быть, вечное и всегдашнее до самого конечного своего разрешения. Россия уже не может отказаться от движения своего на Восток в этом смысле и не может изменить его цели, ибо она отказалась бы тогда от самой себя. И если временно, параллельно с обстоятельствами, вопрос этот и мог, и несомненно *должен* был принимать иногда направление иное, если даже и хотели и должны были мы уступать иногда обстоятельствам, сдерживать наши стремления, то всё же в целом вопрос этот, как сущность самой жизни народа русского, непременно должен достигнуть когда-нибудь необходимо главной цели своей, то есть соединения всех православных племен во Христе и в братстве, и уже без различия славян с другими остальными православными народностями. Это единение может быть даже вовсе не политическим. Собственно же славянский, в тесном смысле этого слова, и политический, в тесном значении (то есть моря, проливы, Константинополь и проч.), вопросы разрешатся при этом, конечно, сами

собою в том смысле, в котором они будут наименее противуречить решению главной и основной задачи. Таким образом, повторяем, с этой народной точки весь этот вопрос принимает вид незыблемый и всегдашний.

В этом отношении Европа, не совсем понимая наши национальные идеалы, то есть меряя их на свой аршин и приписывая нам лишь жажду захвата, насилия, покорения земель, в то же время очень хорошо понимает насущный смысл дела.

Не в том для нее вовсе дело, что мы теперь не захватим земель и обещаемся ничего не завоевывать: для нее гораздо важнее то, что мы, всё еще по-прежнему и по-всегдашнему, неуклонны в своем намерении помогать славянам и никогда от этой помощи не намерены отказаться. Если же и теперь это совершится и мы славянам поможем, то мы, в глазах Европы, приложим-де новый камень к той крепости, которую постепенно воздвигаем на Востоке, как убеждена вся Европа, — против нее. Ибо, помогая славянам, мы тем самым продолжаем укоренять и укреплять веру в славянах в Россию и в ее могущество и всё более и более приучаем их смотреть на Россию как на их солнце, как на центр всего славянства и даже всего Востока. А это укрепление идеи сто́ит, в глазах Европы, завоеваний, несмотря даже на все уступки, которые готова сделать Россия, честно и верно, для успокоения Европы. Европа слишком хорошо понимает, что в этом *насаждении идеи* и заключается пока вся главная сущность дела, а не в одних только вещественных приобретениях на Балканском полуострове. Понимает тоже Европа, что и русская политика великолепно сознает про всю эту сущность своей задачи. А если так, то как же не бояться ей, Европе? Вот почему Европа всеми средствами желала бы взять себе в опеку славян, так сказать, похитить их у нас и, буде возможно, восстановить их навеки против России и русских. Вот почему она бы и желала, чтоб Парижский трактат продолжался сколь возможно долее; вот откуда происходят тоже и все эти проекты о бельгийцах, о европейской жандармерии и проч., и проч. О, всё, только бы не русские, только бы как-нибудь отдалить Россию от взоров и помышлений славян, изгладить ее даже из их памяти! И вот на какой теперь точке дело.

IV. СЛОВЕЧКО ОБ «ОБОДНЯВШЕМ ПЕТРЕ»

В последнее время многие говорили о том, что в интеллигентных слоях наших, после летних восторгов, явилось охлаждение, неверие, цинизм и даже озлобление. Кроме некоторых весьма серьезных нелюбителей славянского движения нашего, всех остальных, мне кажется, можно бы подвести под две общие рубрики. Первая рубрика — это, так сказать, *жидовствующие*.

Тут стучат про вред войны в отношении экономическом, пугают крахами банков, падением курсов, застоем торговли, даже нашим военным бессилием не только перед Европой, но и перед турками, забывая, что турецкий башибузук, мучитель безоружных и беззащитных, отрезыватель мертвых голов, по русской пословице — «молодец против овец, а против молодца и сам овца», что наверно и окажется. Чего же собственно хотят жидовствующие? Ответ ясен: во-первых, и главное, им помешали сидеть на мягком; но, не вдаваясь в эту нравственную сторону дела, замечаем, во-вторых: чрезвычайную ничтожность исторического и национального понимания в предстоящей задаче. Дело прямо понимается ими как бы за мимолетный какой-то капризик, который можно прекратить когда угодно: «Порезвились, дескать, и довольно, а теперь бы и опять за дела» — биржевые, разумеется.

Вторая рубрика — это *европейтсвующие*, застарелое наше европейничание. С этой стороны раздаются до сих пор вопросы самые «радикальные»: «К чему славяне и зачем нам любить славян? Зачем нам за них воевать? Не повредим ли, гоняясь за бесполезным, собственному развитию, школам? Гоняясь за национальностью, не повредим ли общечеловечности? Не вызовем ли, наконец, у нас религиозный фанатизм?» И проч. и проч. Словом, вопросы хоть и радикальные, но страшно как давно износившиеся. Тут главное — давнишний, старинный, старческий и исторический уже испуг наш перед дерзкой мыслью о возможности русской самостоятельности. Прежде когда-то всё это были либералы и прогрессисты и таковыми почитались; но историческое их время прошло, и теперь трудно представить себе что-нибудь их ретрограднее. Между тем в блаженном застое своем на идеях сороковых и тридцатых годов они всё еще себя считают передовыми. Прежде они считались демократами, теперь же нельзя себе представить более брезгливых аристократов в отношении к народу. Скажут, что они обличали в нашем народе лишь темные стороны; но дело в том, что, обличая темное, они осмеяли и всё светлое, и даже так можно сказать, что в светлом-то они и усмотрели темное. Не разглядели они тут, что светло, что темно! И действительно, если разобрать все воззрения нашей европейтсвующей интеллигенции, то ничего более враждебного здоровому, правильному и самостоятельному развитию русского народа нельзя и придумать.

И всё это в самой полной сердечной невинности. О, ведь и они любят народ, но... по-своему. И что в том, что всё это у нас когда-нибудь соединится и разъяснится? Тем временем могут наступить великие факты и застать наши интеллигентные силы врасплох. Тогда не будет ли поздно? Пословица говорит: «Лови Петра с утра, а ободняет, так провоняет». Пословица резкая и выражена не изящно, но — правдиво. Не случилось бы и с русским европейтсвующим человеком того же, что с ободняв-

шим Петром? Не ободнял ли слишком и он? В том-то и дело, что, кажется, уже начало что-то в этом роде случаться...

А между тем для меня почти аксиома, что все наши русские разъединения и обособления основались, с самого их начала, на одних лишь недоумениях, и даже самых грубейших, и что в них нет ничего существенного. Горше всего то, что это еще долго не уяснится для всех и каждого. И это тоже одна из самых любопытнейших наших тем.

‹ЗАПИСИ К «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ» 1876 г. ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ 1875—1877 гг.›

‹ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1875—1876 гг. ($ЗТ_1$)›

1875. *От 5-го ноября* «Москов‹ские› ведомости». О египетском наследстве (Черняев).

От 6-го ноября «Голос». Фельетон из Берлина, о нигилятине в русских школах.

«ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ»

От 8-го ноября. Суббота.[1] В среду был у к‹нязя› Мещерского Черняев. «У нас всего 6 400 000 патронов, и так как порох в металлических трубках, то химически разложился (sic)[2] и стрелять нельзя. Ружей по новой системе у нас всего только 70 000, а из всех других стрелять нельзя». Я сказал, что союз трех сев‹ерных› держав сделает то, что Турцию не разделят, а каждая будет беречь ее, и останется каждая одна к другой во вражде (через турецкие дела). А Англия меж тем[3] займет-таки Египет тоже, чтоб беречь его,[4] а уж раз займет, то и не выйдет, Черняев вдруг заметил: «А нам что за дело, что Англия займет Египет, и пусть ее!» (sic).

Черняев тоже уверял, что перевооружение России назначено окончить к 1889 году (sic).

Хлестаков по крайней мере врал-врал, да всё же хоть капельку да боялся во время вранья, что вот его возьмут да и вытолкают. Современные Хлестаковы не боятся и врут с полным спокойствием.

---

[1] *Было:* От 7-го ноября. Пятница.
[2] (так) (*лат.*).
[3] *Далее было начато:* кон‹ечно?›
[4] тоже ∾ его *вписано.*

Все спокойны, все безмерно самолюбивы, и, уж кажется, одно это должно бы мучить вечным беспокойством. Напротив, современный самолюбец не трепещет за себя, как он вошел, как он стоит, хорошо ли он сказал. Нынче все спокойны, и всякий уверен, что всё принадлежит ему одному. А нет, то он и застрелится.

«Папа, простите меня, 27 лет, и я ничем не проявил. Я застрелюсь». Это еще хорошо, тут какая-то гордость. А другой просто стреляется из-за того, что он не так богат, как Овсянников. Для чего ж и жить, как не для гордости? [1]

Если не религия, но хоть то, что заменяет ее на миг в человеке. Вспомните Дидро, Вольтера,[2] их век и их веру... О, какая это была страстная вера. У нас ничего не верят, у нас tabula rasa.[3] Ну хоть в Большую Медведицу,[4] вы смеетесь, — я хотел сказать, хоть в какую-нибудь великую мысль.[5]

Наша консервативная часть общества не менее говенна, чем всякая другая. Сколько подлецов к ней примкнули, Филоновы, Крестовский, поэт ‹5›,[6] с своей поэмой, граф Сальяс с своим легкомыслием, генерал — злой дурак, грязные в семействе Авсеенки и Крестовск‹ого›, Фадеев с своим царем в голове.

Фантастическая идея Ордена чести вместо дворянства (в виде юмористической поправки идей Фадеева насчет купцов).

Но семинарист действует всем гуртом. Семинарист всегда в гурте. Это существо стадное.[7]

Рассказ Некрасова о последних днях Решетникова (революционеры, старого Гаврилу) в параллель с изящным Авсеенко — Юхотский плакал, обтянутая ручка, фойе и деликатес.

Бездарная средина (они гнездятся... и т. д.).

Граф Толстой. Письмо Тургенева. Ноябрьская книжка «Русского вестника» (смот‹ри› «Русский мир», № 216).

---

[1] Все спокойны ∾ для гордости? *вписано на полях.*

[2] *Далее было:* Руссо

[3] пустота; букв. «чистая доска» (*лат.*).

[4] *Далее было начато:* в яв‹ление?›

[5] Если не религия ∾ великую мысль. *вписано на полях предыдущей страницы.*

[6] *Здесь и далее в ломаных скобках указаны страницы записных тетрадей.*

[7] *На полях рядом с текстом:* Но семинарист ∾ стадное. — *помета:* Здесь. *К словам:* существо стадное — *незачеркнутые варианты: а.* скотина стадная *б.* лицо стадное.

NB. Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов (по-видимому, значительное, познакомиться). Детская колония за пороховыми заводами.

«Голос». Воскресенье, 9-го ноября[1] 75.[2]

«Болезненные произведения». Но самое здоровье ваше есть уже болезнь. И что можете знать вы в здоровье? <6>

«Голос». Понедельник, 10-го ноября. Фельетон. О сумасшествии двойника. Голядкин.

Любовь к России. Как ее любить, когда она дала такие фамильи — Сосунов, Сосунков, надо переделывать в Сасунова и Сасункова, чтоб никак не напоминало о сосании, а, напротив, напоминало бы о честности.

Человек, который рад проползти из Бадена в Карльсруе на карачках (на руках и на ногах), чтоб только сделать своему литературному сопернику неприятность. Человек, который сидит у себя и употребляет свое время, чтоб выдумывать, какие он скажет оскорбительные словечки, встретясь с таким-то и таким-то, как повернется к ним, как обидит их.

Ce n'est pas l'homme, c'est une lyre[3] (о Ламартине).

NB. В Симбирске на памятнике Карамзину один из барельефов изображает Карамзина, читающего Александру I-му свою «Историю», оба в древних костюмах, то есть голые, по крайней мере на $^{9}/_{10}$.[4]

Из письма Гоголя с того света о спиритизме и чертях, ссылка на Послание к Римлянам, глава II, стих 9.

NB. «Русский мир» сам признал себя на 5 рублей поплоше перед прочими газетами. Но он говорит, что это[5] в видах пропаганды, если так, то есть надежда, что на следующий год он будет предлагаться даром, а еще на следующий год так даже с приложением[6] от редакции по 10, а может, и по пятнадцати рублей на подписчика, — только чтоб читали мнения и догадки боевого генерала Черняева. <7>

---

[1] *Было:* октября

[2] *На полях рядом с текстом:* NB. Общество ∾ 9-го ноября 75. — *пометы:* Здесь. NB. Справиться.

[3] Это не человек, это лира (*франц.*).

[4] *На полях рядом с текстом:* NB. В Симбирске ∾ на $^{9}/_{10}$. — *помета:* Здесь!!!

[5] *Было:* Но это

[6] *Далее было начато:* уж

— Юбилей Тургенева, телеграмма из Петербурга от писателей, такие-то и такие-то, и Д‹остоевский› последний, но лишь[1] по сочувствию к таланту, а[2] не к лицу.

«Русский мир» — это как человек, который сердится в потемках, «зачем не пылки, зачем не пылки?»

...Но почему г-н Тургенев взял путешествие на карачках в Карльсруе именно на себя? Я нигде не упомянул, что говорю про него, и почем знать, может быть, нашлись и еще готовые проползти? Что же до последующих объяснений г-на Т‹ургене›ва, то думаю, что на них мне отвечать неприлично, ибо уж если человек приписал себе раз карачки, то он не мог и отвечать на это иначе как в состоянии нервическом,[3] в котором[4] бегают по комнате, бьют стену кулаком, громко взвизгивают и плачут в голос, так что будят соседей. В таком состоянии человек может написать бог знает что, и как же ему отвечать?

Заграничный[5] выкормок. Русский — заграничный выкормок.[6]

Левиты, семинаристы, это — это пужник общества.

Миговое дело (минутное в смысле). ‹8›

«Московск‹ие› ведомости», № 291, 14 ноября, пятница, статья «Литературная кунсткамера», о «Подростке».

«Москов‹ские› ведомости», № 292. Воскресенье. Politische Correspondenz. Опровержение сенсационной телеграммы «Русского мира»[7] об остановке отпуска провианта Австрии в Черногорию. «Русский мир» решительно захотел подписчиков, принимают публику за какой-то[8] Ташкент и штурмуют ее самым беспардонным манером.

Основная идея и всегда должна быть недосягаемо выше, чем возможность ее исполнения, н‹а›пр‹имер› христианство.[9]

---

[1] но лишь *вписано.*
[2] *Было:* но
[3] *Было:* с взвизгиваниями
[4] *Далее было начато:* взв‹изгивают›
[5] Заграничный *вписано.*
[6] *На полях рядом с текстом:* Заграничный ∾ выкормок. — *помета:* Здесь!!!
[7] *Было:* «Русского вестника»
[8] какой-то *вписано.*
[9] *На полях рядом с текстом:* Основная идея ∾ христианство. — *помета:* Здесь!!!

Нелепость весьма часто сидит [1] не в книге, а в уме читающего.[2]

А не понимаешь ты не оттого, что неясен писатель, а оттого, что неразвиты, сам туп, тупы твои способности. Тупы и неразвиты.

«Гражданин», № 46, 16 ноября: известия о попах (с папиросками и не хотящих учить читать).

«*Московские ведомости*», № 296, 20 ноября. Известия о нашей внешней хлебной торговле (одесский доклад). И статья Джона Лемуана («Débats») об английской политике, Египте и Суэцком канале.

Князь Светозаров — эта благодетельная тупица.

Люди из бумажки. Княжна Мери. Человек со вкусом этого не может читать без скуки.

Бедненькие, миленькие, маленькие. ‹9›

Теперешнее поколение — плоды нигилятины 60-х годов. Это страшные и отвратительные плоды.

Но их очередь придет. Подымается поколение детей, которые возненавидят своих отцов.

«*Московские ведомости*», № 297, 21 ноября.

1) Извлечение отзывов из всех важных английских газет о покупке акций Суэцкого канала.

2) Об обязательном обучении (из Петербурга).

«Русский мир» удешевил газету.

А Балда приговаривал с укоризною,
Не гонялся б ты, Кузьма, за дешевизною.

Об удивительном слоге, которым теперь пишут, особенно в провинциальных газетах. См. выдержки Порецкого из «Киевского телеграфа» («Гражд‹анин›», № 47, 23 нояб‹ря›). Набрать выдержек в таком духе и в каждом № «Дневника» приводить курьезами, как нынче пишут, для искоренения и осмеяния.

Да и что может сказать этот сухощавый духом [3] (но не телом [4]) человек? Хотя и толстый телом человек?

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* заключена

[2] *К словам:* сидит не в книге ∾ читающего — *незачеркнутый вариант:* происходит не от автора, а оттого, что она сидит в уме читающего

[3] *Незачеркнутый вариант:* умственно

[4] *Незачеркнутый вариант:* но не телесно

«Русский мир» — приют всех бездарностей и оскорбленных самолюбий.

Лгушка.

Он у меня обедал, я его кормил.

Столоверчение. Бунт столов в Министерстве народного просвещения. ‹10›

О том, что «Московск‹ие› ведомости» первая у нас политическая газета.

«Московские ведомости», № 301, середа, 26 ноября. Из брошюры «Pro Nihilo» [1] отрывки и передовая статья на эту тему.
«Голос», 26 ноября, № 327. Дело Овсянникова.
«Голос», 27 ноября, № 328.

Наш либерализм даже ретрограден,[2] за него Станислава дают, другое дело славянофильство: какие суровые требования! Как он ненавистен рутине, норовящей наделать великих дел шутя или нашаромыжку. Либералов сажают в министерства, чтоб были, так сказать, à la hauteur.[3]

Семинарская редакция: что за вседовольство, что за всеблаженство.

Спи, честный труженик, танцевал с стаканом в руке, притоптывая, и осмеивал в офицерских виршах то, грязи от подошв чего не стоил.[4]

«Голос», 28 ноября, № 329 — дело Овсянникова.
(Записочка одного застрелившегося.)

Трем из них одна рубаха,
Остальных спасает бог.
Что ж возможно кроме аха
Здесь воскликнуть — разве ох! [5]

«Голос». Суббота, 29 ноября, № 330. Дело Овсянникова.

«Московские ведомости», № 303, 28 ноября. Передовая статья о Герцеговинском восстании. ‹11›

---

[1] «Из-за ничего» (*лат.*).
[2] *Было:* Либерализм ретрограден
[3] на высоте (*франц.*). Либералов сажают ∾ à la hauteur. *вписано на полях.*
[4] *На полях рядом с текстом:* Спи ∾ не стоил. — *помета:* !!!
[5] *К тексту:* Что ж возможно ∾ разве ох! — *незачеркнутый вариант:* Что ж, друзья, я кроме аха // Здесь воскликну — разве ох!

Раз кто-то раздавил эту физиономию каблуком, да и ушел, так и осталось в этой физиономии нечто как бы раздавленное на всю жизнь.

Un homme heureux qui n'a pas l'air content.[1]

О придуманности и ненатуральности общества сострадания к животным (человеколюбивого) или общества сострадания к крупным скотам, 15 руб. с извозчика, умерщвлять собак хлороформом.

«Голос», № 331, 30 ноября. Дело Овсянникова.

Специализация доктор‹ов›, так что не знаешь, кого позвать полечиться, выколотый глаз, Соколов, немытые руки, папироска.

«Голос», 1-е декабря. Дело Овсянникова и статья «Indépendance Belge» о перемене карты Европы, признанная за сумасшествие. Но никогда, может быть, Европа не была ближе к именно такому перевороту и переделке[2] территории, *как в наше время* (распространить).

О учителях российской словесности (до классицизма — ври что угодно) — составляли карьеры.

Наш чиновник — олицетворенное ничегонеделание. В Дрездене за эти деньги — и какая услужливость с достоинством. У нас ломание над публикой без достоинства. Дайте же ему поломаться-то. Почтальоны железнодорожные.

Отсылка[3] Минист‹ерством› иностр‹анных› дел денег Герцеговине 12 ноября, а мы-то делали предложения Ионину.

Воспоминания о заседаниях комитета. ‹12›

«Голос», 5 декабря. Пятница. Реферат об здании для хранения редких и драгоценных вещей в Лондоне, с *выкачиванием воздуха* из главных подвалов. Тот же №. Зверство доктора над девушкой, которая застрелилась. Предрассудок о *мире.* Мечи и плуги. Никогда не будет. Без крови и войны загниет человечество. Разврат. Трусость. Все развратники и роскошники трусы. Сарданапал. (Смотри «Голос», фельетон Лароша.)

В коммунизме пойдут один на другого. Без *великой мысли* не живет человечество. Мнение, что будут открыты такие орудия истребления, что нельзя будет воевать. Вздор. В войне не ненавидят, даже любят врага. Не за что ненавидеть. Уважают врага.

---

[1] Человек счастливый, но кое-чем недовольный (*франц.*). *На полях рядом с текстом:* Раз кто-то ∾ content — *помета:* Здесь!!!

[2] *Далее было начато:* как

[3] *Далее было начато:* ком‹итетом›

Сходятся, дружатся. Вовсе не жаждут крови, а прежде всего своею кровью жертвуют. Свою отдают, мир после войны всегда оживляется.

— Да, но что вы отстаиваете: царство жида.[1]

Танцы. Замужняя [2] женщина и танцы. Менуэт как объяснение в любви. Кадриль.

Что такое танцы? Весенняя повадка животных, только в нравственно разумном существе.[3]

В нем, может быть, и много внутреннего ума, но наружного — никакого. Выскажет что-нибудь, только взглянешь на него или с соседом переглянешься. А сядет написать, то весь свет удивит. И вот это г-н с умом более внутренним, чем наружным...

В «Биржевых» от 7-го декабря, воскресенье, в фельетоне Суворина, смешной парадокс об Овсянникове: что если б он и не был виноват в поджоге, то всё равно его за прежние безнаказанные грехи надо обвинить теперь в поджоге. ‹13›

Самое первое стремление дипломата это, разумеется, иметь как можно меньше *врагов* и как можно больше друзей. Дипломат, друзья всегда враги, а потом друзья. Итак — важней врагов, чтоб уж ближе был переход к друзьям.[4]

Но, боже мой, я перед ним виноват, а стало быть, я должен ему отмстить.[5]

«Голос», понедельник, 2 декабря, № 339.

Дело драки на улице учительниц, кандидата математических наук и Лимберга.[6] Осуждение девицы М. за неприличную позитуру и за нарушение тишины на улице, девица В. — речь в суде о беззащитности бессильных женщин, тогда как девица М. верхом сидела.

«Гражданин», № 49, 7 декабря. Об Овсянникове.

«Дым», о красоте, Потугин, ругательство на Россию, красота Белинского.[7]

Тургенев и Виардо, переводил Гоголя, «Вий», хотел под стол залезть.

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Предрассудок ∾ жида. — *помета:* Война.

[2] Замужняя *вписано.*

[3] *На полях рядом с текстом:* Танцы ∾ существе. — *помета:* Бал.

[4] Дипломат ∾ к друзьям. *вписано.*

[5] *На полях рядом с текстом:* Но, боже мой ∾ отмстить. — *помета:* Здесь!!!

[6] *В рукописи здесь и далее:* Линберг

[7] *Далее было:* мы ‹б- - -›.

Потугин именно самородок, на которого сам злится. Потугин — это сам г-н Тургенев. Ошибка в том, что Потугин семинарист, семинарист меньше бы и точнее говорил.

Красота, вспомните лакейские ливреи маркизов и маркиз, падающих на носки (Казанова).

Сконфузил юношу, хищное животное, единобрачие. *А воспитательные дома*? Юноша-то и говорить бы не стал, не только что плакать, соврал Потугин (Тургенев и Писарев). ‹14›

«Непочтительный Коронат». Весь комизм мальчишки, командующему дяде. *Ложь*. Подлизывание к юношеству — позор.[1]

Байрон, Каин, ложь — ложь со времен французской революции.

Идут мужики и несут топоры, что-то страшное будет (вероятно, это красота, по-вашему?). А если долго нас помещики душили?

О г-же Стечкиной — восстановление права литературной собственности. (Как о рекламе.)

У Тургенева — костюм Чурилы, а ваши фалдочки, прикрывающие ваше заднее место, а стеклышко в глазу, а лакеи-маркизы, походка Чурилы и ваша походка, ляшки.

В прекрасном народы страшно ошибались. Барельеф Карамзин и Александр Павлович.[2]

Вы выпродали имение и выбрались за границу, тотчас же как вообразили, что что-то страшное будет.

«Записки охотника» и крепостное право, а вилла в Баден-Бадене на чьи деньги, как не на крепостные, выстроена?

Девица Стечкина, чувство меры нарушено, неделикатно так выставляться с самой собою, конец вашей повести и какой-нибудь современный вопрос.

Пусть я паду в битве, как не в меру. Исступление уродливого самообожания с самой уродливой неделикатностью и с самой уродливой самовыставительностью. ‹15›

Статья.

1) Потугин. Тургенев (красота).
Цивилизация.

---

[1] *На полях рядом с текстом:* «Непочтительный ∾ позор. — *помета:* Здесь!

[2] В прекрасном ∾ Александр Павлович. *вписано*.

2) Цивилизация, откинув религию, тем самым признала смерть свою, *ибо* должна нести в себе рабство — хотя бы в виде *пролетариата* и обоготворения прав собственности.

3) Религия же это всё разрешает.

(NB. Каким образом? Собственное достоинство пролетариата и свобода духа, без плотоядности собственника).[1]

(NB. Трудно сказать, как бы это Христом разрешилось. Обоюдная скорбь друг за друга смягчила бы и капитал и возвысила бы пролетариат.)

Виновно же католичество римское и протестантское. Катков (та же ли вера у нас, как у римлян, тот ли Христос, Христос, которому понадобились иезуиты). И наконец, торжество восьми мильонов пролетариата и петролея.

Ложь с начала столетия. Ложь в журналах, ложь еще в Каине, и ложь-то и хвалилась.

Каин — причина: Байрон хромой.

Направление Лермонтова — причина: урод, кочергу ломал.

NB. NB. NB. NB. NB. Политическая статья. О[2] Франции и о мнимой состоятельности Германии.

Скоро умрут несколько представителей Европы. Мы накануне. А главное, не надо забывать 8 миллионов пролетариев. К разрушению примкнет половина Франции.[3]

Немцы[4] не могли бы уничтожить Францию. Уничтожить Париж, расстрелять пролетариев. Выкупить землевладения и оставить у немцев. Но это не в силах Бисмарка. <16>

«Непочтительный Коронат». Плотоядность молодежи. Да ведь вы сами того хотели. Чтоб никакого духа, вы истребили бога. — Но и без бога надо быть гуманным, любить человечество. — Но на кой черт я буду гуманен. Я хочу, чтоб весело, весело, весело, чтоб со мной спали, и резать, и резать, чтоб есть слабого сильным.

Скажут: вам стыдно это? — Почему? А мне наплевать на вас.[5]

NB. Смотри ноябрь, «Русский вестник». Кружок в Цюрихе.

---

[1] *На полях рядом с текстом:* 3) Религия ∾ собственника.) — *пометы:* ! Здесь. Война.

[2] *Далее было начато;* сос<тоятельности>

[3] *На полях рядом с текстом:* NB. NB. ∾ половина Франции. — *пометы:* Война. NB.

[4] *Было начато:* Вой<на>

[5] Скажут ∾ на вас. *вписано на полях.*

NB. Гуманность есть только привычка, плод цивилизации. Она может совершенно исчезнуть.

Либерализм — дурная привычка.

С уничтожением крепостного права кончилась (не закончилась) реформа Петра и петербургский период. Ну и sauve qui peut.[1]

На минуту наступит американизм.

Народ идет. Вот идеалы которого осмеял Потугин.[2]

Кончив внутренний период: а между тем надо быть готовым. Папа. Император — немец.

В Германской империи внутреннее неустройство заставит их, для единения, броситься на Францию или на Россию (как Наполеон на Крым).[3]

В Германской империи идеи столь же мало, как и во Франции. Во Франции по крайней мере коммунистические, а в Германии лишь: да здравствует немецкая гордость. <17>

Так как наши окраины придется нам или отдать или сохранить и так как мы[4] не отдадим их ни за что без боя, то лучше бы позаботиться о их закреплении, обрусении[5] теперь. Здравая политика.[6]

«Новое время», № 325. Суббота, 13 декабря 75. Биография Погодина.

Благоговейное замечание Тургенева в «*Дыме*», что Раштадт в 1862-м году был еще союзною крепостью. Да пусть его.

В «Дыме» Литвинов, жалкая роль, сам не верил искренности побега и говорил себе, что это в романах, да в Симбирской губернии от скуки, — а когда Ирина отказалась, первый на нее разъярился. Даже страсти нет плотской. Ч<ерт> знает что такое. Его бы надо реально и обличая выставить, а у Тургенева идеально — и вышло дрянь (этакий тип выставляют реально, то есть обличая).[7]

В повести «Собака» совсем не умеет выводить рассказчиков, не знает быта. Никто не говорит в обществе: милостивый государь мой, и никто не говорит: бежал, такие лансады делал, что

---

[1] разброд; букв. «паника» (*франц.*).

[2] *На полях рядом с текстом:* С уничтожением ∾ Потугин. — *пометы:* 1), Здесь.

[3] *На полях рядом с текстом:* Кончив ∾ на Крым.) — *фигурная скобка и помета:* Война.

[4] *Далее было начато:* мирн<о>

[5] *Вместо:* о их ∾ обрусении — *было:* о них.

[6] *На полях рядом с текстом:* Так как ∾ политика. — *помета:* Война.

[7] (этакий ∾ обличая) *вписано.*

у Наполеона первая танцовщица, которая в день его ангела танцует, не догнала бы.

NB. Очень выделанно и придумано. Так не говорят. ‹18›

В «Дыме» Тургенева заметно страшное падение художественности.

Он не знает России. Что за люди? Что за лица? Что за Губарев, что за женщины с новейшими машинами? Всё сочинено.

Журнальная литература вся разбилась на кучки. Явилось много жидов-антрепренеров, у каждого жида по одному литератору (и если имеются другие, то фиктивные),[1] по по одному есть. И издают.

«Биржевые ведомости», № 344. Воскрес‹енье›, 14 декабря. Фельетон Незнакомца — заключение об Овсянникове и краткая история Училища правоведения (40 лет, открытие в 35-м году).

«Голос», № 345. Воскрес‹енье›, 14 декабря. В передовой статье несколько хороших слов о наших среднеазиатских (военных) делах и о необходимости увеличения войска. Пугают вдали Китаем и Японией.

Речь Спасовича (окончание).[2]

«Голос», 15 декабря, № 346. Сообщение судьи Клокачева по делу Лимберга и Морозовой (неприличная позитура! До позитуры ли при столь высоких вопросах!)

Художественностью пренебрегают лишь необразованные и туго развитые люди, художественность есть главное дело, ибо помогает выражению мысли выпуклостию картины и образа, тогда как без художественности, *проводя лишь мысль*, производим лишь скуку, производим в читателе незаметливость и легкомыслие, а иногда и недоверчивость к мыслям, неправильно выраженным, и людям из бумажки. ‹19›

Одна образованная[3] поповна и Седльце. Г-н Тургенев похож на эту образованную поповну. Замечание о Раштадте. Ну и пусть его, какое мне дело! Какое нам всем до этого дело? Да и какое дело до этого хотя бы кому бы то ни было?

О хищных животных, единобрачие. Тургенев в упоении выдумал. У нас воспитательный дом. Мать, положим, может кормить грудью, но лишь до той степени, в какой это не противоречит ее гражданским обязанностям.

---

[1] *Далее было:* и издают.

[2] Речь ∾ (окончание). *вписано.*

[3] Одна образованная *вписано.*

«Дон-Жуан» Байрона, Посвящение, строфа X.

Главное, это направление (современное западничество (а все-таки оно современное западничество, как ни называй его)) чрезвычайно потворствует лени: мы, дескать, *непримиримые*, мы стоим в стороне (то есть ничего не делаем). А так как при этом и почет, то Россия и осталась в течение 20 лет на одни свои [1] силы.

О подлецы! вы все только смеялись и всех позорили. Это так легко. Вы необразованны, вы ничего не понимаете.

Направление! Мое направление то, за которое не дают чинов.

...Тут просто драка была, а кандидат прав просто наказывал за буянство, пьянство и бесчинство, — стало быть, со стороны Лимберга драка была пьяная, а со стороны кандидата облагороженная.

Судья Клокачев — продался и больше ничего. ‹20›

Встреча с‹о› студентом Медицинской академии, просящим милостыню. Мнение ‹*нрзб.*› дом Фридрихса (живут цыганами).[2]

300-рублевые стипендии от казны *всем* русским студентам, с тем, однако, чтоб обязательно прослужили потом 4 года казне на каком угодно поприще, по своему желанию.

Направление, так сказать, сплетническое.

Не могут не определиться *лучшие люди*, в смысле сознателей правды народной, — не могут, потому что человеку паче всего нужно то, перед чем преклониться.

Потугин. Выставка лондонская. Закон народонаселения: и потому глупенький Потугин сердится на Россию за то, что в ней всего 65 милл. народу, а не 165. Через 50 лет будет 165 милл., и увидите сами, что мы будем, может быть, первые на выставке. Это ясно как дважды два. Это закон. Не воля государя выстроила железные дороги, а они сами выстроились. Именно сами, как бы ни казалось, что по чьей-нибудь воле. Всё происходит от известных законов человеческой природы. Они неизменны, а потому отрицать в русском народе способности и радоваться, что немцы выше нас умом, могут только ничего не знающие русские барчонки за границей. Притом же мы на выставку не

---

[1] *Далее было начато:* слов‹а›

[2] *На полях рядом с текстом:* Встреча ∾ цыганами). — *пометы:* Здесь *и* !!!

могли ведь поставить наше политическое единство (то есть народную идею государства) или нашу веру.[1] Это тоже выработанная вещь.[2] Политическое единство Германия, например, приобрела лишь 5 лет назад, ну а мы его выработали раньше ее многими веками.

И к<---> на русский народ.

Литвинов — надо было отметить и показать, что он сам больше всех виноват, и лицо комичное, из разряда Пироговых, а не патетичное. <21>

Он ей показал, как султан князю Меньшикову, в шарабане место подле себя в 53 году, но если б она села на место, он первый был бы несчастен, и если б не улизнул от нее[3] с первой станции, то единственно по недостатку характера. Зато ночью бы улизнул наверно. Характеры сплошь неясные и выдуманные. Г-н Тургенев слишком мало знает действительность (из повести «Собака») и много сочиняет наобум.

Специальности врачей, специализировались, — один лечит нос, а другой переносицу. У одного всё от болезней матки.

История, как Лиля сломала ручку.

В русском человеке (большей частию) из простонародья нужно отвлекать красоту от наносного варварства. Кто истинный друг человечества, у кого хоть раз билось сердце по страданиям народа, тот поймет и извинит всю непроходимую насевшую грязь и возьмет бриллианты. (У нас же народ теория у любителей его до сих пор, да так и останется.) Впрочем, о щекотливых предметах заговаривать не стану.[4]

История Лимберга и Морозовой.

Конспект номера.[5]
1) Направление. Болезни.
Итак, доктора.
«Непочтительный Коронат» (особенно головлята).
В русском человеке отвлекать (иначе ложь).
Лимберг и Морозова.
Медицинский студент Академии.
Перечитать *«Дым»*.

---

[1] *Далее было начато:* вы
[2] Это ∾ вещь. *вписано на полях.*
[3] от нее *вписано.*
[4] (У нас же ∾ стану. *вписано.*
[5] Конспект номера. *вписано на полях.*

Политика.
Приюты. Больницы и проч.

Ап. Григорьев. Эта вечно декламирующая душа.

Эмс. Обедня в Эмсе, и мошенник, спрятавшийся под престолом у Спаса на Сенной. <22>

«Голос», № 348. Скверная реклама об детских изданиях Вольфа. Присяжный поверенный Языков о роли литературы в деле Овсянникова.

Где же было добыть деятелей для такой огромной реформы, вот и явились[1] Филоновы.

Газета. Реклама. Стечкина. Цебрикова, чем наполнить. Признание девицы, обе ножки, со мной и не то делали. Преимущественно для барышень, не умеющих выйти замуж, да-с и нет-с. Воображения, фантазии нет. Реклама чем безнравственна? Не безнравственнее откр<ыт>ых плеч, груди, танцев. А впрочем, чем безнравственнее, тем больше разойдется. Фантазии нет, а то бы разбогатеть можно. И разбогатеть даже не умеют, — дома терпимости. (Гром) Некрасов.[2]

Фантазии и воображения нет в писателях.

Прозаичность духовенства.

Об русской гордости: Гоголь, Островский, я думаю, что государственные люди (Потемкин и проч.). Немцы поправили. Экономия. Огромность значения поправляла (Потемкин).

Великий Пушкин — без гордости.

Семинаристы, как status in statu,[3] — вне народа.

На людей слабых умом сильно действует чувство местности и привычки. Г-н Тургенев в романе «Дым» пишет о городе Раштадте (и, главное, так серьезно). Какое мне дело до города Раштадта, отошел он или нет куда-нибудь, хоть бы провалился, так всё равно.

В России мы чувства местности не имеем. Ну что такое, н<а>прим<ер>, Владимир? и зачем его знать, а Костромы так даже и стыдимся. Но только что русский переедет в Европу, так тотчас же он и местен, и гнездлив, ах, и Раштадт. <23>

---

[1] *Далее было начато:* деят<ели>

[2] *На полях рядом с текстом:* Газета. ~ Некрасов. — *фигурная скобка и помета:* Реклама!

[3] государство в государстве (*лат.*).

«Русский вестник». Ноябрь, 75. Борьба дима с аристократией. Слова Платона о тиранах. Тираны происходят из демократии (стран‹ица› 13). NB. Это свежие люди; это первое наблюдение над человеком в обществе.

Древнегреческие тираны. Асса, требующий 300 000. Михайловский сердится.

NB. Семинарии надо поскорее возвысить до гимназий, то есть, так сказать, обратить в гимназии, уже и потому, что тем уничтожится рассадник нигилятины (см. «Внутр‹еннее› обозрение» Елисеева, «От‹ечественные› зап‹иски›», декабрь). Смешные проекты Елисеева для возрождения духовенства (два попа: требник[1] и учитель).

(Михайловскому.) Мне рассказывали компетентные люди, что Тюильри сожжено частным образом, каким-то шалуном, подобравшим шайку, без ведома коммунаров. Но что же бы это значило?.. Не лишайте исторического факта его величавости, страх (разрыв с историей, разрыв навеки, и это при падении коммунаров). Это коммуна, раненная насмерть,[2] поднявшая голову и крикнувшая в последний раз: вот так исчезнете не только вы, но и следы ваши и история ваша. А вы хотите непременно их сделать невинными вроде героев Августа Коцебу. Разве они могут *происходить*. Они должны приходить самостоятельно со всем новым.[3]

Жаловаться: вот, дескать, как с нами поступили (расстреляли коммунаров, декабристы), — на то шел, да ведь ты сам то же бы сделал — не глупо ли кричать: «О, как меня мучили». Грустно ‹24› не это, а то, что не умиротворишь и миром ни за что не кончишь. Да и невозможно примирение ни за что и — и нежелательно. (Ибо лишь на основании Христа примирение возможно.) А тут на экономическом расчете, след‹овательно›, чем скорее, тем лучше, только бедные наши внуки... а может, даже и дети. И, уж конечно, не прейдет этот род, и увидит этот божий гром хоть кто-нибудь из теперь живущих.

Но судьи смотрят ужасно прозаично: для него драка по зубам или за волосы есть просто драка по зубам и за волосы, и больше ничего.

Или взять, что Овсянников отвечает за всю эпоху. Но Овсянников лицо мелкое, комическое, хотелось бы, чтоб было величественнее. К тому же эта эпоха и всегда была и будет, хотя часть людей всегда будет восставать против. И хорошо, восставайте, но не делайте несправедливость. «Мне не нравится, что Овсянников

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* требный

[2] раненная насмерть *вписано.*

[3] *На полях рядом с текстом:* (Михайловскому.) ∾ со всем новым. — *пометы:* Читал. «От‹ечественные› зап‹иски›», Война.

за всю жизнь свою наказан» (Суворин). Меры нет, как у г-жи Морозовой.

Вот вы найдете это ужасно ретроградным, потому что не совпадает с общим мнением. Вы любите общее мнение и волочитесь за ним: место злачное и доходы. Вы как прежние п‹- - -›[1] сенаторы. Я с общим мнением согласен.

Общеотвлеченный либерализм: мало натаскали денег Спасовичи, издатели и проч.

А что Спасович взял с общества[2] страхового. Ведь немало, наверно Тургенев за «Дворянское гнездо» или Толстой за «Детство» и «Отрочество» взяли дешевле. А может, и за всё собрание-то сочинений взяли дешевле. ‹25›

Каин, Байрон хром. Смеялся над Вордсвортом за таможню. Оранжевые цвета. Отдал ли бы свою аристократию. Удивительно, что Пушкин отказался так скоро. Лермонтов. Байрон хром, будь его нога пряма — он был бы спокойнее. Лермонтов гнусен. Самолюбие. Стечкина. Реклама. Газета «Реклама».

Сабуров и Андриянова. Украл 30 000 без всякого чувства дворянской чести.

14-ое декабря было диким делом, западническою проделкою, зачем мы не лорды? Русский царь играл тоже в эту игру (с Екатерины начиная). Но Екатерина была гениальна, а Александр — нет. Освободили ли бы декабристы народ? Без сомнения нет. Они исчезли бы, не продержавшись и двух-трех дней. Михаилу, Константину стоило показаться в Москве, где угодно, и всё бы повалило за ними. Удивительно, как этого не постигали декабристы. Необразованность, потребность впутаться, мерзавца, как Пестель, считать за человека, — то же и теперь: члены Земледельческого клуба. Меж тем с исчезновением декабрист‹ов› исчез как бы чистый элемент из дворянства. Остался цинизм: нет, дескать, честно-то, видно, не проживешь. Явилась условная честь (Ростовцев) — явились поэты. Это до того опоганило, что, когда раскусили Белинского, всё повалило за ним, до того, что даже теперь насильно, хотят видеть сверху то же самое, что при прошлом царствовании.

И, однако же, личность Николая.[3] ‹26›

Он ей указывает (после всех-то комически-мелких потуг.[4]

---

[1] п‹—› *зачеркнуто позднее, другими чернилами.*

[2] *Далее было начато:* ком‹мунального›

[3] *На полях рядом с текстом: Сабуров* ∾ личность Николая. — *помета:* Здесь!

[4] *Далее было начато:* беж‹ать›

увозить иль не увозить?) великолепно, как султан Абдул-Меджид Меньшикову на место подле себя в шарабане, на место на железной дороге.

И этому ли вместе с Потугиным решать судьбу России под русским деревом в Баден-Бадене?

Молчите, вы не компетентны, вы недоросли русской жизни и комические дурачки.

И тогда все будут «des (hommes) heureux, qui n'ont pas l'air content».

И тогда все обратятся в счастливых, но недовольных, des hommes heureux, qui n'ont pas l'air content.

Il était humble et hautain comme tout les fanatiques. Il avait la religion de ses fonctions et il était espion comme on est prêtre.[1] Это был шпион без всякой злобы.

Ces gens-là, quand ce n'est pas de la boue, c'est de la poussière.[2]

«Голос». Суббота, 20 декабря, 75, № 351.

Замечание отца Герасима *против* Осинина насчет *вздутого* соглашения Боннского съезда с восточною церковью (NB).

И в телеграммах. Числа, положенные окончательно Национальн<ым> собранием, о выборе депутатов и сенаторов и распущении Национ<ального> собрания.

Политика.

Политическая же идея о Франции не в выборе Собрания, а вообще в ее положении. Ибо Собрание может что-нибудь с самого первого шага решить, и вдруг явится министр и скажет, что это решение не согласно с намерениями и планами маршала спасти Францию, — и Национальное собрание тотчас же отменит решение, а если не отменит, то сочтется *за бунт,* и его раскассируют. <27>

Студент ищет места швейцара. «*Голос*». Воскресенье, 21 декабря.

Южная линия Сибирской железной дороги, будущность Китая.

Достаточно только некоторого расширения кругозора и мысли или толчка от реформ, несомненно имеющего[3] последовать даже от самых первоначальных военных реформ (при которых не может не прийти сознание силы, сплоченности и единства), чтоб не догадаться, что кругом пустые и богатые земли,[4] Сибирь не

---

[1] Он был скромен и надменен, как все фанатики. Он свято чтил свои обязанности, и он был шпионом, как бывают священником (*франц.*).

[2] Если эти люди не грязь, то они пыль (*франц.*).

[3] имеющего *вписано.*

[4] *Далее было:* а их

Средняя Азия, а их, китайцев, бесконечно много, чтоб не[1] помыслить захватить эти земли. С первой военной идеей (которая несомненно придет после, например, военной реформы) чтоб не догадаться, до какой степени эти земли слабы и незащищенны и даже в дальнейшем защищены быть не могут (а тут фантазия; три-четыре миллиона, оружие усовершенствованное, киргизская степь и бараны и проч.), всё это может быть не сейчас, но, конечно, лет через 50; надо иметь в виду.[2]

Незнакомец говорит: «Истинная скорбь не выражается в пошлых фразах, придуманных на досуге, не выражается оценка человека в тех речах, которые обыкновенно говорятся над его могилой». О какая книжная и маленькая мысль! Знаете, г-н Незнакомец, что истинная скорбь выражается весьма и весьма часто в самых пошлых фразах и обрядах, а речи над могилами так еще очень любят (смерть матери, проповедь св. Барнила, и все плакали). Вы этого еще не знаете, г-н Незнакомец!

«Биржевые ‹ведомости›». Воскресенье, 21 декабря. ‹28›

Суворину. Я вам скажу, что ваш либерализм есть ремесло, или дурная привычка. Сама собою эта привычка не дурная, но у вас она обратилась в дурную. Вы скажете, что, напротив, не ремесло, а что вы были согреты чувствами и т. д. А я скажу, что ничем вы не были согреты, а просто-запросто отправляли выгодную профессию, и что вообще нам далеко до нагревания...

Острота. Рюрик, Синеус, Трувор и Погодин — очень[3] дурная.

А о судье Клокачеве вам предрешать нечего. Это устрашение. Тут всё в факте: сидела ли верхом. Докажите, что этого не было. Но это может решить лишь (суд) высшая инстанция суда и т. д.

А насчет *удовлетворения* в письме г-на Морозова, то не вам бы говорить (фельетон о прыжке с Исаакиевского собора).

Сравнение либерального фельетона с бывшим булгаринским:[4] та же самая крепкая опора сзади.

«Московск‹ие› ведомости», № 324. Суббота, 20 декабря. Об изменении прав дворянства (передовая).

О спиритизме. Отчет опытов *Менделеева.*

Незнакомцу. Потому что нельзя себе позволять иных выражений (вроде репутации Потехина), и вы знаете почему.

---

[1] *Далее было начато:* зах‹ватить›

[2] *На полях рядом с текстом:* Южная линия ∾ иметь в виду. — *пометы:* О Японии (см. ниже). Китай.

[3] *Далее было начато:* непочтен‹ная›

[4] *Вместо:* либерального ∾ булгаринским — *было:* Незнакомца с Булгариным

— Почему?

— Я вам скажу. Потому что[1] все мы обязаны быть людьми порядочными, а порядочный человек такого отношения к другому человеку позволить себе не может. А если на случай и не захочет продолжать быть порядочным человеком[2] (почему-нибудь тяжело станет), то всё же хоть видимо мы должны воздержать себя, из уважения к порядочности, если только хотим принадлежать к цивилизации. Не хотите — другое ‹29› дело. Тогда и делайте что хотите, но на такие желания частных лиц общество[3] имеет полицию, которая и ограждает его.

... Всегда должна быть мерка порядочности, которую мы должны уважать, даже если и не хотим быть порядочными. (Стечкиной).[4]

Аристотель. «Русск‹ий› вестник». Статья Куторги. Ноябрь. Тирания есть монархия, имеющая в виду только пользу монарха (в противоположность монархии, имеющей в виду пользу всеобщую), олигархия есть правление, имеющее в виду лишь пользу богатых (в противоположность правления аристократов, в смысле *лучших* людей), и наконец, демократия есть правление, имеющее в виду лишь пользу неимущих[5] (об общественной же пользе не заботится никто из них).

Смотри заложенные страницы в статье.

Мнение и убеждение «*Дневника писателя*»: нам всего ожидать от народа: он только даст нам лучших людей. Но для того нужны условия, при которых мог бы дать народ лучших людей. Петр создал лучших людей из дворянства и из доблести людей, подходивших снизу.[6] Из службы, наконец, а всех остальных людей связал податью.[7]

Теперь идея Петра раздвинута бесконечно, и уже от народа требуют лучших людей. Но надобно, чтобы народ был в состоянии их выставить.

(Кто руководители? И потерпит ли народ руководителей? Перед *образованием* он должен склониться. Но сочтет ли за образование. Приобретет лишь знание.) ‹30›

Примет ли он это за образование или за приобретение знания. Прав ли Аксаков? Аксаков бесспорно прав. Идеал в любви.

---

[1] Потому что *вписано.*

[2] *Далее было:* там

[3] *Вместо:* но на такие желания ∾ общество — *было начато:* тогда общество

[4] *На полях рядом с текстом:* Всегда должна ∾ Стечкиной.) — *помета:* Бал!

[5] *Далее было начато:* в противополо‹жность›. *Под строкой помета:* полити‹ка›.

[6] людей, подходивших снизу. *вписано.*

[7] а всех ∾ податью. *вписано.*

У него должны явиться руководителями не Потугины и *успокоенные современные либералы* * с своей ленивой [1] программой: переводить буквально с французского. Напротив, народ, при первых лучах образования, тотчас увидит теперь, до чего дошли копиисты и во что они обратились (то есть дворянство, вельмож<и> и петербуржцы).[2]

NB. Напротив, отеческая монархия, при коей больше, чем республика, их идеал. У нас никогда монархия не может быть тиранией в идеале — а лишь в уклонении.

У нас: те, которые поддерживают цивилизацию (то есть гражданский порядок Европы), поддерживают, стало быть, европеизм, то есть они западники. А стало быть, они должны поддерживать дворянство, ибо только дворянство было [3] проводником европеизма. Между тем наши западники (Незнакомец, Тургенев, Журналист) и проч<ее>. Говорят и уверяют, что стоят за народ, и когда говорят им,[4] что народ не может быть без личности, а вы-де отвергаете все наши народные начала и смеетесь над ними, то они сердятся и говорят, что они истинные народники, но с тем только, чтоб этот народ не имел ничего своего. Но они <31> ошибаются, ибо они не народники, а лишь аристократы и барчуки.

Народ обладает двумя идеями непосредственно:

1) Православием.

2) Монарха никогда не считает тираном, наиболее свободы. Он не понимает, как монарх может его бояться, а поэтому не дать ему всей возможной гражданской свободы.

Свое цельное [5] управление имеют лишь три нации: Англия, Россия и Америка (?).

До этих идей надо додуматься. Если их не понимают, то не потому, что идеи глупы, а потому, что непонимающие головы глупы.[6]

Рекламы Вольфа и рекламы о Вольфе. (NB. Кроме «*Голоса*» и в фельетоне Суворина. «Биржевые <ведомости>» от 21 декабря.)

Хвалят неистово, представляют дело как бы разрешением задачи.

---

* Успокоенный либерал! Теперь царствует успокоенный либерал (*примеч. Достоевского*).

[1] ленивой *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Мнение и убеждение ∾ петербуржцы). — *дважды повторенная помета:* Вступление!

[3] *Далее было начато:* подд<ерживающим?>

[4] *Было:* народ говорит им

[5] цельное *вписано.*

[6] *На полях рядом с текстом:* Народ обладает ∾ глупы. — *дважды повторенная помета:* Здесь.

Солон измельчил земельную собственность в Афинах законом, запретившим скупать землю беспредельно в одни руки. Конвент <32> во Франции раздробил крупную собственность эмигрантов и церкви на[1] мелкие участки и стал продавать ввиду беспрерывного тогдашнего финансового кризиса Франции. Мера эта обогатила Францию и дала ей возможность через 80 лет уплатить 5 мильярдов. Но, способствовав временному благосостоянию, мера эта на страшно долгое время парализовала стремления демократические и раздавила революцию в самом корне, чего, разумеется, не хотели революционеры, но так вышло, ибо безмерно умножилась армия собственников и наступило безграничное владычество буржуазии, первого врага демоса. Без этой меры не удержалась бы буржуазия ни за что столь долго во главе Франции. Но вследствие того ожесточил<ся> и дим.[2] Тем не менее дим идет, он не раздавлен и кончит тем, что всё[3] победит, и если буржуа не уступят вовремя, то произойдут ожесточительные дела. Но они не уступят вовремя, даже совсем никогда ничего не уступят,[4] и вот что ожидает Францию... Францию ли только?

Тираны. Бонапарты. Коммунизм. Политика Бисмарк<а>.

Чурила Пленкович, Потугин, падающие маркизы, маркизы-лакеи, танцующий польку современный Алкивиад, закрывший фалдочками свои[5] задние места и делающий скверненькие вскидывания, — вам это, может быть, нравится и вы это находите красивее, чем у Чурилы (да и ходил[6] Чурила не так, как переделал его в былине потом мужик в Олонецкой губернии. Костюмы наших князей известны, они были очень богаты и очень красивы), — тут есть нечто, г-н Тургенев, что никак не подходит под какой-нибудь общий закон, вот уже спокон века. Разве голое тело одно подходит, а во что одевался человек, то, быв очаровательным в свое время, в весьма скорое потом становится омерзительным. Разумеется, одно скорее, другое медленнее. Фалдочки[7] и фраки времен империи и реставрации скорее стали скверными, чем костюмы[8] <33> древних князей наших и их дружины, которые и теперь хороши. Но для нас хороши, а в Афинах, может быть, были бы забракованы и осмеяны. Повторяю, остался незыблемым (в красоте) лишь костюм Бельведерского Аполлона и Венеры Милосской. Между тем в Симбирске барельеф — Карамзин и Александр, и вот в старину, уж верно, это казалось красивым,

---

[1] *Далее было начато:* учас<тки>

[2] Но вследствие ∾ дим. *вписано.*

[3] всё *вписано.*

[4] даже совсем ∾ не уступят *вписано.*

[5] *Было:* своими

[6] *Далее было:* не

[7] *Было:* Но фалдочки

[8] *На полях рядом с текстом:* Чурила Пленкович ∾ чем костюмы — *помета:* Бал!

коль решились увековечить на памятнике, а между тем нам теперь уж смешно. Так что и костюм Аполлона Бельведерского не всегда хорош.

Это всё известно, и можно бы здесь пропустить, но я говорю, чтоб показать ту степень злобы, которой объяты г-да Потугины на Россию. Хоть за костюм да осмею с ненавистью и солгу; ибо, скрыв о фалдочках и о том, что и Чурила наряжен так лишь в деревне, Потугин сказал ложь о России[1] из злобы. Нерассуждающим действительно может показаться: «Как Россия ниже всех стран даже и в красоте костюма».

Потугин и заплакавший нигилист: ложь и незнание действительности. Не заплакал бы, если б и был сбит. Не сбили же вы Писарева, он просто молчал. Нигилист бы ответил, что не надо вовсе семьи и кормить птенцов. Нигилисту мерещится свой идеал. Если хотите, недурен (я ведь лишь про идеал). Но идеал этот невозможен, так как он мерещится, но, вероятно, возможно будет иное.

Непочтительный Коронат, красив? Но иным кажется, что красив.

Идеал нигилистов высшего полета, хотя не нынешних и не наших. Успеет ли общество поправиться. Уступят ли демосу — конечно, много, очень много уступить надо, но зато всем спасение.
<34>
Правды извне трудно ожидать. Но Китай, Япония?

Семинарист, как вам известно,
И в этом смысле — демократ.

Но может ли семинарист быть демократом, даже если б захотел того?

У Петра было одно создание — дворянство (всё остальное лопнуло). Теперь и дворянство порешили, что же осталось — ничего. Теперь славянофилы и западники могли бы примириться: и те и другие ждут всего лишь от одного народа, но славянофилы верят в народ потому, что допускают в народе свои начала, а западники соглашаются верить в народ единственно под одним условием: чтоб не было у него[2] никаких своих начал. А потому драка продолжается. Но драка дракой, а любовь любовью, и почему дерущиеся за волосы не могут любить друг друга. Напротив, это очень[3]

---

[1] о России *вписано.*
[2] у него *вписано.*
[3] *Обрыв текста.* Но драка дракой ∾ это очень *вписано. На полях рядом с текстом:* У Петра ∾ это очень — *помета:* ! Вступление.

Честность и искренность нашего общества в высшем смысле, честность нашего юношества, идея и идеал прежде всего, вера в идею, земные блага лишь потом. В этом паше общество сходно с народом, и это его пункт соединения с народом. В народе много подлецов, но и подлец не говорит: так и надо, а воздыхает и чтит добродетель. А если есть изверги. то народ осуждает их. Если юноша говорит: так и надо, обожаю подлость, то потому лишь, что считает это за истину, а не иначе, если бы он не считал его за истину, то не пошел бы за ним, несмотря даже на то что многие из них увлекаются простым честол‹юбием›.[1]

Овсянников, нажива, с матер‹инск›ой колыбели, но ведь он *мужик*, и нажива ему много значила. «Идея» Подростка.[2]

Страшный толчок ожидает общество: дорога в Сибирь, соединение с Сибирью, торговлю можно вызвать в 10 раз, а в бесплодных степях земледелие, усиленное скотоводство и даже фабрики. Россия, соединенная дорогами с Азией, скажет новое слово, совсем новое. Теперь лишь начинается.

Китай.

Обратил внимание на статью «Голоса». ‹35›

Идея Мальтуса о геометрической прогрессии населения без сомнения неверна; напротив, достигнув известного предела, население может даже совсем останавливаться. La population reste stationnaire;[3] тут, конечно, многообразные причины (так что при другом социальном положении и во Франции могло бы еще двинуться вперед население), но тем не менее, кажется, будет вернее всего последовать аксиоме, правда, еще не доказанной, но лишь предрешаемой, именно: что территория может поднять ту численность населения, которая лишь сообразна с ее средствами и границами, а далее la population restera stationnaire.[4] Эта аксиома ждет, может быть, всю Европу. Таким образом, многоземельные государства будут самые огромные и сильные. Это очень интересно для русских.

Образование начинается лишь тоже с известной густоты населения. Да и вся цивилизация. Тут должны быть твердые научные правила.[5] Но способствует и характер народа: у немцев прежде образование, а потом уже политическая мысль, а у русских наоборот.

---

[1] а не иначе ∾ честол‹юбием› *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Честность ∾ «Идея» Подростка. — *пометы:* Вступление. Здесь.

[3] Население остается постоянным (*франц.*).

[4] население будет оставаться неизменным (*франц.*).

[5] *Было:* выводы

Начинается этот зуд разврата...

Война есть повод массе уважать себя, призыв массы к величайшим общим делам и *к участию* в них (песни солдатские и народные). (Будьте беспристрастны, выслушайте.)[1] Вы ‹36› другого[2] образа участия масс на *равной* ноге с интеллигенцией (управляющей массой по праву) не найдете для *высших дел* (для участия в высших делах). Кроме войны — везде царствуют ум, наука, сметка, талант, а масса беспрекословно должна слушаться, то есть жертвовать своей инициативой. Война вдруг возводит всех — и уже не интеллигенцией, а великодушием. Правом умереть за выгоды отечества, всех, самые низшие возвышаются до самых высших и становятся им равными как человеки. Кроме войны, я никак не вижу проявлений для массы, ибо везде талант, ум и лучшие люди. Массе иногда остается лишь бунт, чтоб заявить себя. Иногда и заявляет, но это неблагородно и мало великодушия. Образование, чего нет у народа, богатство, протекция. Умирать вместе — это соединяет. О, другое дело гражданская усобица.[3]

Как ни уравнивай права революциями,[4] но до этого удовлетворения не доравняешь.

Я вас не считаю честным литератором, г-н Су‹вор›ин.

Он не то что глуп, но в нем не так много ума.

Критик Михайловский, цитующий в статьях своих стихи своего патрона Некрасова.

Знаете, я бы этого не делал.

В «Русск‹ом› мире», № 262, среда, 24 декабря 75. Статья В. С‹оловьева› обо мне.

«Дым». Вот такой-то господин едет в вагоне и осуждает всех и решает, что всё это дым. Мне досадно, что ему дано это право. Он хуже всех и не имеет тут слов. Даже если б себя осуждал, но себя осуждать он и не думает.

Автор должен был поставить в надлежащем свете, автор этого не сделал. ‹37›

В «Московск‹их› ведомостях». Декабрь. Среда, 24, № 328. Об овсянниковск‹ом› деле и роли печати — превосходная передовая статья. Известие о монахах, задушивших девицу Верещагину.[5]

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Война есть повод ∾ выслушайте.) — *помета:* Война.

[2] *Было:* такого

[3] Образование ∾ усобица. *вписано между строк и на полях.*

[4] революциями *вписано.*

[5] *На полях рядом с текстом:* В «Московск‹их› ведомостях» ∾ Верещагину. — *помета:* Здесь.

«Голос». Четверг, 25 декаб‹ря›, № 356.[1] Известие из «Киевского телеграфа» о таинств‹енном› убийстве в Умани. Лом. Павлуша. (Гамлеты и Дон-Кихоты).[2]

Такое оравнодушие бывшего даровитого русского писателя.

Тургеневу недостает знания русской жизни вообще. А народную он узнал раз от того дворового лакея, с которым ходил на охоту («Записки охотника»), а больше не знал ничего.

Сколько формы французского романа вошло к вам, г-н Тургенев?

Был на бале детском и проч. в Клубе художников, 26.

Елку не застал. Горы. Дети. Очень беззастенчивы, богато одеты, Петрушка, характер его. Медведь с кружкой на герцеговинцев свидетельствует, кроме замысловатости и несомненного остроумия, о постоянном желании клуба веселить посетителей. Давка, солнца, толпа (достать воздуху). Живая картина, ослы. (Устройство буфета, слуги.) Люди, боящиеся говорить oui et non,[3] общество не компетентно. Если б каждый знал, сколько в сердце его простодушия, искренности, добрых и великодушных чувств, — то если б захотели все, то осчастливили бы всех. Теперь каждый думает: а ну ‹38› как меня назовут дураком? Попробуйте заговорить, и человек потеряется, пропадет и зверски на вас посмотрит.[4] Правда, для того чтоб не казаться дураками, зевают и говорят, что скучно, от боязни, что их сочтут за дураков, если они что похвалят и если б они рискнули сказать, что им весело. Это, конечно, умно, но это штука старая, а стало быть, оглупела. Вот первый ее выдумавший был умен. Но если б знали все эти господа, как они вдруг сделались бы умнее и умны в полном смысле слова, если б они вдруг захотели стать простодушными, искренними и любовными. Какие бы сокровища ума, таланта и остроумия открылись бы у иного генерала совсем неожиданно. Чиновник. Искусство, *Петрушка* (Горб‹унов›: не ходит). Неужели на фарфоровых чашках золотой век? Танцы, женам не танцевать. Толкается молодое поколение (*не все, но* очень многие. Конечно, это свобода, но...). Остальные вежливы, и публика превосходна. Описание танцев, вертящих польку, костюмы, обыкновенно танцует маленький, или юнкер, или инженер, вид‹ел› их.[5] (Потугин. Костюмы, Чурила Пленкович, Александр и Карамзин.) Я потому, что перечел «Дым». Несколько слов о «Дыме» (едких).

---

[1] *Было:* 30

[2] *На полях рядом с текстом:* «Голос» ∞ Дон-Кихоты.) — *помета:* Здесь.

[3] да и нет (*франц.*).

[4] *Далее было начато:* А между тем

[5] обыкновенно танцует маленький, или юнкер, или инженер, вид‹ел› их. *вписано.*

Молодое поколение. Павлуша, цельные люди.
Колония малолетних (сестра без места).

Господи, что было в Содоме? Младенцы в колыбелях, яслях. Истреблен род сей. Ты ищешь виновных. Человек простил Маргарите — Фауст.

Иов у бога.

...Для себя, свои права; для людей, права людей. В этом разница между словом Христа и словом социализма.

Колония. Одним словом, тут царит отчасти Шиллер, но это прекрасно (NB. Тот *несколько* иронически вообще о колонии).

Добрые люди дали возможность мне это видеть. Добрые и истинные граждане.

К тому же жить так мало — вдруг всё исчезнет!

Коронат — да не клевета ли это на молодых людей? Неужели они до такой степени грубы, глупы и тупы? <39>

Я Горбунову, положим, одному художнику (и уж вполне художнику) об Александринке.

О, где те водевили, когда один пролез под стол, а другой его вытащил из-под стола.

(А теперь мертвая петля.)

Пойдемте <слушать> Петрушку.

Толкаться (и воспитывает в молодом поколении чувство свободы), но, например, драться кулаками было бы еще свободнее. Белинск<ий>. Ведь почем вы знаете, может быть, даже и этот гаркнувший среди залы капитан был убежден, что он либерален и действует прогрессивно.[1] Мне всегда казалось, что у нас только форма и составляет цивилизацию и не будь формы — все бы на бале передрались, потому что мы не имеем внутренней потребности уважать в другом человека, как это всё еще есть и продолжает быть в Европе, а что нас этому научили лишь механически, хотя всегда оставалось: grattez le russe.[2] Но неужели дворянин, хотя бы с наружной цивилизацией, уничтожил<ся> с освобождением крестьян.[3]

Вот почему и хорошо, что одеваются в платья, радующийся вид. Тут неискренность, лицемерие. Лицемерие есть дань... Но формы были необходимы, их надо удержать. Это потенция.

---

[1] Белинск<ий>. ∾ прогрессивно. *вписано в низу с. 43.*

[2] поскоблите русского (*франц.*).

[3] *На полях рядом с текстом:* Толкаться ∾ с освобождением крестьян. — *пометы:* Бал; «Петерб<ургская> газета»

Танец, что такое танец? веселит бессознательно, выбор женихов, даме нельзя танцевать.[1]

Присяжные заранее осудили Овсянникова.
Но неужели так?

Не все, а очень многие. Пишу «очень многие» для того, чтоб не писать «все». ‹40›

«Незнакомец» находится в фальшивом положении, потому что вдруг вообразил себя почему-то гением, и главное один: никто ровно не помогал ему в этом. Теперь во всяком фельетоне слышится препротивненькая фальшь: хочется[2] говорить игриво и просто,[3] но хочется[4] также говорить нечто чрезвычайно премудрое, до того премудрое, что никому и в голову не придет, хочется подавлять остроумием — смотр‹и› фельетон «Бирж‹евые ведомости›», № 357.[5] И вот, к удивлению нашему, ни игривости не видно, ни мудрости не заметно. А какое-то таращенье, какое-то тербление богом данной порции ума и таланта, чтоб раздать их в размеры Сухаревой башни. Немного похожи на г-на Тургенева,[6] исписавшегося за последние десять лет и всё продолжающего теребить свой талантишко ежегодно в «Вестнике Европы»[7] и доить[8] убогую корову своего остроумия с иссохшим вымем.

«Незнакомец» в фельетоне № 357 «Биржевых ‹ведомостей›», говоря о спиритизме, говорит, что христианское учение о бессмертии лучше, а тут *духи* глупы. Незнакомец ошибается насчет глупости духов. Если это черти, то ничего они не могли сделать хитрее и умнее,[9] как представиться сначала, в первый период спиритизма, глупцами и мелкими насмешниками и обманщиками. И, уже конечно, ими управляет какой-нибудь огромный нечистый дух, страшной силы и поумнее Мефистофеля, прославившего Гете, по уверению Я. П. Полонского. Этот главный адский дух поглубже политик, чем предполагает г-н Суворин. Спиритизм[10] штука важная, и черти давно уже, должно быть, ждали эпохи, когда люди дойдут до ‹41› столов. (Повторяю: всё в том предположении, если это черти, то есть духи). Теперь и г-н Суворин не хочет поверить именно по глупости духов. Явись черти с открытиями законов природы и тайн земных — и жизнь людей была бы украдена, а люди бы, осыпанные благами, стали бы не тосковать,

---

[1] Вот почему ∾ танцевать. *вписано.*
[2] *Было: а.* всё хочет *б.* всё он хочет
[3] и просто *вписано.*
[4] *Было:* но всё хочется
[5] смотр‹и› ∾ № 357 *вписано.*
[6] *Было:* последние произведения г-на Тургенева
[7] ежегодно в «Вестнике Европы» *вписано.*
[8] *Далее было:* иссохшим
[9] *Было:* глубже
[10] *Было:* Если спиритизм

а сначала вопить от восторга: кто подобен зверю сему, он сводит огонь с небеси. И неужели бы «Незнакомец» поверил? И тут — о безотрадности учения, конфисковавшего жизнь.[1] Потом бы люди загнили, покрылись бы язвами и стали бы кусать языки свои, в муках, увидя, что жизнь у них украдена за хлеб, за камни, обращенные в хлебы, за возвещенные даром, без труда,[2] столоверченским стуком духов открытия и тайны природы. Они бы познали тогда, что счастье не в счастье, а лишь в его достижении.[3] И если б прямо с этого начали, то кто бы устоял. Я думаю, и г-н Суворин подался бы сначала и закричал: кто подобен зверю сему? Но черти хитры, им надо не того царства, которое легко и нечаянно устроилось, а им надо такого, которое бы прочно устроилось и само за себя постояло без их труда.[4] Царство на уме и открытиях, сообщенных с того света, может быть, и провалилось бы под конец. Вскинулись бы люди и закричали: «Гнием! Не одним хлебом жив[5] человек» — и перестали бы волхвовать. И так это царство непрочное, а царство, устроенное на раздоре и, если возможно, на крови, прочнее. А уже раздор начинается: умные люди отворачиваются именно потому, что духи глупы, отворачиваются и смеются над людьми, чрезвычайно достойными уважения и умными, но поверившими столам. Из толпы дело переходит в науку, разъединение и насмешки усиливаются, начи[6]<42>нается брань и раздоры сильные. Но чтоб не терять адептов, а приобретать их в геометрической прогрессии, духи употребляют новые хитрости: они бесстыдно пасуют перед серьезно неверующими, перед людьми науки, перед критиками и ревизорами. Сеансы не удаются, раздор и насмешки усиливаются, а рядом с тем, чуть отвернутся ревизоры, то в кругу оставшихся[7] истинно верующих вдруг начинаются явления немыслимые (фотограф в Париже).[8] Столы пляшут, стучат, говорят, иногда прекрасно, и даже подымаются па всех четырех ножках, а затем приходят тени из ада.[9] Сомневаться невозможно, адепты лезут, а скептики не могут убедиться: раздор. Но черти хитры: они вдруг выберут скептика, врача, ученого, писавшего и кричавшего против них на всю Европу,[10] — выберут и всё ему покажут самым

---

1 И неужели бы ∾ конфисковавшего жизнь. *вписано.*

2 без труда *вписано.*

3 Они бы познали ∾ в его достижении. *вписано.*

4 и само ∾ без их труда *вписано.*

5 *Далее было начато:* буд<ет>

6 *В низу листа запись:* Я не отрицаю... и что переходное время, может быть, даже необходимо, разумеется очень опасно, оставлять <?> общест<во> без руководителя, а какие могут быть руководители: вы нападаете на то, что не может защищаться *<2 нрзб.>*

7 оставшихся *вписано.*

8 (фотограф в Париже) *вписано.*

9 *Далее было начато:* в виде пре

10 *Далее было начато:* умна ревизионная ком<иссия>

любезнейшим образом, удостоверят его как дважды два; новый скандал, новый раздор. И так растравливая и постепенно развивая сильней и сильней свою славу, черти дойдут наконец до такого раздора, что начнется и кровь. Это несомненно начнется, если, например, начнут внешним образом стеснять спиритизм[1] за то, что он прорвется к народу. Тогда он мигом разольется, как зажженный керосин, и всё зажжет. Каждая запрещенная мысль тотчас же, чуть запрещена, ставится на пьедестал самими же запретителями. Не запрещали бы Штрауса и Ренана, и кто бы знал про них у нас, например? Всякая запрещаемая[2] мысль подобна тому самому петролею, которым обливали полы и столы Тюильри зажигатели перед пожаром. Вы запрещаете такую-то мысль — значит, вы уже пролили чашку петролея в оберегаемое вами здание: не беспокойтесь, пропитается и в свое время загорится. Люди не <43> хотят это видеть, а черти видят ясно[3] и видят, что нельзя и не запрещать; в самом деле человек со всем своим умом слаб перед фактом. Ну что, например, если спиритизм хлынет в народ и $^9/_{10}$ его[4] перейдут в спиритскую веру за отсутствием, кажется, почти всякой помощи от своих духовных руководителей. Жалко будет, не правда ли? Они не взбунтуются, но ведь будет жалко, жалко, не правда ли? Как задержится просвещение, развитие... Вся беда в том: черти ли это в самом деле или просто фокус? Гоголь с того света уверяет, что черти. Он прислал письмо, дразнить чертей не следует. Великий святитель уверил, что черти — ужасно трудный вопрос, ужасно трудный, особенно если прямо поставить вопрос,[5] что черта никогда не бывало.

Я шучу, господа.

Если не черти, то, разумеется, может оказаться пустяками, даже жаль. Но если это черти, то действуют они до того хитро, что даже можно полюбоваться.

А пойдут все брат на брата, а раздором лишь укореняется идея. Чем так твердо укрепилось лютеранство и разные секты в Европе, тем, что за них была кровь пролита.[6]

Насчет цензуры — три вещи запретить, остальное запрещать опасно и невыгодно.

Духовные руководители, попы, отказывающиеся учить. Поптребник и поп — проповедник Елисеева.

Не беспокойтесь, черти свое дело знают...

Только вот, черти ль это...

---

[1] *Далее было начато:* Я убежден
[2] *Было:* запрещенная
[3] ясно *вписано.*
[4] *Далее было начато:* и он
[5] *К словам:* поставить вопрос — *незачеркнутый вариант:* сказать
[6] Если не черти ∾ кровь пролита. *вписано.*

Вот у пас, например, сколько уж перессорились и обидели одип другого из-за спиритизма.

А тут вдруг: открывается вам электрический телеграф (если б он не был открыт), рой там-то — найдешь клад или найдешь залежи каменного угля (огонь с неба, особенно если вырубят леса). Так ведь это было бы слишком просто. Чем гадка религиозная идея спиритизма: кража вашей свободы, и они говорят, что это сошествие духа святого! Никогда бог не позволит сделать такой ужасной вещи (шуткп) с человеком. А между тем сначала адепты были бы наверно, закричали бы и завопили, сказали бы: ‹44› конец материальным нуждам, теперь лишь духовная жизнь![1] И кричали бы, и были бы адепты, а какие бы умные люди это кричали бы! А и пе заметили бы, что духовной жизни уж больше нет: украдена, иссяк источник, ибо источник духовной жизни есть труд и свободное исследование накопленных богатств, имеющих целью[2] и идеалом[3] не свою плоть,[4] а счастье ближнего.

Хотя бы из мертвых воскрес, и того не послушают. Ужаспая истина. Фома.

И потому черти говорят глупо и загадочно и, главное, не говорят *ничего нового*, — и в этом огромный ум! Вот так умники! Правда, они смеются и лгут, но ведь на то они черти! Только черти ли? Если не черти, то, конечно, выйдет[5] безмерная глупость. Это в духовной стороне спиритизма. Другое дело опыт: тут еще никто, кажется, ничего не может сказать. В самом деле, если б дело было решенное, не собирались бы исследующие комиссии (Менделеев).[6]

Есть ли черти? Никогда не мог представить себе сатапы. Иов. Мефистофель. Сведенборг: дурпые люди ... о Сведенборге.[7]

Преступники: система наказания лишением воли. Гнусность каторжных работ и веселость работ attrayant'ных.[8] Содержание преступника, скажут, выйдет лучше житья на воле, и человек поскорее сделается преступником, чтоб не жить в иной адской жизни на воле?

Но то-то и есть, что лишение свободы есть самое страшное истязание, которое почти не может переносить человек. Я это

---

[1] *Далее было начато:* Но
[2] *Далее было начато:* свободная мысль, имеющая целью отда‹ть›
[3] *Далее было:* отдать всё ближним
[4] *Было:* плоть своего
[5] *Далее было начато:* что не
[6] Только черти ∾ (Менделеев). *вписано.*
[7] *На полях рядом с текстом:* Есть ли ∾ о Сведенборге. — *помета:* Здесь!
[8] привлекательных (*франц.*).

видел (Орлов),[1] они не боялись ни плетей, ни сквозь строя. Одно лишь лишение свободы ужасно. Вот на этом принципе и должна быть построена система наказаний, а не на принципе истязаний. ‹45›

Меня уверяли, что будет неясно, что такое «Дневник», — разъясню, что такое «Дневник».

Повар отрубил руку дворнику. «*Голос*». Воскресенье, 28 декабря, № 357.

Насчет рассказов Кони и Ковалевского об обидах от околодочных. Тут никто не виноват, тут нравы.

Мак-Магон. Честный солдат, храбрый солдат, но всё это, чтоб не сказать, что он умный солдат. Вот про «умного-то» и никто не говорил. Вся политика — любовь к родине. Разгонит Собрание. Чревата будущность. Республика необходима. Все династии необходимо должны быть врагами Франции и упрочивать свой авторитет. Наполеон. Честный Шамбор. Республика — единственное спасение от Коммуны. Соседи всего более ненавидят друг друга, но Наполеон связался бы с коммунарами. Покоя нет. Будущность чревата. Что-то недоделанное в мире.

Война, мечи расковать на орала. Ложная мысль. Загниет человечество в этаком мире. Надобен мир по-иному — Христов.

До Христа и не перестанет война, это предсказано.

Если только это черти: вот как бы только это узнать повернее.[2] ‹46›

Не могу представить сатану.

Изображения в поэмах.

У Иова: это потому, что ты дал ему. Не слыхали ль вы этот *голос*, господа? Не раздается ли он и теперь. Социализм, Прудон.[3] Какой вековечный голос!

«Голос». 28 декабря, № 357. Воскресенье. *Письмо Потехина.* (NB. Ждать ответа Суворина.)

Если б когда исчезла земля, конечно, Библия. Все характеры. Читать детям.[4]

Это критики по натуре, или, еще лучше, *через натуру*.

---

[1] (Орлов) *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Если только ∾ повернее. — *помета:* Здесь

[3] Не раздается ∾ Прудон. *вписано.*

[4] *На полях рядом с текстом:* Если б когда ∾ детям. — *помета:* Здесь.

Это мы все люди скорой, но непрочной ненависти [1] (в pendent вечной [2] великорусской доброте: Пушкин). Типы [3] с прочной ненавистью очень высоко ценились при своем появлении (Сильвио, Герой нашего времени), так ценились наравне с иностранцами (Котлубаями и проч.) и нерусскими людьми, и которых уважать надо хоть только потому, что они нерусские.[4]

У нас всё можно сделать (NB, рассказы Кони и проч.). Известие о судебном приставе, взыскавшем 1 000 р. («Голос», № 358, понедельник). Уличи их, они начнут лгать, что никогда и ничего не было. Кассиры бегут с кассами... Никакой чести, никакого понятия о долге! Как можно тут жить и можно ли жить?

«Голос», № 358. Застрелился священник. Начальство не обратило внимания. Да и чего обращать: там сон и покой... ‹47›

Всем хочется казаться благородными. Делать подлость с благородством... Это бы еще хорошо, значит, всё же боятся благородства, всё же коли [5] прибегают к нему. И [6] «лицемерие хорошо, потому [7] что это есть дань, которую платит порок добродетели».[8]

«Голос», 358. Статья об вотчинной записи (заметка на статью Маркова) (*позволяется* в государственных крестьянах делиться на подворные участки по желанию ⅔ голосов общества сельского.[9] Высочайший указ 24 ноября 1866 года).

Во Франции до сих пор свирепствует псевдоклассицизм. Франция подалась в эпоху реставрации,[10] тогда как Германия и Англия явились более неподатливыми. В революцию всякая трикотеза называлась матерью Гракхов.[11]

Благочинный доносил о беспутном желании, но консистория не обратила внимания. Экая ревность по вере, подумаешь.[12]

Североамериканские штаты начали с твердого упора реформатского. Но дух исчез, а доказательство, между прочим, сильное

[1] *Далее над строкой начато:* Я даже не верю ненависти «Голоса» к «Биржевым ‹ведомостям›», бывших «Отеч‹ественных› з‹аписок›» к бывш.

[2] *Было:* в противоположность быстрой

[3] *Незачеркнутый вариант:* Люди

[4] *На полях рядом с текстом:* Это мы все ∾ нерусские. — *помета:* Вступление.

[5] *Было:* ценят благородство, всё же

[6] И *вписано.*

[7] *Было:* уж тем

[8] *На полях рядом с текстом:* Всем хочется ∾ добродетели». — *фигурная скобка и помета:* Бал.

[9] *Было:* сельского общества

[10] Франция ∾ реставрации *вписано.*

[11] *На полях рядом с текстом:* Во Франции ∾ Гракхов. — *фигурная скобка и помета:* Политик‹а›.

[12] *На полях рядом с текстом:* Благочинный ∾ подумаешь. — *помета:* !! Попы.

распространение спиритизма. Но развитие народ‹ов› и дальнейшая жизнь их обусловливаются лишь тем, во что *верует народ,* что считает идеалом добра и истины. Французы ухлопали свою веру ради энциклопедии и до сих пор давят бесправных людишек по праву. Ничего не вышло. Мы еще можем[1] ‹48› надеяться! Народ у нас еще верует в истину... если только наши «батюшки» не ухлопают нашу веру окончательно.

Писатели-аристократы, писатели-проприетеры. Лев Толстой и Тургенев — проприетеры.

Полевой поместил в[2] своей истории литературы картинку дома Тургенева в Баден-Бадене. Какое отношение имеет дом Тургенева в Баден-Бадене к русской литературе? Но такова сила капитала.[3]

«Голос», № 359. Статья о невозможности преподавать закон божий учителям (NB. Конечно, нельзя учителям, черт знает чего тот наскажет, тут дело убеждения, но где же наши священники? Брюхо, пища, и «Голос» говорит: по необеспеченности). «Голос» говорит, что попы не могут проповедовать, ибо не обеспечены.[4] Но это не то. Обеспечить их надо, но желательно бы было в них видеть и подвиги самоотвержения, ибо где же мы их увидим?[5]

(И без нигилизма и без закона божия можно преподать самое скверненькое вольномыслие.)

А между тем 10 попов на юге отказались.

Поп застрелился, а что делать дальше, в монастырях? Есть они, есть, и я знаю таких, но надо, чтоб их было больше. Надо, чтоб не замирала в них мысль. Есть такие (положим, и того довольно, что есть).

А тут проекты Елисеева.[6] ‹49›

Программа 1-го №.

Доктора.
Бал.
Колония и т. д.

В том же 359 № «Голоса» *заседание покровительства животным.* Оно прекрасно, потому что имеет нравственно-воспитатель-

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Североамериканские штаты ∾ еще можем — *фигурная скобка и помета:* Спиритизм.

[2] *Незачеркнутый вариант:* приложил ‹к›

[3] *На полях рядом с текстом:* Писатели-аристократы ∾ сила капитала. — *фигурная скобка и помета:* Капитал.

[4] «Голос» говорит ∾ не обеспечены. *вписано.*

[5] *На полях рядом с текстом:* «Голос», № 359 ∾ увидим? — *фигурная скобка и помета:* Попы.

[6] *На полях рядом с текстом:* (И без нигилизма ∾ проекты Елисеева. — *фигурная скобка и помета:* Попы.

ную цель и привьется к обществу непременно. Мужики бьют по глазам. Сидит на телятах (гадко). Фельдъегерь в 37-м году в затылок — это гаже. Тогда не могло существовать общество.[1] А теперь может, потому что теперь никого не бьют в затылок; или бьют? Женщина и четверо детей просят. Грудные на руках, с ручкой ходят. Или забивают жен в волостях, а тут собирают‹ся› о том, чтоб бродячую собачку, ежели надо умертвить, то как-нибудь хлороформом! *Всё прекрасно, и хлороформ прекрасен, но как бы это сделать в меру и в равновесие со всем.* А тут как подумаешь о птенцах воспитательного дома и сравнишь судьбу их с собачками с хлорофор‹мом›. Мужик сострадателен, про мужика скажу, что он научит даже членов отдела, но есть моменты, когда он теряет терпение. Я не про затылки одни говорю. Ну вспомните Антона Горемыку. Вспомните факт, что вывел в поле детей и всех заморозил. А тут хлороформ. Тоже и корм скоту: вот ‹50› их лошадей продают по 2 руб., потому что кормить нечем. А коли и самим вдобавок нечего и есть?

И потому всё прекрасно, а потому как бы это всё в меру устроить... А впрочем, нравственно-воспитательная цель, и действительно так, действительно так, да здравствует общество.

(А мужик, как читали лет пять назад, осужденный в 15 р. штрафу, да и 10 р. страшно за мгновение нетерпения.)

Собака умирает без сознания. Это не гильотина и приготовление к ней (6 недель),[2] (смотр‹и› бессмертн‹ое› произвед‹ение› Victor Hugo), не виселица — в тех странах, где так особенно процветают общества покровительства животных.

И вообще последний вывод: ясно, что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, о который оно наткнется и остановится, этот забор есть нравственное состояние общества, крепко соединенное с социальным устройством его, способствующим делу. Когда общество само станет нравственнее, то само будет более любить животных и станет гуманнее. Вот тогда-то и надо преследовать жестоких, вязать у них руки и перевоспитывать их по возможности — потому что они жестоки будут, уже не имея извинений или мало имея их. Если же не иметь того в виду[3] теперь и идти напролом на забор, карать сплошь[4] жестоких, то это значит кулаком вводить нравственность, а стало быть, стукаться лбом о забор. А посему да уцелеет чело общества и да здравствует общество, ибо нравственно-воспитательная цель (смотри выше).[5] ‹51›

---

[1] *Далее было начато:* Теперь
[2] *Далее было начато:* Victor
[3] *Далее было:* и идти
[4] *Далее было начато:* кулаком вводя нравс‹твенность›
[5] *На полях рядом с текстом:* Собака умирает ∾ смотри выше). — *помета:* !!! Непременно!!!

«Голос», № 359. Вторник, 30 декабря.

Статья «Заграничные известия». Поставлены числа сроков французских выборов в сенат и в палату депутатов.

16 янв‹аря› — выбор делегатов для избрания сенаторов.

30 января — выбор сенаторов.

20 февраля — палаты депутатов. Вероятно, нового стиля?

Тацит, бунт легионов в Панонии, солдат-мим Вибуленус плакал и рыдал неподдельно: отдайте брата, а брата и не было. Всю жизнь молчал и раз сыграл комедию — выразил всего себя, того только и надо было. Это был актер.[1]

№. По поводу театра: что такое актер, Vibulenus. Актером родятся. (Vibulenus ничего не мог получить и власти не искал.) У Тацита объективно и не объяснено. У нас тотчас же бы закричали: непонятно. Но непонятность от своего ума тупости, за то, что у нас считается понятным. Наворахтают вздору, и кто: первейшие![2]

Типы бывают вековечные. А[3] у вас одно лишь: среда заела. (...Tout autres que Dieu ne les a faites et qu'elles ne sont reellement.)[4]

1793 год, это было время матерей Гракхов.

У меня есть Тацит этого года. Quai des Augustins.[5] ‹52›

Иваница вредны.

Но как странно: мы, может быть, видим Шекспира. А он ездит в извозчиках, это, может быть, Рафаэль, а он в кузнецах, это актер, а он пашет землю. Неужели только маленькая верхушечка людей проявляется, а остальные гибнут (податное сословие для подготовки культурного слоя). Какой вековечный вопрос, и, однако, он во что бы ни стало должен быть разрешен.

Чтение для детей Щербинской. «Голос», см. ниже.

Только одна середина кричит; теперь деньги, а не талант, только одна середина боится и отчаивается, а, наконец, кончает уважением и преданностью. Порядочный человек не может разделять этих мыслей.[6]

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Тацит ∾ актер. — *помета:* !! Тут.

[2] *На полях рядом с текстом:* №. По поводу ∾ первейшие! — *фигурная скобка и помета:* !! Тут. *Далее было начато:* Tou‹t›

[3] *Далее было:* вы

[4] (...Совсем иные, чем их создал бог, и каковы они на самом деле.) (*франц.*).

[5] Набережная августинцев (*франц.*).

[6] *На полях рядом с текстом:* Только одна ∾ этих мыслей. — *помета:* Вступление.

А порядочных, может, более, чем мы думаем. Вот этот фельетонист, если б его подкупил Овсянников, взял бы он 50 000 или не взял. Может быть, не взял бы, зная, что это может профильтроваться, открыться. Ну а если б так дать, что ни за что бы не открылось? Знаете, что, может быть, не взял бы. Он фанфарон, он плут, он Vibulenus, а, пожалуй, не взял бы. Значит, кроме плутовства и актерства, есть и благородство. Да, есть, и, может, гораздо больше, чем мы[1] думаем.[2]

Лермонтов, дурное лицо, в зеркало. Байрон — жалкая хромоножка. Обеспеченность чести и личности. Кроме анекдотов о Кони — о избитом ученом извозчиком: «Ничего не будет!» — и уехал. Не жаловался чиновник. Да и что же бы он сделал, когда сорвал каску? [3]

А кстати, чем обеспечена честь и чем заменить дуэль? Лучше всего не иметь чести — как преподавало начальство в 30-х и 40-х годах. Но если привозили шпагу, то привозили и Европу. А дуэль вовсе не глупость: те, ‹53› которые отрицают ее, излагают только мысль, но *незавершившуюся*, а дуэль есть факт с начала века. Генералы же, говорившие, что шпага дана вам для защиты отечества, не знали или забывали о том, что те, которые обнажали ее для защиты своей чести, те-то и сумели стоять честно перед врагом, а люди спокойные и Пироговы оказались только интендантами и «скептиками».

Как 8-е сентября—
Мы за веру и царя и т. д. и т. д.

Елка, ребенок у Рюккерта, Христос, спросить Владимира Рафаиловича Зотова.[4]

Те, которые не имели крестов на шее или по крайней мере в петлице, те в случае опасности, разумеется, погибали бесследно, но[5] таков был закон природы, и никто не жаловался. Не то теперь. Кресты не спасут вас, ничто не спасет. Вдруг оказывается на гулянье на ваших взрослых девиц: освидетельствовать их..

Положим, он был жестоко наказан.

Но в Москве тоже.

В «Русск‹ом› мире» верх невероятности.

Да это у меня с натуры!

---

[1] *Далее было начато:* по

[2] *На полях рядом с текстом:* А порядочных ∾ думаем. — *пометы:* !!!! Бал. Все подерутся.

[3] *На полях рядом с текстом:* Лермонтов ∾ сорвал каску? — *фигурная скобка и помета:* !!! Здесь.

[4] *На полях рядом с текстом:* Елка ∾ Зотова. — *фигурная скобка и помета:* Здесь!

[5] *Далее было:* уже

А если б они были с изъяном?[1]

Извозчик и т. д.
Церковь — Кони и т. д. ‹54›
Ab ovo.[2]

«Московские ведомости», № 332. Вторник, 30 декабря. Корреспонденция «Теймс» об отсутствии пятен в солнце с усилением холоду на земле.

Извозчик бил барина. История. Барин — вид профессора. Не жаловался. Но что, если б он пожаловался. Ничего не будет. Порют у себя жен. Ведро водки, три целковых. *Дали власть самосуда.*[3] Но если они были так измяты и унижены крепостным состоянием умственно, то как же вдруг они так умственно оказались трезвыми, что им дан самосуд. Самосуд — вещь не текущая, не теперешняя. Суд, как идея, выше мужика, выше современного поколения, в нем будущее. Будущее не должно портиться и мараться, иль уж так обречено поколение? Широкий взгляд, согласен, но тяжело. Правда, мы далеко живем, в Петербурге. Посекут бабу, ведь крика не услышим. Но у нас мужики и сами дерутся...

Почему не кликнуть клич вновь по земле на память великого русского человека *Алек‹сандра› Пушкина.*

Почему в «Голосе», у которого 15 000 подписчиков,[4] не открыть такую подписку в двух строках, возобновляемых в 1-е число каждого месяца.

В газете «Голос» открыта постоянная подписка на памятник Пушкина, впредь до восполнения необходимой для сооружения памятника суммы.

Почему всем другим газетам не выйти *с ручкой*: мы, дескать, настолько ретроградны.[5]

Кто этот подписал 1 копейку Лермонтову, почему его имя не объявлено, если он сам его выставил.

Il faut avoir le courage de son opinion,[6] и имя его запомнила бы вся Россия. Запомнила же Греция имя Ферсита.

Это милостыня постоянная, постоянно протя‹55›нутая ручка стыдила бы наших дураков.

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Те, которые ∾ с пзъяном? — *запись:* Необеспеченность личности. Здесь.

[2] С самого начала (*лат.*).

[3] *На полях рядом с текстом:* Извозчик бил ∾ *самосуда.* — *фигурная скобка и запись:* Ничего не будет.

[4] у которого 15 000 подписчиков *вписано.*

[5] *На полях рядом с текстом:* Почему в «Голосе» ∾ ретроградны. — *фигурная скобка и:* !

[6] Надо обладать мужеством иметь собственное мнение (*франц.*).

Может быть, многие хотели бы дать, но не знают, куда дать. Теперь новое поколение идет, теперь, может быть, и дадут.

Студентов 117 — не внесших плату за слушание курса. Семинаристы, бедные люди. А где же дворяне?

Крушение поездов с вагонами (рекрутов) есть дело государственное, а не одних только акционеров той дороги, где происходит несчастье. Да и не одних акционеров:[1] если б акционеров, то еще можно бы примириться, их много, они набивают карман, значит, мне приятно, что они набивают карман из государственной идеи, что прибавляются капиталисты, и хоть у меня сломана нога, а все-таки мне приятно: способствовал-де ногой набивке карманов капиталистов; но тут совсем и не о акционерах[2] дело, а просто о нескольких торжествующих жидах, христианских и нехристианских, вот этих-то я не могу перенести, и мне грустно.[3]

Голубев? Сначала я негодовал на «Незнакомца».

Как они ни вертелись перед судом (то есть их адвокаты), а все-таки мне было неприятно.

«Ведь до чего ж это дойдет?» — сказал Салтыков.

Но теперь нет, теперь я это оправдываю, то есть не то оправдываю, что Голубева обидели, именно Голубева. Какое мне ‹56› дело до Голубева? Громкого Голубева, широкогазетного Голубева! Нет мне до него дела. А как он ни называется, Голубев или иной, а сидит там этот человек, или эти человеки, что губят сотнями рекрут (те убиты (3), а 68 *только* сгорели!). Какое мне дело до того, как он называется, Голубев или Неголубев? Тут Голубев был не лицом, а символом, началом произвола, эгоизма, рабского подобострастия и нахальнейшего из нахальнейших отношений ко всем, которые не имеют *специальной* защиты.

Я говорю специальной... да...

«*Русский мир*», 1-е января. Корреспонденция из Самары в «Совр‹еменных› известиях» о вбитии кола в мертвеца.[4] Присяжные — *оправдательный приговор.* Такие приговоры укореняют лишь предрассудки.

(?) *Местная печать.* Газета «Сибирь». Справиться в «Отеч‹ественных› записках» (профаны) (? в «Гражданине») и проч.

Тацит, Annales. Liv. I, LVII. Car chez ces Barbares le plus déterminé est celui sur lequel on compte le plus. Bismark.[5] (Сказано про Арминия.) Верно до сих пор.

---

[1] Да и не одних акционеров *вписано.*

[2] *Было:* капиталистах

[3] *На полях рядом с текстом:* Крушение поездов ∾ мне грустно. — *фигурная скобка и помета:* ! Крушение поездов!

[4] в мертвеца *вписано.*

[5] Анналы. Кн. I, LVII. Ибо у этих варваров наибольшим доверием пользуется тот, в ком больше дерзости. Бисмарк. (*франц.*).

Tibère: il versait l'amertume sur ses meilleures actions [1] (Тацит, Liv. I, стр. 189).[2] ‹57›

Островский и Шекспир, а было время, когда этому поверили, впрочем, всего один человек поверил, да и то, как говорят, сам автор, — но ведь верил же, ведь было же произнесено слово «Шекспир», и вдруг такое иссякание.

Надутости в Гусеве хватило бы на двух Авсеенок, виноват, на пол-Авсеенки.

Нет такого прекрасного, чтоб не нашлось еще прекраснее, и нет такого дрянного, чтоб не нашлось еще дряннее.

Едет извозчик.

— Хуже твоей лошади, должно быть, нет.

— Нет, есть и хуже.

Великое утешение.[3]

Лексикон Березина. «Достоевский был редактором „Русск‹ого› мира", чем окончательно уронил себя в публике». Сим объявляю, что я никогда не был редактором «Русского мира» и в почтенной газете сей никогда не участвовал и что [4] почтенному издателю это померещилось. Я знаю, впрочем, что это известие принадлежит одному из [5] сотрудников издания,[6] тому самому, про которого еще в 60-х годах мне рассказывали, что он и на извозчике едет-то, книжку читает, до того торопился он, не теряя минуты, приобретать всякие [7] познания. Писатель, впрочем, сей далеко не пошел.[8] Напротив,[9] излишнее приобретение слишком уж всяких познаний,[10] может быть, произвело некоторый (временный) беспорядок в уме его и рассудке, и в этакую-то [11] минуту я и подпал под перо его. Желаю ему доброго здоровья.[12]

Отделение критики. Отчего почти никогда не пишут об архитектуре? ‹58›

Ибо надобны хоть какие-нибудь да познания. (Классический век. Ионический ордер. Колонна [13] — изображает собою тело [14]

---

[1] Тиберий: он истолковывал в худшую сторону все его поступки (*франц.*).

[2] *Вверху страницы запись:* Несколько восторжествовавших жидов.

[3] *На полях рядом с текстом:* Нет такого прекрасного ∾ утешение. — *фигурная скобка и помета:* Бал

[4] и в почтенной газете ∾ не участвовал и что *вписано.*

[5] *Далее было:* его

[6] *Было:* почтенному г-ну В. З‹ото›ву

[7] всякие *вписано.*

[8] Писатель ∾ не пошел. *вписано на полях. Далее было начато:* Но

[9] Напротив *вписано.*

[10] слишком ∾ познаний *вписано на полях. Сюда по помете Достоевского.*

[11] *Над словом:* этакую-то — *знак:* NB

[12] *На полях рядом с текстом: Лексикон Березина.* ∾ здоровья. — *помета:* О направлении.

[13] *Было:* Ионическая колонна

[14] тело *вписано.*

цветущего и красивого молодого человека, а колонна[1] коринфского ордера — стройное девичье.)

Чем я уронил себя. Я был год редактором «Гражданина» и, приняв журнал с 1000 подписчиков, через год оставил его с тремя тысячами. Вот уже признак, что не уронил себя в публике. А если хотите в чем уличить меня, то пусть найдут хоть строчку, подписанную мной, неблагородную. Это славянофильское-то направление неблагородное? Его могли назвать всем чем угодно, но только не бесчестным, г-н читающий на извозчиках.[2]

Так же точно в «Новом времени» изменили за деньги. Статья Льва Толстого, про него ни слова, а мне польза. Нет, напротив, Лев Толстой напечатал лишь самую суть своих убеждений, а я лишь роман, поэму, образный вымысел.[3] А почему вы знаете мое направление (не я пришел, а «Отеч‹ественные› записки» взяли моего духу). Знаете, г-н либерал, что я либеральнее вас. Или вы думаете, что славянофилы не либеральны? Но вы все до того отвлеченно, до того витаете в пространстве и в облаках, а напротив, если б мы были где-нибудь при Тиверии или Меттернпхе, то вас поощряли бы, давали бы вам кресты и толстые журналы ваши каждый месяц шлепались бы на нас, как... Другое дело славянофилы; эти требуют многого, и они непримиримы.[4] Они требуют твердых оснований... Их при Тиверии или Меттернпхе всегда их бы не любили...[5] цензура и подозревала, и крестов не давали бы... Да и не возьмут они их сами за убеждения... Там дело чисто,[6] убеждениями не торгуют... Вот что, г-н.[7] Не понимаете вы, что говорите. И так и не будете понимать этого множество лет. ‹59›

Возьмите отчет об Обществе пропаганды, к которому я имел несчастье принадлежать, там слишком ярко обозначено, как я умел себя держать, не поддаваясь на выгоду. Не Федора Достоевского вам упрекать в перемене убеждений.

Но вы скажете, теперешний Достоевский и тогдашний не то, но, приняв убеждения[8] иные (христианские и несла‹вя›нофильские) и соединясь по возможности с нашим народом (еще в каторге я почувствовал разъединение с ним, разбойник многому меня научил). Но я нисколько[9] не изменил идеалов моих и верю — но лишь не в коммуну, а в царствие божие.[10] Вам меня не

---

[1] колонна *вписано.*
[2] *На полях рядом с текстом:* Чем я уронил ∾ на извозчиках. — *помета:* О направлении.
[3] Нет, напротив ∾ вымысел. *вписано на полях.*
[4] *Далее было начато:* их
[5] *Было:* их всегда не любили больше
[6] дело чистое *вписано.*
[7] *Далее было начато:* Нез‹накомец›
[8] *Далее было начато:* славяно‹фильскпе?›
[9] *Было:* Я несколько
[10] *Далее было:* В этом я поспорю не только с вами.

понять, а потому я не объясняюсь точнее, но знайте, что я все-таки[1] «либеральнее вас» и даже гораздо.[2] Ибо даже либерализм таких, как вы, есть бессмысленное ретроградство. Я принадлежу частию[3] не столько к убеждениям[4] славянофильским, вернее,[5] к православным, то есть к убеждениям[6] крестьянским, то есть к христианским.[7] Я не разделяю их вполне — их предрассуд‹ков› и невежества не люблю, но люблю сердце их и всё то, что они любят. Еще в каторге.[8]

Не у подписчиков, а упал в глазах честных людей,[9] то есть что подписчики «Гражданина» принадлежат к разряду бесчестных. Но такого рассуждения я уже не допускаю совсем.

Он может отрицать во мне всякое дарование (этот почтенный человек), но находить в строках, писанных мною, что-нибудь, чем бы я мог унизить себя...

Но у нас не Тиверий и не Меттерних, и мы, слава богу, еще очень дышим.[10] ‹60›

О цензуре.

Мы неограниченная монархия и, может быть, всех свободнее, таких народов (то есть сходных), как мы, только три. При таком могуществе императора — мы не можем не быть свободны. Под конец.

Тирания и свобода.

Наполеон III употреблял силы на укрепление династии, а мы нет.[11]

И как этот мужик Марей трепал меня по щеке и гладил по головке. Я это забыл, то есть не забыл, а только в каторге припомнил.

Эти воспоминания дали мне возможность пережить в каторге.[12]

---

[1] все-таки *вписано.*
[2] и даже гораздо *вписано. Далее было начато:* Вам
[3] частию *вписано.*
[4] к убеждениям *вписано.*
[5] *Было:* то есть *Незачеркнутый вариант:* сколько
[6] к убеждениям *вписано.*
[7] *Далее было:* убеждениям
[8] Я не разделяю ∾ в каторге. *вписано между строк и на полях.*
[9] *Далее было начато:* ну, этого рассужд‹ения›
[10] *На полях рядом с текстом:* Но вы скажете ∾ очень дышим. — *помета:* О направлении.
[11] *На полях рядом с текстом:* О цензуре. ∾ а мы нет. — *фигурная скобка и помета:* ! Непременно!
[12] *На полях рядом с текстом:* И как этот ∾ пережить в каторге. — *помета:* Непременно.

Я потому это всё написал, что мне всё это наконец надоело. Но довольно же, довольно, хотя это именно относится к «Дневнику», потому что всё это волновало меня.

Он к людям на праздник приходит угрюм,
К гробам их подходит с улыбкой.[1]

NB. Под престолом у Спаса.
Павлуша.

Елка. Мальчик.
Я начинаю с рассказов неестественных и фантастических. (Я к ним ездил — подождите, в два места, на бал и в колонию.)[2]

Мальчик с ручкой.
Елка в клубе.
Танец. Танцы замужних.[3]
Поездка в колонию.
Всё об детях, всё об детях.[4] А об Овсянникове.[5]
Разговоры об случаях обеспеченности. Вагоны, полицейские истор‹ии›. Голубев.
Направление.
Критика.
Политика.

(Страхи перед провинциальной печатью.)
Ничего не делают.
Новые поколения.
Гусев. Павлуша.
Коронат. Филонов.
Народ. Дворянство.
1) Доктора. Заседания покровительства животным.

Будущее России; будущее Европы. Война.

Об народе — волк.[6] ‹61›

Вл. Зотов. Я любовался такою ученостью, но я никак не предполагал таких чувств ко мне.

Ви-ишь! И тронул мне концом пальца угол дрожавшей губы (животинку-то остановил).[7]

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Он к людям ∾ с улыбкой. — *помета:* ! Бал!
[2] (Я к ним ∾ и в колонию.) *вписано.*
[3] Танец. Танцы замужних. *вписано.*
[4] *Далее было:* Разговоры.
[5] А об Овсянникове. *вписано.*
[6] Об народе — волк. *вписано на полях.*
[7] *На полях рядом с текстом:* Ви-ишь! ∾ остановил). — *фигурная скобка и помета:* Здесь.

Белинский в каторге, — я благоговел.
Некрасов (повесить в избе Белинского).
Кстати: люди книжные. Елисеева проект о 2-х попах.

Американская дуэль; какая низость, какая мерзость![1]

Дуэль. В человеке, кроме гражданина, есть и лицо. Судья судит гражданина и иногда совсем не видит лица. А потому всегда возможно впечатление этого невидимого лица, которое остается только с ним, и судья ничего в нем не увидит. Даже закон не предусмотрит всех тонкостей. Но отнять лицо[2] и оставить только гражданина нельзя: вышло бы нечто хуже коммунарского стада.

Есть преступления и впечатления, которые не подлежат земному суду. Единый суд — моя совесть, то есть судящий во мне бог; но это совсем уж другое.

Дочь Жорж Занда выходила замуж, был муж (не дрался), у Белинского: да каких же вы детей хотите от ваших подлых, вонючих браков? Но дочь Жорж Занда краснела за мать.[3] <62>

Вступл<ение>.

Безмерное самолюбие и самомнение не есть признак чувства собственного достоинства.

«Овсянников *на скамье подсудимых».* Овсянников виновен бесспорно, но этот жар гражданский, возросший не в размерах. Было множество дел, которые могли возбудить жар гражданский, но они прошли бесследно, их не хотели даже заметить, но тут миллион.[4] Тут и не нахальство Овсянникова, жар гражданский не обидится и нахальством. А миллион, просто миллион — вот в чем беда. Дескать, миллион у Овсянникова, зачем[5] не у нас. Дави Овсянникова.[6]

Как смеют у него быть миллионы, зачем не у нас, дави Овсян<н>икова.

У нас сейчас есть Лёв Толстой,
Сей Лев породы царской.

Два чрезвычайно странные стиха, и против которых никто не протестовал. Напечатано в декабрьской книге «Русского вестника», в которой объявлено публике о продолжении сотрудничества графа Льва Толстого.

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Американская дуэль ∾ мерзость! — *фигурная скобка и помета:* Здесь!!!

[2] *Далее было:* у гражданина

[3] *На полях рядом с текстом:* Дочь Жорж Занда ∾ за мать. — *фигурная скобка и помета:* Надо!!

[4] *Далее было начато:* Сколько жар<а>

[5] *Далее было:* же

[6] *На полях рядом с текстом:* «Овсянников *на скамье* ∾ Дави Овсянникова. — *фигурная скобка и помета:* ! Надо!

Или — два чрезвычайно глупые стиха. Осмеливаюсь[1] думать, что, сделав это замечание, нисколько не посягаю на великое значение великого дарования[2] графа Льва Толстого. Напечатаны эти два странные[3] стиха в декабрьской книге «Русск‹ого› вестника», в котором и т. д. Но тут не реклама, тут наивность. Тем[4] и замечательно.[5]

Граф Лев Толстой — конфетный талант и всем по плечу. ‹63›

Вступл‹ение›.

— Эх, боже, да зачем же и жить, коли не для гордости.

Республика уже тем одним необходима Франции, что только одна она может избавить Францию от двух бед, которых она всего больше боится: от войны, возмездия Германии, которую одна лишь республика не[6] рискнет предпринять, и от коммунизма, ибо[7] республиканцы соседи коммунарам, а политические[8] соседи всегда враги друг другу, даже и во время дружбы,[9] и т. д. Это надобно объяснить.[10]

«Голос», № 4. Воскресенье. Характерное убийство в Семенове Нижегородской губернии (в противуположность Павлуше, которому не померещится). Нужно наблюдать природу человека во всех ее видах. Я люблю тех, которым мерещится.

Там же из Вятки насчет тяжбы крестьян с Калининым.

О сокращении водки в Самаре и корреспонденция из Парижа о политических делах (для точности).

Но и в самом свирепствовании против Овсянникова слышалось не негодование против миллионов, а скорее поклонение миллионам. Не придали бы им в таком случае такой суеверной важности.

«Московские ведомости», № 3. Продолжение политического обозрения Европы (подробнее, чем где-нибудь, выяснены факты). ‹64›

Э-эх, зачем же и жить, как не для гордости! Я ухватил это простодушное восклицание редко, но всё же задумывающегося иногда человека.[11]

---

[1] *Далее было:* об
[2] *Было:* таланта
[3] странные *вписано.*
[4] *Далее было начато:* особен‹но›
[5] Но тут ∾ и замечательно. *вписано.*
[6] *Далее было начато:* пред‹примет›
[7] *Далее было:* соседи
[8] политические *вписано.*
[9] *Было:* в дружбе
[10] Это надобно объяснить. *вписано. На полях рядом с текстом:* Республика ∾ объяснить. — *пометы:* Надо! Политика.
[11] *Было:* но задумавшегося раз человека

Типично и характерно. Вся эпоха!

И кто боится социалистов, коммунистов и коммунаров — все они ничем не пожертвуют для пользы общей, никто.

О, пожертвуют сначала, впопыхах, как стадо баранов, но единственно, чтоб не отстать от других, то есть из гордости и тщеславия, но мигом опомнятся и разграбят и разгромят друг друга во что хватит силы.

И потому, хотя коммунизм наверно будет и восторжествует, но мигом провалится. Утешения, впрочем, в этом немного.

Для него другое племя надо.

Идеал коммунизма и христианства.

«Овсянников на скамье подсудимых!» В Париже больше бы настучали и поскорее бы забыли. Легкомысленны? Нет. Больше со вкусом. Да и жизнь наша не так скоро разгорается. Народ и мужики массой стали знать и разговаривать об Овсянникове лишь в конце процесса.

Народ — не все извозчики. А может, и несправедливо? Задумывались из них иные.

Как можно? Присяжные, гласный суд. «Э-эх, — задумывался он, и[1] уж не хая гласного суда и не сомневаясь, а так об жизни: — был, дескать, человек, и вот!!» И уж если б нуждался Овсянников в баранках и калачах, то сколько б ему натащили.

Я не смеюсь. Ужасно прощает народ, и не один простой народ. Этого нет нигде. Жан Вальжан, Германия, все свидетельствуют. Один наш народ всё прощает; но и в суд верует. О, пока у разбойника нож в руках, он с ним борется, не прикроет его, выдаст и отыщет, но чуть изобличен — прощает. Каторга. Отказ от общества, от мира, от свободы.[2] ‹65›

Ничему не удивляться есть уже, разумеется, признак глупости, а не ума.

Воспитатели, независимый вид. Я любил бы этот вид собственного достоинства гораздо более, если бы в нем было более простоты... и в самом деле достоинства, а то...

Необычайная беззастенчивость, но мало ласковости. Я ведь не говорю ласкательства. Ласковость есть только искренность, и ласковым может быть даже самый порочный ребенок... и взрослый преступник.

Но взрослый преступник больше видал, чем малый ребенок,

---

[1] *Было:* но

[2] *На полях рядом с текстом:* «Овсянников на скамье ∾ от свободы. — *фигурная скобка и помета:* Потугин.

он более ценит доброе, чем этакой ребенок? Этот видел лишь мир вверх ногами, в новом виде и свете.[1]

Все проедены самолюбием, (и даже) не исключая писателя Григория Данилевского, Л-ки.

«*Голос*» о действиях в Средней Азии, новое поражение Автобачи Скобелевым.

Дон-Кихот, люди из киселя. Несколько тысяч убитого неприятеля и 1 уб‹итый› из наших. Эривань. Славны бубны за горами (вставить в мнение об увеличении наших средств в Туркестане). Кауфман всё ездит.

О духовенстве, о проекте требника и проповедника. Свящ‹енник› Переверзев семерых детей, в том же «Голосе».

«*Голос*». Вторник, 6-го января, № 6.[2]

Казалось бы, достаточно в Туркестане трех рот вместо 27 000. Послать 5 человек на ханство, и они «молодецки» исполнят дело. ‹66› Народ споили и отдали жидам в работу, status in statu.

Отрицание необходимо, иначе человек так бы и заключился на земле, как клоп. Отрицание земли нужно, чтоб быть бесконечным. Христос, высочайший положительный идеал человека, нес в себе отрицание земли, ибо повторение его[3] оказалось невозможным. Один Гегель, немецкий клоп, хотел всё примирить на философии и т. д.

«Гражданин», № 1. Петербург. Летопись. Крушение поездов. Мелкие людишки — выходи из вагона, выноси на рельсы, если б не было кому заступиться, да и ничего не выйдет. Голубев. Дороги, да ведь это дело народное, общее, а не нескольких жидишек и не нескольких действительных статских и тайных советников, бегающих у них на посылках. О Петр Велик‹ий›, того ли ты хотел. Но конечно того! Конечно того! Ибо должен же был ты понимать если ты был гений, что дело[4] именно тем, а не чем другим, должно было кончиться... Но все-таки за что же жена, дети мои должны погибать на поездах, а если я крикну, что они погибли, то тотчас же является надлежащая власть, не простая, а государственная, и вас кладут на платформу станции, и поезд трогается, и начальник станции сует вас, кто бы вы ни были, со всеми горестями и обидами вашими, в каталажку, до следующего

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Ничему не удивляться ∾ и свете. — *фигурная скобка и пометы:* ! Это! Непременно! Это!

[2] *На полях рядом с текстом:* «*Голос*» о действиях ∾ № 6. — *помета:* ?

[3] *Далее было:* и

[4] *Далее было:* тем

утра... Черт возьми! Никогда еще ничего подобного не было на Руси! Самовольство жидов доходит до безграничности.[1] <67>

Банкротство консервативной партии, бойцы были Катков и Леонтьев — устарели. Н. Данилевский, написав правильную книгу «Россия и Европа», уехал наслаждаться ботаникой, вместо того чтоб стать бойцом за правду. Славянофилы в Москве исчезли. «Русский мир» — позор бессилия и неумения вести дело.

Похороны генералов, 6 медных пуговиц. Что было при жизни. Бархатные подушки, ордена. Заронить по себе мысль, оставить доброе воспоминание, звук.[2]

«С.-П<етербургские> ведомости», 7-го января, № 7. Статья о всеобщей военной повинности в Японии. Манифест микадо (в высшей степени любопытный), и — отзыв об одной брошюре о том, что будет весной 1876 года. Враки «С.-П<етербургских> ведомостей», ибо, без сомнения, республика, если устроится, имеет силу отразить Германию. Нападение отражается лишь единством. Враг отражается лишь согласием.[3]

У нас цивилизация началась с разврата.[4]

Всякая цивилизация начинается с разврата. Жадность приобретения. Зависть и гордость. Развратом взяла реформа Петра Великого.[5]

«Московские ведомости». Января 6, № 5. Заявление на станции Воронеж (из газеты «Дон»). Ростов Донск<ой> Воронежск<ой> дороги. (Перечень событий прошлого года.)

Делай что угодно, и, может быть, даже совсем не от небрежности, лености, равнодушия или свинства, а поживут еще даже и из насмешки. В вагоне г<---> — чистить ли? Да и так доедут.

— Доедут, Ив<ан> Серге<ич>?

— Доедут, батюшка Сергей Иваныч, почему ему не доехать.

Улыбается Ив<ан> Серг<еич>: «А в самом деле не чисти, вот посмотрю-ка я...»[6] <68>

Да и что мне в Голубеве? Г-на Голубева я совсем не знаю; я говорю лишь об идее... и потому назовем его Воробьевым,

---

[1] *На полях рядом с текстом:* О Петр Велик<ий> ∾ до безграничности. — *фигурная скобка и пометы:* И это! Необеспеченность.

[2] *На полях рядом с текстом:* Похороны генералов ∾ звук. — *фигурная скобка и помета:* Бал.

[3] *На полях рядом с текстом:* «С.-П<етербургские> ведомости» ∾ лишь согласием. — *помета:* Китай, политика.

[4] У нас ∾ с разврата. *вписано.*

[5] *На полях рядом с текстом:* У нас цивилизация ∾ Петра Великого. — *помета:* Бал.

[6] *На полях рядом с текстом:* «Московские ведомости» ∾ посмотрю-ка я...» — *фигурные скобки и помета:* Необеспеченность!

Лембке, Розенбаумом.[1] Итак, Воробьев бунтует, Воробьев обижает<ся>, Воробьев разбойничает... Как <х---> на именинах.[2]

Но Воробьев уходит, хочется побунтовать и Подворобьеву, чиновнику помельче.

Да этаким манером «их сколько хошь извести можно», и как говорил в мировом суде гусиный гуртовщик про гусей, когда извозчик переехал умышленно[3] колесом его гусю длинное его горло.[4]

Злоба на железнодорожные порядки наши нарастает всё сильнее и сильнее.

Искусственное возбуждение социализма есть (и у нас), — наши юноши уже 30 лет идут (за это) в ссылку за эти бредни. Ибо если там, в Европе, и вопрос, то у нас бредни. У нас много своих социальных вопросов, но совсем не в той форме и совсем не про то. Во-вторых, у нас ужасно много совсем нового и непохожего против Европы, а в-третьих, у нас есть древняя нравственная идея, которая, может быть, и восторжествует. Эта идея — еще издревле понятие свое, что такое честь и долг и что такое настоящее равенство и братство между людьми. На Западе жажда равенства была иная, потому что и господство было иное.

Извозчик — *перочинным ножом.* Зараза беспорядка. Я его видел.

Бал, собрались радоваться, нет, не радуются, да и только.

Бриллианты.

Костюм выше, красота.

Показаться красивее. Значит показать, как я понимаю красоту, как я развит, как я это усвоил.

Нет, на бал ехать женщине задача.[5]

Потугин говорит, что любит Россию. Ну, вздор. Нас-то не надуете. <69>

Бал, генералы поумнели...

Но это очень, очень трудно.

Тип Петрушки.[6]

---

[1] Лембке, Розенбаумом *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Да и что мне ∾ на именинах. — *помета:* Необеспеченность.

[3] умышленно *вписано.*

[4] *Вместо:* гусю ∾ горло. *было:* гусю горло

[5] *На полях рядом с тестом:* Бал, собрались ∾ задача. — *фигурная скобка и помета:* Бал.

[6] *На полях рядом с текстом:* Бал ∾ Тип Петрушки. — *фигурная скобка и помета:* Бал

Вуйки, не выйдете замуж.

Петрушка с вставками (театр — живое дело).

Процесс Овсянникова. Осудить балы.
А сколько бы веселых...

— Да... если б капуста росла...
— Огород бы был, конечно!
— Что говорить.
— Мы разошлись.

Кажется, актер Григорьев 2-й (карикатуривший купцов, но весьма недурно) [1] позволял себе иные вставки (с чьего разрешения, не знаю).

Портниха может только оглуплять еще больше.
Дома — едят, с<--->. Долги.[2]
Лицемерие есть [3] та дань...
— Да поймите вы, гораздо лучше... Ваше превосходительство.

О рекламах, о «Котенке Киска».[4]

Нет, скорее собрание полетит, чем Мак-Магон.
Да и Франция всегда, во всю историю своей революции (кроме 1-го собрания 89-го года), не уважала собрания, ею же выбранные, и всегда предпочитала и поддерживала всех, кто взнуздывали ее собрания и разгоняли их, продукты же этих собраний, конституции и законы, ими изданные, все летели к черту (не уважала Франция свои собрания). Бунтовщиков же, захватывавших власть, всегда слушалась. Так и теперь: [5] разлетится собрание, но солдат останется.

«Голос». Четверг, 8 генваря, № 8. Разбор «Котенка Киски», работнику нужна только грамотность.

Жизнь скучна [6] без нравственной цели, не стоит жить, чтоб только питаться, это знает и работник. Стало быть, надо для жизни нравственное занятие.[7] <70>

Вступл<ение>.

---

[1] (карикатуривший ∾ недурно) *вписано.*
[2] Долги. *вписано.*
[3] *Далее было начато:* пор<тниха?>
[4] *На полях рядом с текстом:* Кажется, актер ∾ о «Котенке Киска». — *фигурная скобка и помета:* Бал.
[5] *Далее было начато:* собр<ание>
[6] *Далее было начато:* для
[7] *На полях рядом с текстом:* Нет, скорее ∾ нравственное занятие. — *помета:* ! Политика!

Либералы. Они связали себя как веревками и, когда надо высказать свободное мнение, трепещут прежде всего: либерально ли будет? Все трепещут, все до единого и выкидывают иногда такие либерализмы, что и самому страшному деспотизму и насилию не придумать.

Главное, что у нас либералы совершенно не знают иногда, что либерально, что нет.[1]

Война. Парадокс. Нет, война лучше теперешнего положения общества. Я в смысле, чтоб не на ферботе ее.

Бал. Подерутся. Петербург. Газета о драках в Москве, их можно назвать славянофилами, только практически они поверили, что можно наконец сбросить европейские формы, что это уже позволяют, что это хорошо.

Чичиков — формы любит и Сквозник-Дмухановский, и он знает, что эта форма хороша, хотя в домашнем быту он кулачник, — и хороша именно тем, что на него не похожа. Он любит и уважает ее за это. Вообще в бале много идеала. Это хорошо, чем идеальнее, тем лучше, но идеал не полон. *Если б простодушие.* Молодежь танцует, а взрослые играют в благородство.[2]

«Голос». *Четверг, № 9.* Января 9. Известие о *Чихачеве,* директоре Русского общества. 1) О том, что министр путей сообщения — крайнее неудовольствие — за сокрушенный поезд с рекрутами. 2) Известие о *жене,* вытащенной из вагона начальником станции (он считает себя всевластным, он настолько дерзок и необразован, что считает себя тут компетентным). 3) О краже из кельи архимандрита Виктора 180 000 р. ‹77›

Господи, благодарю тебя за лик человеческий, данный мне. (В противуположность самоубийцам).[3]

Вы чувствуете, что это (мир, звезды) не выше вашей мысли, и за это счастье чувствовать это вы обязаны лишь вашему лику человеческому.

Вступл‹ение›. Желательно к нашим батюшкам «еще и до прибавки жалованья прибавилось духу».

Я никогда не мог понять мысли, что лишь $^1/_{10}$ людей должны получать высшее развитие, а что остальные $^9/_{10}$ служат лишь матерьялом и средством. Я знал, что это факт и что пока иначе невозможно и что уродливые утопии лишь злы и уродливы и не вы-

---

[1] Главное ∾ что нет. *вписано на полях.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Чичиков ∾ в благородство. — *фигурная скобка и помета:* Бал.

[3] *На полях рядом с текстом:* Господи ∾ самоубийцам.) — *помета:* Вступление.

держивают критики. Но я никогда не стоял за мысль, что $^9/_{10}$ надо консервировать и что это-то и есть та святыня, которую сохранять должно. Эта идея ужасная и совершенно антихристианская. Ote toi de là que je m'‹y mette›.[1]

Г-н В. З‹отов› есть навьюченный книгами человек...

Но у него под конец всё смешалось, и потому и обнаружилась неясность.[2]

Когда появились «Бедные люди», г-н В. З‹отов› уже гремел в литературе, писал «Дочерей Карла Смелого», романы, повести, всё это прошло бесследно, а я вдруг славу: г-ну В. З‹отову› тогда же стало завидно, и вот он мне и отмщает теперь известием, что я родился в 1818-м году. «Русский мир» унизил себя. У меня таких врагов много за ту внезапную славу. Он говорит мне про неясность (не подтверждая ничем, ни одним примером). На это я сделаю лишь одно замечание: неясность происходит не всегда от писателя, а оттого, что у самого[3] читателя[4] в голове[5] неясно. Г-н В. З‹отов› есть навьюченный книгами человек, но теперь у него смешалось, вследствие чего и могла обнаружиться неясность. Ныне, впрочем, даже гордятся непониманием: человек смотрит на произведение художника и вдруг гордо говорит: я не понимаю, и проходит мимо. Но непонимание[6] сие, опять-таки[7] и весьма часто, происходит не потому, что непонятен художник, а потому, что ты туп... Разумеется, сих резких[8] слов я не отношу прямо[9] к г-ну В. З‹отову›, а утверждаю лишь, что у него неясно. ‹78›

Он, что говорится, навьюченный книгами человек. Вот от этой-то навьюченности могла[10] под конец образоваться некоторая неясность. Так что под конец у него уж всё у него смешалось. Я лишь о происхождении неясности.[11]

Некоторые произведения мои. «Слабое сердце» (самое первоначальное[12]) помещено[13] в последнем моем гораздо позднейшем[14] периоде моей литературной деятельности.

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Но я никогда не стоял ∾ je m‹'y mette›. — *запись:* Слова Гизо

[2] Но у него ∾ неясность. *вписано.*

[3] самого *вписано.*

[4] *Далее было:* у

[5] *Далее было:* иногда

[6] *Над словами:* Но непонимание — *написано:* Не считают

[7] *Далее было:* может

[8] резких *вписано.*

[9] прямо *вписано.*

[10] *К словам:* Вот от этой-то ∾ могла — *незачеркнутый вариант:* Вот отчего в его способностях и могла

[11] Так что ∾ неясности. *вписано.*

[12] *Далее было:* и написанное

[13] *Далее было:* одним

[14] гораздо позднейшем *вписано.*

Правда, он может сказать с презрением: ну не всё ли равно, когда вы родились? Так-то оно так, но всё же для аккуратности. Неряшество.

Маленькая страничка, и столько ошибок.

Говорю, разумеется, в самом почтенном для пего смысле, но все-таки он из навьючепных.

Лексикон. И если в остальных статьях такая же неясность, то нельзя хорошо заключить об издании Березина, но полагаю, что издание всё же лучше, и вот почему: статья г-на В. З‹отова› есть статья пристрастная... (завистливая). Почему же не сказать наконец правду? Я серьезно хочу написать мои записки, но уже написать с полной правдой, но до сих пор боялся затронуть самолюбия (г-н В. З‹отов›, я никогда не имел удовольствия быть с ним знакомым).

Но почему же, наконец, не написать?

Этот г-н В. З‹отов› писал бесчисл‹енные› драмы. Всё это прошло бесследно, протекло, как вешние воды, но лишь без пользы сих последних, ибо не напоило скудного поля нашей беллетристики. Вот тогда-то и появились «Бедные люди». Я знаю, что появление их уязвило и потрясло множество самолюбий, ибо «Бедными людьми» я сразу стал известен, а они протекли, как вешние воды... С тех пор некоторые люди (в литературе) ужасно не полюбили меня, хотя я вовсе не знал их лично. Кстати, г-на В. З‹отова› я никогда не имел удовол‹ьствия›.[1]

Я серьезно хочу написать мои заметки. Кстати, г-н В. З‹отов›. *Я никогда* не знал и не имел удовольствия быть с ним хоть сколько-нибудь знакомым.

Я, конечно, употребляю слово «навьюченный»[2] в самом почтенном для него смысле... так сказать, в виде ученого... так сказать, говоря как бы об ученом. Так что под конец у него всё это и смешалось.

«Слабое сердце» к 60-м годам.

Тогда как к самому первоначальному периоду, к сороковым годам.

Но ведь если эти люди (Зотовы) сто́ят того, за мелкую тридцать лет продолжающуюся зависть. Но через эту ненависть сами они ведь не станут талантливее.

И уже одно то должно бы их было удержать, что через эту ненависть сами они не станут талантливее.[3] ‹79›

---

[1] С тех пор ∾ не имел удовол‹ьствия›. *вписано на полях.*

[2] *Далее было начато:* употр‹ебляю›

[3] И уже одно то ∾ талантливее. *запись на полях.*

Ф. И. Тютчеву, напротив, казалось «Преступление и наказание» выше. Я горячо защищал свое мнение.

У Виктора Гюго бездна страшных художественных ошибок, но зато то, что у него вышло без ошибок, равняется по высоте Шекспиру. Писатель не без таланта. Впрочем, Пушкин мог сказать это. Что за страшный вид лирическое французское стихотворение!

Иезуиты — война. То есть да будет брат; или будь всем[1] брат, или голова долой (ou la mort).[2] Бесконечная разница.[3]

Вагоны (хоть что-нибудь).

Общество сострад‹ания› животным, и извозчик, бивший барина (ничего не будет!).

Тургенев. «Собака». Этюд мистического в человеке.

В Потугине: славянофилы и западники могли бы помириться.
Война.
И всё. О спиритизме после.

Гамма. Но неужели вы думаете, что гибель этих 200 человек не производит на народ омерзительно-вредное влияние своим цинизмом: всё делать с деньгами можно, всё сила ломит, всё деньга купит, только в том правда и есть. Овсянников на скамье подсудимых[4] ‹80›.

Московские ведомости», января 10, № 8.

Обозрение за прошлый год (суды) и проч.

Дело об оскорблении врачебно-полицейским надзирателем Федором Ивановым дворянки Розенфельд (освидетельствование честной женщины). Приговорен в исправительное заведен‹ие› на 2 г. 9 мес. Подробности о крушении поезда с новобранцами.[5]

«Голос», 11 января, № 11. Воскресенье. Фельетон Гаммы по поводу самоуправства железнодорожных компаний, status in statu.

О, если б это (Литвинов, султан Абдул) был психологический этюд. Порисоваться думал над бедным существом. Зверская жестокость.

Чем кончаются случаи с керосиновыми лампами. Ни одной газеты нельзя прочесть без... дети горят, взрослые... полы и проч. более предохранительное и несгораемое.

---

[1] всем *вписано.*
[2] (или смерть) (*франц.*). ou la mort *вписано.*
[3] *На полях рядом с текстом:* Иезуиты ∾ разница. — *помета:* Война.
[4] *Текст:* Гамма. ∾ подсудимых. — *вписан на полях.*
[5] *На полях рядом с текстом:* Подробности ∾ с новобранцами. — *помета:* Здесь.

Нет, война благороднее.

«Московск‹ие› ведомости», января 14, № 12.

Проповедь против спиритизма.

Корреспонденция из Петербурга об обязательном обучении.

Передовая статья о бессарабском земстве, запретившем латинский язык в женской гимназии.

«Голос». Пятница, 16-е января. О падении наших курсов за границей с беглым исчислением причин.

Славянство и роль России alma mater.[1] Отзыв Божидаровича.

Они указывают на Польшу? Но Россия, защищаясь, взяла Польшу. Если б не взяла она Польшу, то Польша б взяла родовое наше. ‹81›

Мало того, взяв, Россия тотчас раскаялась. Александр Благословенный, и сама возбудила стремления: по Днепр и т. д. Приняла ли Польша это как милость, как материнское дело России? Как бы не так.

Польша есть пример политической неспособности жить между славянскими племенами.

Да зачем они нам? Единение высшее духовное.

Да здравствует великорус, но пусть он больше думает о себе.

Победить великодушием.

ВОЙНА

Россия со времени того, как вошла в состав Европы, ущербу Европе не нанесла, а лишь вся служила Европе, нередко[2] в страшный ущерб самой себе. Надо признаться, что вступление наше ‹в› Европу во многом сбило нас с толку, с настоящего понимания своих целей, и до того, что теперь, может, уж и не возвратиться к настоящему пониманию.

Будущее России ясно: мы будем идти, может быть, без войны с Германиею, — будем идти до тех пор, пока бросится к нам устрашенная Европа и станет молить нас спасти ее от коммунаров. Станет не молить, а требовать: ибо-де вы спасаете и себя, должны ‹82› спасти и себя. И тут-то мы, может быть, слишком наглядно в первый раз увидим, как мы не похожи на Европу и как разны у нас наши сущности. . .[3] и какую мы до сих пор сделали политическую ошибку, столь рабски записывая себя европейцами. А у коммунаров будущность. Это единственная европейская идея, имеющая там будущность. Консерватизм.

---

[1] матери-кормилицы (*лат.*).

[2] нередко *вписано.*

[3] *Далее было:* так

Но об этом в следующ‹ий раз›. Рос‹сия›, о войне, о Китае. Статья «Голоса».

Скверные, капризные дети. Они с любовью готовы попирать, что мы не чистого славянского происхождения. Малорусы. Кацапы.

Не увлечемся сейчас в войну.

Я говорю о будущности более или менее отдаленной, ну, так в $^1/_4$ столетия. . .[1]

Не было бы России, обратились бы в жалкую армяно-григорианскую ересь.

Много ли выиграла Россия.[2]

Даже европейские ее окраины стали не так крепки с начала нынешнего столетия, чем были они в конце прошлого.

Окончательная программа.

Колония. Батюшки.
Спиритизм. Черти. Цензура.
О покровительстве животным.
О покровительстве людям.[3]
Не говорю «водка», но что-то носится.
Вагоны — неужели не имеют влияния.
Ничего не будет.[4]
«Живио» и славянство. Статьи «Голоса». Обещание о войне.
Березпн.

Спиритизм — обращение камней в хлебы и умерщвление идеи и духа.

Курьер — это одна из картин моего детства.

Марей. Картинка из детства, я об ней не думал, то есть не забывал я, но раз, потом, долго спустя, — о, какое, мне снятся, и часто, — и вдруг вспомнился Марей; право, иные детские картинки дают возможность посмотреть совсем иначе. ‹83›

Ничего не будет.
. . .Хлестнул лошадь и уехал. . .
Разумеется, городовой. . .
И как это странно: где городовой.
А вот только вот сейчас прошел.
О полиции.
2 мильона сколько-то раз, но. . .

---

[1] *Текст:* Скверные, капризные ∾ в $^1/_4$ столетия. . . — *на полях стр. 82.*
[2] Много ли выиграла Россия. *вписано.*
[3] О покровительстве людям. *вписано дважды.*
[4] *Текст:* Не говорю ∾ Ничего не будет. — *ниже на странице. Сюда по помете Достоевского.*

Покровительство животным. Книжность и непрактичность в излишнем и спешащем жаре.

Я еще давно читал о страшно приговоренн<ом> извозчике.

Я только хотел бы отметить идеальность и[1] неналаженность нашего общества в каком бы то ни было практическом применении. Увы, мы были на 200 лет отучены от всякого дела, от опеки, в которую были взяты; и теперь только тем[2] и спасаемся, что рабски копируем с иностранного, несмотря даже на явную неприложимость иностранного к нашей земле (о славянофилах).

Кстати, расскажу анекдот из моего юношества.

Фельдъегерь. Вот бы тут проповедовать гуманность! Главное ведь это не картина, а даже символ. В самом деле: он варвар, что так настегал лошадей, но ведь каждая плеть его была вызвана колотушкой ему же в спину, без колотушек этих он бы не стегал. Повторяю: это не картинка из воспоминаний, а символ, символ, вырезать на печати обществу, что картинка действительная, клянусь. Научите сначала быть с людьми гуманными, и тогда русский человек поймет, что надо быть гуманным и со скотами. Но теперь уж нет того, это в 37-м году, — правда, 37-й год далеко, но так ли это? Впрочем, суды, барина нет, не берут ли, что хотят. И не посеется ли бесправица. Поклонение деньгам, носятся грубые идеи, уничтожающие веру. В пожар крестьяне отстаивают кабаки, а не церкви. Вагоны,[3] перочинный нож. Да и мы сами, наши дочери в полицию.

Ничего не будет.

Надо кореннее браться за дело или сообразоваться с положением дела. Самарск<ий> голод, и собака от хлороформа.

Ничего не будет.[4]

Тем не менее дай бог идее всякого счастья. Тем более, что русский мужик гуманен. Марей.

Теперь нет фельдъегеря? Вы думаете? Положим, я вам уступлю фельдъегеря, хотя про себя знаю, что он только в новом мундире и никуда не пропал. Но вместо фельдъегеря есть что-нибудь еще хуже, есть зелено вино, есть 200-миллионный побор с вина и тут же рядом самосуд.

Есть еще кроме этого беспорядок идей, материализм — что вы[5] думаете, не влияет Воробьев? Какие же тут гуманные идеи прививать.[6] <84>

Спиритизм.

---

[1] идеальность и *вписано.*

[2] тем *вписано.*

[3] *Далее было:* мальчик

[4] Ничего не будет. *вписано.*

[5] *Было:* народ

[6] *Текст:* Теперь нет фельдъегеря? ∾ идеи прививать. — *вписан на полях.*

Березин.

Иная наша[1] либеральная газета есть именно тот напрасно поторопившийся[2] капитан, забравшийся на средину в московском бале и гаркающий[3] на национальном наречии. Бедненький![4] Он ведь в самом деле[5] думает, что он — Европа. Милостивый государь, вы лишь капитан, а не либерал,[6] вы национальны, и вас выведут. Выведут, милостивый государь, выведут![7]

Растет то *поколение*, которое сменит вас и неминуемо вырастет. Оно сидит теперь еще в 5-м классе гимназии, но оно подрастет и придет, и следа вашего тогда не останется.[8]

Вы, вы только мешаете доброму делу.[9]

Скоро будет. Уже подрастает поколение, которое будет гуманно, человечно и великодушно.

Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. *Это книга человечества.* Если когда-нибудь исчез бы весь род человеческий...

Кроме того, у нас есть великая школа богословия, это наша обедня, открытая для всех.

Что есть молитва? Молитва есть возношение ума.

Ну кто из нас, например, силен в догматах.

Даже и специалисты-то наши в этом случае не всегда иногда компетентны. И потому предоставим специалистам.

И рвется печать, обличая железные дороги, а те-то там смеются, а те-то смеются.

Марей.

Общество покровительства животным.[10]

Что же до[11] забот об хлороформе, то мужику это покажется пока совсем непонятным, может быть, даже смешным, что всего хуже. А на случай поймет, то укажет вам на своих самарских ребятишек, умерших с голоду у иссохших грудей матерей их, пока здесь господа[12] сходились и рассуждали о хлороформе. Нет,

---

[1] наша *вписано.*
[2] напрасно поторопившийся *вписано.*
[3] *Было:* гаркнувший
[4] *Было:* Увы, бедненький
[5] ведь в самом деле *вписано.*
[6] а не либерал *вписано.*
[7] *Далее было:* Скоро, и это очень скоро. подождите
[8] Растет то *поколение* ∾ не останется. *вписано на полях.*
[9] *Вместо:* доброму делу — *было:* либерализму
[10] Общество покровительства животным. *вписано на полях.*
[11] *Далее было начато:* умер‹ших›
[12] господа *вписано.*

ему пока еще не до хлороформа. А между тем я сам за хлороформ, не следует умирать идее! Я только невпопад[1] хотел сказать,[2] только и торопиться[3] не следует, не то книжно выйдет, и мужик не поймет.

1) Перочинный нож.
   Каска и профессор.
2) Сначала надобно хоть капельку тут положить порядка.[4] <85>

Что-то носится, бесправие, мужик чем-то остервенен.

А над всем мамон и жид, а главное, все им вдруг поклонились.

Пусть это[5] не Голубев; я не буду употреблять слово «Голубев», г-н Голубев чист[6] как голубица и безгрешен, но зато Воробьев виноват. Какой еще Воробьев, кто такой? Не знаю кто, господа, и мне всё равно, но есть такой Воробьев, который кутит и буянит, гноит товары.

Неужели вы думаете, что не проникло в народ, ведь он видит же, что можно сделать с деньгами.

Хлороформ. Не обращать прекрасную мысль в книжное дело и пощадить и мысль и себя.

Ведь главная мысль общества какая: наверно, не столько собачки,[7] сколько люди, огрубевшие, негуманные, полуварвары, ждущие света. Вы их осветить хотите, привив им гуманность даже к животным, не так ли? Так не лучше ли заняться прежде их положением и по крайней мере вникнуть: готовы или не готовы они обстоятельствами к восприятию вашей прекрасной проповеди. Будьте же погуманнее.

Но люди гуманны, я знаю это с самого детства, и опять-таки расскажу один детский анекдот.

NB. 19 января. Мнение В. В. Гр<игорье>ва. Отменили везде в школах телесное наказание, прекрасно; но чего же, *между прочим,* достигли? Того, что в поколении нашего юношества явилось много страшных трусов,[8] боятся малейшей физической боли, и до

---

[1] невпопад *вписано.*
[2] Я только ∾ сказать *вписано.*
[3] *Далее было:* слишком
[4] 1) Перочинный нож. ∾ положить порядка. *вписано на полях.*
[5] это *вписано.*
[6] *Далее было:* и безгрешен
[7] *Далее было:* и коровки
[8] *Вместо:* что в поколении ∾ страшных трусов — *было:* что поколение нашего юношества — страшные трусы

того, что при малейшей опасности, угрозе или физическом страдании, трудных уроках, экзаменах[1] сейчас вешаются.[2] Стали страшно невыносливы.

Действительно, всего вернее объяснить несколько подобных случаев с нашими юношами единствен‹но› трусостью. Но странная, однако, точка зрения на предмет.[3]

NB. Выгонят его из 4-го класса гимназии и — куда ему деться? Прямо идет в народ. Ныне ужасно много идет в народ и действует ‹86› успешно — не прежними утопиями и социальными нелепостями, которые народу непонятны и смешны, а прямым призывом к бунту: не надо, дескать, платить подати, и кончено. Это народ понимает.

Восточная (турецкая) пословица. Если ты направился к цели, начнешь[4] дорогой[5] останавливаться, чтоб швырять камнями[6] во всякую лающую на тебя[7] собаку, то никогда не дойдешь до цели.

Если ты направился к цели и примешься[8] дорогою швырять камнями[9] во всякую[10] лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели.

«Голос». Воскресенье. Дальнейшее об участи Перова. № 18, 18 января.

Закончу одною знаменательною и забавною турецкою пословицею, отчасти идущею к делу.

Библия. Эта книга непобедима. Эту книгу не потрясут даже дети священников наших, пишущие в наших либеральных журналах.

У нас уже был опыт, во что обратились[11] идеи, сжатые в то время, когда в университете шагистика, и как уродливо они потом отрыгнулись.[12]

Дай бог всем здоровья. Кстати, беда, если вы больны, доктора наши прекрасны, — но все специализировались — нос, а другой переносицу.

---

[1] *Далее было:* иные

[2] *К словам:* сейчас вешаются — *незачеркнутый вариант:* тотчас падают духом, стреляются или вешаются. *Далее было:* Тому много примеров.

[3] Действительно ∾ на предмет. *вписано на полях.*

[4] *Незачеркнутый вариант:* станешь

[5] дорогой *вписано.*

[6] *Было:* бросать камни

[7] *Вместо:* лающую на тебя — *было:* пристающую к тебе

[8] *Было:* начнешь

[9] *Было:* бросать камни

[10] *Далее было начато:* соб‹аку›

[11] *Далее было:* сжатые

[12] *Вместо:* как уродливо ∾ отрыгнулись — *было:* как они отрыгнулись

Голубев, да еще с такими подробностями душевных и духовных движений его[1] перед оскорбленным министром. Но я переменил взгляд, пусть Голубев невинен и чист как слеза, зато Воробьев виноват, зато преследуйте Воробьева.

Кто Воробьев? Я не знаю, мифическое лицо, но чрезвычайно сильное лицо. ‹87›

Животные.[2] А чтоб «образить», огуманить, так сказать, русского человека.

Вся беда моя в том, что я в этих чертей никак пе могу уверовать, так что даже это уж и[3] жаль: слишком ведь они умны.[4]

Свистунов и Назимов. О декабристах.

Счастье не в счастье, а лишь в его достижении.

В. З‹отов›. Ну какое кому дело до того, когда вы родились, и не все ли это равно? Я с этим готов согласиться,[5] но всё же для аккуратности и хотя бы для слова лексикона. А то подумают и т. д.

...Отнятие всей личной и духовной свободы у людей, умерщвление личности. В этом смысле спиритское учение есть учение страшное. Никакой сатана, кроме настоящего, не мог бы придумать ничего подобного.

Над русским народом стоят две вещи вместо фельдъегеря — водка и мамон, каким образом водка займет место фельдъегеря?

Она губит и скотинит его и нищает его. Пьяному не до сострадания не только к животным, но даже к детям своим, к жене своей.[6]

Литератор Аполлон Григорьев.

Отравляет водкой источник будущей силы, нищета и *нравственное* состояние нового поколения.[7]

«Образить» — словцо народное: дать образ, восстановить в человеке образ человеческий. «Образить человека»,[8] «ты хоть бы

---

[1] *Далее было начато:* да еще с министр‹ом›
[2] Животные. *вписано.*
[3] это уж и *вписано.*
[4] *Было:* ведь неумны
[5] *Было:* Я согласен с этим
[6] к жене своей *вписано.*
[7] *На полях рядом с текстом:* Отравляет водкой ∾ нового поколения. — *запись:* Силе впредь.
[8] *Было:* его

образил себя, — говорят, напр‹имер›, долго пьянствующему.[1] Слышано от каторжных. ‹88›

2-е, деньги — фельдъегерь понятен был, хоть уродливое, хоть узурпаторское, но представление известной власти, которой нельзя не подчиниться, иначе земля стоять не будет, иначе земля стоять н‹е› будет, и это все понимали.

Ныне деньги. И народ говорит: а, значит, деньги всё, значит, и всегда так было, да мы не знали[2] (Воробьев). *Значит*, никакой другой силы и власти нет, кроме денег. Вот это всего труднее, коли так пойдет мысль.

Я не хочу мыслить и жить иначе как с верою, что все наши девяносто миллионов русских, или сколько их тогда будет,[3] будут образованны и развиты, очеловечены и счастливы.[4] Что свет и высшие блага жизни завещаны лишь в 10-й доле, по цивилизации Потугиных. С условием 10-й лишь части счастливцев я не хочу даже и цивилизации.[5] Я верую в полное[6] царство Христа. Как оно сделается, трудно предугадать, но оно будет. Я верую, что это цар‹ство› сов‹ершится›.[7] Но хоть и трудно предугадать, а значки в темной ночи догадок всё же можно наметить хоть мысленно, я и в значки верю. (Славянофилы и западники.) И пребудет всеобщее царство мысли и света, и будет у нас в России, может, скорее, чем где-нибудь. А потому всякое подобное общество, несмотря даже[8] на хлороформ и собачек и все прочие основания,[9] мне дорого и радостно, и я его люблю всем сердцем. Но не надобно же и стулья ломать, надо быть хоть капельку практичнее и реальнее. Изучите лучше причины, по которым народ звероподобен,[10] и по мере того и действуйте. Ведь в самом деле не для собачек же вы.

И это вы непременно сделаете, ибо если это не барская затея, а истинная ревность, то вы непременно придете к этой идее, что лучше действовать на народ. А народ наш сострадателен. Только бы образить его.

Так ли я понимаю вашу прекрасную, достойную высшей похвалы идею, подписанное общество. Если я не принадлежу к ва-

---

[1] «Образить человека» ∾ долго пьянствующему. *вписано.*
[2] *Далее было начато:* ны‹?›
[3] или сколько их тогда будет *вписано.*
[4] очеловечены и счастливы *вписано.*
[5] С условием ∾ и цивилизации. *вписано.*
[6] *Вместо:* верую в полное — *было:* хочу полное
[7] *Фраза:* Я верую, что это цар‹ство› сов‹ершится›. — *ниже на странице. Сюда по помете Достоевского.*
[8] даже *вписано.*
[9] и все прочие основания *вписано.*
[10] *Далее было начато:* а ведь в самом

шему обществу, то душою я к нему принадлежу. Я люблю животных, но русского человека люблю больше всего.[1] ‹89›

Марей. Он любит свою кобыленку и зовет ее кормилицей. Если же есть в нем минуты нетерпения и прорывается в нем татарин и начнет он хлестать свою завязшую в грязи с возом кормилицу кнутом по глазам, то вспомните про фельдъегеря, тут: воспитание, привычки, воспоминания, зелено вино, Воробьев.

Впечатления, описание которых, час за часом, минута[2] в минуту, нам передал В. Гюго в бессмертнейшем произведении своем «Condamné à mort».

Начинается этот зуд разврата.[3]

Но русский народ добр, и общество на русский народ понадеялось.

Наше время не до покровительства животным. Я сам отвергаю это положение, как абсурд и невозможность.

Если это причина.

Не с конца источник черпать, а плотину.

Заключение об обществе.

Если б больше брали во взгляд основные причины.

А то черпать воду с конца, и тогда умерщвление хлороформом будет смешным. Черпать снизу, и народ долго этого не поймет.[4]

Об $^9/_{10}$ в самом конце. ‹90›

Черти.

Если б католичество уничтожилось, то, разумеется, должно бы было тотчас же уничтожиться протестантство, ибо против кого же было бы тогда протестовать. И действительно, протестантство, мы видим это, граничит с прямым атеизмом и тотчас бы охотно ушло в него, а если держится до сих пор в виде религии, то *единственно* оттого, что до сих пор еще *протестует*, то есть борется и воюет против св. папы.

О, черти знают, что значит запрещенная мысль, для них это сущий клад. Черти отлично хорошо знают, что иная запрещенная мысль есть тот самый петролей и т. д.

---

[1] Так ли я ∽ больше всего. *вписано на полях. На полях рядом с текстом:* Я не хочу мыслить ∽ всего. — *помета: Здесь.*

[2] *Было:* минуту

[3] *На полях рядом с текстом:* Начинается этот зуд разврата. — *помета:* Здесь.

[4] Черпать снизу ∽ не поймет. *вписано на полях.*

Общество из 750 влиятельных членов, если б оно захотело хоть немного поспособствовать устранению причин, то облегчило бы себе и свою пропаганду, приготовило бы почву. А то бочка Данаид — как вы думаете, ручей? Устранением прав мамона и жида, православного или неправославного.[1]

Вот что я называю тем равновесием, о котором говорил выше. А пропаганда ваша пойдет, народ наш — добрый народ. Я это слишком изведал. Расскажу и еще анекдот. Марей, поляк.

Итак, в путь, общество, доброй дороги, огуманить людей, с высоты $^9/_{10}$-х, — это никому не помешает, если все будут добры, образованны и богаты.

Я хотел сказать лишь по поводу, но я ревностный член общества.

Черти. Раздор, — но ведь это почти занятие, в раздоре свои философы и премудрые,[2] а тут именно в занятии-то и будет нуждаться человек.

Черти. Другая партия начинает преследовать, запрещать, а черти знают силу в сей запрещенной идее.

Я тебя обидел, следовательно, я должен тебе отомстить. ‹91›

Биограф В. З‹отов›.

Всё это дает мне мысль написать литературные воспоминания мои. Всё же я могу кое о чем рассказать, ровно 30 лет, как я литератор. Я давно думал.[3] Может быть, стану помещать и в «Дневнике», по главам, а пока в заключение кончу одной турецкой пословицей, настоящей турецкой, не сочиненной мною:

Пословица.

Это я на всякий случай.

Ф. Д‹остоевский›.

Ведь сочувствуя обидчику, вы таким образом не сочувствуете обиженному, неужто вы этой простой вещи не понимаете.

Гнило — гуманное время.

Идеал либерализма и адвокатуры. Не хочу проникать в тайну семейств и не знаю всего характера г-на Кронеберга. Сложен всякий человек и глубок, как море, особенно современный, нервный человек.[4] Но, однако ж, то, что уже предано гласности, суду и газетам, то стало достоянием публичного обсуждения и молчать нельзя же.

Клевета на меня в «Иллюстрированной газете». «Русский мир», № 23. Суббота, 24 января.

---

[1] Устранением прав ∾ неправославного. *вписано на полях.*
[2] в раздоре свои философы и премудрые *вписано.*
[3] Я давно думал. *вписано.*
[4] особенно ∾ человек *вписано.*

Потугин кричит, что ничего Россия не выдумала. Она выдумала уничтожение крепостного права, а в Европе, в вашей цивилизации, везде крепостные освободились бунтом, с оружием в руках, и пролита была кровь; льется и теперь, и будет литься. «Что мы выдумали?» — спрашиваете вы, мы выдумали уничтожение крепостного права без крови. А вы бросаетесь грязью, бесстыдники! ‹92›

«Голос», 24, 25, 26, 27 января. Дело Марии Кронеберг.[1]

«Голос», 28 янв‹аря›, № 28, дело Кронеберг.

«Московск‹ие› ведомости», № 25, 27 января. (О церковных старостах.)

«Биржевые вед‹омости›», № 31. Воскрес‹енье›, 1 февраля. Суворин о Кронеберге.

Суворин. Есть неискренность и декламация (ругая почти за каждый его фельетон и ужасно любя читать его фельетоны).

Программа. Дело Кронеберг. (Мысль Поб‹е›д‹о›н‹осцева›: осрамлена навек. Моя мысль: одно слово о том, что не стоит *семья*, чтоб ее сохранять за злодейство, и что это клевета на семью.) (О том, что ходил к Суворину.)

Ответ *«Петербургской газете»* (об «Иллюстрированной газете» Зотова, клевета).

? Потугин и красота.

? Гений чистой красоты.

Китай, Япония. Подымчивость наций Средней Азии.

Славянофилы и западники.

Клевета на меня в «Иллюстрированной газете». «Вешние воды».

NB. NB. (Непременно описать два-три приключения; *походить* кое-где.)

Анекдот о перестановке голов.

Извозчик, избивший профессора.

Марей.

? (Славянство и роль России. «Голос», 16 января. Пятница).

Непременно. О том, что *война* лучше теперешнего положения общества.

О том, что Мак-Магон полетит.

Петрушка и Горбунов.

Павлуша («Голос», № 4) и убийство монашенок.

Об американской дуэли и вообще о дуэли.

Vibulenus.

NB. NB. О местной печати. Пересмотреть газеты непременно. Крики Михайловского в «От‹ечественных› записках» (декабрь).

---

[1] *В рукописи:* Кроненберг

? Памятник Пушкину, памятник Лермонтову (подписал 1 копейку. Кто он?)

La population reste stationnaire.[1] Опыт (фантазия) о будущих политических судьбах Европы.

О декабристах.

(Смотр<и> в начале отметок.) <93>

NB.? (С Ивановой о пансионе.)

О том, зачем Михайловский сердится на отзывы о сожжении Тюильри.

О специальности врачей.

Потугин. С уничтожением крепостного права кончилась петровская реформа (книга Победоносцева). Народ идет, что-то скажет? (См. заметки *вначале*.)

Барон Дельвиг, укравший часы в Москве. *«Москов<ские> ведомости», № 32, февр<аля> 4.*

О провинциальной прессе. Хочет ли и *надо ли* правительству развитие провинциальной прессы.

Университетские города (Шрам и проч.).

О ноте держав султану. «Москов<ские> вед<омости>», февр<аля> 4, № 32.

Коллективность как начало вмешательства и хозяйства Европы в турецких делах. России нельзя следовать принципу коллективности, не ее принцип. Славяне для нее вовсе не то, что славяне для Европы. Но сами славяне? Это источник будущих несчастий России. Мыши, делай им добро и проходи мимо. Мы не можем раствориться в славянстве, мы выше.

Они внесут к нам начало раздора и разъединения.

Славяне.

Мы должны только жить для себя, не пугайтесь этого: жить для себя — у великоруса значит жить для других. Не то хохол, кацап (история детей Ив<ана> Г<ригорьеви>ча).

Предсказание.

Фарисей. «Олонец<кие губернские> вед<омости>».[2]

Словечко Побед<оносцева> о паспортах.

С Вас<илием> Вас<ильевичем> Григорьев<ым> поговорить о провинциальной печати и об наших восточных окраинах. О славянстве.

Спасович. «Ce n'est pas l'homme c'est une lyre». Это о Ламартине. Но и о всяком поэте, о всяком художнике. Физиология и психология поэта как лгуна. Это ему за талант. И, так сказать, plus de noblesse que de sincérité.[3] Vibulenus.

---

[1] *Далее было начато:* Поли<тика>

[2] Предсказание. ∾ вед<омости>». *вписано на полях.*

[3] больше благородства, чем искренности (*франц.*).

Фейерверк и Жемчужников.

О Базунове.

Люди на балу — выше типов Шекспира. Растление могло соскочить мгновенно. К. Аксаков.[1] Народ будет такой же и так же растлен, он дойдет до этой же черты. Хотя, конечно, всего должно ожидать от народа. Хотя ожидающие всего от народа тем самым отвергают Петра и его реформу.

Ответ «Биржевым ‹ведомостям›». Бал, лучше Шекспира. Отчего не бросить *благодушный* упрек людям. Это не превознесенье людей перед народом. Это только слово об их испорченности и что, в сущности, они прекрасны. А народ и публика один ‹94› и тот же. Только народ, пожалуй, перейдет еще этот фазис разврата и лжи. Он и сам развратен и лжив, но не так еще, а теперь будет *так*, с цивилизацией.[2] Так ли это по-вашему? Я бы желал ошибиться или чтоб вы мне сказали что-нибудь утешительнее. А если с ним это и случится, то давайте-ка способствовать вместе, чтоб обошлось дело легче и прямее к цели. Вы мне протягиваете руку, ну и пойдемте вместе. Микроскопическим действием, как герой, выкупавший на волю. А насчет Шекспиров и Гомеров, то искусство, без сомнения, ниже действительности. (Художник и синтез взгляда его: типы и проч.) И если б *особь* каждая могла проявиться вся, но она не может, ибо мысль изреченная есть ложь.

У меня много надежд, что народ отстоит свой облик и не начнет цивилизацию с разврата. Пусть через этот фазис переходили мы.[3]

Цивилизация испортит народ: это ход дела, в котором рядом с светлою и спасительною идеей вторгается столько ложного и фальшивого и столько скверных привычек, что разве в поколениях впереди взрастут светлые семена, а ложь и мрак будут на первом плане. Сами же мы пропили нашу цивилизацию, начали с разврата, и лишь очень долго спустя у нас стал толк.[4] (Нестеров, кавалергард, освещение — это всё, как в Европе, но разве это кавалергарды?)

Или ограничиться лишь беглой заметкой Авсеенке; насчет *возможности* сцены в бардаке, две барыни, истинный факт, а две девицы, осмотренные в своей невинности?

В «Петер‹бургской› газете» оценка Авдеева взята буквально из *«Голоса»*, безо всякого обозначения. В том же № ругательство на Гамму.

---

[1] К. Аксаков. *вписано.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Только народ ∾ с цивилизацией. — *запись:* К. Аксаков.

[3] У меня ∾ переходили мы. *вписано на полях.*

[4] Сами же ∾ стал толк. *вписано на полях.*

«Ан‹на› Каренина». Герои. Эти люди до странности неинтересны.

Да моя болезненность здоровее вашего здоровья, доктор и больные.

NB. *Визит к Петрову.* Древности Петербурга осмотреть.
Статья.

Алексеевский равелин. Ростовцев, Филиппов. Кончил раздумье. Мечтал об имевших детей. Чья это кровь? Филиппов — *бежать* (фехтовальщик перерубил).

Зачем к «Дневнику писателя»? Как зачем? Мне это снится до сих пор. ‹95›

«*Голос*». Суббота, 7 февр‹аля›, № 38. О сибирском университете и о деле капитана (раздражение, начальство с подчиненными, выставляют язык). Декабристы, зачем мы не лорды.

Один из местных Вагнеров, выражение «Голоса».

О балете «Дон-Кихот». О Дон-Кихоте.

Прекрасное в веке: Пиквик, «Notre-Dame», «Misérables». Первые повести Жорж Занда, лорд Байрон (хромая нога), Лермонтов, Тургенев, «Война и мир», Гейне, Пушкин. Вальтер Скотт. Вальтер Скотт не легитимист, а[1] осмысленное, высшее сердечное примирение после ненависти к прошлому. «Notre-Dame» не то, ненависть, и т. д. (Музыка.)

Наши концессьонеры; да ведь вы же, свиньи, учите Вальтер Скотту детей ваших.

Поэт: «И меж детей ничтожных мира» и т. д. Я боюсь только, чтоб господин Спасович не принял это на себя.

Обида. Густав Христианович. Он занимал звено в машине, да ведь эти звенья ничтожность? Да и вовсе не надо, чтоб они были *чтожности* и делали хорошо. Пусть делают дурно или как-нибудь, но они живут и составляют машину. Была бы машина.

Какая ошибка! И это у нас, где первым делом сомнения нет о власти.

Но у нас и наивности (Николай). Требовали чести, честности и хорошего исполнения, не имели ни малейшего понятия об условиях, что хорошего никак быть не может, кроме единичных явлений, а целое никуда не годится.

И нечего дивиться, что они даже не подозревали, как надо делать, когда сами отрицатели были еще глупее, делали еще хуже (декабристы).

---

[1] *Далее было начато:* вел‹икое?›

«Писаная бумага» — то есть французская конституция. Мак-Магония.

«Русский мир»; № 38 (воскресенье, 8). 1) Полетика и Кущевский. 2) О картинах Брюллова в Академии, *Потугин.* 3) Выписки из «Московских ведомостей» о североамериканских ходячих мнениях насчет Камчатки.

У нас можно быть врознь, можно ужасно ругаться за убеждения, но столько искренности в желании добра и теплой веры в обществе, в юном поколении. Вы ругаете всех, «всё проваливается», но уж самая жаль и уныние свидетельствуют о горячем желании вашем устройства общего дела.[1] Согласны ли ‹96› в определении *общего* дела? Куды! Из-за этого-то и драка, но всё хорошо.

Не наступит ли пора взаимного понимания (не взаимного восхваления). Острите, смейтесь, шутите, но искренно идущего к благородной цели отметьте как идущего к благородной цели.

Февраль.

Об Зотове. «Иллюстрированная газета».

Вопрос о художественности разрешается просто: худо иль лучше написать. Прекрасный человек, но не сумеет выразить мысль.

Меня все встретили приветливо, кроме... (бордель), всем угодил. А ведь это нехорошо? Нет, хорошо. Все ищем общее благо, деремся, но все мы люди хорошие. Славяноф‹илы› и западник‹и›. Кончился петров‹ский› период с уничтожением крестьян, и, кажется бы, примириться, так нет же, война продолжается. Вздор. Потугин. О Потугине и его бреднях. О Тургеневе. Я перечел.[2]

Два процесса. Спасович, поэт, Vibulenus.

В крепости.

«Губернские ведомости».

Война, Марей и проч. О сибирск‹ом› университете.

О бардаке. В. Зотов.

Обида. Христиан Христианович.

О Базунове.

Общество вспомоществования бедным ученикам при 5-й гимназии. «Голос», № 40, 9-го февраля.

---

[1] *На полях рядом с текстом.* У нас можно ∾ общего дела. — *помета:* Здесь.

[2] *На полях рядом с текстом:* Меня все встретили ∾ Я перечел. — *помета:* Здесь.

Есть[1] у нас повсеместное честное и светлое ожидание и желание добра, *общего* дела, ничего обособленного, кастового. Если же и встречается, то непременно и всеми презирается.[2]

Для народа наступила эпоха подвергнуться такому же точно разврату мысли, как и у нас в петровск‹ий› период (я не то что гадаю, я верю, а потому это для меня важно). Но, конечно, не в той, так сказать, исторической форме, как у нас, а в несколько другой, но разврату, как и у нас, ибо мы приняли благодеяния света в виде разврата. И потому наступает огромный новый период для народа и русской жизни.

Тем не менее будет *единицами* серьезное принятие и — дело будет сделано. ‹97›

Спасович. «C'est n'est pas l'homme c'est une lyre» — это воскликнуто было с глубоким плутовством, то есть как бы в виде самой высшей хвалы, а между тем что смешнее, как походить на лиру.

В народе адвок‹ат› — «нанятая совесть», то есть подкупленная не одними деньгами, либерализмом, славой, поэзией (лирством). Как же я без капиталу, и вот лира загремела; да не талант. *«Семейное, семейное»* и т. д. Стоит ли семейство-то, не клевета ли? Тут истязание. Мелены. ‹?› Король.

Святыня семьи, Спасович, но по этой аргументации лучше и не вчинать дела,[3] потому что, если[4] надо всегда оправдывать отцов. Отцы против детей — другое дело (Бутлеров).

Девочку наказали два раза: и розгами, и в школе, и невестой, и в замужестве навсегда.

Вы у ней, может быть, отняли отца.[5]

Есть дела, которым трудно выходить на гласный суд. Человек принадлежит обществу. Принадлежит, но не весь.

Муж с женой, они в раздражении друг на друга, он меня обнимал, она сладострастна, но она мне сама сказала: почему ты так уверен в моей верности?

— Что вы на это скажете? Где.

— Это шутка. Можно ли, можно ли мои слова. Вы у ног моих...

— Г-н судья, если мне напоминают такие слова, то это не принадлежит суду, это дело любви (целовал ноги).

— Но, однако, позвольте, в этот момент вы сознались ей в подозрениях ваших.

— Г-н судья, опять так и т. д.

---

[1] *Было начато:* Нет ничего

[2] Если же и встречается ∾ презирается. *вписано.*

[3] *Далее было начато:* святыня

[4] если *вписано.*

[5] Вы у ней ∾ отца. *вписано на полях.*

— Но, безумные, зачем же вы вышли (но они безумцы. Есть водевиль «К мировому!»).

А если притянул их прокурор?

Человек принадлежит обществу. Принад‹лежит›, но не весь.

Есть места в моем сердце, которые, очевидно, не может понять судья. Я не о праве говорю. А просто бесполезно, потому что ни судья, ни присяжные их не поймут.

Итак, Кронеберга было не надо тащить. ‹98›

«Я тебя родил». Ответ Франца Мора. Рассуждение этого развратного человека я считаю правильным. А не знаете, так справьтесь. Шиллер ведь так давно писал, да и драма так давно не дается на сцене.

Белинский. Поэт — это ведь как б‹- - -›.

Нравоучение составлявшие — не одна, дескать, отзывчивость, а глубоко нравственное чувство, выработавшийся взгляд и способность *управлять своею отзывчивостью.* Но как согласить это, например, с адвокатом.[1] А тут вдруг: «C'est une lyre».

Какое бы великое призвание: защищать невинного. Но как бы ни было велико, все-таки бессмысленно и страшно грубо. Стало быть, оно хорошо лишь тогда, когда адвокат убежден в невинности или если знает, что виноват, но знает, что надо пощадить. Да если б и просто милостыни просил, и то хорошо.

Но так ли на деле: нет, я убежден, если б я не был убежден, то — и проч. Кто поверит? Особенно если гонорар.[2]

Я уже знаю, что это не Спасович, ибо он не взял гонорара.

Комические и несерьезные лица актера, почему в Англии актер не считается джентльменом, несерьезным человеком. Человек — актер. Vibulenus.

Актеры в жизни. У англичан идеал реализм, положительное и проч.

«C'est une lyre»... И так легок на подъем душою.

Итак, гуманнейший человек и либерал, а как пришлось защищать дранье... И так драть? «C'est une lyre».

Ребенок не узнал отца. Да как же бы он его узнал? Дети в эти лета всегда забывают после долгого отсутствия. Неужели г-н Спасович этого не знает. На детей за это сердиться нечего.

Ребенок принял дурные привычки, но кто в них виноват? Дурное воспитание у Комба, дранье дома и незнание отца, что в носу струпья.

---

[1] Но как ∾ с адвокатом. *вписано.*

[2] *Далее было начато:* Коми‹ческие›

Людовик 17-й. Этот ребенок должен быть замучен для блага нации. Люди некомпетентны. Это бог. В *идеале* общественная совесть должна сказать: пусть погибнем мы все, если спасение наше зависит лишь от замученного ребенка, — и не принять этого спасенья. Этого нельзя, но высшая справедливость должна быть *та*. Логика событий действительных, текущих, злоба дня не та, что высшей идеально-отвлеченной справедливости, хотя эта идеальная справедливость и есть всегда и везде единственное *начало жизни, дух жизни,* жизнь жизни. ‹99›

Кто определит, спрашивает Спасович, сколько ударов должен нанести отец, чтоб не судили его за излишек, за эксцесс (дался этот эксцесс!). Эксцесс, отступление, — необразованные люди любят иностранное словечко и считают, что прибавили силы и серьезности выражению, даже красоты.

Как кто определил? Да само же сердце отца должно определить. Христос, обнимая детей, определил, как на них надо смотреть. Сами вы, г-н Спасович, должны знать, где предел ударов, если у вас бьется что-нибудь sous la mamelle gauche.[1]

Вам ведь что надо? Вам надо, чтобы присяжные не могли осудить Кронеберга как истязателя и, во-вторых, как отца.[2] Но он и не мог быть осужден как отец, на власть отца и не нападали, и нельзя нападать. Как истязатель — дело другое.[3] Вы вот доказали, что он и не истязал, правда, тут есть признание Кронеберга, что он бил строго, с излишком, бил в раздражении. И признанием этим всё сказано. Г-н Кронеберг сам считает это за несчастье. Но и тут Кронеберг, по закону, как вы подвели, не мог быть осужден. Чего же вам больше, г-н Спасович.

Нет, вы лира, и вам надо больше. Вам надо не *одно* только оправдание подсудимого, но и оправдание поступка внутри человека совестью, вам надо извратить общественную совесть, чтоб блистательнее была победа, а то как‹ого› же вам без ней и толку? И потому вы махаете через край, вы стремитесь доказать, что так и надо, образ ребенка,[4] кричащего: «Папа, папа!», — вам кажется чуть не смешным. Вы на маленького ребенка публично клеветали, что нельзя не драть, клеветали, — потому что семи лет нельзя воровать деньги. Сами говорите, что это от причин, от слуг, от Комба, от Женевы, оттого, что отец[5] по целым дням не дома, а в то же время утверждаете, что действительно ребенок виновен и Кронеберг прав, воспылав гневом. Вам истязание кажется добрым делом, *не было, дескать, ничего*. И из чего вы бьетесь, извращая совесть человека? Ведь вы и без того знаете, что клиент ваш безответствен, что, оказывается, истязания (сломан-

---

[1] в груди слева (*франц.*).
[2] *Далее было начато:* Ну и
[3] *Далее было начато:* Но тут есть
[4] *Вместо:* образ ребенка — *было:* что ребенок
[5] *Было:* Кронеберг

ной ноги, что ли) не было, что его не накажут, нет, вам надобно даже и жалость к ребенку искоренить и непосредственное чувство бедной Титовой осмеять, офальшивить? Но ведь это излишне. То-то «лира». <100>

То есть.

Во-первых, вы доказали, что это не истязание, — это главное, и что нельзя судить отца за превышение власти, — и довольно с вас. Но вам надо истребить в сердце слушателя[1] самый образ девочки, кричащей «папа, папа». Ничего, дескать, это всё пустяки, так надо. Это-то и есть настоящая гуманность. Нет, вы этого не истребляйте, это называется гуманность, человеколюбие, сердце человеческое, любовь, не посягайте на это из роскоши торжества вашего.

О, вы скажете: я сам говорил, что Кронеберг не педагог, что он плохой отец и разом нельзя требовать и т. д.

Говорили-то вы говорили, но, во-первых, как вы говорили? Сказав, не вывели следствия, утаили его, а следствие прямое, несправедливость власти такого отца и главы <?>, а во-вторых, забыли про то или скрыли то, что, раз сказав, что он не педагог, что девочка была заброшена и что она безответственна, — тем самым и потому-то и ужасно впечатление, произведенное таким отношением к ребенку, — именно тем самым, именно потому-то. Тут несправедливость, тут неправда! От кого несправедливость и неправда — всё равно, пусть даже ни от кого, а судьбой, да так и есть, но ведь *жалко, жалко*, но вам именно *жалость-то и надо искоренить* — для полной победы! Вы говорите: не жалко, взгляните на ее щеки, это-де принесло пользу, — итак, сечь, даже неумеренно — нехорошо.

Принадлежит, но не весь.

Но раз вытащили, и что же нам делать.

Святость семьи.

Это кощунство. Семья слишком свята, чтоб взводить на нее клевету. Семья не может держаться жестокостью. Наказывать нельзя (до предела, рузум<еется>), ну, до сломания ноги (и Спасович согласится), но жалеть, что семья должна стоять на несправедливости к ребенку (ибо ребенок[2] безответственен и виноваты развратители), и жалеть, что ребенка оскорбили и измучили, должно во всяком случае. А вам самую жалость надо искоренить для полноты торжества. Лира, подлинно вспомнишь Белинского.

Я не могу судить отца, я не могу нападать на Кронеберга, хотя жалеть я вправе; но раз это дело вытащено, — и я должен судить его. Не касаюсь отца, души его, убеждений, я тут неком-

---

[1] *Вместо:* в сердце слушателя — *было:* перед читателями

[2] *В рукописи:* ребенка

петентен, но факт уже публичен, его уже вытащили, и он стал делом совести, я хочу судить на основании данных, сказанных самим г-ном Спасовичем. <101>

Зачем вы смешиваете вашу задачу: оправдать клиента, который во всяком случае неуязвим на государственном суде (если не сломал ногу), с моим судом, с нашим человеческим, гуманным? Оставьте нам этот суд, не плюйте на человеколюбие, не плюйте на жалость нашу, не смейтесь над нею, не порочьте ребенка в гадком месте речи, когда его выгодно вам опорочить[1] (а в другом сами признавая, что он безответствен и что *не так* надо исправлять его). Нам жалко, что вы *истязаете* ребенка в речи вашей, потому что за него некому заступиться. К чему вам ее щеки? ее здоровье? Нам жалко его, оставьте нам нашу жалость. Ваша задача и без того ведь достигнута, отца невозможно осудить[2] юридически — чего же вам более? Лира!

Я вам скажу: мало того, его не совсем возможно осудить и по суду человеческому: пусть несправедлив его взгляд на воспитание (плохой педагог, как вы говорите), пусть он не исполнил[3] задачи отца и не понял, что он тогда только имеет власть (в совести своей, разумеется, сам себе судьей), когда исполнил свои обязанности; но я знаю и то, что нельзя судить человека семейного за всякий момент его в жизни, мало ли что бывает в семействе. (Мне говорил человек потрясенный: я люблю моих детей, и дети мои знают и любят меня, но я сам бросился и чуть не убил их раз, такой был момент, если б меня не удержали.) Я понимаю, что семейную жизнь нельзя раскрывать за каждый шаг, не я и раскрыл, не я вытащил всё это на вид. Мало того, Кронеберг признал дочь, хочет сделать ей всё, — он ошибся, одним словом, я даже в совести моей готов быть осторожным. Но я его оставляю,[4] а сужу лишь вас! Не нападайте на основное, не извращайте, не смейтесь над святыней, не говорите парадоксов, б<--->.

Талант.

Я помню Lamartin'a, выходившего к депутациям, критика <?>, лира.

«C'est <une> lyre». Прием был тот, что он будто бы похвалит, ценя его лирой, а между тем сам знает, что едчайшим образом смеется над ним, потому что ничего нет глупее, как приравнять к лире.

Депутацией.

Тронула лиру и запела.

---

[1] когда его ∾ опорочить *вписано.*

[2] *Вместо:* отца невозможно осудить — *было:* отец оправдан

[3] *Было:* не вполне исполнит

[4] *Далее было начато:* но я

Но лира хорошо еще, просто глупо, но есть и еще черта, это капитал.

Спасович, услуги. Кони больше нравился. <102>

И вообще.

Адвокат, какое величие и какая дрянь.

Я возьму последнюю речь. Дело Кронеберга. Прутья, характерные пункты.

Человек обществу — не весь. Девочку осрамил.

Отца оскорбили. Я не знаю души его. В семействе муж и жена едины: лизал мои ноги. Нельзя семейство[1] публично, если только не сломали рук и ног.

На то общественная совесть, развитие.

Но[2] если гласно, то я могу заняться, но извращение совести, лира.

Прослежу речь лиры.

Так ли стенограф «Голоса».

Эксцесс — отбыл урок, позволю заметить.

Рубцы от палок, скоро проходит, жжет, неужто не истязание. (Сквозь строй.)

И далее над девочкой, в испуге

Смешно судить за чернослив, конечно, один чернослив, или, лучше сказать, чернослив тут равняли банковым билетам. Но ведь трогательно, за чернослив нельзя.

Главное, долго об ребенке.

Семья, святость семьи, не кощунствуйте, не подтасовывайте.[3] Это дело другое. Два дела разные.[4] Семья свята, но и жалость и справедливость[5] так же святы, как и семья, и если б так вышло, что семья должна стоять на безжалостности, то не стоило и стоять[6] семье. Всё счастье, что это не так. Семья (идеал ее и отношений, начала гуманности, святые, добрые чувства). Сокруши ребра, но тому, который понимает; я сам оправдал бы г-на Кронеберга юридически и, может быть, много унес бы мыслей благоприятных ему в сердце моем, но оставьте мне и жалость мою.

Вы говорите: ее не испугаешь, она «шустрая». (Каково словцо.) (Словцо, выпадающее из лиризма). Вы почему знаете и для чего вам это надо? Довольно того, что перед вами ребенок, кто за него заступится?

---

[1] *Далее было:* если

[2] *Далее было начато:* извр<ащение>

[3] не подтасовывайте *вписано.*

[4] Два дела разные. *вписано.*

[5] и справедливость *вписано.*

[6] *Незачеркнутый вариант:* и быть

Ведь в другом процессе вы бы сейчас *на среду*. А тут среду слишком вскользь.

NB. Теперь о девочке, даже и о невесте, бесславие. И о г-не Кронеберге (жесток). А может быть, вовсе не жестокий, нервный, больной, великодушный даже, он не эгоист, он дрался за чужое дело, признавая, ‹103› что те обижены. Он бешен, вспомните «Семейную хронику», — он *дурной педагог.*

NB. Лира! Да лира ли только, нет, и слава, как же без капиталу.

Содержание №.
Меня все встретили.
Но ведь в мелочах-то и дело. Смотреть в целом согласились.
Процесс занимал меня.
Война и бордель.

Меня тревожили *погода* и *медведь* (предсказание).

...так как клиенту угрожало слишком страшное наказание за истязание, то г-н Спасович не мог не употребить всех *средств*, ему предоставленных. «А ну как не оправдают». И потому он принужден был искоренить самую жалость в сердцах, подшутить над ребенком — «шустрая, дескать», выставить тайный порок ее (как будто бы и не об семилетней говорит и как будто не знает, что телесное истязание усиливает этот порок), сравнивать чернослив с банковыми билетами, опозорить кого же: ангела божия, мало того: вывесть и показать, как она испорчена, как научилась притворяться, наконец, заговорить о святости семьи.

Но пусть провалится всё и семья, если истязание; г-н Спасович [1] достаточно красен, но всё долой, он поклонился розге... Таков талант и таковы обязанности адвоката... всё отчего... Да, эти дела нейдут на суд. Но, однако же, какие идут? Перелом ноги, синяки? Где же предел? [2] *Мальчик и лебединые перья.* Доктор бил мальчика, но жалость, жалость.

Оставьте же и тут жалость, не смейтесь над ‹104› драньем ребенка и над исступленным криком: «Папа! папа!» Не выводите на позор ребенка, не заставляйте ее, заученно-испуганно кривляясь, говорить: «Je pas voleuse, menteuse» [3] — и целовать руки... Или это было уже так необходимо? Может быть, нет? Плевать на жалость-то бы не надо было, давить и иронически смеяться над самым пстпнным, чистым чувством не следовало бы все-таки. (Прекрасная Елена.) Нет, тут была п лира, и талант. Оставьте жалость. Одним словом, нечто неразрешимое.

---

[1] *Далее было:* был
[2] Где же предел? *вписано.*
[3] *Вероятно, ошибочно, вместо:* «Je suis voleuse, menteuse»; *ср. ниже, стр. 153.*

Принужден был доказывать, что не было истязания, тогда как сам не знает, как определить его, и сводит к определению о переломе костей.

Или, может быть, лира? О златострунная! Вот эта-то златострунность... и т. д.

Неужто вы не знали, что память четырехлетнего исчезает через год, а через $1\,^1/_2$ наверно. Скажут: эти выводы г-на Спасовича неопасны, всем известен закон природы детей, да, но в целом опасно: тут [1] вдохновенное лицо, чувство истины, жар правды, — всё это в целом созидает известное и окончательное впечатление.

Зачем разъединять сердца отца с детьми? Пусть г-н Кронеберг и не разъединится, но вообще это правда, и [2] должно, наверно, разъединиться. Что-то такое останется навсегда, что-то будет долго во взаимных взглядах недоговоренного (разумеется, взяв нервность сторон).[3]

Этих процессов не надо, но, с другой стороны, кто же заступится за дитя? Ведь жалко, жалко!

Даже ведь, может быть, позорили ее будущее.

Il en reste toujours quelque chose.[4]

Может быть, всё сердце его обливалось слезами, когда он принужден был обижать ребенка и несть такой вздор... или нет? Или это только играла лира? Я думаю, что лира. Если б Спасович защищал противную сторону, лира подсказала бы ему противуположные аргументы, а он с таким же жаром пустился бы их расписывать.

Вот что значит иметь талант! [5] Talant oblige.[6] ‹105›

Талант.[7] Говоришь не то что против себя, а распинаешься и хвалишь то, о чем до того всю жизнь не думал, или проклинаешь в другом такие пороки, которые в самом нем с ног до головы. Скажут, смешно так рассуждать. Да я и пе про то: мне жар этот, этот жар-то излишний в таких случаях, то есть всё, в чем можно было бы обойтись и без такого усилия жару, — это-то вот противно! Ибо чувствуешь, что тут уж перестала правда, что человек заигрался, что это лира звучит. Ибо лишнее и в правде — ложь.[8]

---

[1] опасно: тут *вписано на полях. Далее было начато:* оставля‹я›
[2] *Далее было начато:* мо‹жет?›
[3] *Далее было начато:* С дру‹гой›
[4] Ведь какой-то след непременно останется (*франц.*).
[5] *Вместо:* Вот ∾ талант! — *было:* Талант! Талант!
[6] Талант обязывает (*франц.*).
[7] Талант. *вписано.*
[8] Ибо лишнее ∾ ложь. *вписано на полях.*

Глаза в огне, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.

Убить жалость, и вот она. Она «шустрая» — вот[1] ее щеки — вот[2] ее пороки — вот[3] эксперт Суслова должна показывать о пороках. Но ведь это ребенок, безответственный... (Замечательно, что красные щеки и пороки друг другу противуречат, но в целом впечатление.)[4] Но этого мало, как глубокий психолог, надо произвесть отвращение, и жалость исчезнет, тайные пороки

Помилуйте, да ведь за это-то и секли! Это-то и мучило отца.

Согласен, но ведь не должно смущать Сп‹асови›ча, который прежде всех и всего знает, что 7-летняя девочка во всем этом безответственна.

Разговор, тогда же записанный.

Всё же нам никак нельзя без капиталу. Это чтоб капиталу нашего решиться, это нам никоим образом невозможно.[5] Уж видно, маменьке так и придется пребыть...[6] и не дал, потому что-таки невозможно, чтоб нам самим без капиталу.

Это чтоб нам без блеску, эффекту, это нам никоим образом невозможно. Да, без блеску вы будете правы, а с излишним блеском вы будете несправедливы.

Нет, уж как же нам без блеску. Всё же нам без блеску невозможно, потому что нам если без блеску, то это никак нельзя. Всё же нам без этой самой лиры невозможно. ‹106›

Ведь «*Голос*» не может отрицать, что *раздвоенность* человека (статья К. Аксакова в «Братской помочи») есть гибель человека, но он заступается за раздвоенность, думая, что это либерально.

Талант, да, во всем нужен талант, даже в направлении.

Суетливое, соблазнительное зрелище, нецеломудренное зрелище.

Дело Кронеберга.
Принадлежит, но не весь.
И не поймет судья.
Нецеломудренное зрелище.

---

[1] вот *вписано.*
[2] вот *вписано.*
[3] вот *вписано.*
[4] (Замечательно ∾ впечатление.) *вписано.*
[5] *Далее было:* [ибо] потому, так как же мы [тогда будем] сами останемся
[6] *Далее было:* потому что никоим образом

Но, однако, кто же заступится за малых сих.

Где истязание кончает<ся>, у г-па Спасовича сломанная нога; но — послушаем г-на Спасовича, обратим внимание.

Я, признаюсь, только бы г-на Спасовича и стал писать, как бы новый фазис мне представился в адвокатстве. Были аблокаты, были подковырники-клещи,[1] читал я на языках и проч. Но вот г-н Спасович назначен от суда (снял шляпу). Но г-н Спасович взялся защищать, он должен был защищать. Сильное наказание *Все* средства. Но... кто такой по преимуществу г-п Спасович? Vibulenus.

О биограф<ии> его ни слова. Он блестящий адвокат, талант. Признаюсь, по речи — Кони — духу времени кадит. Но вообще вопрос о таланте — талант, б<-->ство, Белинский, «c'est une lyre» и как же нам без капиталу — всё вместе сошлось и в то же время самая святая цель: оправдать.

Но рассмотрим всю речь: я хочу показать, какие трущобы могут иногда ждать человека, какие извращения чувств и понятий, — разумеется, для святейшей цели, так что выслушаете нелепость, возмутитесь, а потом вдруг подумаете: «А что ж бы он стал делать? Нет, тут в адвокатике[2] не одни ягодки! Недаром...» И под конец: «Нет, уж тут лира пересолила».[3] <107>

...Final:

А всё оттого, что подняли вопрос.

Не юрист я, а все-таки эти вопросы не должны бы подниматься.

И опять-таки: кто же защитит малых сих? Сломанная нога. Разве закон переменить, не в Сибирь, а выговор или опеку.

Но посягать на семью.

Нельзя, нельзя — но опять-таки: «Папа! папа!»

Знаете что: семья, если на *папе*, то лучше б и не стоять ей. Ведь это клевета на семью.

Не знаю, как разрешить.

Но главное, главное, зачем г-н Спасович даже «папу, папу» хотел задавить в наших сердцах, жалость сокрушить.

Привыкли мы к этому, загнили

И сюда тотчас

О войне — мечи на орала.

Хвала войне.

Париж — и окраины восточные (славяне). Nota держав, см. вначале.[4]

Жить для себя у великоруса — жить для других.

А после всего Потугин.

---

[1] *Далее было начато:* язык

[2] в адвокатике *вписано.*

[3] *На полях рядом с текстом:* О биограф<ии> ∾ пересолила». — *запись:* Лира пересолила.

[4] (славяне). ∾ вначале. *вписано.*

Значение Тургенева.
В. Зотов. Клевета. Неясность в голове читателя.
О губернской печати. Бордель.
Высокое образование мужика.
Народ пройдет через разврат.
Коли наплыв новых слов, значит, и наплыв новых понятий.
Ответ на *клевету Зотова.* ‹108›

Талант и при направлении необходим. Талант есть способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно.

Сим исчерпывается весь вопрос о художественности и направлении.

Мне ответят, не весь: что станете вы делать с художественным произведением, в котором нет направления и верной мысли? На это я отвечу, что в всяком истинно художественном произведении, хотя бы оно толковало о других мирах, не может не быть истинного направления и верной мысли. Об этом поговорим еще. А как же г-н Спасович? Вот отрицаете же вы истинное направление и верность мысли в его защитительной речи, а между тем кричите, что он талант.

То-то и есть, что речь неталантлива. Пересолил и отсюда новый закон: *как только* художник захочет отвернуться от истины, тотчас же станет бездарен и потеряет на ту минуту весь свой талант.

Стенографы «Голоса», — я думаю, какую бы ни взять стенографию, ту или другую, «Голос» по средствам своим может держать хорошего стенографа.

Меня все приняли. Это хорошо.

Бал. «Биржевые ‹ведомости›», не превознесение перед народом.

Все приняли.

Скорая, но непрочная ненависть до того комична.

Нечего ссориться, хорошие мы люди, у нас честн‹ое› разделение в идеях.[1]

Славянофилы и западники. Петровск‹ий› период.

Бал — прекрасные (см. «Зеленую книжку»).

Любители народа. Теория.

К. Аксаков. Народ перейдет разврат.[2]

Ибо кто не верит в красоту народа, тот ничего в нем ‹не› понимает. Не в сплошную красоту народа, а в то, что он уважает как красоту. К тому же в нем свет и мрак вместе. Свет, положи-

---

[1] *Далее было начато:* Я кор

[2] *На полях рядом с текстом:* Все приняли. ∾ перейдет разврат. — *запись:* Чудный край через Алтай.

тельная сторона его такова, что научит нас и возродит весь мир. Мрак таков, что мы, испорченный народ, необходимо должны прийти с излечением. Chacun de nous peut profiter.[1]

Но я бы желал, чтоб не с разврата начал народ.[2] ‹109›

Спасович. Дело это покончено, делу этому месяц.
(Ложь в адвокатах, в суде.)

Есть восторжествова‹в›шие жиды, и есть восторженные жиды. Полетика.

Базунов — принимают за американизм.

Хотя американизм‹у› можно поучиться

Когда пойдут новые слова, то признак, что новые понятия — слово «стушеваться».

Заплатить столько — воля ваша, нельзя воротиться. Разве дать двадцать на сто.

Любители народа, почти все, смотрят у нас на народ как на теорию, и ровно никто его не любит таким, каким он есть. Напротив даже, если... то на фербант, не смею утверждать.[3]

Всё же нам никак нельзя без капиталу, потому что если без капиталу, то нам это никак невозможно.

Нам хоть бы жалость-то этот великий талант оставил: нет, он разбил, загрязнил, стер и это — как же, дескать, нам без капиталу.

Он кончает, что отец был вполне вправе и даже в обязанности наказать девочку и что после этого наказания она-де вот стала лучше. «Что, дескать, не говорите, а дранье-то вот что значит. Воротиться бы, дескать, попросту к дранью, да и кончено бы дело».

У нас началось с разврата. Чувство рыцарской чести вбивалось палкой. Когда же дошли до того, что Ермолов сказал, отчего же мы не лорды, то ответ на вопрос сей последовал 14 декабря. Что такое 14 декабря? Бунт русских помещиков, пожелавших стать лордами, тем не менее к ним примкнуло всё великодушное и молодое.

Война. Потребность перехвалиться перед другим в великодушии. Скажут — хвались[4] в науке и проч.

---

[1] Каждому из нас может быть полезно (*франц.*).

[2] *На полях рядом с текстом:* Ибо кто не верит ∾ начал народ. — *записи:* Я Макара, Лев Толстой Каратаева. Вот сущность славянофильства. Со словечками.

[3] Напротив ∾ утверждать. *вписано.*

[4] хвались *вписано*

Заявить личность есть самосохранительная потребность. ‹110›

Я убежден, что судьей Европы будет Россия. Она придет к нам с коммунизмом, рассудить ее. И Россия решит вовсе не в пользу одной стороны. Ни одна сторона не останется довольна решением.

Всё в будущем столетии.

Сильных держав не будет, все силы будут разрушены междуусобной борьбой демоса с высшими (у нас и высших-то не будет). Надо быть России готовой. Почему Россия так будет сильна — об этом потом.

Восточные окраины и Сибирь.

В ближайшем будущем Европа: междуусобная борьба и численность прогрессивно идущего населения.

Папа — предводитель коммунизма.

У России нет больше врагов и не будет, как славяне.

О Базунове. Американизмы. Наши американцы: Оболенский, Овсянников, Надеин. Бывший помещик, генерал. Кряж оседлых помещиков.

50 лет. Известный цикл идей. Не знаю, почему именно я должен представить, что это духи, если не умею объяснить. Наша университетская комиссия во всяком случае не компетентна, и если собралась, то неизвестно зачем. Если даже все члены ее убедятся, что это не фокусы, а особые необъяснимые явления, то они не сознаются, потому что побоятся Европы: точно Европа на них *обращает* внимание (непременно).

Если даже и выше моих средств к объяснению, то...[1]

Новая поэма. Две великие идеи бунта и смирения, оба требуют подвига, великолепный материал, показатели своего и оригинального, укажете нам дорогу. Le courage de son opinion.[2]

О выборах в Париже. Мерило народа не то, каков он есть, а то, ‹что› считает прекрасным и истинным, по чем воздыхает и т. д.

Про Марея — о животных. Разум и вера исключают одно другое.

---

[1] Если даже ∾ то... *вписано на полях.*

[2] *Новая поэма* ∾ son opinion. *вписано.*

О спиритизме. Un mot de[1] Сеченов. Фома и математическое убеждение. Фома. Он прибег бы к самой логической и необходимой мысли, при сем всегда рождающейся. Если я не имею сил и средств объяснить это, то еще не значит, что оно не может быть объяснено. *Строго*. Даже математика. Как вы думаете, математика убедила бы Нероновых мучеников?[2]

Католичество с коммунизмом... Учением весьма нечистым, так сказать, даже обратно противоположным.

Будь братом ou la mort. <111>

Доходили ли у нас до обмороку-то (адвокаты), хотя и рассказывали что-то про это.[3] Но плакали, кажется, наверно. «Проливали слезы». Хорошо, если он так убежден. Это утешительно даже для человечества. Ну а если притворяется? Уж как тогда грустно, потому что ведь очень может быть, что притворяется (за интерес). И подумать только, что за деньги, как грустно (ну а если не за деньги, то, конечно, почтенно).

И вот под покровом такой несокрушимой и необходимой пользы — какой разврат!

Давайте подвига, безмерного, невозможного, по инициативы, *собственного своего слова* — никакого.

О том, что народ наш был отучен Петром от всякого дела. *Не для себя*. Если бы для себя, то и для всех. А теперь земства спеться не могут. Мировые посредники: жалование буду брать. 200-летняя отвычка от дела.

Взятка, так что служба обращалась не в дела, а в обделывание делишек.

Мое предсказание: Гамбетта — республика. Враги — соседи. Но хорошо ли это? Вряд ли коммунизм не пойдет на сделки. *Папа* — на сделки. К России обратятся. Россия служила Европе. Но, верно, к тому времени мы, отученные двумя столетиями от всякого дела, будем самостоятельны и рассудим иначе. И тут: отучены от всякого дела, Петр.[4]

Гамбетта. Замечательно, что на этот раз землевладельцы захотели республики, хорошо ли? Папа. Все это гадание.

Статья «Голоса», Китай, прежде Китая американцы. Надо брать заране.

Убиты: какие телеграммы из Парижа?

---

[1] Одно слово о (*франц.*).

[2] *О спиритизме.* ∾ мучеников? *вписано на полях.*

[3] хотя ∾ про это. *вписано.*

[4] И тут ∾ Петр. *вписано.*

Принадлежит, но не весь. Личность, мы можем знать из частного, человек на столько касается общества, остальпое угадываем, но есть то, об чем мы и понятия составить не можем, и это в *каждом человеке*; да иначе оп не был бы такою конкретною[1] особью, личностью. ‹112›

Правда, кто же заступится за маленьких? Этот вопрос так п остался неразъясненным. Не можем же мы поверить, что истязание начинается со сломанной ноги. Святость семьи.

Лира, капитал.

Но жалость-то нам эту оставьте!

Да-с, а клиента-то сошлют?

Правда.

И вот до чего был доведен талантливый адвокат. Он должен кончить святостью семьи.

Но в чертей веровать не хочу: это было бы слишком глупо и слишком грубо.

(Колокольчики, факт, как бы не существовавший.)

Спасович... Тут нужно или потоньше формулировать, что значит по закону истязанье, или судить при закрытых дверях, или ничего не делать и не судить совсем, если только не сломана нога... Не знаю, не знаю, я не юрист,[2] но что-то тут надо сделать. А я только хотел об роли адвоката поговорить. Вот мы их осуждаем за то, что куши берут. Иногда недаром деньги берут.

Гамбетта (коммунары). Потому что они правы. Гамбетта — загадка.

...Католичество, вдруг провозгласившее огромную идею непогрешимости, другими словами, всемирного владычества (хорошую или дурную, всё равно), но задачу колоссальную, идею древнего Рима, и это именно в то время, когда объединенная Италия обратилась в такое маленькое буржуазное королевство (греческое) по буржуазному шаблону свободы и прав человеческих. Как хотите, а раздавленное умирающее существо, слабое, как мелкое насекомое, и вдруг с такими претензиями (не сдаюсь, умру владыкой), — это колоссально, это достойно (соединюсь с народом, всё оставили). Это может быть. Эту идею я высказал прежде всех в романе «Бесы», потом я встречал ее в «Теймсе» у нас, — по, боже, какое несчастье ожидает наших детей, обратятся к нам.

Мы не то время, но о войне, о будущем поговорим (о наших окраинах опять не успел).

Да, было бы смешно, если б не грозило будущим.[3]

---

[1] такою конкретною *вписано.*
[2] я не юрист *вписано.*
[3] Да, было ∾ будущим. *вписано.*

Я меньше всего верю в чертей. <113>

Если б я был в комиссии, я бы ни за что не согласился признать явление: как я, профессор С.-П<етербургского> университета, и вдруг я признаю явления, когда еще ни один из университетов Европы не признал их, а признали их лишь отдельные лица? Вот почему думаю, что и комиссия не признает: и вижу, да не верю. Это понятно.

Фома.

Раздеть медиума.

Под столом колокольчик, — для меня всё это ничего не значило.

Люди честные, я не могу заподозрить, а я заподозривал 53 года.

Рассердил медиума.

Разве иезуитство не торговало телом Христовым.

Работники наивны, они дивятся Христу и поверят ему.

Католичество уступят, что они должны идти с мечом (а в этом-то и всё различие).[1]

Спасовичу. Святыня семьи. Мы, слава богу, еще русские, а не французские буржуа, которые защищают свое семейство и собственность мимо всяких соображений, потому только, что они — семейство и собственность и составляют у них так называемый l'ordre. Нет, мы даем себе отчет и даже в минуту «необходимости» будем действовать скорее по совести, чем по необходимости.

Полноте, г-н Спасович, полноте, образумьтесь, какие тут банковые билеты! .. правда, вы в таком положении.

Отвлекая от настоящего дела, позвольте спросить вас, г-н адвокат: все ли вы случаи тиранства[2] прикрыли святостью семьи. Можете ли вы сказать, что не стали бы защищать (обвинять) ни за что, пугаясь святости прав[3] семьи, и не кощунствуете ли вы здесь против семьи. Семья — дело столь святое,[4] конечно нельзя. Я сам говорил вначале. Но неужели один перелом ноги.

Мне собственно то, что вы про святыню. Я же говорил только про неестественность.[5] <114>

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Разве иезуитство ∾ всё различие). — *помета:* Война.

[2] *Далее было:* семьи

[3] прав *вписано.*

[4] *Далее было:* что

[5] *На полях рядом с текстом:* Отвлекая ∾ про неестественность. — *помета:* Здесь.

Злодейская семья сама себя уже тем разрушила, и в ней не осталось ничего святого и достойного сохранения.

Предположить только, что бог велит во что бы то ни стало, букву.

Вы, повторяю,[1] отстояли отца, вы хорошо сделали, потому что он не тиран, потому что он действительно любит дочь, которую усыновил, не бросил, за которой ездил, потому что тут лишь[2] дурной педагог, случай, наконец, нервы... Нельзя, нельзя за это в Сибирь идти...

Но оставьте же нам жалость.

Да, а коль сошлют...

Вот вам и фальшь, и серьезный, чистый человек, как ястреб, устремляется на ребенка, на девочку, на наши чувства.

Г-н Спасович кончает семьей.

Защита розог.

Ну, розги-то, пожалуй, для очень-то маленьких детей, но желательно было бы и очень маленькие розги, для очень-то маленьких. А, не правда ли? Или, может быть, и розги невелики, не шпицрутены... «Какие это розги, а вот посекли, и хорошо вышло».

Да кто ж за нее заступится? Дайте хоть в печати-то заступиться.

Итак, за дранье? Но тут уж, мне кажется, взыграла лира. Эта черта уж совсем не нужна была для оправдания подсудимого. Может быть, польстить массе?

В самом деле, разрушено семейство, никто не защищен, и все несчастны.[3] ‹115›

«Голос». Суббота, 21 февраля, № 52.

В фельетоне о Сванетии, суждение иностранцев о будущности России.

О застрелившихся.

Какое бесчеловечие! И кто мог бы защитить этого ребенка.

Конечно, отец, он тут же сидит, но ведь ему нельзя: его *судят с его ребенком*, и он, уже естественно, не может сказать ни одного слова. Вот постановка суда.[4] Какая фальшь! Какая неестественность!

Он ее признал, он ее сыскал, он ездил за ней, нашел, усыновил.[5]

---

[1] повторяю *вписано.*
[2] *Далее было начато:* нет
[3] В самом деле ∾ несчастны. *вписано на полях.*
[4] Вот постановка суда. *вписано.*
[5] Он ее признал ∾ усыновил. *вписано на полях.*

Розги, дранье.

Но тут уж, мне кажется, пересолил. Тут уж лира.[1] Лира-то, впрочем, и прежде[2] во всей речи довольно часто поигрывала.[3]

Семья. Здесь я отвлекаю дело от дела Кронеберга, тут злодейства никакого произведено не было.

Но если б злодейство, такое, однако же, которое ускользает от суда. Стали бы вы защищать такую семью? Лучшие буржуа[4] и не существовали.

Тут искусство изумительное, выше всякой похвалы, если только смотреть как на искусство. Каждое из этих обвинений не выдерживает ни малейшей критики, и сам адвокат знает, что каждый присяжный это поймет. Но наш адвокат психолог, ему знаком склад ума и сердца человека. Пусть каждый тезис не выдерживает критики, пусть каждый присяжный понимает это. ‹116› Ничего! не боюсь! Ибо знаю, что в целом, в группировке достигну впечатления, подействует.

Il en reste toujours quelque chose.

Но ему даже самую жалость надо было искоренить, и вот последнее впечатление, прибереженное...

Не можем же мы быть уверены, что битье по лицу есть самая гуманная вещь.

Я погубил мой №, заняв его весь разбором. Но никто не разбирал этой речи, характер адвокатов — характер воздействия их на присяжных.

Как ястреб на птичку, крутит ее в своих когтях — со всем блудодействием своей *отзывчивости.* Со всею силою своего отзывчивого таланта.

Он был поставлен в такое положение. Он должен был пожертвовать ребенком, он ее бесчестит, ставит на позор: «Кража, привычки, чернослив...»

Ему бы прямо сказать: вот что закон полагает истязанием. Не примените же к Кронебергу...

Но это была бы страшная ошибка. Ему этого мало, самую жалость искоренить. ‹117›

---

[1] *Вместо:* кажется, пересолил. Тут уж лира. — *было:* кажется, лира.
[2] прежде *вписано.*
[3] *Было:* звенела
[4] буржуа *вписано.*

Но ребенок рос не в доме. Эти существа вторгаются в душу, когда выросли с нами! [1]

О, как бы он распространялся о страдании этой девочки и расписывал, если б был ее защитником. Нет, как хотите, а тут что-то грустное.

Не трогайте, не обижайте малых сих.

В этом слове *шустрая* как бы презрение ко всем ее страданиям.

Дотрагиваться до лица — не предрассудок, а всегда бесчестие и страшная обида. Что лицо человека есть образ его личности, духа, достоинства.[2]

Водевильничать, повеселить присяжных. Папы, дескать. Всё это старые дурные манеры (приемы). Это когда-нибудь выведется, внове еще у нас.

Ведь сам же Кронеберг говорил, что больно, зачем же вам непременно, чтоб не больно, а чтоб не сочли за истязание. Но об истязании лишь после речь, а главное дело — жалость искоренить, чтоб не было: «Папа, папа!» Таким образом, начало сделано, дело передано с ненужными <118> подробностями и даже[3] весело.

Или начнут подличать, или грустно умрут, складывая ручки к богу.

Аграфена — верх искусства, он только прикоснулся, и осталось: воровка, научила девочку, это всякий подумает, дискредитировать свидетеля. Нет, это уже верх ловкости. Этого мы бы с вами не выдумали, читатель.[4]

Эта Титова, может, и преувеличила, по жалость, она полюбила ребенка. Взяла для Аграфены. Это она выдумала. Г-ну Спасовичу это ничего не значит. Но тут, собственно, лира, а не человек.

Да ведь она это выдумала. Ведь подбили[5] говорить: «Je suis menteuse, voleuse, и папа меня сек не больно». Что же сделалось? Где в самом деле власть отеческая?

Перед этим: ножки[6] обварила горячим варом. Эта школа из-

---

[1] *Далее было начато:* Но и

[2] Что лицо ∾ достоинства. *вписано на полях.*

[3] даже *вписано.*

[4] Нет, это ∾ читатель. *вписано.*

[5] *Было:* заставили же ее

[6] ножки *вписано.*

воротливости ума. Это самое полное проявление самой блудодейственной отзывчивости. Это школа извращения[1] здорового[2] чувства и нравственных правил, постоянная, неустанная, по мере надобности,[3] в виде государственного установления и возведенная в принцип, — о, никогда еще не было ничего развратнее, развратительнее и циничнее в земле русской.[4] Это школа разврата, возведенная в доблесть и воздвигнутая торжественно для всеобщего подражания.[5] Переметные сумы.

Я в этом ничего не смыслю, я не юрист.

Семья: Возводите это в принципы за границей. А у нас — никакая из святынь наших не боится свободного исследования, знали ли вы это, г-н Спасович. Ну так знайте.[6] Мы русские и гордимся нашими особенностями. Наше православие само переводит Библию. У нас нет святынь quand même.[7] Святыня наша — наша вера, святыня — наша правда <?>. Мы хотим, чтоб святыня наша была настоящая святыня, а не условная, не то пусть не сто́ит, не сто́ит она того. Мы не станем отстаивать наших святынь, когда перестанем верить в святость их.[8]

Кажется, я один из всех, первый назвал вещь своим именем. Я не посягаю на адвокатство в принципе, нет, а на то, во что оно обратилось у нас. Мы же всё щелкали языком и похваливали. <119>

Пусть каждый обрушится на меня всею массой презрения и негодованья. Ничего-с! Я ничего не боюсь, знаете почему? А потому, что каждый из вас, оставшись потом сам с собою, все-таки скажет про себя: «А ведь он прав». С меня и довольно.

Самовар, обварила ручку. Дайте ему, и как он завизжит. Он приплетет и банковые билеты. «Он, дескать, подрастет и украдет банковые билеты». Гнев, среда... отзывчивость... И приговора достиг бы. Стипендии имени ее бы достиг, и публика аплодировала бы за то, что грудному ребенку не обварила, а варила руку.

Надо же милой лирочке поиграть-позабавиться, ну вот и позвенела, и вышел эксцесс.

---

[1] *Было: а.* Эта школа извращения *б. Начато:* Это постоян<ное> извращение

[2] здорового *вписано.*

[3] по мере надобности *вписано.*

[4] в земле русской *вписано.*

[5] *Вместо:* и воздвигнутая ∾ подражания — *было:* в подражание

[6] *На полях рядом с текстом:* Семья ∾ Ну так знайте. — *помета:* Здесь.

[7] несмотря ни на что (*франц.*).

[8] У нас ∾ в святость их. *вписано на полях и между строк.*

Петя-мальчик
Сел на стаканчик,
В дудочку заиграл,
Мамашеньку утешал.

Как вы требуете от вашей маленькой, чтоб она сделалась святой. Да вот вы и большой, и со всем умом вашим не можете святым сделаться, лжете и отзываетесь. (Я ко всем и всякому обращаюсь, а не к одному г-ну Спасовичу.)

Удовлетворяющие клиентам, бедные, несчастные.

Я погубил мой №, но пусть не останется без протеста.

Нет, г-н Спасович, не вводите к нам этих дрянных правил.

Я не г-ну Спасовичу возражаю, а г-на Спасовича [1] вне обстоятельств могут не понять, могут подумать, что он серьезно. ‹120›

«Это идеал!» — скажут.

И неужели же все установления в теперешнем состоянии общества должны быть непременно одержимы параличом и проклятием.

Перед социализмом стыдно!

Мы не золотого века хотим, а только чтоб быть почестнее!

Потому что есть всему мера и всему черта.

Март. О войне и о Европе.
Об анонимных письмах.
О распределении читателей по губерниям, выводы.
«Анна Каренина».
«С.-П‹етербургские› в‹едомости›», 29 февр‹аля›.
«Москов‹ские› ведомости», № 55, середа (о лесоразведении).
«Новое время». Четверг, № 5 (князь *Дадьян* и *Николай*).
Оскорбление.
Необразование.
Один из местных Вагнеров (справиться).
«*Новое время*» о Брюллове (не любил «Историю» Карамзина), № 6 (а в 5-м № о высоком значении Добролюбова).

Фельетон Суворина в воскресенье, 7-го марта. «Новое время», № 8 (о Каткове), а в № 7 — или 6-м — об высокой образованности Брюллова за то, что ему не понравилась «История» Карамзина.

---

[1] *В рукописи:* г-ну Спасовичу

«Московск‹ие› ведом‹ости›». Суббота, № 58, 6-е марта, о въезде дона Карлоса в Англию.

NB. О превосходстве политич‹еских› статей в «Моск‹овских› ведом‹остях›» пред всеми прочими (справиться с прежними выписками в этом роде).

«У нас сейчас есть Лев Толстой» и т. д. Не говоря ни pro, ни contra[1] про существенное значение стихов, сами эти стихи до того странны[2] и до того неясны,[3] до того как-то неупотребительны, что появление их в таком издании, как «Р‹усский› вестник»... «Сей лев» — каламбур ли со Львом[4] — или о породе его: как лев-автор, как лев — писатель романов, но это будет неуклюже, писатель романов с силою льва, но тогда что значит «породы царской».

А какофония, прочтите-ка стих:

У нас сейчас есть Лев Толстой —
С чем-то непрожеванным во рту.

Английские религии без Христа и бога, по Победоносцеву.

В «Голосе» (№ под синими книгами) сказано, что русск‹ий› человек дрянь, но и т. д. Нет, я этого не говорил.

Явления бегают за наукой, наука бежит от явлений.
Из статьи Аксакова. ‹121›

«Новое время», № 9, 8-е марта. Заметка «Москов‹ских› в‹едо›м‹остей›» о лесоразведении (поменьше-де рвения), отвечать: напротив — больше рвения.

Пятница, 5-е марта, № 63, «Биржевые ведомости», в фельетоне Заурядный читатель про Островского.

Что лучше: добро или зло? Решение ему — человечество.

Главное. Жидовщина. Земледелие в упадке, беспорядок. Например, лесоистребление, делают сделки денежные жиды (обед с десерта). Фет: о выпахивании.[5] Признак: тогда усаживается что-нибудь твердо, когда твердо стоит земледелие. (NB. Ни того, откуда придет земледелие, с чем связано — мы не разбираем.) Тогда явятся и лучшие люди. Откуда явятся? Дворянство ли, семинаристы ли, или сами собой из землетрясения выскочат.

---

[1] ни за, ни против (*лат.*).
[2] *В рукописи ошибочно:* странно
[3] и до того неясны *вписано на полях.*
[4] «Сей лев» ∾ со Львом *вписано на полях.*
[5] Фет: о выпахивании. *вписано на полях.*

Откуда же внешний толчок придет — война.

О войне вообще.

Затем Европа и, может, об окраинах.

NB. Герцеговинцы. «Новое время» по «Москов‹ским› ведомост‹ям›», № 12. Статья Суворина о плюсовой литературе.[1]

Сыскать историю.

О святом Ниле Сорском и о *собственности. «Новое время»,* 8-е марта, № 9.

«Голос». Вторн‹ик›, 9 марта, № 69. О ловле рыбы в Ильмене (купчишки, государственное дело, как же без капиталу. О движении русских войск в Средн‹ей› Азии. Английские газеты).

В «Нов‹ом› времени» о петербургс‹ких› чиновниках (гигиена) из журн‹ала› «Здоровье».

Сход‹ить› в Академию, в маг‹азин› Овчинникова, в воспитательный дом, в подвальные этажи.[2]

Война иногда лучше *мира*: ввернуть встречу Ильи со каликою Иванищем.

(Олень, басня Езопова.)

Люди лучшие: и неужто таков закон, чтоб всегда были Иванищи — среда. Откуда возьмутся. ‹122›

Встреча с 104-летней старушкой.

(Оставь на погляденьице.)

(Пятны на солнце.)

(О паспортах, вредящих производительности в России, передовая «Москов‹ских› ведом‹остей›», № 59. Воскресенье, 7 марта, NB.) Отыскать замечание Победоносцева о паспортах (паспорт — защита).

Паспорт зависит от общины и от воли ее, а община связана лишь всего более финансовой круговой порукой.

Сохранить общину с входом и выходом свободным, по крайней мере до известного времени.

«Гражданин» от 7 марта (о переводе Библии вновь с еврейского на славянский).

О том, что Россия постоянно жила для Европы. И, уж *конечно,* реформа Петра послужила гораздо больше в пользу немцев, чем русских (см. выше).

«Новое время», № 3 («Гражд‹анин›», 7 марта) — выписки из «Молвы»: письмо крестьянина о телесном наказании. NB. Под-

---

[1] Статья ∾ литературе. *вписано на полях.*

[2] *На полях рядом с текстом:* Сход‹ить› ∾ этажи. — *помета:* Здесь.

делка. Телесное наказание розгами, по всей вероятности, прекратится не ранее как с совершенным истреблением лесов Европейской России, то есть, значит, продержится по крайней мере еще лет пятнадцать. Ибо, кажется, совершенное исчезновение деревьев последует всё же не ранее 15 лет, несмотря даже на крики газет, что нельзя стеснять, что будем с медведями.[1]

Побольше бы чувства, сердца, да действительного, а не то чтоб только в литературе.

Перечитать материал.

Старушка, 104 года.

Гадание в карты, валет.

Лизавета Кузьминична и дрезденская мадонна.

Нянюшка Алена Фроловна.

Генерал — высунул язык.

(Лизавета Смердящая.)

Илюша и Иванище.

Спиритический сеанс 13 февр‹аля›. О Фоме Неверном.

Язык в зеркале.

Если есть какие идеи на Западе, то они лишь социальные, коммунистические (новая вера, новые основания нравственные, старые отвергнуты, напрасно Н. М‹ихайловский› сердится за то, что атеисты).[2]

«Голос», № 70, среда, 10 марта, из Америки о среднеазиатском вопросе.

«Голос», № 71, 11 марта, четверг, известия о сечениях, о Купернике и проч.

Строгая статья о спиритской комиссии. ‹123›

«Новое время», № 12, 11 марта. Четверг. Литературное обозрение (бестолковщина). О плюсовых идеалах. Там же: мнение о герцеговинском вопросе всех газет («Московские ведомости»).

«Что такое лучшие люди?» и т. д. (слова, которыми начать статью) или «Вред или польза войны?» Какая дичь вопроса и т. д.

Программа peut être,[3] «Новое время», № 13, пятница 12 марта (о Восточном вопросе — смешное решение). О спиритизме и о том, что он глубже лекции Менделеева и что глубина его лежит в шатании современных людей и т. д. А не современ-

---

[1] Ибо, кажется ∾ с медведями. *вписано.*

[2] *Далее было начато:* Но есть

[3] возможная (*франц.*).

ных? Так ли это, как вы думаете? Тут искание нравственного успокоения при потере религии — и вот *где настоящая глубина.*[1] А успокоиться и не шататься не так-то скоро можно. В чем лучшее и что лучшее, вот вопрос. То же «Новое время» о плюсовых людях... Где их взять? Где хорошие люди?[2] Хорошие люди соприкасаются с идеалами. Во Франции — в «Misérables». В твердой Англии — Диккенс, идеал его слишком скромен и незамысловат. В наше время поднялись вопросы: хорошо ли хорошее-то? Хорошо ли, например, терпение и смирение Христово? Как должно устроиться равенство людей, — через любовь ли всеобщую, утопию, или через закон необходимости, самосохранения и опытов науки. Но в Евангелии же предречено: что законы самосохранения и опыты науки ничего не отыщут и не успокоят людей. Что люди успокаиваются не прогрессом ума и необходимости, а нравственным признанием[3] высшей красоты, служащей идеалом для всех, перед которой все бы распростерлись и успокоились: вот, дескать, что есть истина,[4] во имя которой все бы обнялись и пустились действовать, достигая ее (красоту). Как требовать от литературы нашей идеала положительного. С Петра народ на фербанте, а в нас самих мы резуверились. Белинского спасли будущие грезы: науки и новых оснований.[5] Я сказал, что ждать от народа, от православия. Я указал на Тургенева и проч. Но это лишь попытки, намеки. Возможнее рисовать реальные фигуры страдальцев от внутреннего недоумения. Увы, я всю жизнь писал это. Существуют, правда, типы Каратаевых, — но это лишь народ. Существует семейство, изображенное Львом Толстым. Но семейство это преходит. Что же вы подразумеваете под плюсовыми достижениями. Вы не в состоянии будете объяснить это. Потугин. *Взгляните на Потугиных,* — вам поневоле придется остановиться на литературе *Дела.* Но у них потому и талантов нет, что дело еще не разъяснено и что оно пока еще лишь *мечта.*

Свалившийся и придавивший кирпич («Бесы»).

Шатание наше от вторгшейся к нам Европы, а если уж Европа шатается, то как не шататься нам?[6] ‹124›

Кстати о спиритизме. Сеанс 13-го февраля. Отвращение от чертей. Факиры. Чудо, тайна. Масоны.

Вопрос герцеговинцев. Славяне. Византия. Православная империя. Славяне и их отношение к нам.

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Тут искание ∾ *настоящая глубина.* — *запись:* Идолище.

[2] *Далее было:* где идеалы

[3] *Далее было начато:* кра‹соты›

[4] и успокоились ∾ есть истина *вписано.*

[5] С Петра ∾ новых оснований. *вписано на полях.*

[6] Свалившийся ∾ не шататься нам? *вписано на полях.*

Война. Война вообще. Война носится в воздухе, в будущем, дети наши. Все европейские недоумения должны решиться даже в нынешнем столетии.

«Глубокая тишина царила в Европе, когда Фридрих Великий» и проч. Папа — и проч. Франция. Она не выжила. Она носит идею — коммунизм. Она была обманута христианством, утомилась и отвергла его, отвергнув завоевателей. Теперь она хочет сама решить и хочет делиться. Но делиться нельзя, то устроиться разумно, научно и человеколюбиво, любя друг друга, работая и живя друг для друга — и будучи крепки один другим. Одним словом, та же церковь, религия, храм, но без Христа. Забыли только, что всё это утопия. Не знают, хлебом ли одним.[1] Научно, без религии, — но человек не захочет отдать своих стеснений за хлеб, — возможности нет представить разрешение. Между тем начинена вся Европа. И дети наши увидят. А не пойдет ли папа. Я говорил в романе «Бесы». Тогда всё рухнет об Россию. Вот тут мы должны быть целы и выставим православие.

Потому что спиритизм отвечает огромной массе людей, как и легкомысленно верующих, так и праздных на чудеса, так и просто глубоко верующих (Прибыткова).

У нас ученые вряд ли найдут столько храбрости, чтоб подтвердить явление.

Не возрастет ли и не очистится ли наше православие в представителях и предстоятелях его в борьбе с этим учением. ‹125›

Разговоры со столом, как с интеллигентным лицом, отвратительны, ибо грубы. Человек, стыдящийся поверить будущей жизни, преклоняется перед несколькими звуками и верит!

Явление подымающихся столов — надо проверить. Любопытно тоже, почему, если это духи, они так слабы, капризны, непременно стол, при таких условиях раздражают душу и нервы.

Древняя трагедия — богослужение, а Шекспир отчаяние. Что отчаяннее Дон-Кихота. Красота Дездемоны только принесена в жертву. Жертва жизни у Гете. Но этого мало: обществу надо действительного счастья и моленья, — плюсовые ли типы Шекспира. Шекспир наших времен тоже вносил бы отчаяние. Но во времена Шекспира была еще крепка вера. Теперь же все действительно хотят счастья. Надо всем науки. Но наука еще захватила так мало людей.[2] Общество не хочет бога, потому что бог противоречит науке. Ну вот и от литературы требуют плюсового

---

[1] Забыли ∾ хлебом ли одним. *вписано на полях.*
[2] Но наука ∾ мало людей. *вписано на полях.*

последнего слова — счастья. Требуют изображения тех людей, которые счастливы и довольны воистину без бога и во имя науки[1] и прекрасны, — и тех условий, при *которых всё это может быть, то есть положительных изображений.*

Если хотите, человек должен быть глубоко несчастен, ибо тогда он будет счастлив. Если же он будет постоянно счастлив, то он тотчас же сделается глубоко несчастлив.

Афоризм Прутк‹ова›. Счастье не в счастье, а лишь в достижении.

Чувство гармонии природы, как у Гете.[2]

Математическое верование самое трудное уверяющее. Фома уверовал потому, что желал уверовать. Я не желал уверовать и не поверил. Стуки (машинкой, и одно подозрение, хотя я и никого не мог заподозрить) не действовали на мое сердце, ровно на звон под столом и поднятие и проч. (надо проверить). Но если б я желал уверовать, дело было бы иначе. Я, впрочем, не видел высших тайн. Факир не торжественность и мальчишество чудес.[3] Повесть в Париже — все смеются. Осужден мировым судьей.

Спиритизм — какая глубокая чья-то насмешка над людьми, изнывающими по утраченной истине, и тут кто-то говорит: постучите-ка в стол, и мы вам, пожалуй, ответим, что вам делать и где ваша истина. ‹126›

«Наше общество шатается». Это легко лишь сказать, но в дисгармонию его никто не хочет вникнуть. Старые писатели даже и не понимают, критики тоже. Молодой человек собирается и читает Евангелие, другой изобретает религию, проповедует нигилистам, бежит в Америку, жена[4] его слушает курсы. Всё это исключения, скажете вы? Так ли? А где же ваше неисключение-то, эти[5] жиды нажившиеся, эти присяжные поверенные? (Куперник.) Шатаются! Да ведь самая эта шатость есть чрезвычайное знамение. На чем же, вы думаете, они установятся? На науке? А где же установилось что-нибудь на науке? В Европе держатся и лепятся еще на старых отживающих началах, а другая половина людей кричит, что надо прочь эти начала, и ужасно шатается[6] и т. д. (земледелие, NB).

Дело это далеко не решено.

---

[1] без бога и во имя науки *вписано.*
[2] Если хотите ∾ как у Гете. *вписано на полях.*
[3] и мальчишество чудес *вписано на полях.*
[4] *Было:* женщина
[5] *Далее было начато:* прися‹жные›
[6] и ужасно шатается *вписано.*

Шекспир — поэт отчаяния. Где примирение.[1] Было в вере, но вера утрачена, в чем же, где этот муравейник? Не у масонов ли? Право, мне мерещилось всегда, что у них какая-то тайна, адово разумение,[2] тайна муравья. Но такая тайна равносильна обращению человека в муравья, коли дан разум. Да и человек не захочет муравьиного гнезда. Предположится наукой найденный муравейник. Потребуются лишения, условия, ограничения личности. Для чего я стану ее ограничивать. Для хлеба. Не хочу хлеба, и взбунтуется. И еще долго пройдет, когда встанет человек.[3] *Я хочу не такого общества научного,*[4] *где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам* (выписка из «Подростка», *Атеизм*). Смотри: Кайданов.

Из любви к человечеству? Кстати, в Англии вера без бога, в человечество. Но ведь это то же самое.

Слушайте: выписка из *Атеизма* не то ли самое?

Один человек, который следит за этим, рассказывал мне, что в Англии есть веры (секты) и т. д.

Выписка о воспитательности протестантизма и о встрече дона Карлоса.

NB. Словечки в синих книгах.

Дон-Кихот:

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте —

и тут вдруг Николай и Дадьян.

Тогда поездка была важным делом, тогда не было железных дорог.

Несчастливость и одна мысль об том, что он искоренит, — это ее убило задолго до железной дороги, обошедшей втрое на версту, или до откупов.

Кончить *войну* этими словами о зле. Да ведь вы проповедуете братоубийство. Может быть, нет. Это только жертва жизнию. Когда будет рай. Видите ли, рая не будет, но будет наука! Вот видите ли, я не хочу муравейника. NB. (Зло.) ‹127›

---

[1] *Далее было начато:* В
[2] *Далее было:* но такая-то
[3] И еще ∾ человек. *вписано.*
[4] научного *вписано.*

Вопрос герцеговинский, так как он стал, Россия, разумеется, не сможет разрешить без объявления войны, но к тому не пришло время.[1]

Английская секта. И верят в бога, но чтут как бывшую веру[2] человечества. Это действительно есть обоготворение и обожание человечества, удивительная любовь, я был прав. Атеизм, любовь и грусть.

«Московск‹ие› ведомости», март, 4, № 56. Передовая по поводу брошюры Чихачева, много вздору.[3]

«Московские ведомости» бесспорно самая основательная из наших политических газет,[4] говорят, что, пока Россия и Пруссия в дружбе и занимаются своим делом, не будет столкновения. Но уж одна эта постановка вопроса намекает лишь на *пока*, следственно, не отрицает худого *во времени*. Весь же вопрос в том: когда это время будет.

Восточный вопрос переменил центр тяжести, он не в Париже, не в entente cordiale[5] и даже не в Англии. Семя его перелетело вихрем обстоятельств на берлинскую ниву, и что же в том, что он глубоко еще закопан в земле: природа возьмет свое, и зерно даст росток.

В‹осточный› вопрос теперь в Берлине, да и всё теперь таится и гнездится в Берлине. Приписывают же «Москов‹ские› ведомости» даже и установление республики Бисмарку.[6]

Удайся республике установиться и дать благосостояние, и вот на нее и закричат тогда французы: зачем же, дескать, сильная республика не хочет возобновить наши потери. И вот опять[7] правительство принуждено будет объявить войну, чтоб утвердиться, именно чтоб показаться твердым и доказать, как оно твердо и сильно. Всё это произойдет по логике вещей. А коммунизм — и чтоб отвлечь общество от страху и грустных мыслей?

Эта боязнь Германии возмездия от Франции есть пока гарантия нашего мира (то есть нашего с Германией).

Мне говорили, *что Кириллов* не ясен. Я бы вам рассказал про Малькова. Недоконченные типы. Текущая жизнь, слово Гончарова. *Придавленные камнем* из «Бесов» и т. д.

---

[1] *Далее было начато:* Чту‹т›

[2] *Далее было:* в

[3] *На полях рядом с текстом:* «Московск‹ие› ведомости» ∾ вздору. — *помета:* Здесь.

[4] бесспорно ∾ газет *вписано на полях.*

[5] сердечный союз (*франц.*).

[6] В‹осточный› вопрос ∾ Бисмарку. *вписано на полях.*

[7] *Далее было начато:* всяко‹е›

Искреннее.

Маршал Себастьян. Теория превосходная, то есть что французу ни в каком случае не надо желать быть англичанином, а каждому надо быть в своем виде. К Потугину.

Война и будущие идеи Европы. Коммунизм. Падение Бисмарка. Папа. Россия — оплот — всё фантазия. Правда ли, что у нас ружей мало? Правда ли, что еще только <?> в Черном море в 3, в 4 миллиона? [1] <128>

Реальность и истинность требований коммунизма и социализма и неизбежность европейского потрясения. Но тут наука — вне Христа и с полной верой. Должны быть открыты такие точные уже научные отношения между людей и новый нравственный порядок (нет любви, есть один эгоизм, то есть борьба за существование) — науке верят твердо. Массы рвутся раньше науки и ограбят. Новое построение возьмет века. Века страшной смуты.[2] А ну как всё сведется лишь на деспотизм за кусок. Слишком много отдать духа за хлеб.

Если любить друг друга, то ведь сейчас достигнешь. Чтоб любить друг друга, нужно бороться с собой, — говорит церковь. Атеисты кричат: измена природе. Бремена тяжкие, тогда как это лишь наслаждение. А затем римская церковь прибавила: не рассуждать, слушаться, и будет муравейник. Науку приняли за бунт.

Папе стоит сказать: [3] да, друзья мои, вы братья, но если вас не хотят братья, то ведь мир нелеп. Ou la mort.[4]

Коммунизм произошел из христианства, из высокого воззрения на человека, но вместо *самовольной любви* нелюбимые берутся за палки и хотят сами отнять то, что им не дали не любившие их. В этом виновна римская церковь. Человечество хоть с отвращением повиновалось ей, но до науки. Она восстала,[5] и, когда наступило время, энциклопедисты стали проповедовать людям и всему миру, что она настала и что можно обойтись без церкви и без Христа. Тогда последовала революция, она довольствовалась очень малым, но потом социализм.

Наука в нашем веке опровергает свое в прежнем воззрении. Всякое твое желание, всякий твой грех произошли от естественности твоих неудовлетворенных потребностей, стало быть, их надо удовлетворить. Радикальное опровержение христианства и его

---

[1] *Далее на стр. 129—130 замыслы романов «Отцы и дети» и «Мечтатель» (наст. изд., т. XVII, стр. 6—8).*

[2] *Далее было начато:* Деспотизм за кусок. Всё св<едется>

[3] Папе стоит сказать *вписано.*

[4] Ou la mort. *вписано.*

[5] *Далее было начато:* а энц<иклопедисты>

нравственности. Христос-де не знал науки.[1] Непременная потребность новой нравственности (ибо единым хлебом не будет жив человек). Собственность, семья, уверяют они, держалась лишь на старой нравственности. Закон науки[2] или закон любви? Но закон науки не устоит, не стоит того хлеб. А приняв закон любви, придете к Христу же. Вот это-то и будет, может быть, второе пришествие Христово. Но пока что перенесет человечество?

Мы увлеклись и нафантазировали, но знайте, что всё это случится, или по крайней мере начнет случаться, при нас. Как падут Бисмарки. Всё застанется врасплох. Россия. Православие. Посм<отр>ите, что такое православие. Герцеговинцы — решения газет и проч.

Ждать смирения, то есть победить зло красотою моей любви и строгого образа воздержания и управления собою.

Распаль в палате. О любви к ближнему.

Все ваши проклятые вопросы верны. Смирение вовсе не сила!

Все пороки ваши лишь от обстоятельств и от среды. А потому прочь эту среду и создать новую во имя науки. Всё это правда, наука только лишь начинается. Нет бога, потому что отыскать его негде (г-н Шкляревск<ий> рука).

Заметьте, NB, тут прямо учение об уничтожении воли и уменьшении личности человеческой. Вот уж и жертва людей науке.

Наука есть дело великое, но всего человека она не удовлетворит. Человек обширнее своей науки. Это Евангелие.[3] <131>

«Новое время», № 15, «Церковно-обществ<енный> вестник» о спиритизме.

«С.-П<етербургские> ведомости» об священнической одежде.

«Голос». Воскресенье, 14 марта, № 74. *Монстрюозность сообщений.*

Политика.

Литературн<ая> критика.

И разные случаи.

«Московск<ие> ведомости», № 65 (13 марта). Передовая статья о герцеговинцах.

«Биржевые <ведомости>», № 72. Воскресенье. О Купернике.

---

[1] *Поверх текста:* всякий твой грех ∽ не знал науки — *запись:* Сам Христос велит, и еще долго пройдет, пока... Смотри.

[2] *Незачеркнутый вариант:* необходимости

[3] Распаль в палате. ∽ Это Евангелие. *вписано на полях.*

Большой разлад в спиритизме. Сомнения нет, что скоро прочтем в газетах взаимные обвинения.

Длинная рука в Париже. Желающие веровать уверуют, не желающие будут смеяться.

Поутру 15-го программу. Войну пересмотреть.

Вместо красоты людей в типах красота *правил,* и дурной человек, делающийся вдруг прекрасным в обороте жизни при наитии нормальных, естественных чувств. Это христиански — хорошо.

Если же литература обратная (дела), то, разумеется, ничего не будет, как ни старайтесь.

«Пострадать хочу!»

В *«Голосе»*, 15 марта, № 75. Хвалебный гимн целости и зрелости французской республики. Но забыли, что республика вечно будет в подозрении. И что у президента в голове (которого так чтит армия, с удовольствием замечает «Голос») ни одной политической мысли в голове, кроме j'y suis et j'y reste. Да и вечно суждено быть тому во Франции, что каждое правительство прежде всего должно заботиться о своем водворении и укоренении и, стало быть, лишь $^1/_2$ сил своих может употребить на Францию, а остальное всё на себя. Тут пример Наполеона III-го. ‹132›

«Голос», № 75. Смотр‹и› отмеченные *чертой* места. Мы наиболее сочувствуем республике, потому что сочувствуем свободе. Кто наиболее может быть свободен, так это мы. У нас нет спору о власти... Власть могла бы дать у нас все льготы... и если до сих пор что мешает тому,[1] то это без сомнения наш европеизм.

У нас настоящий свободолюбец должен быть наиболее монархичен. Вот наша сила политическая, и мы должны на нее опереться, чтобы употребить ее в дело.

Гамме. Не имея идеалов, то есть не имея добрых желаний, каким образом мы можем стать честны, — у меня же есть шанс, а вы шансу не оставляете. Надеюсь, вы на мое возражение не рассердитесь.

Гамме. Читал о Купернике прежде.[2] Читал «Голос» (о пучке фактов), читал о плюсовых. Всё о древней литературе (богослужение). О новейших, об литературе отчаяния, об общечеловеческой правде Льва Толстого. Выписка. О Дон-Кихоте. О Шекспире, *Диккенсе.* «Misérables» (единственный идеал), у Диккенса — не

---

[1] *Было:* сему

[2] прежде *вписано.*

идеал, у нас — «Отрочество», у Тургенева — «Дворянское гнездо». Романы *дела,* к сожалению, не удались. Прекрасное в идеале недостижимо по чрезвычайной силе и глубине запроса. Отдельными явлениями. Оставайтесь правдивыми. Идеал дал Христос.[1] Литература красоты одна лишь спасет. Где наши лучшие люди. Читал анекдот о Розене. Читал о факирах и принце Вельском. Читал о спиритах. Правда отношений, где критериум: была вера. Затем разные гуманные чувства — все из веры вышли. Затем неправда — правдой.[2]

Читал № «Голоса».

Много о герцеговинцах. *О войне.*

Республика. Коммуна. Всё начинено. Закон необходимости и закон Христов. Церковь протестантская, выписка — и богослужение атеистов.[3] Лучшие люди. Проклятые вопросы. А потому не может быть литературы. И потому могут писать[4] лишь литераторы, еще верующие в вековечный порядок. Шатающиеся — да, но шатание это не временное, не одно русское.

Старушка.

Значит, план тот: что и как читал: одно за другим. 16<-го>, завтра утром, *о лучших людях* и о *войне* — приискать.[5]

Читал о спиритизме, о священнических одеждах, читал о въезде дона Карлоса.

Шекспир еще при Христе, тогда разрешалось, теперь же неразрешимо и обратилось в литературу. Тревожили отчаяние, вопросы. Сам читал.[6]

Шекспир еще при Христе. Тогда разрешалось. Теперь неразрешимо и вновь выступило. Гамлет. Дон-Кихот. Проклятые вопросы (смотр<и>.) Не знают, что правда, что нет. Богослужение в Англии. У нас пишут те, которые верят (выписка о протестантах). Лучшие люди, дворянство, банки, — выступят лучшие люди откуда-то, что-то скажут, с чем-то придут. Дело, Писаревы хотели поскорее решить, но не удалось, да и мало таланту. На Западе у безмерно талантливых писателей, у Жорж Занда, тоже не удалось.

---

[1] Идеал дал Христос. *вписано.*

[2] Читал о факирах ∾ правдой. *вписано. Далее было:* Старушка.

[3] Церковь ∾ атеистов. *вписано на полях.*

[4] *Было:* пишут

[5] *На полях рядом с текстом:* Значит, план ∾ приискать. — *пометы:* Здесь. NB.

[6] Читал о спиритизме ∾ Сам читал. *вписано на полях.*

Офицера Дружинина. Вот уж подлинно идея, попавшаяся Иванищу.[1] <133>

Во Франции желание жить и коммунизм с богослужением.

Отделаться одной, так сказать, научно-экономической необходимостью, кроме задачи найти разрешение муравейника, ведь вы потребуете жертв, а согласится ли на них личность человека. Без богослужения нельзя, я богослужение, в самом широком смысле. *Атеизм и богослужение человечеству.*

Выгодой не возьмешь, надо богослужение.[2]

Куперн<ик> так, для внушения ямщику, для эффекта.

Вот вы увидите, что дело кончится пустяками, а впрочем, дело забавное.

Всякая нравственность выходит из религии, ибо религия есть только формула нравственности.

Калика Иванище судит о Христе, о нелепости того, что он заплакал, воскрешая Лазаря.

Старушка. Если этот факт рассказать художественно, то есть вдохновился бы им великий художник, то могла бы выйти прехорошенькая картинка,[3] с мыслию, с умением и даже с «проклятыми вопросами», но под обаянием картинки вы не побоитесь проклятого вопроса.

Кроме проклятых вопросов — есть наши вопросы, тоже проклятые. Наприм<ер>. Откуда к нам придут теперь лучшие люди? Дворянство ли, народ ли (Фадеев), но в народные идеалы не верят многие и не знают их, даже говорят, что лучше совсем не надо идеалов.

(Полунаука, Россия, полунаука.)

Калика Иванище есть средина, полуобразование. Калика Иванище ученый, литератор, — он пишет о чем угодно. (О Христе, заплакал, как пример решений.)

Да откуда он узнал, что *«надо немцев бить».*

О войне, нет, эта война мне не дается.

Но вот суждение о войне. В следующ<ий> раз о войне, о Европе.

---

[1] Офицера ∾ Иванищу. *вписано.*

[2] Выгодой ∾ богослужение. *вписано на полях. Далее было:* Стрелял для эффекта.

[3] *В рукописи:* картинку

Роль дворянства, Фадеев, идеал.

Иванище теперь решает, а прежде решали сильные и лучшие. Скажут, что пусть и теперь решают лучшие люди. Да так и есть, и за ними всегда окончательное слово, но Иванище многого не понимает, оттого много смуты.

Сакс, имеющий возможность знать (и по уму и по гуманности своей), во что обратится для нее этот шаг. <134>

1) Гамма.[1]

О доне Карлосе, маршал Себастьян.[2]

4) О факирах.

8) О калике Иванище (полуобразование).

5) О Купернике — 3.

6) О титуле королевы Виктории, серьезно свидетельствующем о серьезности опасений (уж мотивированный тем титул).

О спиритизме (всё) — 9+4.

Читал о пучке фактов — 5.

7) Читал о плюсовой литературе — 10.

(*Коммуна.*)

О герцеговинцах.

И о европейских делах.

Слышал и о старушонке.

11) О краже у австрийского посланника.

Кайданов.

12) Война.

13) Старушка. Иванище ли это говорил или Илья.

Пучок Езопов, Куперник, пучок фактов. О спиритизме. Калика Иванище. О войне. И закончить Европой слегка.

Москва — 3-ий Рим.

Петерсон — 5.

6-е. О войне. Герцеговинцах. Коммунизм и Европа.

Вера атеистов, протест первых <?>.

Читал-де о титуле, об одеждах священников. О краже у австрийского посла<нника>. Читал кое-что о Митрофании.

Калика Иванище и спиритизм.

Выкачивать воздух. Решение научное в противуположность нравственному: не воруй.[3]

Мне кажется, литература нашего периода кончилась. Гадательная литература утопистов (дела) ничего не скажет и не найдет талантов.

---

[1] *Далее было:* 2) В «Молве» письмо о розгах. *На полях рядом с этим текстом помета:* Читал.

[2] *Далее было:* 3) о князе Дадьяне, Митрофании, об одеждах священников.

[3] Москва — 3-ий Рим. ∾ не воруй. *вписано на полях.*

Опять на народные силы, когда народ, как мы, твердо станет (но когда это будет), он проявит своего Пушкина.

А затем что-нибудь рассказать.
Сегодня я[1] сделал довольно любопытную встречу.

Война. У нас много казенных понятий, так и о войне.

Иванище всегда любит и наклонен произвести скорее окончательное решение.

Литература *дела* — это, так сказать, аристократическая литература образования,[2] хотя и об народе, — это только[3] бредни господ и госпож о всеобщем равенстве и проч.

Подойдет ли весь человек под рассудок и под выводы науки. Захочет зло делать и сам оставить самовольно церковь атеистов.

Атеизм из «Подростка».[4]

Союз всех властей против католичества. 1-е. Война.
2) Обозрение, Мак-Магония, Гамбетта — соседи.
3) Папа. Союз всех властей против католичества.
4) Пойдет в коммунизм. Коммунизм. <135>

Происхожден<ие>. Коммунизм. От падения победителей. Демос. Религия <?>. О раздроблении собственности. Римская церковь. Коммунизм, даст ли разум нравственные законы, захочет ли человек жить без моления. Церковь атеистов. Знает ли наука натуру человека. За хлеб захочет ли отдать жертвы. Значит, всё еще теория. Правее всех утописты. У них всё же[5] закон любви. Атеизм из «Подростка». Луи Бланы и Распали — и раздраженные коммунары. Зачем у нас Михайловский. Это закон. Католическая церковь может сделать последнее блудодеяние. А между тем нужны понятия нравственности, где их взять: собственность, проклятые вопросы почти все решены антихристиански. Надежда на науку.[6]

Закон разумного соглашения и закон своеволия: то есть пусть я делаю зло.

---

[1] *Далее было начато:* встре<тил>
[2] *Далее было начато:* бредн<и>
[3] это только *вписано*
[4] *На полях рядом с текстом:* Подойдет ли ∾ из «Подростка». — *запись:* Коммунизм.
[5] У них всё же *вписано.*
[6] А между тем ∾ на науку. *вписано на полях.*

В следующем № — как у нас отразились плюсовые запросы: война.

NB. Но влияние науки в нашем веке, еще щепки.

Закон разумной необходимости есть первее всего уничтожение личности (мне же, дескать, будет хуже, если нарушу порядок. Не по любви работаю на брата моего, а потому что мне это выгодно самому).

Христианство же, напротив, наиболее провозглашает свободу личности. Не стесняет никаким математическим законом. Веруй, если хочешь, сердцем.[1]

И по христианству, и из самих слов Христа можно тоже вывесть, что любовь есть выгода, по крайней мере принимать выгоду, но делаю я всё же не для выгоды, а для любви. Не хочу *зла* и т. д.

Церкви атеистов — Луи Бланы, коммунары, правы, возмездие. Бисмарк не устоит, разобьется о Россию. Православие. То-то православие. Петерсон. Война. Старушка.

Разумная необходимость — это всё тот же хлеб (из камня).

«Москов<ские> ведомости», № 68, вторн<ик>, 16 марта. Передовая о паспортах. Статья англичанина Скайлера о русской литературе за *1875 год.*

Центр тяжести Восточного вопроса — Берлин, что в том, что Австрия, по-видимому, оставлена хозяйкой этого движения. Надобно же ее вознаградить за немецкие земли. <136>

Спиритизм. Рука в Париже. Сказка была бы забавна ввиду важнейшей психологической черты в душе человека.[2] Воскресим мертвого — и никто не верит, «фокус»! Это свойство распространяется и не на одни чудеса, а и на всякую новую, светлую идею, прежде неслыханную, — тут свирепствует *Иванище*. Как же распространяются новые веры или новые мысли? Скажут мне очень просто: всегда тут есть женщина именем Фамарь и член ареопага, не разделяющие с Иванищем — и идущие и составляющие узел и выступающие, когда переменится ветер.

Может быть, я знаю одного странного рассказчика, мечтателя, он рассказал бы.

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Закон разумной необходимости ∽ сердцем. — *помета:* 153

[2] *Далее было:* Мы

От народа же мы и ждем, а столицы по преимуществу не народ.

«Московские ведомости», № 69, середа, 17 марта. О герцеговинском вопросе, о мнении «Русского мира» о военных гимназиях и о петербургских газетах.

Захочет ли Европа делить Турцию. Ведь нет. След‹овательно›, придется герцеговинцам покориться. Я не говорю, что это хорошо (напротив, ужасно дурно для герцеговинцев). Я только говорю, что так будет. Во всяком случае центр тяжести этого вопроса в Берлине,[1] да и всех вопросов, кажется.

То-то и есть, что Иванищи-то, кажется, и управляют, а не Ильи Муромцы.

Буржуа, Бисмарк, и никто-то не понимает друг друга, и нам-то проповедуют мир, надолго мир в Европе, и нет, дескать, никаких мотивов, чтоб он нарушился.

NB. Церковь атеистов после спиритизма. Спиритизм же заключить словами, что мистическая потребность — сила. С ней, господа, нужно считаться — и тут об английской церкви, потребн‹ость› молиться.[2]

Что ж такое, что воры остаются.
Пусть лучше воры остаются, только чтоб они не крали.[3] ‹137›

Богородице.
Кроткой молельщице за людей. «Скорой заступнице и помощнице». Дон Карлос — что за фигура. Вот единица.

Война. Мнение «Московск‹их› вед‹омостей›» и «Русск‹ого› мира».
Военный и штатский.
Война лучше.

Математическим доказательствам трудно верить.

Жертвовать, молиться и обожать.

В нашем обществе мало поэзии, мало пищи духовной. Кстати, мне хочется сказать несколько слов о наших поэтах и открыть отдел в «Дневнике»...

---

[1] *Далее было начато:* а не где-ниб‹удь›
[2] *На полях рядом с текстом:* NB. Церковь атеистов ∾ молиться. — *помета:* Здесь.
[3] *Далее было:* (‹*нрзб.*› Очески ‹?›)

№ 21. «*Новое время*», 20 марта. Опять за истребление лесов. Дразнят «Голос» за статью Ев. Маркова. Да неужели истребление лесов такое либеральное дело.

Наука — теория. Знает ли наука природу человеческую? Условия невозможности делать зло — искореняют ли зло и злодеев? И не явится ли голос, который скажет, хочу иметь возможность делать зло, но. . . и т. д.

Константинополь православен, а что православное, то русское.

Тут Рим восторжествовал, тут восторжествовал Julian Отступник.

Проклятые вопросы. Всё это будет, конечно, гораздо деликатнее высказано (папой), но сущность останется та же.

Окончательный состав мартовск<ого> номера.

21) Коммунизм. Папа, Бисмарк, *зло*. Россия — готова ли будет.

22) Дон Карлос. Въезд. Сир Лауренс. Английский народ. Протестантизм, выписка. Атеистическая церковь. *Моление*. Атеизм из «Подростка».

23) Боборыкин о Потугине. Прием коварный.

24, 25, 26<-го>: читал (кратко). Австрийск<ий> посланник. Война. <138>

Читал преедкую статью о тайносоветническом направлении умов в высшей России.

После АТЕИЗМА Версилова, любовь и грусть.[1]

Нет, бога слишком трудно искоренить. Моление и жертва. Преклониться. Об этом, кажется, не знает-таки наука. Нет, если что устроится, то, может быть, слишком не похожее на идеи теперешних коммунаров, да и жрецов науки.[2] Да и дай бог.

Католики — пойдут в народ.

Их бы не следовало раздражать Бисмарку.

Граф Шамбор, капельку смешнее,[3] но не карикатурное смешное, а почтенное смешное, как в Дон-Кихоте.

Дону Карлосу. Тогда к нему власти засылали узнать косвенно, что бы он сказал, если б впустить его в Мадрид, и не даст ли какой-нибудь программы. Но он надменно отклонил всякую мысль

---

[1] *На полях рядом с текстом:* После ∾ грусть. — *помета:* Здесь.

[2] да и жрецов науки. *вписано.*

[3] капельку смешнее *вписано.*

о переговорах, даже не признавая в засылавших[1] воюющей стороны и именуя их сплошь революцией. Сжато, полусловом, но, однако ж, ясно, он дал знать, что «король сам знает, что ему надо тогда делать», и больше ничего не сказал.[2] От него тотчас, разумеется, отстали, а вскорости позвали короля Альфонса. Затем он стал расстреливать своих генералов, и, надо отдать справедливость, были до последнего верны ему.

Англичанин выслушал его важно[3] и, нисколько не тронутый, тотчас ответил.

Война. Конечно, всё это либерально, но вряд ли так, не спокойно ли больше, чем *либерально*?

Конечно, изворотливая робость может быть либеральна, то есть, главное, на поле же сражения. К чему, дескать,[4] я буду истреблять моего ближнего, и не лучше ли расковать мечи на орала, и прогрессивнейше[5] сдастся али удерет с поля битвы, но зато[6] присвоение чужой собственности даже, может быть, уж и не либерально, может быть, даже и не так либерально.[7] А впрочем, трудно решить.[8]

Мысль прогрессивная и либеральная, ... но на поле битвы это было бы уж слишком изворотливо. А офицера может навести на мысль, что искушали... Вдруг придет в голову офицеру после такой либеральной в вашем роде мысли.[9]

Так что Восточный-то вопрос, то есть вопрос об объединении православия (и более ничего), нам бы никому сдавать не следовало. ‹139›

(Вопросы религиозные в Англии были всегда и постоянно самым важным делом, к величайшему удивлению всех цивилизованных русских.)

Он сумел подхватить его смертельную черту, его законченность на земле, по которой он повинен смерти. Этот Доббель, кажется, не имеет здравого понятия о православии, а судит о нем так, как они судят, например, о России. Но какова же духовная нищета, когда, признав безобразие протестантизма, он хочет его поддерживать за *его воспитательность*, в сущности истинно за то, за отворенные настежь ворота и за страшную его незаконченность. Всё это объясняется взглядами и чувствами настоящего западного человека, ставящего на первый план[10] утилитаризм веры, нечто как бы похожее на тех государственных людей, атеистов всех стран и народов, выговаривающих премудрые изречения

---

[1] в засылавших *вписано на полях.*
[2] *Вместо:* и больше ничего не сказал — *было:* и только
[3] *Было:* хладнокровно
[4] *Далее было начато:* ист‹реблять›
[5] *Далее было начато:* уд‹рать›
[6] зато *вписано.*
[7] может быть, даже ∾ либерально. *вписано.*
[8] *Было:* и тут сказать
[9] Мысль прогрессивная ∾ в вашем роде мысли. *вписано.*
[10] *Над строкой запись:* Налоги на первом плане

вроде таких, что бога нет и вера вздор, конечно, но религия нужна для черного народа, потому что без нее его не сдержать. Оставив всякий вопрос о религии, — какая, однако же, неискренность лежит в основах того общества,[1] какое отчаяние в правильное развитие людей, когда возможны такие фразы[2] государств‹енных› людей-атеистов и такие *откровенные* статьи об утилитаризме протестантизма (Доббель), который глуп и дик, но который надо *поддерживать,* потому что, что же станется без того с человеком и с обществом. Это одна из форм.[3] Неприлично мудрецу препираться с юношей.

В самом деле, здорово ли то общество, где такие суждения. И искренни или глубоко неискренни такие убеждения, как о протестантизме. Сидней Доббель. Кто он тут? Обманывал прежде всего себя разумеется, стало быть, он искренен, но всё это граничит как бы с каким-то отчаянием.[4]

(Я нарочно беру самое характерно-твердое, Англию) есть глубоко-искренние и нравственные ‹?› вещи.[5] Вот что мне рассказывал человек компетентный и следящий об одной секте в Англии.

Какое отчаяние, какие похороны человечества, какое нездоровое ощущение, но потребность, потребность моления, преклонения: слез, жертв, служения. И это вполне, по-видимому, крепко созрело в Европе те‹пе›рь. Нет, состояние Европы страшное, и какой мир впереди.[6]

Повторяю, весь вопрос праздных людей в том, что всё это далеко, а пока живи, пей, ешь и веселись и не думай об душе, так рассуждают и католик, и революционер.

Купец и ригорист ‹?›

Нет, те, коим принадлежит высокая забота о человечестве и о его будущем, тем принадлежит власть, кто бы они ни были, а от других отымать. Но этого не хотят знать в Европе.[7]

Атеизм. По поводу церкви, истинном.[8]

Коммунизм,[9] папа, дон Карлос и Англия, но гостепр‹иимная›,[10] дающая убежище после крови и резни и на которую логично рассчитывал дон Карлос, отвергавший всякие переговоры со своими противниками, — всё это доживает век свой.

Шамбор. Инквизиция. Фронд‹ирующие› друзья.

Генералов расстрелял. Мадридское правительство. В манифесте его богородице, уехал, обещал воротиться.

Въезд его был весьма характерен.

---

[1] *Далее было:* в котором
[2] *Было:* вопросы
[3] Это одна из форм. *вписано.*
[4] *Далее было начато:* И, однако, в том же европейском обществе сам
[5] *Было:* глубоко-наивные и искренние вещи
[6] И это ∾ мир впереди. *вписано.*
[7] Повторяю ∾ в Европе. *вписано на полях.*
[8] По поводу церкви, истинном. *вписано на полях.*
[9] *Далее было:* Англия
[10] но гостепр‹иимная› *вписано.*

Себастьян.
Всё это так и теперь <140>

Состав апрельского номера.
Чурила.
Сборник казанский.
Иванище.
Спиритизм.
Мечтатель.
Герцеговинцы (1) и Вост<очный> вопрос.
Смотри *лист простой* бумаги.

Где лучшие люди. Юрий Самарин, не спавший ночь от статьи Васильчикова. «*Новое время*», № 24, вторник, 23 марта, взамен того полные робкой изворотливости жидишки и купчишки, фадеевские дворяне без чести и совести, сосущие Россию.[1]

Война.

Заметьте, что мы их бесспорно станем наконец сами презирать за их бедность, несмотря на то что сами виновны в их бедности, по жестокости и подлости нашей, которая несомненно умножится в мирное время.

Сластолюбие вызывает сладострастие, сладострастие — жестокость.

Война. Да и какая комическая мысль, если б было государство с разоружением и проч., где армия мечтала бы о «мечи на орала», где начальство мечтало бы о разоружении и проч., неужели это либерально.

Вы скажете, что и кроме войны есть много великих идей для воспитания и испытания человеческого. Правда, но когда еще они дойдут и не затемнятся ли, напротив, в мирной жизни с капитализацией, бесчестием, подлостью. Тогда как тут они неминуемы сами собой. Жизнь высшего общества, обособление давнишнее, и, кажется, знают о России даже менее, чем знают о ней иностранцы и лорд Редсток.

У нас, кстати, лорд Редсток. Обратил. Где бедные? (Мечутся.) Капля в море, капля отравы. Уничтожают данный церковью образ и ищут своего. Христос в кармане. Секты трясучек, Миллениума или всемирной и древнейшей секты хлыстов.[2] Похоже на спиритов. Но у Редстока не вертят и не пророчествуют.[3] Грубость развития общества, в некоторых из этих сект завелись чрезвычайно грубые мысли.[4] А если так, так и новая группа. Правда

---

[1] Где лучшие люди. ∾ сосущие Россию. *вписано.*
[2] или всемирной ∾ хлыстов. *вписано.*
[3] Но у Редстока не вертят и не пророчествуют. *вписано.*
[4] в некоторых ∾ мысли. *вписано.*

ли, что он хочет ехать в Москву. А чем он кончит: оснует какую-нибудь хлыстовщину. Не смейтесь и не презирайте: хлысты глубоки, глубже, чем известные, праздным умом принесенные законы о благодати. Мы надеемся, что наше духовенство на этот раз не будет поддерживать молельню еретика. Может быть, вся сила его обаяния в том, что он лорд и проповедует не «хлопску веру», как называли нашу веру магнаты Западного края, когда за нее в прошлом и запрошлом столетии мучили народ, а барскую, «чистую». Замечательно, что вся наша печать как бы игнорирует лорда Редстока, подымать такие факты кажется ей или мелочным, или почему-то нелиберальным.[1]

Юрий Самарин. Кто же остался? Консервировать нечего. Многие поражены: ищут бедных, чтоб помогать им, хотят раздать имущество. Так и должно быть, так всегда бывает в начале всякой гуманной силы.[2]

Чернышев.[3] Появляются молодые люди с чрезвычайно странными особенностями. Они входят к вам и просят, чтоб их выслушали, пишут письма, присылают статьи. Я бы мог привести несколько примеров. Странно то, что многие как откуда-то с неба упали. Казалось бы, общее либеральное направление должно бы было всё обобщить. Напротив, начинают толковать совсем об другом.[4]

Не наступает ли неожиданное поколение, отвергающее отцов, смеявших‹ся› над духовным развитием и не имевших сами никакого. Во всяком случае всё это рознь.

А коли так, вот все-то, которые заботятся о будущем, о целом, о всех, и вырвут власть и получают обаяние. Вспомните, что я говорил выше о социалистах.

Ничто не смущает эти‹х› обособлен‹ных›, ничто не сближает их. Они факт‹ически› стоят рядом друг с другом, и каждый ничего, кроме самого себя, знать не хочет и не видит на свете. Грустно, хотя оптимизм бросившейся в народ молодежи не даст ли противоположные плоды? Я выставляю *лишь* факт.

А впрочем, всё это могут быть лишь единичные явления, но почему не принять к сведению. Об этом, *может быть, еще и поговорим.*[5] ‹141›

Утилитаризм мнений. Да, пожалуй, и утилитаризм. Мы очень торопились и очень мало жили практически и стыдимся многих самых естественных вещей, потому что они не подходят под теорию.

---

[1] Замечательно ∾ нелиберальным. *вписано.*

[2] Многие поражены ∾ гуманной силы. *вписано.*

[3] *Над словом:* Чернышев. — *помета:* Здесь.

[4] *Далее было начато:* Неожи‹данное›

[5] Ничто не смущает ∾ *поговорим. вписано на полях.*

Вопр<ос>. О нов<остях?> д<ня?>. В наш век война, кроме междоусобной, лучше вечного мира. По крайней мере, более[1] полезна, чем вредна.[2]

«Голос», четверг, № 85, 25 марта. Отчет назначенной над спиритизмом комиссии.

Отчет медиумич<еской> комиссии: надобно воздерживаться от неумеренного употребления литературных красот.

Являются молодые люди, отпор, идея, вытащенная на улицу.[3]

Рядом с ужасами о идущих в народ несомненно замечается явление совершенно обратное и противоположное — бессердечности, сухости и глумления.[4]

Своих отцов мелких — безбожников или баловных хапуг и тиранов, фанфаронов,[5] право на бесчестье.

О, я всегда предчувствовал,[6] что им противны станут отцы их.

Кстати, я как нарочно читал весь месяц ужасно много странного. Читал об обществе добродетели, читал о Купернике и долго ломал голову, как разрешить этот психологический случай, и, кажется, разрешил его, но об этом несколько не стоит говорить, читал о герцеговинск<ом> вопросе. Читал, как у австр<ийского посланника>, читал, наконец, в «Русском мире». Читал отчет о спиритизме.[7]

Всё это одного безумия люди.

Положительно заверяю «Новое время», что таких людей еще много и даже в наше время еще, может быть, увеличилось.[8] Но не в том дело, что они есть, а в том, как они судят, а с Юрием Самариным мы лишились твердого и глубокого мыслителя, и вот в чем утрата.

Они смеялись над верой своего народа, считая себя за народ.

Ирония и слезы.

К тому же ведь она скажет же ему и знает, что скажет: «Я

---

[1] *Было:* настолько же полезна, как и

[2] *На полях рядом с текстом:* Утилитаризм мнений. ∾ вредна. — *пометы:* Война. 100.

[3] *На полях рядом с текстом:* Являются ∾ на улицу. — *помета:* Здесь.

[4] бессердечности, сухости и глумления. *вписано на полях.*

[5] *Над словом:* фанфаронов — *запись:* Либерализм возн<ик>

[6] *Было:* надеял<ся>

[7] Читал отчет о спиритизме. *вписано на полях.*

[8] Положительно ∾ увеличилось. *вписано.*

вас люблю, к чему лукавить», так ведь за это он должен же заплатить, женщина не отдается без жестокости.

Во всей нашей молодежи страшное брожение, начиная с подростков, и в самых различных смыслах. Куда это доведет. Разрушаются семейные гнезда самими отцами, и ничего другого не могло выйти.

А так как молодежь чиста, светла и великодушна, то и не[1] ‹142› может она[2] так прямо начать жизнь с цинизма и разврата, а, напротив, начинает с жертвы, с отпора, с великодушных стремлений, и не виновата же она в том, что в стремлениях этих не видно ни толку, ни связи, ни конца, ни начала...

Много ли было страдавших *душою Белинских*?

Я много читал газет.

Это глумление с цинизмом и насмешкой не могло не произвести отпора. Мне кажется, так и должно было быть.

Странно ничего не сказать, например, о герцеговинцах.[3]

Мысль самая великодушная и либеральная, но не знаю, хороша ли[4] в самом пылу сражения, ибо после такой мысли остается лишь повернуться и препрогрессивно удрать с поля битвы.

Но нехорошо, если наши офицеры провозгласят и на поле битвы, даже и ни в каком случае не может быть либерально.[5]

Да и никогда не простит нам Европа нашего европеизма, не хочет она нас совсем. ‹143›

В апрельск‹ом› №. Непогрешимость папы и русск‹ие› насильствен‹ные› общин‹ы›. Ю. Самарин. *Высшее* единение людей, чем бы мы отличались от Европы.

Славянский комитет и его цель. Герцеговин‹а›.

Война.

Просители — молодые люди, передающие друг другу, где им дали, валеты, шантажники, Павлуша, юнкерские училища и т. д.

Чурила.

Казанский сборник.

Иванище.

Спиритизм.

Мечтатель.

Воспитательн‹ый› дом или что-нибудь сенсационное.

---

[1] *На полях рядом с текстом:* Во всей ∾ то и не — *помета:* Здесь.

[2] *Далее было:* кроме разве великосветской. *Над строкой запись:* но здравомыслящим

[3] *Далее было:* Презрительный и высокомерный тон отчета нехорош

[4] *Далее было:* на поле битвы

[5] Но нехорошо ∾ не может быть либерально. *вписано на полях.*

Авсеенко.

Будущая архитектура домов, нет дров и проч. Уничтожение личности, переход в стадность. Коммунизм.

Что такое собственность?

Старая дева.

Подполье.[1]

АВСЕЕНКЕ

1. Вам хотелось только напасть на меня (клика).

Нападали прошлый год, извращали рассказ о повешенной.

Не было ума в литературе до Писемского.

2. Но ведь вздыхал же Белинский о том, что Татьяна не дала Онегину, вздыхаете же вы, что народ перенес крепостное право с таким глубоким терпением, не отстранился и не проклял царя.

Я бы не отвечал, но извращение моих слов про народ я не могу простить.

Главное потому, что в «Русский вестник».

. . .и потом напыщенно учит меня: почему мы должны надеяться ‹на› народ?

Да ведь это вы у меня же взяли.

О погружении в народ собственных пустых сосудов.

У кого на голове пустой сосуд. ‹144›

Далее Авсеенко говорит: дело в том, что до сих пор народ не дал нам идеала деятельной личности.

Как? И это после слов ваших (см. отметку — стр. 370).

Так вы только видите кулаков и мироедов?

Если б не было пустого сосуда, я бы вам сказал, что вы бесстыдник.

Я не хочу унижаться ни до одного ругательного слова, но «Русскому вестнику» стыдно бы было писать, в приложении ко мне, о пустопорожних сосудах («Преступл‹ени›е и наказан‹ие›» и проч.).

Я полагал бы, что обо мне можно бы выразиться иначе.

Русская деятельность пассивна. Но до реформы Петра окраины были крепче, колонизация сильнее.

Путаница понятий наших об добре и зле (цивилизованных людей) превосходит всякое вероятие.

---

[1] Что такое ∾ Подполье. *вписано на полях.*

Разве «Русскому вестнику» не приходилось бороться. Да в 63-м году решение о пользе? Или нигилятина.

Есть совершенно святые, частные ли это случаи (няня Алена Фроловна) или общего свойства всему народу?

Вы с народом не встречались.

Вы всё говорите про веру, считая ее ни во что. *Да* это всё.

Пьянство, распутство, неудержимость, но рядом с этим другие факты, не как исключения, а *как общее правило,* — вот где главное. Взгляд на преступление (народный) и проч.

Народ. Он развратен, но взгляд его не замутился, и когда надо бывает решить: что лучше? его ли развратные поступки или то, что есть правда народная (то есть выработанные понятия о добре и зле), то народ не отдает своей правды. О, есть понятия, выработанные и ошибочно, но до первого столкновения (большого) с действительностью. (NB. Так, например, неурядица *1612 года* кончилась же нижегородским решением.) Я беру это лишь как бы для аналогии.

«Народ спас государство?» Неужто пассивно? Нет, тут надо деятельности, ведь он был связан. И пружина только отпор дает.

Тогда и политические наши вопросы понимались, может быть, лучше, чем теперь (герцеговинцы, Восточный). Петр нового ничего не сказал в русской политике. Напротив, после Петра был дурной перерыв русской политики. Затем Екатерина, а затем хоть бы к окраинам России. ‹145›

Вы недостойны говорить о народе, — вы в нем ничего не понимаете. Вы не жили с ним, а я с ним жил. Ваши понятия о культуре не превышают перчаток и карет.

«Окраины России». Высший смысл этой книги совпадает с древним пониманием народа о своем значении. 3-й Рим — Москва, а 4-го не будет.

Я за роман («Подросток») не в претензии. В «Русском вестнике», конечно, могли не читать, не знать моего романа.

Что мы несем из Европы? Пред чем народ должен бы был преклониться?[1] Нет, отнюдь не нравственные начала, пред которыми надо преклониться, а, во-первых и главное, образован-

---

[1] Пред чем ∾ преклониться? *вписано.*

ность, расширение горизонта, умножившееся и усиленное пониманием своей идеи через сопоставления с западноевропейским миром, историческое понимание древнего мира, потребность порядка. Само собою разумеется, что обладают всем этим [1] из наших западников не вы, г-да Авсеенки, и не *только образованность несем*. Склад же жизни европейской и порядок ее современный нам никак нельзя *копировать*, как требует Потугин (буржуа и разложение Европы). А нравственные начала наши тоже нельзя отдать. Знакомство с древними идеалами и с новейшими вы несете народу через образованность,[2] через расширение горизонта, и найдутся пути новые к новому нашему будущему складу и порядку. В чем эти новые задачи? В всеслужении человечеству.[3] Мы несем образованность [4] во всей широте этого слова, и вот всё, что мы принесли. И это немало. Это толчок к всемирному значению России.

Нравственные же вещи Европы нельзя копировать; мстительность, возмездие, жестокость, честь рыцарская — всё это очень плохо. Вера их хуже нашей. Гуманность же, которую вы столь цените, без сомнения ниже нашей (взгляд народа на преступника, прощение и забвение обид, широкое понимание исторической [5] необходимости — это у нас лучше, чем на Западе). Бунт парижан 93 года — это не гуманность. Гуманные начала даны в нашей вере, и эти [6] наши начала лучше. Если есть скверность, то есть и святое рядом. Вот почему надо удивляться и перед чем надо благоговеть, что народ это вынес. Если же народ развратен, то потому, что он был прикреплен, лишен самодеятельности, был податною единицею.

Вы утверждаете, что чуть народ проявит деятельность, то сейчас он кулак. Это бесстыдно. Это неправда.[7] Няня, переход через Волгу в «Семейной хронике» и сто миллионов других фактов, деятельность самоотвержения, великодушия. Множество множеств. Что вы в вашем Петербурге видели, *кроме перчаток*.

Восприятие всемирной древней культуры латинской и древнегреческой, но и только.

Если у Victor'a Hugo понимание мирской необходимости [8] ‹146›

---

[1] *Над строкой начато:* воссоеди‹нение?›
[2] *Было:* нельзя отдать, но через образованность
[3] В чем эти ∾ человечеству. *вписано на полях.*
[4] *Далее было начато:* и во
[5] исторической *вписано.*
[6] и эти *вписано.*
[7] Это неправда. *вписано на полях.*
[8] Восприятие всемирной ∾ мирской необходимости *не закончено, вписано на полях.*

Спросят: откуда видно такое значение России? Конечно *из православия*, потому что православие именно это повелевает и к тому ведет: «Будь на деле братом и будь всем слуга». Как Франция была державой христианнейшей и католической, так Россия всегда православною. Православие — штундизм пусть! Нам именно надо заявить себя связанными государственно с православием. Это всё, что мы имеем.[1]

Образованность уже была нам полезна тем, что, как мы нп оторваны от народа, а например, в политической идее понимают нашу служебную роль Европе, то есть человечеству. Весь вопрос в том: поймем ли мы вполне *пути к тому*. В мартовском дневнике я высказал[2] опасения, что мы понесем кровь и железо.

Понимал ту драгоценность. Это был‹о› правосл‹авие›, чистая истина вне истин‹ы› просв‹ещения›.[3]

Древняя Россия была деятельна политически, окраина, но она в *замкнутости своей готовилась быть не права*, обособиться от человечества, а через реформу Петра мы само собою сознали всемирное значение наше.[4] Гораздо расширились, и это вовсе не от соприкосн‹овения› с европейск‹им›. Сила была в свойствах русск‹их›. Это же от цивилизации, а не от народа? А я отвечу, что если б не было такого народа, как русский, то ни от какой реформы мы бы не расширились, а стали бы англичанами, немцами. А теперь мы расширились, и неужели реформа вышла случайно. Нет, из народных же начал. Но если мы теперь расширились, то еще с начала нынешнего столетия чувствовалось слишком мелочное приложение сил, то есть один культурный слой действовал, а теперь расчеты разбиты, и народ непременно войдет как деятельное лицо. Подождите поколение и увидите, сколько привнесет народ в нашу деятельность.

Разврат есть неправдивость поступков сознательная, грязь в семействе.

Бесспорно глупейшего из писателей.

Лаврецкий есть фигура русская. Пьер там и хорош, где черты русские, — князь Болконский тоже.

Рыцарские понятия о чести, — но они не всегда христианские, понятия о законе, — но много слишком кары, узость взгляда. Понятие о государстве? У нас высшее. Деловитость? У нас умели делать дело. У нас перестали уметь с Петра, но только на культурный период, когда высший слой учился, а народ был закреплен в невежестве.

---

[1] Спросят: откуда ∾ мы имеем. *вписано.*
[2] *Было начато:* говори‹л›
[3] Понимал∾просв‹ещения›. *вписано.*
[4] *Далее было:* Скажут, так ведь то от цивилизации, а не от народа?

В древнем мире нашем деловитость была, — но тощие средства, малая густота населения, отчужденность от мира других народов (бывшая причиною предрассудков). Замкнутость России, из которой рвалась она, — но умели окраины блюсти и соблюсти государство, единство, торговлю, колонизацию. Но с реформой деятельность народная прекратилась через наложенную опеку и заменилась на 200 лет деятельностью государственною. Тут много было плачевного. ‹147›

Но реформа не вела *к подражанию* и к копированию. Великий Петр уверен был, что мы *превзойдем*. Нужна была образованность, состоящая в знании миров других народов, в сообщении с ними, в служении им, в знании древнего мира, раздвинута безмерно идея политическая. Не выдумана новая, ибо у нас уже была, какой и не выдумать, а лишь раздвинута.

Мы принесем народу необходимость образования sine qua non.

Народ наш не пассивен. Он терпел не как скот. В деле раскола он не поддался же. Но раскольники же слуги царя. Он не хотел разрывать государства бунтом против помещиков. Что из того, что он сделал это, не решая на сходках. Чувство было пока в народе.

Что же культурного-то, по-вашему, мы принесли народу: перчатки, кареты.

Кроме образования, науку, которая там выработалась раньше, всем *миром* Европы, и на которую так польстился Петр. (Зато у нас государственное единство.) У немцев-то без земли, а у нас-то с землею. Что же, неужели мы это сделали пассивно? Нет, скажете вы, мы сделали это по-европейски. Если б по-европейски, мы бы не отдали без боя, мы сделали по-русски, сознав себя русскими. Вот почему я и говорю: воротились русскими. В этом и надежда. А не на кареты и на перчатки.

Я вам не говорю о православии ничего (хотя это всё), хоть в сравнении с католичеством, выработавшим иезуитство, и с кваканием протестантизма, но государство, но освобождение народа с землею.

Созидается общество началами нравственными. В нравственных началах вы ничего народу не принесете лучшего, ибо у него православие, а у вас ничего. Он не знает привилегий.[1] Одну науку? Но наука не созидает одна общества (социализм).

Гуманность. Это нам из Европы-то нужна была гуманность? Она нужна была для таких, как все вы, нанимавших швейцаров и читавших Руссо, нужно для всех оторвавшихся, а народу не надо. Он прощал. Прочли бы Андрея Критского, и довольно.

---

[1] ибо у него ∾ привилегий. *вписано.*

(Восточный вопрос.)

Наше назначение быть другом народов. Служить им, тем самым мы наиболее русские. Все души народов совокупить себе. Несем православие Европе, — православие еще встретится с социалистами. Но не об том хочу теперь говорить. Всё это еще спорно и требует разъяснения, — а что бесспорно — это значение наше быть другом народов, другом людей, другом ума человеческого. Зачем преследовать штундистов?

Природа дала нам страшные силы у себя дома и слабость на нападение.[1] ‹148›

Есть грязь, но[2] народ не одобряет свое злое, а мы злое считаем за доброе. Может быть, есть вещи дурные, за которые он стоит миром. Но это лишь предрассудки.

Высшая нравственная идея, выработавшаяся[3] всей жизнью Запада, есть грядущий социализм и его идеалы, и об этом нет возможности спорить. Но христианская правда, сохранившаяся в православии, выше социализма.[4] Тут-то мы и встретимся с Европой... то есть разрешится вопрос: Христом спасется ли мир или совершенно противоположным началом, то есть уничтожением воли, камнем в хлебы.[5]

Ведь это всё Белинский же писал, тот самый, которого вы, Авсеенко, еще так недавно унижали. Но у Белинского была правда и его заблуждение, а у вас и правда выходит заблуждением.

— Потому что вы ничего не понимаете.

— А если не понимаю, как же вы так много говорите со мной.

— Да я и не с вами совсем[6] говорю. Хоть и обращаюсь к вам, а не с вами говорю.

Исказили сюжет.

Честно ли это литератору?

Вот почему я и не могу сопоставить себя с вами и вам ответить.

А чтоб судить об уме-то, о Пушкине не было мысли.

Теперь он пишет (в смешном виде и кратко).

А ответ «Р‹усскому› в‹естни›ку» и недоумение же в публике.

---

[1] (Восточный вопрос.) ∾ на нападение. *вписано на полях.*

[2] Есть грязь, но *вписано.*

[3] *Было:* оставшаяся на За‹паде›

[4] социализма *вписано.*

[5] то есть разрешится ∾ в хлебы. *вписано. На полях рядом с текстом:* Высшая нравственная идея ∾ в хлебы. — *помета:* Здесь.

[6] совсем *вписано.*

Белинский о Татьяне.

Крестовский о чести.

Крепостные о ненависти к господам.

Где в Европе-то это хорошее. (Картина.) Victor Hugo. «Misérables».

Гнусности спиритизма.

Неискренность в общественных сходках. (Страхов у меня на вечере), у князя Одоевского, «Анна Каренина» Льва Толстого и проч.[1]

Народ преклонится перед правдой (хоть и развратен) и не выставит никакого спору, а культура выставит спор и тем заявит, что культура его есть только порча.

Культура в народе загадка, и во всяком случае они не будут похожи на окультуренного г-на Авсеенку,[2] довольно и одного такого.

Романист перчаток, карет и лакеев.

Он же крадет у меня.

Но как понимают? видно, что краденое.

(Выписка противуречия.)

Нам нечего приносить. Татьяна.

Вы сходитесь с Белинским, которого вы позорите.

Но знайте, что Белинский прав, когда и виноват, — нужно иметь ум.

А у вас лишь та самонадеянность, которая всегда свидетельствует о ту‹пости?› ваших способностей. ‹149›

О казанском сборнике «Новое время», 8 апреля, № 38. ‹150› [3]

3-й №, мартовский.

Литература

Провинциальная печать и что-нибудь трущобное.[4] ‹176›

Идея воспитания для нашего общества.

Но мы сами для нее не созрели.

Хвалимся быть европейцами.

Славяне боятся нас.

Дорастим православие и свободу народностей.

Греки — архипелаг.[5]

---

[1] Где в Европе-то ∾ Льва Толстого и проч. *вписано на полях.*

[2] *Незачеркнутый вариант:* на культурного г-на Авсеенку. *Далее было:* такого

[3] *Далее на стр. 151—164 записи расходов.*

[4] и что-нибудь трущобное. *вписано.*

[5] *Далее записи расходов и долгов.*

О купцах в Пассаже.

№ в

Об заграничной корреспонденции.

Об отсылке газетам провинциальн<ым>. <186>

Честным человеком быть всего выгоднее.

Жиды, явится пресса, а не литература.

Спирит. Несуществующий факт (с платком) важнее всего, что вы можете сказать, все вы вместе. <187>

<ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1876—1877 гг. (*ЗТ*$_2$)>

8 апреля 1876 г. Четверг.

8-е апреля. Барон Родич, очень может быть, сказал вождям о нашей политической несостоятельности безо всякой злобы, а совсем наивно, искренно веруя в истину своих слов. В самом деле (должен был он думать) — ведь Берлин нас русским никогда не даст; если Берлин нас и проглотит, то доест лишь наши немецкие земли да, пожалуй, слишком уж цивилизованных славян-чехов, которые могут впоследствии превратиться в немцев. Нам же за это отдаст турецких славян. Одним словом, уж конечно, Берлин теперь — владыка Восточ<ного> вопроса, а не кто другой, а Россия пусть занимается Средней Азией, и Берлин ее в том поощряет. О, конечно, Константинополь Берлин нам не отдаст, но ведь это еще, во-1-х, далекое дело, а во-2-х, мы и сами, пожалуй, впоследствии как-нибудь возьмем Константинополь. Ну а Россию надобно <4> ограничить, и, кроме того, России нас Берлин никогда не выдаст, вот в чем весь пункт. А коли так, то, стало быть, Россия и не может воевать ни с нами, ни с Турцией за славян, а стало быть, я и прав, что так сказал. Пусть русские обижаются, это ничего. Погорячатся и привыкнут. Главное, их надо отучить от Восточного вопроса строгостью. Таким образом, соглашение великих восточных держав уже к тому одному полезно, что им совершенно уничтожается Восточный вопрос и становится берлинским вопросом. К тому же у России, как говорят, и средств нет вести вопрос иначе, у ней мало ружей, у ней много еще неустроенного, так что она ни в каком случае горячиться не может, а коли так, то почему же мне было не высказать вождям того, что я высказал? <5>

Авсеенке.[1] Ну, а вы-то, культурные-то вы люди, укоряющие народ, хороши вы во всем?

---

[1] *Авсеенке вписано на полях*

О Потугине (не забыть).

И о том, что писатели народны (Тургенев, Гончаров) и проч.

Милорд Георг, — и который лет 50 с лишком *составлял отраду* русских лакеев.

«Голос», № 103. На «Московские ведомости». Письмо Офросимова на жалобу Рюмина о безбожии школ.

Лучшие люди.[1] Где наши лучшие люди? Всплывут во время опасности. Над этою сиротскою неумелостью.

Авсеенке.[2] Он говорит, что надо было вселять культурою гуманность в помещиков. Нанимали учителей из Швейцарии, но почему же, о легкомысленный мальчик, сами-то они всё с бою отдали, не освободили народ с землею, а без земли. Ведь они освободили у нас с землею не в подражание культурным европейцам, а потому, что сознали в себе, с царем во главе, русских людей и сделали по *русской правде.*

Там злоба, а пе гуманность. ‹6›

«Московск‹ие› ведом‹ости›», № 91, 13 апр‹еля›. О *язычестве* в Германии из немецких газет и проч.

Авсеенке.[3] Ну, а культурные-то люди у нас теперь твердо сплочены, как вы думаете? Имеют они свою крепко сознанную основу, свою твердую мысль? Не в разброде ли они, напротив, после крестьянского погрома, как муравьи в развороченном муравейнике?

И не учат разве одно, что всё разрушить и что чем хуже, тем лучше, а другие, что они даже и физически, породой выше крестьян?

Золотушный, подагрик, — он, видите ли, кровью лучше. (Помещик на железной дороге.)

А вы что понимаете в строгом голосе славянофилов?

Крадут то у Белинского, то у славянофилов.

Да будь вы самый *навьюченный книгами,* вы и то не будете значить, потому что мысли нет. ‹7›

Авсеенке.[4] Что в Европе-то есть хорошего? (картина).

«Голос» — 13-го апреля — похвала Авсеенке.

Состав № апрельского.

Высунутый язык.
Авсеенке.
О войне.

---

[1] *Лучшие люди. вписано на полях.*
[2] Авсеенке. *вписано на полях.*
[3] Авсеенке. *вписано на полях.*
[4] Авсеенке. *вписано на полях.*

Спиритизм.

Мечтатель.

Ответ на мнение о нехарактерности русской истории («Фауст Щигровского уезда»).

Напротив: удельный период, период нашествия и проч.[1]

Будущая архитектура домов, нет дров и проч. Уничтожение воров. Переход в стадность. Коммунизм.

«Голос», 15 апр‹еля›. Четверг. О китайской истории франко-прусской войны... «Какая верная мысль!» Таких мыслей можно написать сколько угодно, и пишутся они, потому что не понимается сущность дела. Так и вы: сущности не понимаете, и вот вам доказательство:[2] вы говорите, что народ русский подъял царство... и вдруг на обороте... что все качества его пассивные, значит, вы ни на той, ни на другой странице ничего не поняли из того, что сами написали про русский народ. Да и теперь не понимаете, да и никогда не поймете. Тут жупел.[3] ‹8›

«Новое время», 15 апреля. Передовая о герцеговинцах, № 45.

План статьи о герцеговинцах:

Война. Австрия, не даст ее Пруссия, справедливость барона Родича. Без того можно бы было образовать отдельное новое княжество из Боснии и Герцеговины и гарантировать Австрии, что славянские маленькие княжества не соберутся во что-нибудь крупное. Да и не сделают они того вовсе сами по бездарности своей и по отсутствии чутья политического: первым делом будут подлизываться к Австрии и бранить и обвинять Россию.

Но барон Родич и неспособность к войне России? «Русский мир» об *изворотливой робости*. Не либерально. О войне.

«Новое время», 15 апр‹еля›, № 45. О неприглядности русской истории для романиста, в статье «Фауст Щигровского уезда».

«Новое время». Замечание князю Мещерскому «Церковно-общественного вестника» (о недостаточности жалования духовенс‹тву›). Насчет лорда Редстока. Корреспонденция об обиде раскольнику в Пензе: что это за шалыган бросил образа. ‹9›

Зачем у них трогать молельни и церкви? Неужто еще продолжается подобный закон?

Авсеенке. Белинский о Татьяне. Крестовский,[4] Фадеев, гим-

---

[1] Ответ на ∾ нашествия и проч. *вписано*.

[2] *Вместо:* и вот вам доказательство — *было:* и в доказательство, вот вам

[3] *Рядом с текстом:* О китайской истории ∾ Тут жупел. — *на полях помета:* Авсеенке

[4] Белинский о Татьяне. Крестовский *вписано*.

назисты, убившие мужиков.[1] Может быть, это случайные прыщи и наросты? Так ли, не генерические ли явления ‹*нрзб.*› предел социалисты?[2] Да, но есть критики Авсеенки. Нет-с, я разочаровываюсь в Авсеенках. Авсеенки — я вам скажу, что это такое. (Консервативная партия. Катков.)

Ананий Яковлев. Правда жидов. А в политике: государственная ли вещь истребление лесов.[3]

NB. Застрелившийся в Останкине учитель. «Моск‹овские ведомости» № 122, 17 мая. Каирова.[4] ‹10›

Жаль, что пишущие такие длинные письма столь мало думают.

Все эти мысли, по легкости обвинения и по той очевидной легкости, с которою они тотчас же стали вашим убеждением (вскочили в ваше убеждение), — показывают, что они вовсе не продуманы вами. Горячность же ваша тоже не заслуживает симпатии, потому что она вам не стоила никакого страдания, вследствие малого думания над этими идеями. Любопытнее все‹го› то, что вы совсем не знаете русскую действительность (ибо предполагали возможность напечатания). После такого крупного факта незнания самой простой действительности — я вправе заключить, что вам и русский человек и русское православие мало знакомы в действительности и деятельно и всё это лишь старые застарелые нападки, принятые на слово из известных целей или наклонностей. ‹279›

Final Авсеенке. Я рад, что я забыл об Авсеенке. Вымарывать же некогда. Надо будет заменить чем-нибудь.

Авсеенке. «Ведь любой австрийский жандарм в истории представляет высшие начала просвещения, чем ее славянские крестьяне». Знаете, эти слова — вот ваше учение. Скажете нет? Да уж когда вы русский народ поставили ниже себя (культурного человека), так стали бы вы щадить славян? ‹10›

Окончательный состав апрельского №.

1) Авсеенке с обширностью. Кстати о славянстве.
2) Спиритизм.
3) Мечтатель (его биография).
4) Надо бы герцеговинцев.
5) Откуда явятся лучшие[5] люди?
6) И о войне.

18 апре‹ля›. Просто: Авсеенке[6] и Мечтатель, без спиритизма.

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* ямщиков
[2] предел социалисты *вписано.*
[3] Ананий ∾ лесов. *вписано на полях.*
[4] NB. Застрелившийся ∾ Каирова. *вписано на полях.*
[5] *Было:* русские
[6] Авсеенке *вписано.*

Мечтатель, приезд и отец, но война и спиритизм — всё от Мечтателя. ‹11›

Авсеенке. Иные военачальники еще в 30-х годах ругали солдат такими словами, что совестно было слушать.

Пестель. Засекал людей: (вот что заставляют меня делать!) Это говорил один деятель; не хочу я марать его имя, хоть он и в могиле.

Авсе‹енке›. Были Одоевские.

Victor Hugo — историческая необходимость (Louis XVII). Не необходимость, а неминуемость, это я пойму с хищным типом хищного народа французского.

Авсеен‹ке›. *А.* Не беспокойтесь, это не восклицание (а!), а только заглавная буква имени.

Авсеен‹ке›. Для чего же они не освободили своих крестьян. Правило крови и железа не наше. А ведь это самые важные вопросы.

Авсеенке. Народ развратен, но у него религия, там идеалы и начертание. Не зная догматов, он ‹12› знает (в большинстве) святых своих жития (я не розню от народа 12 мильонов раскольников). Там, где кончается религия, начинаются лишь мечтанья. В мечтаниях и вы проводите время. В «Анне Карениной». Ведь вы не поймете. В. С. (его слова). Гражданский брак. Я говорил с ним; какой добрый и интеллигентный малый и как невинно развращен.

Авсеенке. Ведь это всё равно, что говорить, что вся наша вера дурна, потому что монахи убивают друг друга.

Авсеенке. Из «Голоса», № 105, 16 апреля... «Позаботились ли мы» и т. д.

Нет, мы не позаботились, это ниже нашего культурного аристократизма, а вера его «хлопьска вера», как у панов польских вера русского народа. Но паньска вера была все-таки католическая, у нас барская вера — атеизм, равнодушие и холодный, прискучивш‹ий›[1] разврат, возведенный в нравственность. Мы, напротив, о вере народа и о православии имеем каких-нибудь полсотни либеральных анекдотов или глумительных рассказов, как поп исповедует старуху или как мужик молится и проч. ‹13›, а больше ничего не знаем. И вы ничего не знаете, критик. Если б вы знали и действительно понимали то, что вы написали о вере, «спасшей Россию» и проч., то вы не поглумились бы над народом, обозвав его чуть не сплошь кула‹ком›[2] за пят-

---

[1] холодный, прискучивш‹ий› *вписано.*
[2] обозвав его чуть не сплошь кула‹ком› *вписано.*

ницы, за посты, за Флора и Лавра, и не стали бы вы ставить вашу глупенькую культуришку (которой нигде нет подобной в Европе по низости уровня знаний), а под пятницами, жупелами и под грязным народным невежеством усмотрели все-таки чистую веру, огонь религии, Христа *настоящего*, всепрощающего и вселюбящего (его понял народ, несмотря на пятницы),[1] Богородицу, скорую заступницу и помощницу, — одним словом, обоготворение любви, кротости и смирения, служения[2] всем, как слуга, и веру, что из этого-то добровольного состояния слуги и выйдет свобода, равенство и братство для всех. Одним словом, вы бы рассмотрели, что[3] ваша жизнь — пустая, отрицательная, полная пыхтения, литературных <14> мелких ненавистей и завистей, а народная жизнь полна сердцевины, силы, непосредственности и мысли, а вот ее-то вы, стремясь в нее с вашею глупенькою культурою, и хотите уничтожить. О маленькие, о ничтожненькие!

Знает же народ Христа своего потому, что во много веков перенес много несчастий и в последнем горе своем слышал об этом Христе от святых своих, тогдашних представителей и веры и народа, работавших для него и положивших[4] за него голову.

Не презирайте веру народа! Впрочем нет, презирайте: это вам прилично.

Вот ваша статья и все ваши мысли вышли из продолжающегося презрения к русскому народу, сохраняющемуся упорно в культурных классах (и чем дальше, тем хуже) с реформы Петра и с закрепощения <15> крестьян, окончательно происшедшем тоже при Петре. *Вы*, в сущности, оставшиеся[5] крепостники без крестьян.

Вы хоть и не презираете веру народа на словах, но тут же, *нравственно*, ставите ее ниже культуры.

Ведь наша русская жизнь, несмотря на 200-летнее подражание Европе, в главнейших функциях своих оставалась вполне своеобразною, но вам, кучке жалких перчаточников, хочется «подогнать» Россию, согнуть ее в бараний рог и сделать культурною. Это всё от презрения вашего к России и к народу.[6]

Я вам возражаю еще и потому, что возражаю лицу собирательному, мечтательному, ибо таких, как вы, много еще, даже Потугину, вместе с вами, хотя Потугин перед вами царь по таланту, несмотря на то, что слишком уж наивно[7] невежествен.

---

[1] *Далее в тексте ошибочно:* на

[2] *Было:* в служении

[3] *Далее было: а. Как в тексте. б.* народная жизнь

[4] *Незачеркнутый вариант:* клавших

[5] оставшиеся *вписано.*

[6] *Рядом с текстом:* Ведь наша русская ∾ к народу. — *на полях помета:* Авсе<енке>

[7] наивно *вписано.*

Потугиным я займусь потом,[1] а вам мимоходом прибавлю, что вы невежественнее и Потугина. Не ‹16› улыбайтесь с презрением, читая это: если вы и прочли несколько книг (немного, однако ж),[2] то всё же не обладаете способностью усвоения смысла их. Это, так сказать, навьючение себя книгами, а не чтение. Итак, я отвечаю как лицу *собирательному*.[3]

Отвечайте: да, и не «Русскому вестнику»: «Р‹усский› в‹ест›-ник» сам всё это знает, хотя и напечатал статью Авсеенки, но есть действительно бесчисленное число таких же Авсеенок. Я сам в вагоне. Красный нос.

В чем же их культура, чем они тщеславятся? Перчатками. Я докажу его.[4]

Я никогда не верил гнусной (практической и хищной) идее, что только верх образован, я хочу и верую, что у нас будет этот социальный порядок, что и мужик будет понимать великую мысль (через православие),[5] которая так великолепно и стройно заключает множество великих мыслей, которые уже оно заключает в себе. ‹17›

Вы не ходите, вы растлите.

Он иногда высказывает суждения и, так сказать, мысли, ну и там всё, как у всех, но он часто сбивается.[6]

Вы говорите, что привлекательность народа исчезает и тотчас же является в форме мироеда и самодура. А няня? Несчастный, вы этого не видели. (А в нашем обществе нет мироедов и самодуров?)

Вы требуете, чтоб там все были святы?

Да ведь вы дикие после этого.

Как вы думаете, пассивная или *активная деятельность отдать свои четыреста рублей*? Вы скажете, что это не русское, а это культурное? Да ведь в народе нет культуры.

Перчатки — это не порок, это слабость.

Перчатки — оставьте их. Мы и так за них дорого платим. Да и надеваем-то их большею частию сами не зная зачем?[7] ‹18›

---

[1] *Далее начато:* вы все

[2] (немного, однако ж) *вписано.*

[3] *Рядом с текстом:* Я вам возражаю ∾ *собирательному.* — *на полях помета:* Авсеенке

[4] *Рядом с текстом:* Отвечайте ∾ докажу его. — *на полях помета:* Авсеенке.

[5] (через православие) *вписано.*

[6] *Рядом с фразой:* Он иногда ∾ сбивается. — *на полях помета:* Авсеенке.

[7] *Рядом с текстом:* Вы говорите ∾ не зная зачем? — *на полях помета:* Авсеенко.

И знаете ли, почему освободили народ с землей? А вот именно потому, что преклонились перед *народной правдой.* Вам это непонятно? Ну когда-нибудь поймете.[1]

Вы скажете, суды и новы<е> законы, порядок, власти, последовавшие за освобождением крес<тьян>. Не точь ли в-точь мы скопировали их с европейских, вот точь-в-точь, как велел Потугин.[2] Но ведь всё, что взято из Европы, в сущности, не привилось, а держится, лишь кое-как соединяясь с народным обычаем, и получило далеко не европейскую форму. А иное так просто оказалось вздором и до сих пор лишь вредит и ждет лишь, пока народ выкажет свой полный взгляд на дело, — тогда и переродится по-своему. У нас уже многое в этом роде так случилось. Знаете ли, почему освободили с землей?

А знаете ли, почему произошли реформы нынешнего царствования?

Эти реформы не удовлетворительны, но они не внешние, они соответствуют внутренним желаниям нашим. И как теперь народным силам развязали руки, они и выкажутся.

Вам, как факиру, — росток в 18 дюймов в 20 минут.

А знаете ли,[3] потому и произошли реформы нынешнего царствования, и хоть многое неудовлетворительно, но всё же лучше, чем выписанное прямо с немецкого.[4] <19>

Образование: полное примирение, совершенное беспристрастие рядом с полным сознанием и своей нравственной правды (православие).

Стань всем слуга.

Разумеется, мы не отдадим им нашей земли, мы должны сохранить свой русский тип, а стало быть, сохранить землю под собою.

И не славянской только семьи.

Из православия, — из которого выйдут все разрешения.

Мы представим изумительное зрелище народа без захватов. Мы не станем поляка обращать в русского, но когда поляк или чех захотят быть действительно нашими братьями, мы[5] дадим автономию, ибо и при автономии не разрушится связь наша, и они будут тянуть<ся> к нам, как к другу, к старшему брату, к великому центру.

---

[1] *Рядом с текстом:* И знаете ли ∾ поймете. — *на полях пометa:* Авсеенке.

[2] последовавшие ∾ велел Потугин. *вписано между строк и на полях.*

[3] *Далее пометa:* (выше)

[4] Эти реформы ∾ прямо с немецкого. — *вписано между строк и на полях.*

[5] *Далее начато:* действ<ительно>

Великое дело любви и настоящего просвещения. Вот моя утопия! ‹20›

Прочтите биографию Петрова, при великом таланте — какая добросовестность, какое изучение искусства, неслышное, невидное, ради долга, всё это тихо и неизвестно, и вы не удостаиваете обратить внимание [1] — русское, некультурное, кулаки, мошенники! [2]

Крестовск‹ий›. Честь, берущая свое достоинство в слепом соблюдении известных наружных форм, а не черпающая его из внутренней потребности души человеческой.[3]

«Голос», № 108. Понедельник. Джон Тиндаль о спиритизме.[4]

Final — Авсеенке: любить всех, установить царство мира и славы божия, на основании народных православных начал.

— Да ведь этого нет, — крикнут мне, — это утопия.

— Давайте стараться, сомкнемтесь, пойдемте вместе, давайте руки, положим головы.

У Победоносцева, аще в девятый час.

Андр‹ея› Критского. ‹21›

Прочтите «Канон» Андр‹ея› Критского и просветитесь. Народ много таких молитв знает, а не знает, так слушает.

Я спрошу у Крестовского, у писателя, как он не видит, что он кругом виноват. Если и вправду, что его оскорбили, — все-таки виноват?

Скажут: Скучно говорить об этом, всё это говорено [5] и переговорено. Но на свете всё переговорено, а нового очень мало. И если пятьдесят раз сказать, отчего не сказать в 51-й. Ведь и об чем другом заговорите, всё тоже окажется, что в 51-й. Про иные же вещи не старо говорить и в 501-й.

ЭТО НЕ ПЕРО, ЭТО МОЛИТВА, К ЭТОМУ НАДО ИМЕТЬ СОСТРАДАНИЕ.

Дуэль, — приняв букву, мы расширили способность к дурным поступкам. ‹22›

---

[1] *К словам:* не удостаиваете обратить внимание — *незачеркнутый вариант:* не обращаете внимание

[2] *Рядом с фразой:* Прочтите ∾ мошенники! — *на полях помета:* Ав‹сеенке›

[3] *Рядом с текстом: Крестовск‹ий›* ∾ человеческой. — *на полях помета:* Ав‹сеенке›

[4] *Рядом с текстом:* «Голос» ∾ о спиритизме — *на полях помета:* Конечно не Тернера

[5] *Было:* на свете всё говорено

Швейцар, потом их стали нанимать прямо в швейцары.

Стыдиться своей грязной веры, хлопьска вера.

Освоб‹од›или народ по народным началам. Если б как европейцы, то на пролетарском основании, как остзейские немцы. У нас многое из Европы не принялось, а переделывалось своеобразно.

Что это — активный или пассивный поступок, г-н Авсеенко?

Расширение взгляда. Расширение взгляда должно состоять в направлении нашей образованности.[1]

Другое дело, если б народ сопротивлялся обучению, науке, и даже по принципу какому-нибудь, по каким-нибудь там началам своим народным, так что нам приходилось бы предпринять подвиг и вступить с ним в огромную и опасную борьбу, так сказать, в крестовый поход. Но ведь этого нет совсем, народ жаждет науки, из народа, бывали примеры, выходили даже своего рода ‹23› самоучки европейской науки, и народ не гнушался ими, а, напротив, хвалил их. Может быть, вы уже так глубоко ставите иные омерзительные предрассудки народные, плод глубокого его невежества, но ведь еще совсем не доказано, что народ так глубоко стоит за них, а с другой стороны, предрассудков в нашей интеллигентной среде совсем не меньше, чем у народа, и даже найдутся гораздо злокачественнее его собственных предрассудков, иногда даже совсем невинных.

Всё это слова, тут не швейцары, а тут наука, которую вы в самом начале устранили из речи, а наука и всё. Но ведь тогда вы собственную культуру и собственный подвиг ваш необыкновенно умаляете. Тогда вы уже совсем почти не выше народа. Это дело каких-нибудь десятков лет весьма малых, и увидите, что из народа явится чрезвычайно много научных деятелей, и тогда народ сравняется с вами. Где же ваше преимущество и чем вы гордитесь? Мой помещик, так тот прямо и откровенно объявил, что он телом выше народа, что его тип изменился перед народом.

Так что наука вовсе не составляет какого-нибудь существенного и непримиримого различия между обоими классами русских людей, то есть между простонародьем и верхним культурным слоем, и выставлять науку[2] как главное и существенное различие наше от народа, повторяю, совсем нейдет к теперешней речи — и неверно, а различие искать надо совсем в другом.[3]

Я никогда не отступлюсь от своих слов, если не изменю убеждений. Мы несомненно больше народа одарены, например, самолюбием, болезненным и ипохондрическим, гадливостью к людям, мрачною ненавистью, цинизмом, жаждой безличности, рядом

---

[1] *Далее между строк помета:* 20 лет.

[2] *Было начато:* говорить об науке

[3] Всё это ∾ в другом. *вписано на полях стр. 23.*

с ненасытною жаждою славы, самого пустозвонного самолюбия, страстью к известным привычкам[1] и болезненною робостью перед собственным мнением бросить эти привычки. У нас ужасно много предрассудков. Мы видим доблесть в даре *одно худое видеть*, тогда как это одна лишь подлость, и т. д. и т. д., всего никак не исчислишь, но об этом потом, но прибавлю словцо о женщинах. Я сказал выше, что в женщинах наша надежда.[2]

А все наши чувства чести, все наши шаткие понятия долга, гуманности[3] — разве не предрассудки и не на предрассудках основаны? Разве не было чести в древней России?[4] Возвратясь из Европы, мы приняли новые формулы, стали необыкновенно шатки, трусливы и безличны, а про себя циничны и сплошь нигилисты. Разумеется, я говорю ‹24› лишь про тех, которые живут и думают. Остальные же наживаются и не знают, для чего живут на свете.

Если я сказал, что демос спокоен, то именно в том смысле, что он не может быть не спокоен при таком несомненно демократическом настроении общества, журнального плутовства, фальши в обвинении противников, даже клеветы.

Много фальши в обвинении, но такое направление несомненно хорошо.

Это инстинктивное обращение к народу и ожидание от него многого. Теперь не буду говорить. Отложу, чтоб сказать в целости. Но я сказал дурно про общество. О шатании. Но ведь в конце я от него же и жду спасения. Это спасение в расширении идеи русской. Меня поймают: нельзя же про такое общество говорить так дурно, как я. Но говоря дурно, я и ценил, может, больше многих. Жду спасения в расшир‹ении› идеи русской.[5] Я объясню это потом. Не от цивилизации расширение, а от соприкосновения с Европой самостоятельно создавалось в русском. Но пока о шатании.[6] *Гадливость ‹нрзб.›*

Но *женщины* потребуют статьи, а не беглых слов. Сами они.

И если есть теперь ошибки, то это неспроста, гарантия, что вылечат, недуги временные.

Да вот хоть бы черта этого расшир‹ения› демокр‹атии› общества. Не оттуда мы взяли его, ибо оно противоположно Европ‹ейской› идее; нигде там нет ничего бескорыстнее нашего демократа.[7]

---

[1] жаждой безличности ∾ привычкам *вписано.*

[2] бросить эти ∾ надежда. *вписано на полях. Рядом с текстом:* Я никогда не отступлюсь ∾ надежда. — *на полях помета:* Женщины

[3] *Вместо:* все наши ∾ гуманности — *было:* либерализма

[4] Разве не было ∾ России? *вписано.*

[5] Меня поймают ∾ русской. *вписано.*

[6] *Далее было:* Право

[7] *Далее было:* и мы может быть гораздо остервенелее стоим за них, чем народ за свои. *Текст:* Если я сказал ∾ демократа. *вписан между строк и на полях стр. 24.*

Уж как грязен, как нечист народ в своих семейных началах. Потому-то я и сказал, что воздыхает, а этого не поняли.[1]

Шатость мысли соединяется почти с младенческим неразумением.

Народ развратен; но дело в том, что он свое злое не считает за хорошее, а мы свою дрянь, заведшуюся в сердцах и в уме нашем, считаем за культурную прелесть и хотим, чтоб народ пришел у нас учиться.

Даже братья славяне оставят мысль, что мы их хотим проглотить, а эти уж самые подозрительные. ‹25›

Красота богов и идеала, они являются прямо обнаженные, но не боги и не идеал этого не вынесут. У обыкновенных, текущих людей красота условна. И тогда только очищается чувство, когда соприкасается с красотою высшей, с красотою идеала. Это соприкосновение с красотою идеала есть и в былинах наших, и в сильной степени. Там есть удивительные типы Ильи Муромца и фантастического[2] Святогора и проч. Потугин отлично об этом знал, но ему надо было оплевать народ русский за его безвкусицу, сделать смешным, возбудить к нему презрение и отвращение, и вот он выдернул картину прошедших мод и современной блестящей даме показал, какую глупую шляпку одевала ее маменька в 20-х годах[3] (то есть дело шло про Чурилу, по всё равно значение то же). Потугин только забыл взглянуть на себя и на то, как он сам был одет и в чем всю жизнь находил прекрасное. ‹26›

ВАЖНОЕ. Заключительные слова Авсеенко («Новое время»), № 52. Ответ на это в том, что вы считаете народные начала и православие его за пустяки, а мы нет. Напротив, за всё, что только может быть важно. Вот почему народ для вас — лишь неизвестный странник и ждать от него мысли и образа — ирония, а для нас он есть всё и единственная надежда, потому что обладает всем, а именно православием и нравственностью православия, хотя и в стихийном лишь виде. Вот почему для нас народ не странник только неведомый, а и руководитель, и что бы ни ждало его, какие бы мучения и колебания ни стерегли его на дороге, он хоть и уклонится, может быть, временно, но никогда не собьется с пути, потому что то, что он несет ‹27› с собой, то есть православие и выходящие из него начала, слишком ценны и вески и пропасть ни в каком случае не могут, да и самих несу-

---

[1] *Рядом с текстом:* Уж как грязен ∾ не поняли. — *на полях помета:* «Евг‹ений› Онегин».

[2] *Вместо:* и фантастического — *было начато:* и удивитель‹ного›

[3] *Далее было начато:* Всё р‹авно›

щих уберегут, так что, если мы примкнем к нему даже теперь, то спасемся с ним вместе сами.[1]

Кто же считает православие за глупость и проч., тому слова мои непонятны.

Короче, вы никогда не[2] понимали народа, а всё время его презирали, никогда вы не понимали православия и не были православными,[3] а потому не можете и ценить его, наконец, может быть, уже давно вы не русские, а лишь выродившийся уродливо продукт реформы.

Может быть, из обманывающегося, но глубоко гуманного чувства, а вы и в правде-то вашей негуманны, так что самые заблуждения Белинского, если у него только есть они, выше вашей правды, да и всего, что вы натворили и написали. ‹28› [4]

Спиритизм. Ну две случайности, и того довольно, для разрушения веры, потому что я не хочу верить. Совершенно обратно с теми, которые хотят верить, гадание в карты.

Спиритизм. Победоносцев. Но почему не говорить. Общественное зло. Комиссия с пружинками. Не поняла общественного зла. Главное бы утилитарную цель преследовать, а теперь кто вам поверит (с точки зрения одного лишь мелкого плутовства. Даже не заблуждения, не желания заблудиться).[5] У Майкова нет пружинок. Я сам у Вагнера 7 раз, нет, я не отбивал сам, не налегал пальцем.

Комиссия не домыслилась до самого простого факта.

(Церебрация — — —)

Когда я пошел к Аксакову, — странное ощущение нехотения верить. Учтивость возмутила меня; два имени.[6] Под столом органчики.[7] Фома. Математичес‹кие› доказательства. Подробно впечатление неверия или, лучше сказать, — нехотения верить.

Ничтожность культуры. Сеченов. Жажда чудес. Неизменность понимания. Христианство ‹30› и восточные чудеса.

Гипотеза чертей. Керонский, Майков. Я хотел было рассердиться. Нет, это дело ждет исследований дальнейших. Сражаться водворени‹ем› не образования, а возбуждени‹ем› высших инте-

---

[1] так что, если ∾ вместе сами. *вписано.*

[2] *Далее было начато:* были ру‹сскими›

[3] *Далее было начато:* и даже

[4] *Далее на стр. 29 наброски замысла «Мечтатель» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 8).*

[5] (с точки зрения ∾ заблудиться). *вписано на полях.*

[6] два имени *вписано.*

[7] *Рядом с текстом:* Учтивость ∾ органчики. — *на полях помета:* год ссылки

ресов, чем праздность. Дух низок. Неужели так трудно подымать дух человеческий? Средина, буржуазия пришла, капитал, купцы.

А ведь я только верю, что спиритизм — явление, не объяснимое одними только[1] проведенными под столом пружинками и непомерною глупостью занимающихся им.

Фома. Убеждение математическое. Оно ничто. Убеждение нравственное важно. Но если убеждены, то какая низменность нравственного чувства, какая низменность нравственного запроса. <31> А между тем как будто и противуречит низменности. Подъем в запросах, в женщинах особенно. Желание участвовать бескорыстно для дела, для молитвы. Пишут письма, учатся, читают, вникают, требуют разъяснений. Подъем женщины у нас не подвержен никакому сомнению.

Ценят всего более свежее чувство, живое слово, а главное и выше всего — искренность. Мужчины и были шатки, теперь же пуще развратились стяжанием, цинизмом. Жаль, что женщина слаба, *устает*, не выносит разочарования.[2]

«Дневник писателя» сблизил меня с женщинами. Я получаю письма и вопросы: о том, что делать. Дышут такою искренностью, глубоко серьезное явление.

— Она лжет.

— Нет искренна. Она в век жидовства изображает поклонение идее. В жажде высшего образования — серьезность.

Пусть, как жена Щапова, она утолит свою грусть и разочарование самопожертвованием и любовью. Не как Писарева, но и та и другая — одинаково мучительные явления. Мучительные по той участи, которой обе могли быть достойны, и по тем благодеяниям, которые могли бы излить на свет.[3]

Оттого, что вы надавливаете, тем самым вы себя и обманываете. Ну вот хоть бы это разъяснили, а не так высокомерно без подробностей.

Ведь я знаю, что я надавливаю. Поверьте, что есть гораздо более недоверия к себе, чем вы думаете. Вы нас считаете за очень простых дураков.

Отрицают, равнодушные. Э, я не думаю об этом.

Сеченов. Керонский. <32>

---

[1] одними только *вписано.*

[2] Мужчины ∾ разочарования. *вписано между строк.*

[3] Я получаю ∾ на свет. *вписано между строк и на полях.*

Но по неимению фактических доказательств, чтоб опровергнуть инсинуацию о Щапове, я должен был объяснить источник, из которого идет она.

В редакции «Времени» эти отношения держались высоко, грязи не было.

Брата никто не мог потребовать к себе.

Пусть объявится сотрудник, которого он разорил или такой, который бы его притянул к суду за присвоение чужой собственности.

Брат не имел историй в судах с своими сотрудниками и с сотрудницами за присвоенные деньги, как я читал в газ‹ете› 1500.[1]

Мне очень неприятно напоминать об этом г-ну Благосветлову.

Потом я читал, как собственник-социалист писал хвалебные вещи о возвышении цены квартир.

Это не слог М. М. Достоевского в обращении с людьми. Слово-ер-с он никогда не употреблял. Это не был подобострастный семинарист, начинающий делать карьеру, и наглый, и бесстыдный, когда ее сделает.

«Время» помещало статьи Щапова осторожно, и я наверно знаю, что не особенно за ними гонялось. Напротив, я очень помню, что Щапов сам приносил и предлагал свои статьи редакции. ‹33›

Щапов был без твердого направления деятельности. Щапов был человек, не только не выработавшийся, но и не в силах выработаться.

«*Дело*» в деле чести не авторитет.

Что ж, он был ласков с теми, которым делал добро, и особенно с теми, кому делал добрее, как бывают в таких случаях всегда сострадательные и деликатные люди.

Справиться с матерьял‹ом›.

Расширить взгляда своего он никогда не мог, европейского образования не имел и бродил в нем лишь ощупью.

Сделали бы это многие, даже из тех, может быть, не сделали бы, которые до того прославились потом своим либеральным направлением, что нажили из-за него капитальные дома в Петербурге.[2]

---

[1] Пусть объявится ∾ в газ‹ете› 1500. *вписано.*

[2] *К тексту:* Сделали бы ∾ в Петербурге — *незачеркнутый вариант:* Сделали бы это многие, даже из наживших капитальные дома [с кв‹артирами›] своим либерализмом?

Ну не нелепость ли это? Взываю к публике.

Деньги вперед — это будет согласнее со всеми воспоминаниями и со всеми свидетельствами о том, как велось[1] и издавалось «Время» и какой тон был в редакции,[2] свидетельствами, которых, повторяю, и теперь можно набрать довольно, если очень понадобится,[3] несмотря на 14-летний срок.

Сущностью передачи этих двух мировых поэтов.[4] ‹34›

Это лебезятничество. Не желая давать ему в руки денег.

Я не узнаю в этом разговоре брата, а потому заключаю, что и всё не так происходило.

«Время» издавал не я, в денежные расчеты брата я никогда не входил, но я уверен и знаю, — никогда и быть не могло, чтоб он уклонялся от уплаты под разными предлогами.

Спиритизм. Не то поражает, что они этим удовлетворились, а поражает низменность уровня нашего развития.

С духами говорят учтиво, да еще на французском языке, как будто они какое-то высшее общество. Право, в сумме впечатлений, может быть, было и это.[5]

Не реальному, а идее, одна сторона треугольника менее суммы двух прочих, тут и не верить-то нечему (о лорде Редстоке).[6]

Христос — 1) красота, 2) нет лучше, 3) если так, то чудо, вот и вся вера, засим уже проповедь Иоанна Златоуста, аще в девятый час — помните.

Обратно теперь математические доказательства, чуть волосок и неверие (без поднятия духа и умиления).

Это уже восторг, исступление веры, всепрощение и всеобъятие. Крепко обнимемтесь, поцелуемтесь и начнем братьями.

Где, смерть, твое жало, где, аде, победа? (9-й час занялся, если ты был Нерон глумитель.) Хоть иерарх берет на себя разрешение почти как бы невозможное, но это от проникновения духом Христа, объявившего проклятие блудникам и тут же простившего блудницу, и то и другое верно.

---

[1] велось *вписано.*

[2] и какой тон был в редакции *вписано.*

[3] если очень понадобится *вписано.*

[4] *Рядом с фразой:* Сущностью ∾ поэтов. — *на полях помета:* Замеча‹тельно?›

[5] *Рядом с текстом:* С духами ∾ было и это. — *на полях помета:* Спиритизм.

[6] Не реальному ∾ Редстоке). *вписано на полях.*

Ничтоже сумняшеся.

Ну поколеблете вы эту веру позитивистическими доказательствами?

Ведь я знаю, что выше этой мысли *обняться* ничего нет; что вы мне с вашим позитивизмом дадите мне взамен? Тогда пойду за вами, когда дадите мне лучшее. А пока от вас еще этого не видно. Вы только головы рубили и еще хотите рубить...

И вдруг низменность спиритизма, постучать. Нет, тут уже низменность общества. Где же весь этот реализм, позитивизм, студентские движения, куда всё это делось.

Скажут: что вы, ведь это только уголок. Да, но в этот уголок все сбежались, *всякие*. ‹35›

Страниц 31.

Апрель. *Глава первая.* 1) Идеалы растительной стоячей жизни. Кулаки и мироеды. Высшие господа, подгоняющие Россию. 2) Культурные типики. Повредившиеся люди. 3) Сбивчивость и неточность спорных пунктов. 4) Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика. *Глава вторая.* 1) Нечто о политических вопросах. 2) Парадоксалист. 3) [1] Опять только одно словцо о спиритизме. 4) За умершего. ‹36›

«*Новое время*», № 56. О спиритизме.

Авсеенко. Почему все русские, культурясь в Европе, даже министры, даже с императрицы ‹начиная› всегда примыкали к тому слою европейцев, который был либерален (к левой стороне) и сам отрицал *свою же культуру*? Не сказалась ли в этом русская душа, которой европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна и сказывалась бессознательно даже чуждою русской душе? Мало того, те, которые были наиболее русские чуть‹ем›.[2] Вот почему мы и примкнули к революционерам, желавшим свое же разрушить. Об России же заключили по ошибке, тогда как в России мы естественно должны бы были стать, напротив, консерваторами, ибо порядок русский был иной и обратно противуположный, но мы сочли одинаково варварским.[3] Белинский, например, по страстно увлекавшейся натуре своей, примкнул прямо уже к социалистам, отрицавшим уже *весь* порядок Европы, и если и прилагал то же к России, то лишь не зная ее. И действительно, он мало или, лучше сказать, предрассудочно понимал Россию и чрезвычайно мало знал ее. Знал Россию фактически, хотя ужасно многое постигал инстинктом, предчувствием.

Надо заметить, что весь европ‹ейский› порядок он прилагал прямо к России, не задумываясь о различии, и вот в этом его

---

[1] *Далее было:* За умершего.

[2] Мало того ∾ чуть‹ем›. *вписано.*

[3] желавшим свое ∾ варварским. *вписано.*

различие с славянофилами. Кроме того, разница с славяноф<и-лами> та, что не в народе обновл<ение>.

Он видел только порядок. Но народ любил, и только вся разница его с славянофилами состояла в том, что он не возлагал на народ надежд обновляющих, тогда как славяноф<илы> не только видели самостоятельные обновляющие начала в народе, но уже проницали и те пути, которыми может пойти возрождение России в народном духе. Путям этим Белинский не верил, а главное, мало их и изучал. Да и славянофилов-то, кажется, мало читал. Как бы в отчаянии он стал ожидать всемирного уже обновления от начинавшегося социального движения в Европе и страстно увлекся им. Тем не менее серьезностью своего отрицания цивилизации совпал, отрицая Европу, соприкоснулся с славянофилами, хотя и с другого конца. Чтоб пояснить это любопытное явление русской жизни, прибавлю, что Белинский был несравненно консервативнее русский, чем Гагарины.[1] Тем не менее, примкнув *к крайней* <37> *левой*, бессознательно выказывал крайне русского и уж гораздо тем самым близок стал к славянофилам, чем те наши тогдашние западники, которые до того боготворили Запад перед Россией, что перешли в католичество, к правой стороне (любопытно, что скорее к католичеству, чем к лютеранству). Все западники к правой — становились немцами. Все к левой — оставались русскими, многие — к славянофилам.[2] Такие западники действительно были: именно из высших помещиков. Они и теперь есть.[3] Эти уже совершенно стали не русскими, а европейцами, но характеристическая черта их, по которой их всегда можно было знать, это та, что, примыкая к Европе и становясь европейцами, они тотчас же примыкали[4] к край<ней> правой, то есть теряли уже последнюю русскую черту, теряли русское чутье. Те же, повторяю, которые примыкали к левой и к крайней левой Европы, — те все сплошь оказались и заявили себя тем самым русскими, отрицавшими европейскую культуру и имевшими к ней природное отвращение. Белинский, например.[5] Но сказаться русским еще было мало: отрицая Запад, они не знали, что они русские, и третировали себя еще ниже Запада. Этот слой продолжается до сих пор, они-то и суть западники в противоположность славянофилам, которые выжили в себе потребность и сознательно научились не отрицать Россию.

Займемся ими. Шатость их и т. д.

Социализм.

Православие.

---

[1] и чрезвычайно мало ∽ чем Гагарины. *вписано между строк и на полях.*

[2] (любопытно ∽ к славянофилам. *вписано между строк.*

[3] именно из высших ∽ теперь есть. *вписано.*

[4] *Между строк начато:* Напротив, все те, на которых цивилизация действовала разрушительно, разрушая в них русское

[5] Белинский, например. *вписано.*

Здесь остановлюсь, ибо длинная тема, успеем. Но что принесли из Европы. Политические.

Говорят про русских в Европе европейцы, что все они сплошь революционеры, между тем они революционеры только в Европе, и если бы сумели отнестись к себе сознательно, то в России эти революционеры должны бы стать консерваторами (причина — малое знакомство с Россией). Они и Россию принимают за ту же Европу.

Если же они и об России так заключили, то это потому, что еще тогда об России было им некогда думать, решали вопросы иные. Думали об России славянофилы.

Если б они больше были знакомы с Россией, то стали бы славянофил‹ами›. Но до сих пор это незнакомство продолжается. Славянофиль‹ское› учение до сих пор неизвестно, хотя к нему примкнут.

Миллер провозгласил славянофильское учение народным. А я выдумал примирить славянофилов с запад‹ника›ми. На первый раз даю тезис:

Славянофилы, которые отрицали западную цивилизацию, взятую как идеал России.

Теперь же ‹к› концу идей заметней, так сказать, преддверие к делу.

Ибо православие даже менее обрядно, чем штундизм. Кончат посудой. Редсток тоже.[1] ‹38›

КАКУЮ НЕСЕМ ДРАГОЦЕННОСТЬ НАРОДУ.

«Новое время», 24 апреля. Суббота, № 54. О пьянстве Щапова.

Несем идею высшую, чем только прожить (см. laissez-faire).[2]

Какую несем драгоценность? И скажут народы: нет, их идеал лучше. Православный[3] Христос лучше, чем тот, который согласился в Испании на инквизицию. А почем вы знаете, понимал ли это Петр.[4] Если и не понимал вполне, то предчувствовал,[5] в великой душе должны были быть и великие предчувствия. Жаль, что судьба должна была дать ему слишком грозную душу. Антокольский и белоручка Петр.[6]

Кончить проповедью Златоуста: «Аще в 9-й час» и т. д.

---

[1] Говорят про русских ∾ Редсток тоже. *вписано на полях стр. 37 и 38.*
[2] делай что хочешь (*франц.*).
[3] *Далее было:* народ
[4] *Далее было начато:* В великой душе
[5] *Вместо:* предчувствовал — *было начато:* чувство‹вал›
[6] Антокольский и белоручка Петр. *вписано на полях.*

Сильное NB. Вот почему славянофильство кажется учением как бы эгоистическим, то есть что спасут мир русские. Да, но с другого конца, не вбирая в себя личность, а, напротив, признавая все личности, но лишь *указывая идеал* (всемирной души, *женской*).

Письмо помещика — эта молодежь, недоумение. Они должны бы были быть славянофилами, то есть всепримирением брать. а не проповедовать, что чем хуже, тем лучше, и будь моим братом или голову долой. Так же *Тернер* и *Янышев*, только недоумение.

Православие, государственность, но православие-то и есть та вера, про которую сказано: не знаете, какого вы духа.

В моей идее: во мне драгоценность и спасение человечества, думает немец, неужели нет? Не во мне, а в идее моей, думает русский, будь всем слуга, всё признай хорошее, единение. Вот моя *личность* (трезвость нужна) — гражданин света.

Г-н Тернер говорил, как иностранец. От‹ец› Янышев чиновник. Обязанность русского. ‹39›

Майский №. Игуменья Митрофания.
Спиритизм.[1]
Воспитательный дом, аффект.
Женщины.
Письмо о идущих в народ.
Письмо о жидах.
Мечтатель.
Язык и отец.
Крайняя левая европейцев.
Шатанье людей. Драгоценность народу.
Политическая, если будет что-нибудь.[2]

«Голос», 28 апрел‹я›. Смерть унт‹ер›-офицера Данилова.

Юбилей Петрова (еще прежде, около 25 числа).

Дело Каировой. Заключение в «Новом времени», № 60, пятница, 30 апреля.

---

[1] *Далее между строк вписано:* Женщины

[2] *Рядом с текстом:* Майский № ∾ если будет что-нибудь. — *на полях незачеркнутые варианты:*

слева	*справа*
Ответы на письма.	
Каирова.	Византийская история.
Жидки.	Крайняя левая.
Левая.	Драгоценность народу.
Демос доволен.	Спиритизм.
Аффект. Воспитательный дом.	Женщины.
Женщины.	Воспитательный дом, аффект.
Спиритизм.	Мечтатель.
Драгоценность.	Каирова.
Расширение.	

Аффект! Помилуйте, всё так можно сказать, каждое впечатление — аффект. А кто знает границу (какие такие эксперты?), где можно положить нормой, что уж за этой чертой аффект безответствен. Да всякое приключение — аффект! Восход солнца — аффект, взгляд на луну — аффект, да еще как! Наклонность ‹40› к лунатизму значит.

Обварила ручку ребенку, значит, аффект, надоел очень, нервы расстроил. (В семье, дескать, пьяницы были: да у кого не было в семье пьяниц.)

Главное ученье о среде. Есть ведь черта среды.

Кто жалеет губителя, тот не жалеет жертву. Дойдем до того, что не только оправдывать будем, по хвалить начнем. «Протестовала, дескать».

Купила заранее бритву. Как же необдуманно? Без аффекта, обдуманно. «Нет, не нанесла ударов» (присяжные). Кто же их нанес? Домой. «Она сама себя высекла».

У нас журналы хвалят такой приговор.

Всегда буду протестовать во имя здравого смысла.

Что такое за эксперты в душе человеческой? Какая такая эта наука, которой можно выучиться в университете? ‹41› Не много ли приписывают? Наше предрассудочное невежество непросвещенной и отвыкшей от рассуждения толпы и средины.

В системе уголовных наказаний:

Извержение из общества всем миром (единственное наказание, хоть без истязаний) и непременное возвращение в общество, если будет достоин, чтоб не оставлять души в отчаянии, — вот принципы, которые надо бы принять непременно. Другое дело их организация — это великий будущий труд. Но думаю, что два эти принципа разрешил как русский человек.

Удаление от общества необходимо для *правды общественной.*

«Новое время», № 64, вторник, 4 мая.
Буйство Иероглифова у Базунова. ‹42›

Г-н Григорович, представлявший собою обучившегося[1] русскому мужику иностранца. Сей иностранец в русской народной жизни, считавшийся некоторое время за русского. Точно так он теперь и искусству.

«*Новое время*» № 66, 6-го мая, о женском вопросе.

Штундизм (прозелитизм). «Новое время» от 12 мая, ждет. Хлыстовщина, и тогда обессилит.

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* научившегося

NB. Контингент священников и монахов. Убеждения. Тернер и Янышев.

Когда с попов сословность слезет, тогда уничтожатся и секты, и атеизм, ибо контингент атеистов все-таки дает духовенство.

Сословность — отвлеченность, социализм.

Петр Великий. Великие души не могут не иметь великих предчувствий. Петр не мог не быть западником, но вряд ли он был в таком тесном смысле, как петербургский западник или иезуит Гагарин. И если б увидал славянофилов, наверно бы их понял, взял бы Хомякова и Юрия Самарина и сказал бы, вот ‹43› птенцы моего гнезда, хотя, по-видимому, они и против меня говорили.

Этот аристократ был в высшей степени русский аристократ, то есть не гнушавшийся топора. Правда, он топор брал в двух случаях: и для кораблей и для стрельцов.

Империя, после турков, должна быть не всеславянская, не греческая, не русская — каждое из этих решений не компетентно. Она должна быть православная, — тогда всё понятно.

К шатанию. Тернер.

С православием мы выставляем самую либеральную идею, какая только может быть, общение людей во имя общения с будущими несогласными нам.[1]

Каирова. Но присяжные могли это вынести, зная твердо, что не могут дать другого решения. Русские самый терпеливый народ в свете, а русские присяжные заседатели в особенности.[2] Наши присяжные всё вынесут, даже Утина. Довольно бы было и одного прокурора Случевского. Кстати: г-н Утин начал свою речь с благодарности прокурору за то, что защитил Каирову. Г-н Утин не захотел только быть вполне оригинальным, а то бы ему следовало, выслушав блестящую защитительную речь прокурора, прямо начать обвинять Каирову. Я не думаю, чтоб присяжные очень удивились.[3]

Но или она была в аффекте, или поступила так, «как бы мы все поступили». Что ж, надо всем быть безумными? Безумие-то и похвально?

Развязн‹ость› и безум‹ие›, вероятно, в натуре. Этого не было, но по газет‹ам› отчасти получается именно это впечатлен‹ие›. Утин.[4]

Милосердия сколько угодно, но не хвалите поступок. Назовите его злом.

---

[1] *К шатанию.* ∾ нам. *вписано на полях.*
[2] Но присяжные ∾ в особенности. *вписано на полях.*
[3] Довольно бы было ∾ удивились. *вписано между строк и на полях.*
[4] Развязн‹ость› и безум‹ие› ∾ Утин. *вписано на полях.*

«Наконец, надо быть милосердым» (не по одной обязанности). Жалеть Каирову и смеяться над Великановой — не значит проявить милосердие.

Ручки-ножки — чудовищное слово! Самое обыкновенное слово.[1] ‹44›

Наши поверенные и заседатели (и суд, кажется, тоже) предполагают кажется, что когда идут резать, то бывают хладнокровны.

Кто жалеет обидчика, тот не жалеет обиженного.

Застань Великанова Каирову и порежь ее бритвой, и мне сдается, что, кроме грязи и каторги, она ничего бы не добилась на суде, в своем ужасном качестве законной жены.

Возлюбила много. Я уверен, что г-н Утин чрезвычайный христианин, но, однако, Христос вовсе не о такой любви выговорил свои вечные слова, и такая инсинуация несколько гадка. Несмотря на то, что простил во храме (пред страданием) и такую любовь,[2] но не такую любовь, про такую любовь он прямо сказал: иди и впредь не согрешай.[3]

Да ведь вы же сами сказали, что Великанов человек невозможный до того, что[4] факт любви Каировой всего пуще свидетельствует о ее безумии. Как же вы удивляетесь после того словам Великановой: ручки-ножки. С невозможным человеком и жить невозможно. Ну, раз говорят невозм‹ожно› — реви потом.

Великанова расположилась в чужой *‹нрзб.›* квартире. Я понял лишь, что Великанова расположилась у своего раскаявшегося ‹45› мужа, который ее же и призвал. Но ведь ниоткуда не следует, что Великанова рассчитывала, что Каирова заплатит и по ее приезде. Я так понял, что как только приехала Великанова, то и квартиру оставила за собой. Тут ей трудно было распознать, кто платит: муж или Каирова? Муж звал к себе, — значит, муж и квартиру оставил за собой, тем более, что Каирова удалилась, и муж уверил, что Каирова удалилась.

Но Великанова через две недели играла. Для чего это замечание? Или г-ну Утину жаль, что ее не зарезали? Нельзя сказать, что Великанова мало вынесла: она вынесла чувство смертного страха, страдания. Вообще минута не совсем была привлекательная. Мне вот жалко, что Каирова сидела 10 месяцев, но за что же я стану бранить Великанову? И сказать, что она одна пострадавшая, — слишком сильно. А в вину Великановой нельзя

---

[1] *Далее было начато:* Да ведь всё

[2] Несмотря на то ∾ такую любовь *вписано между строк.*

[3] *Рядом с текстом:* Застань *Великанова* ∾ не согрешай. — *на полях помета:* Утин

[4] *Вместо:* невозможный до того, что — *было:* невозможный и что

ставить. Выбросила падчерицу. Девочка спаслась чудом из 4-го этажа, неужели это оправдывает мачеху? «*Новое время*», № 73, 13 мая.

Я только робко осмеливаюсь сказать, что зло надо было назвать злом, а не подвигом.

Каирова, все эти бритвы могут быть очень симпатичны. Не люблю всех этих любвей без долгу. Ложь и фальшь. Противно. То есть не любви, а всё, что из этого выводят, и факты, бог с ними, все грешны, а я не судья.[1]

Воспитательный дом (падчерица из окна). Обваренная ручка из самовара. Воспитательный дом — долг. Аффект страшное слово. Среда заела — неужто избавляет ‹46› от долга. Но в долге больше блаженства, чем весело жить с интрижками, имея под боком воспитательный для последствий. Но еще блаженные с интрижками, блаженны. Эти страстные натуры — самоубийцы.[2]

Конечно, весело дать роспуск всем своим способностям и, так сказать, насладиться жизнью. Довольно монахов-то. Я помню симпатичный план писателей французских 40-х годов, которые предлагали учредить, так сказать, сатурналий, чтоб возвратить всё отнятое у тела долгими веками монашества. Ужасно странно и то, что эти же писатели изображали монашеское житье и монаха не иначе, как в виде жирных красных парней с бутылкой в руке, с клубничным перемигиванием с как‹ой›-нибудь красоткой, так что трудно представить, что такое у человечества было отнято. Правда, было несколько аскетов во всех землях и во все века, но ведь так немножко. Через христианст‹во›, напротив, сознал‹и› многие, что в душе правы, в христианстве действительно сознали, что в нравств‹енном› долге счастье.[3]

КАРИКАТУРЫ, БЕССПОРНО ЗАСЛУЖЕННЫЕ.[4]

Начало романа. Мечтатель. Два критика. Но я не вправе писать роман: за мной две статьи. Но я не буду писать, о чем обещал. Скажу лишь про русских европейцев *левой* и *правой*. О идущих в народ (письмо).[5] И что мы несем народу? Расширение мысли. Православие. Кстати, Тернер. (Самарин. Речь Миллера.) Каульбах и проч. Константинополь и православие. (О шатости же и почему народ выше — до другого раза.)

Еще о спиритизме.

О женщинах.

Воспитательный дом. Вознаграждение детей образованием, профессией, правами, поднятием духа (а то их презирают, они стыдятся, оттого дурные). Любовь к отечеству.

---

[1] Ложь и фальшь. ∾ не судья. *вписано между строк.*
[2] Но еще блаженные ∾ самоубийцы. *вписано между строк.*
[3] Конечно, весело ∾ долге счастье. *вписано на полях.*
[4] Карикатуры, бесспорно заслуженные. *вписано между строк.*
[5] О идущих в народ (письмо). *вписано между строк.*

Да, но соблазн для законных. Правда, вы законные, из 4-го этажа, ручка из-под самовара. Но возвысить идею и о законных. Государству надо понять, что дети принадлежат не одним отцам. Проповедовать мысль о взаимных тяготах.

Читал письмо о барышне, кончив<шей> самоубийством. Нет высшего сознания жизни, то есть сознания долга и правды, что единственно составляет счастье. И как она устала, о как она устала, какое матерьяльное понимание в счастье, распределение денег. Придут *выть*. Как противно.

Отучать от науки, от гражданства длинным периодом чинных генералов и запрещенных книг, с умом неприготовленны<м>, без познаний.[1] <47>

Войди в дом мой. Всё это прекрасно. Может быть, мечта? Какая же мечта, если наши присяжные не признают преступления.

Но зато Каировы ненавистны.

Утин. Кощунство. Если б он наивно сказал, было бы только невежество и грубое понимание Христа — и более ничего. Но г-н Утин тут же прибавил: если б не кощунственно. Значит, сам знает, что это не подходит. К чему же сказал? Конечно, захотелось пошутить над своей же клиенткой Каировой, — плоская шутка, дурного вкуса, но присяжные всё вынесут.

Воспитательный дом. В самом деле, давайте мечтать. Почему государству не дать им полного образования. Убыточно? Нет, выгоднее, больше деятелей.

Неужели невозможна мысль расширения мысли о детях как о гражданах. Обязательность образования. Об этом поговорим. А теперь laissez-faire. Промышленность сама сделает дело, даст хлеб, обогатит жидов. Общую бы деятельность направить в новую сторону, государственную, общественную, православную, а не лично-жидовскую. О жидах. Status in statu.[2] О шатости поговорим после, <48> потом. Я обещал[3] сказать, чем народ лучше нас, ибо в народе нет шатости. Но это в другой раз. А теперь лишь о правой, левой.

Очищается место, приходит жид, становит фабрику, наживается, тариф — спаситель отечества. Да ведь он себе в карман! Нет: он дал хлеб работникам. И вот и всё. А государство поддерживает жида (православного или еврейского — всё равно) всеми повинностями, тарифами, узаконениями, армиями. И вот и всё. Не такова мысль русская, мысль *православия*. Будь свободен,

---

[1] Читал письмо ∽ без познаний. *вписано на полях.*
[2] Государство в государстве (*лат.*).
[3] *Незачеркнутый вариант:* хотел

но неси тяготы всех. Люби всех, и тебя любить будут (не из-под палки). Станови хоть и сам. Детей не отнимают у отцов, но пусть отцы проникаются мыслью общения. Детей вместе. Разрушить семейство нельзя.[1] Польза. Прекрасные. *Всеобщий долг* (а не клубничка). Жиды. Status in statu. Время шатания. *И т. д. Правой, левой.*[2]

Жиды. «Новое время», № 74, 14 мая. Пятница. Заявление г-на Гриневича о жидах в обществе <49> для содействия русской промышленности и торговле. На него напали. Жидам ли у нас не найти защитников? Средства у них есть на то.[3] И что за аргументы? Что наши кулаки и мироеды не хуже. Если существует такой парх как кулаки,[4] то следует ли из того необходимость жидов? И тех и других надо ограничить. Наши мироеды через жидов большею частию вошли в свои привилегии. Возражают, говорят про образование. Что такое образование, какая глупость: не лучше ли просто подождать золотого века и тогда уже ограничить жидишек. Земледелие надо поддержать, ибо промышленность рождается из земледелия, а у нас мимо земледелия, началась спекуляция. Ограничить права жидов во многих случаях можно и должно. Почему, почему поддерживать это Status in statu. Восемьдесят миллионов существуют лишь на поддержание трех миллионов жидишек. Наплевать на них. <50>

В том же № «Нового времени», № 74, из немецкой брошюры о второстепенности Бисмарка.

Можно ответить какому-нибудь «великому русскому», сделав выписку о Бисмарке, что «иначе вы даже с Бисмарком не сравняетесь».

«Москов<ские> ведомости», № 119, мая 13. Статья о *чешских переселенцах на Волыни, о нашем шатании* (как пример). Предоставление им веры и языка из либерализма для того-де, чтоб избежать нелиберального шовинизма.

«Москов<ские> ведомости», № 119, мая 13. В той же статье о чехах свидетельство о том, что наше духовенство и не почесалось обратить чехов, *желавших* присоединиться к нашей церкви.[5]

«Новое время», № 76. Убийство двух девочек в Киеве в университетском ботанич<еском> саду.

---

[1] Разрушить семейство нельзя. *вписано.*

[2] *Рядом с текстом:* Люби всех ∾ *левой.* — *на полях помета:* Тернер.

[3] Средства у них есть на то. *вписано.*

[4] *Было:* жиды

[5] *Рядом с текстом:* «Москов<ские> ∾ нашей церкви. — *на полях помета:* Семинаризм

Аффект, девочки. Аффект, ребенок, столкнутый из окна. ‹51›

Что ж, твердо вы уверены, что не существует такой черты, за которую нельзя переходить в аффекте. Всё от среды.

Милосердие — другое дело, но не развращайте народ, не называйте зла нормальным состоянием.[1]

Для чего не изнасиловать девочек и т. д.

Еще теперь стыдятся и отговариваются аффектом, но скоро перестанут стыдиться. Присяжные поверенные, как Утин, намекают на будущее. Прав, права, так и следует.

«Московс‹кие› ведом‹ости›», № 120, суббота. Корреспонденции о пощечине Ратькову-Рожнову.

Что сказать об жидах, что сказать о православии (Тернер).

О Каировой. Об унт‹ер›-офицере Данилове, о Петрове.

О том, что столкнула падчерицу.

В чем свобода? В том ли, чтоб предаться всем возможным течениям или овладеть собой и своими стремлениями?[2] ‹52›

Был в воспитательном доме, всё[3] дети матерей, сидящих на ступенях дач и точащих бритвы на своих соперниц. Искривленья пошлых чувств; сами не зная, надо ли убить или не надо. По-моему, если б она наверно знала, что убьет, было бы лучше по твердости понятия и решения, тогда как, зная ненаверно, выходило одно лишь баловство, из амбиции, из сладострастия, из ненависти. Что вы думаете, что я это презираю? Нет, я знаю, до чего это может довести, безначалие вне вас, в внешнем законе (ибо общество есть закон, не говоря уж о казенном законе) и безначалие внутри вас,[4] но всё же *это грех,* не говорите, что так и *надо*, не провозглашайте *безответственность*. Но о воспитательном я потом.

Земледелие есть враг жидов.

Но наша шиллеровщина мне нравится.

Дети общие. ‹53›

Каирова и воспитательный дом.

Аффект.

Письмо о молодежи в народ. Правой, левой. Колебания. Левой — ближе к славянофилам. Белинский и Боборыкин. Боборы-

---

[1] *Рядом с фразой:* Милосердие ∾ состоянием. — *на полях помета:* Здесь Утин

[2] *Рядом с текстом:* В чем свобода ∾ стремлениями? — *на полях помета:* Каирова, Утин.

[3] *Вместо:* всё — *было начато:* сидящи‹х›

[4] безначалие вне вас ∾ внутри вас *вписано на полях.*

кин о моем лиризме. Да ведь отрицая же себя. А ты не только отрицая, но еще веруя, что послужил и европейскому человечеству. Об этом в следующем №.

О женщинах.

Спириты.[1]

О жидах. О чехах, о православии.

Тернер. Пусть католич‹еские› церкви на Невск‹ом› прос‹пекте› так и остаются, но чехи — обратить их надо.

Драгоценность народу.

Спасение от образования и от женщин.[2]

Спириты.

Возьмите вопрос о жидах, о лесопстреблении, шатании, в народе покамест нет, об этом после (и о том, что несем народу), а пока лишь соображение: правой-левой, но Белинский не знал России, об этом потом, а теперь корреспонденту о молодежи, оптимизм, пройдет пора шатания, образование, женщины.

Спиритизм.

Сами излечатся от народа.

Космополит. Так как я вижу, что нет космополита, кроме русского, стало быть, это существенная черта русского, вот его и особенность.

Духовное единение. Православие. Взамен матерьяльного единения, силой католичества, римского единения.

А славянофилы-то и космополиты уж и начинают с того, с уничтожения исключительно русской идеи, сравнительно со славянством. Но ведь славянство лишь первое собирание. Оно расширится на всю Европу и мир как христианство. Вы смеетесь над православием, а вот редстокисты, увидите, кончат-таки тем, что будут плясать около чапа и есть каждый из своей чашки, штундисты тоже. Это свойство человеческого. — Я очень рад, что написал это. Может быть, очень близкие потомки доживут до этого и вспомнят.

Но не уничтож‹ение› России, а смирение мысли России.[3] ‹54›

Воспитательн‹ый› дом.

Когда будет тот первый момент, когда эти дети узнают, что они *не обыкновенные дети.* Должно быть, и нет момента, с 1-го

[1] Левой — ближе ∾ Спириты. *вписано между строк и на полях.*

[2] *Вместо:* Спасение от образования и от женщин. — *было:* О женщинах.

[3] Но не уничтож‹ение› ∾ России. *вписано на полях.*

мгновения от нянек. Узнают, что они *хуже всех.* Почему? Это уж долго спустя, но не очень: потому-де, что отец твой и мать бесчестные. Почему бесчестные?

Чувства. Средина и бездарность подла. Верхушка: злодейство или благородство, или и то и другое вместе. Вот где героя романа взять. У Victor Hugo — enfant trouvé [1] сыщик. Конечно, все эти бритвы на лестницах симпатичны, но...

Чистота не мешает, особенно у нас, особенно у детей. Слава <?>. Или стушеваться в ничтожество. Но не превозноситесь. *Везут гроб.* Почем вы знаете, взгляд, слово не вредило ли? и проч.[2]

Зло — злом.

...Надобно уничтожать причины преступлений (среду). Но не в одних причинах преступление, не в среде.

Не уничтожайте личность человека, не отнимайте высокого образа борьбы и долга. Об этом много еще будем говорить.

Петр Великий хлопотал о ближайшей пользе, но мы не знаем его предчувствий.

В жизни его — мечтательн<ость>, ригоризм <?>, с вопросами философскими он не мог быть знаком.[3] <55>

Речь Утина. Средства определяют обстоятельства дела. Червонный валет или отец, укравший для голодного ребенка.

Беспрерывно говорит: любила как свое творение. Да что же она из него сотворила? Детские слова.

Судя по такой защите, вот что может померещиться публике, что будь на месте Каировой Великанова, то каторга, тогда как, может быть, было бы не так.

Может быть, глубокое христианство внушило г-ну Утину эту мысль, а вышло совсем не то.[4] Это юнкерская мысль. Юнкера действительно полагают, что Христос, говоря о том, что возлюбила много, подразумевал вот именно эту самую клубничку.

Эта ночь, это точение бритвы тяжело.

К тому же почти наверно можно сказать, что она не знала, что делала. То есть аффекту я не верю ни на грош, да и никто, я думаю,[5] но не знала, кончит ли? Раскольников, опустивший топор. Правда, гадко. Но всё же возбуждает глубокое сострадание. Но Утин разрушил всё, перешагнул меру. Он сказал, так должно (выписка). Самое-то падение человека возбуждает со-

---

[1] подкидыш (*франц.*).
[2] Чистота ∽ и проч. *вписано на полях.*
[3] В жизни ∽ знаком. *вписано между строк.*
[4] а вышло совсем не то. *вписано.*
[5] да и никто, я думаю *вписано.*

страдание. Что ж, ведь она была не жена. Корреспондент-то прав, никакого удержу.[1] Это всё равно, что так должно.

Бремена тяжкие. Правда, ее оправдали и оправдали бы наверно, но зато она мучилась. Может быть удовлетворено чувство справедливости.[2]

Но ведь тот же Великанов, столько вравший, мог ей соврать, что платит он или что теперь платит он, а что постель его.

Родится, бьется, кричит, заявляет право существования, как будто и имеет его. А его в нужник. А тут еще явится адвокат, что возлюбил много, я не про господина Утина теперь говорю. А кстати, если б убила Великанова — каторга. ‹56›

Один столбец политики. Султан.

Православие и славянство. Константинополь как столица России немыслим, а Константинополь как столица православия — должен. Православие и Россия как старший элемент его.

Об «Идиоте» — в ответ L на его рецензию «Парадоксалиста». У вас, господа, вместо сердца кусочек чего-то казенного.[3]

То, что нет преступления, — есть один из самых грубых предрассудков и одно из самых развращающих начал.

Рассказ Алчевской насчет мальчика, зарезавшего за 10 000.

Воспитат‹ельный› дом. Известно, что приобретаются ужасно сложные идеи у младенцев, и процесс этот неуловим. Так что нам нечего гордиться нашим умом. Каспар Гаузер. ‹57›

Слова Велика‹новой› ручки-ножки.[4]

Да у вас, господа, в семействе, несмотря на всю вашу благовоспитанность, не бывало таких слов.

Фальшь преследую.

Но г-н Утин расходился и похвалил преступление.

Если уж блистать гуманностью, то можно бы быть гуманным и к Великановой (да и смешон, груб этот прием).

Политика. Мурат. Франции дорого продать. Рано. Мешает многому Австрия.

Константинополь, что ж, столица греков. Надо раздробить, ибо с славянами передерутся, — без России не обойдется.

---

[1] Самое-то ∾ удержу. *вписано между строк.*

[2] Бремена ∾ справедливости. *вписано.*

[3] *Рядом с текстом:* Об «Идиоте» ∾ казенного. — *на полях помета:* «Голос», № 138, среда, 19 мая.

[4] Слова Велика‹новой› ручки-ножки. *вписано на полях.*

Столица православия. Великорус.[1]

Беспорядки в Турции, в которых Англия, не зная, что делать, вероятно, примет свою традиционную политику поддержки Турции изо всех сил. Но эта политика невозможна без союза с Францией. Придется соблазнять Францию. Решение Франции всё значит. Найдется ли во Франции голова, чтоб суметь подороже продать себя.[2]

Захочет ли Бисмарк отступиться от того, чтоб Восточный вопрос очутился в Берлине. ‹58›

Аплодисмент. Суд не может не быть для определения, что зло, что добро, для единства мысли и определ‹ения›. Наказание же может быть изменено.

Удалять других обязано, исправлять, переделать трудом, желают страдать.

Кто знает, впоследствии: ты не прав, брат наш, иди от нас. Пусть принимают его в другой общине или в другом даже народе. Но и это и все систе‹мы› фантастичны.[3]

Расписание 21, 22 — Утин.
23—24 — Среда.
25 — Воспитательный дом.
26—27 — Рассказ Алчевск‹ой› и пр.
28 — 2-й корреспондент. Молодое поколение. Начало и Турция.
29 — Турции конец.

Демос. Даже в Англии, даже в Америке вы найдете склад общества более обособленный, более аристократический, чем у нас. Я только про шатость и что несем с собою и т. д.

Да и всё почти г-н Утин преувеличил, я не желаю говорить худое; она слишком несчастна.

Возлюбила много. Если б отнесся к делу гуманнее, то был бы обдуманнее, был бы обдуманнее, не сказал бы такую глупость. А кстати юнкера.

Юнкеров, гимназистов, кадетов.

Так что как бы оправдал. Это кажется у них (подкрепляет) от излишних избыт‹ков› юношеских сил. От избытка казарменных[4] сил при взгляде на женщину.[5]

И старших надзирательниц, говорящих даже по-французски.[6]

---

[1] *Рядом с текстом:* Политика. Мурат ∾ Великорус. — *на полях помета:* Политика.

[2] *Рядом с текстом:* Беспорядки ∾ себя. — *на полях помета:* Рано!

[3] Удалять других ∾ фантастичны. *вписано между строк.*

[4] *Незачеркнутый вариант:* юнкерских

[5] *Рядом с текстом:* Возлюбила много ∾ женщину. — *на полях помета:* *Утин.* От избытка ∾ женщину. *вписано между строк.*

[6] *Рядом с фразой:* И старших ∾ по-французски. — *на полях помета:* Восп‹итательный› дом.

Воспитательн<ый> дом. Тяжеловесность. L — насчет войны.

Я просто, что не стоило сохранять.

Наказание. Почем знать, может быть, суд решит, ты виновен, брат, и он обнимется с нами. <59>

NB. *Правой-левой*, или в самом высшем свете, или в нигилистах — одно *явление*.

Воспитательный дом. Дуня, ножка, хоть бы мать ей за это. И с каким благоговением вы смотрите на эту грудь, няню, любовь — за их материнское чувство, и — какое омерзение Каирова. Нет, в пашем обществе еще много сентиментальности и ложных понятий (ложных взглядов).

Мне взгляды эти ясные баб понравились, точно они *своих* ведь держут. Матери.

Май

Глав<а> первая. 1) Из частного письма.[1] 2) Областное новое слово. 3) Суд и г-жа Каирова. 4) Г-н защитник и Каирова. 5) Г-н защитник и Великанова. *Глава вторая.* 1) Нечто об одном здании. Соответственные мысли. 2) Одна несоответственная мысль. 3) Несомненный демократизм. Женщины.

ЖЕНЩИНЫ.

Воспитательный дом. Другой корреспондент. Демос. Демос (Алчевск<ая>). Об шатании нашем. Об нем поговорить, я обещал, что *несем*, а теперь лишь мысль сообщу: правой, левой. В правой-левой, по Боборыкину.[2]

Шатость, которой нет в народе, несмотря даже на Киликинскую волость. Что несем, несмотря на шатость, а теперь лишь правой-левой.

Где мои спириты? Наобещали слишком.[3] <60>

К нашему шатанию. «Новое время», № 82. Суббота, 22 мая 76. Выписка из «Церковно-общест<венного> вестника» о штундизме и Редстоке.

NB. Неученое, грубое неверие лучше ученого, тонкого.

NB. Киликинская волость, Оренб<ургской> губ<ернии>.

К нашему шатанию. О том, что боимся наказывать преступника. Преступление есть болезнь (будто бы), Суворин. Обиженная дама у Палкина. Полицейские боятся потерять свое достоинство. Били и толкали городового. Чуть не били и толкали участкового пристава (помощника).

Убийство двух девочек в Киеве.

---

[1] *Было:* Отрывок из письма.

[2] В правой-левой, по Боборыкину. *вписано.*

[3] Где мои спириты? Наобещали слишком. *вписано на полях.*

К шатанию. Тернер. И о «Церков‹ном› общ‹ественном› вестник‹е›», похвала Редсток‹у› за бога неверующим. ‹61›

ИЮНЬСКИЙ №.

Ответ критикам L. Преступление и наказание. Рассказ Алчевской и проч. Женщины.

Ответ корреспонденту о демосе (в народ). Кликинская волость.[1] Шатание. Роль России.

Почему умерла Писарева? Утомила бабочная специальность. Ехала получить образование, расширить мысль и втюрилась в бабки. Усталость, апатия. Живая натура. Не вытерпела и разочаровалась. Прокляла.

27 МАЯ (8 ИЮНЯ) УМЕРЛА ЖОРЖ ЗАНД, ВЕЛИКОЕ, ПРЕКРАСНОЕ ИМЯ!

«Новое время», № 88. Суббота, 29 мая, биография Жорж Занд.
В том же № наши газеты о востоке, о войне и о взятии Константинополя.
Карамзин. Шидловский.

Жорж Занд. Моя юность. «Фауст» Губера. «Ускок». Училище. Человеколюбие! Венеция. Социализм. Жорж Занд прежде всего в нашей ссылке. Человечество. ‹62›
Мать.
Была собственница.

По обыкновению всех до единого социалистов, отрицающих собственность вообще, но[2] владеющих сами хоть какою-нибудь собственностью: Victor Hugo, Herzen, Ж. Занд и проч.
Тогда было не то, это впоследствии пошел ряд обучившихся русскому мужику писателей.

Заронить прекрасное в душу; она не знает картины. Мадонна. Егор-Занд, не верила.
Нечто честное, твердое, не отдам идеи.
Идеалистика по преимуществу.
Обучившиеся русскому мужику иностранцы.
Страна святых чудес.
С тех пор явился сор людей дрянных.
Мы дрянь, так и все пусть дрянь. Почему же мы дрянь? Великого нет ничего, а стало быть, захотеть и можно стать великим. Буржуа.

---

[1] *Далее было:* Правой-левой. Турция, роль России.
[2] отрицающих собственность вообще, но *вписано*.

Осталась тогда одна поэзия. Затем уничтожилась всякая наука и пошли железнодорожники.

Тогда было время беззаветной веры в великое.

Любила аристократию, но основала на совершенстве души человеческой, с которой являлась гордо, не в виде юмора, не в виде Белкина, Горио или капитанши, а прямо ставила цариц.

«Жанна». Шекспир.

Женщины должны плакать и носить траур.

Взяла у нас всего более русской силы (общечеловечности).

Кончить *расширением мысли*.

Это был поэт буржуазного отложения социального (образованного). Народ не имел поэта. Не облагорожено, без прекрасного.

Кажется Ж. Занд высказала всю свою мысль до 50-х годов. Прекрасные позднейшие произведения уже не несут в себе какого-нибудь нового слова.

Считали себя выше Христа. В героинях нет смирения, но есть жажда добровольной жертвы, подвига.

Что значила для Белинского? Обида, поэт во Франции не то, что у нас. Это несет на всё человечество. Такой была поэзия 19-го века Франции.[1]

Нет союзников, все против нас, *но златые последствия были бы*. Освободили свой народ, освободили бы и другой. Освободители. И у себя бы поставили твердо мысль. Не всё жиды и банки. Говорю потому, что если не теперь, то очень скоро *придем к тому*. <63>

«Церков<ный> вестн<ик>». Редсток. Лучше грубый атеизм, чем ученый. Кончат атеизмом, а если нет, то станут трясучками и особная чашка.

Религия не одна только форма, она всё. От отца к сыну атеисты действовали как православные. Вы относитесь свысока к православию. Гибер, архиепископ Парижский.

Но какое комическое заявление. Мы-то вот не сумели удержать веру в бога, так хоть Редстоку не препятствуйте. Сами признаются.

Васильев у Редстока.

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ (на августовский № всё соединить вместе и статью о *двоеженстве священников* и вечный счет доходов.)

«Новое время», № 90. Политика. 31 мая статья еретическая из «Церков<но>-обществ<енного> вестника». О двоеженстве. <64>

---

[1] Это был поэт ∼ Франции. *вписано на стр. 64*

Июль—Август

Русское самодержавие. Об обеспеченности самодержавия. Все свободы разом и все земские соборы, потому что слишком обеспечена власть. Только у нас одних. Наша своеобразность.

Могло бы быть и теперь, но держит еще наше общество. Не понимает оно сущности русской, ибо оторвалось от почвы. Декабристы (западники). Славянофилы ведут к истинной свободе, примиряя.

Всечеловечность русская. Наша идея. Всечеловечен, казалось бы, расплылся, но нет, он тем-то в высшей степени единица.

Слить эту статью с драгоценностью, которую несем народу <65>

«Моск<овские> вед<омости>» № 134. Воскресение.

БИЛЕТНИК выживает старого ветерана. Сообщено «Москов-ск<ими> вед<омостями>» из «Недели». (По сему поводу рассказ Маши.)

NB. Я сказал в майском № о демократизме. В том ли демократизм, чтоб поддерживать разврат без удержу и отпугивать капиталы, руки и ум от земли. Вместе с теми истреблять и леса, ибо крестьяне истребляют с остервенением, чтоб поступить к жиду. Митрофанушка, все ему няньки, кормят его до боли в желудке, смерть причиняют.

Отвлекают примирение с народом. Он, дескать, эксплуатирует его. Да неужели они не понимают, что будь только деньги у капиталиста, так он и среди всякой бесправицы доведет до эксплуатации. След<овательно>, если кого наши либералы и преследуют, так это только честных помещиков, земледельцев, которые среди народа могли бы послужить к его же силе и просвещению. <66>

О, не развращайте[1] народ бесправицей. Наше время вроде смутного времени при междуцарствии. Скажут мне: «А что же вы кричали про народ и пели ему дифирамбы? Вот признаете же его собакой и канальей?» Врете вы, я же его и люблю, коли хочу спасти от разврата, а вы-то вот и губите, *было бы у вас либерально. Стало быть, вы эксплуатируете народ, развращая его, для либерального вида ваших газет.*

Что будет с Россией без лесу? Положение хуже Турции. Ждет жид.

---

[1] *Было:* не смущайте

О том, что литературе (в наше время)[1] надо высоко держать знамя чести. Представить себе, что бы было, если б Лев Толстой, Гончаров оказались бы бесчестными? Какой соблазн, какой цинизм и как многие бы соблазнились. Скажут: «Если уж эти, то. . .» и т. д. Тоже и наука.

NB. Это бы по поводу Струсберга и процесса банка в Москве. ‹67›

Восточный вопрос. Православье. Драгоценность народу. Всем слуга: это от православия. Православье не католицизм (различие), не лютеранство (гимн победе), не секты (чашки и сегодня меня возьмут на небо), а в православьи всем слуга, всех утешает, всем помогает, все личности сохраняет, а не глотает. Не будет фабрик. Всё — служение всем — расширение взглядов, драгоценность народу. Малоруссия,[2] язык через триста лет уничтожится. Быть малороссом, чехом — мелкая идея, быть всеславянином — выше, а для чего быть всеславянином? Чтобы сказать всеславянское слово. Какое оно? Православье, а главный выразитель — великорус (Палеологи, двуглав‹ый› орел). А! Великорус, скажет малоросс. Да, великорус, но хотите — примыкайте, хотите — нет, будьте вольны и свободны. *Это дело вольное и свободное.* ‹68› Но идея не созрела. Славяне не понимают, она лишь в России. И потому мы должны лишь *служить* славянам и облегчать их участь, а там как они хотят: примкнут или нет к федерации — всё равно.

Федерация всех славянских земель, но Константинополь русский (знамя). Столица православия.

«Новое время». Четверг, 10 июня, № 100.

Приведена в Политическом обозрении моя фраза о «ключе в шкатулке у кн. Бисмарка», но так, как будто это сказал не я, а кто-то другой, иметь в виду.

«Новое время», № 103. Речь Робера учительницам (народным) в училище Максимовича, на[3] выпускном экзамене. ‹69›

Одно из сравнений. Тарантул, забежавший ночью в спальню. Его не поймали. Piccola bestia. Флоренция. Пренеприятное ощущение было спать в этой комнате. Впросонках, во сне, грезилось.

Смерть Аполлона Григорьева, рассказать факт.

---

[1] *Вместо:* в наше время — *было:* в наш век
[2] *Было:* Малороссия
[3] *Было:* при

Ж. Занд не мысль, Жорж Занд — убеждение. Благородная натура, художник, не лишенная ошибок. Литература — знамя чести.

Правой — левой. Ап. Григ‹орьев› о Белинском (к славянофил‹ам›).

Кстати об Аполлоне Григорьеве.

Константинополь, расширение взгляда, православье (не охраняем нашу личность, но отдаем ее) (см. в син‹их› книжках).

Политическая статья.

Ответ на письмо.

Самоубийцы (дочь Герцена). Боятся ли самоубийцы? Ехидно. (Дочь Герцена.) Тоска, надо скорее русскому русской жизни, русской мысли. Дочь Герцена. Паук во Флоренции.

Ответ на письмо (о Каировой).

Спиритизм — «Церковно-обществ‹енный› вестник».

Оскорбление дамы у Палкина.

Народ — Митрофанушка, поступить к жиду (см. Билетники).

Письмо самоубийцы.

Ехидно — дайте я с собой сделаю, а только чтоб не со мной делали. Защитить кого-нибудь — он и не думает об этом.

Жорж Занд. Типы. Потребность жертвы и личности в типах. Тем и спаслась. Не то запуталась бы.

Она основывала свой социализм на нравственном чувстве, а не на муравейной необходимости. Сама не зная, была христианкой. (Типы. Личность.)

NB. Нет нравственного удовлетворения, а есть мертвая необходимость открытия науки. Чтоб уничтожить личность (запросы ее и требования, и никто кроме нее не был), выдумали среду, законы и воображают, что личность подчинится этим законам.

Это одни из тех, которые взяли у нас всего более русской силы, любви, жалости.

И потом *‹не закончено›*

‹Она основывала› св‹ой› соц‹иализм› на потребности нравственного обновления человечества сообразно с ростом и развитием

человеческого, гражданского и политического. Ж. З‹анд› не мысль, а убеждение. Убеждения ее были величайшею верою. В типах потребность жертв и развитие личности. Позднейшие выводы *науки.*[1]

2

О расширении взгляда.

(NB и заключить: всё это еще 1000 раз повторить и объяснить надо.)

Она принадлежала к недовольным судьбами революции 93 года (не хотела признать[2] в буржуазии идеала).

Не единым хлебом жив человек. На потребности жертвы.

Это *наша*, хотя ее и отвергли Сенковские и Булгарины.

Пьянствовала с Леру — у Ледрю Роллена — разврат. Самая чинная, мать семейства, курятник и даже собственница.

Особенно хороши девушки.[3] Кончилась к 50-м годам. Я говорю только про мысль. Художественность продолжалась.

Наша. Значила у нас. Насколько вошла в нашу ссылку.

Она не знала христианства. Лежит проклятие. ‹71›

Не гуманности нам учиться у западных поэтов, но *расширению мысли и тому, что у них прекрасно и здорово.*

В позднейшем было много, с чем можно не согласиться. Но г-н Тургенев все-таки рано потерял благоговение.

Стыдился очень-то хвалить.

Жорж Занд.

Расширение мысли. — В Твери Робер. — Литература — знамя чести. Тарантул.

Политическая. (Скоро готовиться, и война была бы *кстати.*) NB. (Когда к войне готовы бывают?)

Правой — левой.

Аполлон Григорьев.

Самоубийцы — ответ на письмо. Дочь Герцена.

Ответ на письмо: *зачем Утину.* О зле и добре, *о черте́, о среде.* Есть или нет преступление.

---

[1] св‹ой› соц‹иализм› ∾ науки. *вписано.*

[2] *Было:* быть

[3] *Далее было начато:* Я

Политика:

Объявлена война. Я не мой Парадоксалист, но иногда лучше. Конечно, хорошо, если мир не будет нарушен, но quand même, вынося даже побои, как у болгар, — нехорошо. Россия страшно сильна у себя дома. Если те раскатают Турцию, что несомненно, то дадут ли им что-нибудь приобресть. (Австрия.) Россия. Столица православия. Константинополь — гибель России, а как столица православия нет. ‹72›

Самоубийцы

В Твери Робер.

Здесь Ехко — Дочь Герцена, письмо самоубийцы.

Piccola bestia.

Селин — Прачков,

Рагозин — сердце. ‹73›

В Твери Робер.[1]

Константинополь — столица православия.[2]

Расширение взгляда состоит в том, что мы *не в себя живем,* как Англия, и не в себе считаем достижение целей, — а в всеобщей родственности и концепции.

Сохранить единицы славянские, единя их в одном православии.

Взгляд русский составился в том, что мы православны, но это узость — стаканы и ложки раскольников[3] — через реформу деятельное православие. Извинение и примирение со всеми мыслями Европы.[4] О Европе мы можем теперь, после двух веков, заключить, что христианством они не взяли, хотят взять наукой, социализмом. Отрицание христианства не во гнев Н. Михайловскому.[5] У нас православие, но главное единение. Единение, вопервых, в уничтожении ложек и стаканов. Во-вторых, в родственности с европейскими идеями, в-третьих, — нежелание политического захвата, способность мирить.

Столица православия — вот наша идея, чего же боится Европа.

Россия останется в России, но станет государем Константинополя как хранительница православия. ‹74›

Здесь, 29 июня.

Надо заметить, что если Европа и смотрит на славян в настоящее время так бесчувственно, то именно через Россию, потому что русские тоже славяне.

[1] В Твери Робер. *вписано.*
[2] столица православия *вписано.*
[3] стаканы и ложки раскольников *вписано.*
[4] Европы *вписано.*
[5] Отрицание ∾ Н. Михайловскому. *вписано на полях.*

Писарева, естеств<енные> науки, великие мысли, целое земли, а не специальности, учиться краске для выделки ситцу (все равно не то, так другое), Писарева, акушерство, что дало душе, сердцу, жаждущ<им> вопросам, цинизм *необразованных* людей, долбивших свою специальность из хлеба.

Великая идея, питать ее будет, останется же, затоскует (педагогический экзамен).

Воззвание. Помощь славянам. Европа помогает. Пришла и потом: необходимо *полное* университетское[1] образование, чтоб усмирить волнение. Подъем слишком серьезен, и только в самой высшей науке столько серьезности, чтоб усмирить волнение.

Писарева. (Я кроме того, что было напечатано в «Н<овом> вр<емени>», не знаю про Писареву.)

Герцен.

Письмо застрелившейся.

Объявление, что до августа.

Как отговаривать. Педагогические курсы, не найдется ничего под оборотом медали, затоскует.

А права, которые дает образование, завоюются сами собою.

В служении человечеству не нашла удовлетворения.

Из книжного мира, из книжных отвлеченных убеждений. <75>

НА АВГУСТ ТЕМЫ

О том, что русский народ[2] вовсе не так сквернословен (скверномыслен), как изображали его Гоголь (заплатанный х...) и генералы-командиры солдат в 40-х годах.

Рассказ батюшки Ив<ана> Румянцева о *Сесицком* ругателе и зуботыке (исправнике).[3] <76>

2

Состав августовского №

NB. *Кстати.* Письмо Рагозина. Пробить сердце. Вот глубокое рассуждение: ибо что такое «пробить сердце»? Привить нравственность, жажду[4] нравственности. Умом же ни до чего не дойдешь.

---

[1] университетское *вписано.*

[2] *Незачеркнутый вариант:* мужик

[3] *Далее было: а. Начато:* Гоголь был *б.* Гоголь великорусского народа совсем не знал

[4] *Незачеркнутый вариант:* потребность

NB. Кстати о Селине (профессоре киевском) и его диссертации о том, что мы вступили в совершенную неизвестность.

NB. Письмо неизвестного о спиритизме (колебанье частиц в организме).

NB. Прочесть Потулова о спиритизме.

NB. Письмо Порецкого — (рассердился).

NB. Русские за границей не порядочного тона. Порядочный тон заключается в искренности и честности. Этого нет потому, что интеллигентные русские безнравственны.

За границей и преступник — нравственный. (Zola, la belle Lise).

Селин о потере идеала с нашествия Наполеона.

«Полная неизвестность». У нас, может быть, и рады бы верить, да не знают чему.

Der silberne Löffel.[1]

Отчего Писарева устала и отравилась: не нашла требований духу. Множество женщин идут, и оборот медали.

Колонизация Крыма. «Московс‹кие› ведомости». Правительство должно. Кроме того, что укрепит окраину. Не то вторгнется жид и сумеет завести своих поселенцев (не жидов, разумеется, а русских рабов). Жид только что воскрес на русской земле, для жида наступил новый фазис. Жид как раз попал у нас на либеральность.

В Германии говорят, что мы не готовы к сражению (про военное министерство), про офицеров. (Ба! где это я читал о ворующих офицерах.) Это они вздор, — думал я про себя.

Орангутанг. Если он думает, то как же в 2000 лет он ничего не выдумал, ну хоть арифметику. Но он ничего не выдумал, не только арифметики, но даже и слова, чтоб выразить свою душу. А разве это естественно: уж коль есть душа, то непременно природа дала бы и слово.

Нет общего дела, и потому всё разбилось на личности.

Параллель семьи социальной. Брак association libre (esclave) Zola[2] и брак по Христу, где esclave немыслимо.

---

[1] Серебряная ложка (*нем.*).

[2] свободное товарищество (рабство) Золя (*франц.*).

Отчего же реальным миром до сих пор управлял лишь идеал? Идеал жертвы всех 1000 миллионов Ротшильда, сравнительно с чувством самосохранения реалистов.

Piccola bestia.

Демократизм один остался за нами (при безнравственности). Народное начало настало.

Но вместо аристократии лучшие люди. Кто же у нас лучшие люди? Сами установятся ‹77›

1

Состав августовского №

1) О Зола и проч. (Я так и знал, что закричат о парадоксах).

2) Победон‹осцев› о Герцене.

3) О спиритизме. (Мое гадание в карты.)

4) Эмс. Путешествие в Эмс, дорога, жиды, наплевал с озера — добродушие немцев: Was suchen Sie? [1] Характер немца, дама, pour hommes [2] любопытнейшая черта. Не засмеялись. Русский и дочь (враждебные взгляды).

(NB. Описание моего весеннего приключения в части.)

В 71-м году настроение немцев в Дрездене. Графиня Кушелева-Безбородко, обругавшая немцев.

Описание обедни в Эмсе и проч‹ее›.

5) О славянах — Европа — венец человечества — туркам всё позволила. (Мысль как далека от дела в человечестве!)

Смерть Ап. Григорьева. Женщины по Страхову.[3]

Высунутый язык.

Крым («Москов‹ские› ведомости»). О татарах. (NB. О жидах.)

Немецкий нищий (дал 1 марку). Баба с резедой.

Смерть провинции или нет?

---

[1] Что вы ищете? (*нем.*).
[2] мужской туалет (*франц.*).
[3] Женщины по Страхову. *вписано.*

Лизавета Смердящая (попробовать).

(Антоний Римский.)

Не высказывай свою мысль до конца!

Письмо Куриленкова насчет пропадающей корреспонденции по железным дорогам.

Письмо Левитского об адвокате Чигоринцеве, продавшем дело своего клиента его противнику (право на бесчестье, москов<ский> капитан, мало нравственности). Всё это потому, что нет общего дела и разбились на личности. То есть и есть общее дело, но не видно оно всем. Точки зрения разбились по личностям.

У немцев есть и общее. Объединенная Германия. В смысле славы и чести немцев: вот, дескать, каковы мы, немцы. А пуще своя буржуазия. Выработалась она живым делом и дорога́.[1]

Сравнение с заграничными: тут нет заведомого злодейства, тут и в злодеях убеждение в чести и честность. У нас же не только нет честности, но и мысли об ней. Безнравственно прямо. Голый разврат эгоизма, не стыдящийся своей скверной наготы и боящийся только палки, но и той не боящийся. Это всё картины интеллигентного необразованного общества. Но сохраняется и высшая интеллигенция, но страшно подумать: всё седые, всё 40-е годы. А новые — в новых один цинизм, разделись догола, и ведь не для развратного удовольствия разделись (Руссо) — совсем нет, безо всякой мысли, просто как дикие, как скоты. Собака грызет кость, другая ворчание. Вот эмблема: стащить кость и сгрызть ее одному. Дикие! дикие! Орангутанг.

Письмо Сафонова о подравшихся офицерах. Право сильного, освящаемое обществом, право мести. Личность не обеспечена. (Раздраженный Карлов.) Общество правил нравственности не имеет. NB. Из Европы, стало быть, ничего не принесло, а хоть есть индивидуумы высокой чести, но так как они влияния не имеют, то их придется считать *пока* за частные случаи, не успевшие сплотить из себя гражданского общества.

NB. Прочесть очерк Лебедева в «Новом времени». <78>

3

Состав августовского №

Ибо главная нелиберальность Карлова в том, что он военный.

Взять из Герцена, из «Станкевичева круга» для возраженья Селину.

---

[1] Всё это потому ∾ дорога́. *вписано на полях.*

Для возражения «Биржевым»[1] (Баден-Баден, Константинополь). «Вы подражаете тем, которые на Россию начали уже смотреть, как на Баден-Баден» (фраза Герцена). Это нисколько не обеспечивает будущего, но делает его крайне[2] *возможным»*.

Лучшие люди. Вопрос, чтоб узнать, что такое лучшие люди,[3] и ставить нельзя: всякая сила, хотя бы и дурная, но что в самом деле лучшие люди? Просто честный человек, христианин. Стало быть, завидовать нечему. Но надо, чтоб и аристократ уважал такого. Надо настроить так общественное мнение. Лучший человек и всегда был так, но не там, где аристократы. Сильные люди. Не сильные лучшие, а честные. Честь и собственное достоинство только сильнее всего. (Вставить о русских в Эмсе, нет собственного достоинства.)

Вот в Берлине я видел орангутанга.

Параллель семьи христианской и социальной. Красота христианской семьи. *Парадокс.* Да, но когда это будет, в действительности другое.[4] Но идеал. *Парадок‹с›.* Нет уж, пусть лучшие идеалы дурны, да действительность хороша. Но принцип, принцип выше. И т. д.

Война теперь была бы для нас не совсем вредна, по крайней мере не вполне вредна. Не всё же одним жидам в карман. Она бы сдвинула и сблизила много разъединенных сил и многому дала бы новый толчок.

Талант, да во всем нужен талант, даже в направлении.

У нас уже был опыт, во что обратились идеи, сжитые в то время, когда в университетах вместо науки завелась шагистика, и как уродливо эти идеи потом отрыгнулись.

Потому что женщина есть большая власть. ‹79›

4

Состав август‹овского› №

Это что у меня враги-то? Да честный человек с тем и живет, чтоб иметь врагов.

У честных врагов бывает всегда больше, чем у бесчестных.

---

[1] *Далее было:* фраза Герцена

[2] *Вместо:* крайне — *было:* очень

[3] *К словам:* чтоб узнать ∾ люди — *незачеркнутый вариант:* о лучших людях.

[4] *Далее было начато:* Нет

Закрываться, фыркать и мстить другому за свое ничтожество.

Парадоксалист. У нас всякому врачу надо сказать: врачу, исцелися сам.

Помилуйте, да он публикует вот, что лечит от секретных болезней, так ведь это будет неучтиво.

Непременно о русских, говорящих по-французски (см. 5) и учащих детей. Какая старая тема (орудие выражения мысли). Иностранные языки ужасно полезны, но не иначе как когда заправился на русском. То же в классических языках — никакой пользы без русского языка. А русский язык именно в загоне.[1] И по-французски мыслить не научится, и будет *международный межеумок,* каких у нас уже довольно.[2]

Эмиграция дворянства, Крым (земледелие) (см. 7).

И лежит на постели, как узел.

Он горд и незыблем. Встреча с русским.

Обшмыга.

Жид-юнкер произведен в офицеры (см. 9).

Русские. Быстро раздражаются. *Всякий*-то хочет отмстить кому-то за свое ничтожество.

Всякий должен иметь право на землю. У нас это народное начало. Декабрист Якушкин. Мы ваши, а земля наша.[3] Собствен‹ность› — святейшая вещь: личность. Но до известного предела. Немецкие бароны, отдельные государи, сплотились же в государство. Безграничную собственность можно сравнить с баронством: у них пролетарии. Но эта безграничность неправильна. Собств‹енность› должна быть ограничена. Но у нас и на Западе! — Полное уничтожение собственности ужасно.

Не надо бояться неестественностей социальных. Коммуна парижская — вредна, потому что бунт и насилие. Лучше позволить по частям, охотникам. Что неестественно в этих мечтаниях, то уничтожится само собою и чем скорей, тем лучше. Лучший акробат (‹в›верх ногами) кончит же тем, что пойдет как все на ногах. ‹80›

---

[1] *Рядом с текстом:* Непременно ∾ в загоне. — *на полях пометы:* Здесь. Это уже в Эмсе.

[2] И по-французски ∾ довольно. *вписано.*

[3] *Рядом с текстом:* Всякий должен ∾ наша. — *на полях помета:* Собств‹енность›

Итак:

Эмс, дорога — все анекдоты, англичанка, мнение Страхова, смерть Аполлона Григорьева — описание моего приключения в части.

Эмс, дети и всё. Газет‹ная› комната. Турция и Европа и проч. Крым, мнение «Моск‹овских› вед‹омостей›».

Парадоксалист.

Zola — «От‹ечественные› записки» и «Биржев‹ые› ведом‹ости›». Церковь в Эмсе; похвала «Церковно-обществ‹енного› вестника». О штундизме Редстока. Спиритизм.[1]

Пересмотр переписки. NB. Сюда же: о Герцене. (О смерти Писаревой.) Сюда же «Смерть провинции или нет?» ‹81›

Эмс. Картинки.

Спящая торговка булками.

Дети. Совещающиеся три девочки и мальчик. Девочка с сироткой. Купающиеся дети.

Мальчик, идущий в школу. Громкий хохот детей. Дети грудные с няньками. Танцующие дети русских на музыке. Разодетые дети.

Нищая старуха с резедой. Больная, опирающаяся об стену. Нищий прессованный с зубом и с узелком. Положили засушить в книгу, так что уже теперь ходит профиль, а не человек.

Служепие в церкви.

Толкающиеся русские.

Немецкая честность, украла грош, на землянике. Кушанье чем дальше, тем хуже.

Соседка. Греческие дамы.

Картина Эмса перед закатом солнца.

Сквернейшие товары. Осматривающий их император Вильгельм.

Девушки у источников.

Толпа у источников.

Русские не могут иметь хорошего тона. Нет нравственности. Адвокат Чигоринцев. Свободные установления тогда хороши, когда они у людей себя уважающих, а стало быть, и долг свой, долг гражданина. Человек же русский не имеет никакой веры — по профессору — потерял всякий идеал и веру в него в начале столетия — ошибочно шел, как, н‹а›прим‹ер›, декабристы. Человек русский потерял всякое к себе уважение. Но заботится о декоруме. Ревниво боится за себя. Лжет беспрерывно. Совести не имеет никакой.

Адвокаты наши станут наконец так бессовестны, что решительно станут невозможны; к бессовестному не пойдут, а совест-

---

[1] Церковь в Эмсе ∾ Спиритизм. *вписано.*

ливых или тех, которые себя считают такими, станет так немного, и они так будут изыскиваемы, что поневоле станут дороги.

У нас именно потому, что всякий потерял всякую веру, а стало быть, всякий взгляд, так дорога обличительная литература. Все, которые не знают, за что держаться, как быть и кому верить, видят в ней руководство. И хоть это руководство лишь отрицательное, но именно его-то нашим и надо; тем им и сподручнее, потому что явись [1] кто с положительным идеалом, они же первые, озлобясь, отвернутся, весь порок их заговорит, защищая себя, они с цинизмом осмеют, а отрицательное ни к чему не обязывает, а, напротив, дает руководство скалить зубы над всем и даже над самым хорошим. А это легко и мило. Скалит зубы человек и думает, что исполнил долг добродетели.

Ланн. Недалеко, Арминия жену взяли. Тацит.
На музыке.

Из почтамта сам прислал письмо.

Самое высшее джентльменство уметь понять шутку; наш поймет (наш очень широк), но обидится: не на меня ли, дескать, он клонит. Сам подгоняет себя в обиде. ‹82›

Эмс

Палкинские: благослови их бог, пусть пошалят.
Эмс. Нашла 20 марок.

Немцы в Русской церкви.

Англичанка вдруг забежала не в то место, которое назначено для женщин, а для мужчин, — не успели скрыть от нее. Всплеснула руками — — — — [2]

О грязн‹ых› выходках, Авсеенко. Грязь в душах. Две девицы, попавшие в часть исследовать девственность.

У источника Геба. Она очень была недурна собою два года назад, но теперь решительно обращается в немку.

Страхову. Русской женщине некому подражать, да и незачем. А станет кому подражать, то ступит на самую дурную дорогу.

---

[1] *Было:* начн‹и›
[2] *Так в рукописи.*

ЧТО-НИБУДЬ ТЕПЛОЕ, ДЕТИ, ЧТО ЗА СЧАСТЬЕ РЕБЕНОК...

Засушенный, цивилизация. Здесь довольны и не замечают подымающейся тучи. У нас недовольны, не верят себе, лучшие люди. (Анекдот в части. Их 10 000.)

Лучшие люди.

Лучшие люди познаются высшим нравственным развитием и высшим нравственным влиянием.[1]

Что нас ожидает? Мнения перепутались.

ГЛАВА 3-я. ПАРАДОКСАЛИСТ. ПУТАНИЦА МНЕНИЙ.

Слово *я* есть до того великая вещь, что бессмысленно, если оно уничтожится. Тут не надо никаких доказательств. Всякое доказательство несоизмеримо. Мысль, что *я* не может умереть, — не доказывается, а ощущается. Ощущается как живая жизнь. Палец мой живет, и я не могу отрицать, что он существует. Точь-в-точь и *я*: раз сказав «я есмь», я не могу допустить себе, что *я не буду*, не могу никак.

Всякий должен иметь право на землю, хотя бы ее обработывали и другие (умереть в Саду) (душных фабрик не надо).

Наш атеизм есть только разъединение с народом, оторванность от земли. Если б вы сидели на земле и ее обработывали, вы бы верили в бога. ‹83›

Подробнейшая программа август‹овского› №
(Короче)

Глава 1-я. Сдав №, сел в вагон. Отдохнуть. Увы! В Эмс, а не туда. (Стихи Рылеева.) [2] Уголок. Вижу больше, чем вы. В вагоне, чтоб не быть с русскими, — газеты. О русских, особенно за границей. Знал такого-то. Мещет взгляды и проч. Развернул газеты, «Биржевые». Не в «Биржевых» дело, а Баден-Баден. Понес кару, зачем высказался. Говорить недомолвками лучше. Отрицатели.[3] О Восточн‹ом› вопросе («Биржев‹ые›»). Я не держусь мнений Грановского. Краткий, но сильный разбор Грановского (злобу патриота принять в соображ‹ение›). «Биржев‹ые›». Баден-Баден. Но идеал всегда восторжествует.[4] Это все не по поводу «Биржевых», до «Биржевых» мне нет дела, но собственно и «Биржевые» меня повеселили. Литературная нечестность. Ну да что уж.

Киреев. Вост‹очный› вопр‹ос› всегда народен, *но* он будет именно народен, когда искренно славяне и православье.

---

[1] *Лучшие люди* познаются ∾ влиянием. *вписано на полях.*

[2] Увы! ∾ (Стихи Рылеева.) *вписано.*

[3] Отрицатели. *вписано.*

[4] *Далее было начато:* Литерату‹рная›

Война и уверенность в ней.[1] Разговор людей необразованных. О войне. Отрицал. Граф<иня> Кушелева. Робкая изворотливость.[2] Банкиры. Немцы в вагонах лучше. Больше товарищества, ухода друг за другом. Кондукторы. — Was suchen Sie? — Gemäldegalerie.[3] История с англичанкой. Не засмеялись. Грязь.[4] В «Подростке» находил Ав<сеен>ко грязь.[5] Это в рассказе-то матери. Впрочем, и было па что глядеть из окна вагона, и было о чем думать: земледелие, землевладение. Декабрист Якушкин.[6] Неправдоподобность, но это снято с истинного происшествия. Это после-то сыщика и двух девиц, это после-то повторившейся в Москве истории с дамой. На Сенной две дамы. Возвестил, что «Русский вестник» поправлял мою грязь. Я не отвечал. Этого не было. Из каких источников. Ставрогин (не верующий, и торжество живой жизни, укор одного грязного поступка). Грязь ли англичанка. Лучше *всех* англичанка, и т. д. Взял[7] брошюру о подчинении женщины. Написана хорошо. Промахи Милля. Вовсе не враждебная женщине. Но вдруг проскочило, что англичанки лучше. Неправда. Полячки, француженки. Закон природы, что своя русская должна нравиться больше. Типы.[8] Русские женщины лучше всех.

Кстати: издал Аполлона Григорьева. Знают ли, как он умер? Смерть его. Женщина.

Глава 2-я. Эмс. Многоязычная толпа. Уединение.

Опять русские. Французский язык.[9] Немцы, англичане идут по делу — русский оглядывается, comme il faut. Нет и не может быть собственного достоинства. (Было у отрицателей. Частные случаи.) И т. д. Почтамт. Прислал письма. Какой бы русский чиновник.[10] Blödige 5 pf<ennig>. Лермонтов<у> памятник. Русские в церкви. Немцы вон. Редсток, протестантизм.[11]

Описание Эмса. Скверные товары. Старуха и засушенный старик *и всё*. Ключ. Девушки. Музы. Здешние работницы. Наши бы служанки ужаснулись.[12]

Отрадно, что Россия так встала и жертвует. Что говорят про пожертвования Англии? Правда ли? Укоряют. Любопытно узнать

---

[1] *Вместо:* Война ∾ в ней. — *было:* Немцы в вагонах лучше.
[2] *Над фразой:* Робкая изворотливость. — *вписано:* ружья
[3] — Что вы ищете? — Картинную галерею (*нем.*).
[4] *Далее было начато:* Это по<сле?>
[5] *Далее было:* Это после-то
[6] Впрочем ∾ Якушкин. *вписано на полях.*
[7] *Было:* Кстати: взял
[8] *Далее было начато:* Самая
[9] Французский язык. *вписано.*
[10] *Далее было:* Описание Эмса.
[11] *Рядом с текстом:* Опять русские ∾ протестантизм. — *на полях помета:* Французский язык.
[12] *Далее было:* Дети. Всё о детях.

цифру. Да и про Австрию кричат о многих миллионах гульденов. Это любопытно.[1]

Читальня. Турецкий вопрос. «Москов‹ские› ведомости» всех лучше. Впрочем, рискованнее. Крым.[2] Опять русские. Собственного достоинства нет. Нет дела. О лучших людях.

Описание приключения в части.

Дети, всё о детях. ‹84›

Глава 3-я. Разговор с Парадоксалистом. Я сказал, что он был мечтатель. Я объясню, какого рода были его мечты.

А ведь я был два раза влюблен.

Глава 4-я. Ответ на переписку. (NB. Уже в Петербурге.)

Дочерью Герцена заключить. А начать с Селина. Дуэль.

Селину — *важнейшее*. Утратилось соединение с народом.[3] Это правда, но (статья Герцена) началась потребность соединиться с ним снова только двумя путями: через Европу (Белинский) и *славянофилы* (смотри статью «Мой парадокс» в июне). Иначе не явились бы декабристы и Белинский с одной стороны и славянофилы с другой. С той и другой стороны было самое *наивное* изучение народа, открывали тайны и законы его, его начала (и тем сами засвидетельствовали о происшедшем после Петра разрыве). Изучение народа было искреннее и добросовестное. Об русском народе спорили (Белинский и славянофилы), решали дело, как быть и на каких основаниях соединиться с ним. Декабрист Якушкин искренно удивлялся, что не мог потрафить ему. Прямо можно сказать, что все наступившие затем споры и разногласия западников и славянофилов имели сущностью и главной темой задачу: *на каких началах и основаниях воспроизвести вновь соединение с народом.* А что это соединение было утрачено — об этом уж никто и не спорил.[4]

Землевлад‹ение›. Работник на фабрике — дети не в душных подвалах. Как же частная-то собственность? Не знаю. Собственники *должны сделать уступки.* У нас общинное землевладение.

Чтоб этот засушенный нищий и эта старуха не протягивали руки на старости. Братство.

Селину. ...Но согласитесь, что до 12-го года соединение с народом шло бессознательно: никто не дорожил им и никто не хлопотал о нем. Напротив, всё европейское и тогда выше ставили, хотя от многих русских привычек и вкусов никак не

---

[1] Отрадно ∾ любопытно. *вписано.*

[2] *Далее было:* О лучших людях

[3] *Над словами:* соединение с народом — *вписано:* идеал

[4] *Рядом с текстом:* Селину — *важнейшее* ∾ не спорил. — *на полях помета:* Селину

могли отказаться и даже до стыда ими не дошли[1] (см. мемуары Екатерины, баня). Но *стыдиться* этих вкусов начали действительно с 12-го года. Но в то время начинается забота и тоска о соединении с народом (славянофилы и западники). (NB. Одно и то же соединение, но разные пути.) Начал Пушкин, и так продолжалось[2] до освобождения крестьян. Избранные тосковали и *укрепили* свою идею тоски в обществе. Но в параллель шла страшная масса неизбранных средины. Те, считая себя сливками образованности, продолжали все больше и больше стыдиться народа. Наше время есть та точка, когда и в средину уже начинает проникать тоска избранных по соединению с народом. Когда поймут идею и воспоследует соединение. ‹85›

Стелловский. Этот замечательный литературный промышленник кончил тем, что сошел с ума и умер.

ПОСЛЕСЛОВИЕ (или в Эмсе. А еще *ПРИПИСКА* в августе потом, какая случится.)

Приписка в августе. Сербам не удалось. Еще в Эмсе сражение под Зайчаром поразило. Слухи, мною полученные. Сербы бежали. Не от недостатка сердца, а оттого, что *не солдат.* Североамериканцы перед *югом* тоже. Положение Черняева. Теперь сербы могут кричать против нас. Начнутся обвинения всех каждого, явятся у них после несчастья раздоры и партии. Самое главное обвинение непременно будет на русских. Чехи, 40 Пушкиных. Славяне нас не уважают. Нас первых боятся, что мы их присоединить к себе хотим. *Но пусть.* Россия мать. Полюбят и догадаются. (Смотри выше.)

Страхов.[3] Англичанка совершенная женщина. Не говорю, откуда выписка *и чья*, потому что не имею времени разобрать брошюру.

В части. Я считал это приключение мелким, но и[4] мелкое имеет иногда свою мудреную сторону.

PICCOLA BESTIA.

Землевладение. Землевладение теперь, после крестьянской реформы — хаос. (Законы о рабочих.) Едва только устанавливается. Когда и на каких основаниях сложится — это загадка. Будущие землевладельцы будут *лучшие люди* (хотя об лучших

---

[1] и даже ∾ не дошли *вписано.*
[2] *Далее было:* чуть не
[3] *Далее было начато:* Не гов‹орю›
[4] *Было:* все

людях еще поговорю), а теперь прежнее дворянство грозит обратиться в пролетариат, в опасный пролетариат. Когда установится землевладение, тогда только и явится у нас порядок. (Желательна связь с общиной будущих землевладельцев.) ‹86›

3-я

С[1] французского языка начать 3-ю главу, с уединения и затем местоположение, римляне. И затем место историческое. Объявлена война. Вильгельм и проч., дети. Англичанка, засушенный. Землевладение. *Словечки.* (Может быть, приключение в части.)

Глава 4-я,[2] ответ Селину и проч.

Дурной признак, когда перестают понимать иронию, аллегорию, шутку. Упадок образования, ума, признак глупости. *Корреспондент*, мудрец с заметками. Бал — точно я хвалю бал. Если не бал — то попойка. А тут сдерживает что-то капитана. Порок — дань добродетели, перифраза мудреца, дурак. Кто же не знает, что добродетель унижена, но добродетель никогда не платит дани, а если согласится, то она не добродетель. Она принуждаема бывает, но дело в том, что тут факт: как ни торжествует порок, но отчего ж он не становится выше *я*. Порочные люди всегда кем-то принуждаемы говорить, что добродетель все-таки выше, и все-таки молятся добродетели. Этот факт первой величины и ужасной глубины, факт из неразрешимейших — вдумывались ли вы в него? Буквы «ѣ» не умеют ставить.

Дети. Дети. La population reste stationnaire,[3] ошибка Мальтуса. Дюма-fils.[4] ‹87›

Критические замечания. Zola.

Мне разбирать некогда, ну возьму первое попавшееся, ну вот в «Le ventre de Paris».

«Le ventre de Paris», стран. 30 о капусте и моркови (натянутый восторг). (Это не искусство; бросается и не знает уж, что сказать.)

Стран. 34. Florent человек, бежавший из Кайены, и будто бы до того запутался в пяти улицах между привезенными в телегах легюмами, что не нашел дороги и прохода. Все это вздор, все это картины преувеличенные. (Вот, дескать, как я описываю капусту!) — Глупости!

Живописец *Клод*. Это не человек. Этот вечный восторг смешон. Это восторженные фигуры Кукольника в его[5] драмах, как

---

[1] *Было:* После
[2] *Было:* 3-я
[3] Население остается постоянным (*франц.*).
[4] сын (*франц.*).
[5] *Далее было начато:* художе‹ственных?›

Доминикино, цаца, ляля. Только те говорили о Рафаэле, а эти о капусте.

Florent умирает с голоду и с гордостью отвергнул помощь честной женщины. Zola считает это подвигом, но в этом сердце нет братства, какой же он республиканец. Возьми от нее помощь и воздай другим от избытка благодарного сердца — вот и будет рай на земле.

Главное: всё это неверно, всё это преувеличено, а потому далеко не réalité,[1] а потому не следовало бы [2] плевать на Жорж Занд.

Вывеска. Он будет описывать каждый гвоздик каблука и через четверть часа, как солнце взойдет, он будет опять описывать этот гвоздик при другом освещении. Это не искусство. Скажи мне одно слово (Пушкин), но самое нужное слово. А то кидается во все стороны и тащит десять тысяч слов, и [3] всё не может высказать, и это с самым полным самодовольствием. Но пощади же и меня.

Увертюра «Тангейзера».

Это, дескать, любовь к природе. Нет, это любовь к своей собственной болтовне и уверенность в своих писательских совершенствах.

А все набывает день, то есть прибывает.

Если не сияющий, то маслено-радостный взгляд (у Майковых).

И поглядела на него с строгим удивлением.

Дамы? Ну дамы, разумеется, одна другой лучше, только хорошеньких нет ни одной. Ну, а хорошенькие есть? Нет, хорошеньких нет ни одной.

Г-н А‹всеенко› — самое тупейшее литературное существо из всех населявших русскую литературу.

Женщины ужасно щекотливы? — А вы пробовали щекотать?

Стрюцкие — рвань, сапожники пропили, мастеровые и проч.

«Tout Paris pour Chimène a les yeux de Rodrigue».[4]

Н. Н. С‹трахов›. Как критик очень похож на ту сваху у Пушкина в балладе «Жених», об которой говорится:

Она сидит за пирогом
И речь ведет обиняком.

---

[1] реальность (*франц.*).
[2] *К словам:* не следовало бы — *незачеркнутый вариант:* нельзя.
[3] *Было:* но
[4] «Весь Париж смотрит на Химену глазами Родриго» (*франц.*).

Пироги жизни наш критик очень любил и теперь служит в двух видных в литературном отношении местах, а в статьях своих говорил *обиняком*, по поводу, кружил кругом, не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4-х читателей, я думаю, не больше, и жажду славы. Он сидит на мягком, кушать любит индеек, и не своих, а за чужим столом. В старости и достигнув двух мест, эти литераторы, столь ничего не сделавшие, начинают вдруг мечтать о своей славе и потому становятся необычно обидчивыми и взыскательными. Это придает уже вполне дурацкий вид, и еще немного, они уже переделываются совсем в дураков — и так на всю жизнь. Главное в этом славолюбии играют роль не столько литератора, сочинителя трех-четырех скучненьких брошюрок и целого ряда обиняковых критик по поводу, напечатанных где-то и когда-то, но и два казенные места. Смешно, но истина. Чистейшая семинарская черта. Происхождение никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какой-нибудь гадости, а напротив, он и сам делает гадости; несмотря на свой строго нравственный вид, втайне сладострастен и за какую-нибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов продать всех и всё, и гражданский долг, которого не ощущает, и работу, до которой ему все равно, и идеал, которого у него не бывает, и не потому, что он не верит в идеал, а из-за грубой коры жира, из-за которой не может ничего чувствовать. Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших, их надо обличать и обнаруживать неустанно. <266>

СЛОВА И ПОГОВОРКИ

Мечталка.

Самая маленькая мыслепочка.

Молчалин — это не подлец. Молчалин — это ведь святой. Тип трогательный.

Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие.

Вы приобрели много знаний не по уму, так что за недостатком-то ума и не знаете, как справиться с этими знаниями.

Смотрит так, как будто не понимает того, о чем думает (идиот). <265>

Он по крайней мере писал так, что читать можно было, а ведь другой, чтоб самую крохотную мысленочку провести, целый воз сена привезет.

А насчет слогу, то очень многие у нас полюбили писать

с каким-то[1] даже надменным[2] многословием. Какое мне дело до публики, я мысль провожу. В старину по крайней мере писали так, что читать можно было, — ну, Белинский, например, а ведь нынче иной, чтоб только самую крохотную мысленочку провести, целый воз сена[3] привезет сначала. ‹267›

СЛОВА И ПОГОВОРКИ

Пора костям на место.

Вы думаете утонул: *скоро вам надо*?

Или если и не были несчастны, то не были и счастливы.

Семинарист.

Семинарист, сын попа, составляющего status in statu, а теперь уж и отщепенца от общества, а казалось бы, надо напротив. Он[4] обирает народ, платьем различается от других сословий, а проповедью давно уже не сообщается с ними. Сын его, семинарист (светский), от попа оторвался, а к другим сословиям не пристал, несмотря на все желание. Он образован, но в своем университете (в Духовной академии). По образованию проеден самолюбием и естественною ненавистью к другим сословиям, которые хотел бы раздробить за то, что они не похожи на него. В жизни гражданской он многого внутренне, жизненно не понимает, потому что в жизни этой ни он, ни гнездо его не участвовали, оттого и жизнь гражданскую вообще понимает криво, лишь умственно, а главное отвлеченно. Сперанскому ничего не стоило проектировать создание у нас сословий, по примеру английскому, лордов и буржуазию и проч. С уничтожением помещиков семинарист мигом у нас воцарился и наделал много вреда отвлеченным пониманием и толкованием вещей и текущего.

Вы, верно, хотели сказать одно, а сказали другое. Вы не сердитесь, это случается. . .[5] с очень уж большими мыслителями.

И без того уже (NB, то есть без французского воспитания) интеллигентный[6] русский в огромном числе экземпляров есть не что иное как *умственный пролетарий*, пришедший через бонн и гувернеров, нечто без земли под собою, без почвы и начала, носимый ветром Европы.[7] Можно сказать: блаженны нищие ду-

---

[1] *Было:* *а.* с каким *б.* с самым
[2] *Было:* обильным
[3] *Далее было:* сперва
[4] *Было:* Поп
[5] *Далее было начато:* толь‹ко›
[6] *Было:* русский интеллигентный
[7] *Далее было начато:* нет

хом, но нельзя сказать: блаженны пролетарийствующие духом. А уж этот-то французского воспитания, в самом даже лучшем случае, то есть если он даже об чем и думает и что-нибудь читает, выходит[1] не более как *международный* межеумок. Вы его встречаете часто.

Маменьки высшего света могут тешиться на своих подростков: это безукоризненно гантированный молодой человек и т. д.,[2] проглотивший несколько модных увражей... аржанов, при этом страшная дерзость, но ум которого бродит в вечных тенебрах. Вот вся от них выгода. Все они, разумеется, надеются[3] править государством. ‹268›

Как же распространяются новые мысли, когда вашу мысль осмеют с первого раза.[4] Не будем об этом беспокоиться. Премудрый ареопаг осмеет вас и освищет, но всегда является где-нибудь, в невидном уголку, женщина именем Фамарь и Дионисий, член ареопага, и идея не умирает (в ход идет), растет и множится и побеждает мир... а мудрецы умолкают.

Piccola bestia.

Baptiste, tout de suite ce mot à son adresse.

Tout de suite. Madame ignore peut-être le temps qu'il fait; c'est à ne pas mettre un chien dehors.

Mais, Baptiste, vous n'etes pas un chien.[5]

Султан даровал[6] полную амнистию всем болгарским инсургентам, исключая шефов и зачинщиков и всех[7] участвовавших в восстании действием. Спрашивается, кому же он даровал амнистию? Всем не участвовавшим в восстании?

В повесть Некрасову. *Современный человек.* И мстит за все обиды, которые никто ему не сделал и не думал делать.

Некрасову. Я-то дурак, да и родом так, а вы... и т. д.[8]

Вот тот выезжает на любвеобильности. Любвеобильность хорошая вещь; но ведь можно и заездить клячу.

---

[1] *Было:* есть

[2] *Рядом с текстом:* А уж этот-то ∾ и т. д. — *на полях пометы:* Здесь. I.

[3] *Незачеркнутый вариант:* готовят себя

[4] *Рядом с фразой:* Как же ∾ с первого раза. — *на полях помета:* II.

[5] Батист, тотчас же передайте ему эту записку. — Тотчас? Госпожа может быть не знает, какая стоит погода. Собаку на улицу не выгонишь. — Но, Батист, вы ведь не собака (*франц.*). — *Рядом с этим текстом на полях помета:* III.

[6] *Далее было:* амнистию

[7] *Далее было:* деятельно

[8] *Рядом с фразой:* Я-то ∾ и т. д. — *на полях помета:* IV.

«Journal des Débats». О, как обидно ему, что Конста‹нтино›-поль будет наш. Он жалуется, «Journal des Débats».

У них главная и первая складка, их сущность, их главная черта — в том, что существующее теперь будет вечно продолжаться. Умы их робки. О, он вольнодумничает, ему хоть сейчас коммуна, а на самом деле считает все эти камергерства незыблемой стеной. Тут много лакейского.

Как не казаться ему, что тут des pentureux? [1]

Жизнь хороша, и надо так сделать, чтоб это мог подтвердить на земле всякий.[2] ‹269›

Женщины. Которые выразились даже в наших нетвердых идеалах. Татьяна — и друг‹ие›.

У стояния была (то есть молилась).[3]

Это была натура русского священника в полном смысле, то есть матерьяльная выгода на первом плане и за сим — уклончивость и осторожность.

Эка важность, корову купил. — Прачков.
Опричь Машеньки. Супротив Мих‹айловского› театра.[4]

Во Франции пролетарии без земли, а собственники насильщики земли. Братства нет, спокойствия во владении землею нет, тихой радости нет. И в результате получаются собственники французской земли, а не дети ее.[5]

Скорей не будет 1-го числа, чем «Вестника Европы». Коли «В‹естник› Е‹вро›пы» не вышел, то, значит, 1-го числа не было. Или: «Вестник Европы» не вышел — ну, значит, 1-го числа не (будет) было.[6]

Единственно возможное слово России о Константинополе: «Да, он нейтрален, но нейтральность эта под *моим* покровительством».

Пустышка.

---

[1] картины (*франц.*).
[2] *Рядом с фразой:* Жизнь ∾ всякий. — *на полях помета:* V.
[3] *Рядом с фразой:* У стояния была (то есть молилась). — *на полях помета:* VI.
[4] *Рядом с текстом:* Эка важность ∾ театра. — *на полях помета:* VII.
[5] *Рядом с текстом:* Во Франции ∾ дети ее. — *на полях помета:* VIII.
[6] *Рядом с текстом:* Или ∾ было. — *на полях пометы:* IX. X

Нет, в самом деле, на каком же языке *я пойму* латинский и греческий языки?

Это какой-то господин, имеющий вид негосподина.[1]

Без копейки и рубля не будет.

«Голос» имеет вид дурака, которому дан голос. ‹270›

Порядок: Казань и Каз‹анская› бож‹ья› матерь. Иван Грозный. Молодые люди, ищущие труда.

Галерея стариков наших; их надо перешевелить.

Фабричный, убивший жену (ну где бы то ни было), и извозчик (пегая лошадь) в Москве о своей покойнице жене и проч.

Князь, я не верю вашей наружности, я всегда считаю, что ваша наружность есть ваш физический недостаток, а не нравственный, наружностью вы не джентльмен, а душою джентльмен.[2]

Злобных песен русский народ не слагал. Он поет, например, «Барыню», но[3] с веселостью, а не с негодованием. (В «Барыне» больше веселости, чем негодования.)

Мы перегнали. Да я с вами и не равнялся.

Либерально-пресмыкающееся издание (Стасюлевич).[4]

NB. Христос есть бог, насколько Земля могла бога явить.[5]

И скуп, как копейка.

Чацкому, если б его сослали! Ты всего-то из банной мокроты зародился, — как сказали бы ему,[6] ругаючись, покойники из «Мертвого Дома» (а ведь половина, должно быть, теперь уж покойнички), когда хотели обозначить какое-нибудь бесчестное происхождение.[7]

Чем больше вы удаляетесь от «фактицизма», тем лучше. ‹271›

---

[1] *Рядом с фразой:* Это ∾ негосподина. — *на полях помета:* X.

[2] *Рядом с фразой:* Князь ∾ джентльмен. — *на полях помета:* XI.

[3] *Далее было:* в барыне

[4] *Рядом с фразой:* Либерально-пресмыкающееся издание (Стасюлевич). — *на полях помета:* XII.

[5] *Рядом с фразой:* NB. ∾ явить. — *на полях помета:* XIII.

[6] *К словам:* сказали бы ему — *незачеркнутый вариант:* говорили

[7] *Рядом с текстом:* Ты всего-то ∾ происхождение. — *на полях помета:* XIV.

Язык-то не лопатка, знает, что сладко.

На грош амуниции, да на рубль амбиции. Чацкий.

Сам как блоха, а возится как соха.

Обшлепница.

Международный межеумок.

Безукоризненно гантированный молодой человек, проглотивший множество модных увражей, но ум которого бродит [1] в вечных тенебрах, а сердце жаждет всю жизнь одних аржанов. Со страстью к аржанам. Но в каких тенебрах не блуждал его ум.

Обе фразы принадлежат двум нашим критикам (Дружинину и Авсеенко).[2]

Тот прежде дела умирает от соображения, что, дескать, век мой короток, все равно ничего не успею сделать. Соображение неправильное, и видно, что человек оторвался, от человечества оторвался. Что ж такое, что ты начнешь дело, да не кончишь его. Другие за тебя докончат, и Петр не кончил дело, а разве, разве что начал.[3]

Делай дело так, как будто ты век собираешься жить, а молись так, как будто сейчас собираешься умереть.

Конца краю нет.

(У нас так можно сказать: все что либерально, то и дрянно, то и пагубно.)

А у вас (у Лароша) вместо сердца — какой-то казенный кусочек (кусочек чего-то казенного) (нечто казенное) и т. д. L.[4]

Народ злой, изо всех сил злой.

— А вы злы, вы изо всех сил злы. ‹274›

— А они думают, что я за сапог (деньги) спрятал (то есть украл).[5]

---

[1] *Вместо:* бродит — *было:* продолжает блуждать

[2] *Рядом с фразой:* Обе фразы ∾ Авсеенко). — *на полях пометы:* XV.

[3] человек оторвался ∾ начал *вписано на полях.*

[4] *Рядом с фразой:* А у вас ∾ L. — *на полях помета:* XVI.

[5] *Рядом с фразой:* А они ∾ украл). — *на полях помета:* XVII.

...Чтобы служить связывающей идеей, около которой все бы единилось.

Не единым хлебом жив человек. То есть человек, если только он человек, и сытый не успокоится, а накормите корову, и она будет спокойна так же, как и иной либерал, купивший, например,[1] на свой либерализм собственный дом. Г-н Благосветлов (достигнувший своего дома).

Человек ограниченный (Белинский), который не в состоянии разглядеть в виноватом невиноватого, а в ином и праведном виновного. Уж у него, кого признал праведным, — вечно праведен, а злодеем, — тот вечно злодей. Книжки и женщины — книжки.

Он какой-то скучный? Да, какой-то несчастный.[2]

Чацкий. Принадлежит к нашему умственному пролетариату. Можно сказать: «Блаженны нищие духом», но трудно сказать:[3] «‹Блаженны› пролетарии духом».

И уж как они тогда гремели и сверкали (то есть славились).[4]

У нас не науки, а до сих пор все еще «научки», как говаривал в старину один редактор, издатель ежемесячного журнала, когда у него еще существовали отделы и рубрики и одна из них под названием «науки и художества»: «Ну вот повестица, ну ‹275› там критичка, ну „научки“ тоже — вот и номерок составился — хе-хе-хе...».

Многие из наших писателей о народе так и остались обучившимися русскому мужику иностранцами.[5]

Вы, господа, вы — всё величины серьезные и собою довольны. Я же в сравнении с вами — трость, колеблемая ветром, и где уж мне быть собою довольным!

И сколько тут обозначилось силы духа, которого у него, соломенного человека, никогда не будет.

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* наконец

[2] *Рядом с текстом:* Он ∾ несчастный. — *на полях помета:* !!!

[3] *К словам:* но трудно сказать — *незачеркнутый вариант:* не скажете

[4] *Рядом с фразой:* И уж ∾ славились). — *на полях помета:* !!!

[5] *Рядом с фразой:* Многие ∾ иностранцами. — *на полях помета:* !!!

Да ведь не из пальца ж я высосал, слышал же, стало быть, от кого-нибудь.[1]

Ор. Миллеру. Любвеобильность — вещь, положим, и недурная, но ведь можно и заездить клячу. Всё [2] одно да одно — оно и присластится, не любовь то есть, а любвеобильность.

Эта сытая корова, успокоившаяся подобно г-ну Благосветлову, насытившемуся от Дел своих и достигшему собственного дома (на углу Надеждинской и Манежной) на углу Благонадежной и Манежной.[3]

NB. Варьант о Благосветлове.[4] Надо быть честным и иметь обаяние чести на публику, без чего не достигнете доброго влияния никаким талантом.[5] И в самом деле: взгляните на торгующих либерализмом, вот он собрался с силами и *рискнул* газетку. Теперь не многих надует. Теперь разве лишь дурак не знает, что чуть он растолстеет, и весь жар соскочит, и сытая корова наконец успокоится подобно г-ну Благосветлову, насытившемуся от Дел своих и воротившись в дом свой, и т. д.

Или варьант... и успокоится подобно сытой корове, которой дайте есть, и она успокоится подобно г-ну Благосветлову, успокоившемуся и т. д. <276>

Вы принадлежите к шатающимся по миру европейцам, впрочем в самом благородном смысле слова, и по миру надо считать вовсе не по миру, и я вовсе не верю, что вы заняли у скупердяя Виктора Гюго сто франков.

У нас критика от руки, по вдохновению. Прочел несколько романов, а, давай я стану писать отделение критик. Вот почему столько бессодержательности. При огромном таланте можно высказать много чувств (Белинский), но все-таки не быть критиком. Но этюд (ученый!), как писатели (Шиллер, Жорж Занд) имели влияние на Россию и насколько, был бы чрезвычайным и серьезным трудом. Но этого нам долго ждать. История перевоплощения идей из одной в другую.

Реалисты неверны, ибо человек есть целое лишь в будущем, а вовсе не исчерпывается весь настоящим.[6]

---

[1] *Рядом с фразой.* Да ведь ∾ от кого-нибудь. — *на полях помета:* !!!
[2] *Далее было:* люби
[3] *Рядом с фразой:* Эта сытая ∾ Манежной. — *на полях пометы:* Торговля либерализмом. !!!
[4] *Далее было начато:* Все эти
[5] *Далее было начато:* Все же эти
[6] *Рядом с фразой:* Реалисты неверны ∾ настоящим. — *на полях помета:* !!!

В одном только реализме нет правды.

Фотография и художник.

Зола просмотрел в Ж. Занде (в первых повестях) поэзию и *красоту*, что гораздо реальнее, чем оставлять человечество при одной только грязи текущего.

При одной только «жизненной правде» (правде, по мнению Зола), из которой нельзя извлечь никакой мысли.

Реализм есть фигура Германна (хотя на вид что может быть фантастичнее), а не Бальзак. Гранде — фигура, которая ничего не означает.

«Не может не стать почти русской силой» (тут поставлен вопросительный знак). Да как же не сила? Этому удивляются! Пушкин и «Кавказский пленник» — разве не сила. Жуковский и влияние с ним Шиллера — разве не сила. Зарождающийся социализм и Белинский — да неужто и Белинский не сила? Именно всё это сила и даже страшно себя проявившая.

Что за странное сомнение, что за странный вопросительный знак. <277>

Пятница, 24 мая 1874 г. О М. А. Языкове в «С.-П. ведомостях». <278>

Европейская дипломатия, вступаясь за славян

Россия дала залог миролюбия.

Piccola bestia.

Халаты. Моя идея о Константинополе.
Размеры Баден-Бадена.
Фюрстен Липпе-Детмольд.
Павшие офицеры — изувеченные.
Разочарование. Марк<ов>, «Вест<ник> Европы».
Молодые люди просят работы.
Ответ Селину. Правда ли, что было народное движение.[1]
Прачков — Рагозину, Герцену.
О дуэли.

СЕНТЯБРЬСКИЙ №

О чиновниках, что для кого сделано, они для России или Россия для них. *Петр Великий помещик*. Идеалист.

Франция уничтожена, ее нет в Европе.

Союз. (10 миллионов французов в данный момент отказываются быть французами и защищают свою родину.)

---

[1] *Рядом с фразой:* Правда ли ∽ движение. — *на полях помета:* NB.

NB. *Перечень курьезов за месяц.* (NB. Завожу отдельную рубрику.)

«Голос» и pronunciamiento.[1]

«Вестник Европы», с иронией о провозглашаемой нашей *зрелости.* (Ослы!) Но всякое доброе единение есть уже зрелость, а вы проповедуете разъединение. Мало того: единение есть высочайшая зрелость, *последнее* слово ее, французы черт знает что отдали бы за единение.

Единственно возможное слово России о Константинополе: «Да, он нейтрален, но нейтральность эта под *моим* покровительством». Константинополь международный город, значит, вечная драка за него и не кончен Восточный вопрос. Константинополь русский.[2]

Россия дала залоги такого миролюбия, какого не представляет почти вся ее история.

Письма: приищите работу, уроки. Если вы добрый человек. Труднее, чем вступить на престол. Проект общества. Частное. Казенный миллион.

Государство дает. Гордость их благотворением не должна обижаться: образованные члены общества выйдут — пожалуй, обязательство возврата из жалования.

Рассадник требований чиновников для правительства. ‹88›

О павших и *изувеченных* русских в Сербии (офицеров и солдат). Предлагаю обратить на это внимание. Собранные уже деньги.

Европейская дипломатия, вступаясь за славян, все более и более отнимает у нас наше обаяние на славян. Баден-Баден.

Нельзя выгнать орду турецкую из Европы. Не надо. Иван Грозный и Казань. Будут продавать халаты. (Будет страшное-де потрясение. Тут ровно ничего не будет и никакого потрясения.)

Молодые люди, работы.

Фабричный, убивший жену, ну где бы то ни было, мужик на пегой лошади.

---

[1] военный переворот (*исп.*).

[2] *Рядом с текстом:* Единственно ∾ русский. — *на полях помета:* Баден-Баденство.

Письма семьи Герцена.[1]

О пьянствующих офицерах в Белграде и через два дня умирающих (фельетоны Висковатова).

Насчет Суворина и грубости нападок на него.

Статьи Маркова, «Вестника Европы», «Голоса», № 252, 12-го сент‹ября›.

Piccola bestia.

Вопрос о дуэли.

— Князь, я не верю вашей наружности и т. д.

Обратная минута, минута сомнений. Пьяные офицеры (Суворин, Висковатов). Поднялась ли Россия или нет? («Голос», 12 сентября о Немировиче-Данченко). Статьи[2] высшие: Маркова и «Вестника Европы».

«Вестник Европы»: было и при кандиотах и при гостях-славянах, а что вышло? — А что же было дурного? Почему дурно собираться в единение. Сидеть в углу и пыхтеть: как мы умны, о, как умны! ‹89›

«Г-жа такая-то, в роли молодой вдовы, выразила энергический тип молодой девушки. . .» — Вот что значит писать готовыми фразами (наперед сочиненными).

Дуэль, дикие нравы, происшествия в мае в участке с оскорбленной капитаншей.

Помещики и дети их, спускающиеся до типографских наборщиков.

Идеи чести и проч. не было. Не было чем заменить крепостное владение. (Где же лучшие люди?)

С другой стороны, семейства людей (А. М-ча).

Без лучших людей земля не стоит. Где же лучшие люди?[3]

— *Нет семьи*, — говорит Щедрин.

(Война была бы полезна, а не вредна.)

Во Франции общество — коммуна и буржуа. Две ясные партии.

У нас не явилось партий. Хаос. Нужны лучшие люди.

---

[1] *Рядом с текстом:* Нельзя выгнать ∾ семьи Герцена. — *на полях пометы:* Порядок. NB.

[2] *В рукописи:* Статья

[3] *Рядом с текстом:* Дуэль ∾ лучшие люди? — *на полях помета:* NB.

Ответы на письма.

Наша глупость всегда скажется. (Краевск‹ий› о pronunciamiento.)

Восторженное признание королевства Милана. Тут протест против Порты, против status quo и против всех притязаний Австрии на Балканский полуостров. Это именно в русском духе. Ура!

Макс. Цитует слова Марлинского (бессмысленные) об историческом выстреле и восхищается ими.

Марков — «Голос», № 249, сентября 9. ***«ИДЕЯ И ЦИФРЫ».***

Ответ Селину (Прачков).

Посещение молодых людей — офицеров, в сравнении с народом — тоже искренность. ‹90›

«Новое время», № 196-й. Чрезвычайно слабая передовая статья о том, что заяви только Россия о своем бескорыстии и что не будет приобретать территорий, то вся Европа будет за нее. Вздор. *Независимые* славянские княжества еще опаснее Европе: она понимает, что они всегда будут слушаться России.

Идея. Дело не в равновесии Европы теперь: нечего России к нему обращаться и ему угождать, а надо смело нарушить его [1] и создать новую комбинацию двух или трех сил. Германия и Россия. Вот почему вопрос: кто позволит взять Константинополь, есть глупость.[2]

Правда, два огромные соседа всегда кончат тем, что съедят друг друга, но когда еще это будет. (Англия будет ссорить.)

«Новое время», № 196.[3] Согласие комиссии скупщины *на королевский титул.*

А в № 195 цитуется о том, как «М‹осковские› ведомости» в ответ «Agence Russe» Краевского заявляют, что никогда они не давали такого глупого мнения, как выдумал Краевский в своей телеграмме.

NB. Краевский просто с глупости (*не без тайных денег, конечно*, откуда следует получить их).

---

[1] *В рукописи:* ее

[2] Вот почему ∾ глупость. *вписано.*

[3] *Далее было начато:* Протест

Но я говорил о «Гражданине», которого предполагаю на чьем-нибудь тайном жалованье. На чьем же? Ну хоть от Ф. П. Баймакова.

Легион. Что за легион? Нечто штатское. Эскадрон.

В Австрии кутит Венгрия, полная ненависти к России. Считает себя за первоклассную державу. ‹91›

Равновесие Европы отрицается. При Наполеоне I его не было. Потом учредилось, но кто хотел и кто мог, тот нарушал его, а другим служило для придирок. Я уже писал: смел с лица земли империю. России надо быть самостоятельною. Мы оттого верили в равновесие, потому что поверили в нашу самостоятельность, или, лучше сказать, в серьезность нашей самостоятельности. Мы преклонялись перед Европой. Теперь эмансипация наша от Европы наступает.

«*Вестнику Европы*». Остроумие есть дар — долговязое положение. Отрицаете, а не знаете, что сказать. Зайцев. Вы не похожи на прежних — Белинского, Герцена. Вы — торгующие либерализмом и выходящие в 1-е число. Старые п‹- - -›ны — песок сыплется,[1] выродились из прежнего, в нечто либерально-пресмыкающееся. Туда же, острить.[2] Ах вы парикмахеры! Я не скажу, что у вас нет ума: обыденный ум у вас есть, но повыше чего-нибудь у вас действительно нет. Вы средина.[3]

Либерально-западническая партия, желающая как можно менее самостоятельности для России.

Остроумие есть дар, и если вы его не имеете — зачем вы пускаетесь?

«*Вестник Европы*». На чувстве, а не на убеждении — ребеночек: дай, барин, грош ради Христа (стр. 351), и ребеночек умирает, и нищий делает взлом. (Вагнер. Как бестолков.) «Не знаем, с кем воевать». — «Нельзя желать войны». — «Кто же войны желает, но освободить надо». — «С кем же воевать?» Глубокомысленный вопрос, а у самого откусят нос.

Какая забота о магометанах: что будет, если казанский татарин пожертвует? Поблагодарят его, пожертвование примут и будут на его счет успокоены, что он не предан фанатизму и проповедь мусульманская до него не коснулась. И отчего вы так

---

[1] *Далее было начато:* Либера‹лы?›

[2] Туда же, острить. *вписано.*

[3] Я не скажу ∾ средина. *вписано на полях.*

заботитесь об татарине или кавказце? Понятно: вы хотите ‹92› выставить, что «единоверчество» есть ретроградство, фанатизм и что мы нашего татарина начнем в отмщение за славян живого жечь? Зачем же вы извращаете факты? А еще о полицейско-сыскном порядке заговорили. Злобные инсинуации. Либерально-пресмыкающиеся.

А славяне действительно за веру избиты, как райя, поганая райя. Перейди они в магометанство, и они тотчас же бы стали равными. Вот посоветуйте!

«Еще более возвышенный, чем единоверие». Почему «еще более возвышенный»? Единоверие, то есть общая вера,[1] в то, что в Евангелии сказано Христом окончательное слово развития человеческого. — Вера заключает в себе все гуманности и все самые возвышенные точки зрения, а люди Евангелия красивее вас. Почему же мне жалеть о 12 000 избитых и в то же время не жалеть (гораздо больше), что избиты они за лучшее свое дело и качество, за христианство и за веру во Христа.

А пуще всего то, что так народ относится, а вы этого не можете понимать. Факт, как бы вам он не нравился.[2]

Garibaldi; la république avant la France.[3]

Воевали две равносильные державы, и не пришел бы помогать Гарибальди. Но кончился Наполеон, и настала республика, и Гарибальди пришел помогать молодой республике и республиканцам.

Спросим себя, что вышло из всех тех зрелостей и стали ли мы зрелее? Конечно стали. Если б мы не встречали Палацкого и кандиотов, то играли бы в карты. Позвольте же нам порадоваться, что мы не играем в карты. Вы хотите, чтоб все застыло в величествии, чихнуть не позволяете, живая жизнь. Почему же не зрелее? Ведь вот читали же «Вестник Европы». И чем же дурно, что ‹93› мы, может быть, несколько преждевременно порадовались своей зрелости? Да это со всеми народами, во всех народах, это живая жизнь.

Франция не то сделала для Италии. Заметьте себе, что тут ничего не сделала Франция и Наполеон, что Франция очень-таки не сочувственно смотрела потом на подвиги Гарибальди и сказала «jamais».[4] Франция очень покойна была в то время. Разве

---

[1] *Вместо:* общая вера — *было:* вера в

[2] *Рядом с текстом:* «Еще более возвышенный ~ не нравился. — *на полях помета:* Фактическая точка.

[3] Гарибальди; республика прежде Франции (*франц.*).

[4] никогда (*франц.*).

стала считать себя более зрелой, чем прежде? Это смешно. Общество было недовольно Наполеоном, эпоха смешанная, а в первую революцию Франция, основанная во Франции, гордилась собой и действительно считала себя зрелее. А уж при Наполеоне-то I как гордились собою все $^{2}/_{3}$ или даже $^{3}/_{4}$ его царствования, до тех пор, пока буржуазное восхищение поддалось наконец разочарованию, а вместе с тем и проснулись подавленные революционные силы.

Просто педант, жалкий учитель, аттестат зрелости. Да тут совсем другое.[1] Вам кажется, умирать легче (вот «Вестник Европы» издавать, конечно, более ваше дело). Пусть легче, но ведь кто не может более легкого, тот не сделает и более тяжелого. Если мы считаем жертву за славян долгом нашим, то в результате воспитываем в себе хотя чувство долга. Вы же прямо приглашаете перейти к мелочной работе внутреннего совершенствования. Но где вы найдете чувство долга к тому, если не воспитаете долг прежде. Одно без другого не выйдет. Совершенствование человека, как и нации, есть цельная органическая работа. Вы говорите, что вы не осуждаете пожертвований, но вы хотите, чтоб мы, жертвуя, не чувствовали никакого удовольствия. Да у вас никакой жизни не выйдет. Глупый, тупой учитель. Пустышка. Вы, пожалуй, скажете, что боитесь, чтоб мы, удовлетворясь подвигами, не сложили рук на дальнейшее. Но какой ‹94› же дурак это сделает и что за глупая мысль. Но именно тут-то и родится,[2] усилится и уничтожится чувство долга к дальнейшему. Иначе оно и не приходит, как постепенною жизнью. Вам бы хотелось, чтоб мы не радовались на себя, не чувствовали бы упоения? Но тогда не было бы совсем и жертв. И сидели бы на месте и играли в карты, как играли всё нынешнее столетие[3] перед этим. Жизнь иначе не делается, как так. Опасения же ваши за аттестат зрелости столь наивны, что странно представить, как могло быть истрачено столько бумаги и чернил на такие пустяки. Пропись.

— Культурные и мистические верованья.

— Я вам ни одного мистического верованья еще не дал.

Вы считаете человеколюбие выше.

Это потому, что вы в зуб не знаете вопроса. Я православие определяю не мистическими веров‹аниями›, а человеколюбием и этому радуюсь, там блудница и тайна, а у нас нет ее. Этот воз нравоучений. Либерально-пресмыкающиеся.[4]

---

[1] *Далее было начато:* Кто не

[2] *Вместо:* родится — *было начато:* кон‹ится›

[3] *К словам:* все нынешнее столетие — *незачеркнутый вариант:* двести лет сряду

[4] Этот ∾ Либерально-пресмыкающиеся. *вписано на полях.*

Остроумие

Сколько глупости у пас, *выгнать турок* из Европы.

Константинополь наш.

Молодые люди, работы.

Нет, лучше я не подам. Тут чем хуже, тем лучше. Их расплодится больше, и тогда [1] государство увидит, что надо их всех сделать богатыми, и уничтожит нищих, и т. д.

Но так я буду думать, как тяжело в желудке, или засыпать на холоде, да п в последний раз, а потом уж буду рассуждать о принципах.

Вы скажете, что такого дурака не будет, да ведь вот вы же говорите. Обыкновенный ум признаю.[2]

А между тем при всей высоте их ролей, сколько ведь низостей-то!

Вот знали, кого привесть в пример! Трудно представить себе, до какой степени способны дать себе аттестат зрелости и восхищать собою европейские народы, до того что и не знают, сколько в них гадкого.[3] ‹95›

13-го сент‹ября›

«*Новое время*» № 195. Похороны Раевского. Из Тамбова секта очищенцев. *Адресс* николаевцев. Протест «Москов‹ских› ведомостей» против бессмысленной телеграммы «Голоса».

«*Голос*», 12-го сент‹ября› — *сомнения* и проч. «*Вестник Европы*».

Крит.[4] А развились ли мы. Как же нет? (ваше слово доказательств точных, не спрашивайте же и с нас). Получилось все то, что можно получить. Райские птицы еще не летают. Это правда, да ведь их никто и не ждал, но общество стало серьезнее, стало податливо и стало знакомиться с известным циклом идей и политических воззрений, а не играть в карты — и слушать либерально-пресмыкающуюся, спокойную, самодовольную наставительную болтовню. Вы вот про зеркало говорите, нет вот, тут-то в зеркало смотрятся, так смотрятся. Иначе откуда бы взяли такой воз нравоучений, праздных и никуда не нужных?

---

[1] *Вместо:* и тогда — *было начато:* а толь‹ко›
[2] Обыкновенный ум признаю. *вписано на полях.*
[3] А между тем ∾ гадкого. *вписано в верху листа.*
[4] *В рукописи ошибочно:* Крот

Ну кому в голову придет — что аттестат зрелости сделает нас равнодушными? Апатия, напротив, сделает нас равнодушными.[1]

Вы скажете, что нет никакой зрелости в пожертвованиях, в служении и в умирании. Нет, позвольте заступиться, есть, и значительная. Прекрасно, если такое чувство обхватит всех: лучше равнодушной апатии и эгоизма или карт или сивухи, француженок и проч. И хоть те не перестали, но все же уменьшились. Пробила всех идея и чувство, значит, доросли до идеи и до чувства. Это есть некоторая и даже значительная степень зрелости, и почему же не порадоваться ей? Похвалить нельзя ли, что ли? Да почему же нельзя? Вы-то не хвалитесь, что ли? (в зеркало.) Вот беда, если мы так и останемся и дальше не пойдем.[2]

Позвольте вам сказать, что Франция ровно ничего не сделала для Италии. Тут Наполеон и политик‹а› (отчасти после Орсини). Страшно влияет иной раз этакая личная психологическая штучка. Была бы другая политика — вышло бы другое. А Франция и шевельнулась бы. Это не значит, что там нет сторонников, работников, буржуа. Большинство любит идею подчинения Италии,[3] даже республик‹анцы› смотрели на Гарибальди и потом «jamais». И все-таки я не думаю, чтоб это было так трезво. Какой еще унизительный пример насчет Гарибальди. ‹96›

NB. Сперва о зрелости, а потом о единоверии, о татарах.

Уничтожены ли у нас где-нибудь инородцы в пользу великорусов. Вот ведь охота такой казенщиной пробавляться. Татары. О церкви и православьи пишет Достоевский остроумно.[4]

Отделить судьбу мистическую от гражданской. Тут речь вовсе не о том,[5] об чем вы думаете. Хотя элемент веры очень важен в народе. Здесь же, в настоящем случае, элемент веры в живой жизни, есть честь, совесть, человеколюбие, источник всего — Христос. Что ж, вы, что ли, лучше Христа? Я вам не представил ни одной мистической идеи.

Да, конечно, с одной стороны...

Но если взять с другой стороны... Что лучше: с одной стороны и с другой стороны, или наивный Вагнер?

Вы fruits secs.[6] Вы не Грановский.

---

[1] *Рядом с текстом:* Крит ∾ равнодушными. — *на полях вписано:* Крит

[2] *Рядом с текстом:* Вы скажете ∾ не пойдем. — *на полях вписано:* Атт‹естат› зрелости.

[3] *Было:* Франции

[4] *Татары* ∾ остроумно. *вписано.*

[5] *Вместо:* не о том — *было:* не о вере

[6] бесполезные люди; *букв.:* сушеные фрукты (*франц.*).

Что вот, дескать, все увлеклись, но один остановил.

Аттестат зрелости, давали лишь писатели, а сочувствие к кандиотам все же было искреннее.

Чего же вам хочется? Чтоб потилицей жертвовать, что ль. Не увлекаться, без поэзии. Нет, вы отнекиваетесь. Так чего же? А вот чтоб не забыть, что все-таки мы не зрелы, и в гордости оставить [1] дела, которые у нас самих, и т. д.

Да кто ж это забудет, какой дурак!

Театр. Опера. Все в восторге — опера оперой, но не забыть, что у нас есть вопрос о полиции, или бал — не забыть грамотность. Да не забудем — все в свое время! Но вы скажете, это нейдет, не то <97>, несоизмеримо.

Ну в школе сидят, но не забыть, что есть больные.

Ну на Бородинском поле — и это хорошо, что вы так сражались, но не забудьте, что есть много гражданских дел.

Казенный либерализм.

Шаблонное человеколюбие, либерально-пресмыкающееся направление.

«Угрюмые тупицы» либерализма.

Главное. Теоретическое отношение к делу, то есть, если хотите, даже и не теоретическое, а просто — лениво домашнее, тут мысли нет, тут шаблон.

Насчет же политической зрелости я не виноват, если вижу ее лишь в народном чувстве (присутствие и возможность этого чувства есть очень важный факт и результат) [2] и еще пущей, может быть, в том, что и из интеллигентного класса многие сошлись и чувством и делом с народом. Касательно же сознательного отношения к делу — то журналистика не очень отличилась. Одни лишь «Московские ведомости» на высоте зрелости. Отношение к делу — а из прочих я бы назвал *немного, очень немного газет серьезных*, а чтоб всегда им верил, то почти ни одной.

Орсини, а еще вернее будущее опекунство. Франция и романские племена. Тьер. Вспомните, что Франция очень верна своим историческим преданиям.

---

[1] *Было:* не взять

[2] *Над словом:* результат — *вписано:* зрелость

И когда потом Кавур стал продолжать свое дело, а Гарибальди захватил Неаполь, — думали ли вы, что Франции это было приятно, да и не то что Наполеону, а Франции?

А знаменитое «*jamais*». (Не помните?) ‹98›

Франция ух не любит благодетельствовать даром. Захват, Наполеон I. А у нас бескорыстие. Вам это указывали. Тыкали пальцем, да вы не обращаете внимания. «На православное дело». Вот тем-то и хороша эта формула, что в ней бескорыстие. На дипломатов наших будет иметь влияние.

И опять: «Франция больше сделала». Но ведь с Сербией покончено. Но движение народное все же благонадежнее, чем расчет политики Наполеона III.[1]

Воображаете, что они аттестат зрелости и забудут главное: все это фантастично, все это не так, как в жизни делается. Старые, неисправимые идеалисты.

Пуганая ворона куста боится.

Думаю тоже, что и немцев нельзя в очень уж большой скромности и воздержности упрекнуть. Разве вот англичан? Те так скромны, так принижены, можно даже сказать.[2]

ВОТ АКСИОМА: никогда не будет такого момента (такого состояния вещей), чтоб Константинополь не был чей (чьим)-нибудь (не принадлежал кому-нибудь). Это аксиома. Ее нужно заметить.

Даже и теперь могла бы быть (в фантазии, разумеется) такая комбинация, при которой одной силе достался бы Восток, а другой Запад, и кто против этих двух сил? Я не говорю, что это будет, или должно быть, я против такого решения, я говорю только, что факт этот мог бы быть.

Рутина, блаженствует и вдруг является Наполеон ‹99›, Бисмарк, чудо, но опять привыкают. опять блаженствуют, и вдруг опять комбинация, опять чудо. Характеристика простоволосых в том, что они при каждой комбинации считают всё уже законченным, являются слова: равновесие (никогда не бывшее) и проч.

Пока существовала Казань, нельзя было предсказать, кому будет принадлежать европейская Россия: русским или татарам?

---

[1] *Рядом с текстом:* Франция ух не любит ∾ Наполеона III. — *на полях помета:* Франция.

[2] *Рядом с текстом:* Думаю ∾ сказать. — *на полях помета:* Англичане.

Мы поблагодарим татар и что же далее? Что вы хотели сказать? Вы что-то хотели сказать?

Вы насчет зрелости: эта фраза в последнее время стала производить неприятное впечатление, вы за нее и ухватились... Да кто же думает, что совершенно созрели и что *надо* остановиться. Какому глупцу придет на ум эта мысль. А потом, какому педанту... пришло в голову порисоваться.

О том, что турки всячески нарушали перемирие и переводили свои войска из одного места в другое. «Н<овое> в<ремя>», № 197, 15 сент<ября>. Совр<еменные> изв<естия>.

Бедные наши солдаты, бедные наши севастопольцы с Георгиями, старые наши майоры, санитарные отряды и походные церкви — все это социалисты и коммунисты! Уроды и уродики! Однако ж они могут достигнуть *некоторой* цели. Михаил Григорьевич, бедный социалист. «Новое время», № 197. *Восточные дела.* Корреспонденция «Теймса» из Вены.[1]

Вот слова «Москов<ских> ведом<остей>» о социализме и избиении социалистами болгар, № 234 (14 сентября). Передовая.

Равновесия европ<ейского> не существовало. Правда, дипломатическое давление Европы[2] в пользу прав и обязанностей равновесия бывало иногда весьма сильно для иных держав... но это были овечки. Для волков же ни разу закон не был писан. Я только замечу, что волком в нынешнее столетие Россия ни разу не была, а всё овечкой, правда, добровольной и рыцарской овечкой, но все же овечкой. <100>

«Москов<ские> ведом<ости>» лучшая из газет. Остальные желтороты. Желтороты даже и седые из газет. Нравится, что вот и я еще сужу о политике, да еще о каких делах-то! Есть[3] мелкие черты желторотости: называть английского первого министра премьером (вероятно, так его называют по-английски). Когда жидишку Дизраэли сделали виконтом Биконсфильдом — это было у нас чуть не праздником для газет. Подумать, что иные нарочно писали об Англии, чтоб употребить выражение «лорд Биконсфильд». Да и вообще иностранные собственные имена возбуждают у нас обаяние: ну как сравнить, например, по величию благозвучия такие собственные имена как, например,[4] «лорд Дарби», «лорд Сомерсет», «Герезон Давоншир» — в срав-

---

[1] «Новое время» ∾ из Вены. *вписано на полях.*
[2] *Далее было:* бывало и
[3] *Было:* Особенно есть
[4] такие ∾ например *вписано.*

нении с такими именами как Нарышкин, например, Салтыков, Плещеев или князь Репнин, Козловский,[1] Ростовский, Кутузов. Уступают решительно. «Сомерсет» — так уж и слышно, что он Сомерсет. Это нечто важное, ну а что такое наше русское имя. Монтано, например, как грациозно, и строго и грациозно. А тут Иванов, Куприянов — фу, как неблагозвучно.

Что тут такого? Любование ли тем, что он премьер, а не просто первый министр, подшучивание ли над этим (только вряд ли?), фамильярность ли маленькая газеты с английским министерством (ну, это очень может быть) или просто невиннейшая из похвальб, что вот, дескать, и я знаю, что в Англии первый министр называется не первым министром, а премьером. И в самом деле: когда он пишет «премьер Биконсфильд», то это увеличивает[2] в нем чувство[3] собственного достоинства, как будто и он премьер или по крайней мере на высоте событий и, уж конечно, понимает теперь всю политику.[4]

Биконсфильд, Израели романист, верно, сам сочинил, какая прелесть. А если и была такая земля, и проч.

Конечно это всё доказательства[5] ничтожные (о политической желторотости газет), но ведь параллельно с тем и всё остальное. ‹101›

Сомерсет — и вдруг в сравнении с тем Стасюлевич — какое неблагозвучие!

Бородинское поле, вы умираете, но это всего легче, гораздо труднее обратить внимание на свои гражданские несовершенства, на изучение края.

— Не замай, барин, обратили внимание, дай только здесь-то дело кончить, не мешай.

— Я ничего и не говорю и даже не желаю мешать. Я отойду в сторону, подальше, в ретирадное место, откуда и буду делать мои наблюдения над этим,[6] весьма, впрочем, легким делом, но я лишь боюсь, что вы возгордитесь, дадите себе аттестат зрелости, тогда как...

— Да дай пожить-то, барин. Ну, попразднуем маленько, не без этого, а потом и дальше пойдем. Да и нигде, нигде так не делается, чтоб не попраздновать маненько.

---

[1] *Вместо:* в сравнении ∾ Козловский — *было:* или с Нарышкиным, например, с Плещеевым, с князем Козловским.

[2] *Было:* возбуждает

[3] *Было:* какое-то чувство

[4] *Далее было:* А если он не премьер, так около премьера вертится. *Текст:* Что тут такого ∾ политику. — *вписан вдоль полей и в верху листа.*

[5] *К словам:* всё доказательства — *незачеркнутый вариант:* заметки

[6] откуда ∾ над этим *вписано.*

Мы ли хвалимся, французы, те, звона, на весь мир как хвалятся! А англичане-то! А немцы-то...

Но о французах именно и пишете и даже в пример подаете. Освобождение Италии. Какое странное понятие о фактах!

Константинополь. Вернее всего, что его оттягает Англия, то есть все будет поддерживать Турция, ее либерализм, величие, необходимость и независимость, а как дойдет до крайнего момента и как увидит, что нельзя больше, то возьмет и займет его. Она даже начала: Египтом и Безикской бухтой. Так что России придется иметь дело уже с Англией, а у Турции, полагаю, она никогда не решится занять Константинополь.

Черняев: я оставил без ответа, ибо что можно тут отвечать, чтоб ответить, нужно начинать ужасно сначала, а в ином обществе и при иных вопросах это не только неудобно, но даже и неприлично.

Египет, «Москов‹ские› вед‹омости›».

У нас способнейшие люди не понимают Восточного вопроса.

Аттестат-то созрелости, пожалуй, дадим: почему махонькую не пропустить, погордимся.

БОРОДИНО.

— А на нас-то извольте посмотреть: мы бы вот сейчас ударили...

— Нет, я лучше удалюсь в сторону и оттуда буду сочувствовать.[1] ‹102›.

Piccola bestia, — умирают от тарантула вовсе нечасто.

Стушевался.

NB. 1) Может, пустяки, а может, страшное и радикальное потрясение политическое.

2) Кто боится тарантула: не думаю, чтоб биржевые жиды и бессердечные дипломаты. Честные люди, они тверды, но нельзя не бояться. Война хоть и добро. У нас сомне‹ния› в офицере, в движении общества. Желторотость газет.

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ. *Главное.* Где лучшие люди? Мы не остались при сословии и предрассудке, а лишь при идеале. Литературный идеал — демократ. Народный — идеал доброго человека лучше. К тому же принципы вроде «учение свет». Всё вместе[2] в высшей степени демократично — заметьте себе это. Чиновник, сделанный Петром (идеал хорошего человека не удержали), никому в го-

---

[1] Аттестат-то ∾ сочувствовать. *вписано вдоль полей и в верху листа.*

[2] *Вместо:* Всё вместе — *было начато:* В выс‹шей›

лову не придет, что статский советник и действ‹ительный› дается за совершенство нравственное, тогда как в строгом смысле так и должно бы быть, да и при установлении так и рассчитывали, это несомненно (или хотели заменить род (местничество); местничество где-то изображено вроде подавленного чудовища, и на место его явились чистые ангелы регистраторы, надворные и статские советники). По крайней мере чин определялся вселять столько уважения, а носящий его определялся до того с достоинством соблюдать его, чтоб и общество и народ признал его за всё самое лучшее. Но не так. Восторжествовал демократизм. Но ведь это лишь идеал, а в действительности[1] ‹*не закончено*›. Но начало чести. . .[2] 200 лет прививок, кроме того, *человек есть человек*: высший идеал простить и величием невозмутимости своей, спокойствия своего при обиде — невольно покорить. Но когда еще люди будут таковы? Между тем закон ‹103› прямо требует идеал: прости. И не соображает ответа: но ведь я ношу шпагу, где же честь, иначе цинизм, и вам же, обществу же вред. Но ведь простить из идеала — только свято, а простить из цинизма, из срама, из цинизма эгоизма, т. е. трусости, — подло. Но есть законы, — говорит закон. То-то и есть, что нет.

Неуловимость сильнее всего.

Карлов, собаки, ну какой мировой судья

На детей, на жену (которых общество всегда поддерживает. Письмо корреспондента).

Да, корреспондент прав, и этого нельзя вынести, общество начнет вас презирать и не уважать. Восстановить себя можете, лишь сами убив.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ КОНСПЕКТ СЕНТЯБ‹РЬСКОГО› №

Слушали проект каких-то немцев, а не мой.[3]

Piccola bestia. Халаты. Восточный вопрос. Египет, Черняев. Константинополь наш, равновесия нет. Новый фазис политики (двойни).

Вестник Европы, (весь ответ).

Рагозину.[4]

Об дочери Герцена.[5]

Селину. О дуэли и Печорин.

Последняя страничка о событиях. ‹104›

---

[1] а в действительности *вписано*.

[2] *Далее было:* и т. д.

[3] *Фраза:* Слушали ∾ не мой. — *вписана на полях.*

[4] *Вместо:* Рагозину — *было:* Селину

[5] *Вместо:* Об дочери Герцена — *было:* Селину

«Современные известия» воруют у меня, только пишут глупо. «Новое время» в восторге, № 198, 16 сентября.

О, «Вестник Европы» — говорит, что он не хочет мешать народу, и, однако, движение народа ему ужасно противно. Это Грановский, после статьи своей, увидевший движение народа именно в том смысле, в котором он отрицал его.

Кандиоты. Это дело делается инстанциями: сначала кандиоты, потом гости-славяне, потом встреча броненосца — почему всему этому не быть.

Мы созрели — никогда этого не будет. Если б и явились этакие чудаки, то сейчас подле явились бы другие, и нигде как в России: дух отрицанья, дух сомнения. Более как в России нигде, а вы выставляете Францию.

Основание в Европе — две силы.

Англичанин кажется скромным? Или немец: в самом деле смиренный-то человек, а скромность-то какая! А недовольство-то собой какое, начиная с Бисмарка и Рихарда Вагнера до Ревельского...[1]

Остроумие. И если вам бог не дал, то нечего и решаться на остроты. Почтенное навьюченное нравоучениями существо.

Статьи восточные из «Вестника Европы» полезны для ума, но... видите ли, я более люблю — уж лучше кончу.[2] ‹105›

Европейскому равновесию повинна одна Россия.

Вы идеалисты 40-х годов, но вы устарели и обратились в нечто хотя и весьма почтенное, но навьюченное целым возом устарелых неподходящих[3] нравоучений, ненужных, первобытных, до того,[4] что даже стыдно читать. А впрочем, тут может быть просто ленивое отношение к делу, нечто либерально-пресмыкающееся по шаблону. Уступает Белинско‹му› Грановск‹ий›.

Ну кто испугался за то, что мы дальше не пойдем, потому что возгордимся и успокоимся? И кто может принимать это за серьезное и глубокомысленное? А впрочем, вы, может быть, и в самом деле испугались, от вас это станется.[5]

---

[1] *Рядом с текстом:* Англичанин ∾ до Ревельского... — *на полях вписано:* Немец. Англичанин.

[2] уж лучше кончу. *вписано.*

[3] *Незачеркнутый вариант:* готовых

[4] *Далее было:* устарелых

[5] *Текст:* Уступает ∾ станется. — *вписан на полях.*

Изучите православие, это не одна только церковность и обрядность; это живое чувство, вполне, вот те живые силы, без которых нельзя жить народам. В нем даже мистицизма нет — в нем одно человеколюбие, один Христов образ.

ЭТО

Я не отрицаю в вас ум, но ум, конечно, не по мерке русскому движению и Восточному вопросу. О, конечно, статьи восточные из «Вестника Европы» полезны для ума, но... но уж лучше я тут кончу.

Да отчего же и не похвалиться? Ведь нас все так ругают, и сами мы так себя 30 лет сряду ругаем.[1]

Признайтесь, что вы хотели сострить, а? Но видите ли: остроумие есть, во-первых, дар природы и... а впрочем, я тут прерву: к чему прикасаться к наиболее щекотливым пунктам. Раздражен. Я бы желал, чтобы обращались лучше, не то и мы сумеем ответить.

... Многие люди, ординарные умом и отсталые, но по ограниченности своей считающие себя на высоте движения.

Вы оказались не на высоте движения, вы его не понимаете. Это неменьше, это наибольше. Тут встреча наша с народом. Оказались не способны мыслить, правильно чувствовать, не способны ни па что решиться, погибнете под вашим возом[2] либеральных нравоучений и проч.[3] ‹106›

ГЛАВНЕЙШЕЕ

«Новое время», *№ 201*, воскресение, 19 сентября. Статья: «Что делать?». С английского «Daily News». Программа английских либералов.

ВАЖНЕЙШЕЕ

22 сентября, «Голос». Мнение «Journal des Débats» об обществ‹енном› мнении России, так же легко возбуждается, как и потушается. Ввернуть в ответ «Вестн‹ику› Европы», в месте о *критянах* и проч.

---

[1] *Рядом с текстом:* О, конечно ∾ ругаем. — *на полях помета:* Аттестат зрелости.

[2] *Незачеркнутый вариант:* ворохом

[3] погибнете ∾ и проч. *вписано на полях.*

За единоверие или не за единоверие.

Да помогите просто. Ведь стоите же вы за татар

Тот за веру, тот за то, что они свободу, а все слабым угнетенным и избиваемым. ‹107›

ВАЖНЕЙШЕЕ

Если б они были не настолько развиты, чтоб драться за свободу.

А оказались бы до того забиты, что уже и не мечтали бы о свободе, а просто выли бы над своими ребятишками, у которых мучители отрезывали по одному пальчику каждые пять минут, чтоб продолжить их мучение в глазах отцов (так же было), то на вас вдруг нападет холодность: нет, они не возвысились до понятия о свободе, сего единственного блага людей, а посему я и удержу мои пять руб‹лей› в моем портмоне. Ваше-то понимание ведь тоже христианское, а? Как вы думаете? А потому нечего вам стоять *фертом* перед народной формулой на православное дело.

Удаляться на печь

Никогда не удостоят вникать в реальную правду вещей, а удаляются в свои теоретические определения, сделанные когда-то на веселой сходке (Герцен, Одоевский), а между тем оказавших‹ся› в *иных случаях* страшной близорукостью и несправедливостью. Неопытность видения дел — вот что у нас есть. Вы хотите, чтоб не так уж слишком, чтоб поменьше.

Именно теперь, именно в эту минуту английские и немецкие органы печати советуют нашему правительству приняться за укрощение поднявшегося русского духа. Но это уже конечно другое, вы самому обществу советуете, чтобы оно поукротилось. ‹108›

«*Новое время*», четверг, 23 сент‹ября›, № 205. Прокламация софтов в Константинополе из газеты «Temps».

Вы сердитесь на рубрику, положим, это ваше дело, — но почему разбирать, та, дескать, причина, по которой жертвов‹али›, благородна, а та нет.

Народ просто жертвует.

Находить вероисповедную нетерпимость в русском человеке — грешно, просто грешно.

Мало ли не сыпалось обвинений на голову русского человека. Это стыдно.

Если б это только было из раздражительности вашего самолюбия: дай-ка, дескать, скажу умней всех, то это бы было в высшей степени простительно.

Человеку ненаходчивому ужасно нравится отличиться.

Но так как вы действительно верите в эти свойства (не отрицайте, вы верите), то это только показывает ваше жалкое незнание и проч.

Вред<ная> теоретичн<ость>, вредное распространение ложных идей. Седые греховодники против русского народа.[1] <109>

ЕДИНОВЕРИЕ

NB. Искать причины помощи не допускает Евангелие. Просто получай, самарянин.

А если раз допустить причину помощи

...То сейчас же войдет в ум и рассуждение. Нет достаточной причины, нет ему помочь, он не любит свободы — сего первого блага людей.

Почему вы хотите похерить историческое требование, сохранившееся в живой жизни, и подставить вместо того другую книжную и несравненно более сбивчивую, ошибочную и низшую мысль.

Не говоря уже о том, как смешно пробовать сдвинуть стену. Ведь не сдвинете. Западнические Кифы Мокиевичи.

А что если б слон родился из яйца.

А что если б не было истории, а стало быть, не было ни православья, ни единоверия, тогда помогали для более высшей мысли, для свободы — сего первого блага людей. <110>

Единоверие

Самарянин, тому и учит Евангелие, чтоб не смотреть на веру.

Вместо веры <в> себя, но у вас хуже. Но раз вы поставили рубрику

Свобода — сие первое благо

то болгари<ну> уж не *помогу* (а черногорцу)

Ведут к церковным вопросам и т. д. Но приложимо ли это в данном случае хоть сколько-нибудь?

Аттеста<т>. *Аттестат зрелости,* что за стариковское педантство.

Final. Вы отпетые, нынче наступает время не то.

---

[1] *Текст:* Вред<ная> теоретичн<ость> ∞ народа. — *вписан на полях.*

САМОБИЧЕВАНЬЕ в нашем обществе. ‹111›

1) Piccola bestia.
2) Слова, слова, слова!
3) Комбинации и комбинации.
4) Халаты и мыло.

1) Застарелые люди.
2) Кифомокиевщина.
3) Продолжение предыдущего.[1]
4) Статья Кифомокиевщина, страхи и опасения. ‹1›

Халаты и мыло.
Веские слова.

Об народе они пробавлялись сотней анекдотов, ужасно их веселивших, чему я свидетель — за тупейшим нередко непониманьем того,

Что сквозит и тихо светит
В простоте его смиренной.[2] ‹2›

Октябрь

Октябрьский №

(*Первоначальная* программа)

4 элемента

1) О вспомоществовании молодежи.
2) Ответ на письма.
3) Рассказ.
4) Восточн‹ый› вопрос (в самом конце).

СНАЧАЛА:
О том, что такое лучшие люди. Чин и богатство (помещики), потом купцы.[3]

У народа свои идеалы... Протащились и в лучших. Много аттестатов (идеалы разные, сбивчивость, путаница. Печорин). Кончились помещики, кончились лучшие люди. Реформы, жиды, паси, купцы. (Мелькает талант, образование, но главное *деньги*. Чин *хочет пасовать*.) Придворные. Народ молчит. (Разврат и его тронул.) Народные идеалы. Проповедь социализма (оттого успех, что нет идеала лучших). Помощь славянам как раз подоспела (помещичество и семейство разрушается). В России загадка.

---

[1] *Вместо:* Продолжение предыдущего — *было начато:* Вы тоже

[2] *Рядом с текстом:* Халаты и мыло. ∾ смиренной. — *на полях зачеркнутый план:* Глава 1-я. 1) Смерть Жорж Занда. 2) Несколько слов о Жорж Занде. Глава вторая. 1) Мой парадокс. 2) Вывод из парадокса. 3) Восточный вопрос. 4) Утопическое понимание истории. 5) Опять о женщинах.

[3] *Далее было:* Помещики кончились (дворяне)

(Струсберг, Полянский, позорно плачут.)

Герцена дочь.
Бродяги. Пауперизм.
С образом из окна.
Лучшие люди. <112>

Текущее — октябрь.

Текущее для *окт‹ябрьского› №.*

Поверка лошадей. Участковый пристав,[1] справляющийся: нет ли служивших в военной службе — толчок в обществе и на Бирже.[2]

Редакция издания (Гайдебуров), не находя удобным (NB, по всей видимости, слово *удобным* означает «цензурно возможным» и проч.).[3]

Идеи, от которых иду (аксиомные).[4]

1) Положительная польза в том, что получатся образованные люди. Умножение интеллигентной силы.

2) Уменьшение интеллигентного пролетарства, *бегства в народ*. Укрепление семейного начала.

3) Они *отдадут*.

4) Вера в молодые силы, в их благородство.

5) Надежда на будущее единение. У них своя alma mater. Чувство общей благодарности, укоренение принципов и правил, уже самими ими выведенных из жизни, а не преподающих‹ся› в школе в виде обязательных формул и проч.

По университетским городам, но с сохранением общего единения.

В народ. Валеты. Бродяги (близость к мошенничеству, разъединение, дурные элементы). *Неисчислимо больше дурного, чем хорошего для государства.* За 500 000 можно бы устранить. Много ли 500 000 для такого блага? <114>

Единение молодежи и прием ею *нравственного единения* и правил от воспитателей прямо от вольного общества.

И обратно знакомство и общества и государства (в лучших представителях его) с молодежью, с обществом. Узнание, что вечность и что[5] извечность. Справедливость. Выгоднее броненосца

---

[1] *Вместо:* Участковый пристав — *было:* Околоточный

[2] *Рядом с текстом:* Текущее ∾ на Бирже. — *на полях помета:* Молодежь

[3] *Рядом с фразой:* Редакция издания ∾ и проч.). — *на полях помета:* Переписка

[4] *Рядом с фразой:* Идеи ∾ (аксиомные). — *на полях помета:* Общество.

[5] *Далее было:* простит

или поповки, берущей не 500 000, а четыре миллиона (хотя и поповки необходимы).[1]

Не может быть столкновений общества с правительством. Уже в самом обществе могут быть элементы (и непременно будут)[2] пожелания добра правительству, еще высшие и сильнейшие, чем сами чиновники от правительства.

Я мог наговорить вздору, хотя я еще и не представляю плана, но основные мысли (аксиомы), из которых я выхожу — *безошибочны*, я верю в это. А во вздоре меня всегда могут поправить те, которые понимают это лучше меня.[3]

Броненосец, тут я вижу такую *броню*.[4]

Некрасов, ушедший от отца.[5] ‹115›

Много скандалу — и никакого результата. Везде биржевая игра, все биржевики (высшие правители России). Бюджет и финансы хорошо, но что стоит гривенник, за то дают рубль. Две России: биржевая-жидовская и христианская. Купцы примыкают скорее к биржево-жидовской. Без образования, без развития, мамон, разбогатевшие мужики.[6]

Лучшие люди

Лучшие люди. Где теперь и что такое теперь лучшие люди. Без лучших людей земля не стоит.[7] Чины — пали. Дворянство пало. Все форменные установки лучшего человека — пали. Остались народные идеалы (юродивый, простенький, но прямой, простой. Богатырь Илья Муромец, тоже из обиженных, но честный, правдивый, истинный). В обществе хоть и профессор, хоть и ученый, талант, но чтоб честный и истинный. Понятно, что надо бы такому мировоззрению удержаться в народе — единственное наше спасение. Но если будут почитать купцов, мамону. Эти борются, эти хотят осилить народное мировоззрение. «Были бы денежки, были бы *сижки*».

Огромные народные потрясения, вроде войны, были бы спасительны.

---

[1] *Рядом с текстом:* Единение молодежи ∾ необходимы). — *на полях помета:* Главное

[2] (и непременно будут) *вписано.*

[3] *Рядом с текстом:* Я мог наговорить ∾ лучше меня. — *на полях помета:* — Общество

[4] *Рядом с фразой: Броненосец ∾ броню.* — *на полях помета:* Броненосец.

[5] *Рядом с фразой: Некрасов ∾ отца.* — *на полях помета:* Общество.

[6] *Рядом с текстом:* Много скандалу ∾ мужики. — *на полях помета:* Струсб‹ерг›

[7] Без лучших людей земля не стоит. *вписано.*

Война бывает каждые 25 лет. Не останавливают ее ни развитие, ничего. Значит, нормальное состояние.[1]

Простейшее соображение: если и перемирие для возможности конгрессов на 6, 5, 3 месяца или 6 нед<ель> (все равно) — то, положим, военные действия и все эти демаркационные линии будут строго определены. Ну а резня болгаров, продолжающаяся. Ведь <116> для России это всё то же? (NB. Смерть в Петербурге 4 октября крещеного солдата-татарина от двух его бывших единоверцев-татар, разумеется за то, что он окрестился. *Вот вам пример шариата под носом.* Так если это в Петербурге, то как же уберечь болгар, — которые *там*, у себя, то есть у турок? (О солдате-татарине см. «Новое время», № 218, среда, 6-го октября.)[2]

Аксиома

Нам надо всегда знать и помнить, и быть убежденным, что в решительных общемировых вопросах Россия, если пожелает сказать свое слово или провести свое мировоззрение самостоятельно, — всегда встретит против себя *всю* Европу, без исключения, и что, в *строгом смысле слова,* — у нас *в Европе нет и никогда не будет союзников.*[3]

Лучше бы разделиться Европе на две силы, на Германию и всеславянскую (Англия в стороне). Тогда бы и кончено, и обе силы могли бы ужиться вместе, решительно друг другу не мешая. (Перемена карты Европы окончательная и радикальная.) Устранение романского племени. Мог бы только разве соединить папа. Остальные <117> европейские народики могли бы процветать в мелких отдельностях. Но политически две бы только силы.[4]

Конечно это мнение о «Вестнике Европы» сделано для старинного, древнего «Вест<ника> Евр<опы>», а не теперешнего, издающегося под редакциею г-на Стасюлевича, к тому же совсем в другом формате, да и бумага совсем не та, но. . .[5]

«Московские ведомости». Проповедь софтов по шарьяту («Москов<ские> ведом<ости>», октяб<ря> 5, № 253.[6]

---

[1] *Рядом с текстом:* Война бывает ∾ состояние. — *на полях помета:* Война.

[2] *Рядом с текстом:* Простейшее соображение ∾ 6-го октября.) — *на полях помета:* Война.

[3] *Рядом с текстом: Аксиома* ∾ союзников. — *на полях помета:* Война.

[4] *Рядом с текстом:* Лучше бы ∾ силы. — *на полях пометы: Война.* Здесь. Главное. NB.

[5] *Вместо:* к тому же ∾ но... — *было: а.* конечно, совсем в другом формате, и совсем не на той бумаге, но... *б.* совсем другой формат, *да и бумага совсем не та. Рядом с фразой:* Конечно ∾ но... — *на полях помета:* «В<естник> Евр<опы>»

[6] *Рядом с текстом:* «Московские ведомости» ∾ № 253. — *на полях помета:* Шарьят

Для нашего общества нынешнее лето — это целый курс в университетском факультете.[1]

«Голос», 7 октября, № 277. Статья Лароша, похвала «Вестнику Европы», «будем жертвовать лучше на школы». Без этого, как вы говорите, *бездеятельного* (?!) неопределенного чувства не будет жертв и на школы. Какая глупенькая мысль, какая маленькая мысль, прямолинейная мысль.[2] Старое г<- - ->но. Откуда вы возьмете восторги на школы при нашей бирже без жертвы кровью. (Милитаризм! Осел!)[3] «Голос» запел было в унисон благородному порыву, потому что не расходятся номера, а в фельетонах у него и *L* и *Мыслете*. ‹118›

Можно ли теперь *затушить народное* движение в пользу славян, и не было ли бы гораздо большей опасности, если не удовлетворить народ, в который уже прорвались все сведения о страдании славян?[4] См. «Москов‹ские› ведом‹ости›», 6 октября, № 254, среда. Письмо к издателю.[5]

ЕЩЕ О КОНСТАНТИНОПОЛЕ

«Новое время» от 3-го октября, № 215, статья из провинции, накануне решения Восточн‹ого› вопроса. Газета печатает ее «как образец чисто русских взглядов на славянское дело». Опять Константинополь — общее место, нейтральный. (И Игнатьев и Данилевский и образцы взглядов — все.) Да есть ли толк в этих головах! Может ли, приготовлен ли Конста‹нтино›поль к тому, чтоб быть нейтральным, ничьим. *Вольные города* выживали свою форму сами длинною жизнию, а здесь что можно сотворить *из ничего.* Ибо что такое Константинополь — огромная масса магометан, центр — магометане, к ним примкнут евреи, армяне и даже славяне против греков. Начнется война за преобладание, точь-в-точь та же, что и теперь в Турции. ‹119› Греки не могут не потребовать большей свободы. Турки не смогут не начать избивать их как теперь и как сильнейшие. Патриарх поссорится за Софию, за христианство. Поссорятся за способности. Греки способнее, хитрее и образованнее турок, турки же сильнее массой, но греки не могут уже смотреть на них как на господ, ибо турки потеряли авторитет калифатства. (Да и все греки (Афины) будут с греками константинопольскими заодно).[6] Война и резня (славяне, может

---

[1] *Рядом с фразой:* Для нашего общества ∾ факультете. — *на полях помета:* Факультет. *Далее было:* NB. 4, 5, 6. Убийство.

[2] Какая глупенькая ∾ мысль. *вписано.*

[3] Откуда ∾ Осел!) *вписано.*

[4] *Вместо:* о страдании славян — *было:* о славянах

[5] *Рядом с текстом:* Можно ли ∾ к издателю. — *на полях помета:* См. Здесь, важное.

[6] (Да и все ∾ заодно.) *вписано на полях.*

быть, за турок). Придется гарнизон поставить международный. Хорош вольный город с международным гарнизоном. Будет даже не общее место, а гнилое место. Само собою кончится тем, что заведутся для порядка англичане и присвоят себе всё.

Международный гарнизон в Дарданеллах тоже удивителен. (А интриг-то: каждый начальник гарнизона к себе тянет. Ведь необходим общий губернатор, не правда ли, кто же его будет ставить по выбору турки.) [1] Чуть война с Россией, и Европа запирает России Дарданеллы! Да неужели нам вечно сидеть взаперти и не видать моря!

Константинополь наш, должен быть наш и больше ничей. (Поццо ди Борго.) *Смотри статью Соловьева «Восточный вопрос».*

Чтоб овладеть морем, нужно взять проход в море раз навсегда.

Сейчас после того вторая статья: *«ЕВРОПА И ДВЕ СИЛЫ».*

Франция — нация вымершая и сказала всё свое. Да и французов в ней нет. Ибо социалисту и народу-работнику — всё равно. Буржуа — всё равно. Бонапартисты перейдут к немцам. Легитимисты — труп, остаются республиканцы, идеальная République [2] — название без тела. ‹120›

Важная страница

О МОЛЧАЛИНЕ.

Глупая статья «Русского мира» против статьи «Голоса» о помощи турецкому капитану (перешедшему в христианство).

Православие не разъединяющий, а, напротив, всесоединяющий мотив: это «рубрика», по которой к нам *примкнет* весь Балканский полуостров, не только с славянами, но и с греками и Константинополем.

Россия в Крымскую войну не бессилье свое доказала, *а силу.* Тогда можно было так говорить *для реформ* будущих, но теперь дело *иное*, и надо сказать правду. Несмотря на *гнилое* состояние вещей, вся Европа не могла нам ничего сделать, несмотря на затраты и долги ее в тысячи миллионов.[3]

Да и внутреннее состояние наше крепче, как нигде. Самодержавие. Европейский взгляд на него у царей (ограждаются гвардиями) и будущий поворот его на русскую почву, то есть все свободы, ибо не *боятся* (как на Западе) народа и подданных. ‹121›

---

[1] (А интриг-то ∾ турки.) *вписано на полях.*

[2] республика (*франц.*).

[3] *Рядом с текстом:* О МОЛЧАЛИНЕ ∾ миллионов. — *на полях помета:* Здесь *и наброски:* Обособление. Токарев. Доктора. Барыня, мне отвечающая.

Аполлон Григорьев.
Просят переводов.
Две России — жидовская и христианская.

«*Новое время*», № 224, вторник, 12 октября. О Струсберге и его *великой идее*. И известие прослушали мухи, медовые духи — путей сообщенья полно жидками: — Всё цестными еврейциками. Status in statu. Я готов, это прямая обязанность христианина. Но status in statu не надо усиливать, сознательно усиливать, но я вовсе не о том. Я о великой идее.[1]

— Я пострадал от доноса, а вы нет.
— За это вас не только не оштрафуют, но даже в теперешнюю минуту беспорядочной подымчивости и криков: «В Сербию!» или «За славян!» дадут вам же самим крест за умеренность и аккуратность. За это дают отличие за умеренность и аккуратность![2]

А если вы не любите Россию, то я и не стану утверждать, что вы ее любите. Это уж извините! Я хочу остаться свободным не только с *той*, но и с другой стороны. Мой девиз за правое дело, а кто не прав, пусть сам на себя пеняет.

«В‹естнику› Евр‹опы›». Вам хотелось сказать умнее всех, а между тем это у вас не вышло.

«Новое время», № 226. Четверг. — «Предложение Лофтусу отправиться в Ливадию не означает ли полное бессилие Англии?»
— «Держите карман. Вот она вам задаст бессилие!»[3]

«Journal de St. Pétersbourg». Газета для лакеев.

«Московские ведомости», четверг, № 262. Струсберг о банкирах. (Великая идея.)
— Великая ли идея? От вашей великой идеи кто-нибудь должен страдать. *Зид*. С насих.

(Лучшие люди.)
Тут статья «Голоса», 7 октября, Лароша похвала «Вестнику Европы». Станем сбирать на школы. Не будет и школ без этого *бездеятельного* чувства. С великими идеями Струсберга. ‹122›

---

[1] Я готов ∾ великой идее. *вписано*.
[2] *Рядом с текстом:* Я пострадал ∾ аккуратность! — *на полях помета:* В случае «В‹естник› Евр‹опы›». *О доносе*.
[3] *Рядом с текстом:* «Новое время» ∾ бессилие!» — *помета:* Бессилие Англии.

Начиная с слезливо-кающихся негодяев до взаправду[1] не понимающих, почему они негодяи.[2]

«Московские ведомости». № 263, 14 октября. Передовая о конгрессе рабочих в Париже, возрождение социализма. Параллель с Восточным вопросом. *Великолепное сравнение.*

«Московские ведомости». Тот же номер о Красном кресте. (Токарев). Сепаратизм врачей — обособление. Ему надо начать отличаться.

«Московские ведомости». Тот же номер о продаже женщин и детей *в Константинополе.* Лофтусы дозволили. Студенты в Пеште в честь Турции. Шатания в мире.

Шатание. Рады, что накинулись на Струсберга. Члены совета не смотрели: да и все так у нас всегда смотрят.[3]

«Новое время». Суббота, 16 октября, № 288. Тосты *Кетчера.*[4]

NB.

Глупо общество. Прямолинейность. Так как я заимствую, то должен сказать: Суворина. Много выражений погибло. Друг у друга. *Стушеваться.* (Молчалин. Треугольная ранка. Замер на шпаге, как стрекоза, но был строг, Шекспир погибает по глупости.)

«Биржевые» от субботы, 16 («Нов‹ое› время», 17 окт‹ября›). О вреде взятия Константинополя и проч.

О адвокате Норейке.

«Нов‹ое› вр‹емя›» — газету, которую я читаю не всегда с большим удовольствием, но успех которой показывает, до какой степени надоел «Голос», тщащийся что-то сказать «Биржевым». ‹123›

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* серьезно

[2] *Рядом с фразой:* Начиная ∾ негодяи. — *на полях помета:* Струсберг.

[3] *Рядом с текстом:* Шатание ∾ смотрят. — *на полях помета:* Струсб‹ерг›

[4] *Рядом с текстом:* «Новое время» ∾ *Кетчера.* — *на полях помета:* «Новое время». Кетчер.

Никогда фантазия[1] не может выдержать сравнения с действительностью.

Щедрин

Это я знал.

1) Две смерти. Дочь Герцена. Холодный мрак и скука. Мачеха.

2) Потом из окна с образом. Смиренное самоубийство. Мир божий не для меня. Как-то потом долго думается.

О сумасшедших.

Бродяги. Пауперизм. Слухи про университет. Верить этому.

Переводов? Оставляет угрызение совести. Но тут еще поэты, а то Стелловские.[2]

Кто будут наши лучшие люди? Те, кто понимают, в чем состоит счастье.

В богатстве?

В нравственной свободе? [3]

Струсберг — великая идея.

Россия жидовская, червонных валетов и христианская. Про Россию думают, что слишком легко всё с ней сделать. (Западники.) Между тем всё идет по своим законам.[4]

Потушить христианскую опасно. Статья Лароша. На школы. Сепаратизм врачей. Обособление. Токарев, доктора. Барыня, мне отвечающая. Целого нет в верхней оболочке. Опять-таки целое в народе.

И: *последние известия.*

О Константинополе. Об Англии. Все тащут, вот бы и мне.

О Лофтусе. Да, держите карман.

Я прежде. Гражданств‹енность?›.[5]

Стелловский, Аполлон Григорьев. (Лучшие люди. Одни деньги.)

И как сметь так много думать о себе?

Подала дама.[6]

NB. СЛОВА И СЛОВЕЧКИ.

Англия на этот раз драться не будет. Помяните. Но она займет все места, которые ей надо и которые надо бы чтоб Россия заняла прежде нее, и уж из этих мест ее не выживете. А драться,

---

[1] *К слову:* фантазия — *незачеркнутый вариант:* действительность
[2] Но тут ∾ Стелловские. *вписано.*
[3] Те, кто ∾ свободе? *вписано.*
[4] Про Россию ∾ законам. *вписано.*
[5] Я ∾ Гражданств‹енность?›. *вписано.*
[6] *Рядом с текстом:* И как сметь ∾ дама. — *на полях помета: С образом*

нападать мешать, как в 54-м году, она <на> этот раз не будет.[1]

Струсберг. «Новое время», № 229, 17 октября, воскресенье. Фельетон (Полянский).

«Петербург<ская> газета». Воскресенье, 17 октября. *О МАЧЕХЕ.*

Что командор велик — мысль тяжела, не из зависти к командору, — а по своему суду самого себя, что сам клубничка.

Но он не клубничка.

Отразить храбростью.

Я попробовал образец критики.

Такой критики давно не слыхано. Мне хотелось пошалить. <124>

Струсберг все-таки лучше Овсянникова. Овсянниковы — испорченный народ.

ПУШКИН — этот главный славянофил России.

Не проходило 25 лет в сложности и не проходило поколения, у какого бы то ни было народа Европы, без войны, и это с тех пор, как запомнит история, так что прогресс и гуманность одно, а какие-то законы — другое. Тем не менее идеал справедлив. Да и сказано самим идеалом, что меч не прейдет и что мир переродится *вдруг* чудом. Но зато сказано, что вторичное явление идеала будет встречено избранными, лучшими людьми, составу которых будут способствовать и все прежние лучшие люди.[2]

Если он действительно лучший человек, то вот он теперь, когда он потерял все привилегии лучшего человека, — вот он теперь и останется лучшим человеком, вот он теперь и будет хранить честь и совесть.[3]

Душа восстала против прямолинейности явлений.[4]

Как бы явиться исполнительницей приказаний Европы («Новое время», 20 октября).[5]

Хоть и с Владимиром на шее, но мужик, но только развращенный. Овсянников вышвыривающий.[6]

---

[1] *Рядом с текстом:* Англия ∾ не будет. — *на полях помета:* Важное.

[2] *Рядом с текстом:* Не проходило ∾ лучшие люди. — *на полях пометы: Война. Лучшие люди.*

[3] *Рядом с фразой:* Если он ∾ совесть. — *на полях помета:* Дворяне.

[4] *Рядом с фразой:* Душа ∾ явлений. — *на полях помета:* Дочь Герцена.

[5] *Рядом с фразой:* Как бы явиться ∾ 20 октября). — *на полях помета:* Народ и пресса.

[6] *Рядом с текстом:* Хоть и ∾ вышвыривающий. — *на полях помета:* Купечеств<о>

Всё бы это сделали мы все, точно так же, но попалось то всё, что хвалилось собою и выдавало себя за лучших, считало себя и прочило. В это же лето рядом сказали и России — чего она требует.[1] <125>

Эту войну народ объявил.[2] Le peuple c'est moi.[3]

Дочь Герцена.

Или по прямолинейности ей сообщенного взгляда, или не вынесла прямолинейности, а душа потребовала более сложного.

«ГОЛОС», 20, СРЕДА: Статья Жемчужникова. Возразить короче и энергичнее. ⟨Мешаете.⟩

Как не стыдно говорить Жемчужникову о сознании. Народ гораздо больше и лучше вашего знает то, что он делает, потому что у него сверх ясного ума еще сердце есть, а у вас[4] только старенький, сбивчивый, отвлеченный либерализм, который вдобавок еще оказывается бессердечным либерализмом. Посмотрите: народ помогает славянам, чтоб помочь несчастным, болея сердцем (и таким он всегда был сострадательным и всегда готов бывал отдать и кровь и жизнь несчастному, а не с неба это упало, как вы пишете).[5] Вам же до сердечного боления за славян,[6] до действительного сочувствия нам, интеллигенции,[7] дела нет, потому что вы это считаете последним делом, почти презираете ⟨то есть живую-то жизнь, самое первое и главное дело⟩, а у вас, напротив, самым первым делом и на первом плане — мертвый принцип, дескать, так в Европе по принципу гуманности, то и мы должны так же. Вот этого-то сознания вы и требуете, чтобы он сознал, что это, дескать, гуманнее, и мы, так сказать, облагородились и к Европе приблизились,[8] а между тем у народа гораздо больше знания, потому что он не только знает, но и чувствует. Вот вам пример: такие как вы, европейцы,[9] люди принципов, освобождали крестьян не из-за того, что им тяжело было, не думаю (о, не говорю про исключения), а оттого, что принцип крепостничества был осужден в Европе. Неужели не так? В огромной массе желавших освобождения было именно так.

Книжные вы люди, ослы, навьюченные книгами.

---

[1] *Рядом с текстом:* Всё это ∾ требует. — *на полях помета:* Струсберг

[2] *Рядом с фразой:* Эту войну народ объявил. — *на полях помета:* Война.

[3] Народ — это я (*франц.*).

[4] *Было:* ведь у вас

[5] *Над словами:* как вы пишете) — *вписано:* только в прошлом году

[6] за славян *вписано.*

[7] нам, интеллигенции *вписано.*

[8] чтобы он сознал ∾ приблизились *вписано на полях.*

[9] *Незачеркнутый вариант:* Жемчужниковы

О русских, павших в сражениях при *Кревете.*[1]

«Московск<ие> ведом<ости>», среда, № 268, среда, финал передовой статьи. <126>

Общество вспоможения устроится, я верю. Верю потому, что для меня разрешился вопрос, кто наши лучшие люди.

Солдат идет умирать. Пусть есть что-нибудь и лучше. Важно не то. Важна решимость души их. Он видит, что это лучше, и непременно захочет лучшего, до положения жизни. До подвига.[2]

Книжные люди! Забыли даже, как живут живою жизнию, и живете по книге.

Неужели думаете, что он не сознает?
И что лучше: сознать или сделать.

Вы дешево купили себе ваши убеждения и прямолинейность.
Что за дешевизна!

О самодержавии как о причине всех *свобод* России. (NB. Тут-то разница во взглядах русских иностранцев и русских — русских, по-иностранному — тирания, по-русски — источник всех свобод.) [3] <127>

NB. Отчаянное положение Черняева. Интриги.

Картинка. Это не народ. Шваль.

Черняев. «Новое время», № 234, 22 октября. «Биржевые ведомости», 21 октября.

Младо и старо. Не от врагов [4] пали славяне, а своими раздорами. Модники как Полетика. Неулетика.

Конспект: Жемчужников.
Школы.
Полетика. Черняев.
Сербы.
Лучшие люди.

---

[1] *Рядом с фразой:* О русских ∾ при *Кревете.* — *на полях помета:* Война.
[2] *Рядом с текстом:* Общество ∾ До подвига. — *на полях пометы:* Лучшие люди. Лучшие люди.
[3] *Рядом с текстом:* О самодержавии ∾ всех свобод.) — *на полях помета:* ПЕРЕДОВАЯ
[4] *К словам:* Не от врагов — *незачеркнутый вариант:* Не врагами

В «Русском мире» защищаются сербы и артиллерия, тогда как всем известно, что они бежали.

Деликатность Черняева. (О дуэли не писали, о давлении министров не писали.) А «Биржевые» упрекают, что Черняев клевéтал на Сербию (см. «Нов‹ое› время», № 234).[1]

1) *Черняев.*

Не гений («Н‹овое› вр‹емя›»). Но стать во главе движения всей Европы — есть гениальное прозрение. И [2] такая задача удается только гению. Новое слово — ну сделайте так, умирающий от зависти Полетика *не сделает никогда.* Гениально, если он честолюбец, гениально, и если он всеславянин. По военному же отношению наши штабные не найдутся, а с отказавшейся артиллерией и Суворов повернул бы назад. Имя Черняева теперь принадлежит истории и не умрет никогда, а г-н Полетика исчезнет бесследно. ‹129›

— Кто бессмертен? — Г-н Краевский бессмертен.

Черняев. Вместо того, чтоб усилить армию русским контингентом, ему не высылали русских, а к Новоселову. Но не только русских, а и патронов. Министры затеяли ссору в последний момент.

Дуэль. Мы слышали и прежде, что *все* действия Черняева парализуются. *Князь* же Милан не принимает отставки министра, произведшего *измену Отечеству* в артиллерии на другой день. Это сербские политические головы, ссоры славян, не достойных независимости. Мы народу, а не этой швали помогаем. Им нужна голова и крепкая рука. Славянам нужен император.

Русских ненавидели. Токарев попал в такт с этой ненавистью (Токарев и Черняев).

Токарев должен был показать Черняеву и сербам вообще легкомыслие их поведения. Сюзерен.

Черняев, подняв русских, мог взять Константинополь (Россия — была готова). А Токарев и сербы воспротивились, тогда как это было на руку нашему правительству. Дело бы кончилось без объявления войны, а Россия имела право *сама* воевать, ибо воевала же Англия открыто.[3]

Если б чиновники (Карцов и Токарев) поддержали Черняева, то Россия вошла бы как решающая — свысока под конец и предписывающая условия. ‹130›

---

[1] *Рядом с текстом:* В «Русском мире» ∾ № 234). — *на полях помета:* Черняев.

[2] *Далее было:* дается тут

[3] *Рядом с текстом:* Черняев, подняв ∾ открыто. — *на полях помета:* Черн‹яев›

Черняев действовал не один. Он имел огромный *совет* русских офицеров. (Уезжали с голоду, из разочарования.)

Но сербы трепетали за их славную будущность и, главное, от личного раздражения к Черняеву.

Чиновник возвестил при этом Европе, что русский народ в разладе с своим царем, чего быть не могло. К чиновнику примкнули и чиновничьи журналы, «Голос», «Journal de St. Pétersbourg» и под конец, в необыкновенно низкой статье, даже у нас небывалой, «Биржевые ведомости».[1]

Напрасно[2] пророчут «Биржевым» («Пет‹ербургская› газета») кару за Черняева. Нет уж, теперь фазис другой. Напротив, «Биржевые» найдут поддержку в реакции. Всё, что было против движения, — всё жидовское и подлое, все червонные валеты — все теперь рады несчастью Черняева.[3]

Турки уступили, — теперь они рассердятся за то, что уступили, и отмстят. Нам надо держать саблю вон из ножен. Всё или ничего от Турции. Если же мы уступим, то нам *поневоле* придется на следующий же год воевать. Кроме того, шарьат, и не только Кавказ и Средняя Азия, но и наши татары задурят. Это будет толчок в мусульманстве. Уничтожением великоруса расшатались границы. ‹131›

Говорят, Сербия такое маленькое княжество, с губернию, воевало со всей Турцией. Неправда, воевал один Черняев, и как только поставили Черняева в невозможность воевать, сербы позорно предали родину и славянское дело (выходкой министра), а сербская армия позорно побежала с поля битвы.[4]

Министр Николич. Способность убить предводителя своего народа накануне решительной битвы.[5]

Черняев возродил всё славянское дело — вот что сделал Черняев. Черняев, может быть, неразумен, с дурным характером, но он гений. Если б он был поумнее (не гений), то он бы подлизался к Николичу, но он их обошел. Ординарный ум это непременно бы сделал. Черняев не нашел нужным сдерживать свою раздражительность, может быть заносчивую, мелочную, но он не нашел, слишком веруя в свои силы.

---

[1] *Рядом с текстом: Черняев* действовал ∾ «Биржевые ведомости». — *на полях помета:* Черняев

[2] *Вместо:* Напрасно — *было начато:* Долго ж

[3] *Рядом с текстом:* Напрасно ∾ Черняева. — *на полях помета:* Черняев.

[4] *Рядом с текстом:* Говорят ∾ битвы. — *на полях помета:* Черняев.

[5] *Рядом с текстом: Министр Николич* ∾ битвы. — *на полях помета:* Черняев.

2) Славянство умело только изнывать и хвастаться, но восстать не умело. С Черняевым восстало.[1]

Выстрел.

Даже до выстрела в предводителя своего народа, и это в самый решительный момент борьбы.[2]

«*Новое время*», № 235. Суббота, 23 октября. Выписки из всех газет *за Черняева.* ‹132›

ЗДЕСЬ

Порядок:
Герцен.
С образом.
Черняев и реакция (всё) и вдруг:
С чиновничеством совпадают и Жемчужников и школы.

Лучшие люди. Штрусберг. Россия жидовская и христианская.[3]

NB. Лучшие люди, дворянин, семинарист. Купец есть лишь развратный мужик. Он всегда готов соединиться с жидом, чтоб продать всю Россию. Самое еще лучшее было в нем — любовь к колоколам и к дьяконам. Но есть свой высший Владимир на шее и обед, родня с баронами. Наконец в народе идеалы.[4]

Теперь я увидал, что такое лучшие люди, по крайней мере они будут, народ хочет, чтоб они были, и проч. Нынешнее лето лучшие люди определились.

NB. *Отметки* NB.

В статье моей о Черняеве, может быть, много неверного и по слухам, но в целом и *по существу* своему она верна ‹133›

3) Славянское дело во что бы то ни стало должно было начаться, то есть перейти в *деятельный* фазис, а его *никто не хотел* начинать в этом смысле. Начал Черняев.[5]

4) Скажут, начал вовсе не ради славянского дела, а из честолюбия. Из гениального прозрения. Поверил в силу и в потребность славянского дела, иначе бы не взялся за него, осо-

---

[1] *Рядом с текстом:* 2) Славянство ∾ восстало. — *на полях помета:* Черняев.

[2] *Далее было начато:* когда смерть

[3] *Рядом с текстом:* Лучшие люди ∾ христианская. — *на полях помета:* Final

[4] *Рядом с текстом:* NB. Лучшие люди ∾ идеалы. — *на полях помета:* *Короче.*

[5] *Рядом с текстом:* Славянское дело ∾ Черняев. — *на полях помета:* *Черняев*

бенно если честолюбцы, потому что честолюбцы в таких случаях любят бить более наверную.

Но оставим эту щекотливую тему о честолюбии.

Министр[1] — выстрел в предводителя своего народа. Затем в последовавших за тем битвах артиллерия уже была взбунтована и милиция дралась скверно (нарушено было доверие к генералу). Легли русские. А «Русский мир» говорит про недостаток и патронов — про патроны-то мы давно уж слышали.[2]

5) Черняева можно сравнить разве с Гарибальди, человеком простодушнейшим до странности, а тоже, может быть, очень честолюбивым, но непременно гениальным. Но Гарибальди не сам начал, а пошел по инициативе Кавура, а Черняев сам начал. (Объединение Италии, объединение славян.) Правда, уж то, что Гарибальди примкнул к Кавуру, показывает его гениальность. Жемчужников бы не примкнул. Когда Гамбетта к Тьеру, — то *это* выше поставило его, чем инициатива в воздушном шаре.

Правда, Гарибальди только пошел за Кавуром, а Черняев все сам начал, но...[3] ‹134›

Защитники как дипломаты требовали *всего*. Это ложная тактика. Самая бы лучшая тактика, что они *обыкновенные* люди.[4]

6) Дух русский был выше сербов. Они узнали теперь, что такое доблесть и какие есть люди. Из русской крови, за них пролитой, вырастет и их доблесть — не сейчас, конечно. Теперь начнутся пререкания, зависть. Интеллигенция ихняя будет бранить русских, наговорит, что через нас и всё несчастье вышло, но явится, как всегда бывает, реакция мненью. Сербы вспомнят о русских, убитых за них. Они станут благословлять нас и удивляться нам.

«Петербургск‹ая› газета», № 208. Пятница, 22 октябр‹я›. Великолепно ответила «Биржевым».[5]

Опять дипломатия. Опять *пенки снимать*. А болгары-то, болгары — что с ними теперь будет. Игнатьев.[6]

Говорят о конференции великих держав да еще в Константинополе. Вот уж совершенно бы лишнее. Россия не должна уступать. Небось, не вызовут. Вызовут тогда, когда действия России покажутся уж слишком опасными. А теперь какой-нибудь

---

[1] *Вместо:* Министр — *было начато:* Ник‹олич›
[2] *Рядом с текстом:* Министр ∾ слышали. — *на полях помета: Черняев*
[3] *Рядом с текстом:* Черняева ∾ но...— *на полях помета: Черняев.*
[4] *Рядом с текстом:* Защитники ∾ люди. — *на полях помета: Штрусберг*
[5] *Рядом с текстом:* Дух русский ∾ «Биржевым». — *на полях помета: Черняев.*
[6] Опять дипломатия ∾ Игнатьев. *вписано.*

француз будет говорить о своем согласии или несогласии и возражать России; очень нужно его согласие. Константинополь обратится в гнездо интриг. Австро-Венгрия[1] смела говорить, что Россия ее боится. Да Россия не боится и всего их союзу, то есть Франции, Англии, Австрии и Турции вместе. Теперь она с ними одна разделается, только бы мы остались в дружбе с Германией. При ‹135› этом условии всякая война для нас несравненно выгоднее, потому что мир слишком дорого стоит. Поэтому если войну, то вести уж такую, чтоб уж всё разом было кончено.[2] ‹136›

После таких проповедей шарьата им надо пищи, и вдруг подчинение России. Надо *пищи, и вот болгары, Тимур,* для доказательств‹а›, что русский царь не мог же запретить. У нас есть столько пекущихся о несчастных, приличная роль после ультиматума.

Газета — чтоб умеренно не хвастливая.[3] ‹135›

Программа.

Вот это, что сейчас, о войне.

О Черняеве, о слухах,[4] «Русский мир» то опровергает, то сам не верит.[5]

Но из всего ясно, что интриги министров и высшей интеллигенции. (Две Сербии.) Раздражение против русских.[6] Мы говорили уже об этом. Но степень мелочности ужасающая. Прав мой художник, сказав, что действительность превышает всякое воображение. Накануне битвы, предводителю народа и т. д., патроны. Новоселов. Токарев. Чиновничество. Много комического, если б попал туда иной чиновник тайный или действительный тайный, то на Черняева с строгостию. Вот около них-то и группировались недовольные министерством. Реакция и у нас.[7] Реакция тотчас же ухватилась у нас за несчастье сербов. Черняев-де не достоин дела,[8] которое натащил на себя...

Не гений.

Нет, гений («Петербургская газета») [9] и проч.

О сербах и интригах великолепная статья «Москов‹ских› ведом‹остей›», № 270, октября 22. Бритые подбородки с строгими и злобными взглядами за беспорядок.[10]

---

[1] *Над словом:* Австро-Венгрия — *вписано:* Дряни

[2] *Рядом с текстом:* Опять дипломатия ∾ кончено. — *на полях помета:* *КОНФЕРЕНЦИЯ*

[3] После таких ∾ не хвастливая. *вписано.*

[4] *Над словом:* о слухах — *вписано:* подробнее

[5] *Рядом с фразой:* О Черняеве ∾ не верит. — *вписано:* Мы предсказали червонных валетов.

[6] Раздражение против русских. *вписано.*

[7] Много комического ∾ у нас. *вписано.*

[8] *Было:* своего дела

[9] *Над словами:* «Петербургская газета» — *вписано:* Гарибальди

[10] Бритые ∾ беспорядок. *вписано.*

«Русский мир». Суббота, 23, № 260, отвергает все известия тревожные.

«Биржевые», № 293. Суббота, 23 окт<ября>. Бессмысленность и неблагородство.

и т. д.
Потом Россия жидовская и христианская. Лучшие люди, червонн<ые> валеты и уж под конец Жемчужников и школы. <136>

Развитие.
Были и из русских в значительных чинах в Белграде, что смотрели на Черняева свысока и одобряли министров (интриги англичан). Положение Черняева ужасное — поссорился с князем. Патроны.

Объявились лучшие люди. За это одно можно заплатить много денег и много крови.
Россия народная сказала, кого она хочет считать своими лучшими людьми. Не биржевиков, меряющих аршином близорукой выгоды. Крови жалко, но пусть умрем, — скажет русский. А вы смотрите, как «Биржевые»: зачем мало выгоды? Но уж в том великая выгода, что мы узнали, что вас не хочет Россия, не поклонились еще жиду. А Россия жалеет и тех, которые грабили народ и расстреливали его, когда он волновался. Не мне, бывшему в Сибири, говорить, что это сказки.

НАЙТИ *ПРИЕМ* КОРОЧЕ.[1]

Что такое выгода России? Выгода России в том, если она облегчила страдания славянских племен, хотя бы ей это материальной немедленной помощи не принесло. Но великая идея России вознесена и ореол сияет. Если вы в этом выгоды не понимаете, то молчите или издавайте ваш журнал для таких как вы или для приверженцев Штрусберга.
Выгода России — в таком, наконец, что она пошла заодно с народом. <137>

Червонные валеты.[2]

«Новое время», № 236. Воскрес<енье>, 24 октября. Ответ «Биржевым».

Лучшие люди. *Кратко.* Прежде бояре — около князей и царей.
Потом указаны классы, чиновники.

---

[1] *Рядом с текстом:* Объявились ∽ КОРОЧЕ. — *на полях помета:* Лучшие люди
[2] *Рядом с текстом:* Что такое выгода ∽ Червонные валеты. — *на полях помета:* «Биржевые»

Бояре успели перевесть новую силу на себя, но демократизация явления, семинарист, обособленный человек.

Затем в наше царствование уничтожился *формальный чин лучших людей.*

Но зато тем с большей силою начались попытки, адвокаты, купцы, жиды Струсберги. Сердце замирало за успех.

Оставался народ, надежда на народ, — но у него юродивые, какие-то там Иванушки, сам Илюша герой.

И вот в это лето весь народ вдруг говорит и указывает, кто его лучшие люди, — не штрусберги, не жиды, всё та же полная веры наивность, но не жиды. Жидовская страшно грозила, примыкала интеллигенция, школы, миро, то есть жидовские рассуждения...

Отдохнуло сердце.

И ведь как нарочно обе России концентрировались в одно и то же время: христианская и жидовская. К жидовской и школы. *И затем Болгария и Черняев — гений* (кратче до неимоверности), влияние чиновников.

Алексей божий человек.

Пострадать. Я сам был свидетелем.

Жажда подвига, что деньги, лучше духовный подвиг. Спрашивают, где христианство, — вот оно тут.

С Кавказа. ‹138›

Черняев. Наших здешних «штатских военных».

...Поднять дело славянства и поставить его именно на теперешнюю точку... то есть чтоб оно уж *непременно* должно было быть решено.

Лучшие люди. Оставалась надежда на народ, но он лежал в косной массе. У него Алексеи — человеки божии.

Но нынешним летом он показал, что для него лучшее дело. Выйдя из крепостничества, не поддавшись разврату и сивухе, — сказал, что такое считает он лучшим делом, а стало быть, и указал своих лучших людей, тех, которые идут на подвиг.

7) И если б знали наши петербургские нападчики на Черняева, до какой степени *невозможно* уж теперь сделать, чтоб народ от него отказался! То они не напали бы на него. Но они еще не верят тому и не понимают народного движения.[1] Статские советники с бритыми подбородками и с теми, которые — *запретить.*

---

[1] Но они еще ∾ движения. *вписано на полях.*

Все эти петербургские полководцы[1] пока еще штатские и хотят порох выдумать, его не нюхавши.[2] ‹139›

Люди науки, но люди науки не исчерпывают всего. Никакой наукой не составите общества, если нет благородного материала, живой жизни и доброй воли, чтоб жить честно и любовно. Наука[3] укажет выгоды и докажет только, что выгоднее быть честным.[4]

Они пишут про нас, что разграблен Веллингтон Плеси, польские графы (кто? правительство), а мы,[5] то есть вся печать, стыдимся за промах газеты «Голос» о наживе Биконсфильда. Но «Голос» вовсе еще не так промахнулся.[6]

Что народ указал нам лучших людей — это так бесспорно. Но определен ли лучший человек наукой?[7]

В Европе выгода — у нас жертва.

В последнее время начало становиться *жутко* за народ: кого он считает за своих лучших людей? Жид. Адвокат, банкир, интеллигенция.[8]

ЗДЕСЬ. И ВДРУГ

Несомненно, что к народному воззрению должны примкнуть *все,* вся интеллигенция, все сильные мира, около царя стоящие. Демократизм не испугает. У нас нечему пугаться. Сила царская.

Такому народу могут быть даны все свободы — он не нарушит их. ‹140›

Ответ анониму.
Порох ваш истрачен даром.

---

[1] *К словам:* петербургские полководцы — *незачеркнутый вариант:* военные

[2] *К словам:* и хотят ∾ не нюхавши — *незачеркнутый вариант:* и выдумывают порох, которого еще не нюхали. *Рядом с текстом:* Все эти ∾ не нюхавши. — *на полях помета:* Черн‹яев›

[3] *В рукописи:* Науку

[4] *Рядом с текстом:* Люди науки ∾ быть честным. — *на полях помета:* Лучшие люди.

[5] *Далее было:* стыдимся

[6] *Рядом с текстом:* Они пишут ∾ промахнулся. — *на полях пометы:* Позор. Извинения Шувалова

[7] *Рядом с текстом:* Что народ указал ∾ наукой? — *на полях помета:* Лучшие люди.

[8] *Рядом с текстом:* В последнее время ∾ интеллигенция. — *на полях помета:* Лучш‹ие› люд‹и›

Вы пишете,[1] что не раскаиваюсь.[2]

Нет, я бы поступил на вашем месте лучше, я бы[3] просто не стал обижать, тем более анонимно.

Только забыли, что таких мошенников почти все.[4]

Купец. Правда, жертвует, но европеец (Владим‹ир› на шее) даже и не жертвует.[5] ‹141›

ЗАМЕТКИ

Заметки. Комитет для вспомоществования вдовам и сиротам павших на войне и пожертвования по следующему адресу: Сергиевская, д. № 17 (от 11 утра до 1 часу). Всего поступило по 1-е октяб‹ря› 6258 руб. (Смотри «Новое время», № 214, суббота, 2-е октября.)

Шариат — духовный и нравственно-юридический кодекс у мусульман. Истолкователи шариата — духовенство, и оно проповедует войну против христиан («Русский мир», 2 октября). ‹236›

Ассимиляция (совоплощение). (*Хлыщ.*) Ав‹сеенко›. Языков (добровольцы, бальничары, дремадолит). Бельлетристика — Бельлетрика.

Этакие дела надо делать вполне, а не для красы (то есть благодеяния).

Все они одна другой лучше, но ни одной хорошенькой.

Мы любим и желаем новых женщин прежде всего в образе высокочеловечественном, а не в образе, потерявшем всякий смысл человеческого, в образе чего-то мечущегося и угорелого (у Мещерского в его письме о Сербии, казачка — Лист и бомбардирующая меня письмами.)

Лови Петра с утра, а ободняет, так провоняет.

Какая разница между демоном и человеком? Мефистофель у Гете говорит[6] на вопрос Фауста: «Кто он такой» — «Я часть

---

[1] *Невачеркнутый вариант:* говорите

[2] *Незачеркнутый вариант:* не раскаиваетесь

[3] *Далее было:* раскаялся

[4] *Рядом с фразой:* Только забыли ∾ все. — *на полях помета:* **Лучшие** люди.

[5] *Рядом с текстом:* Купец ∾ не жертвует. — *на полях помета:* **Луч**ш‹ие› люди

[6] *Далее было начато:* Я есть часть

той части целого, которая хочет зла, а творит добро». Увы! человек мог бы отвечать, говоря о себе совершенно обратно: «Я часть той части целого, которая вечно хочет, жаждет, алчет добра, а в результате его деяний — одно лишь злое». ‹265›

Октябрь

Глава первая. 1) Простое, но мудреное дело.
2) Несколько заметок о простоте и упрощенности.
3) Два самоубийства.
4) Приговор.
Глава вторая. 1) Новый физис Восточного вопроса.
2) Черняев.
3) Лучшие люди.
4) О том же. ‹280›

Ноябрь

1) Статью поязвительнее об нашей русской доброте. «Слаба, не выдерживает». Англия вдруг что скажет, — ни царь, ни Горчаков, ни придворные, ни пресса — все добры ужасно. Пусть Англия нас похвалит — и мы ей всё отдадим, может быть, и славян.

2) О *Константинополе непременно.* Тот не русский, который не признает нужды завладеть Константинополем (Царьград). Достойны ли мы к решению Восточного вопроса, если мы так смешно понимаем его. Славяне и русские в будущем. Скоро[1] не будет у нас врагов более славян. Но всё это будут домашние и семейные ссоры. *Франция в будущем.* (Ничто.)[2]

3) Главная ошибка в политике России это то, что ее задачи такие *умеренные.*

4) О том, что содержание семейств славян вообще, укрывающихся в Сербии и Черногории, должна бы теперь, еще до объявления войны (и даже будет ли война или нет), взять на себя Россия. Это непременно должно быть после высочайших слов в Кремле *о геройской борьбе славян за правое дело.* Чтоб *сделать честь* этим словам, Россия должна[3] послать славянам хоть миллион для прокормления. Манифестация твердая перед Европою. (Ввиду зимы.) Поручить Славянским комитетам, имеющим своих распорядителей и представителей. ‹142›

---

[1] *В рукописи:* Ссоры
[2] *Рядом с текстом: О Константинополе* ∾ (Ничто.) — *на полях помета:* Константинополь.
[3] *Вместо:* Россия должна — *было:* мы должны

5) Femme cosaque — удивляем Европу. Но у нас еще не установилась жизнь, мы только что начинаем жить.

6) Колоссальная пощечина в воздухе: да и что ж делать, коли эту щеку нельзя не бить (исключая народ).

7) Но трактаты (Парижский, 1856) опровергаются лишь *фактическим* опровержением, то есть войною, без войны же не изменяются и имеют, напротив, страшную живучесть.

8) Четверг, 4-го ноября. № 247, «Новое время». Младенческая статья о Восточном вопросе. Владение Константинополем решено лишь с *флотской* точки зрения и решено бессмысленно. Но владение Константинополем важно и с других точек зрения, наприм‹ер›, хоть бы с той, что тот славянский народ, который первый овладеет Константинополем, и *придавит* собою все остальные племена Балканского полуострова, а во-вторых, то, что начнется вражда греков с славянами. А потому, чтоб не было вражды ни греков с славянами, ни славян между собою, и не было бы поэтому ни *измен* общему славянскому делу, ни *предательства* его Англии, — потому и нужно, чтоб Константинополь достался в руки сильной посредствующей державы, до того сильной, что с нею спорить уж нельзя будет, а потому ей и достанется *опека* (самая благодетельная) над освобожденными славянскими племенами. И, главное, чтоб Россия тут одна была, а Германию вмешивать нечего.[1]

NB.) СТАТЬЮ О КОНСТАНТИНОПОЛЕ ПОМЕСТИТЬ НЕПРЕМЕННО (всегда любопытно).

Дело Англии, говоря à la longue,[2] во всяком случае отчаянное: ведь славяне, хоть и будут облагодетельствованы Англией, а все-таки притянутся к нам: там, дескать, наш корень и наш центр. Так что Англия лишь сохранит их для нас. *Единение* славян с нами дело, решенное историей. А Константинополь? ‹143›

Если же грекам отдать Константинополь, то в православии водворится огромная схизма, вследствие отделения уже не одних болгар, а и всех славян от вселенской единящей патриархии из-за политического противоречия грекам, владеющим Константинополем.[3]

1) И мы потеряем славян, 2) так как мы не захотим же отделиться от вселенской церкви. 3) Нам отнюдь нельзя допускать ссор греков и славян; нам мириться надо, для того взять Константинополь и положить себе в карман.

---

[1] *Рядом с текстом:* Четверг ∾ нечего. — *на полях пометы:* «Новое время». Константинополь.

[2] в итоге (*франц.*).

[3] *Рядом с текстом:* Если же грекам ∾ Константинополем. — *пометы:* Константинополь. Здесь.

Начать статью так: «Вопрос о Константинополе считается несвоевременным, мечтательным, но в нем понимание (сущность) разрешения всего Восточ‹ного› вопр‹оса›» и т. д.[1]

Заважничал, корову купил, русизм, более русская, а и по-русски не говорит. В Петербурге от поколения к поколению, дети растут, камер-юнкеры, а в Россию не едут будущие наши правители. Лови Петра с утра.

Посади свинью за стол и т. д. Русский характер. Перейти предел. Фотий. Платон Зубов разве не Пугачев. В наше время адвокаты, писатели и проч.

Лови Петра с утра и т. д. То есть всё к сроку, искусство или так, или инстинкт сердечный именно поймать мгновенье, попасть в точку, не опоздать и не упредить, ни раньше ни позже. Таково и мы объявили решение (то есть высочайшие слова и проч.). И свой восторг не износился и не разочаровался, и врагов облили холодной водой именно в потребную минуту. Еще далее, — и они решительно бы презирать нас стали за бессилие: такой большой колосс и[2] такие глиняные ноги, так слаб. (Глиняные ноги народ русский.) Уже банкиры предложили, говорят, недостойные условия для займа денег России («Новое время», № 249, 6-е ноября). А теперь всё в точку.[3] Опоздали бы, и восторг русский износился бы, и Европа смотрела бы на наш грозный (но поздний шаг) как на выходку отчаянную припертого к стенке человека. Подлинно высшее правило жизни: *ловить точку*. Лови Петра с утра и проч.

(Нам и нельзя было не объявить войны. (Лев Полонский, не благодеяний) это правда.) ‹144›

Завитки.

Завитки — это заигравшаяся ложь. (Соединить с ПОСАДИ СВИНЬЮ ЗА СТОЛ. ЗУБОВ, ПУГАЧЕВ (сел на престол).) *Скобелев*, наказующий кнутом (то же «*Новое время*», «Русская старина»), *Шарнгорст*, *Набоков* и водочка — *Ростовцев* за дверью и проч. NB. Соединить это и с КОРОВУ КУПИЛ.

О Корниловой. Я из *любопытства* был у ней.

Корову купил — соединить Кокодессом, готовящимся поступить в Госуд‹арственный› совет (процесс отчуждения от России,

---

[1] *Рядом с текстом: Начать статью так* ∾ и т. д. — *на полях помета:* Константинополь.

[2] *Далее было:* так слаб

[3] *Далее было:* Лови. Лови Петра с утра, а ободн‹яет›

в Петербурге, где всё более и более, от поколения к поколению, не знают России).

О Мещерском и его очерках.

ЛЕС

NB. Лес и безлесье — справиться о тексте закона у Ник‹олая› Петр‹овича› *Семенова.*

Социалисты чтут христианство в идеале (хоть и ругают его. Развить. NB. Далее Христа в нравственном отношении ничего не сказали). Но не чтут в действии, деятельны. Ибо если б все деятельно были христианами, то ни одного социального вопроса не было бы поднято. Были бы подняты вопросы экономические, кухонные, например лесу нет и простору нет, поневоле коммунизм, исчезновение семьи и проч. Были бы христиане, уладили бы всё. Но *невозможно* быть христианами пока всем, возможны лишь отдельные случаи.

(Может быть, эти отдельные случаи ведут и сохраняют *таинственно* людей.) Невозможно, может быть, и по законам, каким-нибудь законам природы человеческой, н‹а›прим‹ер› война каждые 25 лет.[1]

О самодержавии как о причине всех *свобод* России. (NB. Тут-то разница во взглядах русских-иностранцев и русских-русских: по-иностранному — тирания, по-русски — источник всех свобод.) Таким образом, если правительство (если б только это было мыслимо) чуть-чуть забоится своих *подданных,* то оно тотчас станет не русским и не национальным. Со стороны главы правительства это невозможно, а потому и все свободы.[2] ‹145›

Возьмите энтузиазм, окружающий беспрерывно царя и царское слово. *Сами русские не дадут* не только укорениться, но даже и появиться беспорядку *даже в случае самых полных свобод.* В этом случае Россия, может быть, самая свободная из наций.[3] Вот русское понимание самодержавия.

Война, Прудон, человечество не хочет войны, и, однако же, каждое 25-летие. (Буржуа, хочет мира, работники. Человечество так дурно устроено, что не может не *поддерживать* свое дурное зданье мечом.) Великодушие в войне, в мире — жестокость.

---

[1] *Рядом с текстом:* Социалисты чтут ∾ 25 лет. — *на полях пометы:* Социализм и христианство. Война каждые 25 лет.

[2] *Рядом с текстом:* О самодержавии ∾ все свободы. — *на полях помета: Передовая.* Ноябрь.

[3] *Над словами:* самая свободная из наций — *вписано:* С этой точки

Спиритизм. Нелепость теорий и неопровержимые факты. Научное исследование — самая нормальная дорога, но надо других исследователей: наши *необразованны*. Тот же Менделеев, например, если, исследуя, не в силах будет [1] отрицать *факт*, то в случае добросовестности и *не пошлости* непременно перейдет в спиритизм с самой дурной его стороны, не остановится на пороге, оттого, что необразован.

Наши специалисты могут быть *людьми науки*, но они необразованны (устраняю все личности Менделеевых и проч.).

Это не Фауст, не Гумбольдт — ученые с мировою мыслью и с мировым обобщением; это маленькие техники и ремесленники.

Для всеобщего успокоения нужно систему великих держав превратить в систему двух сил; ибо остальные три силы — мираж.[2]

Мак Ивер. Необыкновенно благородный тон. Простодушие военное. Высокий доблестный дух. Выставка об истязаниях наших пленных. Языки рвали веревками. Каково матерям русским о пропавших без вести. Старухи обугленные. Наши туркофильские газеты. Если б они служили за деньги, то не могли бы предать лучше. Но сколько бы они получили денег? Англия богата. Расхолодить энтузиазм — вот их цель была. Я не верю, чтоб они брали деньги, но если деньги им дороже всего, то конечно они дали маху.[3] После [4] неудачи дела они набросились на Черняева. Обманывали-де телеграммы. Главное — глупая цель отвлечь энтузиазм общества *теперь* и после слов царя. Да если б за деньги, то никогда бы не могли они заработать более фунтов стерлингов. *Но мы не знаем их целей*. Но хотя ревность их и достойна *оплаты*, но выказали они замечательно мало ума. И это такие газеты, которые расходились в 15 000 экземпляров! Странно и удивительно.[5]

О том, что вся Англия вела с нами войну все лето, посылала флоты и проч. А мы, при несомненном добром сердце царя, не послали ни гроша, отказали умиравшим с голоду мученикам. Даже дальновидная Австрия истратила множество денег от казны и *хорошо посеяла свои гульдены*: ее помощь будут помнить славяне. Почему бы нам хоть теперь не послать славянам миллиона два? Хорошо посеем. Ведь сказано же в Манифесте и т. д. (О геройской войне за святое дело и т. д.) ‹148›

---

[1] *Было:* не в силах будучи

[2] *Рядом с фразой:* Для всеобщего успокоения ∾ мираж. — *помета:* 2 силы.

[3] Я не верю ∾ маху. *вписано на полях.*

[4] *Было:* При

[5] *Рядом с текстом:* Мак Ивер ∾ удивительно. — *на полях помета:* Мак Ивер.

Дорог аршин. Откормленные поросята.

Пожертвования сократились, но тут-то бы правительству два мильона. *Посеять.*[1]

«*Новое время*», № 254. Четверг, 11 ноября. Из «Р‹усского› архива» о французском языке (корову купил).[2]

Россия служит принципам великодушия, бескорыстия и человеколюбия. Что же видим в Европе. Итак человечество разделилось на две части.

Черняев. «Новое время» от 12 и 13 и «Русск‹ий› мир». О Черняеве.

Во всяком случае ни г-н Полетика, ни г-н Краевский не обладают значительным умом.[3] Даже и просто умом. Это наконец выяснилось[4] настолько, что теперь об этом уже можно произносить утвердительно.[5]

У Андрея Ал‹ександровича› (нападки на Черняева), я хочу верить, не от злобного сердца, а чтоб[6] доставить оригинальность газете. Другой из них (Полетика) действительно, может быть, завидовал: зачем не он, при его богатстве, освободил Сербию?

«Москов‹ские› вед‹омости›» и «Русский мир» — 13 ноября, «Москов‹ские›», 12-го. Все, что я предсказал о избиении Болгарии и об англичанах, которые захватят Константинополь и *станут совращать славян,* подтвердилось.

Веселитс‹кий› Божид‹арович›. Воскресение, 14 марта. Два миллиона от правительства голодным. Уж и так допустили в Болгарии.

«*Новое время*», *14 ноября,* № 257. О свободе проливов и не надо Константинополя. Что такое *свобода проливов*? Когда надо, ведь их же запрут, чем они обеспечены? ‹151›

Memento.[7] «Русский мир», «Новое время», от 14-го ноября.

---

[1] *Рядом с текстом:* Пожертвования ∾ *Посеять.* — *на полях помета:* После Мак Ивера и Краевского.

[2] *Рядом с текстом: «Новое время»* ∾ купил). — *на полях помета:* о французском языке.

[3] *Далее было:* Или

[4] *Незачеркнутый вариант:* объяснилось

[5] *К тексту:* Даже и просто ∾ утвердительно. — *незачеркнутый вариант:* Теперь это уже можно сказать утвердительно.

[6] *Вместо:* а чтоб — *было:* а для

[7] Помнить (*лат.*).

О каперстве. О[1] двойной гильдейской пошлине в виде жертвы Отечеству.[2]

Крейсерство позволительно, каперство нет. Вздор — не только каперство, но и бомбардировки Одессы непозволительны. Совершенно те же *башибузуки.* У турок разрывные пули. Непременно будут. Употреблять ли и нам? Нет, стыдно, бесчестно, лучше поплатимся временным страданием, но уж зато *обязанность* наша тогда человеческая взять гарантии и меры, чтоб уж впредь *не воевала такая страна как* Турция *ни с кем и никогда,* потому что эта страна не понимает: почему воспрещаются разрывные пули.

А Франции лучше бы не к выставке готовиться, а к войне. (NB. «Новое время», № 258, 15 ноября.)

В том же № «Нов‹ого› времени» о воровстве в дворянском сословии и проч.

История Восточного вопроса есть история[3] нашего самознания. В статье «Нов‹ого› врем‹ени›», 16-го, № 259 (в фельетоне), сказано, что если б собственные интересы указать, то было бы гораздо больше одушевления в народе. Кому ведь какой интерес? У нас именно народ интересуется высшей идеей помощи братьям — выше интереса, и это вовсе не идеально, как говорите вы европейским языком. Это идеально в Европе, потому что там нет ни одного народа, который бы поставил интерес *братьев* выше собственной выгоды, и потому там это идеально, а у нас реально.

Последняя окрошка европейничанья. *Наши* идеи возьмут верх.

История вопроса (опять то же «Новое время»). Пустословие разбирать, из-за каких причин мы связаны с Восточным вопросом — из благодеяний или из *собственной защиты.* Наш народ всегда хочет быть одушевлен высшею мыслью.

Я. Полонский.

Loftus, республика — да пусть их.

У нас в премудрости цари хотят решать сообща с народом. L‹oftus›ы ‹?› еще перешли сильн‹ее?›.

1) Затянулось дело, начались словоизвержения; высшая идея благодеяний и всегда в этом. Но народ наш вряд ли на выгоду подымется. Высшее чувство благодеяний и Царьград. 2) Что такое Царьград. Новое слово миру славян и проч.[4] ‹152›

---

[1] *Далее было:* взимании

[2] *Рядом с текстом:* *Memento* ∾ Отечеству. — *на полях помета: Memento.*

[3] *Вместо:* История Восточного вопроса есть история — *было:* Восточный вопрос есть вопро‹с›

[4] Затянулось дело ∾ и проч. *вписано вдоль полей.*

Loftus, республика — да пусть их, сильнее нет нашей республики. Народ в единении с царем.

Лев Полонск<ий>. «Благодеяние полезно и нам», — да это и всегда было известно, доброе всегда добрый плод приносит, и даже во сто крат, и нечего тратить бумаги и чернила на эти старческие определения. Говорил же я взять Константинополь.

Но есть *свое* у каждого народа: наш вот не пойдет из-за такой выгоды, которая еще в небе летает, воевать Босфор, а за славян пойдет. Награды не требуют, умирают (у Мещерского — встречают добровольцев молча и что дашь). У англичан же непосредственные интересы, и они пойдут. У них торговля, у нас что-то другое. Вы думаете, станут купцами, переменятся, поумнеют. Не дай бог, у нас другая идея. У них товар, у нас другое. Мы скажем свое слово. Тут проявилось нечто действительно народное,[1] и вам это претит.[2]

«*Новое время*», 260 №, говорится именно о том, что у России нравственные интересы в Восточн<ом> вопросе пересилили матерьяльные.

Еще раз. О том, что с Турцией нельзя ни о чем уговариваться, — взять под опеку.

Отдать опеку Англии — изменить четырем векам нашей политики.

ПИСЬМО ЮРКЕВИЧА. От пошатнувшейся семьи, чтоб он непременно считал своих родителей лучшими. А они не внушили даже ему долга многое выносить, по примеру того, как и все выносят, для других и для ближних.

Тут не баллы: *эти же баллы* прежде не доводили до сего.

— Эти еще вешаются, а если б взрослый *был*: «Эх, пойду в подлецы! Добрым-то, знать, хуже, не оценили, дескать, меня», малодушие; сейчас просит награды. <153>

Так же и насчет всякого нравственного долгу, сейчас можно приискать нравственную лазейку, чтоб освободить себя.

В одной тюрьме с наставницами грубы. — А они в народ. Убеждения наши, дескать, не те, просто ругаться от тоски хочется, и освобождают себя от всякого стеснения.

Я не в народ идущих только виню, а все племя, за грехи отцов. Да и не отцов. Разрушилось нечто прежнее, modus in rebus.[3]

Теперь надо создать другое. Всякий выход хорош. Война

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* национальное

[2] *Рядом с текстом:* Лев Полонск<ий> ∾ претит. — *на полях помета:* «Новое время», № 259.

[3] порядок вещей (*лат.*).

хороша. Сами придут, уважая себя, и других заставят себя уважать. А потому война не за хапугу, а за благодеяние наиболее кстати, ибо тут есть за что уважать (и тут же перейти на Л. Полонского).

У этого существа (гимназиста) каждую минуту все оканчивается. Ему легко умирать, потому что слишком малоценное оставляет.

НЫНЧЕ (при гуманностях) имеют право жить люди подлые, то есть остаются в живых болезненные средней силы (mens sana).[1] И пусть эти болезненные даже героичны и великодушны (лично). Не беспокойтесь, зато так раздражительны, самолюбивы, что в следующих поколениях народят подлецов. Правда, в течение долгого срока излечатся племена в высшие. Но зато всё будут прибывать вновь и вновь слабые и т. д. на очень долгое время, в продолжение многих столетий.[2]

«Домашняя беседа». Объявление: этот язык. Это я называю твердостью. Так говорит *человек*, твердо убежденный в своей силе и в своем успехе. Вот бы дипломатии перенять такой язык, чем вилять-то. А впрочем, с Россией почти так точно и говорят (смот‹ри›. Среда, 17, «Русск‹ий› мир». Объявление о «Домашней беседе»).

Strepito belli propelentur artis.[3]

Письмо ко мне: Приищите место. ‹154›

«Моск‹овские› вед‹омости›», № 296. Книга об употреблении евреями христианской крови. Цена 2 руб. *По Садовой у Кораблева.*

Маркиз Солсбери, его поездка (см. выше: Россия добродушно уступает, Салтыков, способен, способен).[4]

«Москов‹ские› ведомости», № 296, *о каперстве.*

Там же письмо К. М. из Парижа о французских настроениях *против* нас.

Как бы ни выставляли бескорыстие России слова и обещания *царя,* но дело естественной логикой вещей ломит к развязке и война с Европой неизбежна. Тут не царь, не Биконсфильд и всё не то, что мы захватим или не захватим на этот раз. Тут Восточ-

---

[1] здоровое тело (*лат.*).

[2] *К словам:* в продолжение многих столетий — *незачеркнутый вариант:* на многие столетия.

[3] Грохот войны разгоняет искусства (*лат.*).

[4] *Рядом с текстом:* Маркиз Солсбери ∼ способен). — *на полях помета:* «Новое время» Солсбери. 19 ноября, № 262.

н‹ый› вопрос в целом и в будущем, а стало быть, и усиление России славянами, а Европа допустит это лишь в крайнем случае. Всё лекарство было бы в настоящую минуту опять, в сотый раз, уклониться от решения, решить дело компромиссом, но это страшно невыгодно для России, ибо мы вредим целому в Вост‹очном› вопросе, то есть отдаем нашу идею, уступаем наше вековое право и проч. Выгоднее война, выгоднее кончить разом и хорошо.

Нашему царю определено судьбой поправить наше упущенное влияние на Востоке. Задача очень легка теперь, ибо $^2/_3$ дела уже сделано самой логикой вещей. Теперь уже ясно, что славянам нельзя жить у турок и никакие гатти-гумагоны не помогут. Надо, во всяком случае, придумать новую комбинацию. Но, повторяю, Англия придумает по-своему, она освободит славян, но сама, а нам и понюхать не даст. И пусть нам же в карман. Благодетеля всегда ненавидят, и славяне, облагодетельствованные Англией, потянутся к нам. А мы облагодетельствуем, то, напротив, потянутся к Англии. И т. д.

«Новое время», № 263. Мнение Гладстона о том, чтоб Англия, а не Россия, облагодетельствовала славян. Телеграммы.[1] ‹155›

Декабрь

ЗДЕСЬ ВАЖНОЕ. «Нов‹ое› вр‹емя›», № 263 из «С.-П‹етербургских› ведом‹остей›» *Гирса* о том, как братья-славяне отнимают у русских одежду. Это поставить рядом с сообщениями Мещерского о уносе раненых: «Что дашь?».

Обуржуазившаяся дрянь, *кроме народа*, столь славная будущность.

Мы выше этих дрянных мелочей. У Щедрина генерал, играющий селезенкой, выше своего подлого современного сына, хотя в нем сам виноват.

5 декабря. По поводу банкрутства Баймакова. Уж одно то, сколько можно сделать прелестнейших банкрутств и всё свалить на правительство: «Вот, дескать, объявило войну, бумаги упали, вот я и банкрут».

«Новое время», 4 декабря. Заурядный читатель (выписка) о Демерте. Все эти души — стертые пятиалтынные прежде чем

---

[1] *Рядом с текстом: «Новое время»* ∾ Телеграммы. — *на полях помета:* Я говорил. *Вдоль этого же текста три фигурные скобки и три вопросительных знака.*

жили, все эти Демерты, Помяловские, Щаповы, Курочкины. Они, видите ли, пили и дрались в пьяном виде. Значит, тем и приобрели либеральную доблесть. Какие невинности. Когда другие страдают, они пьют, то есть наслаждаются, ибо винные пары давят на их мозг и они воображают себя генералами — непременно генералами, хоть не в эполетах, то по крайней мере истребляющими, принижающими и наказующими. Дешево и гнило. Дрянь поколение. Это старое — 60-х годов. Теперь они все перепились, и толку из них никакого не вышло. Ничего и никого они не дали. Но да здравствует молодежь современная.

6 декабря. У Лермонтова сказка о Калашникове. Белинский, под конец жизни совсем лишившийся русского чутья (талантливейший из западников), думал в словах Грозного: я топор велю наточить—навострить — видеть лишь издевку, лютую насмешку тигра над своей жертвой, тогда как в словах Грозного именно эти слова означают милость.

Ты казнь заслужил — иди, но ты мне нравишься тоже, и вот я и тебе честь сделаю, какую только могу теперь, но уж не ропщи — казню. Этот лев говорил сам со львом и знал это.

NB. Вы не верите? Хотите, удивлю вас еще дальше? Итак, знайте, что и Калашников остался доволен [1] этой милостью, а уж приговор о казни само собой считал справедливым. Этого нет у Лермонтова, но это так. <156>

6 декабря... «Мы что-то будем», «Из нас что-то выйдет». Вот что мерещится и двигает способную к движению часть нашего народа. От своих пророков и поэтов наше общество требует страсти и идеи. (Будем честными). Все вообще жаждем [2] осмыслить и узнать великую идею, к которой мы способны.

О Пантелееве («С.-П<етербургские> вед<омости>», № 336. Воскресн<ый> фельетон). Буренин о Пантелееве. NB. Все мы воспитались в самой фантастической бездеятельности и в двухсотлетней отвычке от всякого дела. Чиновная деятельность была формулой бездеятельности. Только предлагалось и позволялось заняться развратом. Общество, отученное и которому запрещена всякая *самодеятельность* [3] гражданина, — не только не сложилось, но разложилось до заразы собою даже низших слоев. Не выработалось ничего. Выработались совершенно фантастические характеры [4] (Пантелеев). Мысль обратилась в мечтательность, в предположительность. (Ничего удивительного, что явились социалисты рьянее западных (там само правительство приучило).) Ничего

---

[1] *Было:* хоть доволен.
[2] *Вместо:* Все вообще жаждем — *было:* Жаждем
[3] *Было начато:* деят<ельность>
[4] *Далее было:* явился

удивительного тоже, что эти социалисты были крепостники, как в средних веках, ибо потеряли малейшее чувство долга и гражданственности. Гуляли лишь мысль и эстетическое чувство, а дело слушалось самого грубого эгоиста. Фантастические факты, как 14 декабря. Фантастические споры западников и славянофилов, начавшиеся в то время, когда и те и другие уже перестали быть русскими. Новая эра царя-освободителя: но пока беспорядок.

Ответ: Pensée universelle.[1] Прежде всяких вопросов, что́ из нас выйдет и что́ мы будем, надо просто-запросто стать русскими. Нам это легко, ибо если пропали мы, то остался русский народ. Он весь цел и здоров. Ура! Гнилому гнить, а здоровому жить. Спешите! Лови Петра с утра, а ободняет, так провоняет.[2] Так и думал Великий Преобразователь, взглянувший на Россию таким широким и работящим помещиком (обративший всю Россию в как бы одно огромное помещичье хозяйство).

6 декабря. Я хотел в дневнике говорить о том, что надо быть самостоятельными и русскими людьми. 6-го декабря. Настеганные бараны. ‹157›

7 декаб‹ря› — «*Московские ведомости*», № 314, декабря 6-го. Понедельник.

В статью «Отовсюду»: о романе «Что делать» в разборе «Revue des deux Mondes».

7 декабря. Коммунизм! нелепость! Ну можно ли, чтоб человек согласился ужиться в обществе, в котором у него отнята была бы не только вся личность, но даже и возможность инициативы доброго дела. Вместе с тем сняты были бы (и преследовались насмешкой) даже малейшие ощущения в сердце вашем чувства благодарности, без которого не может и не должен жить человек. Учение «скотское».

Коммунизм мог явиться в конце только прошлого царствования, в котором завенчана была петровская реформа и когда русский интеллигентный человек дошел до того, что за неимением занятия стал цепляться за все бредни Запада и, не имея *опыта* жизни для критической поверки, сразу применил французину к себе, досадуя на русских, зачем из них ничего нельзя сделать. Пролетарии у французов. Кстати, правда ли, что у них опять подымается вопрос об общинном хозяйстве.[3]

«Нов‹ое› время». Вторн‹ик›, 7 дек‹абря›, № 280. Уничтожьте у нас общину, и народ тотчас же будет у нас развращен в одно

---

[1] Всеобъемлющая мысль (*франц.*).
[2] *Было:* обвоняет
[3] **Пролетарии у французов ∾ хозяйстве.** *вписано.*

поколение и в одно поколение доставит собой материал для проповеди социализму и коммунизму. Например, мы легкомысленнейшим образом проповедуем уничтожение общины — одной из самых крепких, самых оригинальных и самых существенных отличий сути народа.

NB. Уничтожат общину — порвутся последние связи порядка. Если в высшем обществе порядок разорван, а нового не дано, но по крайней мере было утешение, что народ в порядке (*каком ни есть,* но порядке), ибо осталась связь и крепчайшая: общинное землевладение. Но разорвут и эту связь — и что тогда? Нового еще нет, ничего не взошло (да и посев-то был ли?), а старое с корнем вон — что ж останется!? Пропадем как мухи. Теперь идти в народ смешно и только жалко, ну а тогда будет не смешно ведаться с общиной? [1]

Социализм, коммунизм и атеизм — самые легкие три науки. Вбив себе их в голову, мальчишка считает уже себя мудрецом. Кроме того, поддаются эти науки легче всякой на популярное изложение. <158>

«Новое время», № 281. О «Ревизоре», совсем не понятом Боборыкиным, и о Краевском, исключенном из Слав<янского> благ<отворительного> комитета, отзыв в «Биржевых». Сказать непременно.

Несколько уродливых мнений (18-го столетия, проду<кта> Запада).

Пантелеев, дочь, от Сохи Андреевны.

Главная педагогия — это родительский дом.

Буренин требует современных типов в литературе, бóльшего вникновения в жизнь (Пантелеев). В то же время в «Голосе» ряд статей о критике и искусстве. А только что появившееся замечательное произведение искусства, моя повесть, о ней ни слова.

Здесь. Журналы наши — монстры, форма западная, листы наполняются механически. Мнения и политического почти не нашлось. Между тем тут факты — всё это сорится. Группировать. Экономические факты, нравственные факты, освещать, сортировать, не фантазируя и не мудрствуя лукаво, но на основании данных, древний летописец и т. д. Все делается рабски, мы рабы, не научились быть самостоятельными. Нет самостоятельности. Заметьте, что наш либерализм и наша даже *красота* именно тем

[1] Например, мы ∾ ведаться с общиной? *вписано.*

характеризуются, что преследуют всякое зарождение на Руси самостоятельности. И это с самого начала нашего либерализма, с Белинского, с Герцена. Они только мелкое либеральничанье, но в главном самые страшные консерваторы и есть, status quo .—.—. Красные отрицают всё, но рабски неоригинальны. Отрицание же всего — потому что ‹159› дешево достается, не требует малейшего изучения. Две[1] науки, атеизм и коммунизм (ибо у нас никогда не было социализма, его прямо разрешили формулой коммунизма и примером интернациональной коммуны), не требуют никакой науки и школы, неученый может даже не прочесть, а услышать от товарища, и уж (искренно и чистосердечно) презирает всех. Кругом них рабское молчание и сочувствующих и не сочувствующих. Последние хуже, потому что рабское и трусливое молчание. (Тут за молодежь.)

Прибавьте бродяжество и толпу, но и это без инициативы, и это слишком старо.[2]

NB. Меня всегда поддерживала не критика, а публика. Кто из критики знает конец «Идиота» — сцену[3] такой силы, которая не повторялась в литературе. Ну, а публика ее знает... и т. д. Буренин, разбирая Григоровича и Потехи‹на› («Нов‹ое› вр‹емя›», № 283), перешел к Решетникову, по поводу народных романов. А «Записки из Мертв‹ого› Дома», где множество народных сцен, — ни слова. В критике «З‹аписки› из Мерт‹вого› Дома» значат, что Достоевский обличил остроги, но теперь оно устарело. Так говорили в книжн‹ых› магази‹нах›, предлагая другое, ближайшее *обличение* острогов.

NB. Гнилое племя, которое не может жить без пощечины, тоскует без пощечины, и даже если их и удовлетворить, то они тогда будут очень огорчены и начнут давать пощечины своим друзьям и самоубежденникам.

NB. Сущность их сатиры в том, чтоб во всяком хорошем поступке приискать подлеца. Тем и удовлетворяются, долг исполнили.

Здесь. Одна из характернейших черт русского либерализма — это страшное презрение к народу и взамен того страшное аристократничание перед народом (и кого же? каких-нибудь семинаристов). Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть *самим собою*. (NB. Весь прогресс через школы предполагается в том, чтоб отучить народ быть собою.) Все черты народа

---

[1] *Было:* Две-три
[2] *Рядом с фразой:* Прибавьте ∾ старо. — *на полях помета: Здесь*
[3] *Далее было начато:* иску‹снейшую?›

осмеяны и преданы позору. Скажут, темное царство осмеяно. Но в том-то и дело, что вместе с темным царством осмеяно и всё светлое. Вот светлое-то и противно: вера, кротость, подчинение воле божией. Самостоятельный склад наш, самостоятельный склад понятий о власти.[1]

Демократы наши любят народ идеальный,[2] отвлеченный, в отношении к которому тем скорее готовы исполнить свой долг, что он никогда не существовал и существовать не будет. ‹160›

Анна П‹етровна› Борейша. Аристократы направления, называющие тварями надзирательниц.

NB. *«Московск‹ие› ведомости», № 316* (передовая). Все наши журналы, чуть началась конференция, как бы ропщут и жалуются, что «вот, дескать, все не верят России, тогда как Россия заявила, что она не хочет приобретений и т. д.». Смешно удивляться поведению Европы, смешно роптать, но всего смешнее винить Европу в этом случае. Да что бы Россия ни говорила тут, в таком деле, на слово никто не поверит. Ведь Россия всё же хочет занять Болгарию, и хоть бы она там три года стояла и ничего не взяла (а Европа этому не поверит), то влияние на славян окажет своим могуществом — а это для Европы хуже победы и завоевания. Славяне увидят, что Россия сильна, на своем настояла и *подкладочную сущность* Парижского трактата разорвала, — и вот в будущем у ней приобретена нравственная сила в Балканском полуострове, когда будет кончаться Восточный вопрос. А ведь Англия же знает, что он когда-нибудь кончится, ну вот и не надо этого Европе, вот и ревность, вот и ненависть, вот и нелепый проект бельгийского занятия. Но ведь это всё же неестественно: Россия не может отказаться от самой себя.

Ergo.[3] Результат: России нужно надеяться на свой меч, а не на дружбу Европы, и на занятии настоять силой, объявив и продолжая объявлять, что ей ничего и не надо кроме гарантии реформ для славян, никаких завоеваний для себя.

Отказ Германии от Парижской выставки: какая страшная враждебность, многознаменательная враждебность.

О, лучше б я им не сказывал.
О, лучше б я про себя таил,
Про себя таил, сам не знаю что.

Заметьте тоже, что общество это (московское, грибоедовское) не лучше, не хуже никакого, и что такие общества всегда и *бывают* везде (мы не говорим «должны быть»).

---

[1] Самостоятельный склад ∾ о власти. *вписано.*
[2] идеальный *вписано.*
[3] Итак (*лат.*).

Ревизор — Кювье. <161>

— Тот черномазенький, он турок или грек.

Все мировоззрение, все чувства этого мелко-желчного человека в этом выражении.

Наталья Дмитриевна — (которого убил Карлов).

В противуположность Алеко.

NB. Алеко — убил. Сознание, что он сам не достоин своего идеала, который мучает его душу. Вот преступление и наказание. (Вот сатира!)

Пушкин кричит про Чацкого: «Но кому это он все говорит, это непростительно!» Напротив, напротив, он не мог бы иначе, это художественно, и он вполне себе верен. В своем мирке. Всего только хвост спереди. Только Грибоедов выставил Чацкого положительно, тогда как надо бы отрицательно.[1] Доволен Чацкий малым. *Свежо предание, а верится с трудом* — то есть он и не замечает, что и теперь точно то же. Не в той форме, не в том мундире — вот для него уж и разница. Мелко плавает. Основной сущности зла не понимает.

Но вот Алеко убил, что ж вы думаете, он будет кричать: «Пойду искать по свету. Карету мне, карету». Дескать, люди виноваты, *не я*. Или, лучше сказать, Москва виновата. Нет, Алеко остается.

Новейшая сатира тем *бесплодна*, двусмысленна и даже вредна, что не умеет или не хочет сказать, чего хочет. Напротив, над всем противуположным обличаемому ею злу тоже смеется и приравнивает к тому же знаменателю. К чему она так делает? *Боится краснее себя.*

13 декабря. Понед<ельник>. *Программа декабр<ьского> дневника.*

1) Год кончен. О цели издания.
2) Сатира: Чацкий, Ревизор, Алеко — Щедрин.
3) Три науки: атеизм, социализм и коммунизм. Ученый дом.
4) О Корниловой.
5) О девочке. Пантелеев.[2]

У нас сатира. У нас скорее литература дала положительное, чем сатиру. Наши сатирики не имеют положительного идеала в подкладке. Идеал Гоголя странен: в подкладке его христиан-

---

[1] Только Грибоедов ∾ отрицательно. *вписано на полях.*
[2] Пантелеев. *вписано.*

ство, но христианство его не есть христианство. Сатира последнего времени не свободна, боятся красных. ‹162›

«Московск‹ие› ведом‹ости›», № 318. Суббота. Замечательнейшая статья «Моск‹овских› ведом‹остей›» об ослиной демонстрации 6 декабря. Они правы: очень может быть, что кому-то надо грозить Европе коммунизмом, идущим из России, и остервенять Европу против России. Статья «Journal de Débats». Действительно странное совпадение.

Турок — молодец против овец, а против молодца и сам овца.

NB. Остроты Чацкого не остроты, а дерзости. Да так и должно быть: он преследует не сущность дела, а лишь лица, бранится с ними и говорит им личности.

NB. У Островского как-то начали было смешиваться положительные стороны жизни с сатирой. Из сего последовало лишь общее недоумение и непризнание Островского критикой даже доселе.

NB. *Тот,* чьей волей могли появиться[1] великие произведения Гоголя в русском языке. (Как Кювье.) С мелкого городка до высочайших петербургских учреждений.

Эта наивность, не замеченная Грибоедовым, то есть Грибоедовым вместе с Чацким, считавшаяся (обоими) за заслугу или добродетель. О, другое дело, если б Грибоедов вывел эту драгоценную черту мелкого характера как художник, сам сознавая ее мелочь и комизм, но выводящий ее как реальную правду... Но тогда всё положительное в типе Чацкого должно бы было исчезнуть, а Грибоедов выводил прямо, торжественно положительный тип, страдальца не от себя, а от общества, почти идеал человека, которому бы надо быть (или по крайней мере молодого человека). Рассмотрим же, что это за такая положительность.

У нас сатира боится дать положительное. Островский хотел было. Гоголь ужасен. Но Грибоедов дал. Весь Чацкий (и уродство комедии) — затем *Алеко.* И потом *новая сатира*, боятся сказать, чего хотят. (Подразумеваемая мерзость «Jour‹nal de› Débats».) Почти правда. Вот эту положительную сторону русской самостоятельности мы и хотели выразить нашим изданием. Приветствовали движение года, примолкнет либерализм, старики.

Самостоятельные начала (войны). Община.

О войне, что сказать Россия должна?[2] Война решит перемену направления.

---

[1] *Вместо:* могли появиться — *было начато:* поя‹вились›

[2] *Далее было начато:* Реш‹ит›

Затем о деле молодежи. Замечания на *интригу «Моск‹овских› вед‹омостей›»* [1] ‹163› и о настеганных баранах. Но энтузиазм. Вот этому-то энтузиазму и нужен исход.

Корнилова.

И девочка.

Сатира наша, высказавшись положительно, боится потерять свое обаяние, боится, что скажут ей: «А, так вот что у вас в подкладке, немного же».

Гоголь по силе и глубине смеха *первый в мире* (не исключая Мольера) (непосредственного, безотчетного), и это бы надо нам, русским, заметить.

Это бахвальство Гоголя и выделанное смирение *шута*.

Аристократа поляка, разделившего на песью кровь и барскую. (Мои догадки, что польский [2] характер воздействовал на малоросса (опять отчасти) и малороссу эта спесь, этот задор спесивый показался à la longue [3] прекрасным.) [4]

Вообще либерализм и сатира: «О, если б мы могли,[5] то такой бы идеал воздвигли, что весь мир бы засиял и озарился светом я, но... нам не дают сказать, а потому — а потому мы только зубоскалим».

NB. *Алеко*. Разумеется, это не сатира, а трагедия. Но разве в сатире не должно быть трагедии? Напротив, в подкладке сатиры всегда должна быть трагедия. Трагедия и сатира — две сестры и идут рядом и имя им обеим, вместе взятым: *правда*. Вот это бы и взял Островский, но силы таланта не имел, холоден, растянут (повести в ролях) и недостаточно весел, или, лучше сказать, комичен, смехом не владеет.

Островскому форма не далась.[6] Островский хоть и огромное явление, но сравнительно с Гоголем это явление довольно маленькое, хотя и сказал *новое слово:* реализм, правда, и не совсем побоялся положительной подкладки.

Этот ничтожный слепорожденный пшик нашей жизни (тот, кого убил Карлов).

---

[1] *Рядом с текстом:* У нас сатира ∾ *«Моск‹овских› вед‹омостей›»* — *на полях пометы:* Здесь. Конспект.

[2] *Было начато:* малороссийско-

[3] в конце концов (*франц.*).

[4] *Рядом с текстом:* Гоголь по силе ∾ прекрасным.) — *на полях пометы:* NB. NB. NB.

[5] *Незачеркнутый вариант:* захотели

[6] *Далее было начато:* Сравнит‹ельно›

NB. *Гоголь*. И рядом с гениальным ореолом выставилась чрезвычайно противная фигурка.

Прежняя сатира не могла и не успела указать своего положительного идеала, а новейшая хоть и не умеет тоже, но и *не хочет*. Напротив, если б умела и могла, то была бы несчастна. ‹164›

Здесь. «Москов‹ские› ведомости», № 321, вторник. Настеганные бараны. Пештская газета. Неопровержимо доказанная политическая интрига в демонстрации 6-го декабря.

Программа

Корнилова.

Девочка.

Прошел год. Об идее и цели издания. Самостоятельность. Ибо всё самостоятельное подвержено сомнению, возьмем теперешний вопрос Восточный, он крепче всего, ибо кроется в началах народных.[1]

Мы живем в дикое время. 6-го декабря. Прекрасное и высокое.

Пантелеев, сложили характеры, нет автора, была повесть.

Удивляются, что Европа не верит России, но что перебирать. Высшая идея (шотландский профессор), ибо если б это в России было заявлено, то слова эти были бы подвержены осрамлению. Община (несколько кратких слов). Коммунизм. 6-го декабря.

6 ноября.

Пантелеев — нет автора,

Но либерализм отрицает положительное разъяснение Пантелеевых.[2] Разъяснение — это наша несамостоятельность. Но либерализм хочет несамостоятельности и презирает народ. Европейничание (колоссальная пощечина).

Сатира (не откровенна).

Я хочу кончить о литературе. Скорее положительные пробы,[3] чем сатира. «Дворянское гнездо» — пробы далеко не узнанные, но много принесшие. Наша литература дала больше положительных типов, чем отрицательных, ибо сатира — не имеет подкладки.

Между тем мы имеем гениального Гоголя.

И, однако, мы имеем такого сатирика, как Гоголь. Что же за причина, что общество осталось неудовлетворено?

---

[1] ибо всё самостоятельное ∾ народных *вписано на полях.*

[2] *Рядом с текстом:* Пантелеев ∾ Пантелеевых. — *на полях пометы:* И типы и явления

[3] *Незачеркнутый вариант:* типы

Та, что сатира не может выставить положительного типа.

Мало того: сама его не имеет (не умеет сказать) и тем породила страшное замешательство в обществе (ибо «Мертвые души» были популярнейшею вещью), возник спор.

Новейшая сатира и не хочет пощечины,[1] предположение мерзавца.

Островский, — но он мало сказал.

Указывать начали на Грибоедова. Да, это наивное время всё сказало, — Чацкий положительный тип.

Алеко.

Я хочу ввести критику, разберу «Горе от ума».[2] ‹165›

«Новое время», № 289. Заметки об архитектурных занятиях для женщин.

О, и Гоголь думал, что понятия зависят от людей (кара грядущего закона), но с самого появления «Ревизора» всем хотя и смутно, но как-то сказалось, что беда тут не от людей, не от единиц, что добродетельный городничий вместо Сквозника ничего не изменит. Мало того, и не может быть добродетельного Сквозника.

В «Горе от ума» увлек блеск, сатира на Москву, а глубины никакой.

NB. Чацкий: *А вам на что?* Глупее ничего нельзя и представить.

NB. Не выставлено психологическое оправдание любви Софьи к Молчалину, не намечтала ему качеств.

Пишут, мы охладели к Вост‹очному› вопросу. Это неправда: народ не охладел, адресы искренны и проч. Интеллигенты охладели или, лучше сказать, реакция.[3]

Тут дело ясное: считать ли дело славянское — органически русским, в политическом отношении, например, равным лишению морей, границы 12 года, Киева, Смоленска, Петербурга, Крыма и Кавказа. *Или* только забавой русских. Вот в постановке вопроса народностей и национальностей вопрос о Востоке, о восточных христианах слился в народном понятии не в одно человеколюбие и не в одну политическую задачу (как преимущественно в головах нашей интеллигенции), но, преимущественно и на первом плане, в *вопрос* о судьбах восточного христианства, то есть

[1] *Далее было:* мерзавца

[2] *Рядом с текстом:* Да, это наивное время ∾ «Горе от ума». — *на полях помета:* в январский №

[3] *Рядом с текстом:* Пишут ∾ реакция. — *на полях помета: Здесь.*

в вопрос о судьбах православия, то есть в вопрос о Христе и о служении ему, о подвиге служения ему.[1] Вот что я подчеркиваю и указываю. Это идея моя, никто не указывал на это, но это так, н это истина. А зная это, мы должны признать, что Восточный вопрос — русский по преимуществу, национальный, народный и *всегда популярный*. В народе даже сложилось понятие, что Россия для того только и живет, чтоб хранить христианство.[2] Вникните, в этом вопросе мелькают, например, такие черты, что старообрядцы тотчас же соединяются с русскими в желании жертвы, между тем онп отлично знают, что и все эти славяне — еретики. Ключ всем разрешениям. <166>

В поэзии нужна страсть, нужна *ваша идея,* и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит. Такая художественность нелепа: простой, но чуть-чуть наблюдательный взгляд гораздо более заметит в действительности.

«Москов<ские> ведом<ости>», № 322. В передовой: ненавистные о русских отзывы в «Débats» и «Liberté».

«Развлечение». Жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком.

Для вас пиши вещи серьезные, — вы ничего не понимаете, да и художественно писать тоже нельзя для вас, а надо бездарно и с завитком. Ибо в художественном изложении мысль и цель обнаруживаются твердо, ясно и понятно. А что ясно и понятно, то, конечно, презирается толпой, другое дело с завитком и неясность: а мы этого не понимаем, значит, тут глубина. (NB. Повесть «Пиковая дама» — верх художественного совершенства — и «Кавказские повести» Марлинского явились почти в одно время, и что же — ведь слишком немногие тогда поняли высоту великого художественного произведения Пушкина, большинство же наверно предпочло Марлинского.)

Нынче век силы чугунной (и убеждения чугунные, должно быть).

Обязанность не знать высшей цели и жизни вечной, а заменить ее любовью к человечеству, переданная этой несчастной с совершенно неразъясненным вопрос<ом>: для чего же я буду любить человечество? и проч.

Отсутствие бога нельзя заменить любовью к человечеству, потому что человек тотчас спросит: для чего мне любить человечество? <167>

---

[1] и о служении ∾ служения ему *вписано.*
[2] чтоб хранить христианство *вписано.*

У иных могут быть не только убеждения, но и что-нибудь еще чугунное.

1) Англичанин прежде всего старается быть[1] англичанином и сохраниться в виде англичанина, и любить человечество не иначе, как в виде англичанина.

2) Мы настолько же русские, насколько и европейцы, всемирность и общечеловечность — вот назначение России. Действ<ительно>, несем в своем зародыше какую-то сущность общечеловека и впредь так будет, и народ, развившись, такой будет.[2]

Посмотрите на великоруса: он господствует, но похож ли он на господина? Какому немцу, поляку не принужден он был уступать. Он слуга. А между тем, тем-то — переносливостью, широкостью, чутьем своим он и господин. Идеал его, тип великоруса — Илья Муромец.[3]

Таким образом, чем сильнее[4] мы разовьемся в национальном русском духе, тем сильнее отзовемся и европейской душе, примем ее стихии в нашу и породнимся с нею духовно, ибо вот это всечеловечность, и... и, может быть, и им, европейцам, стали бы полезны, сказав и им наше русское особое слово, котор<ое> они еще, развившись[5] насильственно, еще не слыхали. Наша способность языка, понимания всех идей европейских, сердечное и духовное ее усвоение — всё это, чтоб разрозненные личные народные единицы соединить в гармонию и согласие, и это назначение России. Вы скажете, это сон, бред: *хорошо, оставьте мне* этот бред и сон.

Я объявляю (*пока еще без доказательств*), что любовь к человечеству — немыслима,[6] непонятна и *совсем невозможна* без совместной веры в бессмертие души человеческой. Пусть пожмут *плечами* мудрецы наши, но эта истина[7] мудренее их мудрости, и я верую,[8] непременно станет когда-нибудь аксиомой во всем человечестве.

Как-то не хватает тех связей, которые соединяют человека с жизнью, как-то слабее и ничтожнее становится он.

Приговор — примут за положительное учение, которое так и надо. Пожалуй, может случиться, что прямо последуют ему.

---

[1] *Далее было:* и остаться

[2] Действ<ительно> ∾ такой будет. *вписано.*

[3] *Текст:* Посмотрите на великоруса ∾ Илья Муромец. — *написан в низу листа и знаком перенесен в данный контекст.*

[4] *Вместо:* Таким образом, чем сильнее — *было:* И чем сильнее

[5] *В рукописи ошибочно:* разбившись

[6] *Далее было:* совсем

[7] *Было:* аксиома

[8] *Далее было:* впоследствии

Между прочим (и, положим, некстати), заявляю, что перестают понимать юмор и шутку. Это очень худой признак — признак упадка умственных способностей в поколении, надо ждать всего от подростков, в них надежда. <168>

Повесившийся мальчик... Конечно, подражательное. Но что-то глубоко эгоистическое,[1] нервно самолюбивое, страшно стремящееся к разъединению вырастает в будущем поколении. Связующее оказывается все больше и больше слабым, давления не выдерживающим. *Обособление*, обособляющиеся — что ж, так и должно быть. Мы, кажется, дошли до самой последней степени разъединения с народом. Пример 6-е декабря.[2]

Сатира. Либерализм, сатира играют в прятки.

Мы ассимилировались, совоплотились с ними. (с Европой.)

Буренин. Не поймут первые. Нельзя судить, не разъясняя мысль, а вот мысли-то и не поймут, не желая согласиться. Пантелеев так ясен. Отвлеченность. Теперь только началось накопление практического умения. Но плод еще далеко, и общество глубоко не созрело для разъяснения себя самого себе же самому. А разъяснителей слушать не будет.[3]

В этом смысле чрезвычайно замечательна судьба нашей сатиры. Нет подкладки. Либерализм отвлеченный и стал аристократизмом, стал недемократичен, и чем дальше, тем больше разрывает с народом. В сатире предположение мерзавца. «Débats».

Кстати: слова ректора. Великое слово. Точки прикосновения с Европой еще остались. И к чему бояться славянщины, национальности? Мы в высшей степени породнимся с Европой именно, когда станем национальными и перестанем скитаться по Европе международными межеумками без уважения.

Да и любовь, по-ихнему, есть выгода, добро я делаю для своей выгоды из самосохранения (в высшем смысле и так-то, как будто это что опровергает в самостоятельности существования идеи любви?). Я люблю в крайнем случае потому, что меня любят. Но как вселить любовь к всему человечеству как к одному лицу. Из расчета, из выгоды? Странно. Почему мне любить человечество?[4] А как у меня вдруг явится расчет другой? Скажут, фальшивый. А я скажу, а вам-то какое дело — я и <169> сам

---

[1] *Рядом с текстом:* *Повесившийся* ∾ эгоистическое — *на полях помета:* *Здесь*

[2] *Рядом с текстом:* *Обособление* ∾ 6-е декабря. — *на полях пометы:* Здесь. 6-е дек<абря>

[3] *Рядом с текстом:* *Буренин* ∾ не будет. — *на полях помета:* Буренин

[4] *Рядом с текстом:* Да и любовь ∾ человечество? — *на полях помета:* Герце<н>

знаю, что фальшивый, но ведь фальшивый-то в общем, в целом, а пока я и очень, очень могу проявиться своеобразно, для личности, для игры, по личным чувствам. Проявился же Наполеон I, а ведь уж наверно в идее ничего не лежало из любви к человечеству. Впрочем, эта идея возбудит спор, и я оставляю себе разъяснить ее в дальнейшем, но здесь скажу лишь, что идея любви к человечеству есть одна из самых непонятнейших идей для человека как идея. Нам явлен был лишь великий идеал в форме чувства. Возможность ясна: идеал был и есть. Но от этого не легче. А главное, при отсутствии идеи бессмертия.

Одна из самых непонятнейших идей для человека как идея, она явилась раз лишь в форме воплотившегося бога, в объективном образе — неразъясненная (а породившая) и укрепившая собою лишь чувство.

6-е декабр<я>. *Эта* бы с презрением. Не виновата ли семья. «У нас нет семьи», — вспомнились мне слова одного из наших талантливейших сатириков, сказавшего мне это.

6-е декабр<я>. У меня был проект для них, и если только помогут обстоятельства, то я (непременно) [1] его изложу.

И если б им позволено было всё говорить, то они, может быть, были бы страшно огорчены.

Сатира наша, н<а>пример, она и не молчит, она пишет и прекрасно пишет, но — как будто она сама не знает, что вам ответить.

А найдется либеральнее меня. Правда, это рассуждение лишь временное, но, пока сосредоточивалось в преследовании всякой самостоятельности России, таким образом перешло в аристократизм.[2]

Либеральное наше европейничанье. Разрыв с народом. Презрение к народу (это демократов-то). Они идут в народ, народ их бьет, и вот они враги народу и презирают его. Он, дескать, ни на что не способен. Изучать правду народную не хотят. Примеров тысячи и десятки тысяч, и они ужасают своею распространенностью.[3] <170>

Еще на днях Боборыкин в своей лекции об Островском заявил о том, что у нас не могло быть исторической драмы, ибо не было исторических характеров. (Лекции бездарные. Автор говорил, например, что от драматурга требуется верность истории,

---

[1] *Было:* когда-нибудь

[2] *Рядом с текстом:* И если б им ∾ в аристократизм. — *на полях пометы:* Либ<ерализм>. Сатира

[3] *Далее было начато: а.* при *б.* И своими *Рядом с текстом:* Либеральное ∾ распространенностью. — *на полях пометы:* Здесь. !!!

тогда как тут же имел пример и сам цитовал его, что у Шекспира не было верности истории, а лишь верность *поэтической правде*. Верностью поэтической правде несравненно более можно передать об истории нашей, чем верностью *только* истории.) И что ж, другой журнал, доселе называвший лекции Боборыкина пустыми, тотчас же похвалил их, как он сказал о том, что в России не может быть драмы (другое дело-де в Англии). Аплодируют Конради и проч. и проч. (см. «Новое время», № 293, 20 декабря). Таким образом, сами не замечают, что, отделяясь все далее и далее от народа, становятся аристократами и образуют касту и уже не мыслями только, а действием. Ибо, разорвав совсем с убеждениями и духом народа, образуют явно status in statu с презрением к низшим, к необразованной черни, к черной кости. «Хлопьска вера». Потом захотят сохранить свой раскол, свою касту, захотят удержать в государстве свое первенство, свою власть.[1] Образованный не захочет заседать с мужиком, потому что они разных воззрений и образования. Захотят себя гарантировать, оградить, и неужели они не понимают, что действительно к тому идет, к тому клонит? <171>

Всё это сбудется мало-помалу, теперь более, чем прежде, потому что прежде разнились лишь в мыслях и духе, а теперь уже сталкиваются практически. И возненавидят одни других. Образуется вроде нового феодального права. И эти-то считают себя либералами, демократами!

«Новое время», № 293, 20 декаб<ря>. «Москов<ские> ведом<ости>». Удивления бесплодные о том, какое, дескать, чудо, что Турция всем приказывает, а все слушают. Праздная болтовня.[2]

Сатира. А потому сатира наша оставляет одно лишь недоумение и еще способствует даже шатанию мысли, а не то, что утверждает ее.[3] Такой вид, как будто, высказавшись положительно, боится потерять свое обая<ние>. Сатира не определен<на>. Обязана пахнуть своей подкладкой.[4]

Тут даже, кроме того, просто может быть маленький либеральный расчетец, — дескать, если я скажу мою мысль, то такая-то клика, нашего же либерального лагеря, найдет ее слишком умеренной и примирительной, и меня освищут. При этом хорошо, если освиставшие будут ловки.[5] Между тем если и освиставшие выскажут свою мысль, то с ними случится то же самое.

---

[1] *Далее было начато:* Принуж<дены?>

[2] *Рядом с текстом:* «Новое время» ∾ болтовня. — *на полях помета:* «М<осковские> ве<домости>»

[3] *Далее было начато: а.* Я не говорю про высших сатириков. У низших же *б.* Тут даже

[4] Такой вид ∾ подкладкой. *вписано.*

[5] При этом ∾ ловки. *вписано.*

У нас забыты все доблести наших добровольцев, и люди, позорные люди, битые, но нажившиеся, у которых в сердцах никогда не было ни одного порыва, кричат лишь о их пьянстве и позорном поведении. (Летающие пощечины, сладость самоунижения. Жидовское царство при этом.)

Жидовское царство. Иные («Голос») въехали (закопались) в ложное перед Россией положение, сами не зная из-за чего, из какой-то бестолковщины, другие («Биржевые <ведомости>») прямо сердятся на современное положение (застой), выставляя идеал богатства и богатых свиней. Но а свинье надо самоуважения, хотя в некоторых случаях, несмотря на то, что это невероятно.[1] Без некоторого самоуважения и богатым не будешь. Потеря[2] народной чести ведет потерю и личной чести, деньги за сапог, и будет царство мошенников. Унижаться перед Турцией во что бы ни стало, только чтоб мир. <172>

Если отсутствие высшего смысла в бессмертии, то и гражданского. Развратились. Вряд ли годно поправиться.

Весь православный Восток должен принадлежать православному царю, и мы не должны делить его (в дальнейшем на славян и греков).

В славянском вопросе не славянство, не славизм сущность, а православие.[3]

ТЕКУЩЕЕ — ОКТЯБРЬ—НОЯБРЬ

Осмотреть старый материал сюжетов повестей (Из романа «Дети»). Девушка с образом.

О статье С. Соловьева по Восточн<ому> вопросу. (В Архив?)

Анна Петровна Борейша — надзирательница (помощница, смотрительница) в доме предварительного содержания преступников.

Управляющий тюрьмой полковник Федоров.

Корнилова: «Как будто воля не моя была, а чья-то чужая (когда выбросила в окно). Я[4] идти в участок совсем не хотела, а как-то сама пришла».

---

[1] хотя в некоторых ∽ невероятно *вписано.*
[2] *Далее было:* чести
[3] *Далее было начато:* Январь. Стр<юцкие>
[4] *Далее было:* было

Степан Корнилович Корнилов в экспедиции заготовления государственных бумаг. (Черпальщик, лет 30). ‹235›

Декабрь

Глава первая.
1) Опять о простом, но мудреном деле.
2) Запоздавшее нравоучение.
3) Голословные утверждения.
4) Кое-что о молодежи.[1]
5) О самоубийствах и о высокомерии.
Глава 2-я.
1) Анекдот из детской жизни.
2) Разъяснение об участии моем в издании будущего журнала «Свет».
3) На какой теперь точке дело.
4) Словечко об «ободнявшем Петре».[2]

Он прав: Без детей ни брака, ни семейства, ни жизни. Благородного подвига жаждут, ни бог, ни судьба не пошлет, а дети и неспособного на благородный подвиг — дадут сделать благороднее. Дети благородят. А без благородного не проживешь, к тому же могут быть еще сомнения: да благородно ли то, *что* я делаю. А подвиг материнский исключает всякое сомнение.

Семейства нет, Щедрин, ласкающий ребенка.

Самоубийство мальчика (экономические причины)

Вопьюсь в вас. ‹282›

---

[1] *Было:* о юношах
[2] *Вместо:* Словечко ∾ Петре». — *было:* По поводу одной пословицы.

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

КРОТКАЯ

(Стр. 5)

Черновые наброски (ЧН)

<1>

Может, дескать, шить, и даже, так сказать, из хлеба.

Образ принесла.

Этот образ — слушайте, слушайте.

Я заметил что-то высокомерное, вы, может быть, не знаете моей жизни.

(<*нрзб.*> злые <?> обстоятельства.)

Я познакомился с Лукерьей и вызвал ее.

Осенний вечер.

Не особенно талантлив, не особенно умен, довольно дешевый эгоист, но характера твердого.[1]

Всё это сказано было с особенного рода гордостью — вы сами знаете, как это говорится.

Я имею наружность приличную, даже молодцеватую.

---

[1] *Рядом с фразой:* Не особенно талантлив ∾ характера твердого. — *запись:* Так благородно

Я понял, что, если я буду унижаться и просить прощения, что я закладчик, — я буду смешон и жалок. А начну хвалить себя и топыриться <?> — буду смешон и глуп. А потому суров, горд, страдает молча[1] и даже жизни своей не рассказывал. О, это, впрочем, может быть, нехорошо, что я сам жизни не рассказал, а она от других узнала. Надо бы было потихоньку, потихоньку на жалость бить. Гордее, разумеется, но жизнь рассказать. А то она сама потом всё узнала в комическом виде. Но я думал иначе, и вопрос: для чего женил<ся>.

Я ошибся.

Бунт, к теткам.

Офицер, у теток.

Офицер.

Меня об дуэли?

Я про дуэль.

О, я на улице — под бильярдами.

А теперь вы святы? (То есть с кассой ссуд?) Я даже удивился. Неужто объясниться хочет. Я замолчал и вышел к пришедшему просителю.

Для чего же она позволила.

Из ненависти ко мне, напускной и порывистой, она оскорбить меня, но когда дошло до дела.

Я после понял, что это такое было. Просто металась и оскорбить меня хотела и порисовалась этим, увидала в такой низости, что вся правда в душе ее поднялась, ее ли, это ли создание, могли пленить они, эту чистоту и силу правды. Она только могла гнушаться.[2] К чести моей скажу, я всегда в ней знал это. Я другою ее и не воображал. Почему ж я любил-то ее, почему ж ценил-то ее, почему ж женился-то?

На улице ее захватил, привел, посадил, револьвер.

Сцена до пения.

Тут я решил, что я ни за что.

---

[1] страдает молча *вписано.*

[2] *Рядом с текстом:* Из ненависти ко мне ∾ гнушаться. — *запись:* Существо

Бывает, что бессознательно поглядишь.

Она знала, что я видел.

Это и я несознатель<но>. Да здравствует электричество человеческой мысли.

Я чувствовал, что я испугаю ее моею готовностью принять смерть.

Вы спросите: твердо ли я надеялся. Отвечу как перед богом милостивым: «Нет».[1]

Вы спросите: а почему он не спас ее от преступления, не встал. Да, я не спас, да, я сделал подлость, но отчаяние.

Я победил, а она навеки побеждена.
Побеждена, но не прощена.

Лукерья не хочет.
Молился на коленях 5 минут, хотел молиться час, но всё думаю, думаю, думаю, вихрь в голове, и больные мысли, и больная голова, что ж так молиться, один грех. Странно тоже, что мне спать не хочется: в большом, в слишком большом горе, после первых сильнейших взрывов — всегда спать хочется. Кстати, приговоренные к смертной казни, говорят, чрезвычайно крепко спят в последнюю ночь. Да так и надо, это природа делает, а то силы бы не вынесли.

Вылечили.

Началась злоба.
Было ли ломание?
Я не ломался, жена, стрелявшая в мужа, не жена ему.
После револьвера.
Было ломанье.[2]

Здесь NB. Главное: без психологии, одно описанье,[3] до самого падения в ноги, и там уж он объясняет всё: как он ее любил, как он, может быть, ломался, но это простительно.

Я должен признаться, что я был уколот упреком в трусости, а потому и лежал.

Вызов во взгляде исчез.

---

[1] *Далее было начато:* вообра<зите>
[2] *Над текстом:* После револьвера. Было ломанье. — *помета:* Здесь
[3] одно описанье *вписано.*

Робкая кротость. Но робость прошла, и она не боялась глядеть.

Мстил ли я.

Пелена. Что такое эта пелена.

Здоровье, но не очень.

Падение в ноги.

Всё это вдруг случилось. Песенка. Лукерья и прежде говорила, что поет. «Ишь, барыня поет».[1] *Что ж, да она обо мне совсем позабыла.*

Но вдруг другая жилка затряслась во мне:[2] надтреснутый голосок.[3]

Подобная же мысль была весьма уместно выражена[4] еще прежде в романе графа Сальяса «Пугачевцы».

Строгое удивление: кроткое удивление, но строгое, строгое, долгое, недоумевающее. «Любви, любви, ты хочешь любви? ..» Я не вынес и упал, свалился к ногам ее. Она отнимала ногу, а я целовал пол, где стояла нога.

Ты сняла с меня ложь.

Ведь я знаю же, что касса ссуд — низость.

Перед самоубийством страшная сцена мольбы о прощении, после которой он уверился, что она не презирает его.

‹2›

Открыв кассу, я нарочно усилил всю эту казенщину, то есть образ, бульдога. Револьвер. Слушайте, слушайте.

Ждал выстрела. Право, ждал искренно. О, во мне есть серьезное.

Такая, как она, *вдруг спустит*. Кроткие так, отдаются движению, не рассуждают. *Револьвер.* По покатой инерции ослабления чувства. Фу, какой я вздор написал. А ведь это инерция,

---

[1] «Ишь, барыня поет». *вписано.*

[2] *Далее начато:* но

[3] *Рядом и над текстом:* Падение в ноги. ∾ надтреснутый голосок. — *запись:* Робкая кротость — *и помета:* Здесь

[4] *Далее было начато:* в ром‹ане›

и покатая. Захватит тебя, спусти, спусти курок, спусти. Э, попал.[1]

Сначала исхудала, видимо, мучилась угрызениями (сама она мне объявила потом в истерике), а потом *забывать* меня стала.

О, как я ее любил. Ведь вы этого не знаете. Но ведь и она поняла, что я ее любил каждый час, каждую секунду во весь этот год. (*Это* он ей потом, после объяснения.) [2]

Привел ее за руку. Она села. Ей было стыдно, ужасно. Но она изо всех сил хотела не стыдиться.

Я ее испугал. Она моей любви испугалась, она думала, что я про нее позабуду и что так мы и будем. А ведь если так, то ведь она не предполагала никаких чувств во мне. Человеческих. Без негодования предполагала, не осуждаю: так, дескать, человек ординарный, из той породы людей, равнодушно. Но в этом равнодушии, в этом именно отсутствии негодования — сколько презрения. Она просто *забыла* меня, забыла, даже песенки начала петь,[3] о моем существовании забыла.[4]

Само собою, что вылетают слова слишком нетерпеливые, наивные и неожиданные, непоследовательные, себе противуречащие, но искренние, хотя бы даже и ужасно лживые, ибо человек лжет иногда очень искренно, особенно когда сам себя желает уверить в правде своей лжи.[5]

Как бы подслушивал ходящего и бормочущего.

Видите ли, я не сумел сделать, я просто не сумел сделать, а то всё было: я ее любил, я великодушен, но я не сумел, что-то

---

[1] *Револьвер.* ∾ Э, попал. *вписано на полях.*

[2] (*Это* он ∾ после объяснения.) *вписано.*

[3] забыла, даже песенки начала петь *вписано.*

[4] *Далее было:* Сколько презрения! И тут вдруг я с любовью, с целым вулканом чувств! Испугалась, испугалась. Спросила себя серьезно: принять или нет, не вынесла и [не] *лучше* умерла. *Ужасно*, ужасно, тут есть несколько обстоятельств совершенно *ужасных.*

1

Я имел право себя обеспечить и открыть эту кассу. Вы отвергли меня, вы прошли мимо с презрительным молчанием, на мой страстный порыв к вам. Теперь я вправе оградиться стеною, собрать эти тридцать тысяч и окончить жизнь где-нибудь в Крыму, в имении, благо теперь еще они дешевы, вдали от всех вас, с идеалом в душе, с любимой женщиной, с семьей, если бог пошлет, и — творя всем добро, помогая окрестным поселянам. Одним словом, повторяю, это всё глупо, но это так было. О, вы не знаете мою жизнь, и она не знала. А я и не рассказывал, подожди, дескать, — пока.

[5] непоследовательные ∾ в правде своей лжи *вписано.*

я тут не сумел. Но — довольно! довольно! Кончено так кончено. Чего же теперь, не правда ли?[1]

Отдать Добронравову, прочь это прошлое, а ты прости его.

Не раздать ли бедным, кроме 2000, оставить те на Булонь.

Я, собственно, ведь для чего женился? (Это в антракте после револьвера.) (Не упустил случай.)

ДО ПОРЫВА. Забыла она про меня, что ли?[2]

С горстку. Так ведь это недоразумение.
Я так и закричал: «Это недоразумение!»
И я завопил на весь двор: «Люди,[3] это недоразумение!»

А разве нет? Разве не недоразумение?

В том-то и дело, что она хотела действительно меня убить и надумала это ночью. Это я узнал от нее вчера же.[4]

Я отдал два заклада. Я возвратил деньги: пришли, ползали на коленях, благодарили. Она видела.

Что за задумчивость, что за странная задумчивость!
Была весна. Запела. «Это как птичка», — подумал я.

Видите ли, уговор лучше денег, пусть откроет глаза, — мне кажется, я начинаю мешаться.

И дурная улыбка ее прошла.

В утро револьвера купил новую койку.

Я мечтатель.

Я знаю, я знаю.

Касса ссуд — это позор, позор.

Я искал раскаяния, я не сомневался в том.

---

[1] Но — довольно! довольно! ∾ не правда ли? *вписано. Рядом с этой фразой помета:* bis

[2] *Над словами:* Забыла ∾ что ли? — *помета:* поет. *На полях рядом с текстом: ДО ПОРЫВА.* ∾ что ли? — *помета:* Здесь

[3] *Далее было начато:* судьба

[4] *Рядом с текстом:* В том-то и дело ∾ вчера же. — *помета:* Здесь

Конспект: после горячки.
Она моя!
История дуэли.
Теперь побеждена.
Добрые дела.
Кротость.
Белье.
Чтение.
Купил новую койку.
Вина.
Под конец во мне недоумение на себя.
О, я даже тогда понимал, что ошибался.
Что-нибудь да говорили, но я не давал распространяться, да и она сдерживалась, чтоб не распространяться.
Она: «Мы рознь. Я думала, вы меня оставите *так*».[1]

— Согласимся, что мы требовали один от другого невозможного. Я ипохондрик, а ты прямолинейна. Для чего мы мучаем друг друга? Не лучше ли б объясниться. Но я и не знал тебя, как тебя люблю. После револьвера я был удовлетворен в моей гнусной гордости и нарочно разжигал в сердце обиду. Теперь вдруг пелена упала и проч.
Это всё в судорожных объяснениях любви.[2]

Ведь несколько дней, да, пять или шесть дней — и вот давеча, да ведь это было давеча, еще давеча! ..

Я сказал это неосторожно.[3]
Что она преступница.
Что она понимает и ценит всё мое великодушие.

5 глава

Да, это было недоразумение.
Одну бы каплю подождать.
Если б я только 5 минут раньше — и навеки прошло.
Это был случай. Я бы ее уверил во всём совсем.
Ну на что, зачем она убила себя? Конечно, внезапность.
О, я понимаю (читатель).
Пирожки.[4]

К чему мне законы? Бог, а жена, где она? У меня теперь *нет* законов, нет ничего, — чем могут они испугать меня.

Да, удивл‹ение›, и строгое.

---

[1] *Было:* совсем
[2] — Согласимся ∾ любви. *вписано на полях.*
[3] *Рядом с этой фразой начато:* Я говор‹ил›
[4] Пирожки. *вписано.*

«Это я-то говорила с блеском, я! Вы, оттого что меня любите, преувеличили». Было много девичьего, тем-то и мило.[1]

Ей, в объяснениях, когда кается: «Потому что они (офицеры) были наполовину и правы, потому что я тогда действительно струсил, и вот это и гнело меня самого всё время, и я, вот уж шестой год, не хочу сознаться, что я тогда струсил, а я тогда струсил...»

— Полноте, полноте, успокойтесь, это не так, вы сами себя теперь мучаете, простите меня, это я виновата...

Последнее объяснение: «Я буду вас уважать...»

Ведь оставаться со мной — значит, надо было принять мою любовь.

Разве я из унижения целую пол? Я целую потому, что это мне сладко.

Должно быть, внезапно, потому что и записки не написала.

Лукерью чуть не потревожили. Из окна и со двора видели ее, впрочем, бросающуюся, четверо или пятеро свидетелей.

Я ведь предчувствовал, что ты *забывать* меня стала, я догадался.

Она думала, что всё *так* и останется. *Она* отучилась любить меня.

Нет, когда с Ефимовичем она сидела, ведь было легче, когда с револьвером стояла надо мной, ведь было легче — потому что она все-таки тогда любила меня, а теперь она отучилась любить меня. Но я уже теперь не хотел выпускать ее из рук.[2]

О, как вдруг упала эта пелена!

И после *первых* ног и ее припадка (я мало говорил, только в Булонь)[3] — и наступило отчаяние, пелена.

Я подходил к ней судорожно и говорил. Я всё надеялся до последней минуты...[4]

О, как я[5] ее мучил (излияниями)!

---

[1] Было много девичьего, тем-то и мило. *вписано.*
[2] Но я уже ∾ из рук. *вписано.*
[3] (я мало говорил, только в Булонь) *вписано.*
[4] Я всё надеялся до последней минуты... *вписано.*
[5] *Было начато:* О, как она

О, как она винила себя!

Строгое удивление. Я показался так глуп, так беден и жалок.

О, как я гордился пред тобою за револьвер.

О, я всю зиму только и делал, что любовался моим подвигом, оттого и тебя забыл.

Я ей только напомнил о ее поступке, *потряс* и напугал воспоминанием.

Я мало еще понимал, всё еще продолжал не понимать (то есть что ей страшна моя любовь).

«Я буду уважать вас». Странные слова, но мы обнялись. Явилась Лукерья.

Она бросилась ко мне, плакала, обнимала судорожно.[1]

Final. Вот теперь, когда я всё это перебирал в голове, я понимаю: не приняла любви, думала, это так. И до того тяжела была любовь, что приняла лучше смерть. Это было внезапно.[2]

Глупая и комедиантская мысль мелодрамы, но если б возможно было не хоронить ее. Я не могу представить, что ее[3] унесут.

Нет, однако, серьезно, как же я тогда буду?

Это мысль ложной мелодрамы, приличная *Кукольнику*, которого так осмеяли, но, значит, она верна, если она есть у меня. И вообще я заговариваюсь. Дело в том, что Лукерью не отпущу никогда — она расскажет. Я убежден, что я не знаю еще бездны подробностей.

Струсил. Меня, впечатлительного, ипохондрического человека, поразила обстановка, буфет, и как это я вдруг выйду, и не выйдет ли глупо? *Струсил.* А потом перед товарищами уж и не хотел признаться.

Жиль Блаз и проч. и сообщение (кто сколько съел). Как хохотали! Ну мог ли, мог ли я ожидать!

Рассказ про Фауста.[4]

Вот как говорит Лукерья.

Для чего, для чего она умерла?[5] Я бы и оставил ее только *так*, если б ей хотелось, чтоб осталось *так*. Она не верила, она ха-

---

[1] Я мало еще понимал ∾ судорожно. *вписано на полях.*
[2] Final. ∾ внезапно. *вписано в верхней части страницы и на полях.*
[3] *Было начато:* Я не могу представить, что я
[4] Рассказ про Фауста. *вписано на полях.*
[5] *Над этой фразой запись:* Перевоспитать ее.

рактеру моему не верила, ипохондрии моей не верила. Нет, нет, я вру, и не это. Просто потому, что со мной надо было честно, всецело, любить так любить, не то что как с лавочником, а так как она была слишком целомудренна, слишком честна, то и не хотела меня обмануть под видом любви полулюбовью или четвертьлюбовью. Ведь она знала, ведь она видела, что она для меня всё и что я потребую всего, всего.[1]

А главное, что это ведь всё так, косный, обидный случай, внезапный случай![2] О, как обидно! Ведь[3] как подумаешь, что если б я пришел раньше, или кто вошел, или даже Лукерья, — и ничего бы никогда не вышло.

Заострившийся носик (провалившиеся глаза)... Не знаешь ты, каким бы раем я оградил тебя! Ну, ты бы меня не любила — ну что ж, всё и было бы *так*, всё бы и оставалось *так*. Рассказывала бы только мне как другу... Ну, если б полюбила другого — ну и пусть, и об этом бы пусть рассказала.[4] Ты бы шла с ним и смеялась, а я бы смотрел на вас с другой стороны улицы и смеялся бы, потому что ты с ним смеешься.

Стран‹ная› мысль — если б ее не хоронить, потому что как же ее завтра унесут? О, пусть бы только открыла глаза.[5]

Она говорила в последней сцене: «Я буду вас уважать». Я обнимал ее, плача в восхищении, но внезапная новая какая-то и чрезвычайно сильная боль вдруг подступила к моему сердцу: «Зачем она сочла нужным сказать[6] мне, что она меня будет любить и уважать. К чему необходимость этого обещания — значит, целая бездна еще между нами не договорена».[7]

Касса ссуд — падение воли и ума, ложная идея самобичевания и самовосхваления — дескать, «довели, так вот вам позор так позор,[8] тверд и не боюсь вас».

Строгое удивление, потом стыдилась и смеялась в стыде и вдруг заплакала.

Да, я ее испугал, она была испугана, вот разгадка (перед выбросом из окна)! Да и устала в зиму-то.[9]

---

[1] *Вместо:* и что я потребую всего, всего — *было начато:* и я потребую всего, чего она дать не

[2] *Вместо:* А главное ∾ внезапный случай! — *было:* Случай, случай!

[3] *Было начато:* Ес‹ли›

[4] и об этом бы пусть рассказала *вписано.*

[5] Стран‹ная› мысль ∾ открыла глаза. *вписано.*

[6] *Было начато:* обе‹щать›

[7] *На полях рядом с текстом:* Она говорила ∾ не договорена». — *запись:* Она мучилась преступлением, не выносила напоминания, истерика.

[8] позор так позор *вписано.*

[9] Да и устала в зиму-то. *вписано.*

Я ее вдруг сделал другом... Это после такого-то отчуждения, но вполне другом, уже ничего не скрывая, как на исповеди, как на исповеди! Куды, более чем на исповеди, не скрывая даже того, что от себя скрывал. Я выдумал, например, что действительно струсил.

Что так и забыл ее, так оно и будет... О, я тогда еще не мог осмыслить. Нет, смысл еще не возвратился весь.

Здесь: [1]
1) взрывы к Мозеру,
2) то и то,
3) стала разговаривать, что читала «Жиль Блаза»,
4) стал хвалить, это я-то, не говорите,
5) рассказ про пирожки,
6) вдруг упала к ногам, буду уважать, поцеловал, застыдилась, бросилась на кровать плакать, я вышел.[2]

Зачем сказала, что она будет уважать? Зачем нашла нужным сказать это?

Поцеловал, она вся вспыхнула.

Тут лавочник, это он говорил, что с горстку.

Ботиночки ее тут (вдруг). Как же ботиночки тут, а ножек ее нет.[3]

Мы смеялись накануне, а наутро она строго подошла ко мне и сказала, что она будет уважать.

Измучил я ее, вот что! Устала.[4]

Ведь она бы непременно написала: вот, дескать, не вините в смерти. *Нет, тут недоразуменье!* И с чего, с чего ей было умертвить себя?[5] О, я ведь понимаю (честная), но все-таки (я бы стоял на другой стороне тротуара). Со мной *еще можно жить*, то есть допустить меня при себе. Не знаю, устала она от жизни, устала. Нет, это случай внезапный, а то написала бы. Я это всё говорил Лукерье — у той только одно слово: измучилась очень барыня, ведь так плакала без вас иногда! «Так что ж ты мне не сказала, что ж не сказала!» — закричал я. Нет, я ни за что не отпущу Лукерьи. Ботиночки.

---

[1] *Было:* План
[2] *Вместо:* поцеловал ∾ я вышел — *было:* я вышел
[3] Как же ∾ нет. *вписано.*
[4] Устала. *вписано.*
[5] *Далее было начато:* Ну

(Чего ж она не подождала. Еще бы капельку, капельку.)[1]

Малокровие, может быть, просто от малокровия, от недостатка жизненной энергии. Да, действительно, могла устать. Устала в зиму.[2]

Я могу положительно сказать, что она была гораздо образованнее меня (в послед‹нем› монологе). Как тонко понимала. И наконец, могла же она смеяться Гренадск‹ому› епископу... Стало быть, была спокойна, был мир в душе. Я подошел и мир этот нарушил. А ведь она верила ему, верила, что я не подойду никогда. Да и не думала обо мне вовсе.[3] Дитя! дитя! 10-летнее дитя!

Рыдал, рыдал, бедный, но под конец так измучил, что сам испугался.

И ведь нет, ведь накануне еще (пирожки). Я помню, я помню, еще когда невестой, рассказывала о пирожках (вот когда я холодной водой).[4]

Ведь это было несколько дней, и вот нынче вдруг подошло.

Она повторяла: «Я не *стою*, я не *стою*». О, как она плакала. Я поцеловал.[5]

Поцеловал — она вспыхнула, точно девочка, точно не муж поцеловал.

Одно только слово пронзило меня — уважение.

Я только помню,[6] что, когда я воротился, она была еще теплая. Главное, они все глядят на меня. Я вхожу в ворота, а они глядят. Я вспоминаю как во мраке, что я подошел молча и долго глядел, нагнулся и гляжу. Они все обступили и говорят мне что-то.

‹3›

РАССКАЗИК. КРОТКАЯ. *ЗАПУГАННАЯ* (sic)

С строгим удивлением. С горстку. *Всё* это будет возрастать (то есть впечатление в дальнейшем).

Вот пока она здесь, еще хорошо: подхожу и смотрю каждые десять минут, а унесут ее завтра, и — как же я останусь один?

---

[1] (Чего ж она ∾ капельку.) *вписано.*
[2] Устала в зиму. *вписано.*
[3] Да и не думала обо мне вовсе. *вписано.*
[4] Я помню ∾ холодной водой). *вписано.*
[5] Я поцеловал. *вписано.*
[6] *Далее было начато:* пом‹ню›

Я привык, чтоб она тут сидела и прежде, к песенке ее привык, как же я без нее?

Наталью призываю, та плачет, что́ она говорила, не жаловалась ли.

Я хожу, хожу, хожу. Как же я буду?

NB. Это уже во время песенки, как бы мимоходом: я знал, что я тогда потряс ее (навсегда) (в сцене с револьвером).

Я был уверен, что потряс ее.[1]

Я не хотел знакомств: определенный раз в месяц в театр и т. д. (у нее не было матери). Были сестры двоюродные — рубль.

Гроб белый, цветы (это я велел принесть цветы). Наталья принесла букет.

Кроткая. Стала ужасно молчалива и никуда не просилась. Песенка. Молодость.

С ним поговорила перед самым убийством очень ласково (и даже нечто игривое), но коротко.

Стояла, уперши в лоб руку и как бы улыбаясь (длинною улыбкою).

Она отвергла мою любовь. Запугал ее.

После револьвера, за чаем, посмотрела на меня скользя (судорожно) и вдруг на миг быстро улыбнулась, как бы ошибясь, и вдруг быстрая холодная дрожь мгновенно прошла по ее телу и лицу.

Служил в офицерах, касса ссуд, револьвер.

Каждое утро платил, по субботам (не чаще). Чистое белье.

Заставлял ее выдавать ссуды и записывать, не захотела, офицер стал ходить.

Я был обижен людьми (*мимоходом*: из полка я вышел по приговору офицеров, что не принял дуэли). Я хотел нажить очень немного, очень, тысяч тридцать, купить имение или выехать за границу.

Я высмотрел сиротку, которую *отдадут*.

---

[1] Я был уверен, что потряс ее. *вписано на полях.*

Я скитался по Петербургу, с рукой, ночевал в приютах. Жажда порядочности захватила меня, когда вдруг шесть тысяч получил.

Вот[1] как образовался мелкий тиран.

Она не знала, что я держу кассу ссуд. Я сказал — контору. Узнав про ссуду, она сначала была не очень удивлена, по потом.

Револьвер. Она была поражена. Она уважала меня?

Выдержав револьвер, я отмстил за всё моему мрачному прошлому,[2] — офицерам, меня выключившим, и позору скитания, и всему.

Я это понял несколько дней спустя после сцены с револьвером. Я долго понимал это. Я протягивал понимание нарочно на год, чтоб насладиться, и я наслаждался.[3]

Я был виноват — да, но меня довели, меня довели. (Это он в середине).[4]

Я ждал выстрела, но мне казалось, что если я побежду, то выстрела не будет (то есть пересилю).

Привел ее за руку, она села и с вызовом смотрела на меня, но она боялась, она боялась.

Она была *запугана* еще в доме. Она вышла за меня как за освободителя. Но я принял холодно. Ложный расчет! (NB. Хотели продать.) Я принял холодно, но сам помышлял: вот буду в клубнике-то.

NB. Вся катастрофа со свадьбы до револьвера произошла быстро, в 5 месяцев.

Строгое удивление. И в этом строгом удивлении, «тут только», *в первый раз* (!) я постиг — всё, чего не понимал я,[5] — ту совершенную и давнишнюю отчужденность ее от меня! А ведь я, представьте, я всё думал, что она меня любит и терзается любовью ко мне и угрызениями совести. *Я как деспот наслаждался этой мыслью все 1* $^1/_2$ года. (NB. Это — подчеркнутое — про себя и мельком.)

---

[1] Вот *вписано.*

[2] *Далее было:* и

[3] Я это понял ∾ и я наслаждался. *вписано на полях. На полях сверху, над текстом:* Револьвер. ∾ и я наслаждался. — *помета:* Здесь

[4] (Это он в середине.) *вписано.*

[5] всё, чего не понимал я *вписано на полях.*

Мельком. Костюм мой, старое пальто, но чистота (белье, например).

Ждал выстрела (и отмщал всем — и за руку, и за изгнание). Этого ничего не было (то есть в мыслях), но это всё сидело в том чувстве того мгновения.

В самом конце уже после: я хожу, хожу, хожу — я не знаю, презирала она меня или нет? Не думаю, что презирала, не может быть, чтоб презирала меня после револьвера![1] Странно ужасно: почему мне ни разу не приходило в голову во всё это время, что она меня презирает. Я в высшей степени был уверен в противном,[2] до самой той минутки, когда она поглядела на меня тогда с *строгим удивлением.* Тут-то я сразу понял,[3] и презрение понял,[4] безвозвратно, что она меня всё время, всегда[5] презирала. Ах, пусть, пусть! Пусть презирала, только — только как же она в гробу, а я один! Как же я один? Пусть бы презирала.[6] Давеча еще ходила, говорила...[7] Совсем не понимаю.[8] Она выбросилась из окошка. Это я знаю, теперь мертвая. Это тоже верю. Ну пусть бы встала и сказала. Одно бы только слово, поглядела б на меня и что-нибудь[9] сказала. Одно, одно...[10] Я опять позвал Лукерью. Я теперь не отпущу Лукерью...[11] Она много с ней говорила.

Она теперь в гробу, в зале. Я всё хожу. Я хочу себе уяснить это. Вот уж 6 часов как хочу сделать и всё не соберу в точку мыслей.[12] Это вот как было. Я далеко не литератор, и наплевать.[13] Я просто расскажу, расскажу, как сам понимаю. В том-то и ужас, что я всё понимаю. Это, если хотите знать, то есть если с самого начала брать.

... Она ко мне приходила закладывать вещь, чтоб публиковаться в «Голосе» о том, что вот, дескать, так и так, гувернантка, согласна и на отъезд, и уроки давать на дому.[14]

Принесла образ.[15]

---

[1] не может быть ∾ после револьвера! *вписано на полях.*
[2] Я в высшей степени был уверен в противном *вписано.*
[3] *Далее было начато:* что
[4] и презрение понял *вписано.*
[5] всё время, всегда *вписано.*
[6] Пусть бы презирала. *вписано.*
[7] *Было:* Давеча еще была жива, ходила, говорила...
[8] *Было:* Но не понимаю, совсем не понимаю.
[9] что-нибудь *вписано.*
[10] *Далее было начато:* За это всю жизнь
[11] *Далее было:* ни за что
[12] Вот уж 6 часов ∾ в точку мыслей. *вписано на полях.*
[13] Я далеко не литератор, и наплевать. *вписано.*
[14] *Вместо:* о том, что вот, дескать, так и так ∾ на дому — *было:* гувернантка, дескать, в отъезд
[15] Принесла образ. *вписано на полях.*

Что я был выгнан за дуэль — она это всё узнала.

Песенка, в неделю раз, всё слабее, я вдруг заметил. Встал, вышел (захотелось выйти), но дошел лишь до конца переулка. На улице загляделся — собака, лошадь, или поговорил с кем, стал задыхаться, воротился, прошел по комнате, сел, взял за ручку: «Скажи мне что-нибудь» (что-то глупое, потому что у меня дух захватывало). Вдруг с строгим удивлением (я ужасно удивился), но вдруг всё прошло, и я так и рухнул к ногам ее, целовал ей ноги.[1] Я, кажется, не много говорил, я только прямо сказал ей, что повезу ее в Булонь купаться в море. Я таял от любви к ней. *С ней припадок.*

Ричард Шекспира. О, я люблю поэтов, с детства, с детства. Я оставлен был один, в школе, по праздникам (никогда прежде о школе), с товарищами я был не товарищ, меня презирали. Мне только что прислали 3 целковых, и я тотчас же побежал купить «Фауста» Губера, которого никогда не читал. Я есмь зло, которое творит добро.[2] Вечером я купил лакомства, но мне стыдно было, потом я всё говорил — она молчала (вскользь всё), то есть, я вам скажу, она вовсе от меня не отворачивалась. Ей тяжело было со мной, это правда. Я это видел. Ох да! Но я думал, что всё пересилю![3] Но вовсе не отворачивалась. И так три недели. И главное, в последний день я рассмешил ее, рассмешил уходя.

Она отвергла мою любовь. Это пусть! Это пусть, но пусть она оживет, пусть она того хоть офицера любит, а я буду сзади, с другого тротуара смотреть.

Когда я обвенчался, я ввел ее в дом, гордясь своим превосходством.

Портрет папы, в Эрмитаже.

Она так и[4] *позабыла* о моем существовании.

---

[1] *Далее было начато:* С ней при‹падок›.

[2] *На полях рядом с текстом:* Песенка, в неделю раз ∾ творит добро. — *запись:* Я есмь зло. Это объяснил ей. Она: «Я понимаю».

[3] Я это видел. ∾ пересилю! *вписано на полях.*

[4] так и *вписано.*

Пусть бы подошла и упала передо мной молча, и мы[1] тут же бы обнялись, тоже молча.

Но она как бы забыла о существов<ании>.[2]

Я видел, что она начала меня любить.

Зачем я ей не рассказал мою жизнь? Но мне стыдно было. Я очень целомудрен. И *горд*. Не-е-ет! Тут что-то другое, а я не целомудрен и не горд. Впрочем, не в названии, а я только не сказал и дурно сделал.

Она поцеловала меня (я думал, через силу).

Ведь она готовилась, она чемодан укладывала.

Мне нравилась идея, что мне вот уже сорок один год, а ей нет шестнадцати, эта идея мне нравилась. Потому что ей не было 16-ти.

Купил Шекспира. Спросила меня: что такое компромисс? Я отвечал.

В тот раз она опять проспала на диване, одетая,[3] и еще два дня, а потом я молча купил железную кровать и ширмы и поставил в другой комнате.

Она сначала выходила выдавать (заклады), но одной даме выдала даром. Ссора.

Она спросила меня о дуэли.

Я вставал ночью и ломал над нею руки и плача и в радости говорил: «Всё же она жива... тут...[4] Я сделаю, я всё сделаю, и она увидит, еще есть время».[5] Она спала и не догадывалась, что я стою. Коечка ее маленькая, железная, дешевая, я 3 целковых всего на толкучем дал.

Я теперь Лукерью не отпущу, *она мне всё расскажет*.

---

[1] *Было:* я

[2] Но она ∾ о существов<ании>. *вписано.*

[3] одетая *вписано.*

[4] *Далее было начато:* Она

[5] еще есть время *вписано.*

Мелькающие фразы непременно в конце: «Я хотел перевоспитать характер». *ПОСЛЕДНЯЯ ФРАЗА*: «*Нет, однако же, как же теперь быть*».

Взять тон оскорбленного? Взять или нет? Или высокомерно спокойного?

Мелькали даже мысли. Зачем мелькали, они всегда при мне.[1]

По мере того как она укоряла, я нарочно был строг с закладчиками.

После выстрела. Я встал победителем, я был горд, это было нехорошо (гордиться). А ведь я добр, я добр. Но вот так изломан. Я захотел ей отмстить. Захотел или нет? Была мысль.

Всё это тогда, когда душа была в *трущобах унижения*, всё это сложилось во мне, чтоб отмстить... вот такому какому-нибудь существу, то есть не отмстить (я добр), а так, дать знать (*это я ей говорил, после объяснений*. NB).

Когда захочет сказать что-нибудь умное, то вдруг *слишком наивно* покажет лицом, что хочет сказать что-нибудь умное. Слишком поспешно. Так и видно, что она ужасно ценит и ум, и ужасно во многое верует, что незыблемо. Молодость. (Это я ей говорил *после объяснения*.)

Знаешь, я боюсь твоей интеллигенции, то есть я всегда подозревал интеллигенцию, быв уверен всё это время, но занят был этим вздором, а теперь.

Отрывок белового автографа (БА)

И ведь ей того только и хотелось, и она начала верить тому, что оставлю *так*! Поверила до того, что запела, и вдруг — я муж и мне надо любви, — вот чего она испугалась. А я-то, я-то думал, что она только и делает, что любит меня! Но завтра, завтра, она проснется, и я всё ей скажу... Главное, тут эта поездка в Булонь. Я почему-то думал, что Булонь это всё, что в Булони что-то заключается окончательное. В Булонь, в Булонь! Я с безумием ждал утра.

---

[1] Мелькали ∾ при мне. *вписано*.

1. О, я понимал беду иногда, но Булонь, и каждый день: завтра проснется — и я всё расскажу. *2.* Измучил. *3.* Несмотря на ее замешательство. *4.* Я вдруг сделал из нее друга. *5.* Исповедь. *6.* Касса — самобичев<ание>. *7.* В Булонь, несколько дней, 5 дней. О, я не выпущу <?> приготовле<ний> в Булонь. Она согласилась молча. *8.* А может, из деликатности. *9.* Я ей говорил — что́ я. *10.* Нарочно начал о постороннем. *11.* Grenade. *12.* Смеялась. *13.* Спокойствие, и ведь верил<а> же. *14.* Archeveque de Grenade. Стало быть, уж начиналось спокойствие. *15.* Я думала, что вы меня оставите *так*, — вот ведь что она произнесла! О, какое слово, слово десятилетней девочки! *16.* Образованнее меня. *17.* И как я припом<нил> — прежде анекдот. Пирожки. О, я плак<ал>. *18.* Плакала — особенно раз, когда сказал, что она остра. *19.* Истерики. *20.* Давеча, еще давеча подошла, ломая руки. *21.* Сложи<в> руки. *22.* Но она оправилась. *23.* Я спешил вернуться, без нее я быть не мог. *24.* Вошел, в воротах. *25.* Вот как было. *26.* Любопытно, уважала ли она меня? *27.* Знаю, не подсказывайте. *28.* *Опоздал!* [1]

ОГЛАВЛЕНИЕ (*Ог*)

Глава первая

Кроткая. Фантастический рассказ

От автора.
1) Кто был я и кто была она?
2) Брачное предложение.
3) Благороднейший из людей, но сам же и не верю.[2]
4) Всё планы и планы.
5) Кроткая бунтует.
6) Страшное воспоминание.

Глава вторая

1) Сон гордости.
2) Пелена вдруг упала.[3]
3) Слишком понимаю!
4) Только[4] пять минут опоздал.[5]
Объяснение.

---

[1] О, я понимал беду ∾ *Опоздал! — разрозненные наброски к разделам 3—4 главы II.*

[2] *Вместо:* сам же и не верю — *было:* сам-то ему не верю

[3] *Вместо:* вдруг упала — *было:* спадает

[4] *Было:* Всего

[5] *Вместо:* Только ∾ опоздал. — *было:* Убила не себя, а меня.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

Декабрь, глава первая, § IV

‹1›

Я никогда потом не мог разубедить себя в этой мысли, и, однако же, с тех пор прошло двадцать пять лет и утекло чрезвычайно много воды.[1] Впоследствии я пришел к личному моему убеждению,[2] что чем менее на твердой, естественной и народной почве стоит наше общество, тем сильнее в нем эта потребность «высшей мысли»[3] и «высшей жизни» и что в идеализме нашем заключается,[4] несомненно, как бы нечто болезненное, чего нет или мало у других наций.[5] В этом смысле[6] даже самый нигилизм есть, конечно, в основе своей[7] потребность высшей мысли. Нигилизм можно в этом смысле отчасти сравнить с атеизмом. То же самое *беспокойство*, которое увлекает и манит жаждущую веры душу к небесам, заставляет и атеиста отвергать веру в эти небеса. Атеизм есть только обманчивое спокойствие, ибо никогда атеизм не овладевает душою индифферентной (иначе он не атеизм, а лишь жалкий индифферентизм). Душа, успокоивающая себя полным отрицанием, может быть, всего более жаждет положительного подтверждения.[8]

Но этот идеализм как часто становится жертвою самой грубой средины. Особенно в последнее время, вероятно, с распространением полуобразования, кажется, всё больше и больше является[9] совершенно бездарных и развратных людей. При отсутствии всякой потребности в идеале и в высшей мысли, они тем не менее льнут к прогрессу, потому что около него им выгоднее. И, может быть, нигде на свете не распложается столько лакеев мысли и промышленников в либеральном деле,[10] как у нас в последнее

---

[1] *Далее начато:* Так даже

[2] Впоследствии я пришел к личному моему убеждению *вписано.*

[3] *Далее было:* и именно в самой юной части его, еще только лишь приготовляющейся жить

[4] *Было:* есть

[5] и «высшей жизни» ∾ наций *вписано.*

[6] В этом смысле *вписано.*

[7] в основе своей *вписано.*

[8] *Далее было:* Но сделав один вывод (о потребности идеализма), я в то же время сделал и другой, тоже по сие время при мне оставшийся и с [годам‹и›] течением времени еще укрепившийся. Это — что нигде на свете, кроме как у нас, может быть, нет столько мошенников и лакеев мысли, столько самого низменного подбора людей, как в так называемом классе интеллигентном. Это как бы полная и всегда присущая противуположность идеалистам. Это так называемая золотая средина, которая [как бы], кажется, так и родится бездарною и развратною. Между тем она

[9] *Было:* рождается

[10] *Вместо:* в либеральном деле — *было:* в либерализме

время, так как этим людям, без сомнения, живется легче на свете и так как они чрезвычайно нахальны, вследствие своего тупоумия,[1] то труждающаяся и обремененная молодежь наша, «молодежь идеала» — слишком легко подчиняется им окончательно и отдается им в полное рабство.[2] Отрицание для них — не высшая мысль и не потребность ее, а лишь право на бесчестье. Всякая высшая мысль, до которой они прикасаются, — немедленно ими опошливается. В будущем мечтательном[3] устройстве общества они видят лишь право[4]

‹2›

места и карьеры еще с школьной скамейки. Не то чтоб они были без страстей и вечно благоразумны. Напротив, благоразумие в них редко бывает, а страстишки бывают даже и сильные. Тут инстинктивное непосредственное ощущение почти с детства матерьяльного интереса и самосохранения во что бы ни стало.[5] Идеи великодушные, требующие труда, страдания и жертв, им могут быть знакомы, но редко волнуют их.

Но есть третий разряд, «самый несчастный».[6] Это юные и чистые души, с порывом к великодушию, с жаждою идеи высшей сравнительно с ординарными и материальными интересами,[7] управляющими обществом. Этими юными душами часто овладевают идеи сильные, всего чаще чужие, всего чаще у нас — захожие[8] европейские,[9] из разряда[10] сулящих счастье человечеству и для того требующих коренной реформы человеческих обществ. Эти идеи сваливаются на эти души как камень и как бы придавливает их на всю жизнь, — так, что вся остальная жизнь их состоит как бы из корчей и судорог под этим свалившимся на них камнем. Разумеется, все эти три разряда я привожу отвлеченно: на деле тут столько варьяций уклонений при благородном преследовании высшей цели; столько подчас сознательной плутни с самим собой, столько уступок подлости из видов высшего благородства, столько самолюбия и эгоизма в виде героических

---

[1] и так как они ∾ тупоумия *вписано.*

[2] *Вместо:* отдается им в полное рабство — *было:* отдается в рабство. *Далее было начато:* то, что для них есть высшая

[3] *Далее было:* так называемом реальном

[4] *Обрыв текста.*

[5] и самосохранения во что бы ни стало *вписано.*

[6] *Вместо:* «самый несчастный» — *было:* и самых несчастных

[7] *Было:* идеями

[8] *Вместо:* захожие — *было начато: а.* на *б.* привозны‹е›

[9] *Далее было начато:* всего чаще нравственные, великодушные [клоня‹щиеся›] сулящие счастье человечеству и требующие

[10] из разряда *вписано.*

жертв. Политические преступники из этого разряда часто преувеличивают вину свою при допросах единственно из самолюбия, так что жертва собою, которою думают они принести пользу обществу и «общему делу», явно обличается их эгоизмом, совершенным равнодушием к общему делу и служением лишь одному самолюбию.

Возьмите теперь ту среду, то общество, в котором возникает этот третий, «несчастный» разряд нашей молодежи, и спросите себя: может ли быть что-нибудь беззащитнее, а в наше время так даже [1]

---

[1] *Обрыв текста.*

ВАРИАНТЫ

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ. 1876

КРОТКАЯ

(Стр. 5)

Варианты чернового автографа (ЧА)

Стр. 5—6.

8–20 *Текста*: От автора. Я прошу извинения ∾ из всех им написанных. — *нет.*

Стр. 6.

21 I. Кто был я и кто была она / Глава 1-я. 1 ◊ [1]

22 еще всё хорошо / еще хорошо

23 поминутно / каждые десять минут ◊

23 а унесут завтра / а унесут ее завтра ◊

24–25 в зале на столе ∾ белый гроденапль / *а.* в гробу, в зале, гроб белый, белый гроденапль ◊ *б.* в зале, на столе, два ломберн‹ых› составили, в подвен‹ечном› плат‹ье›, а гроб — завтра ◊

25 а впрочем, не про то / а впрочем, я не то ◊

25–26 Я всё хожу и хочу себе уяснить это. / Я всё хожу. Я хочу себе уяснить это. ◊

28–29 Я просто расскажу по порядку. / *а. Начато*: Я просто расскажу, расскажу к‹ак› *б.* Я просто расскажу с самого начала и по возможности по порядку. ◊

29 (Порядок!) / (Порядок! Да в том-то и штука, что порядок.) |◊ *вписано на полях.*

29 Господа, я далеко не литератор / Я далеко не литератор ◊

29–30 *Слов*: и вы это видите — *нет.*

30 да и пусть / да и наплевать

31 всё / всё это

34 оплатить / заплатить ◊

36 *После*: и проч., и проч. — *вписано на полях*: [Одним словом] Дело известное. ◊

36–37 и я, конечно, не различал ее от других / *а.* и я даже ее не различил от других *б.* и я даже сначала ее и не различил от других ◊

37 приходит как все, ну и прочее *вписано на полях.*

37–38 А потом стал различать. / потом уже стал различать. ◊

39 как будто / как бы ◊

40–42 (я думаю ∾ как человека) / (я думаю, и со всеми чужими, меня, конечно, от других не различала)

43 И всё молча. *вписано на полях.*

---

1 *Над знаком главы дата*: 19 ноябр‹я› / 76

44 просят, торгуются ∾ что дадут / *а.* просят, она — что дадут *б.* просят, чтоб больше дали денег за их заклад, эта нет; что дадут ◊
44–45 *Фразы*: Мне кажется, я всё путаюсь. . . — *нет.*
45 Да; меня прежде всего / Меня прежде всего ◊

Стр. 7.

1–2 дрянненький медальончик / дрянненький какой-то медальончик прошлого столетия ◊
2 *Слов*: вещи в двугривенный — *нет.*
2–3 знала, что цена им гривенник / знала им цену
2–3 что цена им гривенник *вписано на полях.*
3 я по лицу видел / я видел ◊
3 они для нее / они ей ◊
4–5 оставалось у ней от папаши и мамаши / оставалось ей от папы и мамы [Я после уз<нал>] ◊
5–5 позволил себе усмехнуться на ее вещи / позволил себе усмехнуться ◊
7 с публикой / с закла<дчиками>
8 вежливо и строго. «Строго, строго и строго». / вежливо, но строго; строго и строго.
9 (то есть буквально) / то есть буквально остатки ◊
10–11 и я не удержался ∾ как бы остроты / *а.* и я не удержался, что-то ей сказал *б.* и я не удержался, отказал и что-то такое прибавпл острое ◊
12–13 не выронила / не сказала
13 вышла / молча вышла
13–15 Тут-то я и заметил ∾ в особенном роде. / Тут-то я ее и заметпл *особенно* и подумал что-то о ней тогда же, так что-то, не помню [Но подумал] что, но что-то именно в особенном роде. ◊
15 Да; помню и еще / Помню и еще ◊
15–16 впечатление / одно впечатление ◊
18 тогда уж было / тогда было ◊
19–20 *Фразы*: А впрочем ∾ не в том был синтез. — *нет.*
23 принял однажды камей / принял камей ◊
23 *Слов*: (так, дрянненький) — *нет.*
24 ничего / ничего, ни-че-го ◊
25 *После*: допустил камей. — который вещь любительская, а на рынке ничего пе значит. ◊
26 это я помню / я иомню ◊
28 вещица так себе, любительская / *а.* вещь хорошая *б.* вещица так себе ◊
29 *Слов*: потому что мы — только золото — *нет.*
31 это сухость / сухость ◊
32 я не удержался и сказал / я сказал ◊
32–33 *Слов*: как бы с некоторым раздражением — *нет.*
33 а / ведь
33–34 у вас Мозер не примет / никто и нигде не примет ◊
34 я особенно подчеркнул / я нарочно оттенил ◊
34–35 *Фраза*: Слово «для вас» ∾ в *некотором смысле.* — *вписана на полях.*
34–35 и именно в *некотором смысле* / в некотором смысле ◊
35 *Фразы*: Зол был. — *нет.*
36–37 пе бросила денег ∾ А как вспыхнула! *вписано на полях.*
36–37 то-то бедность / то-то бедность-то ◊
37 А как вспыхнула! / А как вспыхнула-то! ◊
37 Я понял, что уколол. / Но я понял, что уколол ее. ◊
37–38 она уже вышла / она ушла
38 спросил себя / сказал себе
39 *Фразы*: Хе-хе-хе! — *нет.*
39–40 Помню, что ∾ «Стоит ли? стоит ли?» / *а.* И задал вопрос: «Стопт лп?» *б.* И, помню, задал вопрос два раза: «Стоит ли? стоит ли?»
41–42 Очень уж я тогда развеселплся. / Очень уж я весело тогда смеялся. ◊
41–44 Очень уж я тогда ∾ на ее счет мысли. *вписано на полях.*

42 Но это было / Но было
42–43 я с умыслом, с намерением; я ее испытать хотел / я с умыслом, с намерением ее испытать хотел ◊
43–44 потому что у меня ∾ на ее счет мысли / *а. Начато*: У меня з‹ародилась› *б.* потому что у меня вдруг зародилась некоторая на ее счет мысль ◊
46 Ну вот с тех пор / С тех пор ◊
46–47 Разумеется ∾ все обстоятельства стороной / *а. Начато*: То есть я так объясняю, что началось, но *б. Начато*: Скажу вперед, что я, разумеется *в.* Разумеется, я разузнал тотчас и все обстоятельства *г.* Разумеется, я тотчас же постарался разузнать и все обстоятельства ◊

Стр. 7—8.

47–1 и ждал ее прихода ∾ скоро придет. *вписано на полях.*

Стр. 7.

48 Я ведь предчувствовал / Я ведь знал ◊

Стр. 8.

1 Когда пришла / *а. Начато*: Дело в том, что *б.* Когда она пришла ◊
2–3 Я ведь ∾ имею манеры. Гм. / *а.* Я ведь прекрасно воспитан и сразу поразил ее. *б.* Я ведь прекрасно воспитан и имею манеры, я сразу поразил ее. ◊
3 Тут-то я догадался / Я тут догадался ◊
5 никак не умеют / не умеют ◊
6 *После*: скупо — очень даже ◊
6–7 только сами не уставайте, если вам надо / только не уставайте ◊
8 Это потом уже ∾ я узнал. / *а.* Это потом уж я про «Голос» узнал. *б.* Это потом уж я про «Голос» и про всё это узнал, но узнал-таки. Все они так. ◊ *Слова*: но узнал-таки. Все они так. — *вписаны на полях.*
10–13 согласна в отъезд ∾ и т. д., и т. д., всё известное! / согласна и на отъезд, и условия, дескать, присылать в пакетах, и т. д., и т. д., а потом: согласна на всё, и учить, и в компаньонки, и за хозяйством смотреть, и за больной ходить могу, и шить умею. ◊
13–14 Разумеется, всё это ∾ в разные приемы / *Начато*: Разумеется, всё в разные приемы
14 а под конец / и под конец ◊
15 так даже и / так даже
15–16 *После*: Нет, не нашла места! — Про это я всё [потом от нее] узнал [то есть подробности, а я только тогда, помню, взял да испытал ее раз: я взял «Голос». Зная все-таки, что она публикуется, я [как] вдруг как добрый [вдруг] заговорил, что вот бы вам в «Москов‹ские› в‹едомос›ти» послать, в Москве-то, может, скорей найдете место. Она вдруг догадалась, что я всё знаю, и так внимательно и доверчиво посмотрела, [так] что мне истинно жаль стало:
— Да я ведь здесь, как же я в Москву попаду?
— По почте объявление пошлете в редакцию. Там не дороже здешнего. *Я вам пошлю*, коль поручите.
— Ну а как потом в Москву попаду?
— А нанимающий вышлет денег. . .
— Ну это. . . [нет] Кто же вышлет. . . Там тоже, должно быть, своих много публикуется.
Действительно, я сказал глупость, но мне хотелось не то: [я]] ◊
16 Я решился ∾ испытать / И как подошло к отчаянию, я решился ее в последний раз испытать *вписано на полях.*
18 особа / девица ◊
18 ищет места / ищет место ◊
19 преимущественно у пожилого вдовца / *Начато*: у вдовца один‹окого›
19–20 Может облегчить в хозяйстве. / Может заниматься хозяйством. ◊
21 видите / дескать

21 сегодня утром / *Начато*: у‹тром›
22 место нашла / найдет. . . занятие ◊
22 *Фразы*: Вот как надо публиковаться! — *нет.*
23–24 и тотчас ушла / ушла [Придешь, думаю] ◊
24–25 Впрочем, я был тогда ∾ и не боялся / Впрочем, я был уверен и к тому же я уже не боялся, что [она] рассердится ◊
25–26 никто принимать не станет / никто не принимает ◊
26 уже вышли / *а.* вышли. *б.* даже вышли ◊
27 приходит / *а.* пришла *б.* приходит опять ◊
27 такая / и такая ◊
28 что-то вышло дома / что-то есть
28 и действительно вышло / и действительно было
29 что вышло / что было
29–30 как я вдруг ей тогда шику задал / как я вдруг ей шику задал ◊
30–31 Такое у меня вдруг явилось намерение. / Мне это вдруг захотелось, и я разом поднялся. ◊
32 *Слов*: (решилась принести) — *нет.*
33 а то я всё путался *вписано на полях.*
34 всё это хочу припомнить / всё хочу припомнить, всё хочу припомнить ◊
35–36 *После*: эти черточки, черточки. . . — Ну да уж что!
37–38 *Слов*: домашний, семейный, старинный — *нет.*
40 Говорю / Я говорю
40 *Слов*: а образ унесите — *нет.*
43 *После*: вам самим. . . — *начато*: довер‹ить› ‹?› впр‹очем› ‹?›
45 *Слов*: не буду снимать, а — *нет.*
46 *После*: с другими образами — а расписку и писать не будем
47 *Слов*: как открыл кассу — *нет.*
47–48 просто-запросто / просто ◊
48 *После*: десять рублей — *начато*: а я вам

Стр. 9.

1–2 *Слов*: я непременно выкуплю — *нет.*
3 *После*: прибавил я — *начато*: с усм‹ешкой›
6–7 и если теперь ∾ что я вынес. . . / и если теперь вы видите. . . то теперь, после всего, что было. . . [теперь] ◊
8 Вы мстите / А теперь вы мстите ◊
8 перебила / спросила ◊
9–11 в которой было ∾ безобидно сказала) / но в которой, впрочем, было много [веселости] невинного, так что почти безобидно ◊
12–13 *Слов*: нового направления — *нет.*
14–15 заметил я тотчас же полушутливо-полутаинственно / *а.* сказал я вдруг ей тоже шутливо *б.* заметил я тотчас же шутливо ◊
15 Я — я есмь / Я есмь
17 *После*: быстро — внимательно
19 *После*: Постойте. . . — да
19 Что это / Что же это
19–20 Откуда это? Я где-то слышала. . . / я как будто. . . Как будто уже слышали? читали? ◊
21 в этих выражениях / с этими выражениями
24 То есть не читали вовсе. Надо прочесть. / То есть, может быть, и не читали, — заметил я, не пощадив. — Надо прочесть внимательно. ◊
25–26 не предположите во мне так мало вкуса / не полагайте [во мне], что во мне так мало вкусу ◊
28 Закладчик закладчиком и останется. / *Начато*: Закладчик закладчик и есть, а
28 Знаем-с. / *Начато*: Этого не скрасишь [а у меня] ◊
31 Ей хотелось сказать / Ей, конечно, хотелось сказать ◊

32 не сказала / не сказала ничего ◊

32–33 зато я знал ∾ угодил ей / Зато я знал, что она это подумала и что я удивил ее

Стр. 9—10.

34–1 Видите, — заметил я ∾ ничего не забыл! *вписано на полях.*

Стр. 9.

34–35 — Видите, — заметил я ∾ делать хорошее. / — Видите, — заметил я на прощанье, — на всяком месте много можно сделать хорошего [а потому я за мое место, на которое, по крайней], где бы вы ни были и у какого бы дела ни поставила вас судьба. ◊

35–38 *Фразы*: Я конечно ∾ ничего не делаю, но. . . — *нет.*

37–38 Конечно можно делать ∾ смотря на меня. / Конечно можно много сделать на всяком месте хорошего, — ∾ сказала она проникнутым голосом, смотря на меня. ◊

39 Именно на всяком месте, — вдруг прибавила она. / И именно на всяком [месте, — сказала она. . . но только она мне это сказала], — она вдруг прибавила, и так, что как будто меня пронзило. ◊ *Далее помета*: (См. усиленно серьезно.).

39 О, я помню / О, я помню, я помню ◊

41–42 такое умное / умное ◊

42–43 покажет лицом, что / *Начато*: покажет лицом, что хочет

43 говорю тебе теперь умное / говорю тебе умное ◊

44–45 а так и видишь / а так и видишь весь ◊

45–46 и верует, и уважает / *а.* и верует в это, уважает это *б.* и верует в это, и уважает ◊

46 *Слов*: как она — *нет.*

47 О искренность! / О молодость, о искренность! ◊

Стр. 10.

1 Помню / О, помню! всё помню! ◊

2 я разом порешил / *а.* у меня в первый раз вошла в голову эта мысль *б.* я разом всё порешил ◊

3 на последние поиски / на поиски ◊

3–4 прежнюю подноготную я знал уже всю / а прежнюю подноготную я знал уже давно всю ◊

3–5 *Слова*: прежнюю подноготную ∾ подкупил. — *вписаны на полях.*

5 что я / что уж я ◊

7 смеяться / засмеяться

7 *После*: давеча — или

7 любопытствовать / полюбопытствовать

7–8 о словах Мефистофеля ∾ под таким ужасом. / *а.* о словах Мефистофеля? *б.* о словах Мефистофеля, сама будучи под таким впечатлением. ◊

8–12 Но — молодежь! ∾ да великодушна. / *а.* А впрочем, молодость [а молодость и] и — что всего важнее — некоторое великодушие: и на краю, дескать, гибели, а слова Мефистофеля поразили и хоть минутку внимания, а уделила им. *б.* Но молодость и — что всего важнее — великодушие молодости, потому что молодость всегда хоть капельку, хоть в кривую сторону, да великодушна. Дескать, хоть и на краю гибели, а великие слова Гете поразили внимание. Я это тогда же оценил, я очень умею ценить. ◊

12–15 *Текста*: То есть я ведь про нее ∾ когда уж не сомневаешься-то. — *нет.*

16–17 то когда я соберу всё в точку / то когда же я кончу ◊

17 дело / главное дело ◊

18 II. Брачное предложение / 2 ◊

20 перед тем / перед этим

21 *После*: у беспорядочных теток — *начато*: *а.* Одна тетка так *б.* Это

22 другая / другая тетка ◊

26 как бы из высшего мира / *а.* гораздо над ними вверху *б.* поверх этого мира *в.* как бы из высшего над ними мира ◊
26–27 штабс-капитан / поручик ◊
27 блестящего полка *вписано на полях.*
27 блестящего / известного
27 независим / независимый
27 *После*: и проч. — Главное, деньги ◊
28 только с уважением / даже с уважением только ◊
30 успела выдержать, урвалась выдержать / успела-таки выдержать, урвалась ◊
30–32 урвалась ∾ с ее стороны *вписано на полях.*
31–32 а это значило ∾ с ее стороны / значит, каков же характер, то есть в стремлении к высшему и благородному. ◊
32–34 *Текста*: Я ведь ∾ И в этом ли дело! — *нет.*
35 не только белье / *Начато*: не только белье чинить
35 а / но ◊
36 били, попрекали куском / [побили] били, буквально попрекали куском ◊
37 намеревались / вознамерились ◊
37 *После*: продать — но тут вышла сцена, так что она, кроткая, даже в часть бегала ◊
37 грязь подробностей / подробности
38 передала / *а.* рассказывала *б.* рассказала ◊
39–40 а с двумя бакалейными / а богатый, с двумя бакалейными ◊
40 вот *вписано на полях.*
41 Тихая, дескать / Эта — тихая
41 а я для сирот / а я ведь для сирот ◊
42 *После*: сироты — *начато*: Стал
42–44 Присватался ∾ она в ужасе. / Присватался, стал сговариваться с тетками, а она в ужасе. Кроме того, ему уже 50 лет. Она, разумеется, в ужасе. ◊
44 зачастила ко мне для публикаций / *а.* зачастила ко мне с публикациями *б.* *Начато*: зачастила ко мне с заклад‹ами›

Стр. 11.

1 дали подумать / *а. Как в тексте. б.* дали ей подумать ◊
1 Дали ей эту капельку / *а.* Дали капельку *б.* Дали эту капельку ◊
1 только одну / только одну капельку ◊
2 жрать / есть ◊
3–4 Я уж это всё знал ∾ и порешил. / Это я всё узнал, сообразил и порешил. ◊
6 шепнуть / шепнуть ей ◊
7 *После*: в самом неотложном виде. — [Она] Вышла [ну] а я наверх, разом [кончилось] кончили. [Меня, разумеется, предпочла.] ◊
7 *После*: доволен — в тот вечер ◊
8 *Фразы*: И вообще я весь тот день был ужасно доволен. — *нет.*
10 я *вписано на полях.*
10 сочту за счастье / я сочту за счастье
10–12 Во-вторых ∾ обстоятельства дела». / Второе: растолковал, чтобы не [удивилась] удивлялась моей манере: [я] человек, дескать, я прямой. ◊
12–13 *После*: И я не врал, что прямой. — А впрочем, врал иль не врал?
13–14 то есть выказав человека с воспитанием / то есть видимо выказав человека с манерой ◊
14–15 а это главное. / а это-то и главное. Это-то их [очень молодых] и поражает и пленяет, а я бил на то. ◊
15–16 Что ж, разве ∾ сужу. *вписано на полях.*
16–17 *Текста*: Я должен говорить pro и contra ∾ хоть это и глупо — *нет.*
17–18 я прямо объявил тогда / *а.* я прямо сказал *б.* я прямо объявил ◊

18–19 без всякого смущения, что, во-первых, не особенно талантлив / безо всякого, знаете, смущения, что [я] не особенно талантлив ◊

21 *После*: остался доволен) — *вписано на полях*: я и теперь доволен, вспоминая это ◊

22 очень, очень может быть — заключаю / очень, очень может быть, что заключаю

22–23 много неприятного и в других отношениях / слишком много [неприятного] неприятных вещей и во многих других отношениях ◊

24 известно / вы сами знаете

24 *После*: как это говорится — *а*. С достоинством. *б*. Особенно если человек говорит благородную правду. ◊

24–27 Конечно ∾ то-то и это-то». / Я имел настолько вкуса и высокого чувства, что, объявив мои недостатки, не пустился объявлять достоинства: «Но, дескать, я имею то-то, то-то, то-то»... и отлично сделал — потому что она сама, естественно, начала тотчас же искать достоинств. ‹*вписано на полях*› [Я] Вскользь прибавил, конечно, что я [обеспеч‹ен›] довольно обеспечен и если чем могу похвалиться, то разве твердым характером. ◊

27 Я видел / И хоть я видел ◊

27 боится / *Начато*: боялась и спраши‹вать›

28 *Слов*: видя, что боится — *нет*.

29 прямо / и прямо ◊

30 *После*: ничего не будет — пока ничего. [Чем дольше я говорил, тем больше мне самому нравилось.] ◊

30–31 разве впоследствии ∾ достигну / разве впоследствии, когда главной цели достигну. У меня, дескать, цели. ◊ *вписано на полях*.

31 решительно увлекал меня / решительно удавался

31 *После*: увлекал меня. — «Лучше, дескать, я потом вдруг выкажусь ей мягче [а сначала нечего очень стлать] [думал я] [решил я], когда она уже войдет ко мне в дом, и она приятно удивится и, разумеется, впятеро будет ценить». ◊

32 если я и взял / если и взял ◊

33 *После*: эту кассу — *вписано на полях*: (а это главное надо было прибавить, я ведь и тогда всё понимал в ее взгляде) ◊

33 одну лишь цель / одну цель ◊

33–34 есть, дескать, такое одно обстоятельство... / *а*. есть обстоятельства и что, наконец, таков век. *б*. есть, дескать, такие обстоятельства, вскользь упомянул и про направление века. Одним словом, я пустил несколько загадочных и таинственных фраз, чтоб подкупить юное воображение. ◊

34 Но ведь я имел право так говорить / [Я ведь имел] Но ведь я имел право на то ◊

35–44 я действительно имел такую цель ∾ можно подкупить воображение. / я действительно имел цель, я всю жизнь сам первый ненавидел эту кассу (ненавидел ли, однако? есть ли у нас в ком ненависть ко злу серьезная?), и ведь, в сущности, хоть и смешно говорить самому себе таинственными фразами, а я «мстил же обществу», как сострила она утром, то есть, видите ли, скажи я ей [прямо] прямыми словами [что]: «Да, я мщу обществу», — и она бы усмехнулась, как утром, и вышло бы в самом деле смешно, ну а косвенными намеками и таинственным видом оказалось, что можно подкупить и воображение [и волю], а [затем], стало быть, и волю. ◊

44 К тому же я / К тому же и я

44 я тогда уже / я ведь тогда уже ◊

46 гаже меня и что я / гаже меня и я

46 я, стоя у ворот, являюсь освободителем / я, как ни верти, а являюсь «освободителем» ◊

Стр. 11—12.

46–2 *Текст*: Понимал же ведь я это ∾ судить человека? — *вписан на полях*.

2 Но подлости ли? / (Но подлости ли? подлости ли?) ◇

2 Как ведь тут судить человека? / Как судить человека? Ну-тка, судьи, вставайте судить, подымайте камни! ◇

2–3 *Фразы*: Разве не любил я ее даже тогда уже? — *нет.*

4 Постойте ∾ ни пололова / *а.* А между тем о благодеянии ни слова *б.* А между тем о том, что я совершаю благодеяние, я, конечно, ни слова ◇

5–6 «Это *я*, дескать, остаюсь облагодетельствован, а не *вы*». / «Это я, дескать, вами облагодетельствован, а не вы мной». ◇

6 Так что я это даже словами выразил / Это я даже выразил ◇

7–8 и вышло, может быть, глупо ∾ в лице / и вышло, может быть, нехорошо, потому что заметил складку в лице ‹*вписано на полях*›. [А что так оригинально, у ворот, к теткам не заходя, то ведь она тем-то самым и поняла, что я всю подноготную про нее знаю и что мне, стало быть, надо ее слово, ее, которую я, напротив, освободить пришел, а не теткины принужденья.] ◇

8 Но в целом решительно выиграл. / *а.* Одним словом, я выиграл. *б.* Но в целом я несомненно выиграл. ◇

8–10 *Слов*: Постойте ∾ в голове шевелилось — *нет.*

10 ты высок, строен, воспитан / К тому же мне хоть и сорок лет, но я высок, строен, сухощав, воспитан ◇

11 ты / я ◇

11–12 Вот что играло в моем уме. / Кто недурен собой [наверно, про это знает], то, право, знает про то. [(Ведь простительно же, а?)] ◇

12 Разумеется, она тут же / Она тут же ◇

13–14 долго думала / подумала, и даже долго думала ◇

14 Так задумалась, так задумалась / Так задумалась ◇

15 «Ну что ж?» / «Ну что же-с?» ◇

16 *Слов*: «Ну что же-с?» — с словоерсом. — *нет.*

18–19 И такое ∾ мог прочесть! / *а.* И такое у ней было серьезное, грустное личико, задумчивое. Так, что я даже не ожидал. *б.* И такое у ней было серьезное, грустное личико при этом, что я даже не ожидал. *в.* И такое у ней было серьезное, грустное личико, такое, что я даже не ожидал. ◇

19 *Слов*: А я-то обижался — *нет.*

19 Неужели, думаю, она / Неужели она ◇

20 *После*: выбирает?» — [подумал я] подумалось тогда мне вдруг ◇

20–21 О, тогда ∾ тогда не понимал! / *а.* О, тогда я не понимал, о, тогда я не понимал. *б.* О, тогда я не понимал, ничего-то я тогда не понимал. ◇

21 *Фразы*: До сегодня не понимал! — *нет.*

22 за мною вслед / мне тогда вслед ◇

22 когда я уже уходил / когда я уходил ◇

23 сказала впопыхах / сказала мне со слезами ◇

23–24 что нашу барышню / что вы нашу барышню ◇

24 только вы ей это не говорите, она гордая / только вы ей не говорите, что я вам это сказала, — прибавила, — она [такая] гордая. Я ушел с гордостью, а Лукерью положил взять к себе. ◇

25–28 Ну, гордая! ∾ О, как я был доволен! / *а.* Ну, гордая! — подумал я [я люблю гордых], — и ушел ужасно довольный. О, как я был доволен! *б.* Ну, гордая! — подумал я. — Я люблю гордых. Гордые особенно хороши, когда, ну, когда покоряются вам, не правда ли? О, низкий, неловкий человек! [Но как я был тогда доволен.] О, как я был доволен! Слепец! Слепец! Теперь не слепец. Ничего-то, ничего-то я тогда не понимал. Вот теперь так понимаю. Теперь понимаю, именно всё понимаю теперь. ◇

28–30 Знаете ∾ такая мысль / *а.* Знаете, может быть, даже такая мысль *б.* Потом она и объясни: просто-запросто у ней была такая мысль *в.* У ней была такая мысль ◇ *К этому тексту — наброски*: *1.* Знаете, когда она тогда стояла задумавшись, чтоб отве‹тить› *2.* У ней была

такая мысль, когда стояла задумавшись, чтоб ответить мне «да»: если уж *3*. У ней могла быть вот какая мысль

32 лавочника, пусть поскорей убьет пьяный до смерти! / купца, который забьет ‹*нрзб.*›, а не закладчика, который цитует из «Фауста».◊ *Слова*: а не закладчика ∾ из «Фауста» *вписаны на полях.*

32–33 А? Как / *а*. А как *б*. Как ◊

33 могла быть / может быть

33 *После*: мысль? — почему же ведь она так долго стояла. Ну а я этого тогда не понял.◊

34–35 Я сейчас ∾ эту мысль / *а*. Я сейчас написал, что могла быть мысль *б*. Я только что сказал, что могла быть у нее мысль ◊

37–38 я аль купец? ∾ Гете? / *а*. я иль купец? я иль купец? *б*. я иль купец? я иль закладчик, цитующий Гете? [1]

38 Это еще вопрос! / Это еще ведь вопрос! ◊

8–39 И этого не понимаешь / И этого не понимаю ◊

39 ответ на столе / ответ там на столе ◊

39 а ты говоришь / а я говорю ◊

39 *После*: ты говоришь «вопрос»! — *разрозненные наброски к разделам 3—5 главы I*: *1*. 40 лет. *2*. Я отбил. Опускаю грязь. Подарил, а купец ничего. Я было хотел свадьбу à l'angl‹aise›. Она не позволила, теткам оказано было всё надлеж‹ащее› почтен‹не›. Дал я им по 100 руб., подарил, а купец. Но я дал слово, что потом. Женился. Я *приучал ее*. Кусок, рубль. Было мгновение, что любила. *3*. Усилить строгость, так я и в дом ввел ее под строгостью. *4*. Началось скоро. *5*. Молодежь презирает деньги. Я напер на деньги ‹*рядом помета*: Закладчик›, так что она всё больше и больше умолкала. Я этого не боялся. Я знал, что женщина усвоит тон мужчины, а любящая всё усвоит и обоготворит. В любви же ее я был уверен. О, любовь я хотел создать. ‹*К последней фразе незачеркнутый и незаконченный вариант*: Но любовь-то я и хотел.› Главное, я был уверен, любит. Главная мысль та, чтоб не мямлить, не лизать с самого начала, а [показаться оригинальным] поразить воображение. Ну что, закладчик. Значит, есть же причины, коль такой великодушный человек и т. д. Если надо ошибить, испугать если надо, даже тем лучше. Суров, горд и в нравственных утешениях ничьих не нуждается. Страдает молча. Увидит, что есть великодушие, только она не умела видеть, тем более станет ценить. Не правда ли? Не правда ли, что было хорошо. Но... но все-таки это была игра. Ну а на вопрос, перед ней стоящий: «Для чего ж женился?» — ответ даю ‹?›: а для того, чтоб облагодетельствовать ее же, оттого что великодушен, увидел несчастную, погибавшую, погибшую. И не требует благодарности. Хочешь люби, хочешь нет. Вот это-то и главное. Это я тогда выдумал. Вот всё ходя. Выдумал? [Я сам] Ничего не выдумал, оно так и было. Я совершенно так в себя верил. Ну а потом, потом, думал я, потом, когда она уж будет достаточно испугана и юная целомудренная гордость побеждена, — потом я ей выложу мои чувства. Я позволю ей наконец заглянуть в мое сердце, и она так и бросится. Вот как я мечтал. О, господи, так оно всё и было. Я не то что верил, я так и поступал. Я и любил ее так, — именно как за создание мое, как за существо, которому я дал свет и жизнь. *6*. Я ошибся. *7*. Кто тут 1-й начал, но у нас с первого шагу пошло неладно. *8*. Ввел в дом, рубль, театр, книги. *9*. Я ей еще в невестах сказал, что рубль, в месяц раз в театр, 2 комнаты, чинить белье. Это ничего не испугало. *10*. Строгость с [довер‹ителями?›]. Закладчики. Она молчала, но странно приглядывалась, и я усилил. ‹*Рядом с записями 9, 10 помета «Здесь как с горы», несколько выше карандашом еще раз «С горы».*› *11*. Началось с далекого, началось и раньше с приглядывания (не гордость, а заносчивость). *12*. *Белье* жене. Жену надо прельщать изя-

[1] *Так в рукописи.*

ществом. *13*. Закладчик, деньги, процент. *14*. Мои деньги. *15*. Я не сдержался и сказал ей. Топанье ног. *16*. Стал к теткам. Одна шельма — офицер. Продал за 200 руб. *17*. Дуэль. «Как, вы струсили дуэли?» ‹*Под этой записью стоит цифра «5», обозначающая, по-видимому, что данный эпизод войдет в раздел 5 главы I.*› *18*. Свиданье с офицером, револьвер. Я вошел и взял ее, револьвер.

39 Да и / Да ◊

39–42 Да и наплевать ∾ Голова болит. . . *вписано на полях следующего листа рукописи.*

40 Не во мне совсем дело. . . / Не в том дело, не во мне дело. ◊

40–42 *Текста*: А кстати ∾ решить не могу. — *нет.*

43 III. Благороднейший из людей, но сам же и не верю / [4] 3. Через полюс ◊

44 Не заснул. ∾ в голове. / *а*. Одним словом, я ее тогда отбил. Отбил у купца и у теток. *б*. Я опять-таки продолжаю. Не могу оторваться. В голове вихрь. ◊

44–45 Хочется ∾ О, грязь! / Опускаю всю грязь [этих] подробностей. Именно грязь. ◊

46 *После*: вытащил! — Ведь [тетки ее продать хотели!] если б не купец, тетки бы ее продали. Буквально, буквально! А не то — хоть на улицу, решительно некуда идти. Но опускаю грязь [подробностей]. Всё это возмущает душу. ◊

Стр. 12—13.

46–1 Ведь должна же ∾ мой поступок! / Одним словом, она поневоле должна была оценить мой поступок. [Я был заручен и знал это. То есть тогда я не сомневался и вообще в то время я был в хорошем расположении.] Тем-то я и был заручен и знал это. То есть тогда я не сомневался. Я очень, очень долго ни в чем не сомневался. И вообще в то время я был в хорошем расположении. ◊

Стр. 13.

1–2 Нравились ∾ сорок один / *а*. Нравилось мне тоже знаете что? Что мне сорок первый *б*. Нравилось мне тоже знаете что: представьте себе, мне нравилось, что мне сорок первый ◊

2–4 Это меня пленяло ∾ очень сладостно. / Тут есть какая-то сладострастная мысль в этом ощущении. Впрочем, не низкая: низкая если и всё в этом, то есть как у толстого купца, а я — я хотел любить ее искренно, искренно излить все дары, но — сначала приготовить ее, обделать ее, так сказать, пересоздать и переформировать. Я начал эту переформировку еще женихом. Кое в чем, впрочем, я ей уступил. ◊

5 например / и например ◊

7 *После*: в Москву — *начато*: в гости‹ницу›

7–8 (там у меня кстати же случилось дело) / (где у меня были дела) ◊

10 как к родственницам ∾ ее / чтоб видеться с нею ◊

11 надлежащее / *а*. всё должное *б*. всё надлежащее, она на этом сама настояла ◊

11–12 Я даже подарил этим тварям / [Мало того] Я даже подарил теткам ◊

12–13 ей, разумеется, про то не сказавши / *а*. ей то не сказывая *б*. про то ей не сказывая

13 чтобы не огорчить ее низостью обстановки / Но надо же было победить теток. ◊

13–14 Тетки тотчас же стали шелковые. / *а*. Сделались шелковые. *б*. Сделались тотчас шелковые. ◊ *Далее вписано на полях*: (А купец и об этом не позаботился: он только торговался и всего один фунт леденцу из своей лавки привез.)

14–18 у ней ничего не было ∾ наплевать обо мне. / у ней ничего не было, и она ничего не хотела, то есть от меня, потому что кто бы ей что сделал. Мне, однако же, удалось доказать ей, что совсем ничего —

нельзя. Сделали всё самое скромное, на мой счет разумеется, чтоб ее не обидеть, а когда делали, я как можно меньше об этом говорил. ◊

18–19 Разные мои идеи ∾ успел тогда передать / В Москву ехать отложили, но [идеи свои] основные мои идеи я ей все-таки передал ◊

19–20 *Фразы*: Поспешил даже, может быть. — *нет*.

22–24 рассказывала своим лепетом ∾ про отца и мать / рассказывала таким страстным лепетом всё, детство, младенчество, про папашу, про мамашу ◊ *Далее вписано на полях*: И знаете [про], она на теток мне вовсе не жаловалась: напротив, умалчивала, скрывала, их в другом свете выстав‹ляла›. Система.

24–25 всё это упоение тут же обдал сразу холодной водой / всё это упоение обдал [отчас‹ти›] сразу холодной водой [Признаюсь] [Так я тогда рассчитал] ◊

25 в том-то / в этом-то ◊

25 *После*: идея — и я только, может быть, слишком уж поспешил передать ей ◊

26 но всё же / но. . . но всё же ◊

27 увидала, что мы разница и что я — загадка / *а. Как в тексте. б.* увидала, что я — загадка ◊

27–28 А я, главное / *а.* Я, главное *б.* А я-то ◊

28–29 *Фразы*: Ведь для того ∾ глупость сделал! — *нет*.

30 и в дом ее ввел / и в дом ввел к себе ◊

32–34 Да и нельзя было иначе ∾ клевещу-то на себя! / Да и нельзя было иначе, я должен был создать эту систему, иначе как бы я объяснил кассу ссуд. ◊ *вписано на полях*.

34 Система была истинная. / Система истинная. Я объясню. ◊

35 то судить / так судите ◊

37 это очень трудно / это трудно ◊

39–40 я напер на деньги / То есть когда тотчас же? А вот тогда женихом в ответ на ее упоение. ◊

44–45 привить широкость ∾ не так ли? / привить широкость [взгляда] взгляду, прямо к сердцу привить, к сердечному взгляду, — да так и надо было, не правда ли? не правда ли? ◊

Стр. 13—14.

46–16 Возьму пошлый пример ∾ и я стоил того. / Я тотчас же дал знать, почти молча, полусловом (а я мастер молча говорить, я всю жизнь мою проговорил молча и прожил сам с собою целые трагедии). Я ведь ужасно был несчастен, ужасно был выброшен всеми, выброшен и забыт, а она не знала этого. Всё это я положил, чтоб она узнала, но — не рассказом от меня, а чтоб сама догадалась! Именно так оно было: чтоб сама догадалась. Я всю идею, всю систему [одним словом теперь] — в одном слове сейчас, теперь выразил! [Но надо было сделать, чтоб она догадалась, и вот] Вот в этом-то перевоспитание и состояло, то есть состоять должно было: [всё это тогда еще был только план, будущее] а тогда всё это еще был лишь план, только будущее. «Но если состоится, — думал я, — если догадается сама, — то всё навеки побеждено, она моя, и вся моя [раба моя], для собственного же ее счастья». ◊

Стр. 14.

16 О, я / Я же, я — я ◊

16 я всегда / и всегда ◊

17–18 *Слова*: Вот именно ∾ так поступить — *вписаны на полях*.

18–23 *Текста*: тогда ∾ и глупо! — *нет*.

23–24 Я прямо ∾ на то, что безжалостно) / Итак, мы начали тогда с великодушия. Я прямо, я безжалостно (и я напираю на это слово) ◊

25–27 Почему не стоит? ∾ бытия» / Почему не стоит? [Именно так.] Потому что дешево ей досталось, не живши, первые впечатления, дескать, бытия, натуры ◊

28 всегда легко / легко ◊

29–30 и это дешево ∾ страстно хочется! / например, это дешево: тут кровь кипит, тут сил избыток, красоты хочется. ◊

32 *Слов*: с клеветой — *нет.*

32–34 *Слов*: где вы ∾ на земле — *нет.*

34–35 ну-тка ∾ откажетесь! / ну-тка, попробуйте-ка, нет, откажутся. Всё это я ей объяснил. ◊

35–36 *Фразы*: А я ∾ этот подвиг. — *нет.*

36–37 начала примолкать, совсем даже / *а. Начато*: начала умолкать и *б.* начала примолкать, совсем даже примолкла ◊

37 только глаза ужасно открывала, слушая / *а. Как в тексте. б.* только глаза ужасно открывала ◊

39 я вдруг увидал / вдруг увидел ◊

39–41 улыбку ∾ некуда было идти. . . / [улыбка] улыбку, так этак повыскочила улыбочка, молчаливая, нехорошая, и откуда взялась, тогда взялась. Так вот ты какая, думаю. Понимаю твою улыбку: «Дескать, касса-то ссуд?» Вот она в чем, улыбка. А насчет кассы я приготовился. Чем приготовился, вы дум‹аете›? Как приготовился? Как вы думаете? Стал объяснять, защищаться — ничуть? Ни слова. Гордое молчание. Видите ли: я ужасно туп стал. Никак не могу этого сразу высказать и всё возвращаюсь. То-то больное-то место. ◊ *Слова*: я ужасно ∾ место. — *вписаны на полях.*

42 *Знака раздела*: IV — *и заголовка — нет.*

Стр. 14—15.

43–48 *Текста*: Кто у нас тогда ∾ Тут главное — эта касса ссуд. — *нет* (*см. вариант к стр. 17, строке 9 — стр. 353—354*).

Стр. 15.

43–44 Позвольте-с / Видите ◊

44–45 не может не подчиниться мужчине вполне. / не может не подчиниться мужчине. Позвольте еще, вы спросите зачем. ◊

46 это — это аксиома / *а. Как в тексте. б.* и это же — я был так уверен — это аксиома ◊

47 Что ж такое, что там в зале лежит / *а.* Что же такое, что она там в зале *б.* Что же, что вы мне покажете на то, что там, там в зале на двух столах ◊

48 и тут сам Милль ничего не поделает! / [Ведь оригинальности в женщине нет — это всем известно. Женщина тем и потеряла, что она неоригинальна. Тут сам Милль ничего не поделает.] И тут сам Милль ничего не подскажет. ◊ *вписано на полях.*

Стр. 16.

3–6 Это великодушно ∾ на столе? О-о! *вписано на полях.*

4 Женщин погубила одна лишь неоригинальность. / *а.* О, женщину погубила одна лишь неоригинальность. ◊ *б.* Неоригинальность-то и сгубила женщин. ◊

5–6 И что ж ∾ на столе? / [Да что ж] И что ж, что вы мне укажете там [на столе] в зале. ◊

6 на столе / в зале ◊

6 О-о! / Разве это оригинально! О, подражание! ◊

7 Слушайте / А ◊

7 *После*: уверен. — Любовь-то эту я и хотел пересоздать и переформировать. ◊

8 ко мне / мне ◊

8 *После*: тогда — после всех моих мыслей ◊

8–9 Любила, значит, вернее — желала любить. / *а.* О, она любила, любила! и долго еще потом любила. *б.* О, она любила, любила! Вернее, желала любить. Да, вот так. Это так. А я. . . Нет, не могу

продолжать, у меня дух захватывает. *в. Начато*: О, она еще долго потом *г.* О, она и долго еще потом любила.◊

9–10 *Фразы*: Да, вот так ∾ искала любить. — *нет.*

10 А главное ведь в том / *а.* А главное в том *б.* Главное в том ◊

10 тут / *а. Как в тексте. б.* тогда ◊

10–11 никаких таких не было / не было никаких ◊

11 подыскивать / приискивать ◊

11 *После*: оправдания. — Главная моя мысль была, чтоб не мямлить, не лизаться в самом начале, не просить прощения ни в чем, не оправдываться, а р-разом поразить воображение! Ошибить его, испугать его, если надо, [даже] и тем даже лучше. Да и в чем прощения просить? *Последняя фраза вписана на полях. Рядом с текстом*: Главная моя мысль ∾ и тем даже лучше. — *на полях запись*: Где мои мысли? ◊

11–12 Вы говорите ∾ все говорят. / Например, закладчик. ◊

13 из людей / человек

15 выговорить словами, то выйдет / выговорить и выйдет

16 Выйдет стыдно самому. / Тотчас смешно и стыдно выйдет самому, только что вы выговорите.◊

16 *После*: Ипочему. — или уж я не знаю

18 «великодушнейший из людей». Это смешно / великодушнейший человек стал закладчиком — и понял, что глупо ◊

19 ведь это / ведь оно ◊

19–20 Ведь это правда ∾ правденская правда! / *а.* Ведь это правда, ведь это самая правденская правда! *б.* Ведь это правда была, то есть самая, самая правденская правда! ◊

19–20 *После*: самая, самая правденская правда! — Именно великодушный.◊

20 Да, я *имел* / Я имел ◊

23 ответили / отвечали ◊

23 обидой на всю мою жизнь / *а.* страшной обидой *б.* обидой ◊

24 вправе был / вправе ◊

24–25 *После*: собрать эти тридцать тысяч рублей — которые положил собрать ◊

26–27 *После*: купленном на эти тридцать тысяч — (благо, теперь еще имения дешевы)

27 а главное / и, главное ◊

28 *После*: без злобы на вас — без злобы, всех прощая ◊

29 *После*: бог пошлет, и — творя всем добро [за вынесенное от вас зло] ◊

31 а то что могло быть глупее ∾ вслух расписал? / *а. Начато*: а то ведь как глупо *б. Начато*: а то ведь как глупо бы вышло *в.* а то ведь глупее быть ничего не может, если вслух сказать *г.* а то что могло быть глупее, если б я это вслух ей тогда же сказал — [да] и объяснять нечего. ‹*Слова*: глупее ∾ объяснять нечего. — *вписаны на полях.*› [Именно глупо, перед самим собой даже. А почему, почему? потому что трусы и человеконенавистники! Правды о ближнем не выносим! А между тем это всё была правда.] [Ну так] [Ну] И мог ли я, стало быть, перед ней говорить, ей оправдываться? ◊

32–33 *Текста*: Вот почему ∾ она поняла? — *нет.*

33–34 Шестнадцать-то лет, первая-то молодость / [Да] Господи, шестнадцать-то лет, первая молодость ◊

34 что могла она понять / *а.* что она поймет *б.* что она поняла бы ◊

34–35 *После*: из моих страданий — [меня подвигших на кассу ссуд.] Прямолинейна.◊

35–37 Тут прямолинейность ∾ и — баста / Ей, главное — касса ссуд, и баста! [Просить прощения, что закладчик, затем ее заставить просить или начать в другом тоне, то есть потворством, хвалить себя, «дескать, прямо великодушный человек»,— тогда она покатится, быть может, со смеху. А потому и гордое молчание.] Прямолинейность, юность [нравственность и убеждение, что добродетель человеческая ничего не стоит и так легка], незнание жизни и юные дешевые убеждения! *Слова*: незнание жизни ∾ убеждения! — *вписаны на полях.*

37–39 *Слов*: (а разве я ∾ брал ли я лишнее?) — *нет.*
39–41 *Текст*: О, как ужасна ∾ мучитель! — *вписан на полях.*
40 нестерпимый / нетерпимый
40 тиран души моей / тиран ◊
41 Ведь я наклевещу на себя, если [так] этого не скажу! *вписано на полях; над этой фразой помета*: *Здесь. Далее начато*: О, не я виноват за то, что там в зале. Не я виноват! Правда, скверно, что я ничего
41 *После*: не скажу! — Нет, я тогда заключился в молчание, в гордое молчание. Не прощения же мне было просить у ней за всю мою жизнь, за все вынесенные мною страдания. Нет, итак, гордое молчание насчет кассы. ◊
41–47 *Текста*: Вы думаете ∾ как небо — *нет* (*см. вариант к стр. 17, строке 3—4 — стр. 352—353*).
47 ни в чьих / ничьих ◊
47–48 *После*: не нуждается — вот фигура! ◊
48 *Фразы*: Так оно и было, не лгал, не лгал! — *нет.*

Стр. 17.

2 *После*: не сумела заметить — даже едкие насмешки à la Мефистофель ◊
2–3 и как догадается ∾ то оценит вдесятеро / *а.* и тогда вдесятеро станет ценить. *б.* и как догадается под конец, что не сумела заметить, то вдесятеро станет ценить ◊
3–4 и падет в прах ∾ Вот план. / Не правда ли? Не правда ли? [Но до этого-то и надо было довести ее, чтоб развилась и сознала и сама догадалась. Вот задача. Вот вся моя система. О, я был столь горд [и], что даже не рассказал ей из моей истории, из моих страданий почти ничего. И это я, может быть, худо сделал, что тогда не рассказал ничего про жизнь!] Вот задача. Впрочем, может быть, худо сделал, что тогда не рассказал ничего про жизнь [хоть отчасти, хоть потрясая картинами]! Она даже в худую сторону приняла, что я прячусь. [Всё равно она] [А то она] Сама она потом всё узнала, из-под руки, и тогда еще, тогда, когда я перед ней в обидном чине благодетеля, пересказали чужие, в комическом виде, о, в каком унизительном виде. [И даже, кажется] В таком, что если б она невестой еще узнала, то [не вышла бы за меня] вышла бы за купца, а не за меня! Нет, надо было рассказать самому. . . Так хоть отчасти, потрясая картинами.

Но я ведь был сам в упоении, именно в упоении гордости, а потому и молчал, как Юпитер. Суров, горд, страдает молча. О, подлец! Я знал, например, что перед ней растет вопрос как гора с каждым днем: «Для чего же такой женится?» Вопрос оскорбительный, очень унизительный. Но я молчал [я гордо молчал], я хотел, чтоб она сама отыскала [правду], для чего женится, и сама догадалась: «А вот, дескать, для того и женится, чтоб [меня осчастливить, облагодетельствовать меня, спасти меня, из ямы помойной спасти, из ямы позора] тебя осчастливить, облагодетельствовать, спасти тебя из ямы помойной, из ямы позора. . .» Ну, скажи я это ей тогда словами, что бы было, что бы вышло? [А ведь оно так и было, я именно захотел спасти] [Между тем это правда была] В том-то и штука была, что я молчанием говорил, а не словами [я сказал], всё сказал, но молчанием! ‹*К последней фразе — варианты*: *а. Начато*: Я молчанием говорил *б. Начато*: Я ведь не молчал, я ◊› И вышла гнусность [тогда как было великодушие] вместо великодушия. О, конечно, я женился и для себя, потому что [кроткую нашел, юную, неиспорченную] [юную нашел, неиспорченную] юную, неиспорченную душу нашел, из которой мог наконец создать себе друга, но разве [это непозволительно при великодушном поступке] непозволительно пожелать себе счастья даже при великодушном поступке? [Неужели нельзя себе собственного счастья пожелать в таком деле? Именно

в великодушном деле. А великодушный поступок действительно был: увидал несчастную, погибавшую и не мог пройти мимо, не протянув руки, и пожертвовал своею судьбою, пожертвовал и не [требует] требую благодарности! Хочешь, люби его, хочешь нет, а он долг исполнил. Но главное, пусть сама догадается! Так я тогда решил. Я это всё выдумал тогда ходя.] И что ж из всего это‹го› великодушия она поняла, что я взял ее, чтоб было хоть над кем-нибудь за прошлое несчастье натешиться. Вот как она поняла! А я-то всё ждал, как дурак. [Ну а потом] Потом, потом, думал я, потом, когда юная целомудренная гордость будет [достаточно] [побеждена (великодушием побеждена!), потом и я ей покажу мои чувства, тогда, но только лишь тогда допущу ее заглянуть в мое сердце вполне, и она бросится в мои объятия] побеждена и усмирена (то есть великодушием побеждена!), потом уже я ей покажу и сокровищницу мою, и увидит она, что это за сердце, которое она так обижала, и. . . и. . . и бросится передо мной во прах. Во прах, а я протяну объятия! О, я с самого начала полюбил ее как мое создание. [И это было бы прочнее, чем если б я стал оправдываться! Вот как я мечтал! Да и вовсе не мечтал [вовсе]. Так оно и было с самого начала и до сих пор. Я с самого начала любил ее как мое создание, которому дал свет и жизнь!] Вы думаете, я ее не любил? Кто может сказать, что я ее не любил! [О-о!] О! Видите ли, и тут ирония, тут вышла злая ирония судьбы и природы! Мы прокляты [наша жизнь проклята], жизнь людей проклята вообще! Я ведь понимаю же теперь, что я в чем-то тут ошибся! [Вот тут] Тут что-то не так вышло! При самых добрых намерениях. Всё было ясно, план мой был ясен, как небо. ◊ *Тексты*: [Между тем это правда была] ∾ вместо великодушия; И что ж из всего это‹го› великодушия ∾ как дурак; Во прах ∾ как мое создание — *вписаны на полях.*

4–5 Но тут я ∾ тут сделать. / Но я что-то не сумел тут сделать. Что-то я тут или забыл, или упустил и виду. [Просто не сумел, вот и всё.] ◊

6 *После*: Кончено так кончено. — Не так ли? Ведь не так ли?

8–9 я не побоюсь ∾ лицом к лицу / я не боюсь стоять перед правдой ◊

9 *После*: *она* виновата! . . — Был у ней, Лукерья плачет. Эти ломберные столы. . . [Если б] Я вот что хочу: я хочу псалтырь читать. Но по-славянски не умею и псалтыри нет! Послать в церковь; ночь. Господи, лучше не думать, лучше бы не думать. *вписано на полях предыдущего листа.*

4

Нет, к черту стоны. [Я хочу всё припомнить. Надо скрепиться и припомнить. О, я вытяну в нитку. . . И тогда увидите, тогда всё увидите!] Слушайте, как это было по фактам, — вы сами увидите, что я прав. [Но] Главное, если б только можно было это пересказать. Слушайте. Кто у нас тогда первый начал? Никто. Само началось, с первого шагу. Я сказал, что я ввел ее в дом под строгостью. И, однако, с первого шагу смягчил. Еще невесте ей объявил, что она займется [выдачей] приемом закладов и выдачей денег, и она ведь тогда ничего не сказала. (Это заметьте.) Мало того — принялась за дело даже с усердием. Ну, конечно, квартира, мебель — всё осталось по-прежнему. Квартира — две комнаты — одна большая зала, где отгорожена и касса, и другая, тоже большая, наша комната, одна [тут и укладка, тут и спальня]. Мебель моя скудная. [Да] Даже у теток была лучше. [В киоте всегда горящая лампада.] Киот, всегда горящая лампада — это в зале. У меня шкаф и в нем несколько книг и укладка [сундук в моей комнате и] — ключи у меня. Еще невесте сказал, что на наше содержание, то есть на пищу (мне, ей и Лукерье, которую я переманил), определяется в день рубль и не больше. «Мне нужно тридцать тысяч в три года, а иначе денег не наживешь». Она не протестовала, но я сам возвысил содержание на тридцать

копеек. Тоже и театр. Я сказал невесте, что не будет театра, и, однако ж, положил раз в месяц театр [в местах за креслами], и прили<чно>. в кресл<ах>. Ходили вместе, были раза три. Смотрели «В погоню за счастьем» и «Птицы певчие», кажется. (О, наплевать, наплевать!) Молча ходили и молча возвращались. И почему, почему мы с самого начала принялись молчать? [И когда] Сначала ссор не было, [а] и тоже молчали. Она всё как-то, помню, тогда особенно приглядывалась исподтишка, и опять-таки эта улыбка, и как-то я заметил, что приглядывается, но я усилил молчание. Раз или два был порыв, но только в самом начале, бросилась обнимать меня; не так как порыв был болезненный, истерический, а мне надо было твердого счастья, то я принял холодно. [Что ж после порывов-то и начиналась еще пуще ссора.] Но порывы утихли, да и оба раза после порывов и разгоралась ссора.

То есть ссор не было, [а] но было молчание и — и всё больше и больше дерзкий вид с ее стороны. Бунт и независимость — вот что было, только она не умела. Да, это кроткое лицо становилось всё дерзче и дерзче. Верите ли, я ей становился поган. [О, я всё] [То есть нравственно. Физически — не думаю.] [Не что] В том, что она выходила порывами из себя, в этом не было сомнения. [Как] Ну как, например, выйдя из такой грязи и нищеты и позора, после мытья-то полов [(а это было у них)], начать вдруг фыркать на нашу бедность. То есть не на бедность, видите ли, а на мое-де скаредство: «Цели, дескать, имеет, твердый характер показывает!» От театра вдруг сама отказалась, и всё пуще и пуще насмешливая складка, а я усиливаю молчание, а я усиливаю молчание.

Не оправдываться же? Тут главное [опять-т<аки>] эта касса ссуд. Позвольте-с. Бедность была, ну а в чем надо — и роскошь, в белье например, в чистоте. [Я, впрочем, всегда мечтал, что чистота в муже прельщает женщину.] У теток была грязь и грязь и одна грязь, и физическая, и нравственная. Но я, я всегда мечтал, что чистота в муже прельщает жену. [Но пустяки! пустяки!] Впрочем, глупости! ◊ *Слова*: [Но] Главное ∾ пересказать. — *вписаны на полях.*

10 *Знака раздела*: V — *и заголовка — нет.*

11–12 Ссоры ∾ по-своему / *а.* Ссоры наши начались из-за кассы ссуд: она вдруг вздумала [принимать] выдавать деньги по-своему. *б.* Стыдно вспоминать даже, ссора началась с того, что она вдруг вздумала выдавать деньги по-своему ◊ *На полях рядом с этими словами помета «Здесь», а над нею три параллельные черты, отмечающие, по-видимому, начало раздела 5 главы I.*

12 выше стоимости / свыше ◊

13 *Слов*: на эту тему — *нет.*

13 *После*: не согласился — и она раз или два выронила по едкому словечку.

16 ну, известно, сувенир / ну, известное ◊

16–17 Принялась / Так принялась

17 жалобно ныть, просить / жалобно так просить ◊

18 сохраним / не пропадет

19 не стоил / не стоит ◊

20–21 Должно быть ∾ по глазам жены / *а. Начато*: Должно быть, она увидела по глазам ее, что можно *б.* Должно быть, она увидела что-нибудь по глазам ее ◊

21–22 та обменяла ей / *а.* она выдала ей *б.* жена выдала ◊

24 *После*: на постели — *начато*: ее и д<урная>

25 дурная / и дурная ◊

25 стояла / *а.* зашевелилась *б.* завискрилась

25 на ее губах / *а. Как в тексте. б.* на губах [О, как я уже не любил тогда эту улыбку] ◊

25–26 Тогда я ∾ голоса / *а.* Тогда я, очень разгорячившись, но вовсе не возвышая голос ◊ *б.* Тогда я, вовсе не возвышая моего голоса ◊

27 объявил спокойно / объявил ◊
28 я приглашал / приглашал ◊
28 не скрыл / не скрывал
30 вдруг вся затряслась / она вдруг затряслась
30–31 что бы вы думали / что же вы думаете ◊
33 Я оцепенел от изумления / *а.* Я остолбенел от изумления *б.* Я, разумеется, от изумления остолбенел ◊
33 *Слов*: такой выходки — *нет.*
33 Но не потерялся / Но я не потерялся ◊
33–35 я даже ∾ прямо объявил / *а.* я не сделал даже движения, не возвысил голоса, я прямо объявил *б.* я даже движения не сделал, голоса не возвысил, а только прямо объявил ◊
35 *Слов*: мне в лицо — *нет.*
35 *После*: в невестах. — Кстати замечу, что я совершенно прервал с тетками: и ее к ним не пускал, и их не пускал к себе. ◊
39 воротилась / пришла
39 *После*: ни слова. — На ночь легла на диване. До тех пор всегда спали вместе. Брак так брак. [Нет духу всё припомнить. Надо скрепиться и припомнить.] Видите [мне трудно это припомнить. Я постараюсь короче. А, словом], я не пойду туда теперь, в залу, я боюсь [ее] моей злобы [короче, короче], моей злобы на нее боюсь, потому что я буду неправ. А это покороче уж расскажу. [Вот что: я сходил к теткам, потому что ‹*нрзб.*› день — от теток, к величайшему изумлению, узнал, но тетка взялась разыскать ‹*нрзб.*› офицером.] ◊ *Далее на полях разрозненные наброски к разделу 5 главы I, пронумерованные Достоевским*: 1. Назавтра тоже с утра ушла. Напослезавтра опять! [С тех пор пошел бунт.] Краткий, но быстрый период был бунт. Характер изменил‹ся›, и сперва был не тот, и потом не тот. Я сходил к теткам. Она у них не была. Она была у подруги. Тетки, бунт. Паскуда. Брат ходил закладывать. 2. Она вышла при мне. На другой день вечером она вдруг заговорила. «Вас выгнали». 3. Пошел к шлюхе. 200 рублей.
41 направился / пошел ◊
41 с самой свадьбы / с самого брака
42 *После*: к ним. — Объяснились обидно.
43 Выслушали меня с любопытством / Выслушали меня ◊
44 Но я / Я ◊
45 Через два дня ∾ ко мне / *а.* *Начато*: Через два дня она мне всё разыскала. Была такая Юлия Самсоновна, ее подруга в ги‹мназии› *б.* Через два дня она приходит ко мне [через два дня]: «Я ведь знаю, что вы один сидите».
47 бывший ваш прежний / ваш прежний ◊
48–49 Я был очень изумлен. Этот Ефимович *вписано на полях.*
48–49 Я был ∾ Ефимович / *Начато*: *а.* Офицер этот *б.* *Начато*: Этот
49 нанес / сделал
49 а с месяц назад / а недавно

Стр. 18.

1 *Слов*: будучи бесстыден — *нет.*
1 зашел / *а.* *Как в тексте.* *б.* заходил ◊
1 закладов / заклада ◊
1–2 и, помню ∾ начал смеяться / *а.* и с [женой] ней тогда начал смеяться *б.* и с женой тогда, вспомнил я, смеялся ◊
3 сказал / прямо сказал ◊
3–4 *Слов*: вспомня наши отношения — *нет.*
4–5 но и мысли ∾ не было / но мысли об чем-нибудь у меня и в голове не было ◊
5 а так просто подумал, что нахал *вписано на полях.*
5 а так просто подумал, что нахал / *а.* *Начато*: пред богом *б.* *Начато*: просто так *в.* а так просто, думал, нахал ◊

5 Теперь же / А теперь
7–8 *После*: Юлия Самсоновна — *начато*: которая
11 в двое суток / через двое суток ◊
11 буду стоять / стоял
12 за притворенными дверями / за припертыми дверями [а в другой комнате]
12 слышать / *а.* слушал *б.* слушать ◊
12–13 первый rendez-vous / *первое* rendez-vous ◊
13 с Ефимовичем / с поручиком Ефимовичем. [Она была приодета, сидела за столом, а он перед ней ломался. И что ж? Я прослушал почти около] ◊
13–14 В ожидании же / А
14–15 слишком знаменательная для меня / *а.* выразительная *б.* ужасная *в.* решительная для меня ◊
17–18 Мне вдруг ∾ что / *а.* Я, впрочем, замечу, что *б.* Мне вдруг, смотря на нее, помню это, влетела тогда в голову идея, что ◊ *Слова*: смотря на нее ∾ что — *вписаны на полях.*
19 перед сим / перед этим ◊
19 она была / *а. Как в тексте. б.* она стала ◊
19–20 *После*: совсем не в своем характере — так что я даже тогда дивился
20 *Слов*: можно даже сказать — в обратном характере — *нет.*
21 являлось / *а.* Это было *б.* Явилось ◊
22 само ищущее смятения / ищущее смятения ◊
22–23 Напрашивающееся на смятение. / Напрашивающееся. [Ей всё хотелось, я видел это, чтоб я сам заговорил.] ◊
23 однако же / однако ◊
24 то хотя бы и перескочила меру / то хоть как бы ни [перешла] переходила меру ◊
25 ломит / ломает ◊
25 *Слов*: сама себя подгоняет — *нет.*
26 невозможно / трудно
27 Оттого-то этакие и выскакивают / Оттого-то этакая и выскакивает ◊
28 так что не веришь собственному наблюдающему уму / так что не веришь [глазам] факту и собственному наблюдающему уму ◊
28–31 Привычная же к разврату душа ∾ превосходствовать. / Привычная же и развратная душа, напротив, всегда сумеет сдержаться в некотором виде порядка. [Видит она, что я молчу] Сидит она и бьет ножкой. ◊
33 вдруг спросила она / вдруг спросила ◊
33 и глаза ее / и глаза ◊
34 *После*: засверкали. — Узнала, набрала поскребок.
35–36 попросили из полка удалиться / изгнали из полка ◊
36 впрочем / уже
37 Выгнали как труса? / Как труса? ◊
41 Знайте, — не удержался я тут / Знайте, — не удержался я ◊
42 такой / этой
42 и принять все последствия / приняв все последствия ◊ *вписано на полях.*
44 *После*: не сдержался — ослабел
44–45 пустился в оправдание себя / оправдывался
45 только этого / того-то ◊
45–46 этого нового моего унижения *вписано на полях.*

Стр. 19.

2 как бродяга ходили *вписано на полях.*
2 и по гривеннику / *а.* по двугривенному *б.* по гривеннику ◊
4 в доме Вяземского ночевывал / в доме — ночевал ◊
4 Да, правда / Да ◊
5 *Слов*: после полка — *нет.*
7–8 Это было ∾ отчаянием моего положения. / *а.* а падение воли моей

было, было отчаяние *б.* а падение же воли моей было, было вызвано отчаянием *в.* а падение же воли моей было, и эти все поступки были вызваны отчаянием [и весьма мо‹жет›] ◊
10 О, теперь вы лицо — финансист! / [И] Так что теперь вы святы? ◊
11 это намек на кассу ссуд / это насчет кассы ссуд
12 жаждет / хочет ◊
13 позвонил / пришел ◊
14 в залу / в другую комнату ◊
15 предо мной / передо мной ◊
17 и она / а она ◊
22 и предполагал *вписано на полях.*
23–24 *Фразы:* Не знаю, понятно ли выражаюсь. — *нет.*
25 Вот что вышло. *вписано на полях.*
25–26 и целый час присутствовал / я присутствовал
26 при поединке / при остроумнейшем поединке ◊
27 с светской развратной, тупой тварью / с светской гадкой и тупой тварью ◊
27 с пресмыкающеюся душой / с ничтожеством
28 думал я, пораженный / думал я ◊
32 в ее словах и маленьких словечках / в ее насмешках ◊
33 в ее осуждении / в ее презрении ◊
34 И в то же время ∞ простодушия. / *а.* И в то же время столько наивности, столько чуть не детского девического простодушия *б.* И в то же время столько чуть не детского девического простодушия.◊
35–36 *Слов:* над его жестами — *нет.*
37 и не предполагая / и не подозревая ◊
37–39 Сначала я бы мог подумать ∞ кокетство — «кокетство / Я было думал сначала, что тут [вот] просто кокетство ◊
39 чтоб / чтобы ◊
41 Из ненависти только ко мне / Из ненависти ко мне ◊
42–43 могла решиться затеять это свидание / могла решиться на это свидание ◊
43 то у ней тотчас открылись глаза / и у ней открылись глаза ◊
44 чтобы / чтоб ◊
44–45 *Слов:* чем бы то ни было — *нет.*
45 но, решившись ∞ беспорядка / и решилось на такую грязь, именно не вынеся беспорядка ◊
45–47 И ее ли ∞ из этих великосветских тварей? / Но ее ли, безгрешную и чистую, могла прельстить [эта] этакая светская тварь, как Ефимович, или кто-нибудь в его роде? ◊ *Слова:* или кто-нибудь в его роде? — *вписаны на полях.*
47–48 Напротив, он возбудил лишь смех. / *а. Начато:* Скажу более, она возбудилась даже *б.* Он возбудил лишь смех.◊

Стр. 20.

1 *После:* сарказм — и презрение к шуту
1 этот шут / он
1–2 под конец совсем осовел и сидел нахмурившись / совсем осовел и сидел под конец нахмурившись ◊
4 повторяю / повторю ◊
5–8 Я как будто встретил ∞ И мог разве я вообразить ее другою? / Я как будто встретил одно знакомое. [И мог разве я вообразить ее другою?] Я как будто шел затем, чтоб это встретить. И мог разве я вообразить ее другою?
8 я любил / я любил ее ◊
8–9 Из-за чего ж ∞ на ней? *вписано на полях.*
9 женился / я женился ◊
9–10 я слишком убедился / я убедился ◊
10 сколь она меня тогда ненавидела / сколь она меня ненавидела ◊
11 непорочна / беспорочна ◊

12 *После*: двери — и войдя в комнату
13 звонко и *вписано на полях*.
15–16 я не возражаю, уводите, уводите! / *а*. я ни слова, ни слова, — хохотал он *б*. я не возражаю, ведите, ведите, — хохотал он. ♦
16–18 И знаете ∾ сами рискнете. . . / *а*. И поверьте, — закричал он нам вслед, — с вами и запрещено драться, но я к вашим услугам, если вы как-нибудь там наконец надумаетесь и решитесь. *б*. Знаете, — крикнул он [мне] нам вслед, — хоть с вами и нельзя драться порядочному человеку, но я к вашим услугам, если вы сами наконец решитесь. ◊
19 на пороге / у порога ◊
23 *После*: взглядом. — *вписано на полях*: Она как бы сама хотела вызвать скорей развязку.
23 *После*: бледна — *начато*: но
24 в насмешку / в всегдашнюю насмешку, но в насмешке этой была уже горечь
24–25 но смотрела она ∾ вызовом / *а*. Смотрела она, впрочем, с гордой суровостью, вызовом *б*. Смотрела она уже с гордым, с страшным вызовом ◊
25 серьезно убеждена была / она серьезно убеждена была
25–26 в первые минуты / *Начато*: в первую ‹минуту›
28 Заметьте: револьвер этот был ей уже знаком. / [Два слова об этом.] Револьвер этот был уже ей знаком. ◊
28–29 Заведен он был у меня / *а*. Этот револьвер заведен был у меня *б*. Он заведен был у меня ♦
30–31 сильного лакея / сильных лакеев
31 как, например, держит Мозер / как, например, у Мозера ◊
31–32 отворяет / отпирает ◊
32 кухарка / служанка
33 самозащиты / защиты ◊
34 ко мне в дом / ко мне ◊
34–35 очень интересовалась этим револьвером / *а*. очень им заинтересовалась *б*. очень заинтересовалась револьвером ♦
36 устройство и систему / *а*. устройство системы *б*. устройство, систему ◊
36–37 кроме того, убедил раз выстрелить в цель / [а затем и] дал один раз выстрелить ♦
37 Заметьте всё это. / Итак, она была с ним знакома. Заметьте, заметьте это. ◊
37 Не обращая / Но не обращая
38–39 *Слов*: Я был очень обессилен — *нет*.
39–40 Она продолжала сидеть ∾ около часа / *а*. Она сидела на одном месте около часу *б*. Она же продолжала сидеть на одном месте, не шевелясь, еще около часу ◊
42 *После*: это тоже заметьте. . . — *горизонтальная черта, отмечающая конец раздела 5 главы I и по первоначальному варианту находившаяся после фразы*: Теперь это страшное воспоминание. . . (*см. ниже, вариант к стр. 20, строке 44*).
43 *Знака раздела*: VI — *и заголовка — нет*.
44 Теперь ∾ воспоминание. . . / Здесь, только здесь одно воспоминание, страшное воспоминание.
45 уже почти совсем / уже совсем ◊

Стр. 21.

2 гляжу / смотрю [я даже притих и полузакрыл глаза. Через мгновение я] ◊
3 я вижу / я увидел ◊
5 *После*: до постели — *начато*: и хоть не слышно, но я слышал
5–8 Я слышал всё; хоть и настала мертвая тишина / *а*. Затем настала мертвая тишина *б*. Я слышал всё, хотя настала мертвая тишина. [Тут-то вдруг, в одно мгновение, я решил] ◊

8 *Слов*: но я слышал эту тишину — *нет.*
8–9 *Слов*: мне в глаза — *нет.*
10 Но мы глядели друг на друга не более мгновения. / Я думаю, это продолжалось не более полсекунды.
11 и в то же мгновение решил / и тут-то я решил ◊
12–13 что бы ни ожидало меня / что бы ни вышло ◊
14–15 вдруг открывает глаза, даже приподымает на секунду голову / *а.* вдруг открывает глаза, открывает на секунду и даже приподымает голову *б.* вдруг открывает глаза и даже на секунду приподымает голову ◊
16 затем / и затем ◊
17 *Слов*: ничего не помня — *нет.*
21 *После*: не видал — хотя на мгновение и открывал глаза ◊
21–22 увидав то, что я увидел / увидав и *сознав* ◊
23–24 Да, невероятно. ∾ угадать и правду, — это-то / *а.* Невероятно, но она могла угадать и правду, и это-то *б.* Да, невероятно. Но она могла ведь угадать и правду, — это-то ◊
24–26 *Текста*: всё в то же мгновение. ∾ в уме моем, и — *нет.*
26 да здравствует ∾ мысли! / О, да здравствует электричество человеческой мысли! ◊
27–28 В таком случае ∾ я уже раздавил ее / В таком случае, подумалось мне мгновенно, в таком случае [я, конечно, мог напугать] я уже напугал ее ◊
29 и у ней теперь может дрогнуть рука / и у ней [могла] может дрогнуть рука ◊
29–30 Прежняя решимость ∾ впечатление. / Решимость ее могла разбиться [другим впечатлением] о другое чрезвычайное впечатление. ◊
31 Говорят / *Начато*: Я дум‹аю›
33 уже был взят в руки / *Начато*: уже был в ‹руках›
35 и вас что-то вызывает непобедимо спустить курок / вызывает, тянет вас непобедимо спустить курок, и баста ◊
35–37 Но сознание ∾ на покатости. / Но в таком случае именно сознание, что я всё видел, всё знаю и жду смерти молча, могло удержать ее. [Вы спросите, однако: твердо ли я надеялся, что] ◊
40 перед / пред ◊
43 на меня / надо мной ◊
43 обожаемым мною / столь любимым мною
44–48 Кроме того, я знал ∾ что я не сплю. / Кроме того, не сознавая того, я знал всей силой моего существа, что между нами идет борьба, страшный поединок на жизнь и смерть, поединок вот того самого вчерашнего труса, выгнанного за трусость товарищами. Я узнал это, и она это уже теперь знала или подозревала после моего мгновенного на нее взгляда. ◊ *вписано на полях. К этому тексту набросок на полях*: Вчерашний трус, выгнанный из гвардии [не мог открыть глаза] ‹*нрзб.*›

Стр. 22.

1–4 *Текста*: Может быть ∾ каждый час моей жизни. — *нет.*
5 зачем же ее не спас / зачем же не спас и ее ◊
6 этот вопрос / *а.* эти вопросы *б.* этот ужасный вопрос ◊
6–7 *Слов*: каждый раз — *нет.*
7 припоминал ту секунду / как теперь припоминал те секунды ◊
8 я погибал, я сам погибал / я и сам погибал ◊
9 так кого ж бы я мог спасти? / *а.* и никого уж не мог бы спасти *б. Начато*: и никого уж не мог *в.* так кого же бы мог спасти? ◊
9–10 так кого ж ∾ кого спасти? *вписано на полях.*
9–10 И почем вы знаете ∾ кого спасти? / [А может] Ну а если я и не хотел ‹?› спасти? ◊
10 мог чувствовать / мог почувствовать ◊
11 Сознание, однако ж / *а.* Но сознание *б.* Сознание, однако ◊

11 *После*: кипело — *вписано на полях*: Вы скажете, что это невозможно? Конечно. Но можно, чувствуя, сознавать и в секунду пережить мир сознания. Да здравствует электричество человеческой мысли.
16 к столу / у стола
17 принял от нее стакан чая / взял от нее чаю ◊
17 я на нее взглянул / я поглядел на нее ◊
19–21 И вдруг ∾ в глазах. / Я [удержал‹ся›] [продолжал смотреть] не опустил перед ней глаз, и вдруг — и вдруг она бледно усмехнулась бледными губами бледным робким вопросом. ◊
21 «Стало быть, всё еще сомневается и спрашивает себя / [Она всё еще спрашивала] Стало быть, всё еще [спрашивала] спрашивает себя, подумал я вдруг. ◊ *Слова*: подумал я вдруг — *вписаны на полях*.
25 огородить / заслонить ◊
25–27 но я ей не сказал ни слова. ∾ уже более нет. / *а*. Я ей не сказал ни слова, но и без слов понятно стало, что я видел и знаю. *б*. но я ей не сказал ни слова. И без слов дал понять ей уже без сомнения, что видел всё и всё знаю. ◊
27–29 На ночь ∾ свою постель / [Вечером она] Ночью она молча легла в эту новую свою постель, а револьвер я оставил опять как всегда на столе.
28 как всегда / опять как всегда ◊

Стр. 22—29.

32–30 *Текст*: Глава вторая. I. Сон гордости ∾ Я с безумием ждал утра. — *утрачен*.

Стр. 29.

31 III. Слишком понимаю / 3 ◊ [1]
32 А ведь это было / *а*. Наутро то же самое. . . Но боже мой, ведь это было *б*. А ведь [толь‹ко›] это было, это было ◊
33 *После*: вторник! — [О боже] Как я все эти дни ее мучил! Мучил ли? ◊
34 немного времени / немного подождала
34–35 только бы капельку ∾ мрак! / каплю бы только подождала — и я бы [уговорил ее], я бы развеял мрак. . . ◊
35 Да разве она не успокоилась? / Дело в том, что ведь она успокоилась
35–36 Она на другой же день ∾ уже с улыбкою / *а*. Она слушала меня, она на другой день уже мне улыбалась *б*. Она слушала меня на другой день уже с улыбкою ◊
36–37 несмотря на замешательство / несмотря на всё замешательство
37–38 было замешательство или стыд. Боялась тоже, очень боялась. / было замешательство со мной, или стыдилась, или боялась [будто ‹*нрзб.*›]. А впрочем, как же и не бояться.
38–40 Боялась тоже ∾ не бояться? *вписано на полях*.
39 я не буду противуречить / *а*. *Как в тексте*. *б*. Я не буду противу очевидного спорить. ◊
40 как же было ей не бояться? / как же [и не] ей было и не бояться? [Это было так неожиданно] Как же не бояться! ◊
40–42 Ведь мы ∾ и вдруг всё это. . . / *а*. Так отвыкли и вдруг!! ◊ *б*. Ведь мы так было стали друг другу чужды! Мы так друг от друга отвыкли! ◊
42 Но я не смотрел на ее страх, сияло новое! . . / *а*. *Начато*: Но ведь я понимал же, что еще немножко и. . . *б*. Но ведь это всё прошло, всё, засияло новое! . . ◊
42–43 Правда, несомненная правда / *а*. *Как в тексте*. *б*. Правда несомненная ◊
44 *После*: ошибок — но я не мог удержаться
44 и как проснулись / как проснулись ◊

---

[1] *Рядом помета карандашом*: Короче

Стр. 29—30.

45–3 тотчас вдруг сделал ошибку ∾ всю жизнь скрывал. / *а.* тотчас вдруг сделал ее моим другом. Это было слишком скоро, слишком, и таким вполне другом, уже ничего, ничего не скрывая, как на исповеди. . . Куды, более чем на исповеди! Не скрыв даже того, что от себя скрывал. *б.* тотчас вдруг сделал ее моим другом. Я поспешил, слишком, слишком. Я тотчас же хотел ей всё рассказать — вот ошибка, в поспешности ошибка. Я бросился к ней как с исповедью. Куды, более чем ‹с› исповедью! Я не скрыл даже того, что от себя скрывал. ◊ *Слова*: Я поспешил ∾ ей всё рассказать. — *вписаны на полях.*

Стр. 30.

4–5 Я прямо высказал ∾ в ее любви. / Я прямо ей высказал, что всю зиму только и делал, что любовался моим подвигом [и над ней тщеславился], моей победой. ◊

8–9 поразила обстановка, буфет поразил; поразило то / поразила обстановка, буфет ◊

9–10 как это я ∾ глупо? / и как это я вдруг выйду и не выйдет ли это глупо? ◊

11–12 и ее за то мучил ∾ чтобы ее за то мучить / и ее [за то] за это мучил, за это одно только и ее

12–13 Вообще я говорил ∾ как в горячке. *вписано на полях.*

13 Она сама / Она, сама она ◊

13–15 Она сама ∾ вы себя мучаете» / О, ей тяжело было слушать: она брала меня за руки, и так ласково, и всё просила перестать: «Вы преувеличиваете. . . я, ей-богу, боюсь. . .»

15 опять чуть не припадки! / и опять чуть не припадки! [И это все 5 дней, до сегодня! до сегодня!] ◊

16–17 Она всё просила ∾ и не вспоминал. *вписано на полях.*

16 чтобы / чтоб ◊

16–17 не вспоминал / не напоминал ◊

18–19 Я не смотрел ∾ только это и говорил! / *а.* Но я верил счастью! Главное, весна, Булонь и обновление. *б.* Но я не смотрел: весна, Булонь! Там солнце, там новое наше солнце, я только это и говорил! ◊ *Слова*: там новое ∾ говорил! — *вписаны на полях.*

20 *После*: Добронравову. — *а.* О, я стыдился, стыдился перед ней за кассу. *б.* О, как я стыдился, как стыдился перед ней за кассу. ◊

22 съездили бы / съездим ◊

24–25 улыбнулась / улыбалась ◊

25 улыбнулась / улыбалась ◊

25–26 чтобы меня не огорчить / чтобы показать, что она вторит, чтоб меня не огорчить. ◊ *Слова*: чтобы показать, что она вторит — *вписаны на полях.*

26 *После*: в тягость — *а.* но она ведь тут, ведь мы вместе, она поймет, я уговорю! — вот что сияло в моей душе, и я не отходил от нее. Ей было это всё внове. *б.* но — она ведь тут, ведь мы вместе навеки, навеки! — вот чем сияла жизнь, и я не отхо‹дил от нее›. Ей было это всё чуждым ужасно. *в.* но — Булонь, Булонь! Новые впечатления, Европа. ◊

26–29 не думайте ∾ на виду! / не думайте, что я так глуп и такой эгоист! Я всё ведь видел, всё до последней черты видел и знал, всё мое отчаяние! ◊ *вписано на полях.*

31 Я говорил / Я говорил ей ◊

31 *После*: плакал. . . — *а.* Но всё это ей было ново, так она от всего отвыкла. *б. Начато*: О, я видел, что она давно

31–32 О, я ведь и переменял разговор ∾ про некоторые вещи. / Я старался всячески переменять [разговоры] разговор, отнюдь не напоминать про некоторые вещи. ◊

33 И даже ведь она оживилась / *а.* Тогда она даже оживилась *б.* И даже она оживилась ◊

33–34 ведь я помню ∾ не видел? *вписано на полях.*
34–35 И если бы ∾ воскресло. / О, если б это не случилось [она бы оживилась навсегда] [всё было бы воздвигнуто], и всё бы воскресло.◊
37 и о том ∾ прочитала / *а.* и что она в эту зиму прочитала *б.* о том, что она в эту зиму прочла ◊
38–39 эту сцену Жиль Блаза с архиепископом Гренадским / *а.* оцену Жиль Блава и архиепископа Гренадского *б.* сцену в «Жиль Блазе» [Жиль Блава] с архиепископом Гренадским ◊
39 *После*: смехом — *а.* смеялась *б.* засмеялась ◊
40 точно как прежде в невестах (миг! миг!) / *а.* *Начато*: О, я заметил, что она ужасно в эту зиму выиграла, она недавно прочла *б.* точно прежде невестой. Миг! Миг!
40 *Слов*: как я был рад! — *нет.*
40–42 Меня это ужасно поразило ∾ счастья / [И главное, главное — поразило это меня] И меня то поразило, что ведь нашла же она [без меня, когда читала это] столько спокойствия духа и счастья ◊
42 чтобы / чтоб ◊
43 *Слов*: когда сидела зимой — *нет.*
44 вполне начала уже верить / вполне начала верить ◊
46 О, десятилетней девочки мысль! / *а.* Какая наивность, десятилетней девочки мысль! *б.* [Мысль] О мысль, десятилетней девочки мысль! Фатум! ◊
47 И ведь верила ∾ останется *так* / *а.* *Начато*: И ведь верить даже начала, что так и *б.* И ведь верить даже начала, что всё останется *так* ◊

Стр. 30—32.

48–1 до шестидесяти лет / на всю жизнь ◊

Стр. 32.

1 И вдруг ∾ надо любви! / *а.* Да и хотелось-то, хотелось-то как ей этого, и вдруг тут я, муж, и мужу надо любви! *б.* И вдруг я подхожу, муж, и мужу надо любви! ◊
2 *После*: о слепота моя! — [Отвыкла, отучилась [забыла] она от меня!. . Но зато будущее, будущее. Слепота, но и будущее! [Я будущему верил и был прав! [прав!]] [Вот что меня оправдывало.] Будущее всё оправдывало. [В будущее я верил страстно.] Нет, вовсе неправда. Не было слепоты.◊ *Слова*: Не было слепоты. — *вписаны на полях.*
3 Ошибка тоже была ∾ с восторгом / Ошибка тоже, что я, я на нее смотрел [с восторгом] так восторженно. [Мои восторги, убежден, смущали [меня] ее.] ◊ *Слова*: Ошибка тоже, что я — *вписаны на полях.*
3–4 *Слов*: надо было скрепиться, а то восторг пугал — *нет.*
4 Но ведь и скрепился же я / *а.* Но зато я скрепился ◊ *б.* Надо было сдержать себя. А то испугал. Но [и тут я во многом прав] ведь я, однако ж, скрепился.◊
5 уже / уж ◊
5–6 не показал виду, что. . . ну, что я муж / не показал вида, что я. . . ну, что я муж [ей] ее [Я очень боялся потрясти ее, я видел] [Я ведь учился, всё время учился, как мне теперь быть. И, кажется, вот этим-то я и ободрил ее, что не целую ног.] ◊ *Слова*: Я ведь учился ∾ теперь быть; что не целую ног — *вписаны на полях.*
6–7 я только молился! / я ведь только [ей] молился, все эти дни, все пять дней! ◊
7–8 Но ведь нельзя же было совсем молчать ∾ не говорить вовсе! / Но ведь нельзя же было молчать, ведь нельзя же не говорить вовсе! ◊
10 *После*: развитее меня. — *начато*: Это бы<ло>
10–11 Она очень покраснела и конфузясь сказала / *а.* Она краснела и говорила *б.* Она покраснела и конфузясь сказала ◊
11 *После*: я преувеличиваю. — *начато*: Я напомнил ей прелесть всего того, что она переговорила со мной когда-то, еще когда я был жени-

хом, и что я так грубо не умел ценить. Не то что не умел, а не хотел, но я ей показал, что я всё [*‹нрзб.›* это] помню, всё ценю и тысячу раз о том думал, когда всю зиму молчал. Она слушала, конфузясь. Она не могла вынести, когда я вспоминал про эти наши отношения или про эту зиму или про что-нибудь. . . [Третьего дня] Еще вчера я вдруг рассмешил ее, чем же? Я вспомнил ее один маленький-маленький, совсем детский, анекдотик, который она рассказала мне невестой, про свое детство и как тогда смеялись, когда еще были живы родители. Нет, я расскажу это. Как-то они все вдруг, несколько знакомых семейств, поехали по приглашению на какой-то пикник, за город, где в каком-то вокзале все танцевали и веселились. Но когда пришлось [разъезжаться] уезжать

11–15 Тут я, сдуру-то ∾ простодушии. / [Когда] [Вот тогда я не сдержался] [И тут вдруг я сглупу] И вдруг я, не удержавшись, сглупу сказал ей, что я, когда стоял тогда за дверью и слушал ее поединок с той тварью, то был в восторге от ее ума, блеска остроумия при таком детском простодушии.◊

15–17 пролепетала было опять ∾ зарыдала. . . / пролепетала было мне: «Вы это преувеличиваете» — и вдруг [всё лицо ее] она вся омрачилась, она [закрыла лицо руками] закрылась руками и зарыдала, затряслась.◊ ***Рядом на полях запись***: Преступление мучило.

17–19 Тут уж и я ∾ во вторник. / О, тут уж я не выдержал, я [упа‹л›] опять упал перед нею [я уверял ее, что считаю ее верхом чести, святыни, что я слишком, слишком неправ, чтоб не понять [того] всего того, что вышло у нас потом, с [должной] надлежащей точки, что я, я сам во всем виноват. . . Но я не успокоил ее.] С ней и опять, опять вышел припадок, и опять, опять! О, как я ее мучил! ◊

19–20 вчера вечером / вчера, вчера вечером ◊

23–26 Слушайте и вникните ∾ трепетал от страху за вчерашнее. / *а*. Ведь когда мы сошлись давеча у самовара, я смотрел на нее, трепеща от страха за вчерашнее, но она даже поразила меня [своим даже] своим спокойствием, и всё просияло в душе моей. *б*. Ведь когда мы сошлись давеча у самовара, [сначала] она даже поразила меня своим спокойствием, вот ведь что было! [О, всё просияло в душе моей, а я так трепетал] А я всю ночь трепетал от страха за вчерашний припадок, и всё просияло в душе моей.◊ *Текст*: вот ведь что было! ∾ за вчерашний припадок. — ***вписан на полях.***

26 подходит / подошла

27 становится сама передо мной / *а*. она стала передо мной *б*. становится передо мной ◊

28 начала говорить мне / *а*. она сказала мне вдруг *б*. говорит мне сама◊

29 мучает и теперь / и мучит теперь, будет мучить всегда.◊ ***Слова***: будет мучить всегда — ***вписаны на полях.***

30 слишком / слишком, слишком

30–31 «я буду вашей верной женой, я вас буду уважать. . .» / «[с этого дня] я буду вам верной женой, я вас буду уважать [я. . .]». Тут она не докончила, она [хотела стать передо мной на колени] валилась слезами.◊

31–33 Тут я вскочил ∾ после долгой разлуки. / *а*. Я вскочил и вдруг обнял ее. Это было воскресение из мертвых. Я обнял ее крепко, крепко, и я в первый раз после столь долгой разлуки как муж поцеловал ее еще в губы. Она вся вспыхнула от стыда, боже! боже! О, я это помню. В каком восторге я ушел со двора и зачем я ушел? Но я так торопился. Боже, ведь если так, ведь если потом это случилось, ведь мука, может быть, была в лице ее, когда она приняла супружеский поцелуй, но я [этого] ничего не заметил, ничего! [И в каком восторге я ушел со двора] [Тут я вышел со двора в восторге.] Я это на том свете богу скажу, люди этого не знают, а это было давеча, давеча утром за самоваром. ***Последняя фраза и слова***: ведь если так ∾ случилось — ***вписаны на полях.*** *б*. Я вскочил и обнял ее крепко, безумно.

Я целовал ее, целовал ей лицо, губы, как муж, как в первый раз после столь долгой разлуки.◊

33–34 И зачем только я давеча ушел / И зачем я уходил

34 всего только на два часа / всего-то на два часа ◊

35–37 О боже! ∾ о господи! / О боже! Только бы пять минут, пять минут бы раньше воротиться! [А когда сходил с лестницы, то подумал: зачем она сказала, что «отныне буду вас уважать», зачем нашла нужным сказать это. . .] [А я так] И я так спешил воротиться, точно знал. [Эти пять дней я без нее не мог пробыть ни минуты. А [как] когда подходил [(господи, теперь только припоминаю)] . . . А знаете, я вдруг припоминаю теперь, да, именно сию минуту, что, когда я подходил, я вдруг подумал: «А зачем она сказала, что отныне буду вас уважать, зачем нашла нужным сказать это, уверять [что уважает] в уважении. . .» Так только мелькнуло это [грустно мелькнуло], странно как-то [‹*нрзб.*›], потому что вдруг] А тут вдруг эта толпа [в вор‹отах›] в наших воротах, эти взгляды на меня. . . [Господи! Господи! . . да ведь это всё случилось. . .] Господи! ◊

39–40 она всю зиму ∾ рассказывать будет / она всю зиму тут была, смотрела, она всё расскажет *Слова*: она всю зиму тут была, смотрела — *вписаны на полях.*

40–42 когда я вышел из дому ∾ что-то спросить, не помню / когда я вышел, то она — и всего-то, всего-то минут за двадцать каких-нибудь до моего прихода — она вдруг вошла к барыне в нашу комнату что-то спросить ◊

43 тот самый образ / тот самый образ-то ◊

44–45 как будто сейчас только перед ним молилась / как будто сейчас перед ним молилась ◊

46 *После*: поцеловала ее. — *начато*: Что

47 «Счастливы вы, говорю, барыня?» — «Да, Лукерья» / «Счастливы вы, барыня?» — «Да, Лукерья, счастлива» ◊

48 следовало бы барину / надо бы барину ◊

Стр. 33.

1 «Хорошо, говорит, Лукерья / «Хорошо, Лукерья ◊

4 у стены / у окна

5 а к руке / *Начато*: а на руку, на ладонь

7 из той / из другой ◊

7 Вижу я / Вижу [в ней] ◊

7–8 как будто она улыбается, стоит, думает и улыбается / *а.* как будто улыбается, стоит и улыбается *б.* как будто она улыбается ◊

8–9 Посмотрела я ∾ а сама про себя думаю / Посмотрела я еще, повернулась тихо, вышла, не заметила она ◊

10 отворили / отворила

10–12 Я тотчас пошла сказать ∾ в отворенном окне / Я вхожу, хочу сказать, что свежо, барыня, что не простудилась бы, и вдруг вижу, она вся стоит [на] в отворенном окне ◊

13 тут же / тут ◊

14–16 Она услышала ∾ бросилась из окошка!» / Она вдруг услыхала, хотела было обернуться, да не обернулась, шагнула [и вдруг выбр‹осилась›], образ прижала к груди и вдруг выбросилась с четвертого этажа.◊

17–18 Я только помню ∾ еще теплая. / Когда я в ворота вошел, она еще была теплая.◊

18–19 Главное, они все ∾ передо мной расступаются / Вижу народ, кричат, увидали меня, вдруг все замолчали — на меня смотрят. [Я смотрю на них.] [Вижу, они расступились] [Нако‹нец› они расступились] [Вдруг они расступились] Они все вдруг расступились ◊

20–21 Я помню ∾ говорят мне. / Я [подошел] подхожу [и помню] и ничего не говорю, с минуту нагнулся, смотрел, они [обступили, говорят мне] все обступили, они мне что-то говорят. . .◊

21–22 Лукерья тут была ∽ говорила со мной. *вписано на полях.*
22 а / но ◇
22–31 Помню ∽ Невозможность! / *а.* Я еще помню, какой-то (это наш лавочник) всё кричал мне, что с горстку крови изо рта вышло, с горстку. Я еще его спросил: «Что такое с горстку?» И вдруг, и вдруг я задрожал, возопил на весь двор: «Люди, это недоразумение! О, недоразумение» *б.* [Еще] Только помню, какой-то тут мещанин всё кричал мне в лицо, что с горстку крови изо рта вышло, с горстку, и указывал на камень [где была кровь], на котором были брызги крови. А я слушал, слушал их. Я [еще] тронул кровь пальцем, запачкал палец, гляжу на палец, а он мне: «С горстку!» Я его еще спросил: «Что такое с горстку?» О недоразумение! О дико, дико! Недоразумение! Неправдоподобие! Невозможность! ◇ *Фраза:* Я тронул кровь ∽ «С горстку!» — *вписана на полях. Далее на обороте предыдущего листа рукописи разрозненные наброски к разделу 4 главы II:* *1.* Как же нет? *2.* Да разве нет? Чем назвать, как неправдоподобием? За что умертвила себя эта женщина — вот вопрос — позвольте. *3.* Испугалась любви моей. Ну, коли бы я был так тебе противен. Счастье с милым, а я бы на другом тротуаре. *4.* Неужто я уж так опротивел, что одна мысль. . . Честна уж очень. Широкость-то сердца я хотел тогда привить. О, что за странные идеи. *5.* «Я буду вас уважать». Кому она сказала это. *6.* Мы только отвыкли в зиму, разучились, а ‹*нрзб.*› можно было опять приучиться. *7.* Я знаю, отчего умерла. Но ведь это значит случай. Ведь если б я 5 минут. *8.* Случай. А то бы оставила записку. *9.* Не уверена была. Но вот беда: тогда бы не написалось письма. *10.* 5 минут — и ей бы никогда потом не пришло в голову! *11.* Что мне теперь ваши законы. Ваша вера, ваше государство — что мне? *12.* Судья крикнет: «Молчите, офицер». А я скажу ему: «А чем вы меня устрашите? чем?» *13.* Открыть только раз глаза. Мы бы обменялись взглядом, и она бы всё поняла! *14.* Ожила, только глаза — раз глаза — и довольно. *15.* Пусть взглянет, как давеча, вот когда давала клятву, что будет верной женой. *16.* Стучит маятник. Мертвый камень, ответь! *17.* Ботиночки ее стоят, точно ждут ее. *18.* Да и вовсе не был приглашен к такому участию. *19.* Очень много убеждений, ипохондрических убеждений, которые он выработал себе сам.
32 IV. Всего только пять минут опоздал / 4 ◇
34 Для чего, зачем / Для чего, для чего ◇
35–36 все-таки вопрос / вот вопрос ◇
38 голову ломать / головы ломать ◇
38–39 обещаний слишком много надавала ∽ ясно. *вписано на полях.*
42 Вопрос стучит ∽ в мозгу стучит. *вписано на полях.*
43–44 Она тому не поверила, вот что! / Она не поверила, она характеру моему не поверила, ипохондрии моей не поверила, вот что!
46 купца / лавочника

Стр. 34.

1–2 чтоб согласиться на такую любовь, какой надо купцу / *а.* чтоб любить меня, как любила бы лавочника *б.* чтоб согласиться на любовь, какую надо купцу, любить так, как [требуется] надо лавочнику. ◇ *Слова:* согласиться на любовь, какую надо купцу — *вписаны на полях.*
2 обманывать / обмануть [под ви‹дом›] ◇
3 обманывать полулюбовью / обмануть и полулюбовью ◇
3–4 *После:* четвертьлюбовью. — Она знала, что я потребую всего, вот что!
4 Честны / Честна
4 Широкость сердца-то / Широкость-то сердца ◇
4 хотел / я хотел

5 Странная мысль. / *а.* Что за странная идея! Я хотел перевоспитать характер. *б. Начато*: Странное намер[ение]

6–7 презирала ли она меня или нет / презирала она меня или нет ◊

7 чтоб / что ◊

11 С *строгим* именно. / *Строгим* именно ◊

12–14 Ах, пусть ∾ жила, жила! / *а.* Ах, пусть, пусть! Пусть бы презирала всю жизнь, но — как же она в гробу? как же я один? *б.* Ах, пусть, пусть! Пусть бы презирала всю жизнь, но — пусть бы только б жила, жила! ◊

15–16 даже за пять минут / за пять минут [Устала, что ль, жить? О, пусть бы открыла глаза, встала и сказала одно слово!] ◊

17 *После*: ни за что! — Кстати, давеча стояла и говорит: «Я вас буду любить, я вас [теперь] *буду теперь уважать*». Для чего она это сказала, что уважать будет, для чего нашла нужным [сказать, нашла нужным] уверить меня, что [уважает] будет уважать. К чему такая необходимость такого обещания! [О, целая] [Боялась, что я сомневаюсь, что ли] Знала, что я сомневаюсь, — вот оно! [Но пусть, пусть не уважала бы!] О, целая бездна лежала между нами недоговоренного, необъясненного. *Слова*: Знала, что я сомневаюсь — *вписаны на полях. Весь текст зачеркнут и восстановлен.*

18 О, нам еще можно было сговориться. / *а.* Потому что конечно можно было сговориться. *б.* О, конечно можно было сговориться. ◊

19 *Слов*: друг от друга — *нет.*

20–21 сойтиться и начать опять новую жизнь / *а.* сговориться и сойтись и начать всё сызнова *Слова*: и начать всё сызнова — *вписаны на полях. б.* вновь начать всё это ◊

23 *После*: всё поняла. — *а.* Неужто ж я так уж опротивел ей, что одна мысль. . . Устала она в зиму — вот что! Опоздал! *б.* Всё! всё! ◊

24 Главное ∾ всё это случай / *а.* А главное, что всё это случай *б.* Главное, что обидно, что трагически обидно, это то, что всё это случай ◊

25–26 всего, всего только пять минут опоздал! / *а. Как в тексте. б.* всего, всего только пять минут. ◊

27–28 *После*: не пришло в голову. — *начато*: А главное, я был бы тут, я бы

28 *После*: всё поняла. — *а.* [Какой] О случай, бесчувственный случай, которому дела нет! *б.* Как же не случай? *в.* О, это обидно *г.* О, как обидно. ◊

28–29 А теперь опять пустые комнаты, опять я один. / Опять пустые комнаты, опять я один, [опять заклады] ◊ *вписано на полях.*

29 стучит / качаясь стучит

30 ему ничего не жаль / ему ничего не жалко ◊

30 *После*: вот беда! — Человек один на земле — вот беда!

31 *Фразы*: Я хожу, я всё хожу. — *нет.*

34–35 как все оставляют / и проч.

35 не могла рассудить / не могла бы рассудить

35 могут потревожить / потрев‹ожат›

36 даже / хоть

36–37 так ты и толкнула ее / так убила ◊

37 затаскали бы без вины / затаскали бы, без вины бы затаскали

39 кинулась / бросилась ◊

39–40 Но ведь и это тоже случай ∾ видели. *вписано на полях.*

40 что люди стояли / *а.* что были люди *б.* что случились люди ◊

40–41 Нет, всё это ∾ безотчетное мгновение. / *а.* Значит, это было только мгновение. *б.* Нет, всё это было только одним мгновением. *Слова*: одним мгновением — *вписаны на полях. в.* Нет, всё это только, только мгновение. ◊

41–42 Внезапность и фантазия! / *а.* Случай, внезапность, фантазия! *б.* Внезапность, фантазия! ◊

43–46 Всё мгновение продолжалось ∾ и улыбалась. / Всё [то] мгновение продолжалось, может быть, каких-нибудь десять минут, не справилась с впечатлением, всё решение — вот когда у стены стояла, опер-

лись рукой, и улыбалась. [Как же, как же не случай! Это ясно, как день! Пять минут, всего только пять минут!]

46–47 Влетела в голову мысль ∾ перед нею. / Влетела в голову мысль, зажглась, и она не могла устоять перед нею. [Как же не случай, это ясно как день!] ◊ *вписано на полях.*

48 Тут / Нет, тут ◊

48 *После*: как хотите. — *начато*: Главное, пять минут

Стр. 35.

1–2 истощения / недостатка

2 *После*: жизненной энергии? — *а.* Измучил я ее, вот что. *б.* Устала она в зиму, вот что! Измучил я ее, вот что. ◊

5–6 ничего не размозжила, не сломала / ничего не повреждено ◊

6 одна эта / эта ◊

7 Внутреннее сотрясение. / Внутри сотряслось. ◊

7–8 если бы можно было не хоронить / *а.* если б ее не хоронить *б.* если б можно ее не хоронить ◊

8–9 то . . . о нет, унести почти невозможно! / *а. Начато*: то как же мы будем. . . *б.* то. . . да ведь это [же] почти невозможно! ◊

9 должны унести / должно унести ◊

11 но как же так опять никого в доме / но как же никого не будет в доме

11–12 опять две комнаты ∾ с закладами / *а.* две комнаты, и я с закладами. Согласитесь, что тяжело. *б.* опять две комнаты, и, кроме меня, никого

13 Измучил я ее — вот что! *вписано на полях.*

17 что я не признаю / что не признаю ♦

18–19 А я закричу ему ∾ чтобы я послушался? / *а. Начато*: А я скажу, где *б.* А я закричу ему: где теперь [у вас] у тебя такая сила, которой бы я послушался? [Я не верю в вашу силу и вам жить не хочу.] ◊

19 мрачная косность / мертвая косность ◊

19–20 *После*: всего дороже? — Зачем же мне жить после этого? Ответьте мне, судья, зачем?

20–21 Зачем же мне теперь ∾ всё равно! / *а.* Это преступление судьбы, и что мне после того ваши законы? Я отделился. *б.* И что же мне после того все ваши законы [?] [Ступайте.] и ваш мир! Я отделяюсь. О, мне всё равно! ◊ *Текст*: и ваш мир! ∾ всё равно! — *вписан на полях.*

22 Слепая, слепая! / О слепая, о милая!

22 Мертвая / Мертва ◊

23–24 я бы насадил его кругом тебя / и я бы насадил и кругом тебя ♦

24 и пусть / и пусть, и пусть!

25 всё бы и оставалось *так* / *а. Как в тексте. б.* всё бы я и оставил *так* ♦

26–27 вот бы и радовались ∾ глядя друг другу в глаза / вот бы и [смеялись] [радовались] смеялись радостно, глядя друг другу в глаза *вписано на полях.*

27 *Фразы*: Так бы и жили. — *нет.*

28 *После*: другого — *начато*: зате‹м›

28 *После*: пусть! — *вписано на полях*: И это пусть рассказывала бы! ♦

30 О, пусть всё ∾ хоть раз глаза! / *а.* О, пусть, пусть, но пусть она оживет! О, я знаю, что это нельзя, я ведь не безумный, но пусть бы она открыла хоть раз глаза. *б.* О, пусть, только бы пусть ожила она! Нет, серьезно, хоть это невозможно, но пусть бы она открыла хоть раз глаза. *в.* О, пусть, только бы пусть ожила! пусть бы она открыла хоть раз глаза. ◊

30–31 На одно мгновение, только на одно! / На одно мгновение, только на одно! всего на одно! Да больше и не надо, я не стою! *Последняя фраза вписана на полях.*

31 взглянула бы на меня / взглянула бы на меня своим взглядом

33 *После*: когда — *начато*: дав‹ала›

33 О, в одном бы взгляде всё поняла! / *а.* Нет, серьезно, один бы только взгляд: взглянула бы на меня и всё поняла! *б.* О, взглянула бы и всё поняла! Я бы всё ей успел сказать. ◊

34–41 Косность! ∾ Два часа ночи. / *а.* О, косность! О, природа! Стучит маятник, бесчувственно-косно. Ночь. *б.* Косность! О, природа! Человек один на земле — вот беда! «Есть ли в поле жив человек?» — кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь. Никто не откликается. Никто не ответит. Взойдет солнце — и разве оно не мертвец? [Мертвец, мертвец!] Везде мертвецы! Стучит маятник, бесчувственно, противно. Ночь. *в.* Косность! О, природа! Люди одни на земле — вот беда! «Есть ли в поле жив человек?» — кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь. Никто не откликается. Никто не ответит. Говорят, солнце живит вселенную. Взойдет солнце — и разве оно не мертвец? Всё мертво, и [везде] всюду мертвецы. Одни только люди — [и всё молчание] и всё кругом них молчит. Люди, любите друг друга. Кто это вам сказал! Чей это завет? Стучит маятник, бесчувственно, противно. Два часа ночи. ◊ *Текст*: Люди одни ∾ Два часа ночи. — *вписан на полях.*

42–43 что ж я буду? / как же я буду?

42–43 *После*: что ж я буду? — О, случай, мертвый случай. . . О, опоздал, опоздал!

Варианты чернового автографа (ЧА)

‹Декабрь, глава вторая, § §I и II›

Стр. 55.

2 *Цифры*: I — *нет.*

2 *Слов*: Анекдот из детской жизни — *нет.*

3 Расскажу / Расскажу один коротенький анекдот ◊

4 Живут / Живет ◊

5 Семья небогатая / Люди небогатые ◊

6–7 посещает ∾ школу / ходит в Петербург в школу

7–8 когда ∾ домой / *а.* когда [уходит] туда отправляется и когда возвращается из школы, то *б.* уезжая в школу или возвращаясь из школы домой ◊

8 *После*: карете — *начато*: а зимой

9 отправляющейся / отходящей

12 у нас ∾ установилась / вдруг у нас стала

12 *После*: первопут — *начато*: в светлые

13 два-три / два ◊

13 *После*: морозу — *а. Начато*: и когда мне вдруг однажды [разговорившись со мной], везя меня в санках, извозчик и уже немолодой, лет сорока и [даже] хваля после *б.* (и когда мне вдруг однажды извозчик и уже немолодой, лет сорока, везя меня в санках и разговорившись со мной, после горячих похвал наступившим славным дням и погоде [вдруг], помолчав, внезапно произнес: «Вот теперь в такой день жениться хорошо») ◊

14 сказала ей / сказала: [что ты] ◊

17 всё / их ◊

20 Назавтра / Только как раз вот назавтра

20 *После*: часу — *начато*: когда ей надо было возвратиться

20–21 *После*: кондуктор — *начато*: проезжавший как раз мимо домика, где они жили, общ‹ественной›

21 кареты / кареты, проезжавший

24 дурной девочкой / дурная девочка ◊

27 *Слов*: прости меня — *нет*.
27 *После*: Саша — *начато*: Сашечка была
28 представить / себе представить ◊
29 занятия / все занятия ◊
30 Случился / Подвернулся
31–32 вызвавшийся ∾ в Петербург / *а*. вызвавшийся съездить в город *б*. вызвавшийся сам ехать тотчас в город ◊
32–33 справившись ∾ ночь / *а*. искать и искать хоть какие-нибудь следы и хоть всю ночь. *б*. искать и искать [и], но какие-нибудь хоть следы найти и хоть целую ночь. ◊
33 *После*: ночь. — Разумеется, надежда была небольшая ◊
34 Главное ∾ соображение / но соображение ◊
34–35 воротиться / воротиться сама
35 *Слов*: раскаявшись в прежнем решении — *нет*.
36 не застанет / не будет
37 довериться / доверить дело ◊
37 горячему участию / участию
38 *После*: человека — *начато*: Затем она
38 В случае же / Во всяком случае ◊
38 не отыщется / *а*. не явит‹ся› *б*. не разы‹щется› ◊
38–39 положили ∾ полиции / положили заявить полиции чем свет ◊
40–41 так как ∾ понять / *а*. и так можно понять. *б*. можно понять и без описания ◊
42 рассказывает / говорит ◊
43 *После*: слышу — *начато*: вошла
43 *Слов*: во дворе — *нет*.
44 по лесенке / по лестнице ◊
45 к тебе / домой ◊
46 руки ∾ ладошками / [ручки по‹том›] ладонями, как бы в мольбе ◊

Стр. 56.

4 как только / как ◊
4 как ∾ солгала про уроки / как я вчера солгала тебе ◊
5 так ∾ решилась / так я и решилась
6 ходить не буду / не пойду
8 *После*: Да как же — *начато*: ты быть-то хотела
8 *Слов*: ты с собой-то быть хотела — *нет*.
9 так где же / *а*. где же жить-то? *б*. где же ты быть-то хотела ◊
11 *Слов*: а прозябну — в Пассаж зайду — *нет*.
12–13 так как уж нибудь / как-нибудь ◊
14 на булку / в день ◊
15–16 А там не знаю / Ну а там я не знаю ◊
21 этот вагон / вагон ◊
24 все ездят / ездят ◊
26 мне / мне издали ◊
27 *После*: лезешь? — Кто такой?
28 соскочила / выскочила ◊
28 подходит / идет
29 здесь / барышня ◊
32–33 *Слов*: и забиты досками — *нет*.
33 если б пройти / *Начато*: на ночь
34 *После*: темно — так и проспишь до утра.
34–36 Зашла ∾ пролезть. / *а*. Зашла я с переулка и вижу, хоть и заколочены были досками двери, а всё есть место пролезть. *б*. Вот и зашла я с переулка и сыскала такое место, хоть и заколочены досками двери, а всё есть место пролезть. ◊
37 я пошла ∾ в угол / я пошла в угол *вписано*.
38 Вот, думаю, тут / Ну, думаю, вот тут ◊
39–40 приподнялась / привстала ◊
40 в самом углу / в углу ◊

40–41 и точно ∾ смотрят / и как будто вижу на меня [уж смотрят двое или трое] оттуда глаза смотрят, на меня показывают ◊
42 ту самую / ту ◊
42 на улицу / на улицу выскочила ◊
42 а они ∾ зовут / *а.* а они, слышу, смеются *б.* а они, слышу, что-то <?> кричат мне вслед ◊
43 *Слов*: Успела выскочить — *нет.*
43 пустой / совсем пустой ◊
44 *После*: опять — и пошла по улицам
45 *После*: не знаю — но только, думала, очень уж поздно ◊
46 Гостиного / Гостиного двора ◊
46 совсем / совсем почти ◊
48 *После*: девочку — *начато*: я бы ему призналась

Стр. 56—58.

48–1 Я уж ∾ он бы мне — *вписано.*

Стр. 58.

1 Думаю / Только думаю ◊
1–2 я всё об этом, иду / я это ◊
2 гляжу / вижу ◊
3 *После*: думала — что уж очень поздно и ◊
4 *Фразы*: «Ах, думаю, поеду к маме!» — *нет.*
4 Села я / прыгнула я в дилижанс ◊
4–5 и так ∾ к тебе / и так рада, так рада я, мамочка, теперь, что к тебе ◊
5 воротилась / *а.* приехала *б.* опять воротилась! ◊
6 *После*: ах, мамочка! — *начато*: Начали обниматься
8 Спрашиваю ∾ дальше / Рассказывает дальше мать: спрашиваю я ее ◊ *вписано на полях.*
9 чтоб не ходить / не ходить ◊
12 только ∾ школу / она в гимназию ◊
12 веришь ли / веришь ◊
13 никогда почти / никогда
14 *Слов*: каждый день — *нет.*
15 а на улице очень весело / а по улицам весело ходить ◊
16 в школу / в гимназию ◊
18–19 про это / это всё ◊
19 тогда же подумала / и подумала тогда ◊
19–20 и стало ∾ школе / и [только] стало мне с того разу скучно в школе ◊
20–21 Только ∾ дня / только до самого вчерашнего дня [мне] и намерения не имела ◊
21 и решилась / с вечера и решилась ◊
22 правда / [совершенная] истина ◊
23 *После*: рассказали его — и позволили записать его (разумеется, с полным [in<cognito>] анонимом) ◊
24 напечатать / будет напечатать ◊
24 его / записанное ◊
24–25 *Фразы*: Мне позволили ∾ incognito. — *нет.*
27 я знаю / мне кажется, и я это знаю
28 юных душах / очень юных [душах] головах ◊
29 дозревших / созревших ◊
29–30 хоть ∾ возмужалости / самой еще первой возмужалости
31–32 (двенадцати- или тринадцатилетний) / (двенадцать лет) ◊
32 *После*: в мальчике — я сам знал одного из мальчиков же в мое время, который совсем и серьезно решился бежать и уже не из школы только, а совсем и из России и бежать именно в Венецию, в которую он восторженно влюбил<ся> по прочтении повестей Гофмана и Жорж Занда. [Только он не бежал (хотя остановлен лишь совершенно слу-

чайным, но неодолимым препятствием), а нынче как-то смелее на решение.}
33 Кстати о мальчиках / А впрочем и насчет мальчиков ♦
34 напечатанное ∾ известие / известие во всех газетах ♦
37 *После*: города — [Нет], тут вовсе не одна глупость, [тут много причин, весьма сложных, весьма любопытных] и вполне достойных внимания. [Не достойны внимания и другие.] Тут возраст, требующ‹ий› огромного внимания отцов и наставников.♦
37 а вместе ∾ пистолет / вместе ‹?› с пистоле‹том›, котор‹ый› они с собой взяли. Всё это бесспорно глупо.◊ *вписано.*

Стр. 58—59.

38—9 *Текста*: Вообще и прежде ∾ родителей. — *нет.*

Стр. 59.

8 И как / Как♦
8 всё это / всё ♦
8 то есть всё / всё ♦
10 с кем / с кем же ♦
10 родными детьми / детьми
10—12 Подумать ∾ матери / У меня мороз прошел по спине в том месте рассказа ♦
13 и плачет / почти плача ♦
12—14 что встретится ∾ с собою / о добром человеке, который *сжалился бы* и пригласил бедную девочку ночевать ♦
14 *После*: это — так могло, так легко могло случиться!♦
14—16 *Текста*: желание ее ∾ «добрыми человечками»! — *нет.*
16 Ну а потом, наутро? / *а.* А потом, наутро: *б.* А потом, потом. . .
16—18 *признаться* / признаться матери
19—20 и грядущая ∾ *ужиться* / и способность ужиться с этим, [и, пожалуй, повторить и. . . и. . .], а затем, ну а затем уж всё. . . и это с двенадцати лет.◊
20—24 *Текста*: а потом ∾ и всё остальное — *нет.*
28 *Текста*: И всё шито-крыто. Ведь шито-крыто в полном смысле слова! — *нет.*
33 А эта ∾ школы / А гимназистка, которая ходит и ◊
37 *После*: заходит, — и имеет столько влияния на подруг своих. В этом возрасте всегда объявляются некоторые характеры, которым все подчиняются, все подражают, родящиеся, чтоб иметь авторитет и властвовать. Невинность [девочки может быть] полная, но ведь улица [две недели на] Петербург, уж Невский проспект, конечно, целые недели на улице — вот уроки-то! вот школа! Будь невинен, как самое первобытное существо, а всё же не избегнешь познания добра и зла хоть отчасти. Но довольно. Родители, столь занятые делами, может быть, прочтут мой анекдот. Он не длинный. ♦ *Далее запись на полях*: и не приписывать факта одной [един‹ственной›] глупости
37—43 *Текста*: и нашу девочку ∾ юных существ — *нет.*

Стр. 60.

1—3 Разъяснение ∾ «Свет» / *а.* Об участии моем в издании журнала «Свет» *б.* Мои оговорки об участии моем в издании будущего журнала «Свет»◊
3 *После*: «Свет» — *начато*: Ровно два
3 В «Дневнике писателя» / *а.* В октябрьск‹ом› *б.* В «Дневнике писателя» два месяца назад ◊
3 *После*: «Свет» — *начато*: Николаем Петрови‹чем›
6 стали меня расспрашивать / со всех сторон стали меня [спрашивать] расспрашивать ◊
6—7 о будущем моем в нем участии / о моей в нем деятельности. Все спрашивающие и [на письмах] письмами и словесно [реш‹ительно›],

как я вижу теперь ясно, почему-то решительно [приняли, что я] [и продолжают принимать] принимают, что я участвую в [мысли] новом журнале [вступаю может быть в новую деятельность и] [всецело так] [гораздо] [несравненно] более, чем упомянуто обо мне в объявлении профессора Вагнера, мало того, что я начинаю, так сказать, новую деятельность, расширяю прежнюю, перехожу в «Свет», одним словом [по весьма ясным, беспрерывно задаваемым мне вопросам], из [задаваемых мне даже до сих] продолжающихся ныне вопросов, я вывожу, что меня считают как бы соредактором журнала, чуть не соиздателем [его] и уж непременно участником его основной мысли [замысла журнала], задуманного плана [намерения] [его всего замысла] и проч. и проч. *Далее наброски:* Если и не считают соредактором; потому что вопросы всё больше и больше продолжают‹ся›, я получаю письма, из которых вижу, что меня принимают чуть не за соиздателя «Света».

7–39 Я отвечал всем ∞ газетное объявление. / [Я сначала мало обращал на них] [Но вы правы] Я отвечал всем, кому мог ответить, что в журнале «Свет» я, по приглашению Н. П. Вагнера, обещал поместить лишь рассказ и что [в этом и будет состоять всё мое участие] этим и ограничится в нем участие. Но теперь я [вижу] [счел] прямо вижу [почти] необходимым оговорить [всё] это [письменно] даже печатно. По продолжающимся мне беспрерывно вопросам я [решительно] заключаю, что [большая] [некот‹орая›] часть читателей и подписчики моего «Дневника» (письменно и словесно) совершенно уверены почему-то, что я начинаю какую-то новую деятельность. На это [прямо] и объявляю, теперь уж печ‹атно›, что буду издавать по-прежнему в 1877 году лишь «Дневник писат‹еля›» и что [это‹му› изданию] «Дневнику» будет принадлежать по-прежнему вся моя деятельность [нераздельно]. Что о новом издании «Свет» я знаю [решительно столько же, сколько всякий мог узнать, всякий прочитавший] лишь по объявлени‹ю› профессора Н. П. Вагнера. [Что] [Действ‹ительно›] я не знаю решительно ничего более, [ни мыслей ни замыслов] совсем и не участвовал ни в замысле, ни в плане, ни в соредакторстве и т. д. Даже самая идея нового журнала мне еще почти совсем неизвестна, так что я жду появления его первого № с любопытством. Полагаю, что особую близость мою к журналу «Свет» все вывели из того, что в моем издании было помещено о нем самое первой объявление, а потом как-то так случилось, что это объявление [почему] не повторилось [потом весьма] довольно долгое время ни в одной другой газете, принимающей объявления. Но в [моем издании] «Дневнике» всегда печатаются и печатались и другие литературные объявления о разных изданиях и книгах. Во всяком случае, повторяю [что деятельность моя в «Дневнике» не разделится], что обещать дать рассказ [не значит] в другое издание еще не значит [перенесть в это издание всю свою деятельность] [в него] перейти в то издание и что [даже] самое искреннейшее мое желание успеха предприятию многоуважаемого Н. П. Вагнера основано всего [только] лишь на личной моей надежде увидеть в его [издании] журнале нечто и новое, и оригинальное, и полезное [по крайней мере судя по прекрасному подбору имен сотрудников] [лишь на надежде] [ибо, но] Далее я ничего о нем не знаю [ибо], издание мне совершенно чужое и [мне] ровно столько же мало мне известное, как и всякому прочитавшему о [журнале «Свет»] о нем в газетном объявлении. *Рядом запись на полях:* Как и в прошлый год; что я принадлежу ему всецело, и в будущем году я буду. ‹*не закончено*›

‹Декабрь, гл. II, §§ I—III›

Стр. 55.

3 *После*: Расскажу — один коротенький анекдот
5 Семья небогатая / Люди небогатые
14 сказала ей / сказала
22 соскочив мимоездом / соскочив
28 Можно / Можно себе
29 занятия / все занятия
31—32 вызвавшийся / *Начато*: возвр‹атившийся›
34 представившееся / представляемое
35 *После*: сама — *начато*: и е‹сли›
35—36 и если / но если
37 горячему участию / *Начато*: участию гор‹ячему›

Стр. 56.

4 как только я / как я ◊
81 этот вагон / вагон
28 *После*: мне — *начато*: изда‹лека›
32 строится, еще только / еще строится, только
41 побежала / побежала я
42 на улицу / на улицу выскочила
42 а они меня, слышу, зовут / а они меня что-то ‹*не закончено*›
43 Успела / Только я успела
43 *После*: что — думала
46 Гостиного / Гостиного Двора ◊

Стр. 58.

9 в школу чтоб не ходить / в школу не ходить
19 *После*: так же — *начато*: только до самого
21 и решилась / с вечера и решилась
22 правда / истина ◊
23 *После*: рассказали его — и позволили записать, разумеется, с полным incognito
25 incognito / incognito лиц
34 в газетах / во всех газетах
40 но теперешний юный народ / но только теперешний народ
41—42 и гораздо короче на сомнения и размышления *вписано*.
42—44 Прежние, надумав проект ∾ не исполняли / прежние задумывали, да не исполняли
46 надумают / задумают

Стр. 58—59.

46—4 Впрочем, прежних связывало ∾ всё это от чего-нибудь. / *а.* меньше удержу и, уж разумеется, это почему-нибудь *б.* меньше удержу, односторонне голова работает и, уж разумеется, это от чего-нибудь

Стр. 59.

1 *После*: эти — потонели
1 стали несколько слабее / *а.* стали гораздо тоньше *б.* стали гораздо слабее ◊
2 *После*: внешнего — *начато*: авторит‹ета›
5—6 случаи, происходящие от глупости / случаи от глупости
6—7 вполне нуждается в особенном внимании / достоин особенного полного внимания
8—9 «делами» и не делами родителей / «делами» родителей
9 то есть всё / всё

После: родными детьми — *начато*: У меня мороз

14–18 ведь это желание ее ∾ «добрыми человечками» / ведь это так легко могло случиться и что у нас так [бессчетно много «добрых людей»] кишит этими «добрыми людьми»

18 Ну а потом / А потом

19–24 и грядущая способность ∾ и всё остальное. / и способность молча, про себя с воспоминанием этим ужиться, а потом об нем задуматься ‹*3 нрзб.*› и всё думать и думать, но уже с чрезвычайным разнообразием представлений.

26 А эта другая девочка / А ‹*3 нрзб.*› девочка

23–25 а *бродяжить* весело ∾ возможны и *бродячие* девочки / но, значит, возможны и бродячие девочки

33–39 А главное, повторяю еще и еще / но главное

32 этот интереснейший возраст / интересный возраст

40–41 младенческую, трогательную невинность / *а.* младенческую невинность *б.* именно младенческую трогательную невинность ♦

41–43 уже приобревший *вписано.*

43 с такими идеями / с идеями

43–44 о которых / которые (и это всегдашний факт) чрезвы‹чайно›

46 Это-то вот раздвоение / Эти два раздвоения

48 *После*: много — страшного в жизни

Стр. 60.

2 Разъяснение / Моя оговорка

6 как стали / как со всех сторон

8 всем, кому мог ответить *вписано.*

11–12 с вопросами не перестают / вопросы не перестают

13 вижу из этих писем, что читатели / вижу из тех, что [все] очень часто читатели

18 редактировании / редакторстве

22 авторская / *Начато*: литер‹атурная›

22–26 Что же до нового ∾ не участвую. / что о новом издании «Свет» я знаю лишь по объявлению Н. П. Вагнера, ни в замысле, ни в плане его, ни в соредакторстве [нового] его не участвую

26–27 и я жду ∾ познакомиться / так что я жду появления его первого № с большим любопытством

28–29 напечатано было / явилось

30 довольно долгое время / на долгое время

31 *После*: газете — *а.* Но в «Дневнике писателя» и прежде еще литературные *б.* Но в «Дневнике писателя» ‹*нрзб.*› объявления о других изданиях и прежде.

35 и даже на убеждении *вписано.*

36–37 далее и подробнее / далее

38 пока столько же / *а.* совершенно столько же *б.* пока совершенно столько же

40 *Заголовок*: III. На какой теперь точке дело — *вписан.*

42 весьма лестное ∾ между тем и / *а.* прием, который даже не ожидал, но собою недоволен, всё от того, что *б.* *Как в тексте, но вместо*: между тем и — между тем я и

Стр. 61.

3 и даже бывал понят превратно / так что идея была понята превратно

2–3 наиболее себя / лишь себя

3–4 читатели мои / читатели «Дневника»

5 «Дневника» в будущем / *а.* его и в будущем *б.* мое и «Дневника» и в будущем *в.* «Дневника» и в будущем ♦

6 пока состояла / состояла

5–7 разъяснять / разъяснить

7 *После*: самостоятельности — оправдать эту идею

12 вперед / прямо ♦

15 в текущих политических событиях / в текущих вопросах
15–16 из наших статей / *а.* из статей «Дневника» *б.* из статей ◊
17 «Дневник» желал лишь / мы хотели
19 относительно нас / для нас
19 дело / всё дело
19–20 не в одном славизме / не столько в славизме
25 хотя, без сомнения / хотя и без сомнения
27 разрешения его / о разрешении его
36 единственно поэтому *вписано.*
38–39 в том заключена вся идея народа / в том вся идея народа
40–41 великая и непереставаемая / великая, непереставаемая
41 *Слов*: с древнейших времен — *нет.*
41–43 непрестанная, может быть ∾ государства нашего / непрестанная, может быть, никогда и это чрезвычайно важный факт, чтоб отметить его ◊ *вписано.*
44–45 пожертвовали от себя целый (и превосходный) / пожертвовали целый
47 они в деле веры не сообщаются / они не сообщаются

Стр. 62.

1 православного христианства / христианства ◊
3–6 сроках ∾ различия *вписано. Вместо*: и надежда — *было*: и в сладкой надежде
6 *Слов*: и даже хотя бы только в будущем — *нет.*
8 подтверждает отчасти / отчасти
10–11 иными фиктивными / *а.* фиктивными *б.* и частью фиктивными
14 *всё* вселенское / вселенское
15–16 выскажут ее вполне сознательно / выскажут ее
16 а эти / и что эти
17 бесспорно / несомненно
18 прямо можно сказать / я прямо утверждаю
18–19 уже во всем народе нашем / в народе
21 Вот главный факт. *вписано.*
23 несравненно более / весьма
23 определенный вид / определенный и несколько иной вид
24 народом своим и духом его / [пока] наиболее пока лишь только одним народом своим ◊
25–28 *Слов*: как в некоторых ∾ ненатуральными — *нет.*
33 вечное и всегдашнее до самого конечного своего разрешения / для нас русских дело вечное и всегдашнее
37 несомненно *должен* / *должен*
38 иное / другое ◊
40–41 сущность самой жизни народа русского / сущность народа русского ◊
41 непременно должен / всё же должен
44 другими остальными / иными другими
45 Это единение ∾ политическим. *вписано. Выше между строк начато и зачеркнуто*: и может быть вовсе не политическим един‹ением›
46–47 в тесном смысле ∾ значении / политический в тесном смысле

Стр. 62—63.

48–2 разрешатся при этом ∾ задачи / разрешится само собою по достижению главной задачи

Стр. 63.

2–3 *Слова*: повторяем — *нет.*
3–4 вид незыблемый и всегдашний / смысл существенный, незыблемый и всегдашний
4 *После*: всегдашний. — *а.* Ведь отсюда ясно, что мы не можем его оставить и уклониться от его разрешения. Следственно, и в каждом будущем политическом шаге мы, естественно, должны стараться ра-

ботать для будущего, иметь в виду целое. *б.* Отсюда ясно, что мы не можем его оставить, не добившись окончательного разрешения.◊

5 отношении / смысле

5–6 наши национальные идеалы / идеалы наши ◊

8–9 очень хорошо понимает насущный смысл дела. Не / гораздо лучше и вернее понимает главный смысл дела, чем весьма многие из наших интеллигентных русских. У нас наши публицисты печатно и беспрерывно задают, например, такие вопросы: «Как может Турция, при своем положении, как бы приказывать всей собравшейся в Константинополе конференции». Или: «Как может не верить Европа слову России, слову монарха русского о том, что он не желает завоеваний и приобретений, а хочет лишь облегчения участи страдающих славян». Но Европа вполне верит слову русского монарха (еще бы нет! Характер и сердце монарха русского слишком известны миру), верит всецело; но не

11–13 всё еще ∾ отказаться / неуклонно намерены помочь славянам и непременно исполним свое намерение и никогда от этой помощи не будем отказываться

13 и теперь это / это

15 приложим-де новый камень к той / приложим новый камень той

17 Ибо, помогая славянам / *а.* Помогаем потому что *б.* А потому что

17–18 продолжаем укоренять и укреплять / укореняем и укрепляем

18 в Россию и в ее могущество / *а.* к России *б.* к России и к ее могуществу ◊

23 для успокоения Европы / для успокойствия Европы и всего мира

24 пока *вписано.*

25–26 вещественных приобретениях на Балканском полуострове / временных завоеваниях по клочкам Балканского полуострова

28–29 не бояться ей, Европе / не бояться Европе

31 России и русских / России

37 *После*: памяти! — И удивляться тому, что Европа так тревожится, даже не веря вполне слову русского царя, стало быть, нечего.

37 И вот на какой теперь точке дело. *вписано.*

ПРИМЕЧАНИЯ

В двадцать четвертом томе печатается «Дневник писателя» за ноябрь и декабрь 1876 г. со всеми рукописными материалами, относящимися к нему, в том числе к входящей в ноябрьский выпуск повести «Кроткая». Кроме того, здесь публикуются записи к «Дневнику писателя» за 1876 г. из двух рабочих тетрадей Достоевского.

Основной текст повести «Кроткая» и рукописные материалы к ней подготовлены Т. А. Лапицкой; основной текст декабрьского выпуска — В. Е. Ветловской, подготовительные материалы к нему и варианты чернового автографа — Е. И. Костюченок, варианты наборной рукописи — Г. В. Степановой. Текст записей к «Дневнику писателя» из тетради 1875—1876 гг. подготовлен И. Д. Якубович, из тетради 1876—1877 гг. — Е. И. Кийко (апрель—июнь) и Т. И. Орнатской (июль—декабрь).

Историко-литературный и реальный комментарий к «Кроткой» составлен В. А. Тунимановым, примечания к декабрьскому выпуску «Дневника писателя» и к записям из рабочих тетрадей — В. Д. Раком (для комментария к тетради 1875—1876 гг. частично использованы примечания Г. М. Фридлендера, опубликованные в т. 83 «Литературного наследства»).

Редакционно-техническая подготовка тома осуществлена И. Д. Якубович.

Редакторы тома — Е. И. Кийко и Г. М. Фридлендер.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ. 1876

КРОТКАЯ

(Стр. 5)

Источники текста

ЧН — Черновые наброски (‹1›, ‹2›, ‹3›). 11 л., 17 стр. Конец октября— первая половина ноября 1876 г. Хранятся: *ГБЛ*, ф. 93.I.2.11/20; *ИРЛИ*, ф. 100, № 29448, ССХб.4 и № 29631, ССХІб.2 (на листе с текстом недатированной записки М. А. Александрова к Достоевскому); *ЦГАЛИ*, ф. 212.1.16; см.: *Описание*, стр. 65, 66, 60. Опубликованы: *Сб. Достоевский, II*, стр. 489—508; *ЛН*, т. 83, стр. 593—597. Наброски *ГБЛ* публикуются впервые.

ЧА — Черновой автограф главы I и разделов 3—4 главы II. 12 л., 17 стр. 19 ноября 1876 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29448, ССХб.4; см.: *Описание*, стр. 69. Опубликован: *Сб. Достоевский, II*, стр. 439—489.

БА — Отрывок белового автографа от слов: «И ведь ей того только и хотелось» — до слов: «Я с безумием ждал утра» (конец раздела 2 главы II) рукой А. Г. Достоевской (с набросками Достоевского к разделам 3—4 главы II). 1 л., 1 стр. Вторая половина ноября 1876 г. Хранится: *ИРЛИ*, ф. 100, № 29448, ССХб.4; см.: *Описание*, стр. 65. Публикуется впервые.

Ог — Оглавление. 1 л., 1 стр. Вторая половина ноября 1876 г. Хранится: *ЦГАЛИ*, ф. 212.1.16; см.: *Описание*, стр. 60. Опубликовано: *ЛН*, т. 83, стр. 600.

ДП, 1876 — Дневник писателя. Ежемесячное издание Ф. М. Достоевского. 1876. Ноябрь. СПб., 1876.

Рсб — Русский сборник. Бесплатное приложение для подписчиков на журнал «Гражданин», т. 1, ч. I. СПб., 1877, стр. 127—172 (без предисловия «От автора»).

ДП, 1879 — Дневник писателя за 1876 г. Ф. М. Достоевского. СПб., 1879.

Впервые напечатано: *ДП, 1876* (Объявл. о выходе — 30 ноября. Ценз. разр. — 1 декабря 1876 г.).

В собрание сочинений впервые включено в издании: *1883*, т. XI, стр. 137—172.

Печатается по тексту *ДП, 1876* со следующим исправлением:

Стр. 14, строка 30: «избыток» вместо «избытков» (опечатка во всех прижизненных изданиях).

1

3 июня 1876 г. Достоевский узнал от К. П. Победоносцева (см.: *ЛН*, т. 15, стр. 131) о самоубийстве дочери Герцена, Лизы. Достоевский несколько раз возвращался к этому факту в записной тетради 1876—1877 гг.

По-видимому, писатель предполагал воспользоваться им в июльско-августовском или сентябрьском выпусках «Дневника», но намерения этого не осуществил.

В начале октября Достоевский прочел в городской хронике газеты «Новое время» заметку: «В двенадцатом часу дня, 30-го сентября, из окна мансарды шестиэтажного дома Овсянникова, № 20, по Галерной улице, выбросилась приехавшая из Москвы швея Марья Борисова. Борисова приехала из Москвы, не имея здесь никаких родственников, занималась поденною работою и последнее время часто жаловалась на то, что труд ее скудно оплачивается, а средства, привезенные из Москвы, выходят, поэтому устрашилась за будущее. 30 сентября она жаловалась на головную боль, потом села пить чай с калачом, в это время хозяйка пошла на рынок и едва успела спуститься с лестницы, как на двор полетели обломки стекол, затем упала и сама Борисова. Жильцы противоположного флигеля видели, как Борисова разбила два стекла в раме и ногами вперед вылезла на крышу, перекрестилась и с образом в руках бросилась вниз. Образ этот был лик Божией Матери — благословение ее родителей. Борисова была поднята в бесчувственном состоянии и отправлена в больницу, где через несколько минут умерла» (*НВр*, 1876, 3 октября, № 215). «Черта», особенно поразившая Достоевского, — образ богородицы в руках самоубийцы: «Этот образ в руках, — замечает он, — странная и неслыханная еще в самоубийстве черта! Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство. Тут даже, видимо, не было никакого ропота или попрека: просто — стало нельзя жить, „бог не захотел" и — умерла, помолившись. Об иных вещах, как они с виду ни *просты*, долго не перестается думать, как-то мерещится, и даже точно вы в них виноваты. Эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучает мысль» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 146).

Первое упоминание о Борисовой в тетради Достоевского («С образом из окна») соседствует с очередной записью о дочери Герцена. Последующие записи (вторая половина октября) имеют уже характер сопоставления обоих самоубийств: «Две смерти. Холодный мрак и скука. <...> Потом из окна с образом. Смиренное самоубийство. Мир божий не для меня. Как-то потом долго думается»; «Герцен. С образом». Так подготавливается § 3 («Два самоубийства») главы I октябрьского выпуска «Дневника писателя». О том, что «кроткая» самоубийца с образом продолжала глубоко занимать творческое воображение Достоевского, свидетельствуют заключительные строки статьи «Два самоубийства»: «Вот эта-то смерть и напомнила мне о сообщенном мне еще летом самоубийстве дочери эмигранта. Но какие, однако же, два разные создания, точно обе с двух разных планет! И какие две разные смерти! А которая из этих душ больше мучилась на земле, если только приличен и позволителен такой праздный вопрос?» (наст. изд., т. XXIII, стр. 146). «Приговор» и «Кроткая» содержали ответ Достоевского-художника на этот и другие, поставленные в «Двух самоубийствах» «праздные вопросы».

В конце октября, видимо, родилось и стремление Достоевского художественно воплотить тему «кроткого, смиренного самоубийства». Свидетельство тому — запись в тетради, рядом с планом октябрьского выпуска: «Осмотреть старый материал сюжетов повестей (из романа «Дети»). Девушка с образом» (стр. 313). «Девушка с образом» — самый ранний заголовок будущей повести. Но замысел самостоятельного художественного произведения о самоубийстве с образом возник позднее. Скорее всего, речь шла вначале о вставном эпизоде наподобие рассказа о самоубийстве Оли в «Подростке». Как вставная новелла фигурирует сюжет о выбросившейся из окна самоубийце (наряду с другими) в плане романа «Мечтатель», датированном 6 ноября: «Жена удивляется (история Карла Ивановича? и выбросившейся девушки)» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 9).

Но автор «Дневника писателя» полагал, что он «не вправе» уходить в художественное творчество, а должен выполнить взятые на себя «публицистические» обязательства. Поэтому Достоевский оставляет в стороне

план романа, переходя к сочинению статей для очередного выпуска «Дневника писателя»; все же работа над статьями для «Дневника» не может остановить подспудную, ставшую неодолимой потребность в художественном творчестве. Тем более что включение в состав его небольших художественных произведений уже стало традицией («Мальчик у Христа па елке», «Столетняя», «Мужик Марей»). Первоначальные наброски к повести соседствуют с сюжетами публицистических статей, о чем свидетельствуют записи от 11—17 (и далее) ноября.

Но «рассказик» постепенно разрастался, не оставляя времени для сочинения политических статей, которые пришлось перенести в следующий, декабрьский выпуск. «Кроткая» же заняла целиком ноябрьский выпуск: «Я прошу извинения у моих читателей, — писал автор, — что на сей раз вместо „Дневника“ в обычной его форме даю лишь повесть. Но я действительно занят был этой повестью бо́льшую часть месяца» (стр. 5).

Повесть вобрала в себя один из эпизодов «Мечтателя» (рассказ о выбросившейся из окна девушке), а также некоторые моменты биографии главного героя: «отказ от дуэли» и неодолимое стремление к истине (в «Кроткой» усиленное, принявшее форму стремления к самой последней истине, «правденской правде»).

«Осмотр» сюжетов будущих повестей, состоявшийся в конце октября—начале ноября, неоспоримым и существенным образом повлиял на содержание и форму повести. Особенно «пригодились» в «Кроткой» Достоевскому записи 1869 г. к двум небольшим произведениям, задуманным после «Идиота»: «NB. После библии зарезал» (см. наст. изд., т. IX, стр. 119) н «План для рассказа (в «Зарю»)» (там же, стр. 115—119).[1] Из первого в «Кроткую» переходит «подпольный» герой (схема характера) н ситуация «камерной» семейной драмы: «Сам настоящий подпольный, в жизни щелчки. Озлился. Безмерное тщеславие. <...> Жена не может не заметить, что он образован, потом увидала, что не очень; всякая насмешка (а он всё принимает за насмешку) раздражает его, мнителен <...>. Одно время даже затеялась у него с Женой настоящая любовь. Но он надорвал ее сердце» (там же, стр. 119). Развиты в «Кроткой» н два других мотива задуманной повести: строгая регламентация культурного досуга — «В театр и в собрание по разу»,[2] выслеживание «любовника» и подслушивание свидания: «Любовник, в доме на дворе, из окна в окошко, выследил. Подслушивает свидание» (там же).

Наброски к рассказу для «Зари», пожалуй, еще в большей мере пригодились Достоевскому во время работы над «Кроткой»: «Скупец, мститель, ростовщик, н вдруг слухи совсем противные <...> Слух о трусовстве <...> Вообще это *тип*. Главная черта — мизантроп, но с подпольем. Это сущность, но главная черта: потребность довериться, выглядывающая из страшной мизантропии и из-за враждебной оскорбительной недоверчивости <...> Эта потребность — судорожна и нетерпелива, так что он с страшною наивностью (горькою, сожаления достойною, даже трогательною наивностью) бросается вдруг на людей н, разумеется, получает щелчки, но, получив щелчок раз, не прощает, ничего не забывает, страдает, обращает в трагедию» (там же, стр. 115, 116). Конфликтные ситуации между ростовщиком и Кроткой являются прямым развитием мотивов наброска: «Несколько возмутительных сцен недоверия, жадности и жесто-

[1] В «Кроткой» трансформированы мотивы н из другого замысла Достоевского — «Романа о князе и ростовщике» (наст. изд., т. IX, стр. 122—125): скандальной дуэли, «добрых дел», совершаемых «втайне» философствующим Ростовщиком с «идеей»: «(Идея Рос<товщик>а и секрет: „Нужен упорный труд для самовоспитания. Тогда полюбишь природу и найдешь бога“. Но Рос<товщик> не любит и покамест ростовщик (но прорывает<ся> благодеяниями))» (там же, стр. 125).

[2] В «Кроткой»: «Я сказал невесте, что не будет театра, и, однако ж, положил раз в месяц театру быть, и прилично, в креслах» (стр. 15).

косердия к кредиторам. Воспитанница замечает, что в нем как бы оскорблено тщеславие <...> Несколько колких слов его по поводу покупки и легкий, короткий, остроумно-язвительный и загадочный разговор с Воспитанницей» (там же, стр. 116). Характер и суть супружеских столкновений в «Кроткой» здесь уже намечены. То же относится и к другим записям: о «трусости» героя — «Раз она заговорила о трусости (о пощечине), он заподозрил и замолк — и затем страдание, мрак и холодность»; мотив «прошлого», тяготеющего над ростовщиком-гусаром, о котором он рассказывает ей: «Рассказывает ей жизнь свою, бия себя в грудь, отучает ее от доверчивости, рассказывает, как с ним поступили»; испытания и подслушивания, до которых опускается герой, веря наветам ее родных: «Он ее испытывает. Он даже подслушивает <...> На *нее* наговаривают даже ее родные, и он так подл, что слушает, идет исследовать разные фантастичные эпизоды, верит ужасным подлостям и глубоко страдает за свою подлость, когда видит, что вздор»; предвестие трагического финала «Кроткой»: «Наконец он ее надорвал, ей тяжело, между ними слезы и проч.» (там же, стр. 116—117). Таким образом, наброски плана для рассказа в журнал «Заря» можно рассматривать как отдаленные, но черновые заготовки к «Кроткой».

Помимо указанного самим Достоевским газетного сообщения о самоубийстве Борисовой в повести получили отражение и другие реальные факты «текущей действительности», в частности «Дело о подлоге завещания капитана гвардии Седкова».[1] Седков — петербургский ростовщик, выгнанный из полка за то, что давал офицерам деньги взаймы под проценты. Он по расчету женился на 16-летней девушке. Невыносимая жизнь в доме мужа привела молодую жену ростовщика Софью Константиновну к мысли о самоубийстве, но попытка не удалась. Муж привлекает ее к участию в своих ростовщических делах. После смерти ростовщика Седкова подделала завещание мужа. Процесс освещался в прессе (*Г*, 1875, с 28 марта (№ 87) по 9 апреля (№ 99); «Судебные ведомости», 1875, № 67—70); обвинителем выступал А. Ф. Кони, с которым Достоевский находился в дружеских отношениях.[2] Есть все основания предположить, что некоторые обстоятельства дела, характеры и судьбы главных участников этой уголовно-семейной драмы получили художественное преломление в повести Достоевского.

2

Первая группа набросков к «Кроткой», обозначенных нами <1>, сделана в конце октября—начале ноября 1876 г. Они отрывочны, разрозненны, покрывают страницы в самых разных направлениях (в данном издании они располагаются нами в соответствии с последовательностью материала в печатном тексте). Многие найденные здесь формулировки и словечки («Строгое удивление», «Пелена», «Да здравствует электричество человеческой мысли», «Я победил, а она навеки побеждена» — стр. 317, 318) почти без изменений перешли в окончательный текст. Но в этой группе набросков нет еще записей к заключительному 4 разделу главы второй «Всего только пять минут опоздал». Заметка «Подобная же мысль была весьма уместно выражена еще прежде в романе графа Сальяса „Пугачевцы“» расположена рядом с другими заметками, проясняющими смысл этой параллели: о пении Кроткой и об удивлении человека, проснувшегося от «сна гордости»: «*Что ж, да она обо мне*

---

[1] Дело это изучено и на связь его с замыслом «Кроткой» впервые указано Г. М. Фридлендером.

[2] См. речь Кони по делу Седкова: *Кони*, т. III, стр. 307—334.

совсем позабыла»[1] (стр. 318) и об истерике измученной героини: «Перед самоубийством страшная сцена мольбы о прощении, после которой он уверился, что она не презирает его» (стр. 318).

Достоевский имел в виду эпизоды из названного романа Е. А. Салиаса де Турнемир (1840—1908), относящиеся к переживаниям Милуши, приговоренной мужем к постригу в монастырь, и к уходу героини из жизни после того, как она убедилась в измене и равнодушии к ней князя Данилы.[2] Характерная и «уместная» черта в поведении героини Салиаса, запомнившаяся Достоевскому, — переодевание в присутствии мужа, о котором Милуша в своем горе позабыла: «Милуша не обращала внимание ни на что. кроме своей косы, и не заметила движения мужа <...> Милуша сидела на постели, понурившись, и глубоко задумалась, глядя на пол <...> Под взглядом Данилы она очнулась, ярко зарумянилось ее лицо и, собрав в руку ворот сорочки, она отвернулась от мужа» (*Салиас*, т. III, стр. 331—332). Измученная и сломанная «системой» офицера-ростовщика, героиня Достоевского также «забывает» о существовании мужа: тягостное молчание, господствовавшее в больших и чистых комнатах держателя гласной кассы ссуд, вдруг прерывается пением Кроткой. И это пение стремительно направляет повесть к трагическому финалу: сначала «падает пелена», затем — бурные и сокрушившие Кроткую признания мужа, и, наконец, самоубийство отчаявшейся и не могущей принять любовь мужа женщины.

Возможно, что Достоевский, размышляя над трагическим концом Кроткой, вспоминал и последние переживания Милуши перед уходом из жизни, и то, что «хищный» герой Данила «ее странное спокойствие и молчание <...> не понял» (там же, стр. 450). Ростовщик в повести Достоевского, погруженный в собственные думы и выдерживающий «систему», упустил «самое главное, самое роковое», прозвучавшее в словах, невольно вырвавшихся у Кроткой в ответ на неудержимый, почти истерический порыв мужа: *«А я думала, что вы меня оставите так...»* (стр. 28). Рассказ Лукерьи о мгновениях, предшествовавших самоубийству Кроткой, также имеет отдаленное сходство с описанием в «Пугачевцах» психологического состояния Милуши, принимающей последнее решение: «Милуша села в углу избы перед новым столом, оперлась лицом себе на руки и просидела так неподвижно и молча около часу...» (*Салиас*, т. III, стр. 453). Столь же сложным образом преломились в «Кроткой» и другие «уместные» психологические черты и ситуации семейной драмы героев романа Салиаса (см. там же, стр. 449—490).

Следующую стадию работы над «Кроткой» отражают наброски, обозначенные <2> и созданные, вероятно, в первой половине ноября. Записей к разделам 1—3 главы первой здесь вообще нет; основная масса заметок относится к разделам 2—4 главы второй, мало или вовсе не разработанным в набросках <1>. Мучительный путь прозрения героя — основная, доминирующая тема в набросках <2>. В сложном комплексе психологических мотивов особенно выделен и подчеркнут мотив трудности — и даже трагической невозможности — для героя понять смысл происшедшего.

Группа черновых записей, обозначенная <3>, датируется приблизительно серединой ноября. Характер героя в этих набросках обрисован значительно резче, чем в окончательном тексте; подчеркнуты мстительность, сластолюбие, деспотизм: «Я принял холодно, но сам помышлял:

---

[1] Ср. с другими записями: «Сначала исхудала, видимо, мучилась угрызениями (сама она мне объявила потом в истерике), а потом *забывать* меня стала», «Она просто *забыла* меня, забыла, даже песенки начала петь, о моем существовании забыла» (стр. 319).

[2] С рецензией В. Г. Авсеенко на роман Салиаса Достоевский полемизировал в период работы над «Подростком» (см. наст. изд., т. XVI, стр. 6—7; т. XVII, стр. 268, 396; *Долинин*, стр. 40—43). Есть о «Пугачевцах» упоминание и в набросках (от 6 ноября) к роману «Мечтатель» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 9, 439).

вот буду в клубнике-то»; «...всё думал, что она меня любит и терзается любовью ко мне и угрызениями совести. *Я как деспот наслаждался этой мыслью все $1^1/_2$ года*» (стр. 328).

Наброски ‹3› предшествуют написанию связной редакции повести. Здесь даны два варианта заглавия («Кроткая. *Запуганная*») и содержится много композиционных и стилистических указаний: «С строгим удивлением. С горстку. *Всё* это будет возрастать (то есть впечатление в дальнейшем)»; «В самом конце уже после: я хожу, хожу, хожу — я не знаю, презирала она меня или нет?»; «Мелькающие фразы непременно в конце: „Я хотел перевоспитать характер". Последняя фраза: „*Нет, однако же, как же теперь быть*"» (стр. 326, 329, 332).

На полях черновых набросков ‹2› и ‹3› находим также авторские пометы. Так, двумя параллельными чертами отмечены мотивы, относящиеся к разделам 1—2 главы второй, кружком с двумя черточками — к разделу 2, а двумя фигурными скобками — к разделу 4 той же главы, и т. д. Видимо, перед тем, как приступить к связной редакции, Достоевский перечитывал и размечал наброски ‹2› и ‹3›.

Черновой автограф связной редакции (*ЧА*), не дошедший до нас в полном виде (утрачены л. 13—16 авторской пагинации, соответствующие разделам 1—2 второй главы), датирован Достоевским 19 ноября 1876 г.[1] Сплошной текст трижды (на л. 5, 9 и на обороте л. 17) прерывается набросками: первая их группа намечает главные мотивы разделов 3—5 главы первой, вторая — раздела 5 главы первой, третья — раздела 4 главы второй. Причем в дальнейшем работа над текстом шла в направлении, определяемом этими набросками. Предисловие «От автора» отсутствует. Нет названий разделов (только номера), за исключением раздела 3 первой главы, озаглавленного «Через полюс». В главе первой не шесть разделов, а четыре в отличие от окончательной редакции. Границы разделов в черновом автографе и печатном тексте для двух первых главы первой и двух последних второй главы совпадают. Раздел 3 первой главы в рукописи почти соответствует разделам 3—4 той же главы в окончательном тексте. Раздел 4 первой главы в рукописи соответствует разделам 5 и 6 той же главы в окончательном тексте.

Анализируя работу Достоевского над указанной рукописью, А. С. Долинин пришел к выводу, что черновой автограф отражает две стадии работы над повестью, а дата «19 ноября» фиксирует момент, когда Достоевский приступил к новой правке рукописи. Исследователь справедливо отмечал, что между разделами 1, 2, 5 и 6 главы первой в окончательном тексте и разделами 1, 2 и 4 той же главы в рукописи существенных расхождений нет; исправления здесь почти всецело стилистические. То же можно сказать о разделах 3 и 4 главы второй. Значительнее всего отличаются разделы 3 и 4 главы первой окончательной редакции и раздел 3 той же главы рукописного текста (*Сб. Достоевский, II*, стр. 436—437).

Редакции повести, о которых дает представление черновой автограф, не были, по-видимому, единственными. Известен, например, относящийся ко второй половине ноября 1876 г. отрывок текста (*БА*), записанный рукою А. Г. Достоевской: окончание подглавки 2 главы второй, имеющее существенные расхождения с окончательным текстом; здесь же — наброски Достоевского к последующим двум разделам главы второй.

Последним в ряду сохранившихся материалов стоит Оглавление (*Ог*), названия подглавок в нем почти целиком совпадают с названиями их в окончательном тексте (за исключением последнего, четвертого раздела главы второй). Оглавление возникло во второй половине ноября, когда, очевидно, уже началась работа Достоевского над наборной рукописью.

---

[1] По предположению А. С. Долинина, «первый черновой, сплошной текст» — «тот, который получается, если реставрировать его из-под груды нанесенных на нем изменений», — был написан до 19 ноября (*Сб. Достоевский, II*. стр. 426).

На окончательную отделку текста повести и написание предисловия «От автора», видимо, ушла почти вся последняя декада ноября. Болезнь несколько задержала работу, о чем свидетельствует письмо Достоевского от 21 ноября К. И. Масленникову: «...я заболел и ничем не занимался, а теперь подавлен моими занятиями». Печатный текст повести существенно отличается от черновой рукописи. Отпали многие мотивы и эпизоды, опущенные, вероятно, по художественным причинам, из-за стремления Достоевского добиться предельной сжатости повествования: рассказ Кроткой о пикнике и пирожках, публикация в «Московских ведомостях», визит героя к шлюхе (стр. 325, 341, 355). Подвергнул Достоевский текст черновой рукописи и значительной стилистической правке. Но более всего изменения коснулись образа героя-ростовщика, который в черновой рукописи больше подходит под разряд «хищных» героев,[1] в печатном тексте смягчены мотивы утонченной жестокости и сладострастия. Такие изменения в психологическом портрете героя были вызваны внутренними причинами, и они прямо связаны с переменами в эмоциональном строе повести и перераспределением трагических мотивов: некоторые утратили первоначальную резкость и частично были сокращены (сладострастие, касса ссуд, система), другие, напротив, были усилены и проведены через весь монолог: молчание, отчаяние, «суд», вина, смерть.

3

Офицер-ростовщик «Кроткой»,[2] как все герои Достоевского, — своеобразный философ и в этом своем качестве потомок антиквара из «Шагреневой кожи» и Гобсека из одноименной повести Бальзака. Герой Достоевского мстит обществу подобно Неизвестному из драмы Лермонтова «Маскарад». Частично и самый жизненный путь ростовщика Достоевского напоминает биографию пушкинского Сильвио и лермонтовского Неизвестного. Последний, покинув свет, познал иной мир («общество отверженных людей») и поклонился «деньгам».[3] Он знаком с произведениями модных позитивистов, вроде Милля, включает в свою «систему» образования жены приобщение ее к шедеврам мирового искусства. Самый язык его — язык, присущий образованному и мыслящему человеку 1870-х годов. В черновых набросках к «Кроткой» «современность» языка героя была еще больше подчеркнута: «Знаешь, я боюсь твоей *интеллигенции*, то есть я всегда подозревал *интеллигенцию*, быв уверен всё это время, но занят был этим вздором, а теперь» (стр. 332, курсив наш, — *Ред.*). Выделенные курсивом слова-термины, по всей видимости, навеяны книгой И. Тэна «Об уме и познании»,[4] а точнее, первым предложением в ней: «Если я не ошибаюсь, то под словом Intelligence теперь разумеют то, что некогда

---

[1] Так, «система» героя в черновой рукописи была более агрессивной и жестокой: «Главная моя мысль была, чтоб не мямлить, не лизаться в самом начале, не просить прощения ни в чем, не оправдываться, а р-разом поразить воображение! Ошибить его, испугать его, если надо...» (стр. 351).

[2] Сочетание этих двух столь различных «профессий» восходит к процессу 1866 г.: убийство студентом Даниловым ростовщика (и отставного капитана) Попова и его служанки Нордман — сниженный «вариант» преступления Раскольникова, порожденный действительностью.

[3] «Наш анонимный ругатель далеко еще не тот таинственный незнакомец из драмы Лермонтова „Маскарад" — колоссальное лицо, получившее от какого-то офицерика когда-то свое „мщение"», — писал Достоевский в 1877 г., гиперболизируя сюжет драмы Лермонтова (*ДП*, 1877, май—июнь, гл. I, раздел 2).

[4] О книге Тэна, русский перевод которой находился в библиотеке Достоевского, см.: наст. изд., т. XII, стр. 363.

разумели под словами entendement и intellect, то есть способность познавать, по крайней мере я принял это слово в таком смысле» (И. Тэн. Об уме и познании. СПб., 1872, т. I, стр. 1).

Достоевский передает герою повести свою любовь к роману Лесажа «Жиль Блаз» (о нем подробнее см. стр. 392—393) и к «Фаусту» Гете. К цитируемым закладчиком словам Мефистофеля: «Я — я есмь часть той части целого, которая хочет делать зло, а творит добро...» (стр. 9; «Фауст», ч. 1. «Кабинет») Достоевский обратится еще раз в набросках к «Дневнику писателя» 1877 г. и «перевернет» афоризм черта, применив его к человеку вообще: «Какая разница между демоном и человеком? Мефистофель у Гете говорит на вопрос Фауста: „Кто он такой“ — „Я часть той части целого, которая хочет зла, а творит добро“. Увы, человек мог бы отвечать, говоря о себе совершенно обратно: „Я часть той части целого, которая вечно хочет, жаждет, алчет добра, а в результате его деяний — одно лишь злое“» (стр. 287—288).[1]

Главная задача автора состояла в том, чтобы найти верный «тон» и единственно возможную повествовательную форму, способную передать трагизм «факта» — одновременно «простого» и «фантастического». Поискам верного «тона», структуре внутреннего монолога уделено значительное место в первоначальных черновых набросках. Характерно стремление Достоевского избежать чрезмерной «психологии»: «Здесь NB. Главное: без психологии, одно описанье, до самого падения в ноги, и там уж он объясняет всё: как он ее любил, как он, может быть, ломался, но это простительно» (стр. 317) и далее развернутое объяснение для себя специфической формы монолога: «Само собою, что вылетают слова слишком нетерпеливые, наивные и неожиданные, непоследовательные, себе противуречащие, но искренние, хотя бы даже и ужасно лживые, ибо человек лжет иногда очень искренно, особенно когда сам себя желает уверить в правде своей лжи. *Как бы* подслушивал ходящего и бормочущего» (стр. 319).

Из последней заметки родилось знаменитое предисловие «От автора» с объяснением «фантастичности» формы произведения: «Но отчасти подобное уже не раз допускалось в искусстве: Виктор Гюго, например, в своем шедевре „Последний день приговоренного к смертной казни“ <...> допустил еще бо́льшую неправдоподобность, предположив, что приговоренный к казни может (и имеет время) вести записки не только в последний день свой, но даже в последний час и буквально в последнюю минуту» (стр. 6).

Повесть В. Гюго Достоевский вспоминает и цитирует и в 60-е годы,[2] и позднее, в частности в набросках к февральскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г., предвосхищающих ее оценку в «Кроткой»: «Впечатления, описание которых, час за часом, минута в минуту, нам передал

---

[1] Автобиографические психологические мотивы в характеристике героя обнажены в первоначальных набросках к «Кроткой»: «О, я люблю поэтов с детства, с детства. Я оставлен был один в школе, по праздникам (никогда прежде о школе), с товарищами я был не товарищ, меня презирали. Мне только что прислали 3 целковых, и я тотчас же побежал купить „Фауста“ Губера, которого никогда не читал» (стр. 330). Ранее в набросках к некрологу Жорж Санд писатель среди других сильных читательских впечатлений называет и перевод Э. И. Губера (1814—1847) «Фауста» (об этом переводе см.: В. Жирмунский. Гете в русской литературе. Л., 1937, стр. 527—536): «*Жорж Занд.* Моя юность. „Фауст“ Губера. „Ускок“. Училище» (см. стр. 219). Те же слова Мефистофеля произносит черт в «диалоге» с Иваном Карамазовым (см. наст. изд., т. XV, стр. 82).

[2] См. наст. изд., т. IX, стр. 429—430, 432, 433, 449. Книгу Гюго Достоевский цитирует и в прощальном письме к брату из Петропавловской крепости 22 декабря 1849 г. (наблюдение А. Л. Бема).

В. Гюго в бессмертнейшем произведении своем „Condamné à mort“» (см. стр. 128).[1]

Возможно, что и обращение Достоевского к читателям «От автора» родилось по аналогии с предисловием Гюго к первому изданию повести (см.: *Гюго*, т. I, стр. 197).[2]

Форма монолога в «Кроткой» близка и к внутреннему монологу Жана Вальжана в «Отверженных», который предшествует решению, коренным образом изменившему жизнь героя. «Монотонное и зловещее хождение»[3] Жана Вальжана, подобно офицеру-ростовщику, собирающему «мысли в точку»[4] и почти сходящему с ума от дум, буря в душе героя, тщетно пытающегося успокоить совесть,[5] подводят к монологу ростовщика «Кроткой», мучительно пробивающегося к истине (ср.: «Я хожу, хожу, хожу. Как же я буду?», «по всё думаю, думаю, думаю, вихрь в голове, и больные мысли, и больная голова...» — стр. 327, 317).

Достоевский, видимо, хорошо помнил и своеобразное «предисловие» Гюго к внутреннему монологу Жана Вальжана. Гюго писал, предваряя внутренний монолог героя: «Люди, конечно, разговаривают сами с собой; нет такого мыслящего существа, с которым не случалось бы этого. Быть может даже, слово никогда не представляет собой более чудесной тайны, нежели тогда, когда оно, оставаясь внутри человека, переходит от мысли к совести и вновь возвращается от совести к мысли. Только в этом смысле и следует понимать часто встречающиеся в этой главе выражения вроде: „он сказал“, „он воскликнул“. Мы говорим, мы беседуем, мы восклицаем в глубине своего „я“, не нарушая при этом нашего безмолвия. Все внутри нас в смятении, все говорит за исключением уст. Реальные душевные движения невидимы, неосязаемы, но тем не менее они реальны» (*Гюго*, т. VI, стр. 264).

Гюго «озвучивает» внутренний монолог Жана Вальжана и оговаривает (объясняет) условность выражений «он сказал», «он воскликнул». Достоевский избирает иную форму, превращаясь в «стенографа», записывающего случайно подслушанный монолог человека, который не может не говорить, но, конечно, не подозревает, что его кто-то слышит.

В первоначальных набросках дважды упоминается Шекспир: «Ричард Шекспира», «Купил Шекспира» (стр. 330, 331). Возможно, именно Шекспир «подсказал» Достоевскому форму монолога героя: речь, обращенную

---

[1] И несколько ранее (декабрь 1875 г.) в набросках к январскому выпуску *ДП* за 1876 г. Достоевский упоминает «бессмертн‹ое› произвед‹ение› Victor Hugo».

[2] Достоевский колебался, избрать ли ему форму монолога или предпочесть «записки», как у Гюго. Об этом свидетельствует такая черновая запись: «*Револьвер*. По покатой инерции ослабления чувства. Фу, какой я вздор написал» (стр. 318). Герой повести Гюго сам (в шестой главе) так объясняет происхождение своих листков: «Почему бы мне в моем одиночестве не рассказать себе самому обо всем том жестоком и неизведанном, что терзает меня? Материал, без сомнения, богатый; и как ни короток срок моей жизни, в ней столько еще будет смертной тоски, страха и муки от нынешнего и уж последнего часа, что успеет исписаться рука и иссякнут чернила. Кстати, единственное средство меньше страдать — это наблюдать собственные муки и отвлекаться, описывая их» (*Гюго*, т. I, стр. 235).

[3] «Это хождение облегчало и в то же время как бы опьяняло его. Когда с нами случается что-либо необычное, мы стараемся двигаться, словно предметы, встречаемые нами на пути, могут подать нам благой совет» (*Гюго*, т. VI, стр. 274).

[4] «Мысли его опять начали мешаться. В них появились какая-то неподвижность и тупость, свойственные отчаянию» (*Гюго*, т. VI, стр. 275).

[5] «Ему никак не удавалось мыслить отчетливо. Всевозможные доводы, которые намечало его воображение, словно теряли форму и, колеблясь, рассеивались, как дым» (*Гюго*, т. VI, стр. 275—276).

к миру, к невидимым слушателям. Сбивающаяся, мечущаяся в поисках оправдания и истины речь офицера-ростовщика сродни монологам Отелло[1] и короля Лира в последних актах трагедий Шекспира, а также — монологу Ричарда III (д. V, сц. 3), где герой-злодей с предельной искренностью выносит себе смертный приговор, отметая жалкие оправдания.

Вскоре после появления «Кроткой» Достоевский получил несколько читательских писем с отзывами о повести (Л. Ф. Суражевской от 17 декабря 1876 г. (*Материалы и исследования*, т. 2, стр. 307), Н. П. Балкина от 24 декабря 1876 г. (ИРЛИ, ф. 101, № 29643, ССХІб.2)), которые, видимо, и дали ему основания для жалоб на молчание критики: «А только что появившееся замечательное произведение искусства, моя повесть, о ней ни слова».

Достоевский оказался несправедлив к критике, которая откликнулась на появление повести несколькими благожелательными и лестными рецензиями. «Заурядный читатель» (А. М. Скабичевский) в статье «Мысли по поводу текущей литературы. „Кроткая", фантастический рассказ г-на Достоевского» высоко оценил психологическое искусство писателя, но не был удовлетворен образом самой Кроткой: «Главное достоинство этой повести в психическом анализе, в той массе поразительных противоречий, какие раскрываются перед вами в натуре героя ее. Перед вами рисуется характер весьма оригинальный, эксцентрический в своем роде, но не лишенный правдоподобия. Девушка очерчена бледнее, характер ее выдается менее рельефно и психические процессы ее мало выяснены» (*БВ*, 1876, 10 декабря, № 341).

Критик «Одесского вестника» С. С. (А. И. Кирпичников) в статье «Новый роман Потехина и новый рассказ Достоевского» назвал «Кроткую» «шедевром», восхищался мастерством художника, который «с изумительной яркостью воспроизвел перед глазами читателей всю душевную драму, которая происходила в душе самоубийцы...» (*ОВ*, 1876, 16 декабря, № 277). Рецензент «Московского обозрения» Б. в статье «За две недели» выразил удовлетворение тем обстоятельством, что вместо обычного политического фельетона Достоевский поместил в «Дневнике писателя» художественное произведение: «Истинный талант и в самой обыденной жизни, в сферах низменного существования сумеет всегда выбрать что-нибудь представляющее живой интерес для читателей. Доказательство тому — небольшой рассказ „Кроткая", который г-н Достоевский поместил в последнем нумере своего „Дневника писателя". Это ежемесячное издание есть не что иное, как фельетон, веденный до сих пор нашим даровитым романистом. В нем он откликается на вопросы дня, и хотя вел свои заметки с одинаковым талантом, но не всегда оказывался самостоятельным в обсуждении общественных вопросов. Ему слишком мешает его мировоззрение, в котором элемент чувства играет чересчур большую роль. Г-н Достоевский — идеальный мистик во множестве современных вопросов, и мы не раз, читая его „Дневник писателя", сожалели о том, что он не дает нам больше беллетристических очерков вместо рассуждений публициста» («Московское обозрение», 1876, 19 декабря, № 12). Критик московского еженедельника хотя и высказал некоторые, ставшие уже к тому времени стереотипными замечания об «утомительной» художественной манере Достоевского, но в целом охарактеризовал повесть как заметное и яркое литературное явление: «Этот рассказ был бы еще

---

[1] Особенно словам Отелло во 2-й сцене V действия:

Моей женой, моей женой! Какой?
Нет у меня жены... О, тяжело!..
О страшный час! о час невыносимый!
Мне кажется, сейчас луна и солнце
Затмятся совершенно, — и земля
От ужаса под нами затрясется.

(Шекспир, т. I, стр. 130)

сильнее, если б автор в состоянии был отделаться от неизбежных своих психологических длиннот, но и в настоящем своем виде он ни в одной литературе не прошел бы незамеченным, а у нас заменяет собой только срочный ежемесячный фельетон».[1]

Продолжали доходить до автора и читательские отзывы о повести. К. В. Назарьева (1847—1890) [2] восторженно писала Достоевскому 3 февраля 1877 г.: «Ваша „Кроткая“ — это верх психического анализа страдания. Вы — поэт страдания, Вы самый симпатичный, самый глубокий наш писатель. Вы выстрадали Ваш талант, оттого Ваши творения перевертывают ч‹елове›ка, заставляют его со страхом смотреть в себя» (*Письма читателей*, стр. 180).

Глубокое впечатление «Кроткая» произвела на М. Е. Салтыкова-Щедрина, говорившего Н. А. Белоголовому (1834—1895): «У него есть маленький рассказ „Кроткая“; просто плакать хочется, когда его читаешь, таких жемчужин немного во всей европейской литературе» (М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1975, стр. 262).[3] Художественное совершенство повести Достоевского признавал автор «Жестокого таланта» Михайловский (Н. К. Михайловский. Литературно-критические статьи. М., 1957, стр. 249). Отзывы о «Кроткой» западных писателей неизменно высокие. К. Гамсун преклонялся перед повестью Достоевского: «Это крошечная книжечка. Но она слишком велика для всех нас, она недосягаема для нас по своему величию. Пусть все признают это» (K. Hamsun. Samede Verker, bd 3. Oslo, 1963, s. 254—255). А. Жид назвал «Кроткую» «изумительной вещью», это «одно из самых мощных творений Достоевского, своего рода роман, являющийся, собственно говоря, не чем иным, как длинным монологом, подобно „Запискам из подполья“...» (А. Жид. Собрание сочинений, т. II. Л., 1935, стр. 408).

Первый перевод «Кроткой» (на французский язык) появился уже в декабре 1876 г. в «Journal de St. Petersbourg».[4] Другие ранние переводы «Кроткой» на европейские языки: норвежский и немецкий — 1885; шведский — 1886, финский — 1887, итальянский — 1892.

Стр. 6. ...*составили два ломберных*... — Столы для карточной игры ломбер (франц. l'hombre).

Стр. 6. ...*гроденапль*... — Плотная шелковая ткань (франц. gros de Naples).

Стр. 7. *«Строго, строго и строго»*. — Неточная цитата из повести Гоголя «Шинель» (1842, *Гоголь*, т. III, стр. 164). Ранее эту гоголевскую «административную» формулу Достоевский употребил в «Скверном анекдоте» (см. наст. изд., т. V, стр. 45).

Стр. 7. ...*позволила себе принести остатки ∾ старой заячьей куцавейки*... — Ср. ранее в «Подростке» (рассказ матери Оли): «Снесли мы куцавейку, на заячьем меху была...» (см. наст. изд., т. XIII, стр. 143).

Стр. 7. ...*у Мозера*... — Фамилия этого закладчика (как и другого — Добронравова) придуманная. Весной и летом 1875 г. Достоевский снимал

---

[1] Откликнулись на повесть Достоевского и другие газеты: «Русский мир» (1876, 15 декабря, № 300), «Новое время» (1876, 24 декабря, № 297).

[2] Второстепенная писательница 1870—1880-х гг.

[3] 21 декабря 1876 г. Салтыков-Щедрин в письме обратился с просьбой к Достоевскому дать небольшой рассказ для февральской книжки «Отечественных записок».

[4] Попытку перевести «Кроткую» на французский язык предприняла также С. Е. Лурье (о ней см. наст. изд., т. XXIII). Лурье сообщала Ф. М. Достоевскому в письме от 7 мая 1877 г.: «Я начала переводить Вашу „Кроткую“ (мой любимый рассказ), и если Вы ничего против этого не имеете, то я постараюсь переводить лучше. Этот язык очень трудно дается для перевода, я прилагаю при этом начатый перевод, не кончила я первой главы, потому что не знаю, что Вы на это скажете» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29768, CCXIб.7).

в Эмсе номер у супругов Мозер (Moser и Meuzer; см. письма к А. Г. Достоевской от 29 мая и 10 июня 1875 г.).

Стр. 8. *Она тогда из последних сил публиковалась...* — Мотив «публикаций» в «Голосе» перешел в «Кроткую» из «Подростка» (см. наст. изд., т. XIII, стр. 87, 143, 145, 146). В «Кроткой» перечисляются обычные темы многочисленных газетных объявлений искателей места, вроде: «Приезжая молодая благородная девица желает места экономки, компаньонки, даже может и шить в доме, ученая кройке или быть конторщицей, или продавщицей, согласна и в отъезд»; «Девушка, безукоризненного поведения. желает получить место горничной или няни»; «Горничная ищет места; может служить за лакея»; «Горничная желает иметь место к одиноким, с мелкою стиркою, с аттестатом» (*Г*, 1876, 6 октября, № 276).

Стр. 14. ...*«первые впечатления бытия»...* — Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Демон» (1823). У Пушкина:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия...

Стр. 14. ...*кровь кипит и сил избыток...* — Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Не верь, не верь себе. мечтатель молодой...» (1839). У Лермонтова: «То кровь кипит, то сил избыток!..».

Стр. 15. ...*смотрели «Погоню за счастьем» и «Птицы певчие»...* — «Погоня за счастьем» — драма П. И. Юркевича (ум. 1884), цензурное разрешение на издание которой было выдано 2 октября 1876 г. (*Холшевников*, стр. 136—137). «Птицы певчие» — оперетта Ж. Оффенбаха «Перикола» (1868), либретто А. Мельяна и Л. Галеви.

Стр. 15. *В женщинах нет оригинальности* ∞ *и тут сам Милль ничего не поделает!* — Герой тщетно пытается найти утешительные аргументы в книге английского философа-позитивиста Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины», два перевода которой на русский язык вышли в 1869 г. Книгу Милля подробно разбирал Н. Н. Страхов в статье «Женский вопрос» («Заря», 1870, № 2, стр. 106—149), с которой Достоевский полемизировал в «Бесах» (см. наст. изд., т. XII, стр. 342—343, 359) и «Дневнике писателя» (наст. изд., т. XXIII, стр. 88, 389). Мысли закладчика восходят к следующим словам Милля, процитированным Страховым: «Если мы рассмотрим произведения женщин в новейшие времена и сравним их с произведениями мужчин по литературной или художественной части. — окажется, что недостаток, в котором можно укорить их, весь сводится почти исключительно на одно — впрочем, надо сознаться, что это одно чуть ли не самое главное: на недостаток оригинальности...» (Н. Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. СПб., 1882, стр. 169).

Стр. 19. — *Я и на Сенной в доме Вяземского ночевывал.* — Ср. слова Свидригайлова в «Преступлении и наказании»: «...и в доме Вяземского на Сенной в старину ночевывал...» (см.: наст. изд., т. VI, стр. 224; т. VII, стр. 385). Описание знаменитой «Вяземской лавры» содержалось в статье «Голоса», появившейся незадолго до начала работы Достоевского над «Кроткой»: «Не преувеличивая, можно сказать, что этот дом — рассадник и вместилище всевозможных безобразий, до каких только может дойти человек, угнетенный нищетою и невежеством. При одном взгляде на наружный вид этого дома делается жутко. Устроенная вокруг дома, во дворе, каменная трехэтажная галерея имеет не окна, а большие дыры, без стекол, без рам и даже без оконных косяков, в которых, притом, разбросаны самые вонючие предметы. Чрез эти обвалившиеся оконные дыры видны узкие, невообразимо грязные и темные не то коридоры, не то каменоломенные проходы. Самый двор дома переполнен множеством открытых помойных и мусорных ям, к которым невозможно подойти и на несколько шагов, вследствие зловония. В этом-то вертепе живет, в настоящее время, около *семи тысяч* народа, оборванного, грязного, не видавшего, кажется, отроду ни гребенки, ни мыла и, в большинстве случаев, почти поголовно

пьяного. Нет, кажется, такого преступления, на которое не были бы способны многие из обитателей этого дома. На эту мысль наводит уже внешний вид вяземских обитателей: грязное до черноты белье, растрепанные волосы, закоптелые лица и дикие взгляды, приводящие в ужас постороннего посетителя...» (*Г*, 1876, 28 октября, № 298).

Стр. 21. *Говорят, что стоящие на высоте как бы тянутся сами книзу, в бездну.* — Подобную мысль Достоевский высказал ранее в «Записках из Мертвого дома»: «Все это может быть похоже на то ощущение, когда человек с высокой башни тянется в глубину, которая под ногами, так что уж сам наконец рад бы броситься вниз головою: поскорей, да и дело с концом!» (см. наст. изд., т. IV, стр. 88).

Стр. 22. *Приговоренные к смертной казни чрезвычайно, говорят, крепко спят в последнюю ночь.* — Вероятно, Достоевский имеет в виду следующее место в повести Гюго «Последний день приговоренного к смерти»: «Я сказал ему, что хочу спать, и бросился на постель. От сильного прилива крови к голове я и в самом деле уснул. В последний раз я спал таким сном» (*Гюго*, т. I, стр. 281).

Стр. 23. *...я восторжествовал, и одного сознания о том казалось совершенно для меня довольно.* — Слова героя содержат вольную цитату из «Скупого рыцаря» (1830) Пушкина; ср. со словами Барона во 2-й сцене: «Я знаю мощь мою: с меня довольно Сего сознанья...» (также см.: наст. изд., т. XIII, стр. 75).

Стр. 24. *...сестрин муж в Москве промотал наше маленькое состояние и мою в нем часть...* — По предположению А. Л. Бема автобиографический мотив; речь идет о П. А. Карепине, муже сестры писателя В. М. Достоевской (см.: А. Л. Бем. Словарь личных имен к «Дневнику писателя». — В кн.: O Dostojevském. Praha, 1972, s. 301, 306).

Стр. 26. *...фраппировало.* — Поразило (от франц. frapper).

Стр. 26. *...эти медики бывают иногда свысока небрежны...* — Сентенция о «медиках» отражает постоянное недовольство мнительного больного Достоевского пользовавшими его докторами. Так, Достоевский в письме от 26 июля 1874 г. жаловался жене: «Этим Ортом я, все время, не совсем доволен; он обращается как-то легкомысленно и лечит точно наугад».

Стр. 27. *...к Полицейскому мосту...* — Ныне Народный мост (через реку Мойку).

Стр. 28. *...повезу ее в Булонь купаться в море...* — Булонь — французский порт и курорт. Достоевский посетил Булонь в июне—июле 1862 г.

Стр. 31. *...сцену Жиль Блаза с архиепископом Гренадским.* — В четвертой главе («Архиепископа поражает апоплексический удар. О затруднении, в котором очутился Жиль Блас, и о том, как он из него вышел») седьмой книги плутовского романа А.-Р. Лесажа (1668—1747) «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1717—1735) герой, воспользовавшись советами архиепископа, в крайне дипломатичной и осторожной форме высказывает критические замечания по поводу его последней, явно неудачной проповеди. Разговор о проповеди завершается изгнанием Жиль Блаза и раздраженным напутствием самолюбивого оратора: «Вы еще слишком молоды, чтоб отличать хорошее от худого. Знайте, что я никогда не сочинял лучшей проповеди, чем та, которая имела несчастье заслужить вашу хулу. Мой разум, слава всевышнему, ничуть еще не утратил своей прежней силы. Отныне я буду осмотрительнее в выборе наперсников; мне нужны для советов более способные люди, чем вы <...> Прощайте, господин Жиль Блас, желаю вам всяких благ и вдобавок немного больше вкуса» (А.-Р. Лесаж. Похождения Жиль Бласа из Сантильяны. Л., 1958, стр. 429).

Сцена в «Кроткой» названа «шедевром» — и это безусловно мнение самого Достоевского, неоднократно ее припоминавшего в странных житейских и литературных обстоятельствах. Достоевский писал А. Е. Врангелю 14 июля 1856 г., рассказывая о происшедшем между ним и М. Д. Исаевой недоразумении: «Со мной то же случилось, что с Gil-

Blas'ом и Archeveque de Grenade, когда он сказал ему правду». К тому же литературному сравнению прибегает Достоевский и в письме от 5 сентября 1873 г. к Д. Д. Кишенскому: «...я убедился, что между нами произошла классическая и вековечная история Жиль Блаза с архиепископом Гренадским». Об отношении Достоевского к роману Лесажа также см.: наст. изд., т. IX, стр. 522.

Стр. 35. *«Есть ли в поле жив человек?» — кричит русский богатырь.* — Возможно, видоизмененная цитата из романа Герцена «Кто виноват?» (1846): «Моя жизнь не удалась, побоку ее. Я точно герой наших народных сказок <...> ходил по всем распутьям и кричал: „Есть ли в поле жив человек?" Но жив человек не откликнулся...» (*Герцен*, т. IV, стр. 166; слова Бельтова).

Стр. 35. *Говорят, солнце живит ∾ разве оно не мертвец?* — Образ мертвого солнца навеян ассоциациями из Апокалипсиса. Солнце из «источника жизни» превращается в символ смерти: «Четвертый ангел вылил чашу свою на солнце; и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной; и они хулили имя бога, имеющего власть над сими язвами...» (гл. 16, стр. 8—9); после снятия агнцем шестой печати: «...я взглянул, и вот произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» (гл. 6, ст. 12).

Стр. 35. *«Люди, любите друг друга» — кто это сказал? чей это завет?* — «Сие заповедую вам, да любите друг друга» (Евангелие от Иоанна, гл. 15, ст. 17). Там же: «Сие есть заповедь моя, да любите друг друга, как я возлюбил вас» (гл. 15, ст. 12). Герой-атеист, цитирующий слова Мефистофеля из «Фауста» Гете и знакомый с Миллем, не может вспомнить, кому принадлежат эти слова. В черновых набросках равнодушие героя к религии еще более подчеркнуто. Он не может молиться и в его хорошо подобранной библиотеке нет псалтыри: «Я вот что хочу: я хочу псалтырь читать. Но по-славянски не умею и псалтыри нет! Послать в церковь; ночь. Господи, лучше не думать, лучше бы не думать» (стр. 353).

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Стр. 323. *...Кукольнику, которого так осмеяли...* — Речь идет о драмах и драматических фантазиях («ложных мелодрамах») Н. В. Кукольника (1809—1868) — «Джакобо Санназар» (1833), «Джулио Мости» (1833), «Доменикино» (1837—1838). Нечто подобное «глупой и комедиантской мысли мелодрамы» («Странная мысль: если бы можно было не хоронить?») действительно присутствует в мелодраме «Джакобо Санназар» (Н. Кукольник. Сочинения драматические, т. II. СПб., 1852, стр. 71, 73). Возможно, что и отклоненный Достоевским заголовок последнего раздела второй главы повести («Убила не себя, а меня») восходит к словам Джакобо Санназара: «Я умер навсегда чужою смертью!» (там же, стр. 74).

Драматические фантазии Кукольника, изобилующие внешними эффектами, ходульные и претенциозные, с точки зрения Достоевского, были справедливо осмеяны. В критических замечаниях о романе Э. Золя «Чрево Парижа» (см. стр. 238—239) Достоевский по поводу героя Золя — художника Клода — вспоминает драмы Кукольника: «Живописец *Клод*. Это не человек. Этот вечный восторг смешон. Это восторженные фигуры Кукольника в его драмах, как Доминикино, цаца, ляля. Только те говорили о Рафаэле, а эти о капусте». В «Кроткой» Достоевский совершает своеобразный и смелый «перевод» некоторых «глупых» мотивов «ложных мелодрам» Кукольника на трагически-искренний язык монологиста повести, снимая налет искусственности и фальши. Об отношении Достоевского к Кукольнику также см.: наст. изд., т. XVIII, стр. 273.

Стр. 330. *Портрет папы, в Эрмитаже.* — В «просветительскую» часть системы ростовщика, судя по этой записи, помимо походов в театр и приобщения к шедеврам мировой литературы входило и знакомство с живописью. Трудно сказать определенно, какой именно портрет папы имел в виду Достоевский. В Эрмитаже их было два: этюд к портрету папы Иннокентия X (1644—1655) испанского живописца Веласкеса (Velasquez, 1599—1660) и портрет папы Климентия IX (1667—1669) итальянского художника Карло Маратта (Maratta, 1625—1713).

ДЕКАБРЬ

(Стр. 36)

Стр. 37. *Как раз несколько дней спустя после приговора над несчастной беременной Корниловой ∾ преступница-убийца, Кирилова.* — Двадцатисемилетняя кронштадтская мещанка Анна Кирилова, бывшая около полутора лет на содержании у директора Сампсоньевского машинно-вагонного завода, инженера-технолога Семена Францевича Малевского, которому было около тридцати лет, убила его сонного утром 2 августа 1876 г. двумя выстрелами из револьвера в голову. (*ПГ*, 1876, 3 августа, № 150; *Г*, 1876, 3 августа, № 213; *СПбВед*, 1876, 5 августа, № 214). Дело слушалось 2 ноября 1876 г. в первом отделении С.-Петербургского окружного суда. Подсудимая объяснила, что она очень любила Малевского. Поздно вечером 1 августа, придя к нему на квартиру, она застала у него в спальне женщину, но не ушла, как требовал Малевский, а сидела под дверью. В это время ей попался на глаза револьвер, и она сделала из него несколько выстрелов, «сама не зная куда и зачем». После ухода женщины Малевский объявил ей о разрыве отношений и отобрал револьвер, посмеявшись над нею, что она стреляла, ни в кого не целясь. Тем не менее она провела у него ночь, а наутро, проснувшись и одевшись, подошла взглянуть на спящего Малевского. Тут ее внезапно поразила мысль, что ей нужно будет уйти навсегда; не помня себя, она взяла револьвер и выстрелила Малевскому в голову. Далее в отчете говорилось: «Подсудимая — молодая, симпатичная девушка, с очень приятным добродушным личиком, на котором выражается большое внутреннее страдание, одета весьма прилично и скромно, во время привода присяжных к присяге плакала.

После кратковременного совещания, г-да присяжные вынесли оправдательный приговор, причем зала заседания, переполненная публикою, разразилась громкими рукоплесканиями. Г-н председательствующий сделал публике внушение и приказал судебному приставу очистить залу заседания от публики. Подсудимая, при объявлении ей приговора, упала на скамью подсудимых в истерическом припадке; многие из публики прослезились» (*ПГ*, 1876, 3 ноября, № 216; ср.: *НВр*, 1876, 5 ноября, № 248; *Г*, 1876, 7 ноября, № 308).

Стр. 38. *Как раз случилось одно весьма благоприятное обстоятельство, доставившее мне скорую возможность посетить Корнилову и с ней познакомиться.* — Чиновник департамента Министерства юстиции К. И. Маслянников, прочитав октябрьский номер «Дневника писателя», проникся сочувствием к Корниловой и послал Достоевскому письмо (31 октября 1876 г.), в котором просил его повидаться с осужденной и убедить ее подать прошение о помиловании или смягчении участи (*Письма читателей*, с. 193—194). Следуя совету Маслянникова, Достоевский немедленно по получении письма отправился к прокурору Петербургской судебной палаты Э. Я. Фуксу и обратился к нему с просьбой разрешить свидание с Корниловой. Назавтра было получено разрешение на несколько свиданий, а на следующий день Достоевский был у Корниловой. О своих

хлопотах и посещении осужденной он подробно рассказал Маслянникову в письме от 5 ноября 1876 г. Настоящая главка «Дневника писателя» многими деталями и в ряде мест почти теми же словами повторяет это письмо. К. И. Маслянников впоследствии написал воспоминания об участии Достоевского в деле Корниловой («Эпизод из жизни Достоевского. (Материал для биографии)». — *НВр*, 1882, 13 октября, № 2830; включено в кн.: *Биография*, стр. 102—109 раздела Приложения).

Стр. 38. ...*гораздо моложе, чем я предполагал о нем, служит черпальщиком в экспедиции заготовления государственных бумаг...* — В записной тетради Достоевский определил возраст С. К. Корнилова как приблизительно 30 лет (см. выше, стр. 314). Черпальщик — рабочий, вычерпывающий из чанов бумажную массу. Экспедиция заготовления государственных бумаг — находившееся в ведении Министерства финансов предприятие, на котором изготавливалась бумага для денежных знаков, гербовых и почтовых марок.

Стр. 39. ...*заплакала, вспомнив об одном показании* ∾ *никогда не говорила.* — Показания давал пристав участка, куда явилась Корнилова. совершив преступление. В отчете о судебном заседании по этому поводу говорилось: «Пристав Нольде-Старченко показал, что, придя к нему объявить о своем преступлении, подсудимая говорила, что с полгода собирается убить ребенка, недели две уже как принималась привести свое намерение в исполнение, но все не удавалось» (*Г*, 1876. 18 октября, № 288).

Во втором письме к К. И. Маслянникову (21 ноября 1876 г.) Достоевский писал: «Она горько заплакала, припоминая показание тюремного пристава против нее в том, что будто она с самого начала своего брака возненавидела и мужа и падчерицу: „Неправда это, никогда я этого не могла ему сказать“».

Стр. 39—40. *Я еще накануне посещения узнал* ∾ *ей сообщил.* — Защитником Корниловой был присяжный поверенный Вильгельм Иосифович (Осипович) Люстих (Люстиг) (1844—1915). Познакомившись с ним в хлопотах по этому процессу, Достоевский в ноябре 1878 г. поручил ему вести дело, связанное с очередными спорами вокруг наследства тетки Достоевского А. Ф. Куманиной (*ЛН*, т. 86, стр. 466—468). Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 349.

Достоевский узнал о кассационной жалобе во время второго визита к Э. Я. Фуксу за разрешением на свидания с Корниловой (см. примеч. к стр. 38). Очевидно, из беседы с Фуксом у него сложилось твердое мнение (которое он высказал и в письме к Маслянникову от 5 ноября 1876 г.) о том, что решение Сената будет неблагоприятным. В связи с этим все надежды он возлагал на прошение о помиловании, о чем и сказал Корниловой. «Я ей не утаил о возможности просьбы на высочайшее имя, если не удастся кассация», — писал он Маслянникову.

Стр. 40. *Раза два я потом опять заходил к ней.* — Второй раз Достоевский был у Корниловой между 5 и 21 ноября 1876 г. (письмо к К. И. Маслянникову от 21 ноября 1876 г.).

Стр. 40. ...*с г-жой А. П. Б.* ... — Анна Петровна Борейша (*Гроссман, Семинарий*, стр. 66; ср. запись в тетради 1876—1877 гг., стр. 313).

Стр. 40—42. *И вот на днях меня известили* ∾ *с участием присяжных заседателей.* — Это предложение почти дословно воспроизведено Достоевским из письма к нему К. И. Маслянникова от 11 декабря 1876 г., в котором последний извещал его, что «приговор суда по делу нашей клиентки Корниловой кассирован вследствие нарушения 693 ст‹атьи› уст‹ава› уг‹оловного› суд‹опроизводства› и поступил на рассмотрение другого отделения суда, с участием присяжных заседателей» (*Письма читателей*, стр. 195). Указанная статья Устава уголовного судопроизводства 1864 г. гласила: «Сведущие люди не могут быть избраны из лиц, участвующих в деле, или из состоящих по делу свидетелями, судьями или присяжными заседателями» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. 39, отд. 2, 1864. СПб., 1867, стр. 264). Формальным поводом для кассирования приговора, как значится в обнаруженном

И. Л. Волгиным решении уголовного кассационного департамента Сената, послужил «допрос одного и того же свидетеля и в качестве эксперта, и в качестве свидетеля по одному и тому же делу» (*Письма читателей*, стр. 195). В «Братьях Карамазовых» Достоевский воспроизвел эту ошибку из дела Корниловой: доктора Герценштубе и врача Варвинского допрашивают на процессе Дмитрия Карамазова и как экспертов, и как свидетелей, вызванных прокурором (наст. изд., т. XV, стр. 486—487).

Стр. 42. ...*выбросив девочку и заглянув в окно посмотреть, как она упала...* — Введенный в заблуждение опечаткой в «Петербургской газете», Достоевский вторично неправильно описывает поведение Корниловой (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 406, примеч. к стр. 137).

Стр. 44. *Некоторые из тех друзей моих ∾ я ошибся.* — В ноябре 1876 г. Л. Х. Хохрякова под свежим впечатлением от «Приговора» побывала у Достоевского с целью получить от него объяснения об этой главке. Достоевский сказал ей, что «Приговор» не основан на реальном факте, а целиком написан им самим; на ее вопрос, не является ли он сам атеистом, писатель ответил: «Я деист, я философский деист!». Хохрякова указала ему, что «Приговор» может довести до мысли о самоубийстве даже человека, о нем не помышлявшего, и что, «осознав необходимость уничтожения или разрушения», человек может прийти к убеждению о необходимости убить близких, желая «только их счастья». Это восприятие «Приговора», по словам Хохряковой, сильно взволновало Достоевского:

«— Боже, я совсем не предполагал такого исхода, — сказал он, вскочив с места.

Он начал быстро ходить по комнате, почти бегать, волновался до того, что дошел до какого-то исступления, и то ударял себя в грудь, то хватался за волосы.

— И ведь это не вы первая, — сказал он, остановившись перед мною на одну секунду, — мне уж говорили об этом и, кроме того, я получил письмо.

И снова забегал, чуть не проклиная себя.

— Меня не поняли, не поняли! — повторил он с отчаянием, потом вдруг сел близко ко мне, взял меня за руку и заговорил быстрым шепотом:

— Я хотел этим показать, что без христианства жить нельзя, там стоит словечко: ergo; оно-то и означало, что без христианства нельзя жить. Как же это ни вы, ни другие этого словечка не заметили и не поняли, что оно означает.

Потом он встал, выпрямился и произнес твердым голосом:

— Теперь я даю себе слово до конца дней моих искупать то зло, которое наделал „Приговором“» (*Хохрякова*, стр. 5).

Стр. 45. ...*присылает мне один автор, г-н Энпе, свою статейку, учтиво-ругательную, напечатанную им в Москве в еженедельном журнале «Развлечение».* — Енпе. Дневник благонамеренного сатирика. — «Развлечение. Юмористический журнал с карикатурами», 1876, 14 декабря, № 51, стр. 391—392.

Статья кончается пожеланием, чтобы «писатели поменьше дарили своим вниманием всех этих „судий и отрицателей жизни“».

Стр. 46. *О, фальстафы жизни! Ходульные рыцари!..* — Фальстаф — персонаж пьес Шекспира «Генрих IV» (изд. 1598—1600) и «Виндзорские насмешницы» (изд. 1602); здесь в смысле — бесполезный человек, отличающийся нравственным нигилизмом и похвальбой.

Стр. 50. *Я получаю очень много писем с изложением фактов самоубийств...* — В декабре 1876 г. Достоевский получил три таких письма. Ф. М. Плюснин, сын купца из г. Слободского Вятской губернии, писал ему 10 декабря о случившихся в ноябре двух самоубийствах: отравилась послушница женского монастыря, доведенная до отчаяния преследованиями игуменьи, и застрелился ссыльный поляк Грабовицкий, тяжело больной и бедный человек, не имевший даже заработка (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29814. CCXIб.9). Л. П. Блюммер из Саратова сообщал 16 декабря

о двух самоубийствах, совершенных без видимой причины людьми, жившими внешне вполне благополучно (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29646. CCXIб.2). Помощник инспектора Кишиневской духовной семинарии М. А. Юркевич рассказал о самоубийстве гимназиста в день именин (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29911. CCXIб.14). Это письмо частично напечатано в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 4 «Именинник» — наст. изд., т. XXV).

Стр. 51. *«Да семейства у нас вовсе нет», — заметил мне недавно, возражая мне, один из наших талантливейших писателей.* — Этим писателем, как указано в записной тетради (см. выше, стр. 250), был М. Е. Салтыков-Щедрин. Он же имеется в виду и далее в «Дневнике писателя», где говорится об «умных людях» и «руководителях», от которых молодежь «может заимствовать <...> лишь взгляд сатирический, но уже ничего положительного» (*Борщевский*, стр. 293—295). Ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 406, примеч. к стр. 144.

Стр. 51—52. *Молодежь шестого декабря ∾ указанным «Московскими ведомостями»...* — 6 декабря 1876 г. в Петербурге на Казанской площади состоялась революционная демонстрация, которая была первым политическим мероприятием созданной в том же году организации «Земля и воля». В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 11 декабря, № 318) М. Н. Катков объяснил эту демонстрацию (как и вообще все русское революционное движение) «заграничной интригой», имевшей целью «пугать Россию революцией» накануне Константинопольской конференции. Ср. также: *МВед*, 1876, 14 декабря, № 321. Выражение Достоевского «настеганное стадо», возможно, восходит к словам «настеганные бараны», содержавшимся в указанной передовой статье М. Н. Каткова: «Кто-нибудь нанимает же рыцарей пера писать тенденциозную ложь? Труднее ли, дороже ли стоит нанять погонщиков, чтобы бросить на улицу настеганных баранов?». Однако выражение «настеганная толпа» встречается у Достоевского и раньше — в подготовительных материалах к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 168, 293).

Стр. 54. *«Никто же плоть свою возненавиде».* — Цитата из Евангелия: «Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и господь церковь» (Послание к Ефесянам св. апостола Павла, гл. 5, ст. 29).

Стр. 54. *Года полтора назад мне показывал один высокоталантливый и компетентный в нашем судебном ведомстве человек пачку собранных им писем и записок самоубийц...* — Предсмертные письма и записки самоубийц Достоевскому показывал А. Ф. Кони (*Гроссман, Семинарий*, стр. 66).

Стр. 55—59. *Анекдот из детской жизни.* — Примечание А. Г. Достоевской: «Действительный случай, происшедший с дочерью г-жи Хохряковой; сообщен матерью девочки. Г-жа Хохрякова служила на телеграфной станции где-то за Невской заставой» (*Гроссман, Семинарий*, стр. 66). Л. Х. Хохрякова рассказала Достоевскому о побеге своей дочери, очевидно, в ноябре, когда беседовала с ним у него на квартире о «Приговоре» (см. примеч. к стр. 44).

Тема убежавших из дома и скитающихся детей давно привлекала внимание Достоевского. Она была намечена еще в 1867 г. в подготовительных материалах к «Идиоту» (наст. изд., т. IX, стр. 145). Писатель вернулся к ней в 1872 г. в плане «Новые повести» (наст. изд., т. XII, стр. 8), а затем коснулся ее в «Дневнике писателя» за 1873 г. в очерке «Одна из современных фальшей» (см. след. примеч.). Она присутствует в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 64; т. XVII, стр. 368) и подготовительных материалах к нему (наст. изд., т. XVI, стр. 5), а также в плане неосуществленного романа «Отцы и дети» (наст. изд., т. XVII, стр. 7). Своеобразное, отличное от этих замыслов отражение она нашла в рассказе «Мальчик у Христа на елке» (наст. изд., т. XXII, стр. 14—17).

Стр. 58. *...помните вы года четыре назад напечатанное в газетах известие ∾ бывший с ними пистолет.* — Об этом случае Достоевский ранее писал в очерке «Одна из современных фальшей» (наст. изд., т. XXI,

стр. 135, 457). Очевидно, он читал и сообщение об учениках московского реального училища, бежавших в марте 1876 г. в Герцеговину (*НВр*, 1876, 24 марта, № 25; 7 апреля, № 37; *МВед*, 1876, 3 апреля, № 85; *БВ*, 1876, 21 марта, № 79; 3 апреля, № 92; *РМ*, 1876, 24 марта, № 82).

Стр. 58. *Прежние, надумав проект (ну хоть бежать в Венецию, начитавшись о Венеции в повестях Гофмана и Жорж Занда, — я знал одного такого)...* — Возможно, Достоевский говорит о самом себе. О его увлечении Венецией см. наст. изд., т. XXII, стр. 331, примеч. к стр. 27; об отношении к «венецианским» повестям Жорж Санд см. наст. изд., т. XXIII, стр. 33, 35—36. Гофманом Достоевский увлекался в пору пребывания в Главном инженерном училище. В письме к брату от 9 августа 1838 г. он сообщал, что летом, в лагерях в Петергофе, им был прочитан «весь Гофман». Д. В. Григорович, друживший с Достоевским в училище, вспоминал: «Первые литературные сочинения, читанные мной на русском языке, были мне сообщены Достоевским; это были: перевод „Кот Мурр" Гофмана...» (*Григорович*, стр. 47). Вспоминая о Гофмане в связи с Венецией, Достоевский имел в виду такие повести, как «Дож и догаресса» (1819; русск. пер. 1823, 1836), «Принцесса Брамбилла» (1821; русск. пер. 1844).

Стр. 58. *...а теперешние надумают да и выполнят.* — Реминисценция рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Непочтительный Коропат». См. наст. изд., т. XXII, стр. 315—316.

Стр. 59. *...это вовсе не единичные случаи...* (ср. ниже: *Но вот, стало быть, возможны и бродячие девочки.)* — В печати сообщалось, например, о двух тульских девочках одиннадцати-двенадцати лет, убежавших из дома «в леса», а также о попытке побега мальчиков на Цейлон (*БВ*, 1876, 2 апреля, № 91).

Стр. 60. *Разъяснение об участии моем в издании будущего журнала «Свет».* — 24 октября 1876 г. Н. П. Вагнер обратился к Достоевскому с письмом, в котором просил его поместить в «Дневнике писателя» объявление об издании журнала «Свет», о котором они «уже говорили» (*ЛН*, т. 86, с. 451). В ответном письме от того же числа Достоевский, приглашая Вагнера занести ему домой объявление, писал: «...непременно постараюсь отвести требуемые полстранички, а Вас поздравляю с предприятием» («Советские архивы», 1969, № 2, стр. 114). В опубликованном объявлении среди сотрудников будущего журнала был назван Достоевский. В январе 1877 г. Н. П. Вагнер просил вторично напечатать его объявление в «Дневнике писателя», но письмом от 26 января Достоевский категорически ему в этом отказал, сославшись на то, что, несмотря на разъяснение в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., некоторые читатели продолжали его считать сотрудником «Света». В январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский предполагал поместить еще одну заметку о своем неучастии в журнале Н. П. Вагнера, но в последний момент снял ее (см. письмо к метранпажу М. А. Александрову от конца января 1877), чтобы, как считал А. С. Долинин, этим вторичным заявлением не обидеть Н. П. Вагнера, с которым он находился в дружественных отношениях (*Д, Письма*, т. IV, стр. 465).

Журнал издавался с января 1877 г. под названием «Свет. Орган общечеловеческого развития. Ежемесячное научно-художественное издание». По сообщению С. В. Белова, неопубликованные письма Н. П. Вагнера к Достоевскому, хранящиеся в *ГБЛ*, «полны настоятельных просьб о сотрудничестве в журнале» (*ВЛ*, 1967, № 5, стр. 166).

Однако Достоевский не только не принял прямого участия в журнале, но воздерживался и от косвенного. Из письма Н. П. Вагнера от 9 октября 1877 г. (*Письма читателей*, с. 190—191) видно, что в течение 1877 г. он не обращался к писателю за советами потому, что тот его к тому не поощрял.

Стр. 61. *Московские старообрядцы снарядили и пожертвовали от себя целый (и превосходный) санитарный отряд и послали его в Сербию...* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 385.

Стр. 63. *Вот почему Европа всеми средствами желала бы взять себе в опеку славян ∾ восстановить их нападки против России и русских.* — Об этих проектах уже говорилось в сентябрьском выпуске (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 114—116).

Стр. 63. *...она бы и желала, чтоб Парижский трактат продолжался сколь возможно долее...* — Парижский договор, которым окончилась Крымская война, был подписан воевавшими странами при участии Австрии и Пруссии 30 марта 1856 г. Турции гарантировалась целостность и независимость. Россия лишалась ряда территорий в устье Дуная и Южной Бессарабии. Черное море объявлялось нейтральным, России и Турции запрещалось иметь на нем военный флот и военно-морские арсеналы. Россия была обязана срыть все укрепления на берегах Черного моря. Проливы Босфор и Дарданеллы закрывались для военных судов всех стран, но султану давалось право пропускать при необходимости легкие военные суда дружественных держав.

Действия русской дипломатии после 1856 г. определялись во многом стремлением добиться отмены унизительного для России договора. Воспользовавшись удобным моментом, когда франко-прусская война сделала невозможной войну европейских держав с Россией, канцлер А. М. Горчаков разослал правительствам Англии, Франции, Австро-Венгрии, Италии и Турции циркуляр (19 (30) октября 1870 г.), в котором заявлялось, что Россия не считает себя более связанной статьями договоров, ограничивающими ее права на Черном море. Лондонская конвенция 13 марта 1871 г. отменила статьи, запрещавшие России иметь на Черном море военный флот и укрепления, но оставила в силе установленный договором режим проливов.

Стр. 63. *...вот откуда происходят тоже и все эти проекты о бельгийцах, о европейской жандармерии и проч., и проч.* — 11 декабря (29 ноября) открылась Константинопольская конференция для мирного разрешения конфликта между Турцией и славянскими народами Балканского полуострова. На предварительных заседаниях (11 декабря (29 ноября)—21 (9) декабря), проходивших без участия Турции, представители шести европейских держав выработали программу требований к Турции; в их число входило учреждение особой наблюдательной комиссии по выработке специального судебного устава для христианского населения Европейской Турции. В распоряжение этой комиссии предполагалось предоставить отряд бельгийцев или итальянцев численностью в 4000 человек. Достоевский обратил внимание на передовую статью «Московских ведомостей» (1876, 9 декабря, № 316), в которой в связи с различными проектами решения судьбы славянских народов Турции говорилось: «Речь идет о занятии турецких провинций австрийскими, французскими, итальянскими войсками, наконец, швейцарскими стрелками и бельгийской жандармерией. Итак, все государства Европы по очереди приглашаются улаживать восточные затруднения. Устраняется только Россия, и она должна в видах примирительности и уступчивости безропотно отойти в сторону и отдать дела Востока в руки своих противников».

Стр. 63. *...об «ободнявшем Петре».* — Ободнять — пробыть, провести где-либо день (см.: *Даль*, т. II, стр. 609). Смысл приводимой далее пословицы «Лови Петра с утра, а ободняет, так провоняет» (стр. 64) объяснен в записной тетради 1876 г. (см. стр. 290, а также: наст. изд., т. XIV, стр. 155, 296; т. XV, стр. 548).

Стр. 63. *В последнее время многие говорили ∾ даже озлобление.* — См., например, в передовой статье «Нового времени» (1876, 14 декабря, № 287): «На днях мы указывали на некоторое охлаждение к славянскому делу со стороны части нашего общества...». Об этом же свидетельствовал «Русский мир» (1876, 7 декабря, № 293): «Общественное мнение Европы заметно охладело к Восточному вопросу; охладела к нему, быть может, и некоторая часть русского общества». Разочарование в летнем движении, переходящее в злобные на него нападки, отмечал П. Бартенев в статье «О некоторых суждениях и взглядах» (*МВед*, 1876, 1 декабря,

№ 309). Ср.: *СПбВед*, 1876, 8 декабря, № 339; *Гр*, 1876, 29 ноября, № 44, стр. 1036—1040 (В. П. Мещерский. Кое о чем на тему: увы, мы отвыкли от войны).

‹ЗАПИСИ К «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ» ИЗ РАБОЧИХ ТЕТРАДЕЙ 1875—1877 гг. ($ЗТ_1$ И $ЗТ_2$)›

В комментарии к записям Достоевского из рабочих тетрадей не поясняются, как правило, заметки, нашедшие отражение в основном тексте «Дневника писателя» в том же месяце или ближайшем к нему, когда они были занесены в тетрадь. Исключения делаются в тех случаях, если затруднительно установление связи между записью в тетради и соответствующим ей местом окончательного текста и если хронологический разрыв между черновой записью в тетради и ее использованием в тексте «Дневника» составляет несколько месяцев. Повторные записи, как правило, не комментируются, но в примечании к первой обычно указываются страницы (все или выборочно), на которых находятся другие, касающиеся того же предмета и той же темы.

‹ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1875—1876 гг.›

(Стр. 66)

Стр. 66. *1875. От 5-го ноября «Москов‹ские› ведомости». О египетском наследстве...* — В «Московских ведомостях» (1875, 5 ноября, № 282) в сообщении из Лондона от 4 ноября говорилось о речи премьер-министра Великобритании В. Дизраэли на банкете у лондонского лорд-мэра. Касаясь судьбы бывших турецких владений, Дизраэли упомянул «о значительности английских интересов на Востоке». Вопрос о Египте был злободневным в связи с намерением Англии приобрести акции Суэцкого канала. Купив их 26 ноября 1875 г. у египетского хедива, Англия стала фактической хозяйкой канала, а Египет попал от нее в зависимость. Ср. стр. 404, примеч. к стр. 70.

Стр. 66. *...Черняев.* — Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898), генерал-лейтенант в отставке, участник завоевательных походов в Средней Азии, редактор-издатель консервативной газеты «Русский мир».

Стр. 66. *От 6-го ноября «Голос». Фельетон из Берлина...* — Имеется в виду анонимная статья «Русская школа. Письмо из Берлина» (*Г*, 1875, 6 ноября, № 307) — продолжение ранее напечатанного первого письма (25 сентября, № 265). В обеих статьях излагалось содержание чтений в берлинском педагогическом кружке о постановке школьного дела в России. В письме, заинтересовавшем Достоевского, пересказывалось содержание второго чтения о «распространении революционной пропаганды в русской школе». Докладчик, проживший в России более десяти лет в качестве учителя, утверждал, что основную вину за распространение революционных идей в гимназиях несут «Московские ведомости» М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, которые устремляли «все свои усилия единственно к тому, чтоб произвести совершенную смуту в понятиях о настоящем значении классических и реальных общеобразовательных училищ, возбудить дух партий в русской школе и, таким образом, не дать установиться в России правильной училищной системе». Доказывая преимущество реального образования, докладчик ссылался на аналогичную точку зрения русских педагогов.

Стр. 66. *...у к‹нязя› Мещерского...* — О Владимире Петровиче Мещерском (1839—1914), издателе еженедельной газеты-журнала «Гражда-

нин», редактором которой в 1873—апреле 1874 гг. был Достоевский, см. наст. изд., т. XXI, стр. 360—369.

Стр. 66. ...*союз трех сев‹ерных› держав...* — Соглашение между Александром II, Вильгельмом I (Германия) и Францем-Иосифом I (Австро-Венгрия) о совместных действиях для сохранения в Европе сложившегося положения и подавления революционного движения; заключено в сентябре 1872 г. и называлось Союзом трех императоров.

Стр. 67. ...*Овсянников.* — Петербургский купец-миллионер; в дни, когда Достоевский записал комментируемую фразу, внимание прессы и общественного мнения было привлечено к Овсянникову ожиданием громкого и скандального процесса по его делу (ср. ниже, стр. 405 и наст. изд., т. XXII, стр. 390).

Стр. 67. ...*Филоновы...* — Андрей Григорьевич Филонов (1831—1908), педагог-реакционер, в 1873—1883 гг. инспектор 4-й петербургской прогимназии, автор ряда учебных руководств, выдержанных в казенно-благонамеренном духе. Достоевский упомянул его здесь, очевидно, в связи с тем, что тот в речи, произнесенной в 1875 г., призывал гимназистов доносить на своих товарищей. Речь Филонова вызвала полемику (см.: *Г*, 1875, 26 октября, № 296; *Гр*, 1875, 2 ноября, № 44, стр. 1060—1062; 16 ноября, № 46, стр. 1112). Ср. стр. 80, 108.

Стр. 67. ...*Крестовский...* — Всеволод Владимирович Крестовский (1840—1895), писатель; в 1860-х годах сотрудник «Времени»; позднее выступил с рядом «антинигилистических» романов («Панургово стадо», 1869; «Две силы», 1874; и др.).

Стр. 67. *Граф Сальяс...* — Имеется в виду Евгений Андреевич Салиас де Турнемир (1840—1908), исторический романист, автор романа «Пугачевцы» (1873—1874), который читал Достоевский в период работы над «Подростком» (см. наст. изд., т. XVI, стр. 6—7; т. XVII, стр. 268, 396).

Стр. 67. ...*Авсеенки...* — Романист и критик Василий Григорьевич Авсеенко (1842—1913), с которым Достоевский резко полемизировал в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII).

Стр. 67. ...*Фадеев...* — Ростислав Андреевич Фадеев (1824—1883), отставной генерал, публицист консервативной дворянской оппозиции, сотрудник газеты «Русский мир», где в 1874 г. напечатал серию статей, составивших книгу «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)» (СПб., 1874). С идеями Фадеева относительно роли и места дворянства в пореформенной России Достоевский полемизировал в «Подростке» (см.: наст. изд., т. XVII, стр. 262—264; Е. И. Семенов. Роман Достоевского «Подросток» (проблематика и жанр). Л., 1979, стр. 17—35). Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 371, примеч. к стр. 104.

Стр. 67. *Фантастическая идея Ордена чести...* — «Идея» Достоевского полемична по отношению к мысли Фадеева о предоставлении крупным купцам дворянских прав: «Единственная группа людей вне дворянства, обладающая у нас самостоятельным значением, а потому имеющая несомненное право голоса в общих делах, это — купечество. ‹...› русский привилегированный слой, составляющий учреждение чисто общественное, должен открываться всякой общественной силе, упрочивающей себя наследственно. Поэтому в России следовало бы облегчить по возможности переход в дворянство крупным купцам, остающимся купцами. По нашему мнению, было бы совершенно согласным с современными потребностями предоставить им право просить о возведении в дворянство детей, обеспеченных значительною недвижимою собственностью; почетных же граждан, владеющих капиталом определенной величины, сравнять с дворянами во всех правах» (Р. А. Фадеев. Русское общество в настоящем и будущем. СПб., 1874, стр. 86—88). См. в записной тетради 1872—1875 гг. полемические замечания к этому месту книги Фадеева (наст. изд., т. XXI, стр. 271). Проект Ордена чести (légion d'honneur), который мог бы «в двух видах совершиться: или от правительства, или от себя», упоминается в записях 4—5 апреля 1875 г. в подготовительных материалах к «Подростку», где его выдвигает Версилов (наст. изд., т. XVI, стр. 332).

В окончательном тексте (наст. изд., т. XIII, стр. 177—178) этот проект высказывается в виде идеи превращения дворянства в «собрание лучших людей», доступ в которое открывал бы «всякий подвиг чести, науки и доблести» (см. подробно: наст. изд., т. XVII, стр. 332—333). Дальнейшим развитием проекта должна была стать «юмористическая поправка».

Стр. 67. *Рассказ Некрасова о последних днях Решетникова...* — В связи с публикацией в «Отечественных записках» романа «Подросток» Достоевский в 1875 г. часто встречался с Некрасовым. Очевидно, при одной из этих встреч Некрасов и рассказал ему о «последних днях» писателя-разночинца Ф. М. Решетникова, умершего 9 марта 1871 г.

Стр. 67. *...(революционеры, старого Гаврилу)...* — Намек на строки из стихотворения Дениса Давыдова «Современная песня» (соч. 1836; напеч. 1840):

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврилу
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.

Достоевский неоднократно цитировал это стихотворение (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 114; т. XXIII, стр. 32).

Стр. 67. *...Юхотский плакал, обтянутая ручка, фойе и деликатес.* — Детали из романа В. Г. Авсеенко «Млечный путь», кн. 1, гл. 11 (*РВ*, 1875, № 10, стр. 798—806).

Стр. 67. *Граф Тdлстой ∽ «Русский мир», № 216).* — В указанном номере «Русского мира» (8 ноября 1875 г.) был помещен обзор Вс. С. Соловьева «Русские журналы» (подпись: Вс. С.), в котором, в частности, излагалось содержание напечатанного в ноябрьской книжке «Вестника Европы» письма И. С. Тургенева по поводу смерти поэта А. К. Толстого (ср.: *Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 224—226) и были приведены три выдержки. Пересказав содержание помещенного там же некролога А. К. Толстого, написанного М. М. Стасюлевичем, Вс. С. Соловьев высказал пожелание, «чтоб люди, близкие покойному поэту, не откладывали собирание материалов для его биографии и чтоб труд этот выпал на долю человеку, способному совершить его достойным образом».

Название журнала «Русский вестник» значится в комментируемой заметке, очевидно, по ошибке, вместо «Вестник Европы». Ноябрьскую книжку «Русского вестника», где также был напечатан некролог А. К. Толстого за подписью А. (В. Г. Авсеенко), Достоевский читал много позже. Запись о статье М. С. Куторги из этого номера была сделана между 17 и 20 декабря (см. выше, стр. 81). О чтении статьи А. М. Бутлерова «Медиумические явления» Достоевский сообщал Н. П. Вагнеру в письме от 21 декабря. Упоминание рассказа А. Незлобина «Кружок» находится в тетради между заметками, датируемыми 13 декабря, причем возможно, что к этому моменту рассказ был известен Достоевскому лишь по рецензии Вс. С. Соловьева (см. выше, стр. 75 и примеч. к ней). Эти факты опровергают сформулированную на основании комментируемой записи гипотезу Н. Ф. Бельчикова, согласно которой некролог, напечатанный в «Русском вестнике», явился одним из побудительных толчков к ряду последующих полемических заметок о «Дыме» и Тургеневе (Н. Ф. Бельчиков. Тургенев и Достоевский. (Критика «Дыма»). — «Литература и марксизм», 1928, № 1, стр. 65—66; *ЛН*, т. 83, стр. 472). Записи о Тургеневе начинаются в ноябре, о «Дыме» — около 8 декабря (см. выше, стр. 68, 73).

Стр. 68. *Общество земледельческих колоний ∽ «Голос». Воскресенье, 9-го ноября 75.* — В указанном номере «Голоса» (№ 310) был напечатан краткий отчет о деятельности Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов за октябрь 1875 г. См. наст. изд., т. XXII, стр. 325—326.

Стр. 68. *«Голос». Понедельник, 10-го ноября. ∽ Голядкин.* — В номере «Голоса» за указанное число (1875, № 311) был помещен фельетон «Но-

вости иностранной литературы» (без подписи), посвященный книге английского психиатра А. Уинтера «Области, сопредельные с умственным расстройством, и другие статьи по тому же предмету» (A. Wynter. The Borderlands of Insanity and Other Allied Papers. London, 1875) и двум романам Жорж Санд — «Фламаранд» («Flamarande», 1875) и «Два брата» («Les deux frères», 1875). А. Уинтер доказывал, что «черта, отделяющая здравый рассудок от умственного расстройства, чрезвычайно тонка <...>. В известном состоянии сознания человек может находиться в постоянной борьбе с самим собою и с подстрекательствами двойника совершить или сказать то, что претит его природе в нормальном состоянии». Рассуждения английского ученого в изложении автора фельетона напомнили Достоевскому о герое его повести «Двойник», который находился в аналогичном психическом состоянии. С этим фельетоном связаны, по всей видимости, размышления Аркадия в заключительной главе «Подростка» о «двойнике» Версилова (наст. изд., т. XIII, стр. 445—446). См.: В. Н. Захаров. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978, стр. 66—67.

Стр. 68. *Человек, который рад проползти из Бадена в Карльсруе на карачках...* — Очевидно, имеется в виду Тургенев, живший долгое время в Баден-Бадене и имевший там собственный дом. Баден-Баден расположен приблизительно в 30 км от Карлсруэ, который упоминается в «Бесах» в связи с писателем Кармазиновым, чей образ является карикатурой на Тургенева (см. наст. изд., т. X, стр. 349—350).

Стр. 68. *В Симбирске на памятнике Карамзину...* — Памятник по проекту скульптора С. И. Гальберга был открыт в 1845 г. Изображение, которое имеет в виду Достоевский, представлено левым барельефом постамента. Известны насмешливые отзывы о памятнике ряда современников Достоевского. Осмотрев памятник в конце 1850-х годов, Н. А. Крылов, как он впоследствии вспоминал, иронизировал над тем, что «с одной стороны голый Карамзин стоит с свитком, а с другой стороны этот же голый Карамзин сидит на кровати, а к нему из рога изобилия сыплются червонцы» (Н. А. Крылов. Очерки из далекого прошлого. — *ВЕ*, 1900, № 5, стр. 167). Ср.: В. А. Тихонов. Воспоминания об И. Ф. Горбунове. — «Исторический вестник», 1899, № 1, стр. 180.

Стр. 68. *...Послание к Римлянам, глава II, стих 9.* — «Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых иудея, потом и эллина».

Стр. 68. *«Русский мир» сам признал себя на 5 рублей поплоше...* — В «Русском мире» (1875, 9 ноября, № 217) было помещено объявление о подписке на 1876 г., в котором сообщалось о снижении годовой подписной платы с 16 до 10 рублей. М. Г. Черняев был редактором-издателем «Русского мира».

Стр. 69. *Юбилей Тургенева...* — В статье П. Библиографа (псевдоним П. П. Васильева) «Первое печатное произведение И. С. Тургенева» (*МВед*, 1875, 12 ноября, № 289) упоминалось, что «Общество любителей российской словесности при Московском университете намерено в нынешнем году почтить юбилейным торжеством И. С. Тургенева». Очевидно, прочитав это сообщение, Достоевский задумался о форме своего участия в юбилее. Однако известие оказалось ложным. (См.: *Тургенев, Сочинения*, т. XV, стр. 376; *Тургенев, Письма*, т. XI, стр. 534—535).

Стр. 69. *Левиты...* — Священнослужители низшего духовного сана у древних евреев.

Стр. 69. *...статья «Литературная кунсткамера», о «Подростке».* — Статья «Литературная кунсткамера. Письма к издателю, V» за подписью «Странник» (*МВед*, 1875, 14 ноября, № 291) была откликом на некролог В. С. Курочкина, помещенный в «С.-Петербургских ведомостях» (1875, 24 августа, № 224), в котором была дана высокая оценка В. С. Курочкина как редактора-издателя «Искры». С реакционных позиций отрицательно характеризуя «Искру», автор «Литературной кунсткамеры» говорил о сочувствии журнала Парижской коммуне, выраженном в №№ 13—

21 за 1871 г. Порицая демократическую публицистику и ее пристрастие к «европейскому социализму», которого «знать не хочет Европа», автор в конце статьи сравнивал ее с героем «Подростка», который в пансионе «стыдится» своей матери и «бегает» за французом Тушаром.

Стр. 69. *«Москов‹ские› ведомости», № 292 ∾ Опровержение сенсационной телеграммы «Русского мира»...* — Имеется в виду следующее сообщение: «В опровержение депеши, полученной газетою „Русский мир" из Рагузы от 11-го ноября, будто бы Австрия отказалась доставлять в Черногорию запасы хлеба для собравшихся туда 65 000 герцеговинских беглецов и что вследствие того грозит неизбежный голод, венская „Politische Correspondenz" официально сообщает, что австрийское правительство уже довольно долгое время и правильно доставляет хлеб для беглецов в Черногорию, что эта помощь доставляется безвозмездно и до сих пор не было никакого распоряжения о прекращении оной» (*МВед*, 1875, 16 ноября, № 292).

Стр. 69. *...принимают публику за какой-то Ташкент...* — В ночь с 14 на 15 июня 1865 г. М. Г. Черняев (в 1875 г. редактор-издатель «Русского мира») отрядом около 2 000 человек при 12 орудиях неожиданным дерзким штурмом взял Ташкент, который обороняла тридцатитысячная армия.

Стр. 70. *«Гражданин», № 46, 16 ноября: известия о попах...* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 329. О попах «с папиросками» Достоевский писал в той части очерка «Маленькие картинки» (1874), которую вычеркнул из окончательного текста по настоянию цензора И. А. Гончарова (см. наст. изд., т. XXI, стр. 315—316, 470—471).

Стр. 70. *«Московские ведомости», № 296, 20 ноября. ∾ Суэцком канале.* — В этом номере в сообщении из Москвы было помещено изложение «Докладной записки о причинах упадка одесской торговли и средствах к ее поднятию», представленной в Совет торговли и мануфактур его Одесским комитетом. В записке указывалось, что с конца 60-х годов на заграничных рынках торговля России хлебом столкнулась со все более усиливавшейся конкуренцией Америки. Авторы записки выражали убеждение, что Россия «окончательно утратила свое значение в хлебной торговле, что ей приходится снизойти на второй план и что даже тут она может сохранять место только под условием напряженных усилий».

Здесь же под заглавием «Г. Джон Лемуан о восточной политике Англии» напечатан перевод статьи французского публициста и политического деятеля Джона Эмиля Лемуана (Lemoinne, 1815—1892) в парижском «Journal des Débats» о «Новом повороте британской политики на Востоке». Лемуан порицал Англию за ее желание захватить Египет и Суэцкий канал и писал, что нет причин, которые помешали бы в ответ на это России захватить Константинополь, Франции — Бельгию, Германии — Голландию и т. д. Ср. стр. 400, примеч. к стр. 66.

Стр. 70. *Люди из бумажки.* — Это выражение несколько раз повторяется в произведениях Достоевского. В «Бесах» так характеризует западников и «нигилистов» Шатов (см. наст. изд., т. X, стр. 110; ср. т. XI, стр. 170). В подготовительных материалах к «Подростку» это выражение употреблено по отношению к Версилову (см. наст. изд., т. XVI, стр. 400). В февральском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 1 «Один из главнейших современных вопросов») «людьми из бумажки» названы персонажи «Анны Карениной», «эти мелкие, ничтожные и лживые люди».

Стр. 70. *Теперешнее поколение ∾ возненавидят своих отцов.* — Эту мысль Достоевский развил в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 4 «Единичные явления» (наст. изд., т. XXII, стр. 101—102). Ср. также стр. 123.

Стр. 70. *«Московские ведомости», № 297, 21 ноября. ∾ (из Петербурга).* — В указанном номере газеты говорилось: «На захват Англией Суэцкого канала следует смотреть не просто как на торговую сделку, а как на событие политическое, первостепенной важности». В подтверж-

дение этого приводился ряд отзывов из английской прессы («Times», «Daily News», «Morning Post» и др.), заинтересовавших Достоевского. Ср. стр. 400, примеч. к стр. 66.

В корреспонденции «Из Петербурга», помеченной 18 ноября, сообщалось о том, что «в сферах правительственных» и «в среде нашего городского общества» оживленно обсуждается вопрос об обязательном начальном обучении. В связи с этим газета ставила вопросы о программе обязательного обучения и материальном обеспечении народных училищ.

Стр. 70. *«Русский мир» удешевил газету.* — См. стр. 403, примеч. к стр. 68.

Стр. 70. *А Балда приговаривал ∾ за дешевизною.* — Заключительные строки «Сказки о попе и о работнике его Балде» А. С. Пушкина (1830), цитируемые по искаженному тексту, опубликованному В. А. Жуковским в 1840 г. под заглавием «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде» и в таком виде печатавшемуся в собраниях сочинений Пушкина при жизни Достоевского (искажения были устранены в 1882 г.).

Стр. 70. *См. выдержки Порецкого из «Киевского телеграфа»...* — Эти выдержки приводились в статье «Отголоски несообразные (из современного обозрения)» (*Гр*, 1875, 23 ноября, № 47, стр. 1125—1126). Автор статьи в «Киевском телеграфе» (1875, 2 ноября, № 131) полемизировал с теми, кто «в нашу тяжелую годину хлопочут о развитии художественности и эстетичности убогой русской литературы», утверждая, что за «пышным нарядом» скрываются «глубокие раны, болячки». Порецкий приводил «жемчуга красноречия»: «общие общественные интересы», «фокус пожеланий», «тоска безделья» и т. д.

Александр Устинович Порецкий (1819—1879) — журналист и переводчик, приятель Достоевского с 40-х годов, сотрудник «Времени», официальный редактор «Эпохи» после смерти М. М. Достоевского, сотрудник «Гражданина» в период редакторства Достоевского и позднее.

Стр. 71. *Столоверчение. Бунт столов в Министерстве народного просвещения.* — Ср. аналогичную тему в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 425).

Стр. 71. *«Московские ведомости», № 301, середа, 26 ноября. ∾ на эту тему.* — Передовая статья, которую имеет в виду Достоевский, была посвящена вышедшему в Швейцарии памфлету бывшего прусского дипломата графа Г. фон Арнима (1824—1881) «Pro nihilo» (1875), направленному против канцлера Бисмарка. Арним доказывал, что Бисмарк из личного соперничества добивался его увольнения со службы pro nihilo.

Стр. 71. *Дело Овсянникова.* — Дело слушалось в Петербургском окружном суде с 25 ноября по 6 декабря 1875 г. Отчеты о судебных заседаниях печатались в «Голосе» начиная с 26 ноября (№ 327) и до 20 декабря (№ 351). Одновременно отчеты печатались во всех других крупных газетах. Как показывают последующие многочисленные записи в этой тетради (стр. 72, 73, 77, 80 и др.) и заметки в подготовительных материалах, Достоевский регулярно читал отчеты в «Голосе», а также отклики на процесс в других газетах.

Стр. 71. *Наш либерализм даже ретрограден ∾ à la hauteur.* — Ср. характеристику русского либерализма в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 1 (наст. изд., т. XXII, стр. 7), а также запись о либерализме на стр. 76.

Стр. 71. (*Записочка одного застрелившегося.*) — Достоевского заинтересовала следующая заметка в «Голосе» (1875, 28 ноября, № 329): «Вчера мы сообщили краткое известие о застрелившемся в Александровском парке молодом человеке, теперь можем добавить, что покушавшийся на самоубийство оказался елисаветградским мещанином Александром Афанасьевым, 23-х лет. В кармане его платья найдена записка следующего содержания: „Я уже убил не одну и погубил многих; я разбойник и жить на свете не могу. Афанасьев". 26-го ноября Афанасьеву была сделана операция извлечения пули, и доктора надеются на его выздоровление».

Стр. 71. *«Московские ведомости», № 303, 28 ноября.* — Передовая номера газеты была посвящена начавшемуся летом 1875 г. восстанию в Боснии и Герцеговине против турецкого ига. Газета заявляла о поддержке Россией требований восставших и о необходимости предоставления автономии всем христианским провинциям Оттоманской империи.

Стр. 72. *О придуманности и ненатуральности общества сострадания к животным...* — О Российском обществе покровительства животным Достоевский писал в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. III, § 1 (наст. изд., т. XXII).

Стр. 72. *...Соколов...* — Возможно, Достоевский имеет здесь в виду Н. И. Соколова (1844—1899), известного врача, профессора частной патологии и терапии Петербургской военно-медицинской академии. Ср. наст. изд., т. XXI, стр. 267.

Стр. 72. *«Голос», 1-е декабря ∾ о перемене карты Европы...* — В «Заграничных известиях» в «Голосе» (1875, 1 декабря, № 332) приводилась статья из газеты «Journal de St. Pétersbourg», в которой в ответ на сообщение бельгийской газеты «Indépendance belge» о готовившемся будто бы с участием русской дипломатии «совершенном преобразовании Европы в территориальном отношении» говорилось, что это утверждение — «нездоровая пропаганда» и что «переделыватели карты Европы» вышли из моды. В заключение обозреватель ссылался на берлинский официоз «Nord-Deutsche Allgemeine Zeitung», где было заявлено, что автор статьи в бельгийской газете «имеет полное право поступить в дом умалишенных».

Стр. 72. *Наш чиновник — олицетворенное ничегонеделание. ∾ Почтальоны железнодорожные.* — Эту тему Достоевский развивал в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 3 «Немцы и труд. Непостижимые фокусы. Об остроумии» (наст. изд., т. XXIII).

Стр. 72. *Отсылка Минист‹ерством› иностр‹анных› дел денег Герцеговине...* — На общем собрании членов Общества попечения о раненых и больных воинах обсуждался вопрос об оказании пособий жертвам восстания в Боснии и Герцеговине. Как сообщил 28 ноября председатель Общества, сенатор, генерал-лейтенант И. М. Гедеонов, Общество назначило в сентябре в помощь жертвам восстания 10 000 рублей и открыло дальнейший сбор пожертвований. Через посредство Министерства иностранных дел Общество просило разрешить отправку уполномоченного в Черногорию для распределения пособий и помощи раненым. По докладу Гедеонова собрание членов Общества приняло решение выделить в помощь герцеговинцам еще 25 000 рублей. Уполномоченным Общества был избран князь П. А. Васильчиков (*Г*, 1875, 1 декабря, № 332). Здесь же газета сообщала о заседаниях Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета 12 и 19 октября. Среди членов общества, принимавших участие в обоих этих заседаниях, упомянут Достоевский.

Александр Семенович Ионин (1837—1900) — русский генеральный консул в Рагузе. На заседании Славянского комитета 19 октября зачитывалась присланная Главным управлением Общества попечения о раненых и больных воинах копия отчета А. С. Ионина о распределении 10 000 руб., пожертвованных Обществом в сентябре.

Стр. 72. *«Голос», 5 декабря. ∾ застрелилась.* — В «Голосе» за указанное число (1875, № 336) излагалось содержание доклада К. Я. Маевского (на заседании Общества архитекторов в Петербурге), посвященного устройству «лондонского дома для хранения ценных редких вещей и документов». Чтобы воспрепятствовать злоумышленникам, сообщалось в докладе, «из кладовых дома с помощью особой помпы выкачивается весь воздух». Ср. также стр. 169.

В том же номере пересказывался из газеты «Новости» «рассказ матери об истории самоубийства ее дочери-акушерки». Воспитанная в «глухой провинции», самоубийца Куколевская решила «посвятить себя на такой труд, который был бы существенно полезен обществу». Для сдачи экзаменов и получения диплома она приехала в Петербург, где познакомилась и сошлась с доктором М. А. К‹раеви›чем, обманувшим ее, отобрав-

шим у нее деньги и пытавшимся выгнать ее из квартиры, где они до этого жили вместе.

Стр. 72—73. *Предрассудок о мире. ∾ царство жида.* — К мысли о социальных и нравственных последствиях войны Достоевский будет неоднократно возвращаться в настоящей тетради (см. стр. 90, 97, 116, 120 и др.), предполагая развить ее в «Дневнике писателя». Этот замысел осуществлен в апрельском выпуске за 1876 г., гл. II, § 2 «Парадоксалист» (наст. изд., т. XXII).

Стр. 72. *Мечи и плуги.* — Имеется в виду библейское предсказание о времени, когда люди «перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы» (Книга пророка Исаии, гл. 2, ст. 4).

Стр. 72. *Сарданапал ∾ Лароша.)* — Фельетон Г. Лароша «Музыкальные очерки» о постановке оперы А. Фоминицина «Сарданапал» (на сюжет трагедии Байрона) в Мариинском театре в Петербурге (*Г*, 1875, 26 ноября, № 327).

Стр. 73. *В «Биржевых» от 7-го декабря ∾ парадокс об Овсянникове ∾ надо обвинить теперь в поджоге.* — В своем очередном еженедельном фельетоне «Недельные очерки и картинки» (*БВ*, 1875, 7 декабря, № 337) А. С. Суворин писал: «Общественное мнение обвинит г-на Овсянникова не за то дело, которое привлекло его на скамью подсудимых, а за всю его деятельность, за всю его жизнь ‹...› Прокуратура заслуживала бы благодарности и в том случае, если бы г-н Овсянников был невинен в поджоге, ибо она подвергла необходимой епитимии человека, незаслуженно пользовавшегося известным почетом, и заставляла других быть осмотрительнее и честнее».

Стр. 73. *«Голос», понедельник, 2 декабря, № 339. ∾ верхом сидела.* — В номере «Голоса» за 8 декабря (у Достоевского ошибочно — 2 декабря) было перепечатано сообщение о деле, разбиравшемся у мирового судьи в Петербурге 3 декабря (Г. А. М‹ачтет›. Странно решенное дело. — «Неделя», 1875, 7 декабря, № 49, стр. 1648—1649). Происшествие состояло в том, что коллежский регистратор И. Лимберг, будучи пьяным, стал приставать на улице к народной учительнице А. Морозовой и ее приятельнице, учительнице Л. Викторовой, но был задержан и избит кандидатом математических наук Я. Ковальским. На суде «г-жа В‹икторо›ва в волнении и с негодованием, почти задыхаясь, говорила судье о плачевном положении у нас женщин, которых всякий нахал считает себя вправе оскорблять, надеясь на их слабосилие, беззащитность». При допросе свидетелей городовой заявил, что он «застал Лимберга лежащим на земле, а М‹орозо›ва, будто бы, сидя на нем верхом вместе с Ковальским, била его». Судья приговорил Морозову к четырехдневному аресту «за неприличную позитуру и нарушение тишины». Ковальский был приговорен к штрафу в 20 руб. или, в случае несостоятельности, к пятидневному аресту; Лимберг — к аресту на 5 дней и штрафу в 10 руб. Ср.: *Г*, 1875, 15 декабря, № 346. Достоевский далее неоднократно возвращался к этому делу (стр. 77, 78 и др.).

Стр. 73. *«Гражданин», № 49, 7 декабря.* — В этом номере была напечатана обширная статья «Дело Овсянникова», и вслед за ней излагался «Приговор по делу Овсянникова» (стр. 1174—1180). Газета писала: «Овсянников был 17 раз под судом и всегда был оправдываем; Овсянников был любимый подрядчик военного министерства почти полвека; Овсянников был царем петербургской биржи; Овсянников был осыпаем милостями и наградами». Далее намекалось на соучастие в аресте Овсянникова владельца арендованной им мельницы купца-миллионера В. А. Кокорева и высших чиновников интендантского ведомства военного министерства.

Стр. 73. *«Дым», о красоте, Потугин ∾ красота Белинского.* — Настоящей заметкой открывается ряд записей к неосуществленной полемической статье, направленной против Тургенева, которую Достоевский, по-видимому, собирался включить в состав январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. См. подробно: Н. Ф. Бельчиков. Тургенев и

Достоевский (Критика «Дыма»). — «Литература и марксизм», 1928, № 1, стр. 63—94; ср. стр. 403. примеч. к стр. 67, а также записи выше о Тургеневе (стр. 67, 68, 69). О «красоте» в «Дыме» Потугин говорит: «...мы не одним только знанием, искусством, правом обязаны цивилизации, но что даже чувство красоты и поэзии развивается и входит в силу под влиянием той же цивилизации и что так называемое народное, наивное, бессознательное творчество есть нелепость и чепуха» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 236). В основе этого утверждения Потугина лежит мысль Белинского, что «художественная поэзия всегда выше естественной или собственно народной» (*Белинский*, т. V, стр. 308). См. также: М. К. Азадовский. «Певцы» Тургенева. — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1954, т. XIII, вып. 1, стр. 149.

Стр. 73. *Тургенев и Виардо, переводил Гоголя...* — О сборнике повестей и рассказов Н. В. Гоголя, переведенных на французский язык Л. Виардо и И. С. Тургеневым, а также о переводах «Пиковой дамы» и «Капитанской дочки» Достоевский писал ранее в очерке «По поводу выставки» в «Дневнике писателя» за 1873 г. (наст. изд., т. XXI, стр. 68—69, 424—425). Об этом переводе он вспомнил в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. III, § 2 «На каком языке говорить будущему отцу отечества?» (наст. изд., т. XXIII, с. 81—82).

Стр. 74. *Потугин именно самородок...* — Намек на тираду Потугина против русских «самородков» («Дым», гл. XIV), для которой поводом служит встреча с одним из них, музыкантом, который заявляет, что он «ничего», «нуль», потому что не учился, но что у него «не в пример больше мелодий и больше идей, чем у Мейербера». По этому поводу Потугин, в частности, говорит: «...наш самородок „трень-брень" вальсик или романсик, и смотришь — уже руки в панталоны и рот презрительно скривлен: я, мол, гений. И в живописи то же самое, и везде. Уж эти мне самородки!» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 230—231).

Стр. 74. *Ошибка в том, что Потугин семинарист...* — Имеются в виду слова Потугина, что он «священнического поколения», «духовного происхождения» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 170, 174).

Стр. 74. *Красота ∾ (Казанова).* — Неясно, какое место из мемуаров Казановы имеет в виду Достоевский. Описание костюма дворянина XVIII в., содержащееся в отрывке из мемуаров, напечатанном во «Времени» (1861, № 1, стр. 173), подчеркивает не красоту, а несообразность одежды, в которую был вынужден облачиться Казанова после побега из венецианской тюрьмы; в этом описании отсутствуют упоминаемые Достоевским детали.

Стр. 74. *Сконфузил юношу ∾ (Тургенев и Писарев).* — Имеется в виду рассказ Потугина о том, как он разбил аргументы юноши-«нигилиста» против брака и довел его чуть не до слез, указав ему, что хищные животные, к которым юноша причислял и человека, живут в единобрачии, так как «и вдвоем-то детей едва выкормишь» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 235). В качестве доказательства того, что Потугин «соврал», Достоевский, очевидно, хотел напомнить читателям рассказ Тургенева в «Воспоминаниях о Белинском» (1869) о встрече с Д. И. Писаревым весною 1867 г. В беседе с ним Тургенев высказал свое несогласие с его статьей «Пушкин и Белинский» и, в частности, с трактовкою в ней стихотворения «19 октября» (1825), назвав этот «поход против стихотворцев» «антикварной выходкой» и «архаизмом». Рассказ кончается словами: «Не знаю, что подумал Писарев, но он ничего не отвечал мне. Вероятно, он не согласился со мною» (*Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 36).

Воспитательные дома — приюты для подкидышей и беспризорных детей.

Стр. 74. *«Непочтительный Коронат».* — Рассказ Салтыкова-Щедрина, напечатанный в «Отечественных записках» (1875, № 11) в качестве XVI очерка цикла «Благонамеренные речи». В этом же номере были помещены главы 5—7 третьей части «Подростка». Посвященный глубоко волновавшей Достоевского теме молодого поколения, но решавший ее

совсем в ином, чем Достоевский в «Подростке», революционно-демократическом духе, рассказ Щедрина вызвал пристальное внимание Достоевского. Ср. стр. 75, 79, 88, 92, 108 и наст. изд., т. XXII, стр. 5, 315—316.

Стр. 74. *Байрон, Каин...* — В мистерии Байрона «Каин» (1821), на тему библейской легенды, убийство сыном Адама Каином своего брата Авеля представлено актом протеста против тирании и деспотизма, проникнутым богоборческим пафосом. В дальнейшем Достоевский несколько раз возвращался в тетради мыслью к этому произведению (см. стр. 75, 82, 102, 133), объясняя его идейное содержание особым состоянием духа Байрона, вызванным врожденною хромотою. Подобное объяснение содержалось, например, в статье И. Шерра, предпосланной собранию сочинений Байрона, имевшемуся в библиотеке Достоевского (*Библиотека*, стр. 126; *Гроссман, Семинарий*, стр. 22): «...при красивом лице и сложении, ‹Байрон› имел несчастие явиться на свет кривоногим. Этот недостаток стал главным источником угрюмой мизантропии Байрона. Постоянные насмешки, которые ему приходилось выслушивать от школьных товарищей и даже матери над его хромотою, произвели глубокое впечатление на необыкновенно чувствительного мальчика и рано довели его до того горького настроения, которое впоследствии заставило его сказать однажды: „Как, черт возьми, можно было создать свет, подобный нашему? С каким намерением, для какой цели можно было создать франтов, и вельмож, и магистров, и женщин известного возраста, и кучу мужчин всякого возраста, и, наконец, даже и меня! К чему же?“ Может быть, не будет слишком смело предположить, что в душе мальчика, который, в детской досаде, сопоставлял учение катехизиса о всеблагом провидении с своим телесным недостатком, данным на его долю промыслом, возникал уже зародыш того мрачного, подкапывающегося скептицизма, который демонически царит во всех созданиях Байрона» (Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов, изданных под ред. Н. В. Гербеля, т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1874, стр. XI. Мистерия «Каин» в это собрание не входит).

Стр. 74. *Идут мужики и несут топоры...* — Эти пародийные «стихи, должно быть сочиненные каким-нибудь прежним либеральным помещиком», Достоевский вложил в уста Степана Трофимовича Верховенского в «Бесах» (наст. изд., т. X, стр. 31; т. XII, стр. 286—287).

Стр. 74. *...долго нас помещики душили?* — Начало стихотворения, ставшего революционной песней, популярной в 1860-х годах; печаталось неоднократно с 1861 г. в нелегальных и заграничных революционных изданиях. С наибольшей вероятностью приписывается В. С. Курочкину, но в прошлом приписывалось и другим лицам. См.: Поэты «Искры», т. 1. Л., 1955 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 768—770; Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 726—728.

Стр. 74. *О г-же Стечкиной...* — О полемике Л. Я. Стечкиной с редакцией журнала «Русский вестник» по поводу не согласованных с нею сокращений в ее рассказе «Первая гроза» см. наст. изд., т. XXII, стр. 390. Ср. выше записи на стр. 80, 82, 85.

Стр. 74. *У Тургенева — костюм Чурилы...* — Имеется в виду ироническое описание в «Дыме» костюма Чурилы Пленковича (см. наст. изд., т. XXII, стр. 392—393). Ср. выше записи на стр. 87—88, 91 и др.

Стр. 74. *Вы выпродали имение...* — Эти слова обращены к И. С. Тургеневу.

Стр. 74. *Пусть я паду в битве...* — Статья Л. Я. Стечкиной кончалась следующей тирадой: «У меня, при всей неизвестности моей, хватит достаточно сил на обличение несправедливости, как бы сильна она ни была. И наконец, предположив невозможное, предположив, что я паду раздавленная в непосильной борьбе, я не знаю, на чьей стороне будет слава: на стороне ли пигмея, у которого не хватило *материяльных* сил против гиганта, или на стороне этого мощного гиганта, который так благородно,

так согласно с своим олимпийским величием дал убежище просившему его, дал для того, чтобы воспользоваться и тем немногим, что имел слабый пигмей?».

Стр. 75. *...и петролея.* — Имеется в виду сожжение Тюильри (см. стр. 81, 131 и примеч. к ним, а также наст. изд., т. XXII, стр. 339).

Стр. 75. *Направление Лермонтова — причина: урод, кочергу ломал.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 340—341. Ср. записи на стр. 82, 102.

Стр. 75. NB. *Смотри ноябрь, «Русский вестник». Кружок в Цюрихе.* — Достоевский имеет в виду рассказ А. Незлобина «Кружок (из записок социал-демократа)» (*РВ*, 1875, № 11), содержавший грубую карикатуру на русскую революционную молодежь. А. Незлобин — псевдоним журналиста Александра Александровича Дьякова (1845—1895). Запись сделана, возможно, под впечатлением от сочувственного отзыва о рассказе в обзорной статье Вс. С. Соловьева «Русские журналы» (*РМ*, 1875, 6 декабря, № 244). Внимание Достоевского, несомненно, должны были привлечь следующие строки статьи: «Одно из самых печальных явлений, на какое только можно натолкнуться, — это человек, потерявший почву, разорвавший всякую связь с прошедшим и в то же время не нашедший твердой опоры ни в настоящем, ни в будущем. В последние годы это печальное явление начинает встречаться все чаще и чаще и становится далеко не случайным в большей части нашего общества <...> Вот почему в последних произведениях Достоевского, самого современного и самого чуткого из наших лучших писателей, мы встречаем так много лиц, мечущихся во все стороны, жадно ищущих чего-то и безнадежно погруженных в темноту безрассветную». К числу таких людей Соловьев относил персонажей рассказа А. Незлобина. Книжку «Русского вестника», в которой был напечатан рассказ, Достоевский читал, очевидно, позже, в конце второй декады декабря (см. стр. 403, примеч. к стр. 67).

Стр. 76. *...(как Наполеон на Крым).* — Имеется в виду Наполеон III и Крымская война (1853—1856).

Стр. 76. *«Новое время», № 325 ∾ Биография Погодина.* — В указанном номере газеты (1875, 13 декабря, № 325) был помещен без подписи краткий некролог М. П. Погодина (ум. 8 декабря 1875 г.), содержавший основные биографические данные о нем.

Стр. 76. *Благоговейное замечание Тургенева в «Дыме»...* — «Взрыв трубных звуков прокатился по аллее: это военный прусский оркестр из Раштадта (в 1862 году Раштадт был еще союзною крепостью) начинал свой еженедельный концерт в павильоне» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 270).

Раштадт — город в герцогстве Баденском, которое входило в Германский союз. В 1849 г. здесь началась Баденская революция, подавленная прусскими войсками, державшими с тех пор в крепости свой гарнизон. В августе 1866 г. Германский союз прекратил существование, а в сентябре между Пруссией и герцогством Баденским был подписан мирный договор, так что в марте 1867 г., когда был опубликован «Дым», в Раштадте не было прусских войск, и Тургенев счел необходимым пояснить, почему в его романе все же говорится о прусском военном оркестре, играющем в Баден-Бадене. Ср. стр. 77, 80, 91.

Стр. 76. *...говорил себе, что это в романах...* — Имеются в виду размышления Литвинова, готовящегося уехать с Ириною: «Литвинов очень серьезно размышлял обо всем этом: решимость его была сильная, без малейшего колебания, а между тем, против его воли, мимо его воли, что-то несерьезное, почти комическое проступало, просачивалось сквозь все его размышления, точно самое его предприятие было делом шуточным и никто ни с кем никогда не бегивал в действительности, а только в комедиях и романах, да, пожалуй, где-нибудь в провинции, в каком-нибудь чухломском или сызранском уезде, где, по уверению одного путешественника, людей со скуки даже рвет подчас» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 305). В следующей главе, после получения письма от Ирины с отказом от побега, но предложением продолжить связь: «Каждое выражение

в письме Ирины возбуждало его негодование, самые уверения ее в неизменности ее чувства оскорбляли его» (там же, стр. 308).

Стр. 76. ...*милостивый государь мой...* — Это обращение дважды употребляет один из персонажей повести «Собака» (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 124).

Стр. 76. ...*бежал, такие лансады делал...* — У Тургенева: «А какие скачки, какие лансады по саду задавал! Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона в день его ангела пляшет, — и та за мной бы не угналась» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 138). *Лансада* — крутой и высокий прыжок верховой лошади. ...*у Наполеона...* — речь идет о Наполеоне III.

Стр. 77. ...*женщины с новейшими машинами?* — Имеется в виду Матрена Семеновна Суханчикова, одна из отрицательных героинь «Дыма», которая утверждает, что для своего освобождения женщины должны «запастись швейными машинами и составлять общества» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 160).

Стр. 77. *«Биржевые ведомости», № 344. Воскрес‹енье›, 14 декабря. Фельетон Незнакомца...* — В фельетоне А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» шла речь о последних судебных заседаниях и приговоре по делу Овсянникова. Особенно резко осуждались защитники обвиняемых. Вторая половина фельетона была посвящена празднованию сорокалетия Училища правоведения.

Стр. 77. *«Голос», № 345. Воскрес‹енье›, 14 декабря.* ∾ *Речь Спасовича (окончание).* — В передовой этого номера говорилось о «новых боевых подвигах русских войск» в Средней Азии, но одновременно отмечалось, что беспорядки там указывают на «крайнюю недостаточность численного состава наших войск в Туркестанском военном округе» (ср. стр. 112). Далее в передовой, со ссылкой на газету «Сибирь» (1875, 30 ноября, № 23), обращалось внимание на «значительные успехи в культурном отношении, которые сделаны в Китае и Японии». В связи с этим высказывался упрек царскому правительству, что оно обрекает на «упадок, застой, бездействие и страшную апатию» Сибирь, «обреченную служить местом для отбывания уголовного наказания, которая искусственно снабжается всякими подонками восьмидесятимиллионного населения страны, управляемой на старых, давно отживших и осужденных нами самими основаниях». Вопросу о необходимости заселения и развития Сибири, использования ее природных богатств, укрепления ее границ, постройки Сибирской железной дороги Достоевский придавал большое значение и неоднократно возвращался к нему позднее в этой тетради (стр. 83—84, 88, 89 и др.) и в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 137 и др.). Ср. подготовительные материалы к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 170, 385; т. XVII, стр. 413—414).

В этом же номере «Голоса» было помещено окончание речи адвоката В. Д. Спасовича по делу Овсянникова. Спасович выступал на этом процессе защитником интересов страховых обществ «Якорь» и «Варшавское», в которых была застрахована подожженная Овсянниковым мельница. Начало речи — в предыдущем номере газеты. О Спасовиче см.: наст. изд., т. XXII, стр. 346—347.

Стр. 77. *«Голос», 15 декабря, № 346...* — В этом номере был напечатан официальный текст решения мирового судьи Клокачева по делу Морозовой, Лимберга и Ковальского (см. примеч. к стр. 73).

Стр. 77. *У нас воспитательный дом. Мать, положим, может кормить грудью...* — Устав Воспитательного дома позволял матери самой кормить ребенка.

Стр. 78. *«Дон-Жуан» Байрона, Посвящение, строфа X.* — Указанная строфа в прозаическом переводе, имевшемся в библиотеке Достоевского (*Библиотека*, стр. 126); *Гроссман, Семинарий*, стр. 22): «Если Мильтон, преследуемый, в дни злополучия, злыми языками, взывал с просьбой о мести ко времени, и если время, этот великий мститель, точно раздавило его врагов, сделав имя Мильтона синонимом великого, то это потому, что он

не лгал в своих песнях, не употреблял своего таланта для преступления, не оскорблял отца, чтоб сделать удовольствие сыну, и умер, как жил, ненавистником тиранов» (Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов, изданных под ред. Н. В. Гербеля, т. 2. Изд. 2-е. СПб., 1874, стр. 2). Однако дальнейшие записи («смеялся над Вордсвортом за таможню» — см. стр. 82) дают основание предположить, что Достоевский допустил здесь в записи ошибку, имея в виду на самом деле шестую строфу посвящения к «Дон-Жуану».

Стр. 78. *Не могут не определиться лучшие люди...* — Этим замечанием открываются в тетради записи, относящиеся к проблеме «лучших людей», которую Достоевский поднял в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 177—178, 376—377, 453—454; т. XVII, стр. 262—264, 332—334; см. также: Е. И. Кийко. Русский тип «всемирного боления за всех» в «Подростке» (по материалам чернового автографа). — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 155—161; Е. И. Семенов. Роман Достоевского «Подросток» (проблематика и жанр). Л., 1979, стр. 17—35). Над этой проблемой писатель неизменно продолжал размышлять в период подготовки к изданию «Дневника писателя» и далее в 1876—1877 гг.; его раздумья отразились в многочисленных заметках в обеих записных тетрадях (см. стр. 85—86, 156—158, 167—169, 176, и др.). Косвенно проблема была затронута в рассуждениях Парадоксалиста в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 2) и подробно рассмотрена в октябрьском выпуске того же года (гл. II, § 3—4).

Стр. 78—79. *Потугин. Выставка лондонская ∾ на русский народ.* — Достоевский полемизирует со следующими словами Потугина в «Дыме»: «Посетил я нынешнею весной Хрустальный дворец возле Лондона; в этом дворце помещается, как вам известно, нечто вроде выставки всего, до чего достигла людская изобретательность <...> Ну-с, расхаживал я, расхаживал мимо всех этих машин и орудий и статуй великих людей; и подумал я в те поры: если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца всё то, что тот народ выдумал, — наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булавочки не потревожила бы, родная: всё бы преспокойно осталось на своем месте, потому что даже самовар, и лапти, и дуга, и кнут — эти наши знаменитые продукты — не нами выдуманы» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 232—233). Ср. рассуждения Достоевского в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 2 «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» (наст. изд., т. XXII, стр. 110—111, 377—378). О «законе народонаселения» ср. стр. 89.

Стр. 79. *...из разряда Пироговых...* — Главный персонаж повести Н. В. Гоголя «Невский проспект». Ср. стр. 102 и примеч. к ней.

Стр. 79. *Он ей показал ∾ место подле себя...* — Сцена отъезда Литвинова («Дым», гл. XXV): «Он вскочил в вагон и, обернувшись, указал Ирине на место возле себя. Она поняла его. Время еще не ушло. Один только шаг, одно движение, и умчались бы в неведомую даль две навсегда соединенные жизни... Пока она колебалась, раздался громкий свист, и поезд двинулся» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 313). Ср. стр. 82—83, 119.

Стр. 79. *...как султан князю Меньшикову...* — Александр Сергеевич Меньшиков (1787—1869), любимец Николая I, главнокомандующий русской армии и флота в Крымской войне, бездарно себя проявивший в этой должности и отстраненный от нее 15 февраля 1855 г. В феврале 1853 г. Меньшиков был послан Николаем I с чрезвычайной миссией в Турцию, где он вел переговоры с султаном Абдул-Меджидом (1823—1861) и его министрами. Один из эпизодов этих переговоров, окончившихся в мае 1853 г. разрывом дипломатических отношений между Россией и Турцией, имеет в виду Достоевский (*Тарле*, т. VIII, стр. 143—189).

Стр. 79. *История, как Лиля сломала ручку.* — Имеется в виду случай с дочерью Достоевских Любовью (1869—1926), который произошел в 1872 г.;

о нем подробно рассказала А. Г. Достоевская (см.: *Достоевская, А. Г., Воспоминания*, стр. 220—231).

Стр. 79. *В русском человеке ∾ да так и останется.)* — Это рассуждение отразилось в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 2 «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» (наст. изд., т. XXII, стр. 43).

Стр. 79—80. *Конспект номера ∾ Больницы и проч.* — Этот план реализован не был.

Стр. 80. ...*мошенник, спрятавшийся под престолом у Спаса на Сенной.* — Об ограблении Спасо-сенновской церкви в Петербурге см. наст. изд., т. XXII, стр. 394. Ср. запись далее (стр. 108).

Стр. 80. *«Голос», № 348. ∾ в деле Овсянникова.* — В этом номере (1875, 17 декабря) была напечатана пространная заметка рекламного характера о книжном магазине М. О. Вольфа, которому, по словам газеты, «принадлежит честь образования у нас детской литературы». Ср. запись далее (стр. 86) и примеч. к ней. Здесь же в судебной хронике пересказывалось выступление 5 декабря на процессе по делу Овсянникова присяжного поверенного А. И. Языкова, защитника одного из обвиняемых. В своей речи Языков порицал печать за то, что она высказывала мнение о виновности подсудимых до окончания судебного разбирательства, и просил присяжных не основывать свое мнение па предвзятых суждениях репортеров.

Стр. 80. *Цебрикова...* — Мария Константиновна Цебрикова (1835—1917), писательница демократического направления, печатавшаяся в «Отечественных записках» в 1870-е годы; активная поборница женского равноправия, много писавшая по педагогическим вопросам и критиковавшая старую систему воспитания и реакцию в области образования; автор «Детских рассказов» (1875), «Записок гувернантки» (1875) и др.

Стр. 81. *«Русский вестник» ∾ Древнегреческие тираны.* — Имеется в виду статья М. С. Куторги «Борьба демократии с аристократией в древних эллинских республиках пред персидскими войнами» (*РВ*, 1875, № 11). Куторга цитирует следующие слова Платона из его трактата «О государстве»: «Тирания выходит только из демократии, а не из какого-либо другого правительства, ибо крайняя вольность перерождается в сильнейшее и необузданное рабство» (стр. 12—13). Ср. стр. 85, 87 и запись в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 142, 394).

Стр. 81. *Михайловский сердится.* — Судя по записи далее о статье Г. З. Елисеева и по сделанной в непосредственной близости от этой записи помете на полях («Читал „От‹ечественные› зап‹иски›“»), комментируемая фраза может относиться к восемнадцатой главе «Записок профана» Н. К. Михайловского, напечатанной в «Отечественных записках», 1875, № 12. В ней Михайловский полемизировал со статьей Д. Л. Мордовцева «Печать в провинции» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 356—357), в частности с его «теорией больших городов». Там же он разбирал статью П. Ч. (П. П. Червинского) «Отчего безжизненна наша литература?» («Неделя», 1875, 2 ноября, № 44). Придерживаясь мнения, что «литература ‹...› и все общество только тогда избавятся от дальнейшего обнищания ‹...›, когда примут во внимание нужды и воззрения народа» (*ОЗ*, 1875, № 12, отд. 2, Современное обозрение, стр. 290), Михайловский тем не менее не принимал тезиса Червинского «город наша погибель, а наше спасение в деревне» и оспаривал его утверждение о том, что «„надлежащее слово“ ‹...› скажут люди деревни, а не города, и уж всего менее Петербурга» (там же, стр. 283). По поводу этих слов Михайловский, в частности, писал: «Фраза г-на П. Ч. есть только фраза (ее давно уже г-н Достоевский сказал: «Власы спасут себя и нас»)» (там же, стр. 290; ср. наст. изд., т. XXI, стр. 41).

В дальнейшем Достоевский неоднократно вспоминал эту статью Михайловского. В нескольких черновых записях она фигурирует в связи с проблемою провинциальной печати (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 357). Две записи (стр. 90, 109) относятся к цитате из поэмы Н. А. Некрасова

«Кому на Руси жить хорошо», которую привел в этой статье Михайловский. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. из статьи в перефразированном виде приведена мысль о том, что в России «консерваторам нечего консервировать» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 75, 354—355); ср. аналогичную запись в тетради (стр. 177).

Стр. 81. *Семинарии надо поскорее возвысить до гимназий ∾ требник и учитель).* — Первая половина «Внутреннего обозрения» Г. З. Елисеева в «Отечественных записках» (1875, № 12) была посвящена вопросу о причинах ухода семинаристов из семинарий в университеты и лицеи. Одной из причин Г. З. Елисеев считал «невозможность совместить свои идеалы с званием священника». В статье предлагались следующие реформы: «1) Уничтожить те безразличные для существа духовного звания отличия, которые теперь многих отклоняют от него. 2) Выдвинуть на первый план просветительскую деятельность духовенства и этим поднять его значение в обществе. 3) Для этого поставить приготовление к духовному званию или, что то же, духовную школу совсем на другие основания». Как «единственное средство возвысить ‹...› духовенство», Елисеев предлагал «ввести в нем разделение труда, предназначив одну часть духовенства для исправления треб, другую — исключительно для просветительской деятельности». Вторая половина статьи Елисеева была посвящена процессу Овсянникова. Ср. стр. 95, 99, 109, 112 и записи в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 137, 138, 142, 144).

Стр. 81. *(Михайловскому) ∾ со всем новым.* — См. примеч. к записи в подготовительных материалах «Чтение о Тюильри...» (наст. изд., т. XXII, стр. 392). Ср. запись далее (наст. том, стр. 131).

Стр. 81. *...вроде героев Августа Коцебу.* — Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу (1761—1819), немецкий писатель, монархист-реакционер, агент царского правительства и Священного союза; его пьесы характеризовались слащавой сентиментальностью и мелодраматизмом.

Стр. 81. *Или взять, что Овсянников отвечает за всю эпоху...* — Имеется в виду следующая оценка процесса Овсянникова в фельетоне А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» (*БВ*, 1875, 30 ноября, № 330): «Это современная история в лицах и биографиях, полный курс истории. Это история винного откупа со всею его жестокою обстановкою, с миллионами жертв, проклятий, плача и разврата ‹...› Это история грабежа казны, народных сил и денег ‹...› Это история рубля...».

Стр. 81—82. *«Мне не нравится, что Овсянников за всю жизнь свою наказан» (Суворин).* — Имеется в виду «парадокс об Овсянникове» (см. примеч. к стр. 73).

Стр. 82. *А что Спасович взял с общества страхового.* — Речь идет о гонораре В. Д. Спасовича за представительство интересов страховых обществ в деле Овсянникова. Ср. примеч. к стр. 77.

Стр. 82. *Смеялся над Вордсвортом за таможню.* — Английский поэт-романтик озерной школы, литературный противник Байрона Вильям Вордсворт (1770—1850) в 1813 г. получил по протекции место акцизного чиновника. Байрон, усмотрев в этом плату за политическое ренегатство, резко сатирически упомянул эту синекуру Вордсворта в шестой строфе посвящения к «Дон-Жуану»: «Вы — правда — получали свое вознаграждение; но работали, конечно, не для него одного. Вордсворт сидит на своем месте в таможне, да и все вы порядочно дрянной народ, хотя все-таки поэты и занимаете место на бессмертном холме» (Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов, изданных под ред. Н. В. Гербеля, т. 2. Изд. 2-е. СПб., 1874, стр. 2). Ср. выше примеч. к стр. 78.

Стр. 82. *Оранжевые цвета.* — Очевидно, неточная реминисценция последней, семнадцатой строфы посвящения к «Дон-Жуану», в которой Байрон противопоставляет политическому ренегатству поэтов-лейкистов неизменность своих демократических убеждений: «Если я не льщу, то потому что сохранил еще свои цвета, желтый и голубой. Политические мои взгляды еще не воспитались. К тому же отступничество нынче до того в моде, что сохранить свои убеждения составляет почти геркулесовский

подвиг. Не так ли мой тори? мой ультра-отступник — Юлиан?» (Сочинения лорда Байрона в переводах русских поэтов, изданных под ред. Н. В. Гербеля, т. 2. Изд. 2-е. СПб., 1874, стр. 3). Желтый и голубой были цветами партии вигов.

Стр. 82. *Сабуров и Андриянова.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 391. Ср. запись далее (наст. том, стр. 102).

Стр. 82. *14-ое декабря было диким делом* ∾ *И, однако же, личность Николая.* — Набросок к статье о декабристах, которую Достоевский предполагал написать для январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 32). Этот замысел, к которому Достоевский возвращался и позднее, осуществлен не был. Ср. стр. 126, 131, 133, 146 и записи в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 137, 138, 143 и др.).

Стр. 83. *...под русским деревом в Баден-Бадене?* — «Русским» называлось дерево, у которого имели обыкновение собираться русские, находившиеся в Баден-Бадене (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 144, 546).

Стр. 83. *Il était humble et hautain* ∾ *comme on est prêtre.* — Слова из характеристики полицейского Жавера в «Отверженных» (ч. I, кн. V, гл. 5). Первое предложение будет впоследствии записано Достоевским в подготовительных материалах к «Братьям Карамазовым», где оно будет связано с развитием замысла образа Смердякова (наст. изд., т. XV, стр. 205, 609—610; Е. И. Кийко. Из истории создания «Братьев Карамазовых» (Иван и Смердяков). — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 126—128).

Стр. 83. *Ces gens-là, quand ce n'est pas de la boue, c'est de la poussière.* — Слова, которыми Жавер характеризует людей, находящихся «на дне», в частности исчезнувшую семью Жана Вальжана («Отверженные», ч. I, кн. VI, гл. 2).

Стр. 83. *«Голос». Суббота, 20 декабря, 75, № 351.* ∾ *и распущения Национ‹ального› собрания.* — В этом номере газеты был напечатан отчет о заседании 11 декабря 1875 г. Общества любителей духовного просвещения. На заседании обсуждались решения состоявшейся в Бонне конференции, посвященной проблеме сближения между старокатолической и православной церквами. Вопреки мнению профессора Петербургской духовной академии И. Т. Осинина, преподаватель Петербургской духовной семинарии иеромонах Герасим отрицательно отнесся к предложенному старокатоликами проекту соглашения, видя в нем уступки католическому «воззрению, исторически сложившемуся на Западе».

В телеграмме из Версаля от 30 декабря сообщалось: «Национальное собрание в сегодняшнем заседании окончательно назначило: выборы делегатов на 16-е января, сенаторов по департаментам — на 30-е января, депутатов — на 20-е февраля и собрание обеих палат — на 8-е марта 1875 года». Обостренный интерес Достоевского в эти дни к вопросам французской политики был связан с конфликтом между партиями республиканской ориентации в Национальном собрании Франции и президентом-монархистом маршалом Мак-Магоном (см. о нем: наст. изд., т. XXI, стр. 483 и т. XXII, стр. 340). Этот конфликт находился в центре внимания русской печати (см., например: *Г*, 1875, 13 декабря, № 344; 17 декабря, № 348).

Стр. 83. *«Голос». Воскресенье, 21 декабря.* ∾ *Китая.* — В номере за указанное число (1875, № 352) Достоевского заинтересовало объявление: «Студент желает получить место швейцара. А. Д. С. Офицерская ул., д. 13, кв. № 21».

Передовая статья этого же номера была посвящена состоявшемуся 18 декабря утверждению Александром II южного направления проектировавшейся Сибирской железной дороги (Нижний Новгород—Тюмень через Екатеринбург). Газета одобрила это решение. Мысль Достоевского шла дальше: его беспокоила политика царизма, обрекавшего Сибирь на роль места ссылки и не заботившегося о ее развитии и защите. Ср. стр. 411. В этом смысле Достоевский был склонен считать, что Сибирь заслуживает еще большего внимания правительства и общества, чем Средняя Азия.

Стр. 84. *«Истинная скорбь не выражается в пошлых фразах...»* — Слова из фельетона Незнакомца (А. С. Суворина) «Недельные очерки и картинки» в связи со смертью профессора Московского университета, академика, историка М. П. Погодина (*БВ*, 1875, 21 декабря, № 351).

Стр. 84. *Рюрик, Синеус, Трувор и Погодин...* — Характеризуя Погодина как «среднего русского человека, каким он являлся в разные эпохи последних пятидесяти лет» и который «не поднимался выше ходячих мнений толпы», Суворин писал: «...он всего касался, все трогал, начиная от норманства и кончая дарвинизмом и духовидением, но жил он душою только в норманском вопросе; только Рюрик, Синеус и Трувор были постоянными и неизменными посетителями его души, так что в отдаленном будущем может сложиться такая легенда: и пришли к славянам четыре брата: Рюрик, Синеус, Трувор и Погодин...» (*БВ*, 1875, 21 декабря, № 351).

Стр. 84. *А о судье Клокачеве* ∾ *не вам бы говорить...* — Третий раздел указанного выше фельетона А. С. Суворина, озаглавленный «Женщины и судья», был посвящен делу Морозовой и Лимберга (см. примеч. к стр. 73). Суворин высмеивал фальшивую «стыдливость» судьи Клокачева, который счел поведение Морозовой «неприличным» и в то же время не постеснялся раскрыть в протоколе, который он опубликовал в «Голосе» (см. примеч. к стр. 77), ее полное имя. Клокачеву предсказывалось, что его могут не выбрать на следующий срок и что его ожидают неприятности со стороны мирового съезда. В конце фельетона Суворин сообщал, что муж Морозовой послал Клокачеву письмо, в котором требовал, чтобы судья перед нею извинился. Клокачев же представил это письмо в полицию и настаивал на высылке Морозова из столицы на том основании, что он будто бы угрожал ему дуэлью (в письме содержалось слово «удовлетворение»). Градоначальник оставил жалобу судьи без последствий.

Стр. 84. *«Московск‹ие› ведомости», № 324. Суббота, 20 декабря.* ∾ *Менделеева.* — Передовая статья этого номера была посвящена опубликованному правительственному узаконению, расширявшему права дворянства. Узаконение отменяло требование о несении дворянином государственной службы как предварительном условии, дававшем дворянину право на участие в делах дворянских собраний. Отныне, по словам газеты, дворянин становился «правоспособен в кругу деятельности своего сословия уже по тому самому, что он дворянин, безо всяких условий, кроме образования».

В том же номере под заглавием «Медиумизм в России» был помещен отчет о состоявшейся 15 декабря публичной лекции Д. И. Менделеева, который ознакомил слушателей с протоколами заседаний комиссии для изучения спиритизма, созданной при Петербургском физическом обществе. Работа комиссии показала необоснованность утверждений поборников спиритизма.

Стр. 84. *...(вроде репутации Потехина)...* — В фельетонах А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» (*БВ*, 1875, 30 ноября, № 330; 7 декабря, № 337; 14 декабря, № 344) присяжный поверенный П. А. Потехин, в связи с его защитою Овсянникова, обвинялся в пристрастии и недобросовестности; ему предлагалось «удалиться с честью» из петербургского совета присяжных поверенных, пока его товарищи не забаллотировали его вследствие его замаранной репутации. Ср. примеч. к стр. 97.

Стр. 85. *Аристотель. «Русск‹ий› вестник».* — Достоевский приводит со своим комментарием слова Аристотеля («Политика», III, 5, 4), которые в переводе М. С. Куторги читаются так: «Тирания есть монархия, имеющая в виду только пользу монарха, олигархия — пользу богатых, а демократия — пользу неимущих; об общественной же пользе не заботится никто из них» (*РВ*, 1875. № 11, стр. 44). Ср. примеч. к стр. 81.

Стр. 85. *...нам всего ожидать от народа* ∾ *народ лучших людей.* — Этот программный тезис развит в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 2 «О любви к народу. Необходимый контракт

с народом». О проблеме «лучших людей», которой посвящены следующие далее записи, см. примеч. к стр. 78.

Стр. 85. *Прав ли Аксаков?* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 42, 342.

Стр. 86. *Рекламы Вольфа ∾ Кроме «Голоса» и в фельетоне Суворина.* — В своем очередном фельетоне «Недельные очерки и картинки» (*БВ*, 1875, 21 декабря, № 351) Суворин одобрительно характеризовал изданную Вольфом антологию «Жемчужины русской поэзии», а также ряд детских изданий и писал, что Вольф «мог бы занять первенствующее место между русскими издателями, если бы он почаще поручал составление книг людям знающим и талантливым». Ср. стр. 80 и примеч. к ней.

Стр. 87. *Солон измельчил земельную собственность в Афинах...* — Изложение земельной реформы Солона содержалось в статье М. С. Куторги (*РВ*, 1875, № 11, стр. 32). Ср. примеч. к стр. 81.

Стр. 87. *Конвент во Франции ∾ Политика Бисмарк‹а?›.* — Это рассуждение (частично дословно) вошло в мартовский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 4 «Мечты о Европе» (наст. изд., т. XXII, стр. 85).

Стр. 88. *Семинарист, как вам известно...* — Перефразировка двух стихов из «Родословной моего героя» А. С. Пушкина (1836):

Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ...

Стр. 88—89. *У Петра было одно создание ∾ увлекаются простым честол‹юбием›.* — Это рассуждение вошло в февральский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 1 «О том, что все мы хорошие люди. Сходство русского общества с маршалом Мак-Магоном» (наст. изд., т. XXII, стр. 40—42).

Стр. 89. *Идея Мальтуса о геометрической прогрессии населения ∾ у русских наоборот.* — Проблема зависимости между численностью населения и степенью развития государства намечена Достоевским в тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 267). В настоящей тетради ее ранее развивает заметка, полемизирующая со словами Потугина о Всемирной выставке (стр. 78); к этим мыслям писатель возвращается и позднее (стр. 131, 147).

О полемике Достоевского с идеями Т. Р. Мальтуса см.: наст. изд., т. VIII, стр. 312; т. IX, стр. 448—449; т. XI, стр. 181; т. XII, стр. 188, 351—352; т. XX, стр. 178, 367. Ср. запись далее (стр. 238) и наст. изд., т. XXIII, стр. 94.

...La population reste stationnaire... —Ср. июльско-августовский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. IV, § 3 «Детские секреты» (наст. изд., т. XXIII, стр. 93).

Стр. 90. *Начинается этот зуд разврата...* — Эта мысль развивается в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. См. наст. изд., т. XXII, стр. 30.

Стр. 90. *Критик Михайловский, цитующий ∾ Некрасова.* — Поводом к этой записи явились «Записки профана» в «Отечественных записках» (1875, № 12, отд. 2, Современное обозрение, стр. 285), где Михайловский цитирует из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» стихи о Белинском и Гоголе:

Ой, люди, люди русские,
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

Ср. примеч. к стр. 81.

Стр. 90. *В «Русск‹ом› мире», № 262 ∾ Статья В. С‹оловьева› обо мне.* — В указанном номере «Русского мира» (1875. 24 декабря) был напечатан обзор В. С. (Всеволода Соловьева) «Русские книги», в большей своей части посвященный романам «Старые гнезда» А. К. Шеллера-Михайлова («Дело. 1875) и «The Way We Live Now» («Как мы теперь живем») А. Троллопа (*РВ*, 1875). В основных мыслях обзора видно непосредственное влияние соответствующих страниц «Подростка». В конце статьи отмечалось значение Достоевского «в современной литературе как глубоко искреннего и замечательного толкователя самых характеристичных и печальных явлений нашей эпохи» (см. подробнее: наст. изд., т. XVII, стр. 350).

В письме к Вс. С. Соловьеву от 28 декабря 1875 г. Достоевский писал: «Статьи ваши в „Русском мире" читаю постоянно и №№ эти аккуратно покупаю. Порадовался за независимое положение ваше в этой газете. Самый последний фельетон ваш читал с особенным удовольствием. Очень занимательно и понятно, — что для теперешних читателей самое важное».

Стр. 90. *Вот такой-то господин едет в вагоне...* — Речь идет о размышлениях Литвинова в «Дыме» (см.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 315—317).

Стр. 90. *В «Московск‹их› ведомостях». Декабрь. Среда, 24, № 328 ∾ передовая статья.* — В передовой статье этого номера говорилось о значении дела Овсянникова: «Оно ярко осветило некоторые стороны нашего быта; оно показало в подробностях систему наших интендантских подрядов; оно еще раз раскрыло пред публикой деятельность наших банков; процесс вызвал некоторые вопросы об адвокатуре и возбуждает вопросы о печати; наконец, он показал в блистательном виде нашу „юстицию"».

О роли печати газета писала: «Иные ‹...› из наших периодических изданий обращают ‹...› гласность, с одной стороны, в какую-то побочную обвинительную инстанцию для человека, подпавшего суду, с другой — в балаганное упражнение для потехи невзыскательных слоев „почтеннейшей публики"». Газета протестовала против суждений печати (до вынесения приговора) о подсудимых и о свидетелях, а также против опубликования списков присяжных, решающих дело. Протест «Московских ведомостей» вызвали также недоброжелательные отзывы прессы о подсудимых «более видного общественного положения». Ср. подготовительные материалы (наст. изд., т. XXII, стр. 137).

Стр. 90. *Известие о монахах...* — В том же номере «Московских ведомостей» было напечатано сообщение из «Воронежского телеграфа» (1875, 16 декабря, № 95) о том, что 18 декабря в Острогожском окружном суде должно было рассматриваться «дело о послушниках Котове и Вележеве и о иеродиаконе Алимпии, обвиняемых в задушении (в здании монастыря, в келии) девицы Верещагиной».

Стр. 91. *«Голос». Четверг, 25 декаб‹ря›, № 356. ∾ Павлуша.* — В указанном номере газеты излагалось сообщение «Киевского телеграфа» (1875, 19 декабря, № 151) из Умани о грабеже в доме уманского домовладельца Филипповича. Одним из грабителей оказался бывший ученик училища садоводства, родственник богатого местного землевладельца (Павлуша). Накануне он был в гостях у Филипповича. Во время грабежа Павлуша ломом раскроил голову кухарке, узнавшей, очевидно, его, а «его сотоварищи, по-видимому, боясь, что Павлуша их выдаст, убили его этим же ломом и бежали. Преступников открыть не удалось». Газета называла всю эту историю «загадочной». Ср. стр. 108, 110, 130, 179 и записи в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 137, 142, 144).

Стр. 91. *(Гамлеты и Дон-Кихоты.)* — Возможно, что эта заметка, подсказанная по ассоциации сообщением о Павлуше, является откликом на статью А. М. Скабичевского «Наша современная беззаветность» (*ОЗ*, 1875, № 10); второй раздел статьи был посвящен пересмотру тургеневской трактовки образов Гамлета и Дон-Кихота. Скабичевский признал 40—60-е

годы эпохой «гамлетства», а 70-е — «донкихотства», так как, рассуждал он иронически, человек 70-х годов активен и, какие бы поступки ни совершал, не страдает рефлексией и не мучается укорами совести. В те дни, когда была сделана комментируемая запись, Достоевский читал отзыв об этой статье в обзоре «Из текущей жизни» в «Гражданине» (1875, 21 декабря, № 51, стр. 1254—1255).

Стр. 91. *Был на бале детском и проч. в Клубе художников 26.* ∾ *Описание танцев, вертящих польку...* — О своих впечатлениях от бала в клубе художников 26 декабря 1875 г. Достоевский рассказал в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, §§ 3—4 (см. наст. изд., т. XXII, стр. 9—13), где частично нашли отражение некоторые из записанных далее (стр. 92—93) мыслей и замечаний. Эти записи получили развитие также в наброске, не вошедшем в окончательный текст январского выпуска (наст. изд., т. XXII, стр. 180—181).

...солнца... — Электрическое освещение.

...Горб‹унов›... — Иван Федорович Горбунов (1831—1895), актер, писатель, рассказчик-импровизатор. Об отношении к нему Достоевского см.: наст. изд., т. XV, стр. 592—593; ср. т. XXII, стр. 393, примеч. к стр. 141.

Стр. 92. *Господи, что было в Содоме?* — Согласно библейскому мифу, города Содом и Гоморра в Палестине за тяжкие грехи их жителей были разрушены огненным дождем и землетрясением (Бытие, гл. 19, ст. 24—25).

Стр. 92. *Иов у бога.* — Библейскую «Книгу Иова» Достоевский перечитывал в Эмсе летом 1875 г. в связи с работою над «Подростком». О впечатлении, которое она на него оказывала с детских лет, и отражении ее в «Подростке», а позднее в «Братьях Карамазовых» см.: наст. изд., т. XIII, стр. 330; т. XVI, стр. 388; т. XVII, стр. 386; т. XIV, стр. 89, 264—265; т. XV, стр. 202.

Стр. 92. *...мертвая петля.)* — Имеется в виду комедия Н. А. Потехина «Мертвая петля», поставленная в 1875 г. на сцене Александринского театра в Петербурге и имевшая шумный успех.

Стр. 93. *...смотри фельетон «Бирж‹евые ведомости›», № 357.* — Очередной фельетон А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» (*БВ*, 1875, 28 декабря, № 357) содержал краткий обзор нашумевших событий 1875 г. (споры о спиритизме, крах Московского коммерческого ссудного банка, дело Овсянникова, смерть П. М. Леонтьева и др.).

Стр. 93—96. *«Незнакомец» в фельетоне № 357 «Биржевых ‹ведомостей›», говоря о спиритизме* ∾ *исследующие комиссии (Менделеев).* — Черновой набросок к главе о спиритизме январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. III, § 2 (наст. изд., т. XXII, стр. 32—37).

Не запрещали бы Страуса и Ренана... — Давид Фридрих Штраус (1808—1874) — немецкий теолог и философ-младогегельянец. Жозеф Эрнест Ренан (1823—1892) — французский писатель, историк и филолог-востоковед. Достоевский имеет в виду их труды, посвященные критическому анализу Нового завета, в которых доказывалось, что Иисус Христос был исторической личностью, а не «сыном божиим». Об отношении Достоевского к сочинениям Ренана см.: Е. И. Кийко. Достоевский и Ренан. — В кн.: *Материалы и исследования*, т. 4, стр. 106—124.

Фома. — Здесь и в дальнейших записях (стр. 148, 150, 158, 161) имеется в виду Фома Неверный. Ср. наст. изд., т. XV, стр. 526—527.

Стр. 96. *Сведенборг...* — Эммануэль Сведенборг (1688—1772) — шведский ученый и теософ-мистик; упоминается здесь как человек, утверждавший, что он отчетливо представляет сатану, поскольку во время пережитого им в 1743—1745 гг. душевного и религиозного кризиса ему «было видение» Страшного суда. Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 137, 389.

Стр. 97. *...(Орлов)...* — Каторжник, описанный в «Записках из Мертвого дома», ч. I, гл. IV «Первые впечатления» (наст. изд., т. IV, стр. 46—48). Ср. запись в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 138).

Стр. 97. *«Голос». Воскресенье, 28 декабря, № 357.* — В заметке, заинтересовавшей Достоевского, сообщалось, что повар, рубивший мясо, попал по руке дворнику и отрубил ему всю кисть.

Стр. 97. *Насчет рассказов Кони и Ковалевского...* — Эти рассказы Достоевский слышал, очевидно, 27 декабря 1875 г. во время поездки с А. Ф. Кони и М. Е. Ковалевским в колонию для малолетних преступников. См. наст. изд., т. XXII, стр. 137, 144, 326, 389; ср. запись далее (стр. 98).

Стр. 97. *До Христа и не перестанет война...* — то есть до «второго пришествия», до «конца света». Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 124, 383.

Стр. 97. *У Иова: это потому, что ты дал ему.* ∾ *Какой вековечный голос!* — Имеется в виду возражение сатаны на похвалы, которых удостаивается от бога Иов, «человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла»: «И отвечал сатана господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простри руку твою и коснись всего, что у него, — благословит ли он тебя?» (Книга Иова, гл. I, ст. 8—11). Сопоставление комментируемой заметки с тематически близкой записью в подготовительных материалах к «Подростку» («Новых идей нет: идеи все те же одни, начиная с Иова. Прудон и Иов — искушение Христа» — наст. изд., т. XVI, стр. 346) обнаруживает, что ответу сатаны Достоевский придавал то же символическое значение, что и «камням, обращенным в хлебы», о которых говорится в евангельской притче об искушении Христа дьяволом в пустыне. Истолковывая в письме к В. А. Алексееву от 7 июня 1876 г. символический образ «камни и хлебы» как «теперешний социальный вопрос, *среда*», т. е. как социалистическое учение, которое «устраняет Христа и хлопочет прежде всего о *хлебе*», Достоевский указывал: «Это не пророчество, это всегда было» (см. подробно: наст. изд., т. XV, стр. 407—409; т. XVII, стр. 283—284). Таким образом, соединение в одном ряду имен библейского праведника Иова и французского социалиста-анархиста П.-Ж. Прудона (1809—1865) обозначает у Достоевского хронологические границы, «извечность» существования теории «среды», всецело сводящей психику человека к воздействию материальных условий его жизни. Не исключена возможность, что это сочетание представляет реминисценцию отзыва Герцена в «Былом и думах» (*Герцен,* т. XI, стр. 497—499) о драме французского социалиста-утописта П. Леру «Иов» (ср. наст. изд., т. XVII, стр. 423). Герцен, в частности, упомянул, что в этой драме, которая «прилажена к современным вопросам», есть разговор Иова с Прудоном (на самом деле в пятом акте, сцены 19—23, дух Прудона беседует с автором; см.: P. Leroux. Job, drame en 5 actes, avec prologue et épilogue par le prophète Isaie, retrouvé, rétabli dans son integrité, et traduit littéralement sur le texte hébreu. Grasse—Paris, 1865, p. 177—180, 419—420). Нет никаких свидетельств, что Достоевский читал саму пьесу Леру, в которой, кстати, сопоставление Иова и Прудона имеет иной смысл, нежели в комментируемой записи.

Стр. 97. *«Голос», 28 декабря, № 357* ∾ *ответа Суворина.)* — В этом номере было помещено письмо защитника Овсянникова, присяжного поверенного П. А. Потехина с протестом против «неправильных и оскорбительных толков» в газетах о его роли в процессе Овсянникова и обстоятельствах его частной жизни. Потехин заявлял, что, несмотря на оскорбительный характер многих статей, он до окончания дела не считал себя вправе на них отвечать. Речь шла, в частности, о фельетонах А. С. Суворина (ср. примеч. к стр. 84).

Стр. 98. *Это мы все люди скорой, но непрочной ненависти* ∾ *они нерусские.* — См. февральский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 1 (наст. изд., т. XXII, стр. 40).

Стр. 98. *Известие о судебном приставе...* — В «Голосе» (1875, 29 декабря, № 358) были перепечатаны из «Биржевых ведомостей» (1875, 25 декабря, № 355) сообщения о поборах судебных приставов в Ковен-

ской губернии. Один из них взыскал с крестьян деревни Т., отстоявшей от уездного города на расстоянии 20 верст, «за разъезды и иные исполнительные действия» 1600 рублей; другой при взыскании с крестьян 16 рублей в пользу помещика взыскал также в свою пользу 240 руб.; и др.

Стр. 98. *Застрелился священник...* — «Голос» (1875, 29 декабря, № 358) сообщил со слов «Киевского телеграфа» (1875, 21 декабря, № 155), что в селе Цыблях Переяславского уезда Полтавской губернии «застрелился священник о. Иван Андриевский, долгое время не в меру пьянствовавший», и что «благочинный доносил в консисторию о грязной жизни покойного год назад, но консистория не обратила никакого внимания».

Стр. 98. *«Голос», 358. Статья об вотчинной записи...* — Имеется в виду статья «Владенная запись» за подписью П. Ш. (*Г*, 1875, 29 декабря, № 358), содержавшая возражение на ранее напечатанную в «Голосе» (1875, 3 декабря, № 334) статью Е. Л. Маркова «Владенная запись. (Заметка из житейской практики)». В отличие от защитника общины Маркова, П. Ш. считал, что крестьянам следует предоставить право «раздела мирских земель на подворные участки и продажи подворных участков». Он выступал против всяких «принудительных правительственных мер» в этом вопросе. Исправляя ошибку Маркова, П. Ш. приводил текст высочайшего указа 24 ноября 1866 г., статья четвертая которого предоставляла обществам государственных крестьян право, по согласию двух третей их членов, разделить мирской надел на подворные участки.

Стр. 98. *Трикотеза* (франц. tricoteuse от tricoter — вязать). — Трикотезами во времена французской революции XVIII в. называли женщин, которые присутствовали на заседаниях Конвента и Революционого суда и, следя за происходившим там, одновременно занимались вязанием.

Стр. 98. *...матерью Гракхов.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 392.

Стр. 99. *Проприетер* (франц. proрriétaire) — собственник. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский рассказал, как хозяева отеля в Париже записали его в книгу не литератором (homme de lettres), а «prорriétaire» (наст. изд., т. V, стр. 66). В подготовительных материалах к «Подростку» есть запись о писателе, назвавшем себя «проприетером» (наст. изд., т. XVI, стр. 229 и примеч. т. XVII, стр. 416).

Стр. 99. *Полевой поместил ∾ картинку дома Тургенева в Баден-Бадене.* — См.: П. Н. Полевой. История русской литературы в очерках и биографиях. Изд. 2-е. СПб., 1874, стр. 739 («Вилла Тургенева в Баден-Бадене»). Это издание было в библиотеке Достоевского (*Библиотека*, стр. 144; *Гроссман, Семинарий*, стр. 36).

Стр. 99. *Программа 1-го №.* — Из этой первоначальной программы в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. осуществлен только пункт «Колония».

Стр. 99—100. *В том же 359 № «Голоса» заседание покровительства животным ∾ нравственно-воспитательная цель (смотри выше).* — Этими заметками, для которых поводом послужил напечатанный в указанном номере «Голоса» (1875, 30 декабря) отчет о юбилейном заседании Российского общества покровительства животным, Достоевский воспользовался в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. III, § 1. Ср. стр. 108, 119.

...забивают жен в волостях... — Возможно, Достоевский вспоминает здесь случай, о котором он читал в «С.-Петербургских ведомостях» (1874, 1 мая, № 118) и о котором есть записи в тетради 1874—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 272, 525) и подготовительных материалах к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 5 и примеч. т. XVII, стр. 395). Ср. стр. 103.

...вспомните Антона Горемыку. — Достоевский приводит в пример главного персонажа повести Д. В. Григоровича «Антон Горемыка» (1847), крепостного крестьянина, живущего в страшной нищете и подвергающегося гонениям со стороны жестокого и мстительного управляющего.

...бессмертн‹ое› произвед‹ение› Victor Hugo... — Имеется в виду «Последний день приговоренного к смерти» (1829). Ср. стр. 128.

Стр. 101. *«Голос», № 359 ∾ «Заграничные известия».* — В «Заграничных известиях» указанного номера газеты (1875, 30 декабря) сообщалось, что во Франции «избирательная агитация находится в полном разгаре», и назывались даты предстоявших выборов в Сенат и Палату депутатов.

Стр. 101. *Тацит, бунт легионов в Панонии, солдат-мим Вибуленус ∾ Это был актер.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 138, 156, 391. Ср. записи далее (наст. том, стр. 102, 104—105, 134 и др.).

Стр. 101. *У меня есть Тацит этого года.* — Как явствует из этой записи, а также из цитат, выписанных далее (стр. 104—105), у Достоевского было следующее издание: Annales de Tacite, en latin et en français. Règnes de Tibère et de Caïus. 3-e éd., rev. et corr.; par J. H. Dotteville..., t. 1. Paris, chez Froullé, Imprimeur—Libraire, Quai des Augustins, No. 39, 1793 (Oeuvres de Tacite, t. 2. Annales, t. 1).

Стр. 101. *Иванища вредны.* — Как видно из ряда последующих записей (стр. 157, 158, 168—172), имеется в виду Калика Иванище, персонаж былины «Илья Муромец и Идолище», которую Достоевский мог прочесть в сборниках П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Из этой же былины далее упоминается Идолище (см. стр. 159).

Стр. 101. *Но как странно ∾ должен быть разрешен.* — Ср. аналогичное рассуждение в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 31), а также записи далее (стр. 116—117 и примеч. к ним, 127—129, 193).

Стр. 101. *Чтение для детей Щербинской.* — Имеется в виду книга: Чтение для детей, сочинение Ольги Щербинской. СПб., 1875. См. уничтожающую рецензию на эту книгу в «Голосе», 1876, 8 января, № 8. Ср. стр. 115 и примеч. к ней.

Стр. 102. *Обеспеченность чести и личности.* — Этот пункт, как видно из последующих записей (стр. 108, 113 и др.), должен был включать разные случаи произвола. В окончательном тексте январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. он вылился в рассуждение о произволе железнодорожных компаний (см. наст. изд., т. XXII, стр. 30—31) и его влиянии на нравственное состояние общества. Остальные упоминаемые далее случаи в окончательный текст не вошли.

Стр. 102. *...чем обеспечена честь и чем заменить дуэль?* — Размышления о чести и дуэли и мотив отказа от дуэли встречаются в ряде набросков, планов и черновых записей Достоевского в 1870-х годах. См.: наст. изд., т. XI, стр. 31—33; т. XVI, стр. 17, 86, 171; т. XVII, стр. 9, 268—269. Ср. в «Подростке» в связи с проблемою дворянства (наст. изд., т. XIII, стр. 177) и дальнейшие записи в настоящей и следующей тетрадях (стр. 109, 130, 133 и др.). Мотив отказа от дуэли присутствует в «Подростке» и в повести «Кроткая».

Стр. 102. *...Пироговы...* — Имеется в виду тип поручика Пирогова из повести Н. В. Гоголя «Невский проспект», до такой степени равнодушного к своей чести, что за мелкими житейскими радостями и развлечениями быстро забывает и оставляет без последствий нанесенное ему оскорбление. В очерке «Нечто о вранье» Достоевский назвал этот персонаж «страшным пророчеством, пророчеством гения, так ужасно угадавшего будущее, — ибо Пироговых оказалось безмерно много...» (наст. изд., т. XXI, стр. 124). Ранее во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» Достоевский писал, что Гоголь «постиг назначение поручика Пирогова» (наст. изд., т. XVIII, стр. 59).

Стр. 102. *Как 8-е сентября...* — Начало напечатанной впервые Герценом («Полярная звезда», 1857, кн. 3) севастопольской песни, в сочинении которой принимал участие Л. Н. Толстой. См.: *Толстой,* т. IV, стр. 424—425; «Полярная звезда», кн. 9. М., 1968, стр. 66—67. 8 (20) сентября 1854 г. — дата сражения при Альме.

Стр. 102. *Елка, ребенок у Рюккерта, Христос...* — См. примечания к рассказу «Мальчик у Христа на елке» (наст. изд., т. XXII, стр. 322—323).

Стр. 102. *Вдруг оказывается на гулянье на ваших взрослых девиц...* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 393. Ср. записи далее, стр. 121—122, 132, 235.

Стр. 102. *Но в Москве тоже.* — 1 апреля 1875 г. надзиратель московского врачебно-полицейского комитета Федор Иванов, остановив жену дворянина Александра Розенфельда, стал делать ей непристойные предложения. Она обратилась за помощью к городовому, но была отправлена в квартал, где на нее был составлен акт. Дело о ее оскорблении слушалось 9 января 1876 г. Иванов был осужден на два года наказания в исправительном арестантском отделении (*МВед*, 1876, 10 января, № 8; *Г*, 1876, 14 января, № 14). Ср. стр. 119, 235.

Стр. 102. *В «Русск‹ом› мире» верх невероятности. Да это у меня с натуры!* — Очевидно, имеется в виду отзыв В. Г. Авсеенко об эпизоде заманивания Оли в публичный дом («Подросток», см. наст. изд., т. XIII, стр. 144): «Факт сам по себе совершенно невозможен в действительности, и потому никак нельзя сказать, чтобы он необходимо вытекал из обстоятельств рассказа. Автора просто покинуло чувство действительности, как покидает оно его каждый раз, когда он увлекается идеей — показать читателю всю глубину человеческого падения и ввести его в самые тайные гнездилища порока и разврата». (А. О. ‹В. Г. Авсеенко›. Очерки текущей литературы. Еще раз о «Подростке» г. Достоевского. — *РМ*, 1875, 27 февраля, № 55). Эту же мысль Авсеенко повторил и позднее в статье «Литературное обозрение» (*РВ*, 1876, № 1, стр. 496—508): «В „Подростке" есть подробности, возмущающие образованное чувство, есть грязности, по нашему мнению, решительно непозволительные в литературном произведении. О них приходится тем более пожалеть, что они вовсе не вызваны требованиями так называемого реализма; напротив, факты и сцены, наиболее неприличные в этом романе, наименее близки к действительной жизни, наименее реальны. Для примера укажем хотя бы на эпизод о бедной девушке, объявившей в газетах, что ищет уроков (в первой части романа); приключения, какие пришлось испытать этой девушке, решительно невозможны в действительной жизни и совершенно *не нужны* в романе» (стр. 507). Дальнейшие записи в тетрадях (стр. 132, 134, 141 и др.) и в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXIII. стр. 163, 166) показывают, что Достоевский неоднократно собирался ответить на эти отзывы в «Дневнике писателя».

Стр. 103. *Корреспонденция «Теймс» об отсутствии пятен в солнце...* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 390. Ср. запись далее, стр. 157.

Стр. 103. *Ферсит.* — Персонаж «Илиады» Гомера, имя которого стало нарицательным; трусливый, злобный, безобразный греческий воин, вступивший в спор с вождями греческого войска и избитый за это Одиссеем. Упоминается Достоевским в «Неточке Незвановой» (наст. изд., т. II, стр. 158, 504).

Стр. 104. *Студентов 117 — не внесших плату за слушание курса.* — «Русский мир» (1876, 1 января, № 1) со ссылкою на «Петербургский листок» (1875, 30 декабря, № 248) сообщил, что в «нынешнем учебном году число исключенных из Петербургского университета за невзнос платы достигло громадной цифры ста семнадцати человек, тогда как в прежние годы число это никогда не доходило и до 100».

Стр. 104. *«Русский мир», 1-е января ∾ предрассудки.* — В указанном номере (1876, № 1) в отделе «Внутренняя почта», в корреспонденции из Самары, сообщалось о слушавшемся в Самарском окружном суде 4 декабря 1875 г. деле крестьянок Васильевой. Прохоровой, Петровой и Михайловой, которые ночью разрыли могилу женщины, «слывшей при жизни колдуньей», так как верили, что она насылает на них голод и другие беды, и вбили в труп осиновый кол. Присяжные вынесли им оправдательный приговор. Достоевский неправильно раскрыл приведенное в «Русском мире» сокращенное название газеты, из которой было заимствовано сообщение; следует: «Современность» (1875, 30 декабря, № 149).

Стр. 104. *Местная печать* ∾ *и проч.* — Запись сделана при чтении статьи Вс. С. Соловьева «Прошлый год в литературе» (*РМ*, 1876, 1 января, № 1). Обозревая полемику по вопросу о провинциальной печати, Соловьев сочувственно излагал содержание статьи Г. Е. Катанаева «К вопросу о сибирском университете» («Сибирь», 1875, 12 октября, № 16; 19 октября. № 17; 7 декабря, № 24; 14 декабря, № 25; подпись: Г. К-в; Соловьев опирался на ту часть статьи, которая была напечатана в № 17). Сибирский краевед ратовал за создание «второстепенных умственных центров» и развитие «провинциальной литературы». Резко возражал Соловьев Н. К. Михайловскому, который откликнулся на дискуссию в статье «Записки профана. XVIII. Разные разности» (*ОЗ*, 1875, № 12). Газету-журнал «Гражданин» Достоевский вспомнил, очевидно, в связи с тем, что там в фельетоне А. У. Порецкого «Отголоски несообразные (из современного обозрения)» (*Гр*, 1875, 23 ноября, № 47, с. 1126—1127) он встречал отзыв о статье «Задачи сибирской печати» («Сибирь», 1875, 5 октября, № 15); неизвестный автор, скрывшийся за псевдонимом Сибирячка, выступил со страстным обличением сибирской провинциальной косности и призывом развивать местную печать. О том, что Достоевский читал обзор Порецкого, свидетельствует запись о нем, сделанная в тетради ранее (стр. 70). О полемике см. подробно: наст. изд., т. XXIII, стр. 356—358.

Стр. 104. *(Сказано про Арминия.)* — См.: Annales de Tacite... 3-e éd., rev. et corr.; par J. H. Dotteville, t. 1. Paris, 1793, p. 139. Арминий (18 или 16 до н. э.—21) — вождь германского племени херусков, поднявший восстание против римлян, которое положило конец римскому господству над германскими племенами. Эту главку «Анналов» Тацита Достоевский вспомнит в июле 1876 г., находясь в Эмсе (см. стр. 233 и примеч. к ней).

Стр. 105. *Tibère* ∾ *стр. 189).* — Annales de Tacite..., p. 189. Тиберий (42 до н. э.—37), римский император с 14 по 37 гг. н. э. Тацит рисует его лицемерным и жестоким тираном. В цитируемой фразе («Анналы», кн. I, гл. 62) речь идет об отношении Тиберия к римскому полководцу Германику.

Стр. 105. *Островский и Шекспир, а было время, когда этому поверили...* — Намек на стихотворение А. А. Григорьева «Искусство и правда. Элегия — ода — сатира» («Москвитянин», 1854, № 4, отд. VIII, стр. 76—82), в котором сопоставлялись две «правды» — «старая» (Шекспир в исполнении Мочалова) и «новая» (театр Островского).

Стр. 105. *...и вдруг такое иссякание.* — Этот отрицательный отзыв об Островском мог быть вызван комедией «Волки и овцы» (*ОЗ*, 1875, № 11) или первым действием комедии «Бедные невесты», напечатанным в сборнике «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» (СПб., 1876), в издании которого Достоевский принимал участие и который получил и читал еще в декабре 1875 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 344, примеч. к стр. 45).

Стр. 105. *...в Гусеве...* — Александр Федорович Гусев (1842—1904), профессор Казанской духовной академии, автор религиозно-философских статей, печатавшихся в «Православном обозрении» и направленных против материалистических тенденций естествознания второй половины XIX в. В 1875—1876 гг. здесь печаталась его статья «Джон Стюарт Милль как моралист» (1875, № 1, 3, 8, 9; 1876, № 6).

Стр. 105—108. *Лексикон Березина* ∾ *потому что это всё волновало меня.* — Настоящие записи, направленные против биографической заметки В. Р. Зотова о Достоевском, помещенной в «Русском энциклопедическом словаре» И. Н. Березина, представляют собою первоначальный набросок третьего раздела третьей главы январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. («Одно слово по поводу моей биографии»). См. наст. изд., т. XXII, стр. 37—38, 339—340. Судя по пометам на полях к отдельным из этих записей (см. стр. 106, примеч. 1; стр. 107, примеч. 7; стр. 108), Достоевский первоначально предполагал, отталкиваясь от заметки В. Р. Зотова, написать более пространную статью, объясняющую «направление» «Дневника писателя». Ср. стр. 117—119, 126, 129.

Стр. 106. *Статья Льва Толстого, про него ни слова, а мне польза.* — Достоевский вспоминает, возможно, беседу с А. Н. Майковым и Н. Н. Страховым, о которой он писал жене 6 февраля 1875 г.: «Об романе моем ни слова и, видимо, не желая меня огорчать. <...> Я, было, заговорил насчет того, что если Толстой напечатал в „Отеч<ественных> записках", то почему же обвиняют меня, но Майков сморщился и перебил разговор, но я не настаивал». Речь шла о статье Л. Н. Толстого «О народном образовании» (*ОЗ*, 1874, № 9). В те дни Достоевский мнительно ожидал отрицательных отзывов о «Подростке», а также упреков и пересудов за спиною по поводу того, что роман печатался в «Отечественных записках».

Стр. 106. *...(не я пришел, а «Отеч<ественные> записки» взяли моего духу).* — Достоевский объясняет в этих словах мотивы своего сотрудничества в «Отечественных записках». Анализ действительных причин появления романа «Подросток» на страницах журнала см.: наст. изд., т. XVII, стр. 256—259, 345—346.

Стр. 106. *...Меттернихе...* — Австрийский канцлер Меттерних (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 365) упоминается здесь как реакционный государственный деятель, проводивший политику подавления революционного, либерального и освободительного движений в Европе.

Стр. 106. *Возьмите отчет об Обществе пропаганды...* — Достоевский имеет в виду изданный в 1875 г. Э. Л. Каспаровичем в Лейпциге сборник «Общество пропаганды в 1849 г. Собрание секретных бумаг и высочайших конфирмаций» (первое издание официальных материалов по делу петрашевцев).

Стр. 107. *...к убеждениям крестьянства, то есть к христианским.* — Слова «крестьянин» и «христианин» однокоренные (от древнегреч. χριστιανος).

Стр. 107. *...мужик Марей...* — Эта тема, предназначавшаяся первоначально для январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., получила развитие в февральском выпуске (гл. I, § 3 «Мужик Марей»).

Стр. 108. *Он к людям на праздник приходит угрюм, // К гробам их подходит с улыбкой.* — Цитата из стихотворения В. Г. Бенедиктова «Певец» (1837). Возможно, именно эти строки подразумеваются записью в подготовительных материалах к «Подростку»: «Сравнение нигилизма с появлением поэта Бенедиктова (ОН)» (наст. изд., т. XVI, стр. 168).

Стр. 109. *Некрасов (повесить в избе Белинского).* — Имеются в виду стихи Некрасова о Гоголе и Белинском из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (см. примеч. к стр. 90).

Стр. 109. *Американская дуэль...* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 389.

Стр. 109. *У нас сейчас есть Лёв Толстой...* — Стихи из пятой песни поэмы Д. В. Аверкиева «Тоска по родине» (*РВ*, 1875, № 12, стр. 810). Ср. стр. 156.

Стр. 110. *Республика уже тем одним необходима Франции ∾ Это надобно объяснить.* — Эту мысль Достоевский развил в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 4 «Мечты о Европе» (наст. изд., т. XXII).

Стр. 110. *«Голос», № 4. Воскресенье ∾ для точности).* — В указанном номере (1876, 4 января) были помещены: 1) Сообщение из Семенова Нижегородской губернии о разбиравшемся в окружном суде деле по убиению келейниц (см. примеч. к записи в подготовительных материалах «... Мерещились» — наст. изд., т. XXII, стр. 390; о Павлуше см. наст. том, стр. 418); 2) Корреспонденция из Вятки о разбиравшемся 5 декабря 1875 г. в Вятском окружном суде деле. Мещанин Калинин захватил землю у крестьян починка Алешинского вопреки сенатскому указу 1858 г. Тем не менее с помощью Сената и полиции впоследствии Калинин добился пересмотра дела и признания своих прав на эту землю, что вызвало крестьянские волнения, подавленные войсками. Суд приговорил 13 наиболее активных крестьян как «подстрекателей» к 6—9 месяцам тюремного заключения. 3) Корреспонденция из Самары о принятом городской думой 2 декабря 1875 г. постановлении сократить в 1876 г. число питейных

заведений с 159 до 28. 4) Корреспонденция из Парижа за подписью К. Р. от 7 января (н. ст.) о конфликте республиканцев и монархистов в только что распущенном Национальном собрании и о новых выборах. Газета высказывала твердое убеждение, что «Франции безусловно необходимо, для упрочения настоящего порядка вещей, послать в обе палаты исключительно одних республиканцев», способных противодействовать монархическим устремлениям президента Мак-Магона.

Стр. 110. *«Московские ведомости», № 3. Продолжение политического обозрения...* — Передовая указанного номера «Московских ведомостей» (1876, 4 января) содержала продолжение обзора «событий минувшего года», начатого в предыдущем номере. Обозревались события политической жизни Франции (борьба монархистов, бонапартистов и республиканцев в Национальном собрании, его роспуск и предстоявшие выборы), Англии (рост авторитета консервативного министерства Дизраэли, отказ лидера либеральной партии Гладстона от политической деятельности, усиление английской колониальной экспансии), Италии (упрочение монархии после объединения Италии, борьба папы против нового порядка), Испании (восстановление династии, непрекращавшаяся борьба карлистов против Альфонса XII), Соединенных Штатов (предстоявшие президентские выборы, столетие войны за независимость), Японии (поворот страны к европеизации и буржуазной цивилизации, обострение отношений с Китаем и Кореей).

Стр. 111. *Народ — не все извозчики.* — Ср. стр. 101.

Стр. 111—112. *Воспитатели, независимый вид ∾ в новом виде и свете.* — Очевидно, впечатления от колонии малолетних преступников (см. наст. изд., т. XXII, стр. 326).

Стр. 112. *«Голос» о действиях в Средней Азии...* — В «Голосе» (1876, 6 января, № 6) было помещено сообщение из г. Намангана, перепечатанное из «Туркестанских ведомостей», в котором говорилось о победе генерала М. Д. Скобелева 12 ноября 1875 г. при г. Балыкчи над главными силами кипчаков под начальством Вали-хана-тюри. По сведениям газеты, в Балыкчи в это время находился автобача — главный предводитель кипчаков. Неприятель потерял убитыми более 2000 человек, в то время как потери Скобелева составляли одного убитого, восемь раненых и 2 контуженных.

Стр. 112. *Дон-Кихот, люди из киселя.* — Сравнение приведенных в сообщении «Голоса» (см. предыдущее примечание) цифр потерь русских войск и неприятеля оживило в памяти Достоевского суммарно те эпизоды «Дон-Кихота», в которых рассказывалось или упоминалось о победах, одержанных рыцарями в одиночку над полчищами врагов, чьи тела, по легкости, с какой их рассекал меч героя, уподоблялись марципанам, бобам, тесту. Конкретные сравнения, употребленные в романе, в памяти писателя уже, по-видимому, стерлись, а сохранилось общее смутное впечатление, на основе которого, очевидно, и родился образ «людей из киселя». Вполне вероятно, что в его оформлении участвовали также реминисценции романа В. Г. Авсеенко «Млечный путь», где один из персонажей называет русскую действительность «трясиной», «серым гороховым киселем». По его словам, в России «есть только какая-то бесформенная слякоть, в которой все тонет. Ее ничем не проймешь: хлыстанешь по ней бичом, рубец тотчас затянет, кисельная поверхность опять сплывется» (*РВ*, 1875, № 10, стр. 733). Эта характеристика привлекла внимание, и ее неоднократно вспоминали в печати. Например, Г. А. Ларош в своем очередном фельетоне «Литература и жизнь» (*Г*, 1875, 20 ноября, № 321) писал: «А пока мы представляем действительно „кисель“ <...>: всякая форма, даже не особенно твердая, мгновенно отпечатлевается на этом киселе и мгновенно же над образовавшимся углублением снова сходятся края зыбкой, бесформенной массы. Материализм вчера, спиритизм сегодня, либерализм на прошлой неделе, а на этой самое бешеное крепостничество — так шатается и скачет из крайности в крайность пресловутый „культурный человек“, который „учился понемногу чему-нибудь и как-ни-

будь“ и не умеет скрыть свою несостоятельность даже под тогой ученого профессора, надетой на него воображением услужливого романиста». Цитаты о «киселе» приводил в своем отзыве о романе Н. К. Михайловский в восемнадцатой статье «Записок профана», которую читал Достоевский (*ОЗ*, 1875, № 12, отд. 2. Современное обозрение, стр. 279). Образ «людей из киселя» трансформируется у Достоевского позднее в «склизняков, принимаемых за людей», и будет обыгран со ссылкою на роман Сервантеса в сентябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., гл. II, § 1 «Ложь ложью спасается». Ср.: В. Е. Багно. Достоевский о «Дон-Кихоте» Сервантеса. — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 126—135.

Стр. 112. *Кауфман...* — Константин Петрович Кауфман (1818—1882) — генерал-адъютант, командовал русскими войсками в Средней Азии, с 1876 г. — командующий Туркестанским военным округом и туркестанский генерал-губернатор. 6 декабря 1875 г. он выехал из Ташкента в Петербург, куда прибыл 27 декабря (*Г*, 1875, 14 декабря, № 345; 28 декабря, № 357).

Стр. 112. *Свящ‹енник› Переверзев...* — В «Голосе» (1876, 6 января, № 6) была помещена следующая заметка: «Нам сообщают о следующем необыкновенном явлении: Орловской губернии, Малоархангельского уезда, в селе Успенском, жена священника Переверзева произвела на свет семерых детей, которые вскоре и умерли».

Стр. 112. *«Гражданин», № 1. Петербург. Летопись.* — В «Петербургской летописи» указанного номера «Гражданина» (1876, 5 января, стр. 3) говорилось: «Страшное несчастие на Одесской железной дороге, в котором до 200 человек убитых и раненных смертельно, из числа 400 новобранцев, имело последствием отправление на место происшествия из Петербурга комиссии для расследования катастрофы, под начальством генерал-лейтенанта Серебрякова ‹...›. Все общество крайне озабочено вопросом: будет ли наконец что-нибудь сделано с железнодорожным начальством или и это будет передано, как множество подобных дел, воле божией?».

Стр. 113. *Необеспеченность.* — Имеется в виду необеспеченность чести и личности. Ср. стр. 102 и примеч. к ней.

Стр. 113. *Н. Данилевский, написав ∾ «Россия и Европа» ∾ стать бойцом за правду.* — О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и отношении к ней Достоевского см.: наст. изд., т. XXIII, стр. 377, примеч. к стр. 49. С лета 1872 г. Н. Я. Данилевский, имевший ученую степень магистра ботаники, постоянно поселился на Южном берегу Крыма.

Стр. 113. *«С.-П‹етербургские› ведомости», 7 января, № 7 ∾ согласием.* — В этом номере было напечатано сообщение о том, что «в Японии был издан в минувшем году закон об общесословной воинской повинности, сходный в основных положениях своих с новейшими европейскими уставами по тому же предмету». Газета привела в связи с этим перевод прокламации микадо от 21 ноября 1875 г., в которой порицалась «феодальная система управления, тяготевшая над Японией более тысячи лет», и выражалось желание, чтобы отныне «весь народ составлял войско» (ср. примеч. к стр. 77). В том же номере газета возражала автору вышедшей в Париже анонимной брошюры «Франция и Германия будущею весною» («La France et Allemagne au printemps prochain». Paris, 1876), который доказывал, что Германия готовится к новой войне против Франции и что единственное средство для французов отразить нападение — всемерно содействовать упрочению республиканского строя. «Германия, в настоящее время, не имеет никакого интереса, никакой надобности воевать с Францией», — писала газета. Автор корреспонденции считал также, что в разбираемой им брошюре республике необоснованно приписывалось «универсально-оборонительное свойство, которым она вовсе не обладает».

Стр. 113. *У нас цивилизация началась с разврата. Всякая цивилизация начинается с разврата.* — Дополнение к примечанию к соответствующей фразе в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 344): Достоевский, возможно, помнил похожую мысль,

высказанную Н. К. Михайловским в рецензии на роман «Бесы»: «Как и всякая другая, наша цивилизация зачата в грехе» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. 2, Современное обозрение, стр. 341).

Стр. 113. *«Московские ведомости». Января 6, № 5.* ∾ *(Перечень событий прошлого года).* — В указанном номере газеты был дан перечень законодательных актов и правительственных распоряжений 1875 г., в частности по ведомству путей сообщения. Газета отмечала, что многие важные вопросы (например, уменьшение числа несчастных случаев, ответственность дорог за сохранность грузов) остались нерешенными. О заявлении на ст. Воронеж см.: наст. изд., т. XXII, стр. 17, 325.

Стр. 114. *Потугин говорит, что любит Россию.* — «Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу. <...> Да-с; я и люблю и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 173—174).

Стр. 115. *...Григорьев 2-й...* — Петр Григорьевич Григорьев (1807—1854), актер Александринского театра в Петербурге и автор многочисленных фарсов и водевилей, из которых особым успехом пользовался фарс «Филатка и Мирошка соперники» (1833). Исполнитель характерных и бытовых ролей, Григорьев с большим успехом играл роли купцов.

Стр. 115. *О рекламах, о «Котенке Киске».* — В «Голосе» (1876, 8 января, № 8) в отделе «Библиография» был помещен уничтожающий разбор книжки О. Щербинской «Чтение для детей» (СПб., 1875), в частности повести «Котенок Киска». Здесь же рецензент протестовал против «спекуляций на детские души» М. О. Вольфа и других издателей, видя их в предпраздничных «зазываниях» (т. е. рекламе). Из повести Щербинской «Катя» приводились рассуждения героя: «Хорошему ремесленнику довольно только быть грамотным. На что ему грамматика, все части света, вся древняя, средняя и новая история?» (Ср. стр. 80, 82, 86, 101 и др.).

Стр. 115. *Нет, скорее собрание полетит, чем Мак-Магон.* ∾ *солдат останется.* — В русских газетах в эти дни печатались сообщения из Франции о ходе предвыборной борьбы и строились предположения о действиях президента Франции маршала Мак-Магона, монархиста по убеждениям, в случае победы на выборах республиканцев. В частности, в «Голосе» (1876, 8 января, № 8) излагалось предвыборное письмо министра иностранных дел герцога Деказа, который заявил, что «он, по примеру маршала Мак-Магона, останется верным служителем тех законов, которыми установлено правительство республики». Ср. также стр. 130. Слова «солдат останется» обыгрывают приписываемую Мак-Магону фразу «j'y suis, j'y reste» (здесь стою, здесь останусь) (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 42, 341—342).

Стр. 116. *«Голос». Четверг, № 9. Января 9* ∾ *180 000 р.* — В этом номере были напечатаны следующие сообщения: 1) «Газете „Биржа" пишут из Одессы, что директор Русского общества <пароходства и торговли Н. М.> Чихачев получил по телеграфу уведомление от министра путей сообщения с выражением крайнего неудовольствия по поводу крушения поезда с новобранцами» (ср.: «Биржа», 1876, 7 января, № 7); 2) Сообщение «С.-Петербургских ведомостей» (1876, 8 января, № 8) о происшествии 26 декабря 1875 г.: начальник станции Альма на Лозово-Севастопольской дороге насильно вытащил из вагона пассажирку (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 30, 332); 3) Из «Русских ведомостей» (1876, 3 января, № 2; 4 января, № 3; 6 января, № 5) — сообщение о краже в Москве 1 января 1876 г. из кельи архимандрита о. Виктора денег и о находке 184 254 рублей, составлявших часть украденной суммы. Здесь же сообщалось, что похититель — крестьянин Динабургского уезда Александр Иванович Варнас, 27 лет, еще не обнаружен. Достоевского могло заинтересовать то обстоятельство, что деньги были спрятаны в щели пола в «ретирадном месте», что давало основание для сопоставления с поведением Раскольникова.

Стр. 116—117. *Я никогда не мог понять мысли, что лишь $^1/_{10}$ людей должны получать высшее развитие* ∾ *совершенно антихристианская.* — Дополнение к примечанию к соответствующей фразе в январском выпуске

«Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 333). Мнение, подобное тому, с которым полемизирует Достоевский, высказал Э. Ренан в книге «La réforme intellectuelle et morale» (1871). Оно несколько раз цитировалось и обсуждалось в полемике вокруг этой книги между Н. Н. Страховым и Н. К. Михайловским, за которой Достоевский следил, вероятно, с самого начала (см. наст. изд., т. XVII, стр. 284—285: Е. И. Кийко. Достоевский и Ренан. — В кн.: *Материалы и исследования*, т. 4, с. 114—115). В частности, в рецензии на роман «Бесы» Михайловский писал: «Пот многих позволяет немногим вести благородную жизнь, говорит Ренан и повторяет г-н Страхов. Таково несомненно фактическое условие первых шагов всякой цивилизации» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. 2, Современное обозрение, стр. 341). В статье «Десница и шуйца Льва Толстого», которую также читал Достоевский, приводилась следующая цитата из книги Ренана: «Мы уничтожили бы человечество, если бы не допустили, что целые массы должны жить славою и наслаждением других» (*ОЗ*, 1875, № 5, отд. 2, Современное обозрение, с. 135). Ср. записи ранее (наст. том, стр. 101) и далее (наст. том, стр. 127—129, 193).

Стр. 117. ...*навьюченный книгами человек*... — Это образное выражение Достоевского, которое позднее несколько раз варьируется в заметках в тетради 1876—1877 гг. (стр. 188, 193, 263), представляет перефразированное изречение из Корана (сура 62, ст. 5; указано В. Н. Фойницким): «Те, кому было дано нести Тору ‹первые пять книг Ветхого завета›, а они ее не понесли, подобны ослу, который несет книги» (Коран. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963, стр. 445; ср.: Le Koran. Trad. nouv. faite sur le texte arabe par M. Kasimirski. Nouv. éd. Paris, 1859. p. 461). В тетради 1876 г. записано также выражение «ослы, навьюченные книгами» (наст. том, стр. 277); ранее Достоевский его употребил в «Селе Степанчикове» (наст. изд., т. III, стр. 90). В записной книжке 1863—1864 гг.: «Навьюченный книгами г-н Дудышкин» (наст. изд., т. XX, стр. 170).

Стр. 117. ...*«Дочерей Карла Смелого»*... — Драма В. Р. Зотова «Дочь Карла Смелого» (1852).

Стр. 117. ...*он мне и отмщает теперь известием, что я родился в 1818 году.* — Возмущаясь этою ошибкою, которую он считал намеренным искажением фактов со стороны автора заметки, Достоевский в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. назвал 1822 годом своего рождения (наст. изд., т. XXII, стр. 37); ср. его слова ранее в том же выпуске: «... в тридцать седьмом году, когда мне было всего лишь около 15 лет отроду... Был май месяц...» (там же, стр. 27). Подлинная дата рождения писателя 30 октября (11 ноября) 1821 г. установлена по метрическим книгам Московской духовной консистории и подтверждена указанием в кн.: *Биография,* стр. 5 (*Гроссман, Жизнь и труды*, стр. 23).

Стр. 117. *«Слабое сердце»*... — Повесть опубликована в 1848 г.

Стр. 118. ...*я никогда не имел удовольствия быть с ним знакомым).* — Достоевский был знаком с Зотовым с конца 40-х годов (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 339, примеч. к стр. 37—38).

Стр. 119. *Ф. И. Тютчеву, напротив, казалось*... — Ср. письмо Достоевского к Х. Д. Алчевской из Петербурга 9 апреля 1876 г.: «Victor Hugo, которого я высоко ценю, как романиста (за что, представьте себе, покойник Ф. Тютчев на меня даже раз рассердился, сказавши, что «Преступление и наказание» (мой роман) выше «Misérables»), хотя и очень иногда растянут в изучении подробностей, но, однако, дал такие удивительные этюды, которые, не было бы его, так бы и остались совсем неизвестными миру».

Стр. 119. *Писатель не без таланта.* — Достоевский, по-видимому, цитирует отзыв Пушкина о Гюго на память, допуская неточность. В статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» Пушкин называет Гюго «неровным» и «грубым». В другой заметке, которая в полном виде не была известна Достоевскому, так как была напечатана в собрании сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова лишь

в отрывках (см.: Сочинения Пушкина, т. I. СПб., 1855, стр. 297—298), Пушкин называет Гюго «поэтом и человеком с истинным дарованием» (*Пушкин*, т. XII, стр. 141; т. XI, стр. 219).

Стр. 119. *Иезуиты* ∾ *Бесконечная разница.* — Эта мысль будет развита в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 5 «Сила мертвая и силы грядущие» (наст. изд., т. XXII, стр. 89). Ср. стр. 148, и примеч. к ней.

Стр. 119. *В Потугине...* — Имеется в виду неосуществленная полемическая статья против И. С. Тургенева. Мысль о возможном, но несостоявшемся примирении славянофилов и западников высказана в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 1 (наст. изд., т. XXII, стр. 40—41).

Стр. 119. *Гамма.* — Имеется в виду фельетон Гаммы (Г. К. Градовского) «Листок» (*Г*, 1876, 11 января, № 11), в котором говорилось о неограниченном самоуправстве железнодорожных компаний, называемых автором «государством в государстве». Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 332—333.

Стр. 119. *«Московские ведомости», января 10, № 8* ∾ *о крушении поезда с новобранцами.* — Передовая статья этого номера была посвящена обозрению деятельности в 1875 г. судебных и земских учреждений. Среди наиболее нашумевших судебных процессов здесь упомянуты процесс игуменьи Митрофании (1874), чья кассационная жалоба разбиралась в 1875 г. в Сенате (см. наст. изд., т. XVII, стр. 392), дело Овсянникова, дело Коршунова, похитившего в Московском учетном банке 28 000 руб., дело о подлогах биржевого маклера Вальтера, похитившего 400 000 руб. и скрывшегося с ними за границу, и др. В Отделе «Судебная хроника» сообщалось о разбиравшемся 9 января в Московском окружном суде деле надзирателя московского военно-полицейского комитета Ф. Иванова по оскорблению им жены дворянина А. Розенфельда (см. примеч. к стр. 102). В отделе «Железные дороги» газета перепечатала сообщение «Вестника железных дорог» о подробностях тилигульской катастрофы.

Стр. 119. *Чем кончаются случаи с керосиновыми лампами.* — Достоевский имеет в виду участившиеся пожары, о которых имелось много сообщений в январских газетах. Поводом для настоящей записи могло явиться, например, сообщение «Голоса» (1876, 12 января, № 12, ср.: *СПбВед*, 1876, 12 января, № 12) о несчастном случае с Софьей Гладковой, уронившей керосиновую лампу и получившей сильные ожоги. Ранее «Голос» сообщал, например, о крестьянке Пелагее Цветковой, на которой загорелось облитое керосином платье (*Г*, 1875, 2 декабря, № 333); о двенадцатилетнем Игнатии Матвееве, который получил сильные ожоги, когда, «играя, уронил со стола керосиновую лампу» и на нем загорелась рубашка (*Г*, 1875, 30 декабря, № 359); о пожаре в Кишиневе, где «от непогашенной лампы» сгорел театр (*Г*, 1876, 9 января, № 9).

Стр. 120. *«Московск‹ие› ведомости», января 14, № 12* ∾ *в женской гимназии.* — В указанном номере внимание Достоевского привлекло «Слово на 12 января 1876 года, говоренное в церкви имп. Московского университета профессором богословия, протоиереем Н. А. Сергиевским». Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 336, примеч. к стр. 32. Корреспонденция «Из Петербурга» в этом же номере была посвящена обязательному начальному обучению. Газета напоминала, что этот вопрос, поднятый в предыдущем году, не был решен, и излагала прения по нему в Педагогическом обществе. В передовой статье газета протестовала против вторжения земских учреждений в области, им «неподведомые», ограничивая их деятельность вопросами местного хозяйства в узком смысле слова. В статье критиковалось Бессарабское губернское земское собрание, опротестовавшее введение латинского языка в Кишиневской женской гимназии без разрешения земства. Газета защищала классическое образование.

Стр. 120. *«Голос». Пятница, 16-е января* ∾ *причин.* — В передовой статье «Голоса» за указанное число (1876, № 16) поднимался вопрос о причинах падения курса рубля на 10% в 1875 г. Главной причиной газета считала повышение государственным банкам учетного процента,

вызвавшее «суматоху на нашем денежном рынке» и «путаницу за границей».

Стр. 120. *Отзыв Божидаровича.* — Имеется в виду Гавриил Сергеевич Веселитский-Божидарович (1841—1930), журналист из обрусевшей сербской семьи, организатор Международного комитета в Париже для сбора средств в помощь семействам участников герцеговинского восстания, бежавшим от преследования турок. В своем фельетоне «Листок» (*Г*, 1876, 11 января, № 11) Гамма (Г. К. Градовский) сообщал, что Веселитский-Божидарович, «русский по рождению и воспитанию», приехал в Петербург, где «играет <...> роль <...> новинки», и что «у него по три, по четыре приглашения на вечер». 11 января 1876 г. он присутствовал на заседании Петербургского Славянского комитета, где сделал доклад о положении в Боснии и Герцеговине. В конце своего выступления он сказал: «Герцеговинцы <...> не верят еще сочувствию, идущему с Запада. Всякое пособие для них есть пособие из России <...> Они <...> часто говорят, что если б не было России, то не было бы и „часног крста" (честного креста), т. е. не было бы трехперстного знамени, не было бы православной веры <...> Я заключу мою благодарность возгласом сербов, раздающимся теперь от Дуная до Адриатического моря и от восточных Альпов до Балканов — „живио, царь русский! живио, братья руссы!" (Рукоплескания и крики «живио!»)» (*Г*, 1876, 15 февраля, № 46). Достоевский, возможно, присутствовал на заседании и слушал доклад или же прочел в газетах его краткое изложение, в котором также приводились заключительные слова речи, например: *Г*, 1876, 13 января, № 13.

Стр. 120. *Они указывают на Польшу ∾ Единение высшее духовное.* — О воззрениях Достоевского на исторические взаимоотношения России и Польши в XIX в. см.: наст. изд., т. XX, стр. 97—101, 252, 253, 316—318.

Но Россия, защищаясь, взяла Польшу. ∾ Как бы не так. — Достоевский касается здесь истории утраты независимости Польши в XVIII в., а также либерально-конституционной политики Александра 1 по польскому вопросу. Считая присоединение Царства Польского к России в XVIII в. вынужденным актом, неизбежным в исторической обстановке того времени, Достоевский полагает, что будущее Польши связано с «высшим духовным» единением ее с другими славянскими народами (в том числе России) при забвении прежних взаимных политических претензий и столкновений. Отсюда, с одной стороны, слова: «...зачем они нам?», в которых выражено признание права Польши на самостоятельность, а с другой — призыв к Польше отказаться от исторических предубеждений против России.

Стр. 120. *Россия со времени того, как вошла в состав Европы...* — Запись связана с одной из центральных политических идей публицистики Достоевского, восходящей к взглядам Достоевского-петрашевца (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 316) и нашедшей впоследствии развитие в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., гл. I, § 4 «Меттернихи и Дон-Кихоты». Ср. стр. 148.

Стр. 120. *Будущее России ясно. ∾ Консерватизм...* — См. мартовский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 5 «Сила мертвая и силы грядущие» (наст. изд., т. XXII, стр. 90—91). Ср. стр. 108, 147, 148 и примеч. (стр. 439).

Стр. 121—129. *Окончательная программа ∾ Ф. Д‹остоевский›.* — Наброски к январскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г., местами перемежающиеся с записями, нашедшими отражение в последующих выпусках. Тема «Марей», которую на этом этапе Достоевский предназначал для январского выпуска, вошла в февральский выпуск (гл. I, § 3 «Мужик Марей»; ср. примеч. к стр. 107). Из «окончательной программы» не были осуществлены пункты «Цензура», «„Живио" и славянство» (ср. стр. 120), «Обещание о войне». Пункт «Ничего не будет» (об извозчике, избившем ученого) должен был примыкать к рассуждениям о произволе, царившем на железных дорогах, но в окончательный текст не вошел.

Стр. 122. *Я только хотел бы отметить идеальность ∾ (о славянофилах).* — Эта мысль в измененном виде отразилась в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 1 (наст. изд., т. XXII, стр. 39—42).

Стр. 126. *Литератор Аполлон Григорьев.* — Здесь упомянут в связи с его запойным пьянством, ускорившим его смерть.

Стр. 127. *Но не надобно же и стулья ломать...* — Неточная цитата из «Ревизора» Н. В. Гоголя (д. I, явл. 1). Городничий говорит здесь об «учителе по исторической части»: «...как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. ‹...› Сбежал с кафедры и что силы есть хвать стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне». Ср. наст. изд., т. VIII, стр. 211.

Стр. 129. *Общество из 750 влиятельных членов...* — Имеется в виду Российское общество покровительства животным.

Стр. 129. *...бочка Данаид.* — Согласно древнегреческому мифу, 50 дочерей аргосского царя Даная по приказанию отца убили в брачную ночь своих мужей, силою на них женившихся, и за это преступление были осуждены вечно наполнять водою бездонную бочку.

Стр. 129. *Ведь сочувствуя обидчику...* — Эта и следующая записи, связанные с размышлениями Достоевского над делом С. Кроненберга, открывают черновые заметки к февральскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. Делу Кроненберга в нем посвящена целиком вторая глава (см. наст. изд., т. XXII).

Стр. 129. *Клевета на меня в «Иллюстрированной газете». «Русский мир», № 23. Суббота, 24 января.* — В указанном номере «Русского мира» в обозрении Вс. С. Соловьева «Современная литература» давался отпор «клевете» на Достоевского в «Петербургских письмах», помещенных в «Иллюстрированной газете» (1876, 18 января, № 3) (см. подробно: наст. изд., т. XVII, стр. 350—351). Ср. стр. 130, 134, 145.

Стр. 130. *«Московск‹ие› ведомости», № 25, 27 января.* — В указанном номере была помещена статья (за подписью «Р») «К вопросу о контроле церковных сумм». Автор статьи сообщал, что протоиерей московского Никитского собора А. Г. Никольский собрал церковных старост и сообщил им указ Синода о контроле над церковными старостами и обязательной каждомесячной проверке церковных сумм, взяв с них подписку о подчинении этому указу. В передовой газета указывала на важность вопроса, поднятого в статье Р., и требовала строгого контроля над деятельностью церковных старост, которые до этого были, по словам газеты, единоличными, «безотчетными распорядителями церковных капиталов».

Стр. 130. *«Биржевые вед‹омости›», № 31. Воскрес‹енье›, 1 февраля.* — Фельетон Незнакомца (А. С. Суворина) «Недельные очерки и картинки» в этом номере «Биржевых ведомостей» был посвящен делу Кроненберга. «В деле г. Кроненберга, — писал Суворин, — присяжные должны были принять в соображение немало мотивов, выяснившихся на следствии и в речи защитника. Судя по тому, что подсудимый сам говорил на суде, он человек искренний, и если жестоко обращался с дочерью, то единственно потому, что хотел ее „исправить“. Средство для этого выбрано безобразное, варварское, внушающее сильное отвращение, но присяжные не имели никакого основания считать подсудимого злодеем или нравственным уродом, которого можно терпеть только в Сибири. Оправдав его, они поступили разумно».

Стр. 130. *Ответ «Петербургской газете»...* — Об отзывах «Петербургской газеты» на первый выпуск «Дневника писателя» см.: наст. изд., т. XXII, стр. 291, 294. Достоевский упомянул один из них в начале февральского выпуска (там же, стр 39).

Стр. 130. *Гений чистой красоты.* — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К***» ‹А. П. Керн› (1825). Ср. наст. изд., т. VIII, стр. 207.

Стр. 130. *Китай ∾ Средней Азии.* — Ср. выше, стр. 77, 411.

Стр. 130. *Анекдот о перестановке голов.* — Эта тема неоднократно упоминается в черновых записях Достоевского 1874—1875 гг. См. подгото-

вительные материалы к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 6, 180; т. XVII, стр. 396); запись от 9 марта 1875 г. в тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 263); замысел «История Карла Ивановича» (наст. изд., т. XVII, стр. 12—13). Подобный эпизод упоминается и в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 429).

Стр. 131. *(С Ивановой...)* — Елена Павловна Иванова (1813—1868), сестра А. П. Иванова, мужа сестры Достоевского Веры Михайловны.

Стр. 131. *...(книга Победоносцева).* — Имеются в виду «Исторические исследования и статьи» К. П. Победоносцева (СПб., 1876). Эта книга открывается обширной работой: «Исторические очерки крепостного права в России XVII и XVIII столетия» (стр. 1—229). Прослеживая становление и развитие в России крепостного права, Победоносцев большое внимание уделил законодательству Петра I в этой области. В противовес славянофилам, в работе указывалось на государственную необходимость крепостного права в петровскую эпоху и на то, что сложилось оно еще ранее, в XVII в. Об отношении к нему Петра I в статье говорилось: «...в законодательстве Петра относительно крепостного права новостью была только форма учреждения, а сущность его осталась в прежнем виде» (стр. 122). Петр, по мнению Победоносцева, не был ни противником, ни поборником крепостного права, а смотрел на него как на существующий факт и стремился использовать его в соответствии с нуждами государства (стр. 116—127). В «Очерках» также говорилось о том, что реформы Петра I в области нравов и обычаев способствовали резкому культурному и нравственному отделению верхов общества от крестьянства и вообще простого народа, которое было формально закреплено петровским законодательством.

Стр. 131. *Барон Дельвиг, укравший часы в Москве.* — 23 января 1876 г. в Московском окружном суде слушалось дело отставного поручика барона Дельвига, укравшего часы у отставного унтер-офицера Козырева. Признав себя виновным, Дельвиг объяснил, что совершил преступление «вследствие крайней бедности». Свидетель показал, что Дельвиг «помещался на чердаке, вся одежда его пришла в ветхость, знакомых у него в Москве не было, и он терпел страшную крайность». Присяжные оправдали подсудимого (*МВед*, 1876, 4 февраля, № 32). Ср. стр. 227.

Стр. 131. *Хочет ли и надо ли правительству развитие провинциальной прессы.* — Правительственная программа 1871 г. для неофициальной части губернских «Ведомостей», имевшая целью отстранить их от участия в общественной жизни, предусматривала значительные ограничения допускаемого на их страницы материала и требовала ориентировки на «Правительственный вестник». См.: Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. Под ред. А. Г. Дементьева [и др.]. М., 1959, стр. 259—261.

Стр. 131. *О ноте держав султану.* — Передовая статья «Московских ведомостей» (1876, 4 февраля, № 32) была посвящена коллективной ноте европейских держав Турции, так называемой «ноте Андраши» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 357). Признавая этот документ важным дипломатическим шагом, газета высказывала сомнение в возможности осуществления Турцией требуемых от нее реформ. Необходимым условием проведения этих реформ в жизнь газета считала предоставление автономии восставшим провинциям. Ср. стр. 144.

Стр. 131. *Это источник будущих несчастий России.* — Выступая с горячей поддержкой борьбы южных славян за независимость, Достоевский — и в этом состояла его историческая слабость — не мог провести разделительной черты между политикой царизма в славянском вопросе и целями национально-освободительной борьбы. И вместе с тем писатель в какой-то мере все же ощущал их несовпадение. Отсюда его опасения возможных конфликтов между самодержавием и южными славянами. Подробнее эти свои опасения Достоевский выразил в «Дневнике писателя» за 1877 г. (ноябрь, гл. II, § 3 «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать»).

Стр. 131. *Мыши, делай им добро и проходи мимо.* — См. наст. изд., т. XIII, стр. 175, где приведены те же слова, и т. XVII, стр. 379 — комментарии об их возможных источниках.

Стр. 131. *...жить для себя — у великоруса значит жить для других.* — Эта мысль получила развитие в «Дневнике писателя» за 1877 г. (февраль, гл. I, § 4 «Меттерних и Дон-Кихоты») и в речи о Пушкине (*ДП* 1880, август, гл. II). Ср. записи ранее (стр. 120: «Да здравствует великорус ∾ ущерб самой себе») и далее (стр. 144).

Стр. 131. *...Ив‹ана› Г‹ригорьеви›ча).* — Имеется в виду брат жены писателя, Иван Григорьевич Сниткин.

Стр. 131. *Фарисей. «Олонец‹кие губернские› вед‹омости›».* — Заметка, возможно, вызвана помещенной в «Олонецких губернских ведомостях» (1876, 28 января, № 7, стр. 76—77) статьей «Освящение церкви в Горском приходе, Олонецкого уезда (из корреспонденции г-д учителей Г. Туманова и И. Миролюбова)». Статья наполнена лестью по адресу епископа Олонецкого и Петрозаводского Иоанафана, чьи именины, пришедшиеся на день освящения церкви, отмечались праздничным обедом после богослужения. В конце статьи говорилось: «...ученики местного одноклассного образцового училища со своими учителями также поспешили выразить архипастырю чувства любви и преданности ‹...› Нельзя было при этом не заметить, что горяне с доверенностью относятся к училищу и с любовью и уважением к учителю г-ну Туманову, который особенно ласков с детьми, содержит училище в примерном порядке, с знанием и опытностью ведет дело обучения. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы подобные учителя дольше оставались в училищах такой лесистой, дикой Корелии». В указанном номере газеты было напечатано объявление об издании «Дневника писателя».

Стр. 131. *Словечко Побед‹оносцева› о паспортах.* — В статье К. П. Победоносцева «Исторические очерки крепостного права в России XVII и XVIII столетия» говорилось о «плакате» 1724 г., который устанавливал правила о паспортах для крепостных, отлучавшихся из имения, где они имели постоянное жительство: «Плакатом 1724 г. положено основание паспортной системе, доныне в главных началах сохраняющей обязательную силу; от того времени понятие о беглом человеке получило формальную определенность, слившись с понятием о человеке беспаспортном» (К. П. Победоносцев. Исторические исследования и статьи. СПб., 1876, стр. 131). Однако, судя по записи ниже (стр. 157), где замечание Победоносцева расшифровывается как «паспорт защита», Достоевский имеет в виду мысль Победоносцева, высказанную, очевидно, в беседе с ним. Внимание Достоевского к вопросу о паспортах было вызвано настойчиво раздававшимися в печати голосами о неудовлетворительности действовавшей паспортной системы и предполагавшейся ее реформе (см., например: *Г*, 1875, 13 ноября, № 314; 18 ноября, № 319; 19 ноября, № 320). Ср. примеч. к стр. 157, 171.

Стр. 132. *...Жемчужников.* — Имеется в виду, по всей вероятности, поэт Алексей Михайлович Жемчужников (1821—1908), один из авторов стихотворений Козьмы Пруткова. На какой факт намекает Достоевский, не установлено. Ср. наст. изд., т. XVII, стр. 417—418.

Стр. 132. *О Базунове.* — Александр Федорович Базунов (ум. 1899) — книгопродавец и издатель, издавал ряд произведений Достоевского; в его магазине принималась подписка на периодические издания, в том числе на «Дневник писателя». В январе 1876 г. Базунов обанкротился и внезапно уехал за границу, захватив часть подписных денег. См. об этом письмо Достоевского к В. К. Абаза от 3 февраля 1876 г.; ср. сообщение о бегстве Базунова в «Голосе» (1876, 2 февраля, № 33), а также стр. 134, 146, 147.

Стр. 132. *Люди на балу ∾ разве это кавалергарды?)* — Эти записи, продолжающие рассуждения январского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 5 «Золотой век в кармане»), представляют черновые заметки к февральскому выпуску того же года, гл. I, § 2 «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» (наст. изд., т. XXII, стр. 42—45),

Ср. также стр. 145—146. Кавалергард (от франц. cavalier — всадник и garde — охрана) — служащий в Кавалергардском гвардейском полку, исполнявшем обязанности почетного конвоя при лицах императорской фамилии.

Стр. 132. *Ответ «Биржевым ‹ведомостям›»...* — См. примеч. к записи в подготовительных материалах «Вот, напри‹мер›, „Биржевые ‹ведомости›“» (наст. изд., т. XXII, стр. 397—398). Ср. записи далее (наст. том, стр. 145, 238).

Стр. 132. *...мысль изреченная есть ложь.* — Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium» (1833), которая встречается у Достоевского также в черновиках к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 68) и в письме к Вс. С. Соловьеву от 16 (28) июля 1876 г. В перефразированном виде это стихотворение цитируется также в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 423; т. XV, стр. 580). См.: А. В. Архипова. Достоевский о Тютчеве. (К атрибуции одной статьи в «Гражданине»). — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 174.

Стр. 132. *В «Петер‹бургской› газете» оценка Авдеева взята буквально из «Голоса»...* — Имеется в виду заметка в «Петербургской газете» (1876, 4 февраля, № 24) «Похороны Авдеева». Бо́льшая часть заметки состоит из дословного повторения некролога писателя М. В. Авдеева (1821—1876) из газеты «Голос» (1876, 2 февраля, № 33) без ссылки на источник.

Стр. 132. *В том же № ругательство на Гамму.* — Имеется в виду напечатанная в «Петербургской газете» эпиграмма на Гамму (Г. К. Градовского) за подписью О. Д. (Д. Д. Минаев):

Гамме, ставшему писать безграмотные стихи
(см. № 32 «Голоса»)

Его и проза даже — сфера
Несоразмерной чепухи,
А он — он начал вдруг стихи
Писать без смысла и размера.

Что ж? Не смущает нынче нас
Уж никакая небылица:
Заговорила как-то раз
И Валаамская ослица...

Здесь осмеяны стихи Гаммы «Плач на развалинах юбилея (посвящается «Московским ведомостям»)», вошедшие в его фельетоны в «Голосе» (1876, 1 февраля, № 32). В фельетоне и в стихотворении Гаммы содержались резкие нападки на консервативные «Московские ведомости» и редактора этой газеты М. Н. Каткова, а также на петербургские реакционные газеты «Русский мир» и «Гражданин».

Стр. 133. *«Ан‹на› Каренина».* — В январской книжке «Русского вестника» за 1876 г. после восьмимесячного перерыва было напечатано окончание третьей части романа Толстого, в февральской — первые пятнадцать глав четвертой части. «Анна Каренина» значится отдельным пунктом первоначального плана мартовского выпуска «Дневника писателя» (стр. 155), но упоминается в «Дневнике» впервые лишь в апреле 1876 г., без оценки (наст. изд., т. XXII, стр. 107). Подробно свою точку зрения на восьмую книгу этого романа Достоевский изложил в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Ср. записи в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXIII, стр. 163, 167).

Стр. 133. *Да моя болезненность здоровее вашего здоровья...* — Эта заметка связана с отзывом о январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. в «Петербургской газете» (1876, 4 февраля, № 24), где утверждалось, что «ум г-на Достоевского имеет болезненные свойства» (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 294). Вместе с тем сходная запись была сделана в настоящей тетради еще в ноябре 1875 г. (см. стр. 68).

Стр. 133. *Алексеевский равелин. Ростовцев, Филиппов ∾ бежать...* — В этих отрывочных записях зафиксированы воспоминания Достоевского о пребывании в Петропавловской крепости и о процессе петрашевцев. Яков Иванович Ростовцев (1803—1860) был членом Следственной комиссии по делу петрашевцев; о его столкновении с Достоевским на допросе см. примеч. к стр. 290. Ср. стр. 134. Павел Николаевич Филиппов (1826—1855) — петрашевец, содержался в соседней с Достоевским камере.

Стр. 133. *«Голос». Суббота, 7 февр‹аля›, № 38 ∾ о деле капитана...* — Анонимная статья этого номера «Из жизни и с натуры (очерки провинции)» обсуждала возможность и целесообразность открытия университета в Сибири. Сопротивляться созданию университета в Сибири, в частности в Иркутске, значило, по мнению автора, «совершенно отрицать, что край может иметь какую-нибудь будущность». В статье утверждалось, что «мы, несомненно, быстро шагаем по пути гражданственности», и выражалась надежда, что «сибирские самодуры едва ли долго устоят под наплывом цивилизующих начал, неразрывно связанных с открытием высшего учебного заведения». Ср. стр. 134. В том же номере в корреспонденции из Петропавловска сообщалось, что 26 января во временном военном суде разбиралось дело капитана Хомякова, человека «безупречной нравственности», любимого солдатами, который подал своему начальнику полковнику Суворову рапорт, обличавший последнего во всевозможных злоупотреблениях. Не входя в рассмотрение сути дела, суд признал подачу рапорта оскорблением (его следовало подать непосредственному начальнику полковника) и присудил капитана Хомякова к одному году и четырем месяцам заключения в крепости.

Стр. 133. *Один из местных Вагнеров, выражение «Голоса».* — В заметке, помещенной в «Голосе» (1876, 7 февраля, № 38), сообщалось: «Газета „Сибирь“ ‹1876, 4 января, № 1› говорит, что в Иркутске появились спириты. Один из местных Вагнеров доказывал на днях реальность спиритических явлений собственными исследованиями, которые он имел случай производить в начале пятидесятых годов вместе с одним духовным лицом и купчихой». О Н. П. Вагнере, на которого содержится намек в процитированной заметке, см.: наст. изд., т. XXII, стр. 334—335.

Стр. 133. *О балете «Дон-Кихот».* — М. Петипа поставил в Большом театре в Петербурге в 1871 г. балет «Дон-Кихот», который с большим успехом шел в сезоне 1875—1876 гг., в частности утром 10 февраля 1876 г. (*Г*, 1876, 7 февраля, № 38). О Дон-Кихоте Достоевский пишет в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 1) (см. наст. изд., т. XXII, стр. 92) и в сентябрьском выпуске 1877 г. (гл. II, § 1).

Стр. 133. *Прекрасное в веке...* — О прекрасном в связи с Дон-Кихотом, Пиквиком и Жаном Вальжаном Достоевский рассуждал еще 1 (13) января 1868 г. в письме к С. А. Ивановой. Ср. стр. 159.

Стр. 133. *Первые повести Жорж Занда...* — Имеются в виду так называемые «венецианские» повести Жорж Санд (ср. июньский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 2 «Несколько слов о Жорж Занде» — наст. изд., т. XXIII, стр. 35—36).

Стр. 133. *Наши концессьонеры...* — В передовой статье «Голоса» (1876, 7 февраля, № 38) шла речь о состоявшихся 28 января скандальных торгах подряда на постройку Донецкой железной дороги, получивших название «торги со взломом», так как их участникам удалось добиться отмены результатов ранее состоявшихся торгов, по которым эту концессию уже получили их конкуренты.

Стр. 133. *«И меж детей ничтожных мира»...* — Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827):

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Стр. 134. *«Русский мир», № 38 (воскресенье, 8) ∾ насчет Камчатки.* — В указанном номере в отделе «Судебная хроника» сообщалось, что 6 фев-

раля в Петербурге у мирового судьи разбиралось дело по обвинению в клевете дворянина Ивана Кущевского, возбужденное отставным полковником Василием Полетикой, издателем «Биржевых ведомостей». В газете «Сын отечества» (Воскресные номера, 1875, 7 декабря, № 49, с. 673—676) в статье «Сочинительница» были описаны проделки некоего Неулетико, управляющего заводом в Барнауле, который «бесчеловечно грабил народ» и, «награбив сотни тысяч в Сибири», приехал в Петербург и стал издавать газету. Полетика предъявил обвинение редактору-издателю «Сына отечества» И. Успенскому. Автором статьи был Кущевский, который согласился «примириться» с Полетикой только в том случае, если он перепечатает в своей газете рассказ «Сочинительница», признает, что «все, рассказанное про Неулетику, случилось именно с ним», и печатно извинится перед Кущевским «за причиненное ему беспокойство своим несправедливым обвинением в клевете». В том же номере, в отделе «Петербургские известия», газета сообщала, что в Академии художеств выставлены две картины К. П. Брюллова. Одна из них — «Всадница» — описана подробно. Отмечая свежесть красок, свободу и естественность фигур, автор заметки привел слова тургеневского Потугина, назвавшего Брюллова «пухлой ничтожностью» (ср.: *Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 232 и 555): «...не приписывая этих слов самому автору „Дыма", смеем сказать, что они всего скорее могут быть отнесены к лицу, их произнесшему». В заметке «Владивосток» говорилось, что, отстаивая свое право на контрабандную торговлю спиртом с чукчами, американцы считают бесполезными и несправедливыми все мероприятия русского правительства по ее преследованию. Американцы предлагают продать им Камчатку.

Стр. 134. *Февраль ∾ о Базунове.* — Один из первоначальных планов февральского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Из него были осуществлены лишь пункты «Спасович...» и «Марей» (гл. I, § 3 «Мужик Марей»; см. примеч. к стр. 107).

Стр. 134. *Об Зотове. «Иллюстрированная газета».* — См. примеч. к стр. 129.

Стр. 134. *Общество вспомоществования ∾ «Голос», № 40, 9-го февраля.* — Имеется в виду заметка об обществе вспомоществования нуждающимся ученикам при пятой петербургской гимназии в Коломне — «центре беднейшего населения столицы». Капитал общества составился «из взносов действительных и почетных его членов, а также из пожертвований других благотворителей».

Стр. 135. *Отцы против детей — другое дело (Бутлеров).* — Заметка в «Голосе» (1876, 15 января, № 15): «„Судебный вестник" сообщает, что профессор Бутлеров возбудил по ст‹атье› 1566-й улож‹ения› о нак‹азаниях› уголовное дело против совершеннолетнего своего сына, вступившего в брак без его согласия». Впоследствии А. М. Бутлеров от своего иска отказался. Вступление в брак без согласия родителей наказывалось тюремным заключением на срок от 4 до 8 месяцев и лишением права наследования имущества родителей.

Стр. 135. *Человек принадлежит обществу. Принадлежит, но не весь.* — Цитата из комедии Н. В. Гоголя «Игроки» (явл. VIII). Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 156, 251—252.

Стр. 136. *Есть водевиль «К мировому!».* — Речь идет о комедии В. А. Крылова «К мировому!» (1870).

Стр. 136. *«Я тебя родил». Ответ Франца Мора.* — См. наст. изд., т. XV, стр. 602—603.

Стр. 137. *Людовик 17-й ∾ жизнь жизни.* — Размышления о Людовике XVII, умершем в 1795 г., в возрасте 10 лет, в тюрьме, где он содержался после казни родителей, были подсказаны Достоевскому сценой беседы между умирающим членом Конвента и епископом Мириэлем в романе В. Гюго «Отверженные» (ч. I, кн. 1, гл. 10). В споре о якобинском терроре собеседники вспоминают и о Людовике XVII (*Гюго*, т. VI, стр. 53—54). Эту тему Достоевский намечал ранее в подготовительных материалах к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 65; т. XVII, стр. 404),

он вспоминает о ней в следующей тетради (стр. 191), и позднее, в черновых материалах к «Братьям Карамазовым» (наст. изд., т. XV, стр. 229, 612—613). (Об этом см.: Е. И. Кийко. Достоевский и Гюго. — *Материалы и исследования*, т. III, стр. 166—172).

...пусть погибнем мы все, если спасение наше зависит лишь от замученного ребенка... — Эта запись представляет один из первых подступов Достоевского к кругу идей, развитых в главе «Бунт» романа «Братья Карамазовы». Она отчетливо вскрывает связь этого последнего романа Достоевского с «Дневником писателя» и его публицистикой 1870-х годов на темы «текущей злобы дня».

Стр. 137. *Христос, обнимая детей, определил, как на них надо смотреть.* — Имеется в виду следующий евангельский рассказ: «Тогда приведены были к нему дети, чтобы он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне; ибо таковых есть царство небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда» (Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 13—15).

Стр. 143. *Ведь «Голос» не может отрицать ∾ либерально.* — Отзыв о статье К. С. Аксакова «О современном человеке» (сб. «Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины». СПб., 1876) содержался в литературном обозрении Г. А. Лароша (криптоним: L.) в «Голосе», 1876, 12 февраля, № 43. Статья Аксакова рассматривалась рецензентом как «филиппика против той „лжи“, которая, по мнению автора, проникла собою все современное цивилизованное общество» и как «свидетельство о вере в золотой, утраченный человечеством век». Приводимые в рецензии «несколько образцов тех выражений, в которых г-н Аксаков изливает свою скорбь или свой гнев», начинаются словами: «Душа обеднела, и крайность выводов, добытых вследствие ложных начал и ложного пути, помутила разум... И нет в человеке искренности, и ложь овладела его существом — тонкая, хитрая, внутренняя, неприметная ложь, раздвояющая всю его душу в самой глубине ее, втекающая во все ее первоначальные движения». С этими положениями статьи Аксакова Ларош резко полемизировал, отвергнув основной тезис Аксакова, рекомендовавшего, как говорилось в рецензии, «мужика, как образец свободы от тлетворной цивилизации». Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 342—343.

Стр. 146. *...слово стушеваться».* — Историю этого слова Достоевский рассказывает в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., гл. I, § 2 (наст. изд., т. XXVI). Ср. стр. 261, 274.

Стр. 146. *...на фербант...* — Здесь: отстранен от дел; превращен (говоря словами самого Достоевского в записной тетради 1872—1875 гг. — наст. изд., т. XXI, стр. 268) в «матерьял, платящий подати, <...> и не более». (От нем. verbannen — ссылать, изгонять). Ср. стр. 159 и наст. изд., т. XIII, стр. 149; т. XVII, стр. 375.

Стр. 147. *Я убежден, что судьей Европы будет Россия ∾ не останется довольна решением.* — См. мартовский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 5 «Сила мертвая и силы грядущие» (наст. изд., т. XXII, стр. 90—91). Ср. также стр. 120, 148.

Стр. 147. *Всё в будущем столетии ∾ об этом потом.* — См. апрельский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 1 «Нечто о политических вопросах» (наст. изд., т. XXII, стр. 122). О силе России ср. стр. 89 и примеч. к ней.

Стр. 147. *Папа — предводитель коммунизма.* — Эта мысль развита в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 5 «Сила мертвая и силы грядущие». Ср. стр. 119, 148.

Стр. 147. *Оболенский...* — Имеется в виду, возможно, князь Дмитрий Александрович Оболенский (1822—1881), в 1870—1872 гг. товарищ министра государственных имуществ, член Государственного совета, автор книги «Хроника недавней старины» (СПб., 1876).

Стр. 147. *...Надеин.* — М. П. Надеин, народник, книгопродавец, владелец «Книжного магазина для иногородних»; после банкротства А. Ф. Ба-

зунова (январь 1876 г.) Достоевский перенес в магазин Надеина городскую подписку на «Дневник писателя».

Стр. 147. *Наша университетская комиссия...* — Комиссия для исследования медиумических явлений (см. наст. изд., т. XXII, стр. 334).

Стр. 147. *О выборах в Париже.* — Имеются в виду выборы в Палату депутатов, состоявшиеся 20 (8) февраля 1876 г. Русская пресса оживленно обсуждала в середине февраля (старый стиль) их результаты, делая прогнозы относительно состава будущего кабинета и внешней и внутренней политики Франции (см., например, *Г*, 1876, февраль 10—16, №№ 41—47 и др.). Очевидно, с чтением газет за эти дни и связана комментируемая запись. Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 357.

Стр. 148. *...Сеченов.* — В данной заметке Достоевский намекает, повидимому, на материалистические убеждения И. М. Сеченова и его вражду к мистицизму, ярко проявившиеся в полемике его с К. Д. Кавелиным в 1872—1873 гг.

Стр. 148. *Мое предсказание* ∾ *Всё это гадание.* — Эти записи, вызванные результатами выборов в Палату депутатов во Франции (20 (8) февраля 1876 г.) и содержащие мысли, ранее сформулированные в разных местах настоящей тетради (стр. 97, 119, 120, 147), представляют план-набросок разделов «Мечты о Европе» и «Сила мертвая и силы грядущие» мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, §§ 4—5. Ср. также стр. 149, 150, 157, 160.

Гамбетта Леон Мишель — см. наст. изд., т. XXII, стр. 399—400. Ср. запись далее (стр. 282 и примеч. к ней).

Стр. 149. *Но с чертей веровать не хочу...* — Запись, очевидно, связана с впечатлениями от спиритического сеанса на квартире у А. Н. Аксакова 13 февраля 1876 г. О своем нежелании верить в спиритизм, которое он испытывал во время сеанса, Достоевский рассказал в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 127). Ср. также стр. 150, 158.

Стр. 149. *Колокольчики...* — О трюке с колокольчиками рассказал Н. С. Лесков в своем описании сеанса 13 февраля 1876 г.: «...мы сели за большой ореховый стол, под который предварительно опустили *два разнозвучные колокольчика.* Руки всех присутствующих (не исключая и самого г-на Аксакова) находились на столе. Колокольчики под столом звонили сначала один, потом оба вместе. Это повторялось *несколько раз,* и всякий раз звону предшествовала какая-то тихая возня, как будто котенок двигал колокольчики лапками; а потом они поднимались и звон их был чистый и свободный...» (*Гр*, 1876, 29 февраля, № 9, стр. 255).

Стр. 150. *Рассердил медиума.* — О том, как Достоевский рассердил медиума, рассказал П. Д. Боборыкин: «...г. Д‹остоевскому› предложили спустить платок, держа его за один конец поверх стола, что он и сделал. За нижний конец платка начали дергать, и г-н Д‹остоевский› заявил всем нам явственное ощущение дерганья, после чего шутливо заметил, что он отказывается объяснить подобное явление иначе, как ловкостью медиума. Сказано это было так, что, понимай г-жа С‹ент› К‹лер› по-русски, она бы только рассмеялась этой совершенно безобидной шутке; но когда ей перевели слова г-на Д‹остоевского› по-английски, она мгновенно обиделась, покраснела (насколько ей было возможно), глаза ее заблистали, и я весьма явственно услыхал такую сильную фразу, по-английски, которая прямо указывала на ее гнев» (*СПбВед*, 1876, 16 марта, № 75). Об этом инциденте упоминает и Н. С. Лесков (*Гр*, 1876, 29 февраля, № 9).

Стр. 151. *«Голос». Суббота, 21 февраля, № 52* ∾ *о будущности России.* — Редакционная статья «Свободная Сванетия» содержала сочувственный пересказ статьи Л. Шнейдера (L. Schneider) «Das freie Svanetien», опубликованной в берлинском журнале «Preussische Jahrbücher», и книги французского публициста Рафаэля Берновиля (R. Bernoville) «La Souanétie libre», вышедшей в Париже в 1875 г. Особенное одобрение газеты вызвала вступительная глава книги Берновиля, озаглавленная «Свободная Сванетия и ее будущность». Французский публицист указывал здесь на

великое будущее России: «В нашей стареющей Европе будущность, кажется, принадлежит только одной нации — русской».

Стр. 151. *О застрелившихся.* — В том же номере «Голоса» сообщалось о том, что в Кишиневе по неизвестной причине застрелился ученик реального училища, а во Владикавказе в ночь на 2 января полковник Генерального штаба А. Г. Цыклауров.

Стр. 155. *О войне...* — Судя по сходным записям далее (стр. 157), этот пункт первоначального плана мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. относился к замыслу статьи, возникшему еще в ноябре 1875 г., но осуществленному лишь в апрельском выпуске 1876 г. Ср. примеч. к стр. 72—73.

Стр. 155. *Об анонимных письмах.* — Ср. майско-июньский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г., гл. I, § 2 «Об анонимных ругательных письмах» (наст. изд., т. XXV).

Стр. 155. *«Анна Каренина».* — Ср. запись ранее (стр. 133) и примеч. к ней (стр. 435).

Стр. 155. *«С.-П‹етербургские› в‹едомости›», 29 февр‹аля›.* — В номере за указанное число (1876, № 59) интерес Достоевского вызвал «Воскресный фельетон» П. Д. Боборыкина. В фельетоне в связи с решением правительства об ограничении числа официальных юбилеев указывалось, что в России «есть сфера деятельности, где юбилеями не только не злоупотребляли, но даже пренебрегали». Эта сфера — литература. Перечисляя ряд писателей, не удостоившихся юбилея, Боборыкин назвал Тургенева, Гончарова, Григоровича, Достоевского, Некрасова и др. О Достоевском в статье говорилось: «Не думал стушевываться и умолкать Ф. М. Достоевский, человек ‹...› более 25 лет неустанно работающий, человек с тяжелыми испытаниями, достойный сочувствия за прежние заслуги, какие бы он в настоящее время странные идеи ни проводил в своих романах. Просто даже не верится, что ни один из наших даровитейших романистов не удостоился простого обеда у Дюссо, данного кружком почитателей или собратов».

Стр. 155. *«Москов‹ские› ведомости», № 55, середа (о лесоразведении).* — В указанном номере (1876, 3 марта) внимание писателя привлекла заметка А. Зиссермана «К вопросу о лесоразведении». Автор предлагал ряд мер по охране лесонасаждений: «Нужно ‹...› обставить дело так, чтобы население видело особое покровительство, оказываемое лесоразведению». В районах, «крайне нуждающихся в лесах» (Ставропольская губерния, область войска Донского, Кубанская и отчасти Терская), автор считал необходимым выплачивать за насаждение леса премии. Ср. стр. 156 и наст. изд., т. XXIII, стр. 41, 370.

Стр. 155. *...(князь Дадьян и Николай).* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 398—399. Ср. записи далее (стр. 162, 169).

Стр. 155. *Один из местных Вагнеров...* — См. стр. 133 и примеч. к ней (стр. 436).

Стр. 155. *«Новое время» о Брюллове ∾ № 6 (а в 5-м № о высоком значении Добролюбова).* — В «Новом времени» (1876, 6 марта, № 7) в отделе «Среди газет и журналов» отмечалось, что автобиография Ф. К. Солнцева «Моя жизнь и художественно-археологические труды» («Русская старина», 1876, № 3) содержит несколько рассказов о К. П. Брюллове, с которым Солнцев был «однокашником по академии». Внимание Достоевского привлекло следующее суждение Солнцева, приведенное газетой: «Что Брюллов был человек очень развитый, а не только специалист своего дела, видно из того, что когда талантливый художник писал свою „Осаду Пскова“, то для выполнения задуманной картины читал „Историю“ Карамзина, но эта „История“ ему не понравилась». В предыдущем номере (1876, 5 марта, № 6) в отделе «Среди газет и журналов» в заметке А. С. (А. С. Суворина) излагалось содержание статьи «Иностранная беллетристика в русском переводе, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях» (1876, 4 марта, № 63). Автор статьи одобрительно отзывался о литературно-критической деятельности А. В. Дружинина, напоминал

его призывы «к чтению Босвеля, Джонсона, Гольдсмита и Крабба» и резко осуждал «Современник» и «Русское слово». По мнению либеральной газеты, именно эти журналы были повинны в том, что с начала 60-х годов наблюдался «упадок вкуса и понятий литературной критики. Художественный русский роман уступил место роману тенденциозному. ‹...› Решетников, Успенские, Левитов, Слепцов провозглашены были заместителями Тургенева, Льва Толстого и Гончарова. ‹...› В то же время в переводной литературе ‹...› на полной свободе воцарилось опять и в большей степени поклонение подонкам». Как указал Суворин, эти рассуждения в статье «С.-Петербургских ведомостей» были подчинены задачам рекламы иностранных романов, выпускавшихся в Петербурге под серийным названием «Для легкого чтения». По этому поводу Суворин заметил: «Реклама — рекламою, но полагаем, что для русской критики чтение сочинений Добролюбова несравненно полезнее, чем апология Босвеля». Номера газеты указаны Достоевским неточно.

Стр. 155. *Фельетон Суворина в воскресенье, 7-го марта. «Новое время», № 8 (о Каткове)...* — Достоевский имеет в виду фельетон Незнакомца (А. С. Суворина) «Недельные очерки и картинки», в котором содержалась полемика с неодобрительным отзывом В. Г. Авсеенко о «петербургской печати» (*РВ*, 1876, № 1) и говорилось об упадке изданий М. Н. Каткова — «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Обращаясь к Каткову, Суворин писал: «Стремитесь, Михаил Никифорович, снискать себе уважение „петербургской печати", ибо дни вашей славы не только сочтены, но и давно сданы в архив. „Моск. вед." делаются смешным органом чего-то такого, чему даже названия не приищешь. Громы утихли, ирония не сверкает, чувство иссякло».

Стр. 156. *«Московск‹ие› ведом‹ости›». Суббота, № 58, 6-е марта, о въезде дона Карлоса в Англию.* — В заметке «Переезд Дон Карлоса в Англию» был приведен текст напечатанного в «Gazette de France» письма претендента на испанский престол дона Карлоса, с которым последний обратился «к своим французским друзьям», отъезжая из Булони. Здесь же приводилось свидетельство корреспондента французской газеты «Temps» и опубликованное в английской «Times» 7 марта письмо члена английского парламента сэра Эдуарда Уоткина о встрече дона Карлоса англичанами в Фокстоне. Ср. стр. 167 и наст. изд., т. XXII, стр. 91—94, 363.

Стр. 156. *«У нас сейчас есть Лев Толстой»...* — Ср. стр. 109, 425.

Стр. 156. *Английские религии без Христа...* — Ср. мартовский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 96—97), а также стр. 162, 165, 167, 172.

Стр. 156. *В «Голосе» ∾ Нет, я этого не говорил.* — Имеется в виду отзыв Гаммы (Г. К. Градовского) о февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (*Г*, 1876, 7 марта, № 67). Излагая мысли Достоевского о народе, Гамма писал: «Народ, видите ли, ужаснейшая дрянь на деле, но зато идеалы у него хороши». Достоевский ответил Гамме в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 1 (наст. изд., т. XXII).

Стр. 156. *«Новое время, № 9, 8-е марта ∾ о лесоразведении...* — В указанном номере в отделе «Среди газет и журналов» содержалась полемика со статьей А. Зиссермана о лесоразведении, напечатанной в «Московских ведомостях» (см. примеч. к стр. 155): «И в России, и за границей все толкуют теперь об истреблении лесов и об облесении. Как водится, скорее всего проектируются меры карательные. Далее всего идут по этому пути „Московские ведомости" ‹...› Несколько менее усердия не мешало бы. Конечно, истребление леса вещь дурная, но если мужика за каждое срубленное полено будут судить как государственного преступника, то полагаем, что на постройку одних тюрем придется истребить большую часть лесов». Ср. стр. 173 и примеч. к ней (стр. 452).

Стр. 156. *Пятница, 5-е марта, № 63, «Биржевые ведомости», в фельетоне Заурядный читатель про Островского.* — В фельетоне «Мысли по поводу текущей литературы» за подписью «Заурядный читатель» (А. М. Скабичевский) главное внимание было уделено комедии А. Н. Ост-

ровского «Богатые невесты» (*ОЗ*, 1876, № 2). По мнению рецензента, для комедии характерно «полное отсутствие <...> рельефности характеров и нравов русской жизни <...> перед вами жизнь словно не русская, не московская, а бог весть какая-то». Особенно резко осуждалась попытка Островского создать образ положительного героя Цыплунова: «В этой комедии г-н Островский вздумал испытать силы свои на совсем не свойственном ему жанре. Добродетельные герои, нравственные возрождения — все это такие предметы, которых ему следовало бы избегать всеми силами».

Стр. 156. *Фет: о выпахивании.* — Заметка связана с чтением статьи А. А. Фета «По вопросу о личном найме» (*РВ*, 1876, № 1). Полемизируя со статьей либерального экономиста А. А. Головачева «Проект положения о найме рабочих и прислуги» (*ОЗ*, 1875, № 6), Фет высказал ряд возражений против «социалистической» теории «будущего золотого века» и утверждал, что классовое неравенство является естественным и вечным законом общественной жизни. «Если бы вся вселенная покрылась алюминиевыми фаланстерами, — писал он, — то никакая, даже крепостная власть не заставила бы русского крестьянина жить в нем» (*РВ*, 1876, № 1, стр. 411—412). Попутно Фет говорил о различных способах ведения помещичьего хозяйства, о том, что отдача земли в аренду крестьянам неизбежно ведет к тому, что «через три, четыре севооборота» «земля выпахана до невозможности, то есть станет, что называется у крестьян, запольною, и они же станут обегать ее» (там же, стр. 420).

Стр. 157. NB. *Герцеговинцы. «Новое время»...* — В «Новом времени» (1876, 11 марта, № 12) в отделе «Среди газет и журналов» приводился обзор газетных материалов о событиях в Герцеговине (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 357—358).

В обзоре отвергалась выжидательная, пассивная позиция, которую рекомендовали «С.-Петербургские ведомости», и резко осуждалась газета «Биржа», которая видела единственный выход в немедленном занятии Боснии и Герцеговины австрийскими войсками: «Подобное предложение, быть может, будет по душе венским капиталистам и торгашам, заинтересованным в скорейшем получении уплат по своим просроченным векселям от туземных купцов; но легко себе представить сюрприз южных славян, когда им вместо хотя грубого, но наивного деспотизма турков предложат утонченно полицейскую систему австрийцев».

Отвергнув также позицию «Голоса», газета присоединилась к мнению «Московских ведомостей», которые считали «все мечты о турецких реформах чистейшей нелепостью» и требовали немедленного удаления турецких войск из Боснии в Герцеговины.

Стр. 157. *Статья Суворина о плюсовой литературе.* — Имеется в виду статья «Литературные очерки (Общий взгляд на современную литературу)» (*НВр*, 1876, 11 марта, № 12), за подписью «Фауст Щигровского уезда» (псевдоним С. А. Венгерова), ошибочно приписанная Достоевским редактору газеты А. С. Суворину.

Статья начинается с возражений «благонамеренным прогрессистам», которые жалуются «на современную жизнь и людей вообще» и на «грустное положение литературы наших дней в частности», так что «минорный тон этот заражает весь литературный оркестр и в результате получается поголовное нытье». Включая в понятие литературы все виды печатного слова, автор не соглашается с подобной оценкой газетной прессы и литературной критики, но признает, что по отношению к беллетристике «все упреки в вялости, безжизненности, несоответствии своему назначению, повторении задов и указывании на прошлое — действительно справедливы». Причины этого он видит в том, что художественная литература уже не является орудием общественной борьбы, а «служит только барометром и больше ничего». «Если что-нибудь не бездарно в современной художественной литературе, — то это сатира». Винить литературу в бледности положительных идеалов и положительных героев, считает он, нельзя, потому что типы Рудиных. Лаврецких, Базаровых уже надоели и никого

не увлекают. «Пока политическая жизнь не бросит нового источника движения в русское общество, до тех пор литература вообще и беллетристика преимущественно не может выйти из своего настоящего положения». Между тем видеть «цель в самом факте отрицания и борьбы со старыми понятиями» уже нельзя — «теперь все это истрепалось», — «одним отрицанием не проживешь, нужно что-нибудь плюсовое», «должна была бы наступить пора положительных идеалов, а их-то и нет», потому что «поля для них нет», хотя силы есть. Требование «плюсовой» литературы, выдвинутое в этой статье, настолько задело внимание Достоевского, что он возвращается к этому вопросу еще несколько раз в записной тетради (стр. 158, 159, 160—161, 166 и др.) и в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 161, 398), собираясь изложить свою точку зрения в «Дневнике писателя» (замысел осуществлен не был).

Стр. 157. *О святом Ниле Сорском и о собственности. «Новое время», 8-е марта, № 9.* — Имеется в виду напечатанная в отделе «Библиографическая беседа» (*НВр*, 1876, 7 марта, № 8) рецензия за подписью «А. С-н» (А. С. Суворин) на вышедшую анонимно книгу Д. И. Ростиславова «Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей» (СПб., 1876). В рецензии приводились детальные данные об огромных доходах монастырей и церквей, в частности Ниловой пустыни. Нил Сорский был противником монастырской собственности. Внимание Достоевского, очевидно, вызвал контраст между его проповедью и тем, что один из самых богатых монастырей в России приумножал свои капиталы именем этого святого. Дата и номер газеты указаны Достоевским неточно.

Стр. 157. *«Голос». Вторн‹ик›, 9 марта, № 69 ∾ Английские газеты).* — В корреспонденции из Старорусского уезда Новгородской губернии сообщалось о ловле петербургскими купцами рыбы в озере Ильмень и впадающих в него реках. Корреспондент указывал, что «самый лов производится противузаконно и клонится к тому, чтоб совершенно лишить рыбы это замечательно рыбное место». Автор сетовал на то, что старорусские крестьяне не смели и думать о том, что именно они являются законными владельцами вод и рыбы Ильменского бассейна. За лов невинным способом для домашнего обихода арендаторы взимали с крестьян плату. В отделе «Заграничные известия» было опубликовано большое политическое обозрение, посвященное успехам русского оружия в Средней Азии, в частности присоединению к России Кокандского ханства. Комментируя опасения английских газет «Daily News» и «Times», что это может угрожать английскому господству в Индии, газета заявляла: «Россия никогда не питала замыслов завладеть Индией». Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 382, примеч. к стр. 122.

Стр. 157. *В «Нов‹ом› времени» ∾ из журн‹ала› «Здоровье».* — Имеется в виду напечатанная в «Новом времени» (1876, 6 марта, № 7), в отделе «Среди газет и журналов», заметка, излагавшая содержание статьи А. Зиссермана «О некоторых болезненных припадках, вызываемых службой чиновников, и о способах их предупреждения» («Здоровье», 1876, № 34). В статье выделялись два рода болезней — неправильное кровообращение и расстройство нервной системы. Газета писала: «Автор дает чиновникам множество гигиенических советов: в карты не играть, табаку не курить, сидя не писать, летом путешествовать по Швейцарии, вино пить самое лучшее и т. д.». Выводы Зиссермана, считала газета, «основаны на легком недоразумении. Чиновники, имеющие средства, далеко не утомляют себя работою, а те, которые из-за куска насущного хлеба корпят по целым дням в канцеляриях, без сомнения, вышеозначенным гигиеническим советом не воспользуются».

Стр. 157. *... ввернуть встречу Ильи со каликою Иванищем.* — См. примеч. к стр. 101.

Стр. 157. *(Олень, басня Езопова.)* — У Эзопа есть несколько басен, где главным персонажем является олень. С предыдущей записью о войне согласуется по смыслу басня об олене, слепом на один глаз, которым, пасясь на берегу, он повернулся к морю, так как не ожидал с той сто-

роны опасности. Проплывающие мимо люди замечают его и подстреливают. Мораль: «Так часто, вопреки нашим ожиданиям, то, что казалось опасным, оказывается полезным, а то, что казалось спасительным, оборачивается коварным» (Басни Эзопа. Пер., статья и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1968, стр. 85—86, № 75 «Олень»).

Стр. 157. *(О паспортах...* — Передовая статья газеты «Московские ведомости» (1876, 7 марта, № 59) была посвящена вопросам развития внешней торговли. Осуждалась паспортная система, которая, по мнению газеты, снижала производительность труда и товарооборот: «Массы населения, благодаря паспортной системе, находящейся в тесной связи с финансовой круговой порукой, прикреплены у нас не к тем местностям, где труд их был бы особенно прозводителен ‹...› Облегчение тягостных стеснений, лежащих ныне в наших рабочих силах, без сомнения, не замедлило бы отразиться на увеличении размеров внутреннего производства и отпуска излишков его за границу».

Стр. 157. *Отыскать замечание Победоносцева о паспортах...* — Ср. стр. 131 и примеч. к ней (стр. 434).

Стр. 157. *«Гражданин» от 7 марта ∾ на славянский).* — Имеется в виду статья «Духовная литература», опубликованная в газете «Гражданин» (1876, 8 марта, № 10, стр. 278—281). В статье рассматривалась первая книжка журнала «Православное обозрение» за 1876 г., в которой поднимался вопрос о необходимости нового пересмотра и исправления славянского текста Библии и приводились суждения как противников, так и сторонников нового перевода.

Стр. 157—158. *«Новое время», № 3 («Гражд‹анин›», 7 марта) ∾ Подделка.* — В газете «Молва» (1876, 22 февраля, № 9) была напечатана заметка «Голос из деревни» за подписью «Крестьянин». Автор выдвигал «средство подвинуть народное образование», а именно — «избавление лиц сельского состояния, кончивших курс в народном училище, от телесного наказания». В заметке говорилось: «Телесное наказание в сельском быту имеет то же значение, что в городском или образованном лишение прав состояния, на наказанного розгами смотрят как на зачумленного. ‹...› А как легко попасть под наказание розгами, тому много было примеров в разных корреспонденциях. Стоит сказать неосторожное слово против сельского старосты или старшины на сходе, или не согласиться с их предложениями, или обнаружить небольшое злоупотребление, в особенности в отношении мирского сундука, — и можно быть вполне уверенным, что это не пройдет безнаказанным со стороны этих сил: старшин и сельских старост. А как все это скорее может сделать человек образованный и развитый, то, в таком случае, он чаще прочих рискует попасть под наказание». Заметка обратила на себя внимание общественности. Она цитировалась и комментировалась в отделе «Среди газет и журналов» «Нового времени» (1876, 2 марта, № 3). Процитированный из нее в «Новом времени» отрывок был перепечатан в газете «Гражданин» (1876, 8 марта, № 10, стр. 272), где сопровождался следующим комментарием: «Отрывок этот нельзя не считать замечательным явлением. Это — первый протест со стороны „образованных“ и „развитых“ членов крестьянского общества, первое известие о существовании таковых именно членов в составе сельских сходов, это — новое обстоятельство, которое следует, может быть, принять во внимание при рассмотрении вопроса о настоящем положении крестьянского самоуправления и крестьянского суда». Дата «Гражданина» указана Достоевским неточно. Ср. стр. 169.

Стр. 158. *Лизавета Кузьминична и дрезденская мадонна.* — Ср. наст. изд., т. XVII, стр. 6, 429.

Стр. 158. (*Лизавета Смердящая).* — В рукописях Достоевского это имя впервые появляется и в дальнейшем неоднократно упоминается в подготовительных материалах к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 137 и др.; т. XVII, стр. 410). Позднее его будет носить персонаж романа «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., т. XV, стр. 416, 541). Ср. запись в следующей тетради (стр. 229).

Стр. 158. *...напрасно Н. М‹ихайловский› сердится за то, что атеисты).* — В рецензии на «Бесов» (*ОЗ*, 1873, № 2) Н. К. Михайловский полемизировал с высказанной в этом романе и очерке «Старые люди» оценкой Белинского, Герцена и представляемого ими исторического типа как людей, которые, «отделясь от народа, ‹...› естественно потеряли и бога, ‹...› стали атеистами» (наст. изд., т. XXI, стр. 9). «Если бы вы не играли словом „бог“, — обращался критик в заключение к Достоевскому, — и ближе познакомились с позоримым вами социализмом, вы убедились бы, что он совпадает с некоторыми, по крайней мере, элементами русской народной правды» (*ОЗ*, 1873, № 2, отд. 2, Современное обозрение, стр. 342). Рецензия и предшествовавшая ей (январская) статья Михайловского оставили у Достоевского устойчивое впечатление о попытке оппонента убедить его в том, что «социализм не атеистичен, ‹...› социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его» (наст. изд., т. XXI, стр. 157). Ср. записи далее, стр. 170, 225.

Стр. 158. *«Голос», № 70, среда, 10 марта...* — В редакционной статье этого номера, озаглавленной «Голос из Америки о среднеазиатском вопросе», говорилось о вышедшей в Нью-Йорке анонимной брошюре «Россия и Англия в Средней Азии. Проблема» («Russia and England in Central Asia. A Problem»), которая призывала установить между Англией и Россией «полное согласие». Газета с одобрением указывала, что автор брошюры находил предосудительными «измышления английской печати относительно мнимых посягательств со стороны России на Индию», и в заключение писала: «Если интересы торговые, общественные и литературные долгое время сближали оба эти государства в Европе, те же интересы могут создать союз их и в Азии ‹...›. Нигде в Европе английская литература не ценится так высоко, как в России». Ср. стр. 443.

Стр. 158. *«Голос», № 71, 11 марта...* — В указанном номере было приведено извлечение из «Современных известий» (1876, 9 марта, № 66), в котором сообщалось, что в уездном городе Симбирской губернии один из выборных деятелей уездного учреждения в пьяном виде высек розгами своего коллегу. Экзекуция была произведена по приговору «суда», устроенного в присутствии, где пьяный чиновник изображал председателя, а взятые с базара мужики — его товарищей, обвинителя и защитника.

В том же номере «Голоса» в отделе «Внутренние известия. Хроника» сообщалось, что в связи с тем, что присяжный поверенный Московского судебного округа Л. Куперник опроверг появившиеся в «Голосе» (№№ 64, 70) и других газетах известия о его скандальном поведении по дороге из Чернигова (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 363—364; заявление Куперника было напечатано в «Голосе», 1876, 10 марта, № 70), редакция послала в Чернигов запрос и получила утвердительный ответ. Ср. стр. 161, 165 и др.

Стр. 158. *Строгая статья о спиритской комиссии.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 368, примеч. к стр. 100.

Стр. 158. *«Новое время», № 12, 11 марта ∾ («Московские ведомости»).* — Об указанных статьях из этого номера см. примеч. к стр. 157.

Стр. 158. *...«Новое время», № 13, пятница, 12 марта...* — Передовая статья указанного номера газеты обращала внимание на телеграмму из Рагузы о перемирии, которое заключили вожди герцеговинского восстания с турецким главнокомандующим для того, чтобы провести переговоры с наместником Далмации (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 358). Газета считала, что решение руководителей восстания было вызвано «угрожающим положением, которое заняли европейские державы и особенно Австро-Венгрия после известной ноты графа Андраши». Газета предлагала Турции во имя «благоразумия» предотвратить восстание, удовлетворяя «хотя по частям» требования христианского населения. Это компромиссное решение Достоевский и характеризует как «смешное». В том же номере в отделе «Листок» сообщалось, что Комиссия для исследования медиумических явлений прекратила свою деятельность. Здесь же цитировалась за-

ключительная часть статьи «Голоса» (1876, 11 марта, № 71), извещавшей о намерении Д. И. Менделеева прочесть публичную лекцию о спиритизме и издать по этому вопросу брошюру. Полемизируя с «Голосом», «Новое время» писало: «Нисколько не сомневаясь в больших знаниях Д. И. Менделеева, мы, однако ж, не думаем, чтобы его лекции и брошюры могли „в значительной степени“ ослабить действительно праздный интерес общества к медиумическим явлениям. К сожалению, тут дело заключается вовсе не в ученых доказательствах, как бы они ни были вески. Оно лежит гораздо глубже и охватывает современного человека, который ни на чем еще не установился окончательно, который еще шатается во всех направлениях и потому падок на всякие увлечения, особенно если последние находят себе поддержку в ученых». Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 368, примеч. к стр. 100.

Стр. 159. *Я сказал, что ждать от народа, от православия. Я указал на Тургенева и проч.* — Достоевский имеет в виду раздел «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 2).

Стр. 159. *Свалившийся и придавивший кирпич («Бесы»).* — См. ч. I, гл. 1 о Шатове: «Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и наполовину совсем уже раздавившим их камнем» (наст. изд., т. X, стр. 27). Эту мысль Достоевский повторил в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 24). Ср. запись далее (стр. 163).

Стр. 159. *Факиры.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 399. Ср. записи далее (наст. том, стр. 161, 167, 169, 194).

Стр. 160. *«Глубокая тишина царила в Европе...* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 393—394. Ср. записи далее (наст. том, стр. 162, 169).

Стр. 160. *...хлебом ли одним.* — Перефразированное библейское изречение: «Не одним хлебом живет человек» (Второзаконие, гл. 8, ст. 3; Евангелие от Матфея, гл. 4, ст. 4, Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 4).

Стр. 160. *...человек не захочет отдать своих стеснений за хлеб...* — Ср. аналогичное рассуждение в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. III, § 2 (наст. изд., т. XXII, стр. 34), в майском выпуске того же года в связи с самоубийством Н. Писаревой, гл. II, § 2 (наст. изд., т. XXIII, стр. 25). Ср. записи далее: стр. 162, 164, 170.

Стр. 160. *Прибыткова.* — Варвара Ивановна Прибыткова, знакомая Достоевских, автор повести «Болезнь нашего времени», убежденная приверженка спиритизма. В марте и апреле 1876 г. она дважды заходила к Достоевским, причем во время второго визита писатель спорил с нею, сказав по поводу ее рассказа об удачном спиритическом сеансе, что это «вздор, ‹...› фантазия, или что-то в этом роде». См.: В. П‹рибытко›ва. Воспоминания о Достоевском. — «Ребус», 1885, № 25, стр. 230—231; № 26, стр. 240—241.

Стр. 161. *Афоризм Прут‹кова›.* — Такого афоризма в сочинениях К. Пруткова нет. См. наст. изд., т. XXII, стр. 337, примеч. к стр. 34.

Стр. 162. *...где этот муравейник?* — О символическом значении у Достоевского образа муравейника см. наст. изд., т. XXIII, стр. 369.

Стр. 162. *Один человек, который следит за этим...* — Речь идет о К. П. Победоносцеве, как указано в записи на стр. 156.

Стр. 162. *Полон чистою любовью...* — Двустишие из стихотворения А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный» по тексту «Сцен из рыцарских времен». Ранее Достоевский цитировал все это стихотворение и дал его интерпретацию в романе «Идиот» (наст. изд., т. VIII, стр. 205—209; т. IX, стр. 402—403); то же двустишие цитировалось в романе «Бесы» (наст. изд., т. X, стр. 226).

Стр. 163. *«Московск‹ие› ведомости», март, 4, № 56 ∾ много вздору.* — Передовая статья указанного номера была посвящена главным образом

брошюре «известного ученого, путешественника и географа» П. А. Чихачева «Шансы мира и войны», изданной в Париже. В статье выделялись те места брошюры, которые, по мнению газеты, содействовали разъяснению восточной политики России. В частности, было приведено утверждение Чихачева, что русские не угрожают английскому владычеству на Востоке. «Точно так же убедительно опровергает г-н Чихачев все тревоги насчет видов России относительно Оттоманской империи». Газета полемизировала с Чихачевым в оценке «современного положения Франции и Германии» и опровергала его предположение, что в случае войны между Германией и Францией последняя может рассчитывать на поддержку России. «В современной Европе никакого антагонизма между Россией и Германией не предусматривается».

Стр. 163. ...*Кириллов*... — персонаж романа «Бесы».

Стр. 163. ...*про Малькова*. — Неустановленное лицо. Ср. запись в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 162).

Стр. 163. *Недоконченные типы. Текущая жизнь, слово Гончарова.* — Имеется в виду, очевидно, различное толкование понятия «тип» Достоевским и Гончаровым при обсуждении ими вопроса об изъятии из очерка «Маленькие картинки», предназначенного для сборника «Складчина», зарисовки священника-«нигилиста» (см. наст. изд., т. XXI, стр. 470—471). Как можно понять из писем Гончарова от 11 и 14 февраля 1874 г., Достоевский в беседе с ним 10 февраля говорил о правомерности изображения в художественном произведении типов, находящихся в процессе становления. Гончаров, предлагавший изъять зарисовку, опирался на представление о типе как о полностью сформировавшемся и четко определившемся явлении: «Вы сами говорите, что „зарождается такой тип“; простите, если я позволю заметить здесь противоречие: если зарождается, то еще это не *тип*. Вам лучше меня известно, что тип слагается из долгих и многих повторений или наслоений явлений и лиц, где подобия тех и других учащаются в течение времени и, наконец, устанавливаются, застывают и делаются знакомыми наблюдателю. Творчество (я разумею творчество объективного художника, как Вы, например) может являться только тогда, по моему мнению, когда жизнь установится; с новою, нарождающеюся жизнию оно не ладит» (*Гончаров*, т. VIII, стр. 457). Выражение «текущая жизнь» Достоевский употреблял еще до этих объяснений с Гончаровым: постоянный отдел «Из текущей жизни» был введен в «Гражданине» начиная с 23 апреля 1873 г. (№ 17). Ранее в очерке «По поводу выставки» (*Гр*, 1873, 26 марта, № 13) Достоевский писал о различии изображения «современной, текущей действительности, которую перечувствовал художник сам лично и видел собственными глазами, в противоположность исторической <...> действительности, которую нельзя видеть собственными глазами и которая изображается не в текущем, а уже в законченном виде» (наст. изд., т. XXI, стр. 76).

Стр. 164. *Маршал Себастьян.* — Анекдот о маршале Себастиани, который имеет в виду здесь Достоевский, рассказан во второй главе мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 95, 365—366). Как видно из настоящей записи, Достоевский первоначально намеревался воспользоваться этим анекдотом для полемики с «западническими» убеждениями Потугина (см. примеч. к стр. 73). Ср. стр. 169, 174, 176.

Стр. 164. *Бремена тяжкие*... — В Евангелии говорится о книжниках и фарисеях, что они «связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плеча людям» (Евангелие от Матфея, гл. 23, ст. 4; ср.: Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 46).

Стр. 165. *Распаль в палате. О любви к ближнему.* — Франсуа Венсен Распайль (1794—1878), французский врач и публицист, участник революций 1830 и 1848 гг., левый республиканец; в 1864 г. был выслан из Франции, вернулся в 1869 г. В 1876 г. Распайль был избран в Палату депутатов, первое заседание которой после выборов открыл он как старейший по летам депутат. В речи, напечатанной в газете «Голос» (1876, 1 марта,

№ 61), Распайль заявил, что после выборов для Франции началась «новая эра, приветствованная громадным большинством при всеобщей подаче голосов. Перед этим могущественным голосом отчизны все партии должны стушеваться и умолкнуть ‹...› Предадим забвению наши внутренние бедствия, забудем все наши разногласия ‹...› все это предписывает нам родина». 21 (н. ст.) марта 1876 г. В. Гюго в Сенате и Распайль в Палате депутатов одновременно внесли законопроект о всеобщей амнистии коммунаров. Русская пресса, следившая еще за подготовкой этого законопроекта (см., например: *Г*, 1876, 24 февраля, № 55; 3 марта, № 63; 5 марта, № 65; 6 марта, № 66; *НВр*, 1876, 4 марта, № 5; 6 марта, № 7; 8 марта, № 9; 10 марта, № 11) напечатала сообщения об этих заседаниях Сената и Палаты депутатов (например: *Г*, 1876, 11 марта, № 71), стенографические отчеты (*Г*, 1876, 15 марта, № 75) и свои комментарии (*Г*, 1876, 16 марта, № 76). Убеждая даровать прощение «раскаявшимся» коммунарам, Распайль апеллировал к христианским чувствам членов Палаты. Когда министр внутренних дел заявил, что правительство будет противиться законопроектам об амнистии, «г-н Распайль во имя человечества, во имя милосердия и прощения взволнованным голосом протестовал против этих жестоких слов» (*НВр*, 1876, 15 марта, № 16; ср.: *СПбВед*, 1876, 31 марта, № 90). Ср. записи далее в тетради (стр. 170) и подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 161).

Стр. 165. *...(г-н Шкляревск‹ий› рука).* — Речь идет о спиритическом трюке «материализации» руки «духа». В статье А. Шкляревского «Критики с того берега» доказывалась невозможность и «немыслимость» подобного явления в свете естественных наук (*РВ*, 1876, № 1, стр. 473—491).

Стр. 165. *«Новое время», № 15, «Церковно-обществ‹енный› вестник» о спиритизме.* — В указанном номере газеты (1876, 14 марта) в отделе «Среди газет и журналов» был напечатан ответ на иронические замечания «Биржевых ведомостей» (1876, 13 марта, № 71) по поводу того, что «Новое время» признало за спиритами право «воюющей стороны». В своем ответе газета ссылалась на статью Т. Световой «Спиритизм в России» («Церковно-общественный вестник», 1876, 12 марта, № 29), где утверждалось, что «спиритизм ‹...› обнаруживает притязание быть в одно и то же время и наукой и религией».

Стр. 165. *«С.-П‹етербургские› ведомости» об священнической одежде.* — Имеется в виду передовая статья «С.-Петербургских ведомостей» (1876, 13 марта, № 72) «Об улучшении быта духовенства». Газета полемизировала с теми, кто выступал за уничтожение традиционных норм деятельности и быта священников, в частности их одежды. Достоевский читал изложение этой статьи в «Новом времени» (1876, 14 марта, № 15) в отделе «Среди газет и журналов». Ср. стр. 167 и запись в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 162).

Стр. 165. *«Голос». Воскресенье, 14 марта, № 74. Монстрюозность сообщений.* — Заметка относится, по-видимому, к сообщениям об убийствах, грабежах, самоубийствах и к скандальной хронике. Литературной критики в указанном номере «Голоса» нет.

Стр. 165. *«Московск‹ие› ведомости», № 65 (13 марта). Передовая статья о герцеговинцах.* — Передовая статья этого номера в связи с вопросом о Герцеговине затрагивала деятельность «Христианской лиги на помощь христианам Турции в Англии». Газета одобряла решение Лиги созвать в Лондоне на митинг «всех, кто желает спасти ‹...› борцов-христиан от тирании», и приветствовала «патрона лиги» лорда Росселя и секретаря Л. Фарлея. Далее в газете говорилось, что Англия оберегала интересы своих капиталистов, имевших крупные капиталы в Турции и получавших «лихвенные проценты [с] помощью системы, угнетавшей христиан».

Стр. 165. *«Биржевые ‹ведомости›», № 72. Воскресенье. О Купернике.* — В указанном номере газеты (1876, 14 марта), в статье Буквы (И. Ф. Василевского) «Наброски и недомолвки», затрагивалась «история» Л. Ку-

перника (ср. примеч. к стр. 158). Автор с негодованием говорил об упорстве, с каким Куперник отказывался от своих поступков.

Стр. 166. *Большой разлад в спиритизме.* — Имеется в виду положительная оценка в фельетоне И. Ф. Василевского в указанном выше номере «Биржевых ведомостей» деятельности Комиссии для исследования медиумических явлений. Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 368—369.

Стр. 166. *«Пострадать хочу!»* — По ходу своих размышлений, отразившихся в предшествующих заметках («Вместо красоты людей ∾ как ни старайтесь»), Достоевский вспомнил, очевидно, услышанный в остроге рассказ о каторжнике, «зачитавшемся в Библии» и покушавшемся убить плац-майора «без злобы, а единственно желая принять муки» (см. наст. изд., т. IV, стр. 29, 197, 282—283). Этот эпизод всплыл в памяти писателя и позднее, когда он работал над октябрьским выпуском «Дневника» за 1876 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 194, 418 и наст. том, стр. 285, 497). Вместе с тем раздумия о «литературе обратной» могли напомнить о второй главе сатирического цикла М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Молчалины» (напечатана в «Отечественных записках», 1874, № 10, под заглавием «Экскурсии в область умеренности и аккуратности»), где Молчалин говорит о своем сыне: «Храбрость в них какая-то нынче завелась! В наше время, бывало, все потихоньку да умненько, чтоб не заметил никто. а нынче он знай себе твердит: пострадать хочу!» (*Салтыков-Щедрин*, т. XII, стр. 31). У Щедрина слова «пострадать хочу» содержат намек на стремление передовой молодежи из имущих классов посвятить себя служению народу, уплатить ему «долг» в соответствии с народническим учением, сформулированным в «Исторических письмах» П. Л. Лаврова (там же, стр. 643).

Стр. 166. *В «Голосе», 15 марта, № 75.* — Передовая статья этого номера «Голоса» приветствовала победу буржуазных республиканцев во Франции на выборах 1876 г.: «Франция приступила к практическому опыту республиканского правления, самому серьёзному из всех опытов, какие она делала до сих пор». Газете особенно импонировал консервативный характер республики, «не устрашающей никого ни во Франции, ни за её пределами». Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 357, примеч. к стр. 84.

Стр. 166. *...j'y suis et j'y reste.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 341—342. Ср. выше, стр. 428, примеч. к стр. 115.

Стр. 166. *Смотр‹и› отмеченные чертой места ∾ сочувствуем свободе.* — Достоевский мог отметить процитированное выше предложение, а также рассуждение о том, что республика представляла «историческую необходимость для Франции»: «Кто немного следил за ходом французских дел в последние пять лет ‹...›, тот знает, что место нынешнего французского правительства может быть занято только коммуной или императорскою диктатурой»; «французская империя — не мир, а возвратившись теперь, она, менее чем когда-нибудь, может возвестить мир европейскому обществу».

Стр. 166. *Гамме ∾ не рассердитесь.* — Запись к ответу на критику февральского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. в «Листке» Гаммы (Г. К. Градовского) (*Г*, 1876, 7 марта, № 56) (см. мартовский выпуск, гл. I, § 1 — наст. изд., т. XXII, стр. 74—75). Ср. записи далее стр. 168, 169.

Стр. 166. *Гамме. Читал о Купернике...* — Эти и ряд следующих записей намечают программу мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. на основе сводки фактов, отмеченных на предыдущих страницах тетради. Далее отражена работа над мартовским номером «Дневника писателя».

Стр. 167. *Читал анекдот о Розене.* — В «Новом времени» (1876, 7 марта, № 8) в отделе «Среди газет и журналов» было перепечатано несколько анекдотов из «Записок барона А. Е. Розена», которые начали печататься в «Отечественных записках» (1876, №№ 2—3). Андрей Евгеньевич Розен (1800—1884) — декабрист, член Северного общества.

Стр. 168. *Офицера Дружинина.* — Александр Васильевич Дружинин (1824—1864), литературный критик, беллетрист и переводчик, редактор «Библиотеки для чтения» в 1850-е годы, по общественно-политическим взглядам — либеральный западник. В молодости был на военной службе. Судя по записи далее (стр. 169), Достоевский упоминает здесь его имя, по всей вероятности, в связи с его повестью «Полинька Сакс» (1847). Герой повести предоставляет жене, увлеченной другим, свободу решения своей судьбы. Получив от мужа развод и выйдя замуж за ветреного и недалекого человека, Полинька сознает, что всегда любила первого мужа, не понимая этого, и вскоре умирает.

Стр. 168. ... *Фадеев*... — См. стр. 401, примеч. к стр. 67.

Стр. 168. ... *даже говорят, что лучше совсем не надо идеалов.* — Имеется в виду Г. К. Градовский и его отзыв о февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 74—75.

Стр. 169. ... *Митрофании*... — См. наст. изд., т. XVII, стр. 392.

Стр. 169. *О титуле королевы Виктории*... — В марте 1876 г. английский парламент принял билль о провозглашении английской королевы императрицей Индии. Этот акт, имевший целью упрочить колониальное господство Англии в Азии, активно комментировался русской прессой как на стадии прений в парламенте, так и после принятия закона. Особо подчеркивалась его антирусская направленность. См., например: *Г.* 1876, 6 марта, № 66; 8 марта, № 68; 11 марта, № 71; 12 марта, № 72, и др.

Стр. 169. *О краже у австрийского посланника.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 400. Ср. записи далее (стр. 173, 178).

Стр. 169. *Пучок Езопов*... — Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 83, 357.

Стр 169. *Москва — 3-й Рим.* — Эта тема бегло затронута в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 7, 358—359). Ср. стр. 181.

Стр. 169. *Петерсон*... —См. наст. изд., т. XXII, стр. 81—83, 356.

Стр. 169. *Выкачивать воздух.* — См. примеч. к стр. 72.

Стр. 170. *Луи Бланы*... — Луи Блан (Blanc) (1811—1882) — французский утопический социалист, историк, журналист, деятель революции 1848 г. Согласно его учению, социализм представляет стадию развития общества, на которой осуществляется принцип братства. В 1871 г. Луи Блан примкнул к противникам Коммуны.

Стр. 170. *Зачем у нас Михайловский. Это закон.* — Имеется в виду оспоренное Н. К. Михайловским убеждение Достоевского в том, что «главную основную сущность» социализма составляет атеизм (см. примеч. к стр. 158).

Стр. 171. *«Москов‹ские› ведомости», № 68, вторн‹ик›, 16 марта. ∾ 1875 год.* — Передовая статья указанного номера газеты характеризовала проект нового закона о паспортах, выработанный специальной комиссией под председательством государственного секретаря Д. М. Соловьева. Газета считала, что «наша паспортная система требует не просто „облегчений“: для нее желательна коренная реформа». Паспортная система, указывала газета, тормозит «промышленное движение», «задерживает успехи народного благосостояния»; «свобода передвижения есть первое условие успешного экономического развития страны, а пока существует круговая порука, община не может допустить ни совершенно беспаспортных отлучек своих членов ‹...›, ни ‹...› облегчений в выдаче паспорта». Ср. стр. 434, примеч. к стр. 131.

Газета сообщала, что в последнем номере английского журнала «Athenaeum» под общим заглавием «Continental literature in 1875» был помещен «ряд статей, посвященных обзору почти всех европейских литератур за истекший год». Отчет о русской литературе написан Евгением Скайлером, переводчиком «Отцов и детей». Приводились отзывы Скайлера о произведениях Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. К. Толстого, Н. И. Костомарова, В. Крестовского (Н. Д. Хвощинской), П. И. Мельникова и Д. В. Аверкиева. Наибольшее внимание было уделено Л. Толстому и Достоевскому.

Оценивая «великий роман» Толстого «Анна Каренина», Скайлер писал: «Великое достоинство графа Толстого заключается в силе нравственного анализа, он показывает нам, как каждое лицо представляет собою смешение добра и зла <...>. Аналитическая манера автора превосходна». «С большим уважением» отозвался Скайлер о «Подростке», «находя в нем появление сильного таланта, но сожалея, что цельности впечатления мешают любовь автора к эпизодам, затемняющим главный сюжет, и слишком длинные рассуждения».

Стр. 171. *...женщина именем Фамарь и член ареопага...* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 70, 386.

Стр. 171. *...мечтателя...* — Очередная запись, связанная с развитием замысла «Мечтатель» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 435—439).

Стр. 172. *«Московские ведомости», № 69, середа, 17 марта ∾ о петербургских газетах.* — В указанном номере газеты в отделе «Последняя почта» были приведены сообщения иностранных газет «Politische Correspondenz», «Allgemeine Zeitung», «Times» и других относительно переговоров о перемирии в Герцеговине и о последних событиях, связанных с герцеговинским восстанием. Здесь же в отделе «Петербургские газеты» давался обзор выступлений «Голоса», «Русского мира», «Биржевых ведомостей», «С.-Петербургских ведомостей» и «Нового времени» по вопросам современной международной и внутренней жизни, и прежде всего о положении в Герцеговине. В обзоре критиковалось выступление «Голоса», выразившего надежду на создание комиссии для разрешения герцеговинского вопроса: «Люди мрут от голода, а им рекомендуют комиссию!».

С одобрением обозреватель отметил выступление «Русского мира» (№ 60, 2 марта) против бюрократии, которая, «к несчастью для славянства», «протянула свою мертвую руку в сферу внешней политики и играет главную роль в герцеговинских делах». Газета утверждала, что не комиссии, не циркуляры и ноты, а только вывод всех турецких войск из Герцеговины и Боснии может привести к положительному решению конфликта. Если Турция не даст согласия на вывод своих войск, то ее необходимо принудить хотя бы и силою оружия.

В «С.-Петербургских ведомостях» газету привлекло указание на «медленность в окончательном освобождении крестьян от обязательных отношений: остается еще таких 29%». В связи с этим «Московские ведомости» высказали «желание о скорейшей реформе податей и налогов; о возможном облегчении переселения крестьян, получивших малые наделы».

«Биржевые ведомости» критиковались за помещение случайных материалов, содержавших непроверенные данные, от которых газета вынуждена была потом отказываться, а также за фельетон Заурядного читателя (А. М. Скабичевского) «Мысли по поводу текущей литературы» (№ 63).

В конце обзора опровергался фельетон А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» (*НВр*, 1876, 29 февраля, № 1), в котором был назван консервативно настроенный гласный полтавского земства Л. М. Позен вместо однофамильца, уже умершего М. П. Позена, находившегося в оппозиции к правительству.

В том же обзоре «Петербургские газеты» излагалось мнение о военных гимназиях «Русского мира» (1876, 29 февраля, № 58), который считал ошибочной военно-учебную реформу, заменившую кадетские корпуса военными гимназиями: «Жалеть о порядках, царствовавших в прежних кадетских корпусах с их исключительно плацпарадными занятиями, — говорилось в «Русском мире», — едва ли кто станет; но что их следовало только улучшить, дать им более современное направление вместо того, чтобы упразднять и заменять военными гимназиями <...>, это тоже едва ли подлежит сомнению». Военные гимназии, по мнению «Русского мира», не могли воспитать «хороших офицеров»; от них можно было «ожидать тех либеральствующих офицеров, которые о своем деле говорят с некоторыми пренебрежениями».

Стр. 172. *Война. Мнение «Московск<их> вед<омостей>» и «Русск<ого> мира». Военный и штатский.* — «Военным» органом Достоевский называет

здесь «Русский мир», «штатским» — «Московские ведомости». О позиции «Московских ведомостей» в вопросе о войне см.: наст. изд., т. XXII, стр. 357, 358. В передовой «Русского мира» (1876, 21 марта, № 79) утверждалось, что славяне Балканского полуострова могут свергнуть турецкое иго лишь вооруженным восстанием, «не нарушая нисколько посторонних для них интересов „европейского мира"».

Стр. 173. *№ 21. «Новое время», 20 марта ∾ либеральное дело.* — В указанном номере газеты в отделе «Среди газет и журналов» цитировалась и в иронических тонах комментировалась большая статья Е. Л. Маркова «Истребление лесов» (*Г*, 1876, март 18—19, №№ 78—79). Ср. стр. 441, примеч. к стр. 156.

Стр. 173. *Константинополь православен...* — Эту мысль Достоевский подробно развивает в разделе «Утопическое понимание истории» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 4 — наст. изд., т. XXIII).

Стр. 173. *...тут восторжествовал Julian Отступник.* — Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 89, 361.

Стр. 173. *Сир Лауренс.* — Из записи в подготовительных материалах (наст. изд., т. XXII, стр. 162) в сопоставлении с текстом «Дневника писателя» (там же, стр. 94) явствует, что имеется в виду сэр Э. Уоткин (о нем см. там же, стр. 363).

Стр. 174. *...изворотливая робость...* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 400. Ср. записи далее, стр. 176, 189.

Стр. 176. *Состав апрельского номера.* — Начиная с этой записи, в тетради идут заметки к апрельскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. Из настоящего плана был осуществлен пункт «Спиритизм» (гл. II, § 3 «Опять только одно словцо о спиритизме» — наст. изд., т. XXII). Пункт «Герцеговинцы и Вост‹очный› вопрос» соответствует частично первому разделу второй главы («Нечто о политических вопросах»); на этом этапе его содержание предполагалось, очевидно, несколько иным, чем в окончательном тексте; мысли, которые Достоевский намеревался в нем развить, записаны в тетради ранее (см. выше, стр. 157, 158, 159, 163, 165, 167, 169, 172). Пункт «Чурила» соответствует давно намечавшейся критической статье о «Дыме» И. С. Тургенева (см. примеч. к стр. 73, 74). О сборнике «Первый шаг» (Казань, 1876) будет идти речь в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 2 «Областное новое слово» — наст. изд., т. XXIII). О развитии замысла «Мечтатель», из которого в апрельском выпуске вырос раздел «Парадоксалист» (гл. II, § 2), см.: наст. изд., т. XVII, стр. 435—439. Ср. более поздний вариант плана (стр. 179—180).

Стр. 176. *...робкой изворотливости...* — Перефразированное выражение «изворотливая робость» (см. выше).

Стр. 176. *Война ∾ сами собой.* — Достоевский развивает здесь и далее мысли, истоки которых отражены в записной тетради 1875 г. Навеянные первоначально чтением книги Прудона «Война и мир», они подвергались корректировке и приняли окончательную форму в «Дневнике писателя» за 1877 г. Ср. наст. изд., т. XXI, стр. 524 и т. XXVI.

Стр. 176—177. *У нас, кстати, лорд Редсток ∾ или почему-то нелиберальным.* — Набросок раздела «Лорд Редсток» мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 2 — наст. изд., т. XXII).

Стр. 177. *Консервировать нечего.* — Ср. наст. изд., т. XXII, стр. 75, 354—355, а также выше, примеч. к стр. 81.

Стр. 177. *Чернышев ∾ еще и поговорим.* — Эти и последующие (стр. 178—179) заметки о молодежи представляют наброски для раздела «Единичные явления» мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 4 (наст. изд., т. XXII, стр. 101—102). Чернышев — неустановленное лицо.

Стр. 178. *В наш век ∾ чем вредна.* — См. примеч. к стр. 176.

Стр. 178. *«Голос», четверг, № 85, 25 марта. Отчет ∾ комиссии.* — В указанном номере под заглавием «От комиссии для исследования медиумических явлений» был опубликован отчет о деятельности этой комис-

сии. См. мартовский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II. § 3 «Словцо об отчете ученой комиссии о спиритических явлениях» (наст. изд., т. XXII).

Стр. 178. *Читал об обществе добродетели...* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 400.

Стр. 178—179. *...Я вас люблю, к чему лукавить...* — Цитата из «Евгения Онегина» (гл. VIII, строфа 47).

Стр. 179. *Да и никогда не простит нам Европа...* — Мысль развита в разделе «Нечто о политических вопросах» апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 1 (наст. изд., т. XXII, стр. 120—122).

Стр. 179. *...валеты...* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 359, примеч. к стр. 8.

Стр. 180. *Авсеенке.* — Этой записью открываются заметки к полемической статье против В. Г. Авсеенко, составившей первую главу апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

Стр. 180. *Но ведь вздыхал же Белинский о том, что Татьяна не дала Онегину...* — В девятой статье о Пушкине Белинский писал: «Вот истинная гордость женской добродетели! Но я другому *отдана*, — именно *отдана*, а не *отдалась*! Вечная верность — *кому* и в *чем*? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовию, в высшей степени безнравственны» (*Белинский*, т. VII, стр. 501). Такой же взгляд на поведение Татьяны Белинский высказал еще ранее, в письме к В. П. Боткину от 4 апреля 1842 г. На это же место из статьи Белинского ссылается в «Братьях Карамазовых» Коля Красоткин в разговоре с Алешей (наст. изд., т. XIV, стр. 501; т. XV, стр. 584). В речи о Пушкине Достоевский дал иное, нежели Белинский, истолкование отказа Татьяны, увидев в нем проявление «чистой русской души», сознающей, что невозможно основать свое счастье на несчастии другого человека. Ср. стр. 186, 189.

Стр. 180. *...вздыхаете же вы, что народ перенес крепостное право с таким глубоким терпением, не отстранился и не проклял царя.* — Так Достоевский истолковывает здесь слова о терпении русского народа в том месте статьи В. Г. Авсеенко, которое цитируется в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 103).

Стр. 180. *Не было ума в литературе до Писемского.* — Достоевский возражает здесь на утверждения, содержавшиеся в статье В. Г. Авсеенко «Комедия общественных нравов. *Комедии, драмы и трагедии* А. Писемского» (*РВ*, 1874, № 10). См. наст. изд., т. XXII, стр. 371—372.

Стр. 180. *...извращение моих слов про народ я не могу простить.* — Имеется в виду истолкование в статье В. Г. Авсеенко слов Достоевского о том, что «народ для нас всех — все еще теория и продолжает стоять загадкой». См. наст. изд., т. XXII. стр. 381, примеч. к стр. 119.

Стр. 180. *...И потом напыщенно учит меня ∞ у меня же взяли.* — Изложив мысли Достоевского о народе, высказанные в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 2), В. Г. Авсеенко писал: «Мы полагаем, что народ наш, не гадательный, а такой, каков он есть на самом деле, в настоящую минуту вовсе не отвратителен, и кто хорошо его понимает, тот не отвернется от него. Чтобы любить народ, нет надобности представлять его себе в виде какого-то мечтательного призрака, созданного литературным художеством; в своей неказистой действительности, в своей темноте и в своем несчастии он обладает многими такими прекрасными качествами, которые гораздо выше приписываемого ему „всеоткрытого ума"» (*РВ*, 1876, № 3, стр. 370). Далее в статье следуют слова, цитируемые Достоевским в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 103).

Стр. 180. *О погружении в народ собственных пустых сосудов.* — «В февральском выпуске своего „Дневника", — писал В. Г. Авсеенко о Достоевском, — он много говорит о народе и о предстоящей нам необходимости погрузить в него свои пустые сосуды» (*РВ*, 1876, № 3, стр. 366).

Далее, возражая Достоевскому, Авсеенко утверждал: «Мы подразумеваем, что вся путаница, в которой увязли многие кричащие теперь о погружении в народ собственных пустых сосудов, — произошла от неправильной постановки вопроса, от смешения двух вещей, которые вовсе не должны быть смешиваемы» (там же, стр. 370). Народ, по мнению Авсеенко, не чужд «стихийных добродетелей», но сознательные и деятельные идеалы он должен заимствовать у «европейски образованного меньшинства» (там же, стр. 375—376).

Стр. 181. ...*решение о пользе?* — Речь идет, по-видимому, об участии «Русского вестника» в полемике 1860-х годов вокруг проблемы отношения искусства к действительности, искусства «утилитарного» и «чистого».

Стр. 181. *Взгляд на преступление (народный)...* — О народном взгляде на преступников как на «несчастных» Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1873 г. (наст. изд., т. XXI, стр. 17—19). Ср. также стр. 182.

Стр. 181. ...*неурядица 1612 года кончилась же нижегородским решением.)* — Речь идет о формировании в Нижнем Новгороде в конце 1611—начале 1612 г. Народного ополчения под руководством земского старосты Кузьмы Минина Сухорука и кн. Д. М. Пожарского и образовании в апреле 1612 г. в Ярославле временного органа власти — Совета всей земли, в котором главную роль играли посадские люди и мелкое служивое дворянство. В результате действий ополчения была 26 октября того же года освобождена Москва, началось массовое движение против польских и шведских интервентов, а в ноябре руководители ополчения разослали грамоты о созыве Земского собора для избрания царя.

Стр. 181. *«Окраины России».* — Ю. Ф. Самарин. Окраины России. Вып. 1—3. Прага, 1868; Берлин, 1871.

Стр. 181. *3-й Рим Москва, а 4-го не будет.* — См. примеч. к стр. 169.

Стр. 181. *Я за роман («Подросток») не в претензии.* — Очевидно, имеется в виду отзыв о «Подростке» в статье В. Г. Авсеенко «Литературное обозрение» (*РВ*, 1876, № 1). См. наст. изд., т. XVII, стр. 355; ср. стр. 423, примеч. к стр. 102.

Стр. 181—185. *Что мы несем из Европы? ∾ камнем в хлебы.* — Записи содержат заметки и наброски не только к первой главе апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., но также и к рассуждениям, которые Достоевский в него не включил, пообещав вернуться к ним в мае (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 119), но продолжив их лишь в июне (гл. II, § 4 «Утопическое понимание истории» — наст. изд., т. XXIII).

Стр. 183. ...*штундизм...* — Об отношении Достоевского к штунде см.: наст. изд., т. XXI, стр. 58—60, 252, 414; т. XXIII, стр. 403—404.

Стр. 183. *Бесспорно глупейшего из писателей.* — Эти слова, по-видимому, относятся к В. Г. Авсеенко.

Стр. 184. *Прочли бы Андрея Критского...* — Андрей Критский (660—720 или 740) — архиепископ о. Крит, проповедник и церковный поэт-гимнолог; особенно известен его «Великий покаянный канон». Ср. стр. 195.

Стр. 185. ***Зачем преследовать штундистов?*** — В конце марта—начале апреля о гонениях на штундистов сообщали «Голос» (1876, 24 марта, № 84), «Новое время» (1876, 3 апреля, № 35), «Биржевые ведомости» (1876, 3 апреля, № 92).

Стр. 185. ...*Белинский же писал ∾ которого вы, Авсеенко, еще так недавно унижали.* — Имеются в виду две статьи В. Г. Авсеенко (обе подписанные криптонимом А.): 1) По поводу одной литературной репутации. А. Пыпин. *В. Г. Белинский.* Опыт биографии (*Вестник Европы*, ‹1874›, №№ 3, 4 и 6). — *РВ*, 1874, № 8, стр. 873—896; 2) Переписка Белинского с друзьями. А. Н. Пыпин. *В. Г. Белинский.* Опыт биографии (*Вестник Европы*, 1874, кн. X—XII). — *РВ*, 1875, № 1, стр. 393—413. Опубликованные А. Н. Пыпиным письма Белинского Авсеенко истолковывал в таком духе, чтобы посмертно дискредитировать великого критика и развенчать его репутацию «„либерала сороковых годов", от которого ведет свое происхождение последующая прогрессивная русская литература» (*РВ*, 1874, № 8, стр. 874). Особенно акцентируя письма периода «прими-

рения с действительностью», Авсеенко утверждал, что «увлечение крайне-консервативными идеями у Белинского далеко не было случайностью, что эти идеи были развиты им в широкую, последовательную систему, во многих случаях буквально совпадавшую с воззрениями Гоголя в его „Переписке с друзьями“, а в иных случаях заходившую значительно далее черты, пред которою останавливался Гоголь». Эти «крайне-консервативные идеи», продолжал Авсеенко, были якобы изложены Белинским «с такою строгою и искусною последовательностью, с какою никогда не удавалось Белинскому развивать и разрабатывать идеи противоположного направления» (там же, стр. 875). Он заявлял, что у Белинского отсутствовали «твердые убеждения», что «вся его пропаганда, во все эпохи его жизни», была «только отражением мнений кружков, давлению которых он попадал поочередно» (там же, стр. 876), и что «существенною чертою в натуре и в литературной деятельности знаменитого критика» был дилетантизм (там же, стр. 883), являвшийся следствием дурного образования. Из этого Авсеенко делал заключение, что «ни в чем Белинский не был так слаб, как в политических воззрениях, и указывать на него как на политический принцип, как на бойца за так называемые освободительные идеи, значит впадать в одно из самых странных заблуждений, когда-либо утвердившихся в нашей журналистике» (там же, стр. 891). Повторив все эти положения и во второй своей статье, Авсеенко объяснил переход Белинского к революционно-демократическим взглядам его «теоретической несостоятельностью», представив дело так, будто бы, поддаваясь частой смене увлечений противоположного характера и горя страстной жаждой авторского успеха, Белинский «случайно наталкивался» на ту или иную систему взглядов и отдавался ей всецело. В этом переходе, по словам Авсеенко, было «очень много увлечения, но чрезвычайно мало чего-либо серьезного <...> Переворот, очевидно, совершился лишь рядом ощущений» (*РВ*, 1875, № 1, стр. 414).

Стр. 186. *Крестовский о чести.* — 29 марта 1876 г. в Петербургском военно-окружном суде слушалось дело поручика запасного эскадрона лейб-гвардии уланского полка, писателя В. В. Крестовского (1840—1895) по обвинению в оскорблении действием присяжного поверенного Соколовского. См. отчеты: *Г*, 1876, 30 марта—4 апреля, №№ 90—95; *НВр*, 1876, 30 марта—6 апреля, №№ 31—36; *МВед*, 1876, 2—10, 16 апреля, №№ 84—88, 94; *СПбВед*, 1876, 30 марта—6, 14 апреля, №№ 89—94, 102. Девятью месяцами раньше, 1 июля 1875 г., Соколовский выступал в суде защитником жены Крестовского, которую сестра последнего, К. Майкова, обвиняла в сожительстве с ее мужем, отставным подпоручиком Г. Майковым. Крестовский, фактический инициатор процесса, демонстративно на нем отсутствовал, но счел себя оскорбленным переданными ему словами Соколовского, который якобы заявил, что «служа где-то в армии, в силу какого-то счастливого и странного случая, он, Крестовский, выплыл в гвардию и здесь стал фигурировать своею мундирною честию и сделался очень щекотлив и щепетилен в отношении своего гвардейского достоинства». На суде было доказано, что Соколовский подобных слов не произносил, чести мундира не затрагивал и что вообще, нанося ему оскорбление, Крестовский под предлогом защиты этой чести преследовал иные цели. Тем не менее в своем заключительном слове Крестовский сказал: «...я в душе останусь глубоко убежден, что я поступил так, как обязан был поступить, иначе я считал бы себя недостойным ни минуты продолжать далее носить эти эполеты. Я обязан защищать их честь и буду защищать пока я жив. Что касается моих взглядов на честь мундира, на мое военное достоинство, то эти взгляды не составляют только моего личного убеждения; надеюсь, их разделяет все русское войско». Признанный виновным, Крестовский был приговорен к двухнедельному аресту на гауптвахте. Главный военный суд, разбиравший кассационную жалобу Крестовского 15 июня 1876 г., оставил приговор в силе (см.: *НВр*, 1876, 16 июня, № 106). Процесс оживленно комментировался в печати, которая в подавляющем большинстве осуждала Крестовского (а в его лице дво-

рянское офицерство и шире — вообще дворянско-консервативную партию) за отстаивание особой, «корпоративной» чести, противопоставленной чести и нравственности остального общества. В защиту Крестовского выступил лишь «Русский мир» (1876, 18 апреля, № 105), утверждавший, что нападки на него печати имеют под собою литературно-политическую подоплеку, имея в виду, очевидно, его «антинигилистические» романы «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874).

Стр. 186. *...у князя Одоевского...* — Достоевский мог иметь здесь в виду не только литературный салон В. Ф. Одоевского, но и отрицательное изображение им большого света в повести «Княжна Мими» (1834).

Стр. 186. *...«Анна Каренина» Льва Толстого...* — Говоря об изображении у Толстого «неискренности в общественных сходках», Достоевский мог иметь в виду, в частности, описание разговоров гостей на свадьбе Левина и Кити (ч. V, гл. 5 — *РВ*, 1876, № 3, стр. 332—337).

Стр. 186. *(Выписка противуречия.)* — Имеются в виду две цитаты из статьи Авсеенко, приведенные в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 103—104).

Стр. 186. *О казанском сборнике...* — В статье «Литературные очерки» (*НВр*, 1876, 8 апреля, № 38), подписанной псевдонимом Фауст Щигровского уезда (С. А. Венгеров), рецензировался «провинциальный литературный сборник» «Первый шаг» (Казань, 1876). Автор полемизировал с напечатанной в сборнике статьей Литератора-обывателя (К. В. Лаврского) «Литературное обозрение», восхвалявшей провинциальную печать. Резкой критике были подвергнуты также «Без вины виноватые» П. Филонова, «Сцены из жизни города Крапивинска» Е. Красноперова. «Дома и в больнице» В. Португалова. Другие произведения сборника были отмечены С. А. Венгеровым с одобрением, например: путевые очерки «От Новочеркасска до Казани» Г. Н. Потанина и «Путевые заметки по нижегородскому Поволжью» А. С. Гациского. Особый интерес, по мнению автора рецензии, представляли опубликованные в сборнике «Воспоминания казанского студента» Л. О. (К. В. Лаврского). О сборнике см. также: наст. изд., т. XXIII, стр. 357.

‹ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ 1876—1877 гг.›

(Стр. 187)

Стр. 187. *Ну, а вы-то, культурные-то вы люди ∾ хороши вы во всем?* — Этой записью открывается в тетради 1876—1877 гг. продолжение начатой в предыдущей тетради серии подготовительных заметок к полемической статье против В. Г. Авсеенко в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.

Стр. 188. *Милорд Георг ∾ отраду русских лакеев.* — Имеется в виду «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы», изданная Матвеем Комаровым в 1782 г. и многократно переиздававшаяся вплоть до 1918 г. Этот роман был одним из самых популярных произведений русской «низовой», лубочной литературы в XIX в.

Стр. 188. *«Голос», № 103. На «Московские ведомости». Письмо Офросимова на жалобу Рюмина о безбожии школ.* — В «Голосе» (1876, 3 февраля, № 34) было помещено письмо рязанского земского деятеля Ф. С. Офросимова о сессии рязанского губернского земского собрания, на которой обсуждался отчет ревизионной комиссии, обследовавшей Александровскую учительскую гимназию и давшей отрицательную оценку ее деятельности. Один из членов комиссии, исправляющий должность губернского предводителя дворянства, Ф. Н. Рюмин «голословно и поголовно обвинил воспитанников ‹...› в антирелигиозном и безнравственном

направлении» и потребовал введения муштровой дисциплины наподобие военно-учебных заведений. Сессия отвергла его обвинения и предложение. Вокруг письма Офросимова разгорелась полемика в «Московских ведомостях» (1876, 10 марта, № 62; 14 марта, № 66; 20 апреля, № 96). Редакция газеты в передовых статьях резко нападала на рязанское земство и ратовала за введение в учительских семинариях жесткой дисциплины и осуществление «строгого и непрерывного воспитательного надзора». С «Московскими ведомостями» полемизировал в своем втором письме Ф. С. Офросимов (*Г*, 1876, 14 апреля, № 103), отвергавший катковскую точку зрения, согласно которой, как он писал, земство намеренно готовит «зловредных пропагандистов» и стремится к низвержению существующего строя. В редакционном вступлении к письму осуждалась позиция «Московских ведомостей» и отмечался «громадный вред, который они наносят делу народного образования».

Стр. 188. *«Московск‹ие› ведом‹ости›», № 91, 13 апр‹еля›. О язычестве в Германии...* — Имеется в виду статья в «Московских ведомостях» (1876. 13 апреля, № 91) «Язычество в Германии по изображению балтийской лютеранской газеты», излагавшая содержание статьи «Язычники (pagani) в Германии» из газеты «Latweeschu Awises». Орган латвийской лютеранской церкви считал «язычеством» введенный с 1 января 1876 г. в Германии закон, уравнивавший церковный и гражданский браки и все другие виды записей актов гражданского состояния.

Стр. 188. *А вы что понимаете в строгом голосе славянофилов? Крадут то у Белинского, то у славянофилов.* — Эта запись могла быть вызвана следующим замечанием из статьи В. Г. Авсеенко, полемически направленным против рассуждения о народе в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.: «Мы хотим как можно скорее вывести народ из неподвижности патриархального быта и в то же время отрицаем культурный склад жизни. Но куда же в таком случае вести народ? Чему и зачем мы будем учить его. если восхищаемся им именно потому, что он не вкусил еще от „гнилых“ плодов цивилизации? Как, наконец, мы будем учить его, если нам сначала следует преклониться перед ним? Славянофилы были гораздо последовательнее — те прямо говорили, что если мы, с нашими культурными пороками, примемся учить народ, то только испортим его. Да и г-н Достоевский не так давно в „Гражданине“, сколько помнится, говорил в том же смысле» (*РВ*, 1876, № 3, стр. 373). Вместе с тем комментируемая заметка могла относиться к словам Авсеенко о вере русского народа. Процитировав их в начале апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 103), Достоевский затем утверждал, что «о вере народной, спасшей Россию», Авсеенко «выписал» у славянофилов без понятия (там же, стр. 113). О «строгости» воззрений славянофилов Достоевский упоминал в подготовительных материалах к январскому выпуску (наст. изд., т. XXII, стр. 143) и в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 31).

Стр. 188. *«Голос» — 13-го апреля — похвала Авсеенке.* — «Похвала» Авсеенко содержится в «Голосе» (1876, 14 апреля, № 103) в статье Л. «По поводу заметки г. Кавелина о Ю. Самарине («Вестник Европы», апрель)», где было приведено то же рассуждение Авсеенко из его статьи «Опять о народности и культурных типах» (*РВ*, 1876, № 3), которое привел и с которым резко полемизировал Достоевский в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 104). Однако автор статьи в «Голосе» принимал высказывания Авсеенко лишь постольку, поскольку они были процитированы в газете в «отвлеченной своей форме», он не был согласен с ними как с выражением взглядов дворянской консервативной партии.

Стр. 188—189. *Состав № апрельского ∾ Коммунизм.* — Из этого плана не были осуществлены первый и два последних пункта. Первый пункт ср. с записями в предыдущей тетради (стр. 133, 158), записями далее (стр. 206, 228) и замыслом романа «Мечтатель» (наст. изд., т. XVII,

стр. 9). Второму пункту соответствует глава I апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.; третьему — глава II, § 1 «Нечто о политических вопросах»; четвертому — глава II, § 3 «Опять только одно словцо о спиритизме»; пятому — глава II, § 2 «Парадоксалист» (об эволюции темы «мечтателя» см.: наст. изд., т. XVII, стр. 435—439).

Стр. 189. *Ответ на мнение о нехарактерности русской истории ∾ период нашествия и проч.* — В еженедельном обзоре «Литературные очерки» (*НВр*, 1876, 15 апреля, № 45) С. А. Венгеров (псевдоним: Фауст Щигровского уезда) выразил мнение о «крайне невыгодном положении русских писателей в сравнении с иностранными». Отметив, что немецкому или французскому автору богатый и интересный материал дает как прошлое его страны, так и современность, он писал: «А у нас что? Какие эпохи дают вам хорошие сюжеты? Из отдаленного прошлого возьмете — ничего интересного, выдающегося. Есть только одна несчастная эпоха, доступная русскому писателю настоящего времени, — это время Иоанна Грозного и самозванцев. Но зато как же ее и эксплуатируют: и Пушкин, и Толстой, и Островский, и множ‹ество› других — все оттуда черпают свой драматический материал. Бытописателю современной жизни совсем плохо приходится — все вокруг него так серо, неинтересно, типы только отрицательные, годные сатирику, но не простому романисту; единственная интересная область — борьба двух поколений в прошлом десятилетии — так уже изъезжена, что на нее давно рукой махнули. Где же брать сюжеты?». В этих условиях С. А. Венгеров рекомендовал русским писателям обратиться к изображению не типов, а характеров и в связи с этим писал: «В русской современной литературе есть один только крупный писатель, который не гонится за типами, а преимущественно разрабатывает характеры, — Достоевский. Его Раскольников не тип, этого, кажется, никто утверждать не станет, а между тем как он завладевает вниманием читателя. Как видите, это очень благодарная почва и, право, хорошо было бы, если наши писатели на ней бы упражнялись больше».

Стр. 189. *Будущая архитектура домов ∾ Коммунизм.* — Аналогичная запись была сделана Достоевским в предыдущей тетради (стр. 180).

Стр. 189. *«Голос», 15 апр‹еля›. Четверг. О китайской истории франко-прусской войны...* — Имеется в виду следующее сообщение «Голоса» (1876, 15 апреля, № 104): «Британскому музею принесена в дар китайская история войны между Францией и Германией в восьми томах». Авторы: Ван-Тау и Чанг Цунг Лпанг.

Стр. 189. *Жупел* — нечто, внушающее ужас; слово церковнославянского происхождения (первоначально означавшее «горящая сера»), ставшее крылатым после постановки драмы А. Н. Островского «Тяжелые дни» (1862) (см. подробно: наст. изд., т. XV, стр. 601—602).

Стр. 189. *«Новое время», 15 апреля. Передовая о герцеговинцах, № 45.* — В передовой статье «Нового времени» (1876, 15 апреля, № 45) «Какой выход из настоящего положения Восточного вопроса?» декларировалась необходимость реального улучшения положения турецких христиан. Утверждая, что в рамках проекта Андраши (см. наст. изд., т. XXII, стр. 357—358) невозможно заставить Турцию осуществить реформы в интересах славянского населения и сохранить в Европе мир, газета предлагала «искать новых комбинаций». Первым шагом она предлагала предоставление Боснии и Герцеговине автономии под покровительством великих держав.

Стр. 189. *План статьи о герцеговинцах ∾ неспособность к войне России?* — В апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. этот план был осуществлен частично (гл. II, § 1, см. наст. изд., т. XXII, стр. 120—121). Ср. стр. 187.

Стр. 189. *«Русский мир» об изворотливой робости.* — См. примеч. к стр. 174.

Стр. 189. *Замечание князю Мещерскому «Церковно-общественного вестника» (о недостаточности жалования духовенс‹тву›).* — В «Новом времени» (1876, 15 апреля, № 45) в обзоре «Среди газет и журналов» при-

водится ответ «Церковно-общественного вестника» «Гражданину», но о недостаточности жалованья духовенству в нем ничего не говорится.

Стр. 189. *Насчет лорда Редстока.* — О Редстоке Достоевский писал в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 2 (наст. изд., т. XXII, стр. 98—99). Данная запись связана с заметкой в разделе «Среди газет и журналов» «Нового времени» (1876, 15 апреля, № 45), в которой излагалось содержание статьи И. С. Беллюстина «Алчущие и жаждущие» («Церковно-общественный вестник», 1876, 14 апреля, № 40, стр. 3—5) о причинах популярности в России Редстока и различных сектантских проповедников. Полемизируя с точкой зрения «Гражданина», И. С. Беллюстин считал основною причиною этого явления разлад между паствою и православными священниками, которые не удовлетворяли «религиозную потребность общества» и не были способны учить прихожан, так как сами плохо понимали «не только внутреннее значение таинств, но просто самых обыкновенных церковных песнопений».

Стр. 189. *Корреспонденция об обиде раскольнику в Пензе...* — В корреспонденции из Пензы (*Г*, 1876, 15 апреля, № 104) сообщалось о том, что в селе Паима Чембарского уезда священник И. Невестин, осматривая в присутствии пристава и понятых старообрядческую молельню Д. И. Болотова, «сорвал и бросил на пол повешенные на храме св. иконы, причем выразился крайне резко и неприлично», а также взял из молельни ряд ценных вещей.

Шалыган — шалопай, вздорный человек, бездельник.

Стр. 189—190. *...гимназисты, убившие мужиков.* — См. наст. изд., т. XII, стр. 317—318.

Стр. 190. *Ананий Яковлев.* — Главное действующее лицо в драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» (1859). О нем много говорится в статье В. Г. Авсеенко «Комедия общественных нравов» (*РВ*, 1874, № 10), с которой Достоевский полемизировал в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 2 «Культурные типики. Повредившиеся люди»).

Стр. 190. *Застрелившийся в Останкине учитель...* — «Московские ведомости» (1876, 17 мая, № 122) сообщили о самоубийстве Г. М. Холмогорова, имевшего звание сельского учителя и служившего в правлении Московско-Рязанской железной дороги. Достоевского могла заинтересовать в этом сообщении записка самоубийцы: «Застрелился потому, что не умею грабить», и объяснение автора заметки, что Холмогоров «имел странный характер и называл всякие побочные средства к жизни грабежом».

Стр. 190. *Окончательный состав апрельского №.* — Из перечисленных далее пунктов плана в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. не были осуществлены вторая часть первого пункта (осуществлена во второй главе июньского выпуска) и пункты 4—5. Пункты 3 и 6 нашли отражение в гл. II, § 2 «Парадоксалист», но свое намерение написать биографию «мечтателя» («парадоксалиста») Достоевский не выполнил (подробно см.: наст. изд., т. XVII, стр. 437—438). Пятый пункт, который в сознании Достоевского был связан с шестым, ср. с записями в предыдущей тетради (стр. 156, 157, 158).

Стр. 191. *Иные военачальники еще в 30-х годах ругали солдат такими словами...* — Эту мысль Достоевский развил в майско-июньском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 2 «Об анонимных ругательных письмах» — наст. изд., т. XXV).

Стр. 191. *Пестель. Засекал людей...* — Источником этого не соответствующего действительности утверждения был, возможно, очерк Д. Кропотова «Из биографии графа Михаила Николаевича Муравьева», где о Пестеле говорилось: «...для возбуждения в нижних чинах своего полка неудовольствия против императора Александра I он подвергал их жесточайшим наказаниям, при которых обыкновенно изъявлял притворное сожаление к истязуемым, уверяя их, будто жестокость ему предписана свыше. „Пусть думают, — говорил он, — что не мы, а высшее начальство и сам государь причиною излишней строгости“» (*РВ*, 1874, № 1, стр. 63).

Стр. 191. *Victor Hugo — историческая необходимость (Louis XVII).* — См. стр. 437—438, примеч. к стр. 137.

Стр. 191. *...с хищным типом...* — Разделение людей в жизни и в литературе на два типа — хищный и смирный — развивалось в русской критике А. А. Григорьевым и от него было усвоено Достоевским. К образу «хищного типа» Достоевский обращался в рассказе «Вечный муж», полемизируя с А. А. Григорьевым и Н. Н. Страховым (см. наст. изд., т. IX, стр. 479); «хищный тип» он разрабатывал и в подготовительных материалах к «Подростку» (см. наст. изд., т. XVII, стр. 267—269).

Стр. 191. *А.* — криптоним В. Г. Авсеенко, которым, в частности, подписана статья, с которой полемизирует здесь Достоевский.

Стр. 191. *Правило крови и железа...* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 359—360.

Стр. 191. *...монахи убивают друг друга.* — В подготовительных материалах к «Подростку» содержится запись, сделанная в Эмсе в июне 1875 г.: «О том, как святые иноки убили еще инока» (наст. изд., т. XVI, стр. 346). В 1875 г. огласку приобрело подобное преступление послушников Федоровского монастыря, совершенное 8 февраля (см., например: *Г*, 1875, 17 мая, № 135); дело слушалось 15 ноября того же года в Казанском окружном суде, сообщения о процессе появились в газетах позднее (*ПВ*. 1876, январь 6, 9—11, №№ 4, 6—8; *РМ*. 1876, 24 января, № 23). В «Провинциальном обозрении» «Голоса» (1875, 15 марта, № 74) рассказывалось о том, что в одном из монастырей братия убила строгого надзирателя.

Стр. 191. *Из «Голоса», № 105, 16 апреля... «Позаботились ли мы» и т. д.* — В указанном номере «Голоса» нет материалов, которые можно было бы поставить в связь с данной записью.

Стр. 194. *...как велел Потугин.* — Имеется в виду отзыв Потугина о проекте судебной реформы: «Я вот сейчас вычитал в газете проект о судебных преобразованиях в России и с истинным удовольствием вижу, что и у нас хватились, наконец, ума-разума и не намерены более, под предлогом самостоятельности там, народности или оригинальности, к чистой и ясной европейской логике прицеплять доморощенный хвостик, а, напротив, берут хорошее чужое целиком» (*Тургенев, Сочинения*, т. IX, стр. 230).

Стр. 194. *Вам, как факиру, — росток в 18 дюймов в 20 минут.* — См. примеч. к стр. 159.

Стр. 194—195. *Стань всем слуга.* ∾ *Вот моя утопия!* — Мысли этих заметок были подробно развиты во второй главе июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (§ 3 «Восточный вопрос» и § 4 «Утопическое понимание истории» — наст. изд., т. XXIII).

Стр. 195. *Прочтите биографию Петрова...* — Очевидно, имеется в виду статья М. Иванова «О. А. Петров» в «Новом времени» (1876, 18 апреля, № 48) о знаменитом певце Осипе Афанасьевиче Петрове (1807—1878). Автор ее пишет об интересе к музыке и пению, проявившемся еще в детстве артиста, упорстве и добросовестности, с какими отдавался он изучению любимого искусства. Статья была напечатана в связи с отмечавшимся в те дни пятидесятилетием сценической деятельности О. А. Петрова.

Стр. 195. *«Голос», № 108.* ∾ *Джон Тиндаль о спиритизме.* — В «Голосе» (1876, 19 апреля, № 108) была напечатана рецензия на русский перевод книги Д. Тиндаля (1820—1893), английского физика и известного популяризатора физических знаний, «Очерки из естественных наук» (Пер. с нем. СПб., 1876). В рецензии подробно пересказывалась статья Тиндаля «Духи и наука», в которой разоблачались шарлатанские проделки спиритов. Внимание Достоевского могла, в частности, привлечь следующая цитата из книги, приведенная в рецензии: «Современные приверженцы спиритизма делятся на два класса, из которых один не допускает никаких доказательств; по отношению же к другому доказательства также бесполезны. Жертвы хотят верить и не желают быть выведенными из

заблуждения. Наука совершенно бессильна против такого умственного настроения. Сверх того, это состояние сопровождается обыкновенно мелочностью и способностью измышлять гипотезы; для того, чтобы сделать эти гипотезы вполне несокрушимыми, достаточно *упорства* сильного убеждения или же *наглой лжи*».

Стр. 195. ...*не Тернера*. — См. примеч. к стр. 206.

Стр. 195. *У Победоносцева, аще в девятый час*. — Из «Слова на св. Пасху» Иоанна Златоуста: «Аще кто лишися и девятого часа. да приступит, ничтоже сумняся, ничтоже бояся» (Пентикостарион, спречь пятидесятница (Триодь цветная). М., 1893, с. 16). Судя по этой записи, на пасху, которая в 1876 г. приходилась на 4 апреля, Достоевский был у Победоносцева. Слово Иоанна Златоуста Достоевский вспоминает в тетради еще несколько раз (см. записи далее. стр. 202, 205). Ср. наст. изд., т. XV, стр. 243, 613.

Стр. 195. *Прочтите «Канон» Андр‹ея› Критского*... — См. примеч. к стр. 184.

Стр. 195. *Дуэль*... — Настоящая запись, продолжающая заметки на сходные темы в предыдущей тетради (см. примеч. к стр. 102). связана, возможно. с чтением отчета о процессе В. В. Крестовского (см. примеч. к стр. 186). Военный прокурор и присяжный поверенный В. Д. Спасович, защищавший Соколовского, указывали, что, коль скоро Крестовский счел себя оскорбленным, он мог прибегнуть к дуэли, чтобы защитить свою честь.

Стр. 197. *Мы видим доблесть в даре одно худое видеть*... — Перефразированная цитата из басни И. А. Крылова «Свинья» (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 371, примеч. к стр. 104).

Стр. 197. ...*но прибавлю словцо об женщинах. Я сказал выше, что в женщинах наша надежда*. — Эта тема получила развитие в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. гл. II, § 3 «Несомненный демократизм. Женщины» (наст. изд.. т. XXIII, стр. 28—29).

Стр. 197. *Если я сказал, что демос спокоен* ∞ *нигде там нет ничего бескорыстнее нашего демократа*. — Эта тема вошла в тот же раздел майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., что и предыдущая.

Стр. 197. *Это спасение в расширении идеи русской*. — О «расширении русской московской идеи» Достоевский говорит в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 4 «Утопическое понимание истории» (наст. изд., т. XXIII, стр. 46—47).

Стр. 198. *Потому-то я и сказал, что воздыхает*... — См. наст. изд., т. XXII, стр. 41.

Стр. 198. *Даже братья славяне* ∞ *самые подозрительные*. — Об отношении Достоевского к славянскому вопросу и о несовпадении национально-освободительных идеалов балканских славян и политики царизма см. стр. 433. Ср. «Дневник писателя» 1877 г., ноябрь, гл. II, § 3 и примеч. к нему.

Стр. 198. *Заключительные слова Авсеенки*... — Речь идет о заключительной фразе обширной цитаты, которую привел из статьи В. Г. Авсеенко Фауст Щигровского уезда (С. А. Венгеров) в очередном еженедельном обозрении «Литературные очерки» (*НВр*, 1876, 22 апреля, № 52). С этими словами Авсеенко полемизировал Достоевский в конце первой главы апрельского выпуска «Дневник писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 119).

Стр. 199. *Победоносцев*. — Здесь упоминается в связи с советом, который он дал Достоевскому, не писать о спиритическом сеансе у А. Н. Аксакова 13 февраля 1876 г. (см. наст. изд., т. XXII, стр. 127).

Стр. 199. *Церебрация*. — Теория «бессознательной церебрации» (мозговой деятельности) английского естествоиспытателя и физиолога У. Б. Карпентера (Carpenter, 1813—1885) объясняла «диалогические». по определению А. М. Бутлерова, медиумические явления (стуки, складывающиеся в слова и фразы; поднятие в воздух предметов определенным образом, заданное число раз или в заданном порядке, и т. п.) как «отра-

жение впечатлений и мыслей, хотя бы не сознаваемых присутствующими, но принадлежащих им» (А. М. Бутлеров. Медиумические явления. — *РВ*, 1875, № 11, стр. 327). Достоевский читал статью А. М. Бутлерова, о чем сообщал Н. П. Вагнеру в письме от 21 декабря 1875 г.

Стр. 199. *Под столом органчики.* — Очевидно, имеется в виду следующий трюк с гармонией, описанный Н. С. Лесковым: «Гармония (от которой сначала оторвали ремешок) была опущена под стол пр‹оф›. Бутлеровым и издала несколько звуков. Бутлеров держал ее *одною рукою* за нижнюю деку. Гармонию эту сжимать и раздвигать *одною рукою невозможно*; точно так же, как невозможно и придавливать ее клапанов на противоположной деке иначе, как *пальцами* другой руки. В руке Ф. М. Достоевского гармония не издала *ни одного звука...*» (*Гр*, 1876, 29 февраля, № 9, стр. 255).

Стр. 200. *Не как Писарева...* — О самоубийстве Писаревой говорится в разделе «Одна несоответственная идея» майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 2 — наст. изд., т. XXIII, стр. 24—26).

Стр. 201—202. *Но по неимению фактических доказательств ∾ уклонялся от уплаты под разными предлогами.* — Заметки к разделу «За умершего» апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 4). Многие из них в окончательный текст не вошли.

Брата никто не мог потребовать к себе. — Запись связана с фразой из некролога А. П. Щапова: «...он ‹Щапов› вышел из себя, попросил к себе Достоевского...» (см. наст. изд., т. XXII, стр. 132).

Брат не имел историй в судах ∾ Благосветлову. — В журнале «Русское слово» (1864, № 2, 11, 12), редактором которого был Г. Е. Благосветлов, был напечатан перевод романа Ф. Шпильгагена «Два поколения». Через пять лет Благосветлов продал право на переиздание книгопродавцу Шигину. Переводчица Е. И. Конради (1838—1898) предъявила Благосветлову иск о выплате ей за второе издание гонорара в сумме 1540 руб., а за вычетом издержек на печатание — 820 руб. Суд удовлетворил иск (*СПбВед*, 1871, 14 февраля, № 45).

Потом я читал, как собственник-социалист писал хвалебные вещи о возвышении цены квартир. — Имеется в виду статья «Квартирный вопрос на Западе и у нас» («Дело», 1873, №№ 5, 7—8; подпись: Н. Н.), по поводу которой Достоевский иронизировал и раньше (см. наст. изд., т. XVII, стр. 20, 451). Г. Е. Благосветлову принадлежал в Петербурге дом на углу Надеждинской (ныне Маяковского) ул. и Манежного пер. К теме литераторов, наживших «либерализмом» собственные дома, Достоевский возвращался неоднократно, имея в виду кроме Г. Е. Благосветлова также А. А. Краевского. См. наст. изд., т. X, стр. 22; т. XII, стр. 284; т. XIV, стр. 77; т. XV, стр. 539. Ср. стр. 246, 247.

Расширить взгляда своего ∾ бродил в нем лишь ощупью. — Запись относится к А. П. Щапову.

Сущность передачи этих двух мировых поэтов. — Речь идет о переводах произведений Гете и Шиллера, принадлежащих М. М. Достоевскому.

Стр. 202—203. *Не то поражает ∾ в этот уголок все сбежались, всякие.* — Эти заметки о спиритизме в текст «Дневника писателя» за 1876 г. не вошли.

Где, смерть, твое жало, где, аде, победа? — Цитата из «Слова на св. Пасху» Иоанна Златоуста (ср.: Пентикостарион, сиречь пятидесятница (Триодь цветная). М., 1893, стр. 17).

...от проникновения духом Христа, объявившего проклятие блудникам и тут же простившего блудницу... — Имеется в виду притча о Христе и блуднице (Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 2—11). См. подробно: наст. изд., т. XXIII, стр. 360, примеч. к стр. 16.

Ничтоже сумняшеся — не сомневаясь. Ставшее крылатым выражение из Соборного послания апостола Иакова (гл. 1, ст. 6); оно встречается в «Слове на св. Пасху» Иоанна Златоуста (см. примеч. к стр. 195).

Стр. 203. *Апрель. Глава первая ∾ За умершего.* — Оглавление апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

Стр. 203. *«Новое время», № 56. О спиритизме.* — Имеется в виду статья Н. Летанина «Первая лекция г-на Менделеева о спиритизме» (*НВр,* 1876, 26 апреля, № 56). См. наст. изд., т. XXII, стр. 384—385, примеч. к стр. 129.

Стр. 203—205. *Почему все русские, культурясь в Европе ∾ взятую как идеал России.* — Начальная запись в серии заметок и набросков, использованных впоследствии в разделах «Мой парадокс» и «Вывод из парадокса» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, §§ 1—2). В последующих заметках эта тема часто формулируется словами «правой, левой» и т. п. Ср. стр. 206, 208, 210, 211, 212. 213, 214 и др.

...даже с императрицы ‹начиная›... — Имеется в виду Екатерина II.

Миллер провозгласил славянофильское учение народным. — Достоевский, очевидно, имеет в виду одно из положений речи, произнесенной 11 мая 1876 г. на заседании Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета видным его деятелем профессором Петербургского университета, фольклористом и историком русской литературы О. Ф. Миллером (1833—1889). Отметив роль, которую сыграло в формировании славянофильства восприятие учения Гегеля о смене ведущих национальных культур, Миллер указал «и другой, уже чисто домашний источник, сказавшийся еще в XVIII в.»: «...это вполне разумное сознание всех нелепых крайностей нашего подражательного периода ‹...› и чувство неудовлетворенности его практическими результатами ‹...› Гегельянство только дало своеобразный толчок и придало особый оттенок (а вместе с тем и санкцию со стороны европейской же мудрости) направлению, которое давно уже просачивалось у нас в виде самобытного родника» («Неделя», 1876, 27 июня, № 19, стр. 621). Комментируемая заметка находится в тетради среди апрельских записей, но по месту ее положения на листе рукописи можно предположить, что она сделана позднее. В кратком отчете о заседании (*НВр,* 1876, 13 мая, № 73) этот тезис речи не освещался; полный текст речи был опубликован в «Неделе» лишь в конце июня—начале августа. По-видимому, Достоевский присутствовал на заседании. Ср. запись на стр. 210; о Миллере см. также: наст. изд., т. XVII, стр. 395.

Стр. 205. *Кончат посудой.* — Эта мысль, несколько раз повторяющаяся в данной тетради (стр. 214, 220 и др.) и мельком использованная в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 46), развита подробно в январском выпуске за 1877 г. (гл. I, § 2 «Миражи. Штунда и Гедстокисты» — наст изд., т. XXV).

Стр. 205—206. *Какую несем драгоценность народу ∾ (всемирной души, женской).* — Запись связана с предполагавшимся продолжением первой главы апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., которое Достоевский обещал в ее заключительных строках (наст. изд., т. XXII, стр. 119). О «драгоценности», которую Достоевский видел в «расширении взгляда», происшедшем после реформ Петра I, он писал в разделе «Утопическое понимание истории» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 4 — наст. изд., т. XXIII). Ср. стр. 196, 206, 210, 214, 218 и др.

«Новое время», 24 апреля ∾ О пьянстве Щапова. — В отделе «Среди газет и журналов» «Нового времени» (1876, 24 апреля, № 54) приводилась выдержка из напечатанного в журнале «Дело» (1876, апрель, с. 149—160 второй пагинации) некролога Щапова, в котором говорилось о том, что Щапов под влиянием алкоголя часто впадал в депрессию и белую горячку.

...laissez-faire). — Первая часть ставшего крылатым выражением лозунга французских экономистов-физиократов XVIII в., сформулировавших словами laissez-faire, laissez passer требование свободы экономической деятельности, отвечавшее интересам третьего сословия. Комментируемая фраза имеет еще более раннее происхождение. Еще в XVII в. один французский промышленник, отвечая на вопрос, что нужно для развития промышленности, сказал: «Laissez nous faire» (дайте нам свободу действий).

Как крылатое выражение, фраза утратила свой исходный экономический смысл.

Антокольский и белоручка Петр. — Речь идет о статуе Петра I (1872) работы М. М. Антокольского.

Стр. 206. *Письмо помещика...* — По-видимому, речь идет об упоминаемом в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 3 «Несомненный демократизм. Женщины» — наст. изд., т. XXIII, стр. 27, 363) «одном письме одного корреспондента», в котором оспаривалось утверждение Достоевского о том, что «демос доволен». Очевидно, к этому же письму относятся записи далее: «Письмо о идущих в народ» (стр. 206, 210), «Письмо о молодежи в народ» (стр. 213, 214) и «Ответ корреспонденту о демосе (в народ)» (стр. 219).

Стр. 206. *...Тернер и Янышев...* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 415.

Стр. 206. *...православие-то и есть та вера, про которую сказано: не знаете, какого вы духа.* — Согласно евангельской легенде, апостолы предложили Христу истребить огнем с неба самарянское селение, в котором его не приняли, «но он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо сын человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» (Евангелие от Луки, гл. 9, ст. 55—56). На эти слова опирался в своем докладе Тернер, и они цитировались в отчетах «Голоса» (1876, 16 марта, № 76; 18 марта, № 78).

Стр. 206. *...будь всем слуга...* — Перефразированное евангельское изречение (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 375, примеч. к стр. 47).

Стр. 206. *Майский №.* — Из указанных здесь и в вариантах на полях пунктов осуществлены в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. следующие: Воспитательный дом, аффект. Женщины. Каирова. Демос доволен (гл. II, § 3).

Стр. 206. *Игуменья Митрофания.* — См. наст. изд., т. XVII, стр. 392.

Стр. 206. *Письмо о жидах.* — Сохранились три анонимных письма к Достоевскому от одного и того же неустановленного лица из Москвы (12 мая и 6 июля 1876 г., 12 апреля 1877 г.) по еврейскому вопросу (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29951. CCXIб.15).

Стр. 206. *Смерть унт‹ер›-офицера Данилова.* — В газете «Голос» (1876, 28 апреля, № 117) со ссылкою на «Русский инвалид» (1876, 27 апреля, № 90) сообщалось о судьбе одного из участников военных действий в Средней Азии, унтер-офицера Фомы Данилова, в ноябре 1875 г. взятого в плен и за отказ принять мусульманство расстрелянного по приказанию Пулат-хана. Подробности его смерти стали известны только в апреле 1876 г. после дознания, проведенного генерал-майором Скобелевым. О подвиге Фомы Данилова со ссылкой на тот же источник, что и «Голос», известили и другие газеты (см., например: *НВр*, 1876, 29 апреля, № 59; *МВед*, 1876, 29 апреля, № 105; *СПбВед*, 1876, 28 апреля, № 116; *Гр*, 1876, 9 мая, № 15, стр. 399). Достоевский писал о Фоме Данилове в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 3 «Фома Данилов, замученный русский герой» — наст. изд., т. XXV) и в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 117).

Стр. 206. *Юбилей Петрова...* — 21 апреля 1876 г. состоялся бенефисный спектакль О. А. Петрова (см. примеч. к стр. 195), а 23 апреля торжественное чествование певца в Консерватории. См.: *НВр*, 1876, 22 апреля, № 52 (этот номер отмечен в настоящей тетради, см. стр. 198); 23 апреля, № 53; 25 апреля, № 55.

Стр. 206—207. *Дело Каировой. Заключение в «Новом времени», № 60, пятница, 30 апреля ∾ для правды общественной.* — Этой записью начинаются заметки к первой главе майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., посвященной процессу А. В. Каировой (1845—1888). В указанном номере «Нового времени» было напечатано продолжение отчета о процессе, которое Достоевский называет заключением, очевидно, потому, что здесь же, «отлагая отчет о прениях сторон до следующего нумера», был сообщен вердикт присяжных и приговор. Эта часть отчета содержала допрос свидетелей и медицинских экспертов для установления умственной

полноценности и психического состояния Каировой. Передовая статья также была посвящена процессу Каировой; в ней давалась положительная оценка вердикта присяжных.

Дело имело скандальную сторону, которую газеты скрыли, но Достоевский не мог не знать: Каирова была гражданской женой известного драматурга и журналиста Ф. А. Конп, у них было двое детей. После оправдания она вскоре уехала на Балканы; ее корреспонденции о сербо-черногорско-турецкой войне печатались в «Новом времени», а затем, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., — в «Голосе». Впоследствии Каирова сотрудничала во многих периодических изданиях. См.: Ф. А. Кони. Письма к А. В. Каировой. Публ. Е. В. Свиясова. — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. Л., 1977, с. 133—141.

Аффект! Помилуйте ∞ *Наклонность к лунатизму значит.* — В передовой статье указанного выше номера «Нового времени» говорилось по поводу вердикта присяжных заседателей: «...присяжные, как представители общества, не могли оставить без внимания и того, что все значительные преступления, как, например, убийства, совершаются не иначе, как в состоянии аффекта, т. е. такого сильного душевного волнения, движения чувства, которое потрясает весь организм человека и отражается во всех его проявлениях; а между тем еще до сих пор все такие преступления караются наказанием, а не больницею душевнобольных. Присяжные не могли не рассудить также и того, что ежели, как говорили эксперты, сумасшествие, преступность, пьянство отцов и матерей имеют гибельное, часто неотразимое влияние на детей, то почему же не исследуется всякий раз и по каждому делу одинаково тщательно вопрос о душевном состоянии подсудимого; иначе является не для всех одинаковая справедливость, одинаковая мера возмездия за совершенное преступление». Полемикой с отчетом и этими утверждениями «Нового времени» вызваны многочисленные последующие записи и заметки об аффекте. Ср.: наст. изд., т. XV, стр. 587—588.

(В семье, дескать, пьяницы были... — Факт из биографии Каировой, о котором говорили эксперты.

«Она сама себя высекла.» — Слова Городничего из «Ревизора» Н. В. Гоголя (д. IV, явл. 15): «Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу врет. Она сама себя высекла».

У нас журналы хвалят такой приговор. — Имеется в виду отзыв «Нового времени» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 355). Журнал — здесь в значении «газета».

Стр. 207. *Буйство Иероглифова у Базунова.* — В «Судебной хронике» «Нового времени» (1876, 4 мая, № 64) было напечатано сообщение о разборе у мирового судьи дела А. С. Гиероглифова, который 17 апреля устроил скандал в книжном магазине Базунова, обругав его приказчиков нецензурно и разбив стекла в двери. Александр Степанович Гиероглифов (1824 или 1825—1900) редактировал в 1875—1876 гг. журнал «Пчела» и в связи с этим изданием имел деловые отношения с А. Ф. Базуновым, обанкротившимся и убежавшим за границу (ср. примеч. к стр. 132).

Стр. 207. *Г-н Григорович* ∞ *Точно так он теперь и искусству.* — В перефразированном виде эта мысль использована в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 2 и гл. III, § 2 (наст. изд., т. XXIII, стр. 70, 80—81). Ср. записи далее (стр. 219, 246). С начала 1860-х годов Д. В. Григорович почти прекратил литературную деятельность, работая секретарем Общества поощрения художеств.

Стр. 207. *«Новое время» № 66, 6-го мая, о женском вопросе.* — Статья «Женщина и наука», сочувственно освещавшая вопрос о специальном высшем образовании для женщин. См. подробно: наст. изд., т. XXIII, стр. 363—364, примеч. к стр. 28—29.

Стр. 207. *Штундизм (прозелитизм). «Новое время» от 12 мая...* — В указанном номере «Нового времени» (1876. 12 мая, № 72) материалов о штундизме нет. Мысль о перерождении штунды в хлыстовщину Достоев-

ский развил в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. I, § 2 «Миражи. Штунда и редстокисты» — наст. изд., т. XXV). О хлыстовщине см.: наст. изд., т. IX, с. 515—517.

Прозелитизм. — Стремление распространить свою веру, горячая преданность вновь принятому учению.

Стр. 208. ... *вот птенцы моего гнезда.* — Перефразированное выражение из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (песнь III, строки 207—208):

За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова...

Стр. 208. *Империя, после турков* ∾ *тогда всё понятно.* — Запись, связанная, очевидно, с размышлениями, вылившимися впоследствии в раздел «Утопическое понимание истории» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 4 — наст. изд., т. XXIII).

Стр. 208. *С православием мы выставляем...* — Эта мысль получила развитие в разделе «Утопическое понимание истории» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II. § 4 — наст. изд., т. XXIII).

Стр. 208. ... *прокурора Случевского.* — Владимир Константинович Случевский (1844—1926), прокурор окружного суда в Петербурге; выступал обвинителем по делу Каировой.

Стр. 209. *Жалеть Каирову и смеяться над Великановой — не значит проявить милосердие.* — Имеются в виду следующие слова из речи Утина, приведенные в отчете: «Относительно поведения Великановой г-н защитник высказал, что она именуется жертвою преступления. К сожалению, она не явилась и прислала медицинское свидетельство о болезни. Но если бы она явилась, то это свидетельство потеряло бы всякий смысл, потому что присяжные увидели бы здоровую, сильную, красивую женщину» (*НВр*, 1876, 2 мая, № 62). Ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 17.

Стр. 210. *Выбросила падчерицу.* — «Новое время» (1876, 13 мая, № 73) сообщало в отделе «Городская хроника» о Екатерине Корниловой, выбросившей из окна четвертого этажа свою падчерицу, шестилетнюю девочку (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 19, 360—361). Ср. записи далее (стр. 213, 276, 303 и др.).

Стр. 210. *Ложь и фальшь.* — Здесь начинаются заметки к разделу «Нечто об одном здании. Соответственные мысли» майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 1 (наст. изд., т. XXIII).

Стр. 210. *Карикатуры, бесспорно заслуженные.* — Имеется в виду, очевидно, пародийная речь в защиту мачехи, выбросившей из окна падчерицу, в разделе «Г-н защитник и Великанова» майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 19).

Стр. 210. *Начало романа. Мечтатель* ∾ *за мной две статьи.* — См. наст. изд., т. XVII, стр. 9, 437—439.

Стр. 210. *(Самарин. Речь Миллера.)* — Речь О. Ф. Миллера на заседании Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета 11 мая 1876 г. (см. стр. 463) была посвящена памяти видного общественного и государственного деятеля, одного из ведущих славянофилов Ю. Ф. Самарина, скончавшегося 19 марта 1876 г.

Стр. 210. *Каульбах* Вильгельм (1805—1874) — немецкий живописец, гравер и рисовальщик, автор картин и фресок на исторические и религиозные темы. Ср. наст. изд., т. V, стр. 47, 362.

Стр. 210. *Константинополь и православие.* — См. раздел «Утопическое понимание истории» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 4 (наст. изд., т. XXIII).

Стр. 210. *Еще о спиритизме.* — После апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский о спиритизме не писал, хотя неоднократно предполагал вернуться к этой теме (см. записи на стр. 214, 218, 223, 227, 228 и др.).

Стр. 210—211. *Воспитательный дом. ∾ Проповедовать мысль о взаимных тяготах.* — Заметки к разделу «Нечто об одном здании. Соответственные мысли» майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 1 (наст. изд., т. XXIII, стр. 22—23). Мысль о «возвышении идеи» о законных детях в «Дневнике писателя» развития не получила.

Стр. 211. *Читал письмо о барышне, кончив‹шей› самоубийством.* — Имеется в виду самоубийство Писаревой.

Стр. 211. *Status in statu.* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 371, примеч. к стр. 42.

Стр. 212. *«Новое время», № 74, 14 мая.* — В «Новом времени» (1876, 14 мая, № 74) было напечатано сообщение о докладе М. И. Гриневича о злоупотреблениях промышленников и торговцев-евреев на заседании Общества для содействия русской торговле и промышленности и о полемике, возникшей в связи с этим докладом. Ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 370—371. Настоящая заметка — одна из первых, подготавливающих главу вторую мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. (§ 1 «Еврейский вопрос»; § 2 «Pro и contra»; § 3 «Status in statu. Сорок веков бытия»; § 4 «Но да здравствует братство!»).

Стр. 212. *В том же № «Нового времени», № 74, из немецкой брошюры о второстепенности Бисмарка.* — «Новое время» (1876, 14 мая, № 74) перепечатало из «С.-Петербургских ведомостей» (1876, 13 мая, № 131) приведенную там в статье «Из Германии» (подпись: N.) выдержку из немецкой брошюры («Nationalliberale Partei. nationalliberale Presse und höheres Gentlemanthum». Von einem Nichtreichsfeinde ‹Reuter›. 1876): «Князь Бисмарк, правда, великий человек, но он представляет из себя тип второклассного величия, благодаря противоречиям его характера».

Стр. 212. *«Москов‹ские› ведомости», № 119, мая 13. Статья о чешских переселенцах ∾ к нашей церкви.* — В корреспонденции «С Волыни» в «Московских ведомостях» (1876, 13 мая, № 119) говорилось о положении чехов, переселившихся на Волынь из Австрии. Автор сетовал на то, что недостаточно делалось усилий, чтобы содействовать их переходу из католичества в православие и тем самым более быстрому их обрусению. Этот же вопрос обсуждался и в передовой статье.

Стр. 212. *«Новое время», № 76. Убийство двух девочек...* — «Новое время» (1876, 16 мая, № 76) сообщило о том, что в университетском ботаническом саду в Киеве 10 мая были найдены задушенными две сестры Богуславские 10 и 11 лет, одна из них изнасилована.

Стр. 213. *Корреспонденция о пощечине...* — В корреспонденции из Твери (*МВед*, 1876, 15 мая, № 120) сообщалось о том, что управляющий пароходством общества «Самолет» Г. А. Ратьков-Рожнов получил пощечину от кассира Ф. Х. Шрейдера, уволенного из общества за служебные злоупотребления. В передовой статье обсуждался вопрос о мерах ответственности по закону за нанесение подобных оскорблений.

Стр. 213. *Был в воспитательном доме ∾ Но о воспитательном я потом.* — Из этой записи, относящейся к делу Каировой, лишь первое предложение вошло в измененном виде в раздел «Одна несоответственная идея» майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 27).

Стр. 214. *Космополит ∾ смирение мысли России.* — Рассуждение, относящееся к проблеме русской «всечеловечности», «всеслужения человечеству», которой посвящен раздел «Утопическое понимание истории» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 4 — наст. изд., т. XXIII).

Стр. 215. *У Victor Hugo — enfant trouvé, сыщик.* — По ассоциации Достоевский вспоминает о полицейском надзирателе Жавере, персонаже романа В. Гюго «Отверженные», ошибочно называя его подкидышем. «Жавер родился в тюрьме от гадалки, муж которой был сослан на каторгу. Выросши, он понял, что находится вне общества, и отчаялся когда-либо проникнуть в него» («Отверженные», кн. V, гл. 5: *Гюго*, т. VI, стр. 201). О значении этой ассоциации для замысла образа Смердякова

в «Братьях Карамазовых» см.: Е. И. Кийко. Из истории создания «Братьев Карамазовых». — *Материалы и исследования*, т. II, стр. 125—129.

Стр. 215. ...*отец, укравший для голодного ребенка.* — Возможно, эта мысль была подсказана ассоциацией с преступлением Жана Вальжана («Отверженные», кн. II, гл. 6).

Стр. 215. *Беспрерывно говорит: любила как свое творение.* — В речи Е. И. Утина: «...положение Каировой среди жены и мужа, которого она любила, как свое творение, по отношению к другой женщине, которую она должна была ненавидеть, было поистине глубоко трагическое» (*НВр*. 1876, № 62, 2 мая). Ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 13—14.

Стр. 215. *Раскольников, опустивший топор.* — См. набросок к первой главе майского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 213—214).

Стр. 216. *Корреспондент-то прав...* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 5, 356.

Стр. 216. *Бремена тяжкие.* — См. примеч. к стр. 164.

Стр. 216. *А его в нужник.* — Дело Богомоловой, которое, как указано в комментарии к майскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 362, примеч. к стр. 21), послужило исходным материалом для соответствующего фрагмента в этом выпуске, слушалось 19 марта 1876 г. Между тем аналогичная запись имеется уже в вариантах февральского выпуска (см. наст. изд., XXII, стр. 200). Возможно, Достоевский читал или слышал об этом преступлении вскоре после того, как оно было совершено (1 ноября 1875 г.), либо февральская фраза имеет обобщенный смысл (подобный случай убийства новорожденных был, вероятно, не единственным), а к маю добавилось впечатление о Богомоловой.

Стр. 216. *Один столбец политики. Султан ∾ Россия как старший элемент его.* — В майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. политические темы не затрагивались. Вопрос о Константинополе Достоевский поднял в июньском выпуске (наст. изд., т. XXIII, стр. 48—50). Комментируемая запись вызвана, очевидно, сообщением в «Голосе» (1876, 19 мая, № 138), как и в других газетах за это число, о свержении в ночь с 29 на 30 (17—18) мая турецкого султана Абдула-Азиса.

Стр. 216. *Об «Идиоте» — в ответ L на его рецензию «Парадоксалиста».* — Имеется в виду статья Г. А. Лароша (подпись: L) «Литература и жизнь» (*Г*, 1876, 19 мая, № 138), в которой утверждалось, что в рассуждениях «Парадоксалиста» — «мечтателя», выведенного в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., изложены взгляды на войну и ее сложное общественное воздействие самого Достоевского и что в них есть совпадение с мыслями князя Мышкина («Идиот») о смертной казни. Называя эти рассуждения «мрачным подземным ходом», «фельетонным застенком», Ларош видел их истоки в болезненном состоянии психики писателя: «...отнимите у г-на Достоевского раздражение, отнимите расстроенные нервы, и вы отнимете самого Достоевского». Ср. записи в подготовительных материалах и примеч. к ним (наст. изд., т. XXIII, стр. 163, 165, 414).

Стр. 216. *Рассказ Алчевской насчет мальчика, зарезавшего за 10 000.* — О Х. Д. Алчевской см.: наст. изд., т. XXIII, стр. 363, примеч. к стр. 27. Побывав у Достоевского 25 мая 1876 г., она записала в своем дневнике: «Рассказала я ему историю преступления К.» (Х. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912, стр. 78; *Достоевский в воспоминаниях*, т. II, стр. 293).

Стр. 216. *Каспар Гаузер* (1812—1833) — ребенок-подкидыш, происхождение которого окутано тайной. Обнаруженный в 1828 г. в Нюрнберге, Гаузер почти не умел говорить и даже передвигался с большим трудом. Впоследствии он рассказал, что провел детство в подземелье, в полном одиночестве, без света, в лежачем и сидячем положении. В 1833 г. был убит неизвестным лицом. О Каспаре Гаузере не раз писали русские журналы 1830-х годов.

Стр. 216—217. *Политика ∾ Восточный вопрос очутился в Берлине.* — О волнениях в Турции, вступлении на престол султана Мурада V и политике Англии в отношении Турции см.: наст. изд., т. XXIII, стр. 373.

Вопрос о Константинополе как возможной «столице православия» рассматривается в разделе «Утопическое понимание истории» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 4 — наст. изд., т. XXIII. стр. 49—50).

Франция в 1876 г. занимала пассивно-наблюдательную позицию в дипломатической борьбе вокруг Восточного вопроса. Тем не менее в русской прессе высказывалось мнение, что для осуществления своей политики Англия нуждается в поддержке Франции. Так «Новое время» (1876, 28 мая, № 87) писало: «От Франции зависит усилить заносчивость Англии или же умерить ее».

Стр. 217. *Расписание 21, 22 ∾ Турции конец.* — Предположительное расписание работы над майским выпуском «Дневника писателя» за 1876 г. Из намеченных здесь пунктов не были осуществлены «Рассказ Алчевск‹ой›» (см. примеч. к стр. 216), «Турция». Запись «2-й корреспондент» соответствует первой части раздела «Несомненный демократизм. Женщины», в которой идет речь о «демосе» (наст. изд., т. XXIII, стр. 27—28); ср. запись «Демос доволен» в первоначальном плане майского выпуска (стр. 206), а также запись на стр. 218.

Стр. 218. *...несмотря даже на Киликинскую волость.* — Очевидно, о каком-то происшествии в Киликинской волости шла речь в письме «другого корреспондента», т. е. «одном письме одного корреспондента», упоминаемом в майском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 3 «Несомненный демократизм. Женщины» — наст. изд., т. XXIII, стр. 27—28). Ср. запись далее (стр. 219). О письме ср. стр. 464, примеч. к стр. 206.

Стр. 218. *К нашему шатанию ∾ о штундизме и Редстоке.* (Ср. ниже: *К шатанию. Тернер ∾ за бога неверующим*). — В «Новом времени» (1876, 22 мая, № 82) в обзоре «Среди газет и журналов» был перепечатан из «Церковно-общественного вестника» (1876, 21 мая, № 55, стр. 1—3) положительный отзыв о деятельности лорда Редстока в России. Автор защищал Редстока от обвинений в связи со штундистами и коммунистами, содержавшихся в статье «Последнее слово о лорде Редстоке», напечатанной под криптонимом Х. Х. Х. в «Гражданине» (1876, 16 мая, № 16, стр. 428—430).

Там же в «Новом времени» приводилась выдержка из статьи Ф. Г. Тернера «Несколько слов по поводу статьи г-на Z о циркуляре 24 мая 1875 года» в апрельском номере журнала «Православное обозрение»: «Нельзя оспаривать, что штундизм вызван живым и горячим отношением к религиозному чувству. Если бы штундисты только с внешней. формальной стороны смотрели на исполнение религиозных обязанностей или были бы индифферентны к религиозным потребностям, то они, вероятно, не уклонились бы от церкви. Не материальные выгоды побуждали их к тому; напротив того, им могли грозить только неприятности от общества и материальные потери».

Кроме того, из того же номера «Православного обозрения» была перепечатана корреспонденция о склонности великосветских дам к «чужеверию» и о метании их от одного проповедника к другому, включая Редстока.

Стр. 218. *О том, что боимся наказывать преступника. Преступление есть болезнь (будто бы), Суворин.* — Имеется в виду, очевидно, передовая статья «Нового времени» (1876, 30 апреля, № 60) (см. примеч. к стр. 206), а также, возможно, очередной фельетон А. С. Суворина «Недельные очерки и картинки» (*НВр*, 1876, 2 мая, № 62), в котором для объяснения причин преступлений, подобных преступлению Каировой, рекомендовалось обратиться к медицине.

Стр. 218. *...у Палкина.* — В роскошном ресторане Константина Палкина на углу Невского пр. и Владимирской ул. Ср. записи далее (стр. 223,

233) и в тетради 1880—1881 г. (между 22 и 28 октября 1880 — наст. изд., т. XXVII), а также наст. изд., т. XXI, стр. 63, 419.

Стр. 219. ... *умерла Жорж Занд*... — Жорж Санд посвящены разделы «Смерть Жорж Занда» и «Несколько слов о Жорж Занде» июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, §§ 1—2 — наст. изд., т. XXIII).

Стр. 219. *«Новое время». № 88 ∾ о взятии Константинополя.* — В «Новом времени» (1876, 29 мая, № 88) был напечатан некролог Жорж Санд, который нашел частичное отражение в статье о ней Достоевского (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 369). В отделе «Среди газет и журналов» «Новое время» полемизировало с Генеральным русским агентством, распространившим статью, в которой осуждалось принятие М. Г. Черняевым поста главнокомандующего моравской армии (см. наст. изд., т. XXII, стр. 381, примеч. к стр. 120). Здесь же было перепечатано сочувственное обращение к Черняеву по этому поводу «Церковно-общественного вестника» (1876, 28 мая, № 58, стр. 1—2). Из статьи в газете «Современные известия» (1876, 27 мая, № 143) «Новое время» поместило выдержку, в которой речь шла о судьбе Балканского полуострова и Константинополя в случае распада Оттоманской империи (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 376).

Стр. 219. *Карамзин. Шидловский.* — Эти имена не упоминаются в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Н. М. Карамзин был любимым писателем родителей Достоевского и его самого в детские годы (см. наст. изд., т. IX, стр. 127, 520; т. XXI, стр. 134). Иван Николаевич Шидловский (1816—1872) — поэт-романтик, друг юности Достоевского. О его влиянии на писателя см.: М. П. Алексеев. Ранний друг Достоевского. Одесса, 1921.

Стр. 219. *«Фауст» Губера.* — Первый русский перевод первой части «Фауста» Гете, выполненный поэтом Э. И. Губером (1814—1847) и вышедший отдельным изданием в 1838 г. В июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. не упоминается. Ср. стр. 387.

Стр. 219. *«Ускок».* — Первая повесть Ж. Санд, прочитанная Достоевским. См. наст. изд., т. XXIII, стр. 33.

Стр. 219. *Венеция.* — Запись, очевидно, подразумевает так называемые «венецианские» повести Ж. Санд, о которых говорится в июньском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 35—36), а также увлечение Достоевского Венецией в детские и юношеские годы (см. наст. изд., т. XXII, стр. 331).

Стр. 219. *Страна святых чудес.* — Строка из стихотворения А. С. Хомякова «Мечта» (1835). См. наст. изд., т. XXIII, стр. 30; ср. также: т. V, стр. 47, 361.

Стр. 220. ... *капитанши*... — Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», Василиса Егоровна Миронова. Упоминание о ней имеется в черновом автографе апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 214); характеристика ее как истинно русского типа содержится в рукописях речи о Пушкине (1880).

Стр. 220. *«Жанна».* — Роман Ж. Санд. См. наст. изд., т. XXIII, стр. 35.

Стр. 220. *Что значила для Белинского?* — Достоевский имеет в виду высокую оценку Белинским в 1840-е годы творчества Жорж Санд как одного из создателей и лучших представителей французского социального романа, соединившего под ее пером идейную насыщенность с правдою жизни. В Жорж Санд критик видел глашатая идей социализма, провозвестницу будущего и обличителя современной ей буржуазной Франции. О восторженном отношении Белинского к произведениям французской писательницы Достоевский знал не только из его статей, но и из личного с ним общения. См.: В. И. Кондорская. В. Г. Белинский о Жорж Санд. — Учен. зап. Ярославского пед. ин-та им. К. Д. Ушинского, 1958, вып. 28 (38), Русский язык и литература, стр. 139—165.

Стр. 220. *«Церков‹ный› вестн‹ик›. Редсток. ∾ Сами признаются.* — Мысли, связанные с отзывом о Редстоке «Церковно-общественного вестника», перепечатанным в «Новом времени» (см. примеч. к стр. 218). Комическим заявлением Достоевский считал следующее место этого отзыва:

«Что дурного, если они ‹последователи Редстока›, хоть вследствие проповедей лорда, даже и в фальшивой форме, вспомнили о верховном существе, управляющем судьбами мира, о будущей жизни, о необходимости делания добра ближним и о своем собственном нравственном возрождении?» (*НВр*, 1876, 22 мая, № 82).

...особная чашка. — См. примеч. к стр. 205.

Гибер, архиепископ Парижский. — Жозеф-Ипполит Гибер (Guibert, 1802—1886), архиепископ Парижский с июля 1871 г., один из ведущих деятелей клерикальной реакции во Франции, сторонник абсолютного подчинения французской церкви власти папы на основе признания догмата о непогрешимости последнего. В период, непосредственно предшествовавший записи комментируемой заметки, Гибер несколько раз упоминался в русских газетах в связи с различными его заявлениями (например: *МВед*, 1876, 12 апреля, № 90; 15 апреля, № 93); но конкретные ассоциации, побудившие Достоевского записать в тетради его имя в данном контексте, остаются неясными.

Стр. 220. *Васильев у Редстока.* — Васильев Иосиф Васильевич (1827—1881) — священник русской церкви в Париже, с 1866 г. председатель Учебного комитета при Синоде. Посещал беседы Редстока и пытался вызвать его на богословские разговоры, от которых Редсток уклонился. См.: Н. С. Лесков. Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. Очерк современного религиозного движения в петербургском обществе. Изд. 2-е. СПб., 1877, стр. 135—136. О Васильеве Достоевский вспомнит через несколько лет (см. тетрадь 1880—1881 гг. — наст. изд., т. XXVII).

Стр. 220. *«Новое время», № 90 ∞ статья еретическая ∞ О двоеженстве.* — Статья «К вопросу о каноническом запрещении священнослужителям вступать во второй брак» («Церковно-общественный вестник», 1876, 30 мая, № 59, стр. 5—6), выдержка из которой была приведена в «Новом времени» (1876, 31 мая, № 90) в обзоре «Среди газет и журналов». В ней подвергалась сомнению «обязательная сила», «непререкаемость и бесповоротность» этого запрета.

Стр. 221. *«Моск‹овские› вед‹омости›», № 134. Воскресение. Билетник выживает старого ветерана.* — В «Московских ведомостях» (1876, 30 мая, № 134) была помещена напечатанная первоначально в газете «Неделя» (1876, 16 мая, № 11, стр. 375—377) корреспонденция из Калязина о том, что крестьяне выживают ветерана военной службы, георгиевского кавалера, полковника в отставке, купившего землю и лес, которыми раньше они пользовались бесплатно. По их наущению полковнику всячески вредил бродяга-«билетник» (билет — особый вид паспорта, удостоверение личности, дававшее право на отлучку с постоянного места жительства).

Стр. 221. *Митрофанушка...* — Персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль».

Стр. 222. *Это бы по поводу Струсберга и процесса банка в Москве.* — 29 мая 1876 г. в Москве открылся и был отложен до октября процесс по делу о крахе в 1875 г. Московского коммерческого ссудного банка (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 413, примеч. к стр. 159—160). Ср. стр. 268, 273 и др.

Стр. 222. *«Новое время». Четверг, 10 июня, № 100. Приведена в Политическом обозрении моя фраза...* — В «Ежедневном обозрении» «Нового времени» (1876, 10 июня, № 100) говорится: «В начале герцеговинского восстания все только и говорили, что „ключ к решению Восточного вопроса лежит в шкатулке у железного князя“». Это перефразированные слова Достоевского из мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXII, стр. 84).

Стр. 222. *«Новое время», № 103. Речь Робера учительницам...* — В корреспонденции из Твери, напечатанной за подписью В. П. в «Новом времени» (1876, 13 июня, № 103), рассказывалось об успешной деятельности Тверской женской учительской школы, открытой в декабре 1870 г. на средства члена Тверской губернской земской управы А. П. Максимовича. В конце корреспонденции приведена речь преподавателя А. Н. Робера

на выпускном акте. Он напомнил выпускницам об их обязанности «внести первый свет в темную массу невежества», о трудностях, которые их ожидают, и об убеждении — той силе, которая поможет эти трудности преодолеть.

Стр. 222. *Тарантул, забежавший ночью в спальню.* — Это сравнение использовано в сентябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I. § 1 «Piccola bestia» (наст. изд., т. XXIII, стр. 106—107, 110).

Стр. 223. *Ответ на письмо.* (Ср. далее: *Письмо самоубийцы*). — Возможно, имеется в виду письмо неизвестного (подпись: NN), датированное 9 июня 1876 г., с надписью на конверте «Confessio morituri» (исповедь готовящегося умереть) (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29956. ССХIб.15).

Признавая себя атеистом, но не соглашаясь со знакомыми, считавшими его убеждения парадоксальными, автор обращался к Достоевскому с вопросом, прав он или нет, и, рассказав о себе, излагал свои взгляды, приведшие его к мысли о самоубийстве. В молодости автор учился в Училище правоведения, но был вынужден уйти с предпоследнего курса вследствие «необдуманной и, конечно, ненужной и глупой дерзости». Не удалась ему и служба: «отвратительное домашнее воспитание и школьная выправка приносили свои плоды: легкомыслие, отсутствие принципов, задачи, непонимание жалкое как себя, так и вообще смысла жизни!..». Затем он «попробовал прожить несколько лет в деревне, занимаясь хозяйством, природой и чтением». Познакомившись с трудами Ренана, Бокля, Милля, Дарвина и Фейербаха, он «потерял чувство (т. е. религию), но приобрел мысль и убеждение». Цепь обстоятельств и личные ошибки привели его к убеждению, что он «лишний человек, дурная, сорная трава, не опора, а бремя для семьи», из чего он «здраво, математически верно определил безысходность положения и весь вред существования и решился умереть». Такое самоубийство, вытекающее из «всестороннего обсуждения всех шансов, самого смысла жизни и своего собственного *я*», по его мнению, — «не преступление и даже не ошибка, это — право». Безотрадная действительность и отсутствие в обозримом будущем перспектив ее изменения окончательно укрепили автора в принятом решении: «И жить-то на русской земле нельзя — уж лучше Батый, Иоанн IV, все что угодно, а не эта двуличная, полицейско-либеральная комедия без людей и принципа! Бежать надо, и многие бегут...».

Стр. 223. *Самоубийцы (дочь Герцена).* — Эта запись сделана под впечатлением от письма К. П. Победоносцева от 3 июня 1876 г., в котором рассказывались подробности самоубийства Елизаветы Герцен. Краткое сообщение об этом самоубийстве Достоевский мог прочесть еще раньше в том же номере «Нового времени» (1876, 4 мая, № 64), который он отметил выше (стр. 207) по поводу «буйства Иероглифова у Базунова». О самоубийстве Лизы Достоевский будет писать в октябрьском (гл. I, § 3 «Два самоубийства» — наст. изд., т. XXIII, стр. 145—146) и декабрьском (гл. I, § 5 «О самоубийстве и о высокомерии» — наст. том, стр. 53—54) выпусках «Дневника писателя» за 1876 г. Ср. стр. 225, 226, 228, 232 и др.

Стр. 223. Εκκον. — В «Московском фельетоне» А. Д. Курепина (*НВр*, 1876, 12 июня, № 102) был приведен текст «Краткого размышления перед смертью» Николая Владимировича Экка — юноши, застрелившегося в Москве 16 апреля 1876 г. Указав причиною своего самоубийства «увлечение и долги», Экк писал о социальном и имущественном неравенстве в обществе и о невозможности бедному человеку подняться наверх. «На основании этого, — говорилось в письме, — я считаю лучше помереть от собственной руки, чтобы принести пользу студенту, который будет трудиться над моим трупом, чем умереть, когда придет время». Свою фамилию самоубийца писал также греческими буквами.

Стр. 223. *Ответ на письмо (о Каировой).* — В июне 1876 г., находясь уже в Старой Руссе, Достоевский получил два письма, содержавшие отзывы на его статью о деле Каировой в майском выпуске «Дневника писателя». Автор первого письма, отправленного из Киева 8 июня, Н(?). Гребцов хвалил «Дневник» за простоту, отсутствие «всяких лите-

ратурных форм, приличий и обряда», за то, что он представлял «как бы письма к знакомым»: «Вы просто и без ученой физиономии подходите к самым глубокомысленным вопросам, к тому, что у всякого наболело, и затрагиваете эти вопросы прямо, откровенно, без тени аффектации или „научности“». Вместе с тем Гребцов упрекал Достоевского в том, что он часто тратит слова «на очень неинтересный сюжет, напр. хоть дело Капровой», которое «слишком уж мелочь, мало затрагивает „проклятые вопросы“». Издание, по мнению автора письма, должно «быть строгим и беспощадным словом абсолютно честного человека, бросаемым в забывшую себя и потерявшую смысл жизни публику». Письмо призывало: «Обоймите же русскую жизнь широко, гляните на нее всю, как она есть, разнообразная и сложная, и не тратьте слов на Утина» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29682. CCXIб.3). Упоминание Е. И. Утина позволяет предположить, что именно на это письмо собирался отвечать Достоевский, так как в более поздней заметке на эту тему (см. стр. 224) приводится фамилия защитника Капровой.

Второе письмо, датированное 18 июня 1876 г., пришло от Д. В. Карташова, уже ранее сообщившего свое мнение о деле Капровой Достоевскому, который привел его в майском выпуске «Дневника писателя» (гл. I, § 1 «Из частного письма»). Полемизируя с А. М. Скабичевским, считавшим это дело частным, малозначительным, не затрагивающим важных общественных вопросов, Д. В. Карташов видел в Капровой «тип, выработанный <...> ложным направлением жизни», по которому направили «молодое (ныне уже устаревшее) поколение, преимущественно <...> грамотное женское» романы М. В. Авдеева «Подводный камень» и Н. Г. Чернышевского «Что делать?». «Дело Капровой, — утверждал Д. В. Карташов, — есть именно одно из тех, в котором бьется нерв общественной жизни и замешиваются (да еще нравственные) интересы массы... На суде объявилось, до какой степени тип Капровой излюблен *дамами*; они аплодировали ее оправданию; они заявили свое торжество по поводу оправдания судом излюбленного ими типа...» (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29737. CCXIб.6, л. 1 об.—2).

Стр. 223. *Спиритизм — «Церковно-обществ<енный> вестник.* — В записи далее (стр. 232) тема спиритизма соединена с отзывом «Церковно-общественного вестника» о Редстоке (см. стр. 469). В марте Достоевский обратил внимание на оценку спиритизма в этом журнале (см. стр. 165 и примеч. к ней).

Стр. 224. *Не единым хлебом жив человек.* — См. примеч. к стр. 160.

Стр. 224. *Но г-н Тургенев все-таки рано потерял благоговение. Стыдился очень-то хвалить.* — Возможно, имеются в виду следующие строки из письма И. С. Тургенева: «Когда, лет восемь тому назад, я впервые сблизился с Жорж Санд, восторженное удивление, которое она некогда возбудила во мне, давно исчезло, я уж не поклонялся ей; но невозможно было вступить в круг ее частной жизни — и не сделаться ее поклонником, в другом, быть может, лучшем смысле» (Несколько слов о Жорж Санд. Письмо И. С. Тургенева к издателю «Нового времени» <А. С. Суворину, 9 (21) июня 1876 г.>. — *НВр*, 1876, 15 июня, № 105; ср.: *Тургенев, Сочинения*, т. XIV, стр. 233; *Письма*, т. XI, стр. 275).

Стр. 224. *Жорж Занд.* ∾ *Есть или нет преступление.* — Из этого первоначального плана июньского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. были реализованы пункты «Жорж Занд» (гл. I, §§ 1—2) и «Правой—левой» (см. примеч. к стр. 203—205).

Стр. 225. *Селин* Александр Иванович (1816—1877) — заслуженный профессор Киевского университета по кафедре русской словесности. В письме к Достоевскому от 28 января 1876 г. он изложил мысли, высказанные им в докторской диссертации («О драматической поэзии в России, преимущественно о комедии, до Грибоедова включительно», 1850—1852, не опубликована) и созвучные, по его мнению, взглядам писателя: «В одном из положений я говорю, когда именно идеал, данный русскому обществу Петром Великим, начал отживать свою пору; далее

говорю, какая главная идея всей русской литературы после нашествия Наполеона (эта идея у меня выражена точно и определенно); говорю потом, что в силу этой основной идеи идеал после нашествия Наполеона наш неизвестен, и что с тех пор, а особенно с 20-х годов, окончательно же после 14 декабря, отличительный характер русской поэзии *важной*, т. е. трагической по духу, — *тоска по неизвестном идеале*, и что здесь причина огромного перевеса сочинений *сатирического, отрицательного* характера над скудными (и по количеству и по качеству) сочинениями *важного, положительного* характера. Вдруг ‹...› читаю Ваши слова: „*Мы вступили в совершенную неизвестность*"» (*ГБЛ*, ф. 93.II.8.86). Селин неточно цитирует заключительные строки очерка «Влас»: «Да ведь девятнадцатым февралем и закончился по-настоящему петровский период русской истории, так что мы давно уже вступили в полнейшую неизвестность» (наст. изд., т. XXI, стр. 41). В июльско-августовском, а затем в сентябрьском выпусках «Дневника» Достоевский собирался полемизировать с Селиным и в связи с этим записал в тетради ряд заметок (стр. 227, 229, 232, 236, 238 и др.).

В конце своего письма Селин обещал выслать Достоевскому свои печатные труды по истории русской литературы. Два из них числятся в списке книг из библиотеки писателя: «Бригадир» Фонвизина и «Свои люди — сочтемся» Островского. Киев, 1868; Крылов как высший представитель русской басни. Речь, произнесенная на торжественном акте. Киев, 1868 (*Библиотека, новые материалы*, стр. 264). Кроме того, у Достоевского была брошюра А. И. Линниченко «Александр Иванович Селин. Некролог и речи, произнесенные над его гробом» (Киев, 1877) (там же, стр. 261; *Описание*, стр. 425).

Стр. 225. *Отрицание христианства не во гнев Н. Михайловскому.* — Речь идет об атеистическом, по убеждению Достоевского, характере социализма (см. примеч. к стр. 158).

Стр. 226. *Письмо застрелившейся.* — Имеется в виду, очевидно, письмо «застрелившейся нигилистки», из которого приведена одна фраза в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 150; ср. т. XVI, стр. 184), созвучная с предсмертными письмами Писаревой и дочери Герцена.

Стр. 226. *Объявление, что до августа.* — См. наст. изд., т. XXII, стр. 267.

Стр. 226. *Как отговаривать.* — Имеется в виду С. Е. Лурье.

Стр. 226. *На август темы.* — Намеченных ниже тем Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. не касался.

Стр. 226. ... *(заплатанный х...)...* — В «Мертвых душах» Н. В. Гоголя (т. I, гл. 5) о Плюшкине: «А! заплатанной, заплатанной — вскрикнул мужик. Было им прибавлено и существительное к слову „заплатанной", очень удачное, но неупотребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим».

Стр. 226. *Рассказ батюшки Ив‹ана› Румянцева...* — Иван Иванович Румянцев (ум. 1904), священник Георгиевской Благовещенской церкви в Старой Руссе, друг семьи Ф. М. Достоевского; у него Достоевский снимал дачу в 1872 г. См. о нем: Л. М. Рейнус. Достоевский в Старой Руссе. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1971, стр. 17—20.

Стр. 227. *Прочесть Потулова о спиритизме.* — В письме от 7 февраля 1876 г. из Севастополя (*ГБЛ*, ф. 93.II.7.117) Н. Потулов предостерегал Достоевского от поспешного ошибочного суждения о спиритизме, «проглядывающего» в статьях «Дневника писателя», и предлагал прочесть свою книжку по этому вопросу, которую послал вместе с письмом. Корреспондент сообщал, что пишет о спиритизме уже 12 лет и печатается в журнале «Домашняя беседа».

Стр. 227. *Письмо Порецкого — (рассердился).* — О А. У. Порецком см. стр. 405, примеч. к стр. 70. Упоминаемое письмо неизвестно.

Стр. 227. *Русские за границей не порядочного тона.* — Ср. рассуждение на близкую тему в очерке «Нечто о вранье» (наст. изд., т. XXI, стр. 119—120, 450).

Стр. 227. *Zola, la belle Lise.* — Красавица Лиза — персонаж романа Э. Золя «Чрево Парижа» (1873), жена владельца колбасной лавки, воплощение буржуазного благополучия, довольства и «порядочности», во имя которых она предает в руки властей своего деверя-революционера. Ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 391—392.

Стр. 227. *«Полная неизвестность».* — Имеется в виду цитата из очерка «Влас», приведенная в письме А. И. Селина (см. примеч. к стр. 225).

Стр. 227. *Не то вторгнется ∾ на либеральность.* — Речь идет о торговцах и других предпринимателях-евреях в западных губерниях России, хищническая деятельность которых вызывала полемику в тогдашней печати. См. стр. 467, примеч. к стр. 212.

Стр. 227. *...где это я читал о ворующих офицерах.)* — См. стр. 433.

Стр. 227. *Орангутанг. Если он думает ∾ то непременно природа дала бы и слово.* — Эта заметка связана с впечатлением, которое произвел на Достоевского впервые им увиденный в Берлине живой орангутанг (см. письмо к А. Г. Достоевской от 9 (21) июля 1876 г., а также наст. изд., т. XV, стр. 320, 444—445).

Стр. 227. *Параллель семьи социальной.* — Достоевский возвращается к теме, бегло затронутой еще в подготовительных материалах к «Бесам» в связи с учением философа-самоучки крестьянина-старообрядца К. Е. Голубова (см. наст. изд., т. XI, стр. 121—122). Настоящая запись связана с изображением «свободного брака» в романе Э. Золя «Чрево Парижа», где об учителе Шарве и регистраторше на торгах рыбного аукциона Клеманс говорится: «Ils vivaient sur la base du *mariage libre* et de la fortune libre; chacun d'eux payait ses dépenses, strictement; comme ça, disaient-ils, ils ne se devaient rien, ils n'étaient pas *esclaves*» (É. Zola. Le ventre de Paris. Ed. 3. Paris, 1874, p. 179: курсив наш, — *Ред.*). («Они жили друг с другом на началах свободного брака и взаимной материальной независимости; каждый скрупулезно оплачивал свои расходы; таким образом, по их словам, они ничего друг другу не должны, они не рабы») (*Золя*, т. IV, стр. 186). Ср. слова Шарве: «Le mariage est *une association...*» (É. Zola. Le ventre de Paris, p. 133). «Брак — это товарищество...» (*Золя*, т. IV, стр. 139). Ср. запись в черновом отрывке к июльско-августовскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 201, 418).

Стр. 228. *Состав августовского №.* — Из намеченных в этом плане тем не вошли в состав июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. первые три пункта, а остальные — в значительно измененном виде.

Стр. 228. *...жиды, наплевал с озера...* — Об этом дорожном эпизоде см. письмо к А. Г. Достоевской от 7 (19) июля 1876 г.

Стр. 228. *...дама, pour hommes...* — Очевидно, речь идет об эпизоде с англичанкой, зашедшей по ошибке в мужской туалет. Об этом случае Достоевский писал жене 9 (21) июля 1876 г. Ср. записи на стр. 232, 233, 235, 238.

Стр. 228. *Русский и дочь (враждебные взгляды)...* — По-видимому, имеются в виду попутчики Достоевского, которых он бегло упомянул в том же письме к жене.

Стр. 228. (NB. *Описание моего весеннего приключения в части.)* — Об этом неустановленном эпизоде, относящемся, очевидно, к весне 1876 г., Достоевский неоднократно вспоминал, обдумывая содержание июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Ср. стр. 232, 234, 238 и др.

Стр. 228. *«Смерть провинции или нет?»* — Имеется в виду брошюра: А. С. Гацискии. Смерть провинции или нет? (Открытые письма Д. Л. Мордовцеву). Письмо 1. Н.-Новгород, 1876 (ценз. разреш. — 2 марта 1876 г.). (Экземпляр ИРЛИ из библиотеки Достоевского с дарственной надписью автора, шифр: Бр $\frac{221}{37}$). Нижегородский краевед и журналист

А. С. Гацискй (1838—1893) полемизировал с Д. Л. Мордовцевым по вопросу о «больших городах» и будущности провинциальной печати (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 356, примеч. к стр. 6—7), утверждая, что «рядом со значением столицы *начинают иметь*, а следовательно, и *будут иметь* и *должны иметь* значение и другие, так называемые провинциальные центры» (стр. 3).

Стр. 229. *Лизавета Смердящая (попробовать).* — См. примеч. к стр. 158.

Стр. *229. (Антоний Римский.)* — Антоний (1067—1147), по месту рождения прозванный Римлянином, православный святой; в его житии рассказывается, что он приплыл на камне в Новгород, где основал монастырь.

Стр. 229. *Взять из Герцена, из «Станкевичева круга» для возраженья Селину.* — Имеется в виду последний абзац главы 25-й «Былого и дум», в котором Герцен выражает свою веру в русскую молодежь: «Но что же доказывает все это? — Многое, но на первый случай то, что немецкой работы китайские башмаки, в которых Россию водят полтораста лет, натерли много мозолей, но, видно, костей не повредили, если всякий раз, когда удается расправить члены, являются такие свежие и молодые силы. Это нисколько не обеспечивает будущего, но делает его крайне *возможным*» (*Герцен*, т. IX, с. 46).

Стр. 230. *...пусть лучше идеалы дурны, да действительность хороша.* — Слова Г. К. Градовского из рецензии на февральский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г. (*Г*, 1876, 7 марта, № 67), с которыми Достоевский полемизировал в мартовском выпуске (гл. I, § 1 «Верна ли мысль, что „пусть идеалы будут дурны, да действительность хороша?“» — наст изд., т. XXII, стр. 74—75).

Стр. 230. *Война теперь была бы для нас не совсем вредна ∾ и многому бы дала новый толчок.* — Мысль, намеченная в данной записи и повторяемая неоднократно ниже (стр. 250, 270, 276 и др.), продолжает рассуждения Парадоксалиста в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 2 «Парадоксалист». Достоевский будет подробно развивать ее заново в апрельском выпуске 1877 г. (гл. I, § 2 «Не всегда война бич, иногда и спасение» и § 3 «Спасает ли пролитая кровь?» — наст. изд., т. XXV).

Стр. 231. *...врачу, исцелися сам.* — Крылатое выражение, восходящее к Евангелию: «Врач! исцели самого себя» (Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 23).

Стр. 231. *Жид-юнкер произведен в офицеры.* — Ср. аналогичные записи в подготовительных материалах к «Подростку» (наст. изд., т. XVI, стр. 407, 419, 429; т. XVII, стр. 424).

Стр. 231. *Коммуна парижская — вредна, потому что бунт и насилие.* — Об отрицательном отношении Достоевского к Парижской коммуне, в которой он видел историческую «ошибку», символ трагического столкновения разрушительных сил гибнущей европейской цивилизации, см. наст. изд., т. XIII, стр. 375—378; т. XVII, стр. 389—390.

Стр. 232. *Zola — «От‹ечественные› записки» и «Биржев‹ые› ведом‹ости›».* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 418—419.

Стр. 232. *Эмс. Картинки ∾ Толпа у источников.* — В письме от 18 (30) июля 1876 г. Достоевский сообщал жене: «Думаю описать Эмс в „Дневнике“». О наблюдениях Достоевского за детьми в Эмсе см.: наст. изд., т. XXIII, стр. 92—93, 391.

Соседка. Греческие дамы. — В письме жене из Эмса от 21 (9) июля 1876 г. Достоевский сообщал: «...переехав, я тотчас натолкнулся на неприятность: эту комнату рядом (мою третьегодняшнюю) и отделенную от теперешней моей лишь запертою дверью, заняли две дамы, мать и дочь, кажется из Греции, говорят по-гречески и по-французски, но можешь себе представить, — они говорят без умолку, особенно мать, но не то что говорят, а кричат буквально, и главное без умолку, ни одной секунды перерыва. В жизнь мою я не встречал такой неутомимой болтливости, и, однако, мне надо будет работать, читать, писать — как это делать при

такой беспрерывной болтовне?» В следующем письме (25 (13) июля 1876 г.) Достоевский сообщал жене, что «греческих чеченок-соседок не вынес» и сменил комнату.

...*император Вильгельм.* — Вильгельм I (1787—1888), император германский.

Стр. 232. *Человек же русский не имеет никакой веры — по профессору...* — Имеются в виду рассуждения А. Е. Селина (см. примеч. к стр. 225).

Стр. 233. *Ланн. ∾ Арминия жену взяли. Тацит.* — Ланн — река, на которой расположен Эмс. Недалеко от места, где находится Эмс, в 15 г. н. э. римский полководец Германик захватил в плен Туснельду, жену Арминия, вождя германского племени херусков. Главку из «Анналов» Тацита (I, 57), в которой об этом рассказывается, Достоевский упомянул в тетради в январе 1876 г. (см. стр. 104 и примеч. к ней).

Стр. 233. *Самое высокое джентльменство...* — Очевидно, эта запись относится к разделу «Выезд за границу. Нечто о русских в вагонах» июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. 1, § 1), но не получила в нем развития.

Стр. 233. *Русской женщине некому подражать...* — Запись к разделу «Один из облагодетельствованных современной женщиной» июльско-августовского «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. IV, § 2) в связи с мнением Н. Н. Страхова об англичанках (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 88, 389—390).

Стр. 235. *Возвестил, что «Русский вестник» поправлял мою грязь.* — В своем первом отзыве о «Подростке» В. Г. Авсеенко обвинял Достоевского в «поразительной, небывалой неблагопристойности повествования», писал, что ранее эта «особенность дарования» писателя проявлялась в меньшей степени «благодаря тому, что редакция „Русского вестника", где прежде печатался г-н Достоевский, делала в его романах значительные опущения» (*РМ*, 1875, 29 января, № 27; подпись: А. О.). Ср. наст. изд., т. XVII, стр. 347.

Стр. 237. ...*(см. мемуары Екатерины, баня).* — Речь идет об эпизоде, рассказанном Екатериной II в ее «Записках»: «В среду вечером я должна была идти в баню в дом к Чоглоковым, но накануне Чоглокова пришла ко мне в комнату и, увидав великого князя, который сидел у меня, сказала ему от имени императрицы, чтобы он также сходил в баню. Надо заметить, что баня и все русские обычаи и местные нравы были не только неприятны великому князю, но он их просто ненавидел. Он начисто объявил, что не пойдет в баню» (Записки Екатерины II, императрицы России. Пер. с франц. London, 1859, стр. 93).

Стр. 237. *Стелловский* Федор Тимофеевич (ум. 1875) — издатель, заключивший с Достоевским в 1866 г. кабальный договор на право издания его сочинений. Об отношениях Достоевского со Стелловским см. наст. изд., т. V, стр. 399.

Стр. 237. *Приписка в августе. ∾ Полюбят и догадаются.* — Первоначальный план раздела «Post scriptum» июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Некоторые мысли этого плана были реализованы в сентябрьском выпуске (гл. I, § 3 «Комбинации и комбинации»).

Еще в Эмсе сражение под Зайчаром поразило. — Зайчар был сдан без боя из тактических соображений 6—7 августа (25—26 июля) 1876 г. См.: *НВр*, 1876, 29—30 июля, №№ 149—150.

Стр. 238. *Объявлена война.* — Запись подразумевает, очевидно, тот исторический факт, что в июле 1870 г. в Эмсе состоялись переговоры между лечившимся там королем прусским (с 1871 г. — императором германским) Вильгельмом I (1797—1888) и французским дипломатом В. Бенедетти (1817—1900); переговоры привели к разрыву отношений между Францией и Пруссией и дали непосредственный повод к войне между ними (1870—1871).

Стр. 238. *Дурной признак, когда перестают понимать иронию ∾ признак глупости.* — См. стр. 45.

Стр. 238. *Порок — дань добродетели...* — Перефразированное изрече-

ние французского писателя Франсуа де Ларошфуко (1613—1680): «Лицемерие — это дань уважения, которую порок платит добродетели». См. наст. изд., т. XXII, стр. 11, 319—320.

Стр. 238—239. *Критические замечания* ∾ *в своих писательских совершенствах.* — Заметки о романе Золя «Чрево Парижа», который Достоевский читал в одном из первых изданий фирмы «Charpentier et Cie, Libraires-Éditeurs». Ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 391—392.

Записи ниже сверены с третьим изданием этой фирмы: É. Zola. Le ventre de Paris. Paris, 1874. Русский перевод в изд.: *Золя*, т. IV.

...стран. 30 о капусте и моркови... — См.: *Золя*, т. IV, стр. 36—37.

Стран. 34. Florent человек, бежавший из Кайены... — См. там же, т. IV, стр. 39—41.

Кайенна — административный центр Французской Гвианы (Южная Америка), расположенный на одноименном острове в устье реки Кайенны; бывшее место политической ссылки.

Живописец Клод. ∾ *Этот вечный восторг смешон.* — Художник восхищается зрелищем овощей на рынке в лучах восходящего солнца. См.: É. Zola. Le ventre de Paris, p. 31; *Золя*. т. IV, стр. 36—37.

Доминикино — итальянский художник Доменико Цампьери (Zampieri, 1581—1641); в драматической фантазии Н. В. Кукольника «Доменикино» (1838) он изображен жертвою зависти и злобы других художников, непризнанным гением, изливающим свои чувства и выражающим свои мысли о живописи в высокопарных монологах.

...с гордостью отвергнул помощь честной женщины. — См.: É. Zola. Le ventre de Paris, p. 14, 18; *Золя*, т. IV, стр. 19—20, 23.

...не следовало бы плевать на Жорж Занд. — Имеется в виду статья Э. Золя «Жорж Занд и ее произведения. (Парижские письма. 16)» (*ВЕ*, 1876, № 7). О различии в оценке Ж. Санд у Достоевского и Э. Золя см.: Е. Н. Купреянова. Жорж Санд в оценке Золя и Достоевского. (К вопросу о национальной типологии русского и французского реализма). — В кн.: Сравнительное изучение литератур. Л., 1976, стр. 527—532.

Вывеска. — Очевидно, имеется в виду описание вывески колбасной (É. Zola. Le ventre de Paris, p. 41; *Золя*, т. IV, стр. 47).

Увертюра «Тангейзера». — «Тангейзер» (1845) — опера немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813—1883), чью музыку Достоевский не любил (см. письмо к жене от 7 (19) августа 1879 г.: *Достоевская, А. Г.*, Воспоминания, стр. 151; А. Гозенпуд. Достоевский и музыка. Л., 1971, стр. 155—157). Ср. примеч. к стр. 256.

Стр. 239. *Женщины ужасно щекотливы?* — Ср. наст. изд., т. XV, стр. 206, 610.

Стр. 239. *Стрюцкие...* — Это слово Достоевский употребил в разделе «Мы в Европе лишь стрюцкие» январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 2 — наст. изд., т. XXV) и пояснил в ноябрьском выпуске того же года (гл. I, § 1 «Что значит слово: „стрюцкие“» — наст. изд., т. XXVI).

Стр. 239. *Tout Paris pour Chimène a les yeux de Rodrique.* — Строка из девятой сатиры французского поэта Н. Буало (1667).

Стр. 239—240. *Н. Н. С‹трахов›* ∾ *обличать и обнаруживать неустанно.* — Об отношениях Достоевского и Страхова см.: А. С. Долинин. Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов. — В кн.: Шестидесятые годы. М.—Л., 1940, стр. 238—254, также: *ЛН*, т. 83, стр. 16—23.

...служит в двух видных в литературном отношении местах... — Н. Н. Страхов с 1873 г. служил библиотекарем юридического отдела Публичной библиотеки в Петербурге, а с 1874 г. состоял членом ученого совета Министерства народного просвещения.

Стр. 241. *Сперанскому ничего не стоило* ∾ *лордов и буржуазию и проч.* — В некоторых проектах государственных преобразований, составленных М. М. Сперанским, предполагалось учредить в России парламент — «независимое сословие народа» из двух палат, наподобие английского. Достоевский мог прочесть об этом, например, в исследовании

А. Н. Пыпина «Очерки общественного движения при Александре I», где с пояснением ученого приводилось следующее рассуждение Сперанского: «...в ограниченной монархии нужно установить два большие отдела: высший класс, обязанный блюсти за исполнением законов, и низший класс, отделенный от первого по имени и по наружности, но тождественный с ним по своим интересам. В устройстве этого высшего класса автор взял образцом английскую аристократию» (*ВЕ*, 1870, № 6, стр. 679). Однако Достоевский знал об этих проектах также из других источников, как видно из записей, где с ними связывается имя А. П. Ермолова (см. выше, стр. 146 и наст. изд., т. XXII, стр. 154; ср. наст. том, стр. 82, 133).

Стр. 241—242. *...блаженны нищие духом...* — Евангельское изречение (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 3; Евангелие от Луки, гл. 6, ст. 20).

Стр. 242. *...женщина именем Фамарь и Дионисий, член ареопага...* — См. примеч. к стр. 171.

Стр. 243. *Скорей не будет 1-го числа, чем «Вестника Европы».* — Этой записью начинаются заметки к сентябрьскому выпуску «Дневника писателя» за 1876 г., где Достоевский полемизировал с «Внутренним обозрением» сентябрьской книжки «Вестника Европы».

Стр. 244. *Ты всего-то из банной мокроты зародился...* — Это народное выражение употреблено в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 114; т. XV, стр. 544).

Стр. 245. *Международный межеумок ∾ не блуждал его ум.* — Ср. заключительные строки раздела «На каком языке говорить отцу отечества» июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. III, § 2 (наст. изд., т. XXIII, стр. 84). Ср. запись на стр. 241—242.

Стр. 245. *L.* — Криптоним, которым Г. А. Ларош подписывал свои статьи в «Голосе».

Стр. 245. — *А они думают, что я за сапог (деньги) спрятал...* — Употреблено в «Братьях Карамазовых» (наст. изд., т. XIV, стр. 66; XV, стр. 537).

Стр. 246. *Не единым хлебом жив человек.* — См. примеч. к стр. 160.

Стр. 246. *...либерал, купивший, например, на свой либерализм собственный дом. Г-н Благосветлов (достигнувший своего дома).* — См. примеч. к стр. 201—202.

Стр. 246. *У нас не науки ∾ вот и номерок составился...* — По видимому, имеется в виду Н. А. Некрасов. В «Современнике» был отдел «Науки и художества» с 1847 по 1858 г.

Стр. 246. *...трость, колеблемая ветром...* — Образное выражение из евангелия (Евангелие от Матфея, гл. 11, ст. 7; Евангелие от Луки, гл. 7, ст. 24).

Стр. 247—248. *Реалисты неверны ∾ которая ничего не означает.* — Эти записи связаны, по-видимому, с впечатлениями от романа Э. Золя «Чрево Парижа» и от статьи Вс. С. Соловьева в «Русском мире» (1876, 11 июля, № 189) «Ф. М. Достоевский и Эмиль Золя о Жорж Занде», присланной ее автором Достоевскому в Эмс. Неизвестно, читал ли Достоевский саму статью Э. Золя «Жорж Санд и ее произведения» (*ВЕ*, 1876, № 7, с. 383—415). Ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 391—392.

Германн. — Персонаж «Пиковой дамы» А. С. Пушкина.

Гранде. — Персонаж повести О. Бальзака «Эжени Гранде» (1833).

Стр. 248. *О М. А. Языкове в «С.-П. Ведомостях».* — В отделе «Внутренние известия» указанного номера «Санкт-Петербургских ведомостей» (№ 140) была напечатана корреспонденция из Калуги, в которой сообщалось о прощальном обеде в честь Михаила Александровича Языкова (1811—1885), возглавлявшего акцизное управление, по случаю его отъезда в Новгород на ту же должность. «Помимо своей служебной деятельности, — говорилось в статье, — М. А. Языков положил много трудов и являлся энергическим проводником всякого общеполезного дела, и успокаивался только тогда, когда известное учреждение осуществлялось».

В корреспонденции перечислялись общества и учреждения, основанные при содействии Языкова.

С Языковым, близким другом Белинского, Достоевский был знаком еще в 40-е годы (письмо к М. М. Достоевскому от 5 сентября 1846 г.). В июле 1876 г. Языков заходил к А. Г. Достоевской в Старой Руссе, осведомлялся о Федоре Михайловиче, а 27 июля письмом справлялся о его адресе в Петербурге (письмо А. Г. Достоевской к мужу от 27 июля 1876 г. — см.: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская. Переписка. Изд. подгот. С. В. Белов и В. А. Туниманов. М., 1979, стр. 241).

Стр. 248. *Фюрстен Липпе-Детмольд.* — Небольшое немецкое княжество. Fürst (нем.) — князь; Fürstentum — княжество. Запись связана с мыслями, развиваемыми в разделе «Нечто о петербургском баден-баденстве» июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 2 — наст. изд., т. XXIII).

Стр. 249. *«Голос» и pronunciamiento.* — 16 (4) сентября 1876 г. тимоко-моравская армия Сербии, состоявшая под командованием генерала М. Г. Черняева, провозгласила князя Сербии Милана Обреновича (1854—1901) королем. Этот акт, равносильный объявлению Сербии независимым государством, был предпринят в ответ на условия, выдвинутые Турцией в ходе переговоров о мире, проходивших при посредничестве европейских держав (все требования сводились к тому, чтобы Сербия признала себя вассальным государством). Сербское правительство сочло инспирированное М. Г. Черняевым провозглашение несвоевременным и оставило его без последствий. «Голос», стоявший на позиции мирного решения Восточного вопроса, увидел в этом акте угрозу переговорам и резко его осудил, обвинив Черняева в безответственности. «Военно-политическая демонстрация, происшедшая в субботу, 16 сентября, в Алексинце, производит тяжелое впечатление <...> Нужно переживать очень трудные минуты и признавать свое положение безнадежным, чтоб прибегнуть к такой отчаянной мере, как военное провозглашение князя Милана „королем Сербии"» (*Г*, 1876, 7 сентября, № 247).

Стр. 249. *«Вестник Европы», с иронией ∾ отдали бы за единение.* — Этой записью открываются заметки к полемике с «Внутренним обозрением» сентябрьского номера «Вестника Европы» за 1876 г. Этой полемике целиком посвящена вторая глава сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Настоящая запись относится к разделу «Страхи и опасения» (§ 4).

Стр. 249. *Письма: приищите работу, уроки. ∾ Проект общества. ∾ обязательство возврата из жалования.* — Достоевский неоднократно получал письма от молодых людей с просьбою порекомендовать их для получения работы или помочь им найти уроки. 2 сентября 1876 г. с этою просьбою заходил к нему студент Медико-хирургической академии А. А. Дудкин, но не решился ее высказать и на следующий день послал письмо (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29708. CCXIб.4). 6 сентября писал Достоевскому А. С. Надеждин, просивший найти работу для студентки-медички (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29784. CCXIб.8). С. Е. Лурье (см. о ней наст. изд., т. XXIII, стр. 379) в письме от 27 сентября ходатайствовала за свою однокурсницу (ИРЛИ, ф. 100, № 29768. CCXIб.7). 21 октября сирота Константин Новицкий, провалившийся на экзаменах в морское училище, просил в долг 3 рубля до прихода денег из Москвы от тетки (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29792. CCXIб.8, опубл.: *Материалы и исследования*, т. II, стр. 303—304). 13 ноября пришло два письма: от студента Г. Глинского (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29677. CCXIб.3) и А. И. Нормапского (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29793. CCXIб.8). Последний просил порекомендовать его на место корректора в газету «Новое время» или на место служителя читального зала в Публичной библиотеке. Свою просьбу он повторил 25 ноября (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29793. CCXIб.8), получив 20 ноября ответ от Достоевского (см.: *Л. Ланский.* Утраченные письма Достоевского. — *ВЛ*, 1971, № 11, стр. 220—221).

Положение бедствующих студентов привлекло внимание Достоевского еще в декабре 1875 г., когда он повстречался со студентом Медико-хирур-

гической академии, просившим милостыню (стр. 78), а затем прочел в газете объявление студента, желавшего получить место швейцара (стр. 83). К проблеме бедствующей молодежи и проекту общества вспомоществования Достоевский возвращался в тетради неоднократно в следующие месяцы.

Касаясь материального положения молодежи, фельетонист «Голоса» писал в сентябре: «В периодической литературе „вопрос о молодом поколении“ совершенно игнорируется до того, что в журналах, в газетах ‹...› переместился уже с передних страниц на задние ‹...›, являясь в форме немногословных, но сугубых и красноречивых меморий, как, например, в ряду других, напечатанная на этих днях: „Студент, *окончательно не имея чем существовать, ищет занятий*“. Вот та стереотипная форма, в какой хронически, изо дня в день, повторяется этот вопрос» (Листок. — *Г*, 1876, 26 сентября, № 266; подпись: М).

Стр. 250. *О пьянствующих офицерах ∾ (фельетоны Висковатова).* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 398.

Стр. 250. ...*Маркова...* — См. стр. 482, примеч. к стр. 251.

Стр. 250. ...*«Голоса», № 252, 12-го сент‹ября›.* — Имеется в виду напечатанный в указанном номере газеты фельетон Макса (Б. М. Маркевича) «Листок», содержавший резкий разбор очерка Вас. И. Немировича-Данченко «Славянское дело и русская глушь. На выдержку из путевых воспоминаний» (*СПбВед*, 1876, 5 сентября, № 245). Полемизируя с некиим «питерским оратором», утверждавшим, что народ «боится войны и ненавидит солдатчину», Немирович-Данченко описывал энтузиазм и воодушевление, с которыми принималось разными слоями русского народа дело помощи славянам Балканского полуострова. Маркевич подверг сомнению «рассказ ‹...› о повсеместной, будто бы, готовности нашего сельского народа идти в Сербию „целым миром“». Он считал, что автор очерка «от себя *сочинил* ‹...› все эти патриотические разговоры „мужичков“» и выдал их за мнение «не одной какой-нибудь губернии, а всего востока Европейской России». «Бельлетристике» Немировича-Данченко Маркевич противопоставил трезвые суждения о движении в помощь славянам, высказанные в статье Е. Л. Маркова «Идея и цифры. (Ответ на вопрос: готовы ли мы?)» (*Г*, 1876, 9 сентября, № 249) и во «Внутреннем обозрении» сентябрьской книжки «Вестника Европы».

Стр. 250. *Помещики и дети их, спускающиеся до типографских наборщиков.* — Возможно, имеется в виду драгунский офицер Буровин, о котором рассказал В. И. Кельсиев в очерке «Из рассказов эмигранта» («Заря», 1869, № 3). Достоевский упомянул его в очерке «Одна из современных фальшей» (наст. изд., т. XXI, стр. 135, 458).

Стр. 250. — *Нет семьи, — говорит Щедрин.* — Эта мысль М. Е. Салтыкова-Щедрина приведена в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. I, § 4 (стр. 51). Достоевский встречался с Щедриным в сентябре и октябре 1876 г., о чем говорится также в октябрьском выпуске «Дневника», гл. I, § 3 (наст. изд., т. XXIII, стр. 144, 406). Ср. стр. 311, 314.

Стр. 251. ...*status quo...* — Одним из условий мира Турции с Сербией и Черногорией державы-посредники предлагали сохранение для последних status quo ante bellum.

Стр. 251. *Макс. Цитует слова Марлинского ∾ и восхищается ими.* — В статье Макса (Б. М. Маркевича) «Листок» (*Г*, 1876, 12 сентября, № 252) перефразируются слова из статьи А. А. Бестужева-Марлинского «О романе Н. Полевого „Клятва при гробе господнем“» (1833): «Чтоб верно судить о каком-нибудь событии, надо чтоб оно отдалилось от нас на исторический выстрел». (У Марлинского: «Мы видели и увидим, что новая трагедия ‹...› вырывает своим деревянным кинжалом из могил еще неостылые трупы героев, не дожидаясь, чтобы давность увлекла их на исторический выстрел, она судит их у гроба...» — А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в 2-х томах, т. 2. М., 1958, стр. 571—572). Этой мыслью подкрепляются в фельетоне Маркевича рассуждения о сущности движения помощи славянам Балканского полуострова: «Все мы видим и

сознаем, что в народе что-то такое поднялось, заговорило; но ни один осторожный наблюдатель не в состоянии теперь же наклеить к этому явлению номенклатурный ярлык с претензией на безошибочность определения свойств, меры и веса. Мы не знаем ни действительных источников этого движения, ни глубины его, ни размеров; обо всем этом мы можем говорить только приблизительно, гадательно...», особенно вследствие разобщения интеллигенции и народа.

Стр. 251. *Марков — «Голос», № 249, сентября 9. «Идея и цифры».* — Статья ведущего публициста «Голоса» Е. Л. Маркова «Идея и цифры. (Ответ на вопрос: готовы ли мы?)», написанная еще в августе в ответ на утверждения о неготовности правительства России к войне, содержавшиеся в речи лидера английской либеральной партии У. Гладстона, возглавлявшего парламентскую оппозицию (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 410). Марков указывал, что о готовности русского народа к войне нельзя судить, не принимая во внимание моральных и нравственных свойств русского солдата, о которых забыл Гладстон. «Чтобы верно оценить, что́ может сделать русская сила при данном бюджете и при данной численности войска, нужно вспомнить изумительную выносливость, терпкость и спартанскую умеренность, которые отличают русский народ и русское войско от всех других народов и войск Европы ‹...› Русский человек страшно силен пассивною силой, а она в большей части случаев сто́ит активной. Русского человека ничем не удивишь и ничем не испугаешь; в сущности, ему и терять-то почти нечего». В целом Марков считал, что «более благоприятная минута для воскресения славян, для совершения их исторических судеб, быть может, никогда не настанет».

Стр. 251. *«Новое время», № 196-й ∾ что они всегда будут слушаться России.* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 400, примеч. к стр. 114.

Стр. 251. *Согласие комиссии скупщины...* — В «Новом времени» (1876, 14 сентября, № 196) была напечатана телеграмма из Белграда от 24 (12) сентября, содержавшая адрес Совету министров Сербии от Постоянной комиссии сербской скупщины по поводу провозглашения армией короля: «...С радостью даем мы, комиссии скупщины, наше согласие на заявление, сделанное несколько дней назад нашим народным войском, когда оно провозгласило нашего светлейшего князя Милана Обреновича первым сербским королем. Комиссия радуется этому национальному делу и просит правительство ревностно содействовать тому, чтобы наша независимость возможно скорее стала действительным фактом и чтобы наш милостивейший князь был провозглашен и утвержден сербским королем». Ср. примеч. к стр. 249.

Стр. 251. *А в № 195 цитуется ∾ откуда следует получить их).* — Международное телеграфное агентство (принадлежавшее А. А. Краевскому) распространило телеграмму, в которой сообщалось, что «Московские ведомости» высказываются «против политики генерала Черняева в деле провозглашения князя Милана королем Сербии» (*Г*, 1876, 9 сентября, № 249; *НВр*, 1876, 10 сентября, № 192). В «Новом времени» (1876, 13 сентября, № 195) в отделе «Среди газет и журналов» перепечатано из «Московских ведомостей» (1876, 11 сентября, № 231) опровержение, в котором эта телеграмма квалифицируется как «грубая мистификация».

Стр. 252. *Ну хоть от Ф. П. Баймакова.* — Федор Петрович Баймаков (1831—1907), владелец банкирской конторы, арендатор в 1875—1877 гг. «С.-Петербургских ведомостей».

Стр. 252. *Зайцев.* — Возможно, имеется в виду Варфоломей Александрович Зайцев (1842—1882), публицист и критик журнала «Русское слово», деятель русского революционного движения. Об отношении к нему Достоевского см.: наст. изд., т. X, стр. 388—390; т. XII, стр. 213—214.

Стр. 252. *(Вагнер. Как бестолков.)* — Вероятно, речь идет о Н. П. Вагнере (см. наст. изд., т. XXII, стр. 334—335). Но, может быть, имеется в виду и немецкий композитор Рихард Вагнер (см. стр. 256).

Стр. 252—253. *Какая забота о магометанах ∾ Либерально-пресмыкающиеся.* — Соответствующее место из «Внутреннего обозрения», с которым

Достоевский полемизирует в данной записи, цитируется в «Дневнике писателя» (наст. изд., т. XXIII, стр. 124).

Стр. 253. *Райя.* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 400.

Стр. 253. *«Еще более возвышенный, чем единоверие».* ∾ *Факт, как бы вам он не нравился.* — См. цитату из «Внутреннего обозрения» (наст. изд., т. XXIII, стр. 403, примеч. к стр. 126).

Стр. 253. *Garibaldi* ∾ *молодой республике и республиканцам.* — Речь идет о событиях франко-прусской войны 1870—1871 гг. После разгрома французской армии под Седаном (2 сентября 1870 г.), когда попал в плен к немцам сам император Наполеон III, во Франции была провозглашена республика и сформировалось правительство национальной обороны (4 сентября 1870 г.). В начале октября во Францию приехал вождь итальянского национально-освободительного движения Джузеппе Гарибальди, принявший командование частями одной из французских армий.

Запись подсказана Достоевскому следующими словами из «Внутреннего обозрения»: «... увлечение Гарибальди, когда он явился во Францию, веря в успех народной войны, было вызвано никак не тем, что Франция католическая страна, а Пруссия протестантская» (*ВЕ*, 1876, № 9, стр. 352). В оценке симпатий Гарибальди и мотивов его приезда Достоевский был прав. Так, 13 февраля 1871 г. Гарибальди заявил: «Я всегда отличал Францию монархическую, Францию попов, от Франции республиканской. Две первые заслуживают проклятия, но Франции республиканской отдаем мы безраздельно нашу любовь, нашу преданность».

Стр. 253—254. *Спросим себя, что вышло из всех тех зрелостей* ∾ *Пропись.* — Полемические заметки к отрывку, который Достоевский цитирует и разбирает в разделе «Страхи и опасения» сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 4 — наст. изд., т. XXIII, стр. 131).

Если б мы не встречали Палацкого... — Франтишек Палацкий (1798—1876), чешский историк и буржуазный либеральный политический деятель чешского национального движения XIX в., возглавлял чешскую депутацию на Славянском съезде в России в 1867 г. (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 404).

Стр. 254. *...блудница...* — Подразумевается католическая церковь (ср. наст. изд., т. XXII, стр. 360).

Стр. 255. *«Новое время» № 195* ∾ *Адресс николаевцев.* — В двух корреспонденциях из Белграда, напечатанных в «Новом времени» (1876, 13 сентября, № 195), рассказывалось о панихиде по Н. Н. Раевском (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 399) и отправке на родину его праха. В корреспонденции из Тамбова сообщалось о появлении в губернии секты «очищенцев»: «главными ее догматами служат обязательность брака для всех достигших совершеннолетия и признание нравственного главенства жены», «очищенцами еженедельно совершается покаяние перед своими женами». Из «Русского обозрения» (1876, 12 сентября, № 10, стр. 4) в этом номере был перепечатан адрес, отправленный 24 августа Александру II городской думой г. Николаева, заверявшей о готовности города встать на защиту «престола и чести дорогого нам отечества».

Стр. 255—258. *Крит. А развились ли мы. Как же нет?* ∾ *Пуганая ворона куста боится.* — Полемические заметки ко второй главе октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., в основном к разделу «Страхи и опасения» (§ 4 — наст. изд., т. XXIII).

Крит. — Имеется в виду сочувствие русского общества восстанию кандиотов. Следующие далее заметки до слов: «Вот беда, если мы так и останемся и дальше не пойдем» — вызваны отрывком из «Внутреннего обозрения». цитируемым в «Дневнике писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 131).

Стр. 256. *...(отчасти после Орсини).* — Феличе Орсини (1819—1858), граф, деятель итальянского освободительного движения, участник революции 1848 г. в Италии. 14 января 1858 г. бросил бомбу в Наполеона III, был арестован и казнен 13 марта того же года. Его предсмертное письмо к Наполеону III, в котором он требовал отказа французского правитель-

ства от поддержки реакционных сил, оказало несомненное влияние на дальнейшую политику Наполеона III в итальянском вопросе.

Стр. 256. *...или наивный Вагнер?* — См. примеч. к стр. 252. Но поскольку несколькими строками ниже говорится о театре и опере, речь может идти о немецком композиторе Рихарде Вагнере. В августе—сентябре 1876 г. русские газеты много писали о Вагнере в связи с открытием в г. Байрейте основанного им экспериментального театра и постановкой там тетралогии «Кольцо Нибелунгов» (например: М. Иванов. Из Германии. — *НВр*, 1876, 3 сентября, № 185; 8 сентября, № 190; Г. А. Ларош. 1) Праздник в городе Жана Поля. — *Г*, 1876, 19 августа, № 228; 2) Нибелунгов перстень. — *Г*, 1876, 25—26 августа, № 234—235; 3) Музыкальные очерки. Русские и западные газеты о Байрейте и «Нибелунгах». — *Г*, 1876, 16 сентября, № 256; ср.: *БВ*, 1876, 18 августа, № 227; *МВед*, 1876, 13 сентября, № 233; *СПбВед*, 1876, 5 августа, № 214; 9 августа, № 218; 12 августа, № 221; 19 августа, № 228; 26 августа, № 235). Ср. примеч. к стр. 238—239.

Стр. 257. *Чтоб потилицей жертвовать...* — Перефразированная цитата из «Горя от ума» (д. II, явл. 2): «Отважно жертвовать затылком».

Стр. 257. *«Угрюмые тупицы» либерализма.* — Выражение «угрюмая тупица» встречается ранее у Достоевского в записной тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 254). Ср. стр. 45.

Стр. 257. *Тьер.* — Имеется в виду, что в годы, когда А. Тьер был президентом Франции (август 1871—май 1873), как и во все времена, Франция считала себя первой державой и предводительницей романских стран. Аналогичные мысли Достоевский ранее высказал в «Гражданине», 1873, № 38 (наст. изд., т. XXI, стр. 184).

Стр. 258. *«На православное дело».* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 394, примеч. к стр. 102.

Стр. 259. *О том, что турки всячески нарушали перемирие ∽ Совр‹еменные› изв‹естия›.* — В отделе «Среди газет и журналов» «Нового времени» (1876, 15 сентября, № 197) была напечатана следующая выдержка из статьи в газете «Современные известия» (1876, 13 сентября, № 252): «...военные действия были приостановлены с единственною целью, чтобы дать туркам время перебраться на досуге с главными своими силами на Ибар и Дрину. Впрочем, они, как известно, другими условиями и не стеснялись, которые, должно быть, считались обязательными только для сербов».

Стр. 259. *«Новое время», № 197. Восточные дела. Корреспонденция «Теймса» из Вены.* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 396. *Восточные дела* — рубрика в «Новом времени», под которой была напечатана указанная корреспонденция.

Стр. 259. *Вот слова «Москов‹ских› ведом‹остей›» о социализме и избиении социалистами болгар, № 234 (14 сентября).* — В передовой статье указанного номера «Московских ведомостей» излагалось содержание речи английского премьер-министра Б. Дизраэли на банкете Центрального общества скотоводства и земледелия (о ней см.: наст. изд., т. XXIII, стр. 396). Газета отвергала его инсинуации, будто сербо-турецкая война была «делом тайных обществ», «имеющих своих агентов повсюду, которые поощряют убийство и даже, если им то нужно, могут возбудить избиения». Пугая «фантастическими избиениями», указывала газета, Дизраэли относился «благодушно, кротко и снисходительно к избиениям, действительно совершающимся при его собственном содействии!». В конце статьи, рассматривая провозглашение сербской армией князя Милана королем как «рыцарский порыв», в котором «сказалось чувство, одушевляющее весь сербский народ, протестующий против продолжения вассальных отношений к Порте», газета задавала вопрос: «Как объяснит этот факт лорд Биконсфильд, объявивший все сербское движение делом социалистов и тайных обществ?».

Стр. 259. *...лорд Дарби...* — Эта фамилия, несомненно, была подсказана тем, что в печати часто упоминался Эдуард Генри Стенли Дарби

(Derby, 1826—1893), министр иностранных дел (1874—1878) в кабинете Дизраэли.

Стр. 260. *Стасюлевич* Михаил Матвеевич (1826—1911), публицист, историк, общественный деятель, издатель (1866—1908) умеренно либерального журнала «Вестник Европы».

Стр. 260—261. *Не замай, барин* ∾ *Какое странное понятие о фактах!* — Неосуществленные заметки к разделу «Страхи и опасения» сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, § 4 — наст изд., т. XXIII).

Стр. 261. ...*Египтом*... — Имеется в виду покупка Англией акций Суэцкого канала (см. примеч. к стр. 66).

Стр. 261. ...*Безикской бухтой.* — В Безикской бухте на малоазиатском побережье Турции недалеко от входа в Дарданелльский пролив с юга находилась английская эскадра, пришедшая туда после волнений турецких фанатиков и убийства в Салониках французского и немецкого консулов (см. наст. изд., т. XXII, стр. 381, примеч. к стр. 120).

Стр. 261. *Стушевался.* — См. примеч. к стр. 146.

Стр. 263. *«Современные известия» воруют у меня* ∾ *«Новое время» в восторге*... — В обзоре «Нового времени» (1876, 16 сентября, № 198) «Среди газет и журналов» говорилось: «„Современные известия" в весьма горячо написанной статье „Два слова о настоящей эпохе" доказывают, что при настоящем положении русского общества мыслителю легко проследить степень развития разных классов, из которых состоит это общество или скорее народ, разглядеть признаки, указывающие, где более сохранился дух древней Руси, ее стойкость, доблесть, здравое суждение и вместе с тем понятие о чести народа, о чести России, и которые из классов, напротив, погнулись, растеряли доблести русские». В названной статье «Современных известий» (1876, 14 сентября, № 253) действительно повторяется мысль, высказанная Достоевским в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 2 «Постыдно ли быть идеалистом?» и «Post scriptum» (наст. изд., т. XXIII, стр. 69—70, 102—105).

Стр. 263—264. *О, «Вестник Европы» — говорит* ∾ *погибнете под вашим возом либеральных нравоучений и проч.* — Разрозненные заметки ко второй главе сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Ср. записи на предыдущих страницах.

Стр. 264. *«Новое время», № 201* ∾ *Программа английских либералов.* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 400—401.

Стр. 264. *22 сентября, «Голос». Мнение «Journal des Débats» об обществ‹енном› мнении России.* — В передовой статье «Голоса» (1876, 22 сентября, № 262) сообщалось, что французская газета «Journal des Débats» «описывает воодушевление и особенно *единодушие* русского народа в сочувствиях к славянскому делу в самых ярких красках, говорит о единстве чувств и мыслей, внезапно объявшем все слои народа и примирившем все мнения, с заметною горечью воспоминаний об отсутствии подобного национального единства во Франции; но она же самым решительным тоном объявляет, что все это русское воодушевление может быть так же быстро и легко остановлено, как оно было приказано». По мнению газеты, движение было «заказано и приказано правительством».

Стр. 265—267. *За единоверие или не за единоверие.* ∾ *Самобичеванье в нашем обществе.* — Продолжение мелких заметок ко второй главе сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

«Новое время», четверг ∾ *Прокламация софтов*... — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 410. Достоевский допускает ошибку: в указанном номере «Нового времени» прокламация была переведена из газеты «Gaulois», а не «Temps».

Стр. 266. *Единоверие* ∾ *Но приложимо ли это в данном случае хоть сколько-нибудь?* — Заметки к разделам «Кифомокиевщина» и «Продолжение предыдущего» сентябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, §§ 2—3).

Искать причины помощи не допускает Евангелие. Просто получай, самарянин. — Имеется в виду евангельская притча о добром самарянине,

бескорыстно позаботившемся об ограбленном и израненном разбойниками человеке, мимо которого равнодушно прошли единоплеменники (Евангелие от Луки, гл. 10, ст. 30—37).

Западнические Кифы Мокиевичи. А что если б слон родился из яйца. — Кифа Мокиевич — персонаж романа Н. В. Гоголя «Мертвые души» (ч. I, гл. 11), чье «существование ‹...› было обращено более в умозрительную сторону»; доморощенный провинциальный философ, олицетворяющий бесплодное умствование над нелепыми, не имеющими практической ценности вопросами, вроде: «Ну а если бы слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, сильно бы толста была, пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрельное оружие выдумать».

Стр. 267. ...*Что сквозит и тихо светит || В простоте его смиренной.* — Неточная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855). У Тютчева:

Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Это стихотворение неоднократно цитируется и перефразируется в разных произведениях Достоевского (см.: А. В. Архипова. Достоевский о Тютчеве. К атрибуции одной статьи в «Гражданине». — *РЛ*, 1975, № 1, стр. 174—176; наст. изд., т. IX, стр. 306; т. XIV, стр. 226), в том числе в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (наст. изд., т. XXIII, стр. 103).

Стр. 267. *Октябрьский № ∾ Восточн‹ый› вопрос...* — Из этой «первоначальной программы» в октябрьский выпуск «Дневника писателя» за 1876 г. вошел только последний пункт (гл. II, § 1 «Новый фазис Восточного вопроса»). Однако содержание этого пункта в тот момент, когда делалась эта запись в начале октября, предполагалось, очевидно, иным, нежели в окончательном тексте, который явился откликом на русский ультиматум, предъявленный Турции 19 (31) октября.

Стр. 267. *О том, что такое лучшие люди ∾ В России загадка.* — Давно зревшая у Достоевского тема «лучших людей», к которой заметки рассеяны выше по обеим тетрадям (см. примеч. к стр. 78), развита в разделах «Лучшие люди» и «О том же» октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. II, §§ 3—4 — наст. изд., т. XXIII). Ср. записи на стр. 268, 269, 273, 275, 278 и др.

Стр. 268. *Струсберг, Полянский...* — 2 октября 1876 г. в Москве возобновился процесс по делу о крахе Московского коммерческого ссудного банка (см. примеч. к стр. 222). Достоевский, как показывают последующие записи (стр. 269, 273—276 и др.), внимательно следил за ним по газетам.

Стр. 268. *Редакция издания (Гайдебуров), не находя удобным...* — Фраза из сопроводительной записки, с которой 29 сентября 1876 г. редактор «Недели» П. А. Гайдебуров переслал Достоевскому письмо читателя, которое счел неудобным печатать в своей газете (*ГБЛ*, ф. 93.II.2.63). Письмо читателя не сохранилось.

Стр. 268—269. *Идеи, от которых иду ∾ Некрасов, ушедший от отца.* — Записи, относящиеся к проекту общества вспомоществования молодежи (см. примеч. к стр. 249).

Валеты. — Шайка «Червонные валеты» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 359, примеч. к стр. 8).

Выгоднее броненосца или поповки ∾ (хотя и поповки необходимы). — Поповка — тип броненосца круглой формы, получивший название по фамилии вице-адмирала А. А. Попова, по чьей идее и под чьим руководством было построено два таких корабля: «Новгород» (1873) и «Вице-адмирал Попов» (1875). Поповки широко обсуждались в современной печати и были признаны неудачным экспериментом («Поповка. Сборник статей о круглых судах». СПб., 1875). В сентябре 1876 г. в газетах появились сообщения о предстоявших испытаниях русского броненосца «Петр Великий», строившегося по проекту А. А. Попова.

Некрасов, ушедший от отца. — В декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский писал, что Некрасов рассказывал ему «со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме...» (наст. изд., т. XXVI).

Стр. 270. *Простейшее соображение ∾ будут строго определены.* — В дипломатических переговорах вокруг вопроса о перемирии в сентябре—первой половине октября, борьба велась вокруг его срока. Россия и Сербия настаивали на шестинедельном перемирии, считая, что более продолжительный срок был бы выгоден Турции в военном отношении и означал бы фактическое возвращение к status quo ante bellum — неприемлемому условию, выдвигавшемуся в английском проекте мира. В конце сентября Турция потребовала шестимесячного перемирия (о нем также писали как о пятимесячном). Ввиду несогласия России и Сербии Англия предлагала трехмесячный срок. См., например: *НВр*, 1876, 1 октября, № 213; 3 октября, № 215; 4 октября, № 216; 6 октября, № 218, и др.

Стр. 270. *Ну а резня болгаров, продолжающаяся.* — В прессе начали появляться сообщения о возобновлении в Болгарии массовых убийств (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 410).

Стр. 270. *Смерть в Петербурге ∾ «Новое время», № 218, среда, 6 октября.)* — В указанном номере «Нового времени» было помещено сообщение о «зверском убийстве, напоминающем сцены из Болгарии». На Старо-Муринской дороге в Петербурге был найден смертельно раненный ножом фейерверкер 1-й гвардейской пехотной артиллерийской бригады Михаил Гейбадулин. Убийцы — двое татар. О том, что Гейбадулина убили за принятие им христианства, в корреспонденции не говорится. В других газетах (*Г*, 1876, 6 октября; *БВ*, 1876, 6 октября, № 276) указывалось, что рассказ «Нового времени» о двух татарах опровергается рядом фактов, свидетельствующих о самоубийстве.

Стр. 270. *Аксиома. ∾ Но политически две бы только силы.* — Замысел неосуществленной статьи «Европа и две силы», который наметился у Достоевского еще в сентябре (ср. стр. 251, 258, 263). О политике в отношении Германии ср. записи на стр. 283, 289.

Устранение романского племени. — Этот проект Достоевского был связан с его убеждением в том, что после поражения во франко-прусской войне (1870—1871 гг.) Франция потеряла свое значение как политическая сила в Европе. Ср. записи ранее и далее (стр. 248, 272, 288) и наст. изд., т. XXII, стр. 84—85.

Стр. 270. *«Московские ведомости». Проповедь софтов по шарьяту...* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 5 октября, № 253) приводился со ссылкою на «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» пересказ проповеди, печатный текст которой распространялся в г. Филиппполе (ныне Пловдив). Проповедь призывала к священной войне против христиан, которым рекомендовалось предлагать выбор между обращением в мусульманство или специальным налогом (харачь), а при отказе предписывалось их убивать.

Шарьят. — Шариат — совокупность религиозных и юридических норм мусульманского религиозного права.

Стр. 271. *Для нашего общества ∾ в университетском факультете.* — Ср. заключительные строки раздела «Оригинальное для России лето» июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. IV, § 5 (наст. изд., т. XXIII, стр. 102).

Стр. 271. *«Голос» ∾ Статья Лароша...* — В статье «Литература и жизнь» (подпись: L), напечатанной в указанном номере «Голоса», Г. А. Ларош, излагая сочувственно содержание «Внутреннего обозрения» октябрьской книжки «Вестника Европы», утверждал, что «полное забвение своих внутренних вопросов и интересов, исключительное увлечение внешнею политикою — признак наступающей реакции». Называя русский народ «тихим, но исполинским богатырем», он писал: «Пробьет час, когда всколыхнется громада, подобно которой никогда еще не видывала исто-

рия. Сохраним веру в эту громаду, в богатство ее природных средств, в глубину и мощь ее народного духа, — но пусть эта вера не будет бездеятельным, неопределенным чувством; пусть она оплодотворит нашу мысль и подвинет нас на дело. А делом этим, прежде всего, должно стать наше внутреннее развитие, о котором мы давно говорим, давно кричим, которым мы давно портим кровь себе и ближнему, но для которого мы всё еще недостаточно приучились нести неудобства, тяготы и жертвы. Пусть наши кошельки, наконец-то открывшиеся на дело общее, гражданское, на дело славян, не закроются и не оскудеют, когда придется жертвовать на наши школы, когда придется вспомнить о горестном положении наших дорог, об эпидемии пожаров, о тысяче бед, все еще тяготеющих над Россией и, во множестве случаев, тяготеющих именно вследствие апатии и эгоизма общества».

Стр. 271. *Мыслете.* — Псевдоним, которым подписывался в «Голосе» еженедельный воскресный фельетон «Листок» начиная с 19 сентября 1876 г. (№ 259).

Стр. 271. *См. «Москов‹ские› ведом‹ости›», 6 октября, № 254, среда. Письмо к издателю.* — Имеется в виду «Письмо к издателю» (подпись: С. Б.), в котором рассказывалось о сборе средств для славян Балканского полуострова, произведенном по собственной инициативе крестьянами Липовской волости Елецкого уезда Воронежской губернии, после того как автор письма рассказал им о «зверствах турок над христианами». «Вообще в нашей местности, как, вероятно, и во всей России, сочувствие к славянскому делу проявляется во всех слоях общества», — писал автор, приводя тому примеры и упоминая, в частности, о ветеране Кавказской войны, который оставил жену с четырьмя детьми и ушел сражаться «за веру».

Стр. 271. *«Новое время» от 3-го октября, № 215 ∾ Опять Константинополь — общее место, нейтральный.* — Речь идет о следующем суждении, высказанном в анонимной статье «Накануне разрешения Восточного вопроса»: «Для успокоения торговых интересов Англии и Франции Константинополь с своим округом мог бы образовать нейтральный вольный город, с правами, выработанными на конференции великих держав. Укрепления Дарданелл должны быть разрушены или заняты смешанным гарнизоном держав, подписавших Парижский трактат, за исключением Турции».

Стр. 271. *Игнатьев* Николай Павлович (1832—1908), граф, государственный деятель и дипломат, в 1864—1877 гг. — русский посол в Турции, один из вдохновителей и организаторов русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Стр. 271. *Данилевский.* — О Н. Я. Данилевском и его статье о Константинополе см.: наст. изд., т. XXIII, стр. 377; т. XII, стр. 233.

Стр. 272. *...(Поццо ди Борго). Смотри статью Соловьева «Восточный вопрос».* — В статье С. М. Соловьева «Восточный вопрос в 1827, 1828 и 1829 годах» («Древняя и новая Россия», 1876, № 10, стр. 105—119) приводился ответ русского посла во Франции К. А. Поццо ди Борго (1764—1842) на запрос Николая I в связи с занятием русскими войсками турецкого города Адрианополя: «Император Николай велел спросить у Поццо, что делать, если упорство султана заставит овладеть Константинополем? Поццо отвечал, что все зависит от обстоятельств взятия этого города: если султан в порядке отступит в Азию, то с ним можно договариваться, предложить ему мирные условия и, если согласится, восстановить его в Константинополе. Если же он погибнет и турецкая империя разрушится, тогда: принявши военное положение, самое способное заставить уважать русскую политику, император может пригласить главные государства Европы. под его председательством, распорядиться некоторым образом судьбою страны, которую его величество освободил своим оружием и которую желает возвратить цивилизации и правительству благоустроенному; при этом Россия должна получить Константинополь, оба берега Босфора, Дарданеллы и остров Тенедос. Константинополь можно сделать вольной гаванью, город получит самоуправление; но в нем будет русский

гарнизон, который будет давать России, так сказать, молчаливое влияние. Слабому государю отдать Константинополь нельзя, потому что тут будет постоянно борьба между русским и английским влиянием».

Стр. 272. *О Молчалине.* — Запись сделана, очевидно, под впечатлением от очередного, четвертого сатирического очерка М. Е. Салтыкова-Щедрина из цикла «Экскурсии в область умеренности и аккуратности» (*ОЗ*, 1876, № 9; вып. в свет 20 сентября). В нем идет речь о Молчалине 2-м, редактирующем газету «Чего изволите?». Словами этого литературного персонажа о том, что на него Катков «чуть не каждый день донос в своей паскудной газете строчит» (*Салтыков-Щедрин*, т. XII, стр. 93), подсказана, возможно, заметка в тетради далее (стр. 273): «Я пострадал от доноса, а вы нет ∾ За это дают отличие за умеренность и аккуратность».

Об изображенном в очерке Молчалине 70-х годов Достоевский беседовал с Салтыковым-Щедриным во время их встречи в октябре 1876 г., о чем упомянул в октябрьском выпуске «Дневника писателя», указав, что собирается впоследствии поговорить на эту «знатную» тему (наст. изд., т. XXIII, стр. 406).

Стр. 272. *Глупая статья «Русского мира» против статьи «Голоса» о помощи турецкому капитану (перешедшему в христианство).* — В «Голосе» (1876, 7 октября, № 277) было напечатано обращение с просьбою пожертвований в пользу капитана турецкой армии Абрулаха, несколько лет назад принявшего христианство, бежавшего в Россию и жившего в страшной нужде. «Русский мир» (1876, 9 октября, № 246), возмущаясь этой заметкой, задавал вопрос, почему приглашение к благотворительности появилось именно в тот момент, когда все русское общество взволновано зверствами, совершаемыми армией, в которой раньше служил Абрулах.

Стр. 272. *Токарев. Доктора.* — См. стр. 490—491, примеч. к стр. 274.

Стр. 273. *О Струсберге и его великой идее.* — Корреспондент «Нового времени» на процессе о крахе Московского коммерческого ссудного банка писал о допросе Струсберга, происходившем 8 октября: «...беспристрастность и холодность историка скоро надоедают Струсбергу: забывши историю, он начинает петь гимн собственной своей особе. „Я, мол, не простой смертный, а служитель высших идей! Можно ли же судить меня и мои операции по масштабу лавочников, привыкших торговать кожами и салом, хотя бы этого сала было у них на миллионы!“» (*НВр*, 1876, 11 октября, № 223). На другой день передавались следующие слова Струсберга: «Моя память способна хранить только великие мысли, а вы меня спрашиваете о пустяках» (*НВр*, 1876, 12 октября, № 224). В связи с этим в корреспонденции напоминалось об автобиографии Струсберга, о которой читателям «Нового времени» стало известно несколькими днями раньше из рецензии на нее: П. В. Новый Жан-Жак Руссо (Dr. Strousberg und sein Wirken von ihm selbst geschildert. Berlin, 1876). — *НВр*, 1876, 5 октября, № 217. Уверяя читателей, что он «чувствует потребность и сознает в себе способность совершить нечто великое, долженствующее жить в потомстве», Струсберг писал, что этим великим было желание создать условия для достижения социального мира: «По совести могу заявить, что я серьезно стремился к тому, чтобы создать такую практическую комбинацию, в которой счастливо и гармонически действовали бы вместе капитал, фабрикант и рабочий, ‹...› только эта мысль лежала в основании моих промышленных созданий...». Рецензии на автобиографию Струсберга напечатали и другие газеты: *МВед*, 1876, 30 сентября—1 октября, № 249—250; *СПбВед*, 1876, 28 сентября, № 268.

Стр. 273. *И известие прослушали мухи....* — В отделе «Среди газет и журналов» «Новое время» (1876, 12 октября, № 224) перепечатало из газеты «Биржа» (1876, 11 октября, № 279) следующую заметку:

«Почуяли мухи
Медовые духи.

Нам сообщают, что в настоящем году в институт инженеров путей сообщения поступило 60 воспитанников из раввинских училищ!..».

Стр. 273. *«Новое время», № 226 ∾ она вам задаст бессилие!»* — Заметка из «С.-Петербургских ведомостей» (1876, 13 октября, № 283) о неудачных попытках Англии сколотить антирусский союз европейских государств. Извлечение было напечатано в «Новом времени» (1876, 14 октября, № 226) в отделе «Среди газет и журналов»: «Предложение английскому послу при русском дворе отправиться в Ливадию не есть ли знак полного бессилия Англии на европейском континенте, бессилия тем более чувствительного, что о континентальном могуществе Англии иронически относится даже сам Бисмарк, заметивший, по словам газеты „Daily News", что Англия не принимается в соображение европейскими политиками».

Лофтус Огастус Уильям Фредерик Спенсер (1817—1904) — посол Англии в России в 1871—1879 гг. На заседании английского кабинета 19 (7) октября было решено начать подготовку вооруженных сил к возможной войне, но одновременно предпринимать шаги к сохранению мира. С этой целью Лофтусу было поручено провести переговоры с Александром II, находившимся в эти дни в Ливадии (в Крыму) (*НВр*, 1876, 12 октября, № 224).

Стр. 273. *«Московские ведомости», четверг, № 262. Струсберг о банкирах. (Великая идея.)* — В отчете «Московских ведомостей» (1876, 14 октября, № 262) о судебном заседании 9 октября приводились следующие слова Струсберга: «Я вообще не имею особенного почтения к представителям банков и считаю банкиров за людей самых ограниченных, потому что с деньгами всякий дурак может торговать. Пока он имеет деньги, всякий ему льстит и считает его за умного человека. Между тем о делах они не имеют понятия. Вся добродетель их заключается в том, что они говорят: „нет"». Далее в отчете следовало: «Говоря о своих взятках, которые он называл комиссионными, он сказал о тех, кому давал: „Они были моими слугами <...>, и я давал им то, что считал нужным дать"». На вопрос об одной из мелких деталей его операций Струсберг ответил: «...при моих громадных делах я старался забывать то, о чем не следовало помнить, чтобы не потерять нить моих более высоких идей».

Стр. 274. *Начиная с слезливо-кающихся ∾ негодяи.* — Характеристика подсудимых на процессе Струсберга.

Стр. 274. *«Московские ведомости», № 263, 14 октября. ∾ Великолепное сравнение.* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 15 октября, № 263) сообщалось о рабочем конгрессе в Париже 2—10 октября 1876 г., собравшемся впервые после подавления Парижской коммуны, и проводилась «параллель» между этим «возрождением активного социализма во Франции» и «башибузуками, свирепствующими в христианских провинциях Турции». Вывод газеты: «Практический социализм, очевидно, приготовляется к новой схватке». Дата номера указана Достоевским неверно.

Стр. 274. *«Московские ведомости». Тот же номер о Красном кресте...* — В конце сентября в русских газетах появилась телеграмма из Сербии кн. В. П. Мещерского, в которой сообщалось о плохом состоянии русских госпиталей в Сербии и вина за это возлагалась на уполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах (русский Красный крест) в Сербии В. Н. Токарева (*НВр*, 1876, 27 сентября, № 209; *МВед*, 1876, 28 сентября, № 247). Одновременно в телеграмме от М. Г. Черняева указывалось на необходимость организации госпиталя для русских офицеров и говорилось, что «ожидать <...> помощи от здешнего отделения Красного креста, занятого одною только формальною стороною дела, нечего» (*МВед*, 1876, 28 сентября, № 247). В прессе развернулась дискуссия вокруг оценки деятельности В. Н. Токарева и состояния русских госпиталей. К этой полемике относилось и прочитанное Достоевским сообщение от Главного управления Общества попечения о больных и раненых воинах, перепечатанное из «С.-Петербургских ведомостей» «Московскими ведомостями» (1876, 15 октября, № 263): «Главное управление ввиду нападок на Токарева пригласило профессоров Корженевского, Склифосовского и Богдановского и просило их высказать по этому предмету свое откровенное мнение».

Мнения профессоров разошлись: Склифосовский согласился с кн. Мещерским, другие два нашли только частные недостатки в постановке дела, но все указали, что «только лицо компетентное в деле санитарной помощи может устранить неустройства, происходящие от непонимания дела...».

Стр. 274. *...о продаже женщин и детей в Константинополе.* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 15 октября, № 263) сообщалось, что «Англия, захватившая в свои руки морскую полицию под предлогом преследования торговли невольниками, покровительствует в Турции гнусной продаже христианских женщин и детей».

Стр. 274. *Лофтусы дозволили.* — В «Московских ведомостях» (1876, 15 октября, № 263) было перепечатано сообщение из венской газеты «Fremdenblatt» о том, что лорд Лофтус едет в Ливадию, чтобы «осветить политическое положение, представить русскому правительству те пункты, до которых не дозволит коснуться Англия». В комментируемой записи имя Лофтуса упомянуто Достоевским в нарицательном смысле.

Стр. 274. *Студенты в Пеште в честь Турции.* — В «Московских ведомостях» (1876, 14 октября, № 262) в телеграмме из Пешта от 25 (13) октября сообщалось: «Полиция нашлась вынужденной запретить факельное шествие, которое собирались совершить мадьярские студенты в честь Турции».

Стр. 274. *Члены совета не смотрели...* — В отчете «Московских ведомостей» (1876, 15 октября, № 263) о судебном заседании 14 октября по делу о крахе Московского коммерческого ссудного банка («процесс Струсберга») говорилось о финансовой экспертизе, проведенной 2 января 1876 г., которая доказала корыстный характер действий директоров банка Полянского и Ландау: «...состояние счетов иностранного отделения (постоянное возрастание) *должно было* обратить внимание членов совета на операции этого отделения и побудить их сделать оным строгую ревизию <...> Вследствие такого *нерадения* с их стороны банк лишился более 7 миллионов рублей...».

Стр. 274. *«Новое время». Суббота, 16 октября, № 228. Тосты Кетчера.* — В «Московском фельетоне» А. Д. Курепина (*НВр*, 1876, 16 октября, № 228), посвященном отчету об обеде в память Т. Н. Грановского и М. С. Щепкина, рассказывалось: «Послеобеденные тосты за г-д Кетчера (как распорядителя обеда), Корша и Пикулина прошли благополучно. Но вот встает г-н Барсов и предлагает выпить: „За молодежь нашего времени!“. В ответ на это г-н Кетчер торжественно объявил, что „за гниль“ он пить не станет». Далее Кетчер удалил с обеда Барсова, отказавшегося поддержать тост за Шумахера (подсудимого на процессе Струсберга), предложенный одним из присутствующих. «Можно только спросить у г-на Кетчера: где же настоящая-то „гниль“? — заключал фельетонист. — В тех ли, кто выбрасывает за борт лучшие предания пережитого прошлого, или в тех, кто сознательно и разумно чтит память этого прошлого и после одного известного имени не поставит другого...». К этому месту фельетона редакция газеты сделала едкое примечание о том, что в кружке людей 40-х годов ролью Кетчера было в основном «распоряжение шампанским и веселость».

Кетчер Николай Христофорович (1809—1886) — московский врач, переводчик, друг Белинского, Станкевича, Грановского, Герцена.

Стр. 274. *Стушеваться.* — См. примеч. к стр. 146.

Стр. 274. *Молчалин.* — Выражение, которое здесь имеется в виду, записано в тетради в другом месте (см. стр. 240).

Стр. 274. *Треугольная ранка.* — Слова Лауры в «Каменном госте» (сц. II) А. С. Пушкина:

И кровь нейдет из треугольной ранки...

Стр. 274. *Замер на шпаге, как стрекоза, но был строг...* — Перефразированные слова Дон Гуана из «Каменного гостя» (сц. III) А. С. Пушкина:

Наткнулся мне на шпагу он и замер
Как на булавке стрекоза — а был
Он горд и смел — и дух имел суровый...

Стр. 274. *«Биржевые» от субботы, 16* ∾ *О вреде взятия Константинополя и проч.* — В «Новом времени» (1876, 17 октября, № 229) в обзоре «Среди газет и журналов» пересказывалась статья из «Биржевых ведомостей» (1876, 16 октября, № 286), в которой рассматривался вопрос, к каким результатам могло бы привести занятие Россиею Константинополя. Присоединение его Россией, по мнению автора, выглядело бы как плата за поддержку славянского движения и разрушило бы веру в ее бескорыстие, а это поставило бы ее в Европе в затруднительное положение. Вероятными последствиями были бы дипломатические интриги, вооруженное равновесие и постоянная опасность войны, враждебность европейских держав, недовольство славян и т. д. Поэтому, говорилось в статье, Россия должна отдать Константинополь славянам Балканского полуострова и помочь им устроиться, как они сами того хотят.

Стр. 276. *«Новое время»* ∾ *(Полянский).* — В статье «Воскресные беседы» Русского (С. И. Смирновой) в «Новом времени» (1876, 17 октября, № 229) говорилось об одном из подсудимых — директоров Московского коммерческого ссудного банка — П. М. Полянском. Представляя его как образец «недовольного, болезненно развитого человека», автор статьи анализировал процесс нравственного падения этой «талантливой личности», превращения «бывшего честного человека» в мошенника.

Стр. 276. *«Петербургская газета».* ∾ *О мачехе.* — В «Петербургской газете» (1876, 17 октября, № 204) был помещен отчет о суде над Е. П. Корниловой, столкнувшей из окна свою падчерицу. Этому делу посвящен раздел «Простое, но мудреное дело» октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, § 1 — наст. изд., т. XXIII), в котором использован и этот отчет. Ср. стр. 210 и примеч. к ней.

Стр. 276. *Что командор велик* ∾ *Отразить храбростью.* — Попытка истолкования психологии Дон Гуана («Каменный гость» А. С. Пушкина).

Стр. 276. *Пушкин — этот главный славянофил России.* — Ранее в тетради 1872—1875 гг. Достоевский записал: «...Пушкин (обожатель Петра) был в сущности отрицатель Петра любовью к русскому старому народному духу («Капитанская дочка», Белкин и проч.). Это — начало и начальник славянофилов» (наст. изд., т. XXI, стр. 269).

Стр. 276. *Да и сказано самим идеалом, что меч не прейдет и что мир переродится вдруг чудом.* — Идеал — Иисус Христос; имеется в виду его «второе пришествие». Ср. выше стр. 97, а также наст. изд., т. XXII, стр. 124, 383.

Стр. 276. *Как бы явиться исполнительницей приказаний Европы...* — В «Новом времени» (1876, 20 октября, № 232) была напечатана следующая заметка: «Теперь ‹после русского ультиматума Турции› несколько странно и смешно читать ядовитые фразы „Pester Lloyd'a", направленные против России. Он замечает, что Россия двинется нескоро, что она явится не иначе, как в качестве „исполнительницы" решений Европы: „мы знаем, чего желает Россия и что она может, и не боимся ни того, ни другого". Каким ударом для всех этих политиков послужит ультиматум России!».

Стр. 277. *Le peuple c'est moi.* — Перефразированное крылатое выражение «L'état c'est moi» («государство — это я»), приписываемое по традиции французскому королю Людовику XIV. См.: *Ашукин*, стр. 171.

Стр. 277. *«Голос», 20, среда: Статья Жемчужникова.* — В статье «Русское общественное движение. (Письмо к редактору)», напечатанной в «Голосе» (1876, 20 октября, № 290), Алексей Жемчужников писал, что патриотический подъем настроения в русском обществе в связи с поддержкою балканских славян был случайной вспышкой и что в целом уровень общественного сознания стоял много ниже, чем в начале 60-х годов. Свойством «общественного темперамента» русского народа он признавал спо-

собность «быстро вспыхивать пожаром и так же быстро погасать и охлаждаться».

Стр. 277. *...ослы, навьюченные книгами.* — См. примеч. к стр. 117.

Стр. 278. *О русских, павших в сражениях при Кревете.* — В телеграмме из Землина от 20 октября (1 ноября) 1876 г., напечатанной в «Новом времени» (1876, 21 октября, № 233), сообщалось, что 8 октября М. Г. Черняев приказал взять Кревет, накануне оставленный сербами по решению военного совета, проходившего под его же председательством. «По его приказанию, войска бросились на турок, и атака увенчалась успехом, благодаря русской бригаде, под командой Меженинова, и батальону княгини Наталии. Но 9-го октября турки повели сильную атаку, и, подавленные массою их, войска принуждены были отступить, оставив креветскую позицию с большими потерями: из батальонов русского, черногорского и княгини Наталии остались едва по 130 человек, а это был цвет армии. Мужество этих войск принесло только один плод: турки несколько дней оставались в бездействии и дали передохнуть нашим войскам».

Стр. 278. *«Московск‹ие› ведом‹ости›», среда, № 268, среда, финал передовой статьи.* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 20 октября, № 268) говорилось о русском ультиматуме Турции: «Было бы тяжко думать, что кровь, пролитая за Дунаем, была напрасною и бессмысленною жертвою. Решение России дает этой страшной жертве великое значение. Она послужит началом всемирных событий и благословится в плодах своих. Увы! Великое в мире не свершается без жертв, и история человечества, как Молох, требует крови... Пора решающих событий приближается. Русская земля готова на дело судеб божиих...».

Стр. 278. *Отчаянное положение Черняева. Интриги.* — Этой записью начинаются заметки к разделам «Новый фазис Восточного вопроса» и «Черняев» октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 1—2. 17 (29) октября сербская армия потерпела окончательное поражение, и война была проиграна. В русской печати разгорелась в связи с этим ожесточенная полемика вокруг оценки личности и действий М. Г. Черняева. «Черняевский вопрос» (по определению «Нового времени», 1876, 12 ноября, № 255) продолжал дискутироваться и в ноябре—декабре. Большинству газет, которые положительно оценивали роль М. Г. Черняева в сербо-турецкой войне, противостояли главным образом «Биржевые ведомости» и «Голос», печатавший, как говорило «Новое время» (1876, 10 ноября, № 253), «невыразимо возмутительные» статьи о Черняеве и вообще о деятельности русских добровольцев в Сербии. Ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 409.

Стр. 278. *«Новое время», № 234, 22 октября. «Биржевые ведомости», 21 октября.* — В обзоре «Нового времени» (1876, 22 октября, № 234) «Среди газет и журналов» высказывалось возражение на статью В. А. Полетики в «Биржевых ведомостях» (1876, 21 октября, № 291): «Мы читали много отзывов о Черняеве в газетах французских, немецких и английских, в газетах, прямо враждебных Черняеву, но ни одна из них не употребляла таких недостойных приемов, какие позволяет себе г-н Полетика. Напр., г-н Полетика уверяет, что „под диктовку Черняева писались фельетоны“, в которых сообщалось, что „сербские солдаты отъявленные трусы, что они прячутся в кусты и сами себе отстреливают пальцы левой руки, чтобы избегнуть сражения и перечислиться в лазареты“». В подтверждение справедливости подобных сообщений «Новое время» приводило свидетельства из западноевропейских газет. Со статьей «Биржевых ведомостей» Достоевский полемизировал в разделе «Новый фазис Восточного вопроса» октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., гл. II, § 1 (наст. изд., т. XXIII, стр. 149—150).

Полетика Василий Аполлонович (ок. 1825—1888) — либеральный журналист, горный инженер и промышленник, издатель «Биржевых ведомостей» в 1874—1879 гг.

Стр. 278. *Неулетика.* — См. стр. 436—437, примеч. к стр. 134.

Стр. 279. *В «Русском мире» защищаются сербы и артиллерия ∾ они бежали.* — Во многих русских газетах было напечатано сообщение об отказе сербской артиллерии повиноваться М. Г. Черняеву во время решающего сражения. Так, «Московские ведомости» (1876, 19 октября, № 267) напечатали телеграмму своего корреспондента: «Землин, 30 (18) октября. Роковое свершилось: Дюнишские высоты вчера утром взяты турками, которые сосредоточили здесь огромные силы. Сербская артиллерия отказалась драться и очистила Дюнишские высоты, вообще отказывая в повиновении, несмотря на увещания Черняева, против которого собственно она восстала. Турки атаковали Дюниш, и лишь одни русские защищали эту позицию, за это половина их и легла там». Ср.: *НВр*, 1876, 20 октября, № 232; *Г*, 1876, 22 октября, № 292; *СПбВед*, 1876, 20 октября, № 290. «Русский мир» (1876, 21 октября, № 258) опровергал этот слух, признавая «превосходное действие артиллерии в последних сражениях, равно как и геройское поведение сербской милиции». «Есть намеки на то, — писала газета, — что причиной неудачи была несвоевременная доставка боевых снарядов из Белграда и Крагуеваца, вследствие чего сербско-русское войско осталось в нужную минуту без патронов». Сообщение об отказе артиллерии повиноваться Черняеву опровергли вскоре и другие газеты. Тот же корреспондент «Московских ведомостей» сообщал (*МВед*, 1876, 24 октября, № 271): «Известия о мятеже сербской артиллерии против Черняева оказываются много преувеличенными, они вышли главным образом из английских источников. Английская интрига рассчитывает поссорить сербов с русскими». Достоверность первоначальной телеграммы дискутировалась и в ноябре—декабре.

С заявлением «Русского мира» Достоевский познакомился по изложению и цитате в обзоре «Среди газет и журналов» «Нового времени» (1876, 22 октября, № 234).

Стр. 279. *(О дуэли не писали...* — В связи с сообщениями о конфликте между Черняевым и военным министром Сербии Т. Николичем (см. подробно ниже) в Петербурге распространился слух о якобы состоявшейся между ними дуэли, во время которой Черняев был ранен (см.: *СПбВед*, 1876, 20 октября, № 290; «Биржа», 1876, 21 октября, № 289; *НВр*, 22 октября, № 234; Нин ‹В. П. Буренин›. Воскресный фельетон. — *СПбВед*, 1876, 24 октября, № 294). «Новое время» в связи с этим послало запрос своему корреспонденту в Землине и получило от него опровержение (*НВр*, 1876, 24 октября, № 236).

Стр. 279. *Вместо того, чтоб усилить ∾ к Новоселову.* — Генерал-майор С. К. Новоселов (1812—1877) принимал участие в сербо-черногорско-турецкой войне в качестве командующего ибарской армии Сербии. В телеграммах из Сербии от 17 (5) октября сообщалось, что «с настоящего времени все русские будут отправляемы к Ибару, так как там намерены образовать под начальством Новоселова русскую бригаду из 6 000 человек» (*РМ*, 1876, 13 октября, № 250; ср., например: *БВ*, 1876, 15 октября, № 285). Ср. десятое письмо из цикла очерков В. П. Мещерского «На пути в Сербию и в Сербии» (*Гр*, 1876, 1 ноября, № 36—37, стр. 910).

Стр. 279. *Министры затеяли ссору в последний момент.* — Еще в начале октября 1876 г. прошел слух о том, что министры сербского правительства требуют отставки Черняева, но он был немедленно опровергнут (*НВр*, 1876, 1 октября, № 213; *СПбВед*, 1876, 2 октября, № 272). В середине месяца, в дни, непосредственно предшествовавшие решающему сражению, пришли сообщения о серьезных разногласиях между Черняевым и военным министром Сербии Т. Николичем, в результате которых последний подал в отставку, которая, однако, не была принята князем Миланом. Сообщалось также о поездке в ставку Черняева министра внутренних дел с целью урегулирования разногласий, а также о том, что Черняеву было предложено воздержаться от повышения своею властью солдат и офицеров его армии (см., например: *МВед*, 1876, 16 октября, № 264;

18 октября, № 266; *СПбВед*, 1876, 16 октября, № 286; 17 октября, № 287; *Г*, 1876, 17 октября, № 287; 18 октября, № 288).

Стр. 279. *Мы слышали и прежде, что все действия Черняева парализуются.* — Еще в августе, например, «С.-Петербургские ведомости» (1876, 16 августа, № 225) писали, что Черняеву удалось организовать сербскую армию «несмотря на интриги <...> в высших правительственных сферах Сербии и на заговор в среде сербских офицеров, имевший целью парализовать все действия популярного между сербами полководца».

Стр. 279. *Карцов...* — А. Н. Карцов (1835—1907), русский консул в Белграде, сторонник войны с Турцией, относившийся, однако, недружелюбно к Черняеву. В начале октября распространился слух, который был затем опровергнут, что Карцов, не согласный с Черняевым, вызвал его телеграммою в Белград в связи с требованиями его отставки (*НВр*, 1876, 1 октября, № 213; *СПбВед*, 1876, 2 октября, № 272; 5 октября, № 275; *РМ*, 1876, 1 октября, № 238). О враждебности Карцова к Черняеву писал кн. В. П. Мещерский в своем пятнадцатом письме из цикла очерков «На пути в Сербию и в Сербии» (*Гр*, 1876, 8 ноября, № 38—40, стр. 955).

Стр. 280. *Турки уступили...* — Речь идет о принятии Турцией русского ультиматума о прекращении военных действий. Ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 409.

Стр. 281. *«Новое время», № 235. Суббота, 23 октября. Выписки из всех газет за Черняева.* — В обзоре «Среди газет и журналов» указанного номера «Нового времени» приводились высказывания в защиту и оправдание действий Черняева из газет «С.-Петербургские ведомости», «Петербургская газета», «Сын отечества», «Биржа». Все они возражали «Биржевым ведомостям».

Стр. 281. *Штрусберг.* — Так произносил свою фамилию Струсберг (*НВр*, 1876, 11 октября, № 223).

Стр. 282. *...милиция дралась скверно...* — Наряду с известиями о бунте сербской артиллерии, в печати сообщалось об отказе сербской милиции сражаться. См., например: *НВр*, 1876, 24 октября, № 236; *Г*, 1876, 24 октября, № 294. Но были известия и другого рода: «Сербская милиция дерется с храбростью, ни с чем не сравнимой» (*РМ*, 1876, 20 октября, № 257).

Стр. 282. *Но Гарибальди не сам начал, а пошел по инициативе Кавура...* — В буржуазно-либеральной печати было распространено мнение о зависимости деятельности Гарибальди от инициативы первого министра Пьемонта Камилло Бензо Кавура (1810—1861), проводившего в 1859—1860 гг. политику присоединения к Сардинскому королевству одной за другой тех областей Италии, которые освобождались в ходе народных восстаний или действиями отрядов Гарибальди. Последний поддерживал Кавура потому, что считал Пьемонт и правившую там Савойскую династию реальной силой, вокруг которой могло произойти объединение Италии.

Стр. 282. *Когда Гамбетта к Тьеру ∾ чем инициатива в воздушном шаре.* — Гамбетта (Gambetta) Леон Мишель (1838—1882), министр внутренних дел в правительстве национальной обороны, созданном в ночь на 4 сентября 1870 г., после поражения французской армии под Седаном, вылетел 7 октября на воздушном шаре из осажденного немцами Парижа для организации сопротивления немцам силами регулярной армии.

Как лидер крайних левых республиканцев в Национальном собрании Гамбетта вел в 1871—начале 1873 г. борьбу с президентом Франции А. Тьером, проводившим реакционную политику, направленную на создание «консервативной» республики «без республиканцев». Однако в мае 1873 г. он поддержал Тьера против большинства Собрания, стремившегося реставрировать монархию, а в 1874 г. сблизился с ним на почве умеренного республиканизма и возглавил республиканскую коалицию, объединившую ранее существовавшие различные республиканские группировки. Ср. стр. 148.

Стр. 282. *Защитники как дипломаты ∾ обыкновенные люди.* — Запись относится к процессу Струсберга.

Стр. 282. *«Петербургская газета», № 208. Пятница, 22 октябр‹я›. Великолепно ответила «Биржевым».* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 411.

Стр. 282. *Опять дипломатия.* — Запись отражает слухи о предполагавшемся созыве международной конференции для урегулирования положения на Балканском полуострове.

Стр. 282. *А болгары-то, болгары — что с ними теперь будет.* — См. примеч. к стр. 270.

Стр. 283. *...только бы мы остались в дружбе с Германией.* — 16 (4) октября в английской газете «Times» была напечатана статья о позиции Германии в Восточном вопросе. На следующий же день «С.-Петербургские ведомости» (1876, 5 октября, № 275) поместили телеграфное ее изложение: «От Бисмарка зависит спасти мир от ужасной войны. Пусть он воспользуется своим могуществом, пусть Германия объяснит, что она не позволяет России воспользоваться Дунаем, — и славянский энтузиазм был бы заглушен. Твердый образ действий Германии был бы лучшею гарантиею мира. Союз Германии с Англиею для предпринятия необходимых изменений в Турции предохранил бы Европу от большого несчастия». Позже на эту статью обратили внимание и другие газеты (например: *Г*, 1876, 9 октября, № 279; *БВ*, 1876, 9 октября, № 279). Русская пресса внимательно следила за реакцией в Германии на это предложение, с удовольствием отмечая официальное несогласие, но одновременно тревожась по поводу широкого распространения в Германии антирусских настроений. См., например: *СПбВед*, 1876, 6 октября, № 276; 9 октября, № 279; 13 октября, № 283; 14 октября, № 284; 17 октября, № 287; и др. Об оценке Достоевским перспектив германо-русских отношений ср. записи на стр. 251, 270, 289.

Стр. 283. *Тимур* (Тамерлан, 1336—1405) — среднеазиатский полководец, эмир в 1370—1405 г., чьи грабительские походы отличались необычайной жестокостью по отношению к населению завоевываемых стран.

Стр. 283. *Прав мой художник ∾ всякое воображение.* — Имеется в виду М. Е. Салтыков-Щедрин (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 144, 406).

Стр. 283. *Черняев-де не достоин дела, которое натащил на себя...* — Перефразированная мысль из передовой статьи «Биржевых ведомостей», 1876, 21 октября, № 291.

Стр. 283. *О сербах и интригах великолепная статья...* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 22 октября, № 270) со слов английской газеты «Times» подробно рассказывалось о раздоре между Черняевым и Николичем (см. примеч. к стр. 279). «Московские ведомости» утверждали, что эти раздоры раздувал английский консул.

Стр. 284. *«Русский мир». Суббота, 23, № 260, отвергает все известия тревожные.* — В указанном номере «Русского мира» в телеграмме собственного корреспондента в Сербии от 21 октября (2 ноября) говорилось: «Взятие Джуниса не имеет для турок никаких особенных последствий. Сведения о сербской артиллерии лишены всякого основания; она, как всегда, безусловно повинуется своему главнокомандующему. Князь Милан только что возвратился в Белград. Убедительнейше прошу вас не верить преувеличенным описаниям, исходящим из сомнительных источников». В редакционных пояснениях к этой телеграмме указывалось на ненадежность источников, из которых поступали сведения о положении дел в Сербии.

Стр. 284. *«Биржевые», № 293, Суббота, 23 окт‹ября›. Бессмысленность и неблагородство.* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 411, примеч. к стр. 150.

Стр. 285. *...сам Илюша герой.* — Илья Муромец (ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 150).

Стр. 285. *...муро...* — См. наст. изд., т. XXIII, стр. 191, 417—418,

Стр. 285. *Алексей божий человек.* — Древний христианский святой, особо почитаемый русскою церковью за самоотверженность, бескорыстие и доброту. Кроме его жития в «Четьих-Минеях», широкое распространение в России имел духовный стих о нем. О знакомстве Достоевского с легендой об Алексее божием человеке и ее отражении в его произведениях см.: В. Е. Ветловская. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых». (Житие Алексея человека божия и духовный стих о нем). — В кн.: Достоевский и русские писатели. Традиции, новаторство, мастерство. Сб. статей. М., 1971, стр. 325—354; ср. наст. изд., т. XV, стр. 475—476; т. XVI, стр. 232.

Стр. 285. *Пострадать. Я сам был свидетелем.* — В «Записках из Мертвого дома» Достоевский писал о находившемся вместе с ним в остроге старообрядце, который «с твердостью пошел в ссылку, потому что в ослеплении своем считал ее мукою за веру» (наст. изд., т. IV, стр. 33). Заметка в подготовительных материалах, перекликающаяся с комментируемой (наст. изд., т. XXIII, стр. 194, 418; примечание здесь уточняется), имеет в виду другое лицо, которое Достоевский лично не видел, но чью историю ему рассказали, — каторжника, начитавшегося Библии и покушавшегося убить плац-майора ради того только, чтобы «пострадать» (наст. изд., т. IV, стр. 29). В конце «Записок из Мертвого дома» Достоевский еще раз вспомнил оба эти случая вместе (там же, стр. 197). Ср. наст. том, стр. 166, 449.

Стр. 285. *С Кавказа.* — Возможно, имеется в виду отправка 29 сентября 1876 г. из Владикавказа в Сербию партии добровольцев из казаков Терского и Кубанского войска, которые должны были составить первую сотню предполагавшегося Кавказского легиона (*МВед*, 1876, 5—6 октября, № 253—254). Однако вполне также вероятно, что Достоевский подразумевает здесь ветеранов Кавказской войны (оконч. 1864), которых было много среди добровольцев.

Стр. 285. *Наших здешних «штатских военных».* — Возможно, речь идет о тех, кого в октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. Достоевский назвал «иные будущие полководцы наши» (см. наст. изд., т. XXIII, стр. 148, 408—409).

Стр. 287. *Шариат ∾ («Русский мир», 2 октября).* — В корреспонденции газеты «Русский мир» (1876, 2 октября, № 239) из Константинополя от 20 сентября говорилось, что султан искренне хочет закончить войну и заняться реформами, «но раз высказав желание управлять согласно шариату (духовный и нравственно-юридический кодекс мусульман), он невольно должен сообразоваться с волею истолкователей шариата, т. е. духовенства, высказывающегося в пользу войны против неверных. Софты снова начинают вмешиваться в действия правительства. . .».

Стр. 287. *. . .(у Мещерского в его письме из Сербии. . .* — В пятом письме из серии очерков кн. В. П. Мещерского «На пути в Сербию и в Сербии» рассказывается о русской «оригинальной амазонке», «из образованных», имевшей средства к жизни, но поехавшей в Сербию в поисках приключений. В госпитале, где она первоначально предполагала быть сестрою милосердия, вид раненых расстраивал ей нервы. Затем она хотела обосноваться в лагере ген. М. Г. Черняева в качестве его «агента», т. е. комиссионера для выполнения различных поручений русских добровольцев (хранения вещей, отправки писем и т. п.). Вскоре, однако, она «из брезгливости» уехала в Белград, где стала «составлять женское общество для русских офицеров» (*Гр*, 1876, 25 октября, № 34—35, стр. 856—857).

Стр. 287. *. . .бомбардирующая меня письмами.)* — Очевидно, речь идет о корреспондентке Достоевского, пославшей ему письмо 30 октября 1876 г. и подписавшей его буквой N (*ИРЛИ*, ф. 100, № 29949. ССХб.35). Из письма явствует, что оно было не первым и что за ним должны были последовать и другие: «. . . Отложив в сторону гордость и нарушая данное слово, я опять надоедаю Вам ‹. . .› Пишу к Вам настойчиво, и опять напишу, и опять напишу, но уже не тем покорным тоном, как бы умоляющим

о крохах с Вашего стола <...> я от Вас не отстану и прилипну к Вам, как пиявка». Заявив о своем стремлении «выискать *истину* общечеловеческой жизни», корреспондентка делилась с писателем обуревавшими ее сомнениями, порожденными лекциями А. Д. Градовского об «идеалах нашего времени» (25 и 28 октября 1876 г.): «...как трудно! помочь умереть старому, поставить новое твердо на ноги и сплотиться в „дружество". Но не велика ли эта задача на деле? По силам ли она нам? <...> Неужто древняя „истина" с веками все более и более закутывается в свои покровы, и никто не в силах увидать и естественного, и прекрасного? Сумбур, сумбур! Да иначе и быть не может. Желала бы я увидать хоть одну голову, удостоенную откровения».

Стр. 288. *Октябрь.* ∾ *О том же.* — Окончательный план октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

Стр. 288. ...*ни Горчаков*... — Александр Михайлович Горчаков (1798—1883), дипломат, министр иностранных дел (1856—1862), с 1863 г. — канцлер.

Стр. 288. ...*после высочайших слов в Кремле*... — Александр II произнес в Кремлевском дворце 29 октября 1876 г. речь (о ней Достоевский упоминает в февральском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г., гл. I, § 4), в которой объявил о твердом решении России начать войну в случае, если мирные переговоры не приведут к улучшению положения славянских народов Балканского полуострова (см. *ПВ*, 1876, 30 октября, № 242, особое прибавление; отсюда речь была перепечатана другими газетами).

Стр. 289. *Четверг, 4-го ноября. № 247, «Новое время». Младенческая статья о Восточном вопросе.* — Статья «Несколько мыслей по разрешению Восточного вопроса» в указанном номере «Нового времени». Автор считал, что Черное море не имеет «никакого особого военного значения», и предлагал передать Константинополь Болгарии, а укрепления на малоазиатском берегу Турции — под совместный контроль Германии и России. В статье также развивалась мысль, что из всех европейских государств только Россия и Германия «имеют историческое призвание к будущему своему распространению и усилению»; а потому основной внешнеполитической линией признавалось поддержание между ними «согласия и единения», основанных на взаимности интересов. Кроме того, автор статьи высказывал тезис, с которым Достоевский выразил несогласие ранее по другому поводу: «...если, говорим мы, при своем выступлении на защиту этих страждущих братий всего христианства Россия всенародно объявит, что она не преследует никаких личных целей и не воспользуется для себя никакими новыми приобретениями в турецких владениях, то против этой правосудной и святой решимости никто не будет иметь ни справедливого и честного основания, ни права и силы остановить или ограничить волю России» (ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 114, 400).

Стр. 290. *Фотий* (Петр Никитич Спасский, 1792—1838) — настоятель Юрьевского монастыря, с 1822 г. архимандрит, при поддержке Аракчеева и графини А. А. Орловой он вошел в высшие круги петербургского общества и был представлен Александру I. Фотий соединял с показным благочестием и аскетизмом (он, например, носил на теле вериги) ловкость в придворно-политических интригах и умело использовал свое влияние на религиозно настроенных женщин из петербургской знати. Сведения о жизни и деятельности Фотия Достоевский мог почерпнуть из первых публикаций о нем, появившихся в журналах 1875—1876 гг. (Е. Карнович. Архимандрит Фотий, настоятель новгородского Юрьева монастыря. — *PC*, 1876, №№ 7—8; И. Морошкин. Архимандрит Фотий. — *PC*, 1875, № 10). Комплект «Русской старины» за 1876 г. имелся в библиотеке Достоевского (*Библиотека*, стр. 162; *Гроссман, Семинарий*, стр. 49).

Стр. 290. *Зубов* Платон Александрович (1767—1822) — фаворит Екатерины II, получил в 1789 г. титул графа, после смерти Потемкина был

назначен генерал-фельдцейхмейстером, новороссийским генерал-губернатором и начальником Черноморского флота. При Павле I Зубов был в опале; имения его были конфискованы в казну, а сам Зубов был выслан за границу, но в 1800 г. возвращен; принял деятельное участие в заговоре против Павла. Первая в русской печати подробная биография Зубова появилась в «Русской старине» (1876, №№ 8—9, 11—12).

Стр. 290. *Уже банкиры предложили ∾ для займа денег России...* — В «Новом времени» (1876, 6 ноября, № 249) в отделе «Среди газет и журналов» было перепечатано из «С.-Петербургских ведомостей» (1876, 5 ноября, № 306), следующее сообщение: «Россия не может рассчитывать на помощь деньгами извне. Новейшие предложения о внешнем займе, сделанные заграничными капиталистами, были отвергнуты министром финансов, как несогласные с достоинством кредита такой державы, как Россия».

Стр. 290. *...(Лев Полонский, не благодеяний)...* — См. примеч. к стр. 294—295.

Стр. 290. *Скобелев, наказующий кнутом...* — В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Русская старина» (1876, № 11, стр. 535), полковник А. К. Гриббе рассказывал, как во время подавления бунта военных поселян в 1831 г. И. Н. Скобелев (1782—1849), «инвалид-писатель», руководил наказанием осужденных к кнуту и поил при этом палачей водкой. Этот эпизод был приведен в «Новом времени» (1876, 6 ноября, № 249) в отделе «Среди газет и журналов».

Стр. 290. *Шарнгорст, Набоков и водочка — Ростовцев за дверью и проч.* — Очевидно, автобиографические воспоминания.

Шарнгорст Василий Львович (1798—1873) — инженер-генерал, в 1835—1844 гг. начальник Главного инженерного училища, в котором учился Достоевский.

Набоков Иван Александрович (1787—1852) — генерал, комендант Петропавловской крепости в то время, когда там содержался Достоевский, и председатель Следственной комиссии по делу петрашевцев.

Ростовцев — очевидно, Яков Иванович Ростовцев (1803—1860), начальник штаба управления военно-учебных заведений, член Следственной комиссии по делу петрашевцев. Возможно, запись имеет в виду эпизод во время допроса Достоевского, о котором писал О. Ф. Миллер: «Федор Михайлович припоминал, что ген. Ростовцев предложил ему рассказать все дело. Достоевский же на все вопросы комиссии отвечал уклончиво. Тогда Я. И. Ростовцев обратился к нему со словами: „Я не могу поверить, чтобы человек, написавший «Бедных людей», был заодно с этими порочными людьми? Это невозможно. Вы мало замешаны, и я уполномочен от имени государя объявить вам прощение, если вы захотите рассказать все дело". „Я, — вспоминал Федор Михайлович, — молчал". Тогда Дубельт с улыбкой заметил: „Я ведь вам говорил". Тогда Ростовцев, вскричав: „Я не могу больше видеть Достоевского", — выбежал в другую комнату и заперся на ключ, а потом оттуда спрашивал: „Вышел ли Достоевский? Скажите мне, когда он выйдет, — я не могу его видеть". Достоевскому это казалось напускным» (*Биография*, стр. 106—107 первой пагинации). Н. Ф. Бельчиков считает этот эпизод «неестественным» и маловероятным (*Бельчиков*, стр. 200).

Стр. 290. *...соединить с Кокодессом...* — Кокоде́с (франц. cocodès) — французский неологизм, появившийся около 1863 г., означавший «мот, щеголь, прожигатель жизни».

Стр. 291. *О Мещерском и его очерках.* — Имеются в виду очерки В. П. Мещерского «На пути в Сербию и в Сербии», печатавшиеся в его журнале «Гражданин» (1876, 11 октября, № 30—31, стр. 791—799; 18 октября, № 32—33, стр. 820—828; 25 октября, № 34—35, стр. 854—865; 1 ноября, № 36—37, стр. 905—913; 8 ноября, № 38—40, стр. 939—956; 15 ноября, № 41—42, стр. 984—992) и позднее изданные под заглавием «„Правда" о Сербии. Письма» (СПб., 1877).

Стр. 291. *Семенов* Николай Петрович (1823—1904) принимал участие в разработке «крестьянской реформы» 1861 г., член редакционных комиссий, служил в Министерстве юстиции, с 1868 г. сенатор; занимался также ботаникой. Достоевский поэтому и хотел обратиться к нему за справкой по лесному делу.

Стр. 291. *Война, Прудон, человечество ∾ в войне, в мире — жестокость.* — Свой трактат «Война и мир» (1861) Прудон закончил словами: «...нам нечего бояться за будущее. Люди ничтожны: они могут только до некоторой степени потревожить ход вещей и этим сделают вред только самим себе. Только одно человечество — велико; оно — непогрешительно. И я смело говорю от его имени: Человечество не хочет более войны!» (П.-Ж. Прудон. Война и мир. Исследование о принципе и содержании международного права, т. 2. М., 1864, стр. 304). О трактате Прудона и откликах на него в русской печати см.: Б. Эйхенбаум. Лев Толстой, кн. 2. Л.—М., 1931, стр. 284—317.

Стр. 292. *...Менделеев...* — Д. И. Менделеев здесь упоминается как активный член Комиссии по исследованию медиумических явлений.

Стр. 292. *...Гумбольдт...* — Имеется в виду Александр Гумбольдт (Humboldt, 1769—1859), выдающийся немецкий географ и естествоиспытатель, основоположник общего землеведения и ландшафтоведения, а также географии растений и климатологии. Круг научных интересов Гумбольдта был настолько широк, что современники называли его «Аристотелем XIX века».

Стр. 292. *Мак Ивер ∾ Старухи обугленные.* — Английский полковник Мак-Ивер (Henry Ronald H. Douglas Mac Iver) вступил добровольцем в сербскую армию и командовал у Черняева сборным кавалерийским отрядом. По возвращении в Англию он выпустил брошюру «Записки о сербской войне» («Experiences of the Servian War». London, 1876), перевод которой, выполненный К. П. Победоносцевым, Достоевский прочел в «Гражданине» (1876, 8 ноября, № 38—40, стр. 962—966). Мак-Ивер дал высокую оценку храбрости и благородству сербских и русских воинов, опроверг клеветнические измышления, распространявшиеся английскими газетами, и призвал англичан поддержать дело славян Балканского полуострова. Внимание Достоевского привлек, в частности, рассказ Мак-Ивера об ужасном зрелище, которое представилось его глазам на захваченной у турок позиции, усеянной изуродованными трупами пленных воинов и старухи, подвергшихся варварским истязаниям (стр. 963).

Стр. 292. *Наши туркофильские газеты ∾ Странно и удивительно.* — «Туркофильскими» считались в то время «Голос» и «Биржевые ведомости», выступавшие за мирное, по возможности, разрешение Балканского кризиса. Достоевский здесь имеет в виду их позицию в полемике вокруг «черняевского вопроса».

Стр. 292. *Ведь сказано же в Манифесте...* — Имеется в виду речь Александра II 29 октября 1876 г. (см. примеч. к стр. 288).

Стр. 293. *«Новое время», № 254. ∾ о французском языке...* — В указанном номере «Нового времени» (1876, 11 ноября) из журнала «Русский архив» (1876, № 10, стр. 154) была перепечатана заметка П. И. Бартенева о широком, иногда исключительном употреблении французского языка для деловой переписки в русских министерствах при Александре I, после 1812 г.

Стр. 293. *«Новое время» от 12 и 13 и «Русск‹ий› мир». О Черняеве.* — «Новое время» (1876, 12 ноября, № 255) перепечатало из «Голоса» (1876, 10 ноября, № 311) заявление трех русских офицеров о самодурстве Черняева, который не отпускал их на родину, не дав им ни подвод, ни денег на дорогу. Выразив сомнение в подлинности этого заявления и сообщив об отправке в Сербию телеграфного запроса находившемуся там в качестве военного корреспондента проф. П. А. Висковатову (1842—1905), газета в отделе «Среди газет и журналов» перепечатала из «Русского мира» (1876, 11 ноября, № 279) письмо русского добровольца, слу-

жившего в сербской армии, который опровергал сообщение «Голоса». Здесь же были напечатаны выдержки из брошюры Мак-Ивера (см. выше) и газет «Московские ведомости», «Петербургский листок», «Гражданин», содержавшие высокую оценку деятельности М. Г. Черняева в Сербии. На следующий день «Новое время» (1876, 13 ноября, № 256) напечатало полученный от Висковатова ответ о том, что «заявление» офицеров — всего лишь мистификация, на которую попался «Голос». Ранее этот ответ был уже напечатан в указанном выше номере «Русского мира».

Стр. 293. *Андрей Александрович.* — Краевский.

Стр. 293. *«Москов‹ские› вед‹омости›» и «Русский мир» ∾ подтвердилось.* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 12 ноября, № 290) говорилось об ужасном положении болгар в обстановке возобновившихся жестокостей; обращалось внимание на деятельность английских миссионеров, которые «даже кусок хлеба подают не даром, а в видах совращения», уговаривая болгар обратиться в англиканство, покориться Турции и внушая им мысль о том, что беды обрушились на них потому, что они надеялись на Россию. Об этом же рассказывалось в корреспонденции, напечатанной в «Русском мире» (1876, 11 ноября, № 279).

В этой записи Достоевский ссылается на октябрьский выпуск «Дневника писателя», гл. II, § 1 (наст. изд., т. XXIII, стр. 149), где он ставил вопрос о судьбе Болгарии во время перемирия и дипломатических переговоров. О возможном захвате Константинополя англичанами и пропаганде их среди славян против России говорилось в сентябрьском выпуске «Дневника» за 1876 г., гл. I, § 2—3 (там же, стр. 114—116).

Стр. 293. *Веселит‹ский› Божид‹арович› ∾ в Болгарии.* — Судя по положению между другими заметками, эта запись была занесена в тетрадь 14 ноября 1876 г. В этот день (воскресенье) на заседании Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета Г. С. Веселитский-Божидарович (о нем см. примеч. к стр. 120) «сделал весьма интересное сообщение», указав в нем «на те нужды, которые испытывают черногорцы ‹...›, с тем чтобы комитет при распределении пожертвований имел их в виду» (*Г*, 1876, 16 ноября, № 317; ср.: *РМ*, 1876, 19—20 ноября, № 287—288). Достоевский, очевидно, присутствовал на заседании. Мартовские заседания (7-го и 28-го) он не посещал, а Веселитский-Божидарович на них не выступал; в воскресенье 14 марта Славянский комитет не собирался.

Стр. 293. *«Новое время», 14 ноября, № 257. О свободе проливов ∾ чем они обеспечены?* — В связи с дипломатическим проектом выполнения английским флотом «наблюдательной роли» в Босфоре «Новое время» (1876, 14 ноября, № 257) в передовой статье указывало, что Россия никому, в том числе и Англии, не может позволить вступить в «исключительное владение Константинополем» и для предотвращения этого английский флот для контроля будут сопровождать русские военно-морские силы. На роль посредника предлагался германский флот. Статья заканчивалась словами: «Нам нужен свободный, обеспеченный морской путь на юге, который ни одна держава в мире не могла бы закрыть нам ни в мирное, ни в военное время: словом, нам нужна свобода Босфора».

Стр. 293—294. *Memento ∾ О каперстве.* — Каперство — захват торговых судов противника и нейтральных стран, перевозящих грузы для неприятельского государства, который осуществляется частновладельческими судами, получившими от государства специальные свидетельства. Каперство было запрещено декларацией, подписанной на Парижском конгрессе 1856 г. В ноябре 1876 г. русская пресса обсуждала вопрос о целесообразности и законности каперства в случае, если в военный конфликт с Турцией вмешается Англия (см., например: *НВр*, 1876, 11 октября, № 223; 4 ноября, № 247; 15 ноября, № 258; 16 ноября, № 259; и др.). В Москве была объявлена подписка на покупку в Америке корсарского судна на случай войны с Англией (*СПбВед*, 1876, 12 ноября, № 313; *НВр*, 1876, 13 ноября, № 256; и др.).

В «Новом времени» (1876, 14 ноября, № 257) приводились высказывания в поддержку каперства «Русского мира» (1876, 13 ноября, № 281) и газеты «Биржа» (1876, 13 ноября, № 312). Ср. стр. 296.

Стр. 294. *О двойной гильдейской пошлине...* — «Голос» (1876, 13 ноября, № 314) сообщил: «Нам передают, что ввиду чрезвычайных потребностей государственной казны для предстоящих военных расходов петербургское биржевое купечество, по собственному патриотическому почину, постановило платить, в течение пяти лет, гильдейскую пошлину вдвойне...». Сообщалось, что этому примеру последовало и городское купечество. Аналогичные сообщения появились и в других газетах (*БВ*, 1876, 9 ноября, № 310; *НВр*, 1876, 14 ноября, № 257; *РМ*, 1876, 14 ноября, № 282; и др.). Достоевский, очевидно, опирался на сообщение «Нового времени».

Стр. 294. *Крейсерство...* — «свободная охота», т. е. самостоятельные боевые действия одиночных или нескольких кораблей с целью уничтожения или захвата торговых и боевых кораблей противника, нарушения его морских перевозок. В «Новом времени» (1876, 14 ноября, № 257) в отделе «Среди газет и журналов» приводилась заметка «Кронштадтского вестника», доказывавшая законность крейсерства и незаконность, «несовременность» каперства, которое, по мнению автора, имеет «характер организованного и патентованного морского разбоя».

Стр. 294. *...но и бомбардировки Одессы непозволительны...* — В связи с угрозою войны в газетах в эти дни обсуждался вопрос о возможности бомбардировки Одессы неприятельским флотом. Так, за день до того, как Достоевский сделал эту запись, «Новое время» (1876, 13 ноября, № 256), пересказывая корреспонденцию «Биржевых ведомостей» (1876, 9 ноября, № 310), сообщало: «Многие одесситы убеждены, что Одесса, населенная многими иностранцами, бомбардировке не подвергнется, и указывают на 1854—1856 годы, когда Одесса точно так же не была бомбардируема. Во всяком случае Одесса настолько сильно укреплена крупповскими орудиями, что чужеземный флот не решится подойти близко к берегам. С другой стороны, одесские домовладельцы печалятся об участи своих домов, построенных на минах ‹катакомбах›, а не на материке». В газетах публиковались корреспонденции о панике, охватившей Одессу после предъявления Турции русского ультиматума (например: *Г*, 1876, 13 ноября, № 314).

Стр. 294. *Башибузуки.* — Солдаты нерегулярной турецкой армии, отличавшиеся неорганизованностью и жестокостью нравов (ср. наст. изд., т. XXIII, стр. 373).

Стр. 294. *А Франции лучше бы не к выставке готовиться...* — В русских газетах появились сообщения об отказе Германии и ряда других европейских государств от участия во Всемирной парижской выставке 1878 г., который был вызван главным образом политическими соображениями, а именно недоброжелательным отношением Германии к Франции (*НВр*, 1876, 15 ноября, № 258).

Стр. 294. *В том же № «Нов‹ого› времени» о воровстве в дворянском сословии и проч.* — В «Городской хронике» «Нового времени» (1876, 15 ноября, № 258) сообщалось об арестах «шубников», воровавших верхнее платье из передних: «Замечательно, что в последние годы все чаще и чаще в среде воришек стали попадаться субъекты из привилегированного сословия. В прошедшем году, например, были задержаны два генеральских сына, из коих отец одного служит предводителем дворянства в недалекой от Петербурга провинции, а отец другого занимает также довольно видный административный пост. В нынешнем же году выступил на сцену сын капитана, попавшийся на двадцатой краже».

Стр. 294—295. *История Восточного вопроса ∾ вам это претит.* — Заметки представляют отклик на фельетон А. П. Никольского «Полемические письма. II. Г. Л. Полонский и г. Михайловский» (*НВр*, 1876, 16 ноября, № 259, подпись: Микула), посвященный в частности разбору

статьи Л. А. Полонского «Русский вопрос на юго-востоке Европы» (*ВЕ*, 1876, № 11), в которой обосновывалась государственно-историческая и материальная заинтересованность России в проливах и предлагалось следующее решение Восточного вопроса: полное освобождение балканских христиан от власти Порты и обеспечение России свободы выхода из Черного моря, ликвидация европейской Турции, образование федерации балканских государств. «Ключ Черного моря находился бы не в наших руках, но в руках наших друзей. Это было бы совершенно для нас достаточно», — писал Полонский (стр. 410). В статье проводилась мысль, что суждения о Восточном вопросе должны основываться на точном и трезвом учете различных определяющих его факторов (географических, исторических, дипломатических, этнографических, экономических и др.) и что не следует ни в малейшей степени принимать в соображение «прибаутки об отсрочке обсуждения всех внутренних вопросов, об оживлении русского общества сочувствиями и о сочувствиях этих как доказательстве его „зрелости"» (стр. 388). Поддерживая подобный «трезвый» подход к Восточному вопросу, А. П. Никольский заявлял: «Покажите обществу, что оно выигрывает не нравственно только, но и материально от разрешения Восточного вопроса, покажите глубокую связь наших собственных интересов с этим вопросом, тогда еще многие встрепенутся и явятся полезными силами для славянского дела».

Достоевский неверно записал имя Полонского (следует: Леонид). Самой статьи Полонского он, по-видимому, не читал. Между тем в ней содержался полемический выпад против его рассуждений в сентябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. по поводу «Внутреннего обозрения» Полонского (*ВЕ*, 1876, № 9). Указав, что «только те, кто ничего не понимает во всем положении вопроса», могут думать о присоединении Константинополя к России, Полонский писал: «Таков, наприм‹ер›, г-н Достоевский, предлагающий нам возражения, на которые мы отвечать не можем, потому что почтенный наш оппонент не рассуждает, а крестится» (стр. 404).

...(у Мещерского — встречают добровольцев молча и что дашь). — Эпизод из двенадцатого письма цикла очерков кн. В. П. Мещерского «На пути в Сербию и в Сербии»: «...один из раненных русских офицеров, истекая кровью, умолял двух сербов его поднять и унести.

Они прошли мимо.

Он обратился к двум другим.

— Сколько дашь? — ответили ему.

— Столько-то, только, бога ради, снесите.

— Мало, дай столько-то дукатов.

Офицер обещал.

Сербы подняли и понесли русского офицера».

(*Гр*, 1876, 8 ноября, № 38—40, стр. 945).

Стр. 295. *«Новое время», 260 №, говорится именно о том ∾ пересилили матерьяльные.* — В передовой статье «Нового времени» (1876, 17 ноября, № 260) говорилось: «...именно участь славянского населения играет главную роль в требованиях России, а материальные интересы, которые, несомненно, существуют, отходят перед этим, главным, на второй план...».

Стр. 295. *Письмо Юркевича.* — В полученном Достоевским письме М. А. Юркевича от 11 ноября 1876 г. из Кишинева сообщалось о самоубийстве 12—13-летнего гимназиста. С правкой и значительными сокращениями оно напечатано в разделе «Именинник» январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 4 — наст. изд., т. XXV).

Стр. 295. *В одной тюрьме с наставницами грубы.* — Возможно, эта запись связана с посещением тюрьмы во время хлопот по делу Е. П. Корниловой и знакомством с А. П. Борейшей. Ср. стр. 302, 313.

Стр. 296. *«Домашняя беседа». ∾ Объявление о «Домашней беседе»).* — В объявлении о подписке на «Домашнюю беседу» на 1877 г. говорилось: «Подписка *от иногородних* принимается в Петербурге исключительно

в Конторе редакции у Измайловского моста, в доме Вебера; но отнюдь не у столичных, не у иногородних книгопродавцев. Полугодовая подписка, отсрочка или рассрочка платежа ни для кого и ни под каким видом не допускается. Никаких поручений, не относящихся к прямым своим обязанностям, редакция на себя не принимает. Передачу пожертвований на какой бы то ни было предмет — тоже» (*РМ*, 1876, 17 ноября, № 285).

Стр. 296. *...Приищите место.* — Очевидно, имеется в виду письмо Г. Глинского или А. И. Норманского (см. примеч. к стр. 249).

Стр. 296. *Маркиз Солсбери, его поездка...* — Речь идет о поездке маркиза Роберта Солсбери (Salisbury, 1830—1903), министра по делам Индии (с 1874 г.), в качестве уполномоченного представителя Англии на Константинопольскую конференцию (см. стр. 399). По пути в Константинополь Солсбери посетил Париж, Берлин, Рим и Вену. «Новое время» (1876, 19 ноября, № 262) писало в передовой статье, что визиты в первые три названные столицы предназначались для зондирования почвы, поддержания и раздувания антирусских настроений и маскировки истинных намерений, которые Солсбери предполагал осуществить в Вене, где он имел целью склонить Австрию вступить в союз с Англией и поддержать ее политику в Восточном вопросе. В том же номере «Нового времени» в отделе «Среди газет и журналов» указывалось: «Большинство газет единогласно приходят к заключению, что путешествие лорда Салисбюри есть не что иное, как дурно прикрытое отступление английского министерства от того необдуманного и заносчивого образа действий, которым оно задалось сначала в Восточном вопросе».

Стр. 296. *«Москов‹ские› ведомости», № 296, о каперстве.* — В передовой «Московских ведомостей» (1876, 18 ноября, № 296) говорилось, что в случае войны с Англией из-за Турции России необходимо будет прибегнуть к каперству, и вопрос о каперстве рассматривался с военно-правовой точки зрения. Ср. стр. 294.

Стр. 296. *Там же письмо К. М. из Парижа...* — «Письмо к издателю» в «Московских ведомостях» (1876, 18 ноября, № 296) содержало обзор антирусских и антисербских выступлений французской прессы в связи с событиями на Балканском полуострове.

Стр. 297. *Гатти-гумагон* (тур., искаженное) — высочайший указ или манифест политического содержания, публиковавшийся от имени и за подписью султана с соблюдением определенных словесных формул.

Стр. 297. *«Новое время», № 263. Мнение Гладстона* ∾ *Телеграммы.* — В телеграмме из Лондона от 19 ноября (1 декабря) 1876 г. в «Новом времени» (1876, 20 ноября, № 263) сообщалось о статье лидера английской либеральной партии У. Гладстона (1809—1898) в журнале «Contemporary Review»: «Гладстон полагает, что населяющие Турцию христиане предпочли бы помощь Англии помощи России...».

Стр. 297. *Здесь важное* ∾ *отнимают у русских одежду.* — В «Новом времени» (1876, 20 ноября, № 263) в отделе «Среди газет и журналов» приводилась выдержка из корреспонденции Д. Гирса, напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях» (1876, 19 ноября, № 320), в которой говорилось, что у русских добровольцев, уезжавших из Сербии на родину, требовали возвратить военную форму, полученную ими при вступлении на службу в сербскую армию.

Гирс Дмитрий Константинович (1836—1886), писатель и журналист, сотрудник «Отечественных записок», за речь на похоронах Д. И. Писарева выслан из Петербурга в 1868 г. В Сербии находился в качестве специального военного корреспондента «С.-Петербургских ведомостей».

Стр. 297. *5 декабря. По поводу банкрутства Баймакова* ∾ *вот я и банкрут».* — 3 декабря в Коммерческом суде было объявлено о банкротстве «товарищества на вере Ф. П. Баймаков и К°», в котором состояло до 3000 мелких вкладчиков. Сообщалось, что главная причина банкротства состояла «в падении курсов на процентные бумаги, которых контора

имела на значительные суммы» (*БВ*, 1876, 4 декабря, № 335; *НВр*, 1876, 4 декабря, № 277). В отделе «Среди газет и журналов» «Нового времени» (1876, 5 декабря, № 278) были напечатаны отклики газет на это банкротство, а в «Городской хронике» — корреспонденция о нем. О Ф. П. Баймакове см. примеч. к стр. 252.

Стр. 297—298. *Заурядный читатель ∾ Но да здравствует молодежь современная.* — «Новое время» (1876, 4 декабря, № 277) перепечатало из фельетона Заурядного читателя (А. М. Скабичевского) в «Биржевых ведомостях» (1876, 3 декабря, № 334) характеристику Н. А. Демерта: «Это был человек наивно-простодушный, искренний, руководившийся как в хороших, так и в дурных своих поступках теми страстными импульсами, которые всецело овладевали им в данное время. Это была в то же время натура глубоко страстная, не теоретически только, но от всей души ненавидевшая все вековые неправды на Руси и, как все подобного рода русские натуры, несколько надломленная этими неправдами. Надломленность эта выражалась ‹...› наклонностью к кутежам, которые, учащаясь и удлиняясь с летами, перешли под конец его жизни мало-помалу в запой. Все подобного рода роковые пьяницы на Руси бывают мрачны и буйны во хмелю. Таков был и Демерт».

Демерт Николай Александрович (1835—1876), журналист и публицист демократического лагеря, сотрудник «Отечественных записок», с 1868 г. вел в этом журнале отдел «Внутренняя жизнь»; эти обзоры неоднократно вызывали репрессии против журнала.

...*Помяловские*... — О писателе-демократе Н. Г. Помяловском (1835—1863) в статье говорилось: «Помяловский в таком состоянии рыдал и проклинал свою жизнь в частности и всю окружавшую его действительность вообще».

...*Щаповы*... — См. примеч. к стр. 205—206 и наст. изд., т. XXII, стр. 386.

...*Курочкины.* — Василий Степанович Курочкин (1831—1875), поэт-сатирик и переводчик Беранже, Гюго, Барбье, создатель «Искры», лучшего русского сатирического журнала 1860-х годов, закрытого царской цензурой в 1873 г.

Стр. 298. *У Лермонтова сказка о Калашникове ∾ над своей жертвой*... — По поводу приведенных Достоевским слов Грозного из «Песни о купце Калашникове» в статье В. Г. Белинского «Стихотворения М. Лермонтова» (1841) говорилось: «Какая жестокая ирония, какой ужасный сарказм! И мертвый содрогнулся бы от него во гробе!» (*Белинский*, т. IV, стр. 514).

Стр. 298. *О Пантелееве*... — 26—27 ноября 1876 г. в Петербургском окружном суде состоялся процесс супругов Колокольцевых, обвинявшихся в подделке векселей Н. Н. Пантелеева. Отчет об этом деле печатался во многих газетах (*Г*, 1876, 28—30 ноября, № 329—331; *БВ*, 1876, 27—29 ноября, №№ 328—330; и др.).

Пантелеев Николай Николаевич (1814—1875), штаб-ротмистр кавалергардского полка, оставивший по духовному завещанию более 800 000 рублей на выкуп крестьянских наделов временнообязанными крестьянами Порховского уезда Псковской губернии, его бывшими крепостными. В. С. Колокольцев и его жена управляли домами Пантелеева в Петербурге. Суд признал векселя фальшивыми, но оправдал подсудимых.

Среди различных откликов на этот процесс (см., например: Русский ‹С. И. Смирнова›. Воскресные беседы. — *НВр*, 1876, 5 декабря, № 278) внимание Достоевского привлек воскресный фельетон В. П. Буренина, напечатанный за подписью Нин в «С.-Петербургских ведомостях» (1876, 5 декабря, № 336). В нем о Пантелееве говорилось в связи с оценкой состояния текущей русской литературы.

Буренин считает, что русские беллетристы «в своих произведениях, вместо выразительных картин и фигур современной действительности, занимаются праздным изображением праздных нравов и „чувствий“ разных

кукольных героев, обыкновенно измышляемых беллетристами на основании отечественных и иностранных книжек, а не на основании наблюдений над насущною жизнью общества». Вместе с тем, по мнению Буренина, «жизнь в теперешнем очень любопытном фазисе ее развития весьма богата такими фактами и фигурами, которые так и просятся под перо наблюдателя-художника». Материал для изучения общества и его нравов Буренин советует черпать из судебных процессов, утверждая, что «тут <...> сосредоточилось все, чем кишит современная действительность». Как пример яркого и любопытного характера Буренин приводит Н. Н. Пантелеева каким он предстал из показаний свидетелей.

Получив блестящее воспитание и служа в одном из лучших полков, Пантелеев внезапно в 25 лет вышел в отставку и жил в уединении в своем поместье с матерью, которую очень любил и которая его также любила. Из этого уединения он следил за всеми событиями; сознавал свои «немощи» (как он называл крепостнические привычки); говорил, что «скинул дворянскую тогу и надел сермягу», с восторгом читал Некрасова, особенно те произведения, в которых описывались страдания угнетенных. Вместе с тем до реформы у него был гарем из крепостных; сам он ненавидел людей, был мнителен и подозрителен. Он любил и уважал свою любовницу из крепостных Елену Архипову, оставил ей с дочерью по завещанию 7 000 рублей; но дочь не вынесла его самодурства и умерла. И именно этот сложный и противоречивый человек в течение 30 лет собирал капитал на выкуп бывших своих же крепостных.

Буренин пишет: «Вот вам любопытная бытовая фигура с чисто русскими своеобразными чертами. Крепостник с гуманным образованием; развитый человек, сочувствующий умственным и общественным интересам и бегущий от них в дикое мизантропическое уединение; душевладелец, презиравший и ненавидевший душевладельческий принцип и всю его угнетающую, несправедливую, безобразную обстановку, и в то же время самодур-помещик, искалеченный сам разнузданностью рабской жизни, калечащий своим самодурством других; демократ в теории, „кинувший дворянскую тогу для сермяги“, а на практике живущий по правилам и преданиям средневекового „господина“; деспот окружающей его жизни и в то же время ее жертва».

Стр. 298. *Все мы воспитались в самой фантастической бездеятельности и в двухсотлетней отвычке от всякого дела.* — Эту мысль Достоевский высказывал неоднократно (см. наст. изд., т. XXII, стр. 341).

Стр. 299. ...*14 декабря.* — Восстание декабристов 14 декабря 1825 г.

Стр. 299. ...*Великий Преобразователь...* — Петр I.

Стр. 299. *7 декаб<ря> — «Московские ведомости» ∾ «Revue des deux Mondes».* — В статье А. Стенбока-Фермора «Отовсюду» (*МВед*, 1876, 6 декабря, № 314; подпись: А. Ст.-Ф.) излагались основные положения рецензии на французский перевод романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», выполненный А. Н. Тверетиновым (F. Brunetière. Un roman nihiliste. Que faire? Par N. G. Tchernishevsky. — «Revue des Deux-Mondes», 1876, 15 octobre, p. 949—958). Отметив большое влияние, оказанное романом на русское общество, рецензент тем не менее давал произведению отрицательную оценку и приходил к заключению, что (как передавал его мнение автор обзора в «Московских ведомостях») русская литература отличается особенностью, «которой нет ни в английском юморе, ни во французской шутке, презрительною иронией, характеристическая черта которой состоит в том, что она настойчиво относит все человеческие действия к какому-нибудь гнусно-своекорыстному или смешному побуждению». Это суждение французского критика в изложении русской реакционной газеты Достоевский вспомнит в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 3 — наст. изд., т. XXV) как «иностранное мнение о русской сатире». Ср. стр. 301, 304, 310. Приведенный в статье отрицательный отзыв рецензента о русском нигилизме послужил побудительным толчком к записанной далее заметке.

Стр. 299. *Кстати, правда ли, что у них опять подымается вопрос об общинном хозяйстве.* — В 1875 г. в русской прессе появились рецензии на книгу бельгийского экономиста Э. Лавеле (1822—1892) «О собственности и ее первобытных формах» (E.-L.-V. de Laveley. De la propriété et de ses formes primitives. Paris, 1874; русск. пер.: Первобытная собственность. СПб., 1875), в которой утверждалось, что общинное землевладение «в усовершенствованном виде может еще сделаться спасением и европейских обществ» (русск. пер., стр. 37) (см., например: *Г*, 1875, 30 января, № 30; *БВ*, 1875, 12 июня, № 159; «Неделя», 1875, 7 декабря, № 49, стр. 1619—1620; 14 декабря, № 50, стр. 1677—1684). Наиболее вероятным источником комментируемой записи были, очевидно, сведения, приведенные в восьмой статье «Записок профана» Н. К. Михайловского («Несколько мелочей». — *ОЗ*, 1875, № 5, отд. 2, Современное обозрение, стр. 145—146). О том, что Достоевский читал эту статью, свидетельствует заимствование из нее в «Подростке» (наст. изд., т. XIII, стр. 314; см. подробно: В. Д. Рак. Достоевский и Михайловский. — *Материалы и исследования*, т. V). Полемизируя с противниками общины, Михайловский ссылался на выводы западноевропейских ученых, признававших ее прогрессивной формой землевладения, которой, возможно, суждено в будущем сменить существующие. В качестве примеров он упоминал и цитировал труд Э. Лавеле, книгу английского юриста и социолога Г. Мэна (1821—1883) «Сельские общины на Востоке и Западе» (H.-J.-S. Maine. Village Communities in the East and West. London, 1871; русск. пер.: Деревенские общины. СПб., 1874), а также приложенную к русскому переводу рецензию на нее Дж. Ст. Милля, в которой он выделил мысль о том, что «существующее положение поземельной собственности везде, где его не коснулось английское законодательство, поразительно согласуется с существовавшим в древности общинным строем, *на пути к которому в настоящее время стоят самые передовые общества»* (*ОЗ*, 1875, № 5, отд. 2, Современное обозрение, стр. 146). «Можно было бы привести целые десятки подобных заявлений людей, солидность и благонамеренность которых не может быть никем заподозрена», — заключал Михайловский (там же). О положительной оценке на Западе общинных форм землевладения Михайловский писал также ранее дважды в «Литературных и журнальных заметках» (*ОЗ*, 1872, № 8; 1873, № 1), которые могли отложиться в памяти Достоевского.

Стр. 299—300. *«Нов‹ое› время». Вторн‹ик›, 7 декабр‹я›, № 280. Уничтожьте у нас общину ∾ популярное изложение.* — В указанном номере «Нового времени» внимание Достоевского привлекла статья экономиста-народника П. А. Соколовского (1847—1906) «Опыт с подворным владением в Великороссии и его результаты» (подпись: П. Сок-ский), написанная в качестве отклика на обсуждавшийся в правительственных сферах проект замены общинного землевладения подворным. На примере хозяйств однодворцев Тульской и Орловской губерний автор предупреждал о «печальной участи крестьян» в случае уничтожения общины.

Социализм ∾ считает уже себя мудрецом. — Еще в 1849 г. во время процесса петрашевцев Достоевский выразил мысль об исторической закономерности и неизбежности возникновения на Западе учений утопического социализма и коммунизма, хотя в то же время о себе писал, что сам он «никогда не был социалистом» (см. наст. изд., т. XVIII, стр. 162). Впоследствии начиная с 1860-х годов полемика Достоевского с современным ему утопическим социализмом и коммунизмом облеклась в форму утверждения идеализированных им христианских идеалов (см. наст. изд., т. XX, стр. 191—194). Отсюда постоянное слияние у Достоевского 60—70-х годов полемики с социализмом и атеизмом, что отразилось в замысле романа «Атеизм», а также в романах «Бесы» и «Братья Карамазовы» (см. наст. изд., тт. X—XII, XIV, XV). Настоящая запись подготовляет образ Коли Красоткина в последнем из названных романов.

Стр. 300. *«Новое время», № 281. О «Ревизоре», совсем не понятом*

Боборыкиным... — В декабре 1876 г. П. Д. Боборыкин прочел несколько публичных лекций о русской драматургии. В отчете о первой лекции, напечатанном в указанном номере «Нового времени» (1876, 8 декабря), приводилось следующее его суждение о «Ревизоре»: «„Горе от ума" глубже и всестороннее захватывает жизнь нашего общества, чем „Ревизор". Пороки, выставленные Гоголем, носят на себе несколько местный и временный характер. Стрелы „Ревизора" несколько потупели для нас, между тем как укоры, брошенные Грибоедовым своему обществу, сохраняют всю свою силу и для нашего. Действие в „Ревизоре" менее реально и правдоподобно, более исключительно и вымышленно, чем действие в „Горе от ума". Наконец, язык в „Ревизоре" далеко не настолько типичен, как в „Горе от ума", где всякое лицо говорит вполне особенным своим языком».

Стр. 300. *...о Краевском, исключенном из Слав‹янского› благ‹отворительного› комитета...* — 5 декабря 1876 г. на заседании Петербургского отделения Славянского благотворительного комитета было внесено предложение исключить издателя газеты «Голос» А. А. Краевского из состава Комитета «ввиду его отношения к славянской идее» (т. е. выступлений «Голоса» в пользу мирного решения Восточного вопроса). В отделе «Среди газет и журналов» «Нового времени» (1876, 8 декабря, № 281) приводились отклики прессы на это событие, в том числе «Биржевых ведомостей» (1876, 7 декабря, № 338), которые, указав, что членство в Комитете дает лишь одно право — делать пожертвования, писали: «Поэтому насильственное исключение кого бы то либо из членов благотворительного общества во имя несходства политических мнений есть абсурд, проявление каких-то башибузукских наклонностей...». Исключен Краевский не был (*Г*, 1876, 17 декабря, № 348).

Стр. 300. *Несколько уродливых мнений...* — Возможно, имеется в виду, в частности, следующее заявление П. Д. Боборыкина в первой лекции о русской драматургии, приведенное в отчете «Нового времени» (1876, 8 декабря, № 281): «...раннему нашему знакомству с западными сценами, особенно с французской, мы должны быть обязаны появлением такой самобытной силы, как Фонвизин, и всей плеяды тогдашних драматургов, как Княжнин, Ильин, Крылов, Плавильщиков, Макаров, Попов, Голицын и мн. др.».

Стр. 300. *...в «Голосе» ряд статей о критике и искусстве.* — Имеются в виду «Критические беседы» Е. Л. Маркова (*Г*, 1876, 8 декабря, № 339; 9 декабря, № 340; 13 декабря, № 344; 15 декабря, № 346; 16 декабря, № 347; 20 декабря, № 351; 23 декабря, № 354), посвященные теоретическим вопросам эстетики и литературы, а также разбору произведений И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого. Кроме того, в начале декабря в «Голосе» были напечатаны следующие статьи: Эм ‹А. М. Матушинский›. Художественная хроника. I. Выставка в Академии художеств. — *Г*, 1876, 1 декабря, № 332 (разбор картин И. Е. Репина «Садко» и «Бульварное кафе»); Г. А. Ларош. Музыкальные очерки. — *Г*, 1876, 2 декабря, № 333 (о постановке в Мариинском театре оперы П. И. Чайковского «Вакула-кузнец»).

Стр. 300. *А только что появившееся ∾ о ней ни слова.* — Достоевский записал эту мысль, очевидно, при чтении первой или второй «Критической беседы» Е. Л. Маркова (см. предыдущее примечание), т. е. за день или накануне появления отзыва на «Кроткую» А. М. Скабичевского (*БВ*, 1876, 10 декабря, № 341).

Стр. 300. *Журналы...* — Имеются в виду, наверное, газеты. В этом значении слово «журнал» употреблено Достоевским в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., гл. III, § 2 (наст. изд., т. XXII, стр. 32, 333). Журналом названы, например, «Санкт-Петербургские ведомости» в объявлении о подписке, помещенном в «Кронштадтском вестнике» (1862, 4 ноября, № 101).

Стр. 301. *Красные отрицают всё ∾ примером интернациональной коммуны)...* — Как и предыдущие записи, направленные против «социализма»

и «коммунизма», настоящая запись тесно связана с общей христианско-«почвеннической» окраской системы взглядов позднего Достоевского. Под «социализмом» Достоевский здесь имеет в виду в первую очередь утопические идеи Сен-Симона, Фурье и их последователей (см. общую оценку Достоевским уже в 40-е годы учения Фурье как «мирной» системы, которая «на нашей почве может только существовать или в неразрезанных листах книги, или в мягкой, незлобивой, мечтательной душе...» (наст. изд., т. XVIII, стр. 133—134). Именно в силу своего «мечтательного» характера утопический социализм в условиях самодержавной России, нуждавшейся в радикальном социальном и нравственном обновлении, не мог, по Достоевскому, завоевать сколько-нибудь широкой популярности и должен был закономерно в 60—70-х годах уступить место в передовых, революционных кругах России влиянию идей европейского «политического» социализма и коммунизма. Идеи эти были, однако, неприемлемы для позднего Достоевского, что вызывало постоянные полемические выступления писателя против них на страницах «Дневника писателя». Ср. об отношении Достоевского к социализму и его месте в истории социалистических идей: Ю. Карякин. Антикоммунизм, Достоевский и «достоевщина». — Проблемы мира и социализма, 1963, № 5 (57), стр. 33—41; Н. И. Пруцков. Социально-этическая утопия Достоевского. — В кн.: Идеи социализма в классической русской литературе. Л., 1969, стр. 334—375; *Материалы и исследования*, т. I, стр. 58—82.

Стр. 301. *Буренин, разбирая Григоровича и Потехи‹на›...* — Речь идет о статье В. П. Буренина «Литературные очерки» (*НВр*, 1876, 10 декабря, № 283), в которой разбирались романы Григоровича («Рыбаки» и «Переселенцы») и Потехина («Около денег»), а также упоминались «талантливые работы» писателей демократического лагеря Слепцова, Левитова, Н. Успенского, Г. Успенского и Решетникова.

Стр. 301. *Сущность их сатиры в том, чтоб во всяком хорошем поступке приискать подлеца.* — Эта мысль представляет реминисценцию рецензии на французский перевод романа «Что делать?», с которой Достоевский познакомился по изложению в «Московских ведомостях» (см. примеч. к стр. 299).

Стр. 302. NB. *«Московск‹ие› ведомости», № 316 ∞ никаких завоеваний для себя.* — О передовой статье см. стр. 399, примеч. к стр. 63. По мнению газеты, на конференции Россия не должна и не может делать никаких уступок, так как она «торжественно отказалась от всяких своекорыстных в настоящем деле видов, ‹...› не добивается никаких приобретений, никаких присоединений, никаких политических выгод».

Ведь Россия всё же хочет занять Болгарию... — На предварительных заседаниях конференции Россия выдвинула проект ввода своих войск в Болгарию для защиты болгарского населения и осуществления реформ. Этому проекту и был противопоставлен английский проект создания международных полицейских сил, которые должны были быть поддержаны соединенными флотами в Босфоре. См., например: *НВр*, 1876, 9 декабря, № 282; 13 декабря, № 286; *МВед*, 1876, 3 декабря, № 311.

...подкладочную сущность Парижского трактата разорвала... — «Подкладкой» Парижского договора (см. примеч. к стр. 63) Достоевский считал полное устранение России от решения славянского вопроса на Балканах.

Стр. 302. *Отказ Германии от Парижской выставки...* — См. примеч. к стр. 294.

Стр. 302. *Заметьте тоже, что общество это...* — Этой записью начинаются заметки к намеченной для декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г., но не осуществленной статьи «Сатира. Чацкий. „Ревизор“. Алеко — Щедрин». Из всей этой широко задуманной темы Достоевский вставил в январский выпуск «Дневника писателя» за 1877 г., гл. II, § 3 (наст. изд., т. XXV) только замечание о «неопределенности» современной сатиры.

Стр. 303. *«Ревизор» — Кювье.* — Сопоставляя комедию Гоголя с трудами французского палеонтолога Жоржа Кювье (1769—1832), Достоевский, по всей вероятности, имел в виду, что подобно тому, как знаменитый ученый по одной кости восстанавливал весь скелет вымершего животного, русский сатирик, отталкиваясь от мелкого провинциального городка, проследил всю социальную структуру николаевской монархии «до высочайших петербургских учреждений», как поясняется в последующей заметке в настоящей тетради (стр. 304).

Стр. 303. *Тот черномазенький, он турок или грек.* — Неточно цитируемые слова Чацкого («Горе от ума», д. I, явл. 7):

А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут...

Стр. 303. *Наталья Дмитриевна.* — Персонаж «Горя от ума».

Стр. 303. *...(которого убил Карлов).* — О Карлове рассказывалось, может быть, в несохранившемся письме «о подравшихся офицерах», о котором Достоевский сделал запись в настоящей тетради летом 1876 г. (см. стр. 229).

Стр. 303. *Алеко.* — Герой поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

Стр. 303. *Пушкин кричит про Чацкого...* — Достоевский имеет в виду суждение Пушкина о Чацком в письме к А. А. Бестужеву (конец января 1825 г.): «Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб‹ными›» (*Пушкин*, т. XIII, стр. 138).

Стр. 303. *Свежо предание, а верится с трудом.* — Слова Чацкого («Горе от ума», д. II, явл. 2).

Стр. 303. *...«Пойду искать по свету. Карету мне, карету».* — Слова Чацкого («Горе от ума», д. IV, явл. 14):

Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!

Стр. 303. *Новейшая сатира ∾ Боится краснее себя.* — Речь идет о Щедрине. Ср. ниже план декабрьского выпуска.

Стр. 303. *13 декабря. Понед‹ельник›. Программа декабр‹ьского› дневника ∾ О девочке.* — Из этой программы в декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. были реализованы пункты: первый (гл. II, § 3 «На какой теперь точке дело»), четвертый (гл. I, § 1 «Опять о простом, но мудреном деле»), пятый (гл. II, § 1 «Анекдот из детской жизни»).

Стр. 304. *«Московск‹ие› ведом‹ости›, № 318. Суббота. Замечательнейшая статья ∾ Действительно странное совпадение.* — В передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 11 декабря, № 318), революционная демонстрация 6 декабря (см. примеч. к стр. 51—52) объяснялась «заграничной интригой», рассчитанной на то, чтобы «вызвать призрак революции, якобы разъедающей недра России», приурочив это к Константинопольской конференции и создав тем самым для России дипломатические затруднения. «Мы не отрицаем, — говорилось в статье, — что ближайшие возбудители наших революционеров сами находятся под властью нелепых идей о всеобщем социальном перевороте, который будто бы они призваны произвести; но мы ‹...› совершенно уверены, что в игре замешано нечто более серьезное и что нити главной интриги уходят далеко за горизонт людей, одурманенных революционными идеями». Одним из доказательств

существования подобной интриги «Московские ведомости» считали последний полученный ими номер «Journal des Débats», «весь наполненный сказаниями и рассуждениями о революции, кипящей в недрах России и охватившей ее правительство». Французская газета, согласно изложению «Московских ведомостей», повторяла домыслы об использовании русским правительством «нигилистов» в борьбе с Турцией и предупреждала, что в случае успеха России «придется рассчитываться с революционною партией, которая, подкопав основы общественного порядка в Турецкой империи, возвратится восвояси с вящею силой...». Ср. стр. 306, 311.

Стр. 305. *(Мои догадки ∾ прекрасным.)* — Ср. запись в тетради 1872—1875 гг. (наст. изд., т. XXI, стр. 266).

Стр. 306. *«Москов‹ские› ведомости», № 321 ∾ 6-го декабря.* — В указанном номере «Московских ведомостей» (1876, 14 декабря) излагалось напечатанное в венгерской газете «Пештский Ллойд» сообщение из Петербурга от 1 (13) декабря о подготовке «грандиозной народной демонстрации», которую предполагалось провести «в понедельник» (т. е. 6 декабря) «пред Исаакиевским собором». В этом известии «Московские ведомости» видели подтверждение собственных домыслов о «заграничной интриге»: «Вот интересное доказательство, что безумная демонстрация 6 декабря пред Казанским собором входила заранее в расчет: в пештских газетах пророчески предсказаны были как время, так и место демонстрации в Петербурге».

Стр. 307. *«Новое время», № 289. Заметки об архитектурных занятиях для женщин.* — «Новое время» (1876, 16 декабря, № 289) писало: «Нам сообщают, что одним из наших архитекторов предпринимается ходатайство о разрешении ему устройства бесплатного женского архитектурного класса, задачей которого будет подготовление женщин к занятию при частных архитекторах должностей помощников и чертежников. В составленной по этому предмету предпринимателем записке говорится, что частная архитектурная деятельность по своему характеру в особенности удобна для женщины и что она, если не в роли самостоятельного архитектора, которой могут воспрепятствовать наши строительные законы, то в роли помощницы архитектора может оказать большую пользу».

Стр. 307. *Чацкий: А вам на что?* — «Горе от ума», д. II, явл. 2.

Стр. 308. *«Москов‹ские› ведом‹ости›», № 322. В передовой: ненавистные о русских отзывы в «Débats» и «Liberté».* — В статьях французских газет «Journal des Débats» и «Liberté», пересказанных в передовой статье «Московских ведомостей» (1876, 15 декабря, № 322), говорилось о том, что туркам по состоянию их армии и флота не следует бояться войны с Россией, давались советы тактического характера и доказывалось, что «русский солдат никуда не годится».

Стр. 308. *«Развлечение» ∾ сидеть на мягком.* — Эта запись относится к ответу на статью Энпе, напечатанную в журнале «Развлечение» и присланную Достоевскому ее автором. С этой статьей Достоевский полемизирует в разделах «Запоздавшее нравоучение» и «Голословные утверждения» декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (гл. I, §§ 2—3).

Стр. 308. *Повесть «Пиковая дама» ∾ предпочло Марлинского.)* — Повести А. Марлинского начали печататься в журналах с 1830 г., и до появления «Пиковой дамы» (1834) были напечатаны: в 1830 г. — «Испытание», «Вечер на Кавказских водах в 1824 году»; в 1831 г. — «Лейтенант Белозор», «Наезды»; в 1832 г. — «Аммалат-бек»; в 1833 г. — «Фрегат „Надежда“».

Стр. 308. *Нынче век силы чугунной...* — В статье Энпе говорилось: «Теперь век чугунных понятий...» (цитируется Достоевским; см. стр. 46).

Стр. 309. *Англичанин прежде всего старается быть англичанином ∾ как в виде англичанина.* — Эту мысль Достоевский воспринял, очевидно,

из восьмой статьи Белинского о Пушкине, где она сформулирована от имени «горячих славянолюбов» (*Белинский*, т. VII, стр. 437), и высказывал ее неоднократно в разном контексте: в письме к А. Н. Майкову от 28 (16) августа 1867 г., в «Подростке» устами Версилова (наст. изд., т. XIII, стр. 377), в разделе «Примирительная мечта вне науки» январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. (гл. II, § 1 — наст изд., т. XXV).

Стр. 311. *У нас нет семьи ∾ сказавшего мне это.* — Имеется в виду М. Е. Салтыков-Щедрин. См. примеч. к стр. 51, 250.

Стр. 311. *У меня был проект для них ∾ его изложу.* — Очевидно, речь идет о проекте общества вспомоществования молодежи. См. запись на стр. 249 и примеч. к ней.

Стр. 311—312. *Еще на днях Боборыкин ∾ (другое дело-де в Англии).* — В четвертой лекции о русской драматургии П. Д. Боборыкин, говоря об исторической драматургии, развивал тезис, согласно которому «история еще не делает драмы». Шекспиру и его публике, например, в толковании Боборыкина, не нужна была собственно историческая, реальная правда; их интересовало воплощение на сцене в образах их преданий. Драматург, по мнению Боборыкина, не должен стремиться в пьесах на исторические темы к воспроизведению нравов и языка эпохи, из истории ему достаточно заимствовать лишь «мотив». В исторических пьесах, настаивал Боборыкин, «мы требуем сильной психической борьбы, ярких драматических моментов и стройной интриги». В отчете о лекции, напечатанном в «Новом времени» (1876, 20 декабря, № 293), содержались слова: «...Наша история не изобилует драматическими личностями. Другое дело в Англии».

Стр. 312. *«Новое время», № 293, 20 декаб‹ря›. «Москов‹ские› ведом‹ости›». Удивления бесплодные ∾ Праздная болтовня.* — Из передовой статьи «Московских ведомостей» (1876, 18 декабря, № 325) в отделе «Среди газет и журналов» указанного номера «Нового времени» были приведены следующие слова: «Странные дела творятся на свете, говорят „Моск. вед.“. „Зверства, совершенные в Болгарии и других местах Турции, повторяющиеся в ней периодически, возмутили наконец совесть всей Европы и в Англии отозвались, как в России. И вот Турция, стоящая в качестве подсудимой перед Европой, — Турция, которая самим существованием своим обязана европейской дипломатии, в самом простом деле, не допускающем никакого разногласия ни в людях, ни в государствах цивилизованных, может противопоставлять свое veto совокупной воле всех великих держав! Возможно ли это?!“». Имеется в виду несогласие Турции с условиями, предложенными ей на Константинопольской конференции.

Стр. 313. ...*«Дети»).* — Неосуществленный замысел романа о «детях и отцах», являющийся промежуточным звеном между «Подростком» и «Братьями Карамазовыми». См. подробно: наст. изд., т. XVII, стр. 430—434. Об этом замысле Достоевский рассказал в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. (см. наст. изд.. т. XXII, стр. 7, 317—318).

Стр. 313. *О статье С. Соловьева по Восточн‹ому› вопросу.* — См. примеч. к стр. 272.

Стр. 314. *Декабрь. ∾ Словечко об «ободнявшем Петре».* — Окончательный план декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

Стр. 314. *Семейства нет...* — Слова Салтыкова-Щедрина (см. стр. 511).

Стр. 314. ...*Щедрин, ласкающий ребенка.* — По наблюдению В. А. Туниманова (*Материалы и исследования*, т. III, стр. 102—103), эта запись представляет контаминацию сюжетов и мотивов произведений Щедрина разных лет. Достоевский здесь подчеркивает очень близкую ему черту личности Щедрина, имея, очевидно, в виду следующее его признание в рассказе «Добрая душа» (1869): «Я не могу пройти мимо маленького ребенка без того, чтоб не погладить его по головке или не дать ему пряничка» (*Салтыков-Щедрин*, т. VII, стр. 354).

Стр. 314. *Самоубийство мальчика (экономические причины).* — Возможно, запись относится к самоубийству, о котором Достоевскому писал

М. А. Юркевич (см. примеч. к стр. 295). Но поскольку она находится между заметками, относящимися к Салтыкову-Щедрину, не исключена вероятность, что эта тема затрагивалась в беседе писателей.

Стр. 314. *Вопьюсь в вас.* — Очевидно, реминисценция полемики с М. Е. Салтыковым-Щедриным (статьи «Молодое перо» и «Опять „молодое перо“»), в которой обыгрывалось слово «впиться», употребленное последним в рецензии на письмо в редакцию «Времени» А. Скавронского (псевдоним Г. П. Данилевского), напечатанное в журнале под заглавием «Литературная подпись». См. наст. изд., т. XX, стр. 79. 83, 306. 310.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Места хранения рукописей

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

Печатные источники

Ашукин — Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1966.
БВ — «Биржевые ведомости» (газета).
БдЧт — «Библиотека для чтения» (журнал).
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIII. Изд. АН СССР. М., 1953—1959.
Бельчиков — Н. Ф. Бельчиков. Достоевский в процессе петрашевцев. Изд. «Наука», М., 1971.
Библиотека — Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса, 1919.
Библиотека, новые материалы — Л. П. Десяткина, Г. М. Фридлендер. Библиотека Достоевского. (Новые материалы). — В кн.: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, т. IV. «Наука», Л., 1980, стр. 253—271.
Биография — Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883 (Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, т. I).
Борщевский — С. Борщевский. Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы. Гослитиздат. М., 1956.
ВЕ — «Вестник Европы» (журнал).
ВЛ — «Вопросы литературы» (журнал).
Г — «Голос»(газета).
Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений, тт. I—XXX. Изд. АН СССР— «Наука», М., 1954—1966.
Гоголь — Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. Изд. АН СССР, М.. 1937—1952.
Гончаров — И. А. Гончаров. Собрание сочинений, тт. I—VI. Гослитиздат, М.. 1959—1960.

Гр — «Гражданин» (газета).

Григорович — Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1961.

Гроссман, Семинарий — Л. П. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. ГИЗ, М.—Пг., 1922.

Гюго — В. Гюго. Собрание сочинений в пятнадцати томах, гт. I—XV. Изд. художественной литературы, М., 1953—1956.

Долинин — А. С. Долинин. Последние романы Достоевского. Изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1963.

Достоевская, А. Г., Воспоминания — А. Г. Достоевская. Воспоминания. Изд. «Художественная литература», М.. 1971.

Достоевский в воспоминаниях — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Тт. 1—2. «Художественная литература», М., 1964.

ДП — Дневник писателя.

Д, Письма — Ф. М. Достоевский. Письма, тт. I—IV. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ—«Academia»—Гослитиздат, Л.—М., 1928—1959.

Золя — Э. Золя. Собрание сочинений в двадцати шести томах, тт. I—XXVI. Гослитиздат—«Художественная литература», М., 1960—1967.

Кони — А. Ф. Кони. Собрание сочинений, тт. I—VIII. Изд. «Юридическая литература», М., 1967—1968.

ЛН — «Литературное наследство», тт. 1—92. Изд. АН СССР—«Наука», М., 1931—1981. Издание продолжается.

Материалы и исследования — Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования, тт. I—V. «Наука», Л., 1974—1982.

МВед — «Московские ведомости» (газета).

НВр — «Новое время» (газета).

ОВ — «Одесский вестник» (журнал).

ОЗ — «Отечественные записки» (журнал).

Описание — Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957 (Библиотека СССР им. В. И. Ленина—Центр. гос. архив литературы и искусства СССР—Институт русской литературы АН СССР).

ПГ — «Петербургская газета».

Письма читателей — Письма читателей к Ф. М. Достоевскому. Вступ. статья, публикация и коммент. И. Волгина. — «Вопросы литературы», 1971, № 9, с. 173—196.

ПВ — «Правительственный вестник» (журнал).

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937—1959.

РВ — «Русский вестник» (журнал).

РЛ — «Русская литература» (журнал).

РМ — «Русский мир» (газета).

РС — «Русская старина» (журнал).

Салтыков-Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в двадцати томах, тт. I—XX. «Художественная литература», М., 1965—1977.

Сб. Достоевский, II — Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы, Сборник II. Под ред. А. С. Долинина. Изд. «Мысль», Л.—М., 1924.

СПбВед — «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Тарле — Е. В. Тарле. Сочинения в двенадцати томах, тт. VIII—IX. Изд. АН СССР, М., 1959.

Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. I—XC. Гослитиздат, М.—Л., 1928—1964.

Тургенев, Письма — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I—XIII. Изд-во АН СССР — «Наука», М.—Л., 1961—1968.

Тургенев, Сочинения — И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения, тт. I—XV. Изд-во АН СССР—«Наука», М.—Л., 1960—1968.

Холшевников — В. Е. Холшевников. О литературных цитатах у Достоевского. — «Вестник ЛГУ», 1960, № 8. Серия истории, языка и литературы, вып. 2.
Хохрякова — Л. Симонова (Л. Х. Хохрякова). Из воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском. — «Церковно-общественный вестник», 1881, 11 февраля, № 18, с. 3—5.
Шекспир — У. Шекспир. Полное собрание сочинений, тт. I—VIII. Изд. «Искусство», М., 1957—1960.
1883 — Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, тт. I—XIV. СПб., 1882—1883.

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том XXIV

Редакторы издательства *Е. А. Гольдич* и *Т. А. Лапицкая*
Оформление художников *С. Н. Тарасова* и *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Э. Н. Липпа, А. Х. Салтанаева* и *К. С. Фридлянд*

Сдано в набор 16.10.81. Подписано к печати 21.10.82. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 32.50. Усл. печ. л. 32.50. Усл. кр.-отт. 33.50. Уч.-изд. л. 38.74. Тираж 55000 (1-й завод 1—15000). Изд. № 7958. Тип. зак. 786. Цена 4 р. 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12